ИМЛИ
РАН
1932

Научная серия

EMIGRANTICA

Редакция

Е.Р. Пономарев (главный редактор)
А.В. Протопопова (зам. главного редактора)
Д.В. Зайцев (редактор)
М.С. Щавлинский (ответственный секретарь)

Редакционная коллегия

Ю.А. Азаров
М.А. Васильева
С. Гардзонио
Т.М. Двинятина
Н.В. Корниенко
О.Ю. Панова
Ф.Б. Поляков
Р.Д. Тименчик
В.И. Хазан
М. Шруба
А.В. Бакунцев
Е.Д. Гальцова
Э. Гаретто
В.Л. Кляус
С.Н. Морозов
В.В. Полонский
К.К. Султанов
С.Р. Федякин
А.И. Чагин

E-mail: emigrantica@yandex.ru

Москва
ИМЛИ РАН
2025

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

EMIGRANTICA

Выпуск 3

Составитель Е.Р. Пономарев
Научный редактор Е.Р. Пономарев

ISSN 3034-3518 (Print)
ISSN 3034-3526 (Online)

Москва
ИМЛИ РАН
2025

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Э 55

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

Рецензенты:
М.Ю. Люстров, доктор филологических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
И.Н. Сухих, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Э 55 **Emigrantica**. Вып. 3 / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. — М.: ИМЛИ РАН, 2025. — 592 с.
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3
https://elibrary.ru/TXZOBE
ISBN 978-5-9208-0836-3

В третьем выпуске научной серии «Emigrantica» собраны работы эмигрантоведов из России и других стран мира (Литва, Польша, Италия, Франция, Сербия, Бразилия, Израиль). Выпуск открывается статьей главного редактора, представляющей одну из первых попыток типологического анализа русской зарубежной литературы XX в. (в соединении антропологического и филологического подхода). Отдельные статьи посвящены истории эмигрантологии в Польше, влиянию русской эмиграции на бразильский театр и Соломону Зальцману — фигуре, повлиявшей на издательское дело в России Серебряного века, в Русском зарубежье и в Палестине. Раздел «Personae» посвящен И.А. Бунину, Марку Алданову и эмигрантским писательницам. В качестве приложений к статьям о Бунине и Алданове публикуются неизвестные документы. Раздел «Творческое наследие: поэтика, текстология, эдиционная практика» вобрал в себя работы о поэтах и писателях первой эмиграции (А.В. Амфитеатров, И.И. Савин, З.Н. Гиппиус), включая молодое поколение (публикуются неизвестные письма В.Б. Сосинского и Ю.К. Терапиано), о взаимодействии эмигрантов с представителями французской культуры (Le Studio Franco-Russe) и культуры Югославии (Русский дом в Белграде). Отдельного внимания заслуживают описание женевского архива Е.Д. Кусковой и две публикации материалов представителей третьей волны — писателей и литературоведов (В.Е. Максимов, Е.Г. Эткинд, И.З. Серман, М.Г. Альтшуллер). Выпуск завершается рецензией на новую монографию И.А. Ндяй, посвященную Тэффи.

Издание адресовано литературоведам, историкам, культурологам, изучающим русскую и мировую эмиграцию, а также всем интересующимся литературой и культурой русского зарубежья.

Ключевые слова: эмиграция, миграция, русская эмиграция, литература русской эмиграции, поэтика, текстология.

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-9208-0836-3

© Е.Р. Пономарев, составление, 2025
© Авторы, наследники, 2025
© ИМЛИ РАН, серийное оформление, 2025

Academic series

EMIGRANTICA

Editors

Evgeny R. Ponomarev (Editor-in-Chief)
Anna V. Protopopova (Deputy Editor-in-Chief)
Dmitrii V. Zaitsev (Editor)
Maksim S. Shchavlinskii (Managing Editor)

Editorial Board

Yuri A. Azarov
Anton V. Bakuntsev
Maria A. Vasilieva
Elena D. Galtsova
Stefano Garzonio
Elda Garetto
Tatiana M. Dviniatina
Vladimir L. Klyaus
Natalia V. Kornienko
Sergei N. Morozov
Olga Yu. Panova
Vadim V. Polonsky
Fedor B. Poljakov
Kazbek K. Sultanov
Roman D. Timenchik
Sergei R. Fedyakin
Vladimir I. Khazan
Aleksei I. Chagin
Manfred Schruba

E-mail: emigrantica@yandex.ru

Moscow
IWL RAS
2025

A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

EMIGRANTICA

Issue 3

Collected by Evgeny R. Ponomarev
Edited by Evgeny R. Ponomarev

ISSN 3034-3518 (Print)
ISSN 3034-3526 (Online)

Moscow
IWL RAS
2025

https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3

Approved for print by the Academic Council
of A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Reviewers:
Mikhail Yu. Liustrov, DSc in Philology, Professor of the Russian Academy of Sciences, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Igor N. Sukhikh, DSc in Philology, Professor, Saint-Petersburg State University

Emigrantica. Issue 3, ed.-comp. E.R. Ponomarev, acad. ed. E.R. Ponomarev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2025. 592 p. (In Russian)
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3
ISBN 978-5-9208-0836-3

The third issue of the Emigrantica academic series contains works by scholars of emigration from Russia and other countries of the world (Lithuania, Poland, Italy, France, Serbia, Brazil, Israel). The issue opens with an article by the editor-in-chief, which represents one of the first attempts at a typological analysis of Russian foreign literature of the 20th century (combining anthropological and philological approaches). Several papers are devoted to the history of emigration in Poland, the impact of the Russian emigration on the Brazilian theater, and Solomon Saltzman, a figure who influenced publishing in Silver Age Russia, Russia Abroad, and Palestine. The section "Personae" is dedicated to Ivan Bunin, Mark Aldanov and emigrant women writers. Unknown documents are published as appendices to articles about Bunin and Aldanov. The section "Creative Heritage: Poetics, Textual Criticism, and Traditional Practice" includes works about poets and writers of the first wave of emigration (A.V. Amfiteatrov, I.I. Savin, Z.N. Gippius), including the younger generation of it (unknown letters by V.B. Sosinsky and Yu.K. Terapiano are published), and also works about the interaction of the émigrés with representatives of French culture (Le Studio Franco-Russe) and the culture of Yugoslavia (Russian House in Belgrade). The description of the Geneva archive by E.D. Kuskova and two publications of materials by representatives of the third wave writers and literary critics (V.E. Maximov, E.G. Etkind, I.Z. Serman, M.G. Altshuller) deserve special attention. The issue ends with a review of I.A. Ndiaye's new monograph dedicated to Teffi.

The publication is addressed to Russian literary critics, historians, and cultural scholars who study Russian and world emigration, as well as to anyone interested in literature and culture of the Russian diaspora.

Keywords: emigration, migration, Russian emigration, literature of Russian emigration, poetics, textual criticism.

This is an open access book
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

ISBN 978-5-9208-0836-3

© Research Team, 2025
© IWL RAS, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

I. Общие вопросы

Е.Р. Пономарев. Остраняющий эффект эмиграции: эмигрантская идентичность и типологический подход к литературе Русского зарубежья.....16
И.А. Ндяй. Эмигрантологические исследования в Польше (теоретико-исторический очерк).....77
A. Cavaliere. Russian Theater in Brazil: Emigration and Exile 110
G. Weissblei. The Wanderings of Solomon Saltzmann, a Russian-Hebrew Publisher 124

II. Personae

И.А. Бунин

А.В. Бакунцев, С.Н. Морозов. Нобелевская речь И.А. Бунина: исходный текст 148
М.С. Щавлинский. И.А. Бунин в Югославии в 1937 году 162

Марк Алданов

И.В. Кочергина. «Вы всю мою беллетристическую деятельность считаете ошибкой…»: письма М.А. Алданова к Ю.И. Айхенвальду 220
С.А. Гарциано. Французская энциклопедическая статья Марка Алданова «Les Littératures Non-Soviétiques de Langue Russe» («Несоветские литературы на русском языке», 1936).....240
А.В. Мартынов. «…Потеря его была бы для меня большой бедой»: к истории романа «Истоки» М.А. Алданова 267

Женщины в эмигрантской литературе

О.Р. Демидова. «Варшавский дневник» Зинаиды Гиппиус: His(Her)story Revis(it)ed 282
Т.М. Климова. Телесность как художественное высказывание в творчестве Екатерины Бакуниной.....295
Ю.А. Маричик-Сьоли. Литературное наследие «эмигрантских дочерей»: пути прочтения и перспективы исследования 313

III. Творческое наследие: поэтика, текстология, эдиционная практика

Первая эмиграция

Э. Гаретто. Сведения об архивном наследии А.В. Амфитеатрова в документах русского зарубежного исторического архива.....332
Л.Ф. Луцевич. Публикации Ивана Савина в журнале «Дни нашей жизни» (1923).....346
М. Цимборска-Лебода. Из интеллектуальной жизни русской эмиграции: «Le Studio Franco-Russe» и дискурс о Достоевском.....365
И. Антанасиевич. Книга концертного зала Русского дома как исторический документ.....385
В.И. Хазан. «Военнопленный в отпуску» (письма В.Б. Сосинского Т.А. Осоргиной). Часть 1-я (1943–1945).....428
И.М. Невзорова. «Антологист» Юрий Терапиано в письмах к Елене Рубисовой.....480
М. Шруба. Женевский архив Е.Д. Кусковой.....508

Третья эмиграция

М.Г. Альтшуллер, П.С. Глушаков. Материалы И.З. Сермана и Е.Г. Эткинда в архиве М.Г. Альтшуллера и Е.Н. Дрыжаковой (инскрипты и рецензия).....526
П.С. Глушаков, Д.В. Зайцев, Е.Р. Пономарев. К институциональной истории русской эмиграции: проекты Русского университета и Института русской культуры (В.Е. Максимов и Е.Г. Эткинд).....545

IV. Varia

Ю.Е. Павельева. Мода как ключ к пониманию творчества Н. Тэффи (рецензия на книгу И.А. Ндяй «Мода в жизни и творчестве Надежды Тэффи»).....576

Список иллюстраций.....587
Условные обозначения.....589

CONTENT

I. General issues

Evgeny R. Ponomarev. The Estrangement Effect of Emigration: Emigrant Identity and a Typological Approach to the Literature of the Russia Abroad.....16
Iwona Anna Ndiaye. Émigré Studies in Poland (Theoretical and Historical Essay) 77
Arlete Cavaliere. Russian Theater in Brazil: Emigration and Exile.....110
Gil Weissblei. The Wanderings of Solomon Saltzmann, a Russian-Hebrew Publisher.....124

II. Personae

Ivan Bunin

Anton V. Bakuntsev, Sergei N. Morozov. Ivan Bunin's Nobel Speech: The Original Text.....148
Maksim S. Shchavlinskii. I.A. Bunin in Belgrade in 1937.....162

Mark Aldanov

Irina V. Kochergina. "You Consider My Entire Fiction Activity a Mistake...": Letters from Mark Aldanov to Yuly Aikhenwald 220
Svetlana A. Garziano. French Encyclopedic Article by Mark Aldanov "Les Littératures non-soviétiques de langue russe" ("Non-Soviet Literatures in the Russian Language", 1936).....240
Andrei V. Martynov. "...Losing It Would Be a Big Disaster for Me". On the History of the Novel "Before the Deluge" by M.A. Aldanov.....267

Women in Emigrant Literature

Olga R. Demidova. Zinaida Gippius's "Warsaw Diary": His(Her) Story Revis(it)ed.....282
Tatyana M. Klimova. Physycality as an Artistic Statement in the Works of Ekaterina Bakunina.....295
Youlia A. Marichik-Sioli. Literary Heritage of "Emigration Daughters": Ways of Reading and Prospects of Research 313

III. Creative Heritage: Poetics, Textual Criticism, Editorial Practice

The First Emigration

Elda Garetto. Materials on the A.V. Amfiteatrov's Archival Heritage in the Documents of the Russian Foreign Historical Archive (RZIA).....332

Lyudmila F. Lutsevich. Publications by Ivan Savin in the Magazine "Days of our lives" (1923).....346

Maria Cymborska-Leboda. From the Intellectual Life of the Russian Emigration: Le Studio Franco-Russe and the Discourse on Dostoevsky.....365

Irina N. Antanasievich. The Guest Book of the Russian House Concert Hall as a Historical Document.....385

Vladimir I. Khazan. The Prisoner of War on Leave (Letters from V.B. Sosinsky to T.A. Osorgina). Part 1 (1943–1945).....428

Irina M. Nevzorova. "Anthologist" Yuri Terapiano in Letters to Elena Rubisova.....480

Manfred Schruba. E.D. Kuskova's Genevan Archive..... 508

The Third Emigration

Mark G. Altshuller, Pavel S. Glushakov. Materials by I.Z. Serman and E.G. Etkind in the archive of M.G. Altshuller and E.N. Dryzhakova (Inscripts and Review).....526

Pavel S. Glushakov, Dmitrii V. Zaitsev, Evgeny R. Ponomarev. On the Institutional History of Russian Emigration: The Project of the Russian University Abroad and the Russian Cultural Institute (Vladimir Maximov and Efim Etkind)..... 545

IV. Varia

Yulia E. Pavelieva. Fashion as a Key to Understanding N. Teffi's Work (Review of I.A. Ndiaye's Book "Fashion in the Life and Work of Nadezhda Teffi").....576

List of illustrations.....587

Conventional Symbols.....589

I.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

Научная статья

УДК 821.054.7.0
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-16-76
https://elibrary.ru/ZVGTCE

ОСТРАНЯЮЩИЙ ЭФФЕКТ ЭМИГРАЦИИ: ЭМИГРАНТСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

© 2025 г. Е.Р. Пономарев

Аннотация: Статья представляет собой один из первых опытов типологического описания литературы русской эмиграции XX в. (1920–1991) как единого литературного процесса (от первой к третьей волне), стоящего в стороне как от дореволюционной русской литературы (русской литературной классики), так и от советской литературы. Эта «другая» русская литература, помещенная вне времени и пространства (разбросанная по всему миру и считающая современность не сбывшейся), имеет собственные принципы развития. Их определяют, во-первых, четыре антропологических сдвига (культурно-бытовой, психологический, политический, религиозный; первые два довольно близки), которые переживает всякий эмигрант. Во-вторых, глубочайшее ощущение не только искусства, но и жизни как остранения. Литература Русского зарубежья, по мнению автора, имеет закрытый список тем и особую жанровую систему, внутри которой документальные жанры органично взаимодействуют с большими беллетристическими жанрами, создающими апологию ушедшей России. Герой эмигрантской литературы имеет одни и те же основополагающие признаки от первой до третьей волны: центральными из них можно назвать любовь к идеальной России, раскол интеллигентского сознания, заложенный еще в XIX в. и постепенно преодолеваемый, а также внутреннюю свободу, которая дает новые возможности. Подробные наблюдения, сделанные над репрезентативными текстами всех трех волн, приводят автора к выводу об уникальности литературы русской эмиграции — литературном процессе, как бы вынесенном за пределы всех национальных литератур.

Ключевые слова: литература русской эмиграции, Русское зарубежье, Бунин, Мережковский, Шмелев, Набоков, Варшавский, Газданов, Леонид Ржевский, Дмитрий Кленовский, Иван Елагин, Александр Зиновьев, Аксенов, Войнович.

Информация об авторе: Евгений Рудольфович Пономарев — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия; профессор, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, Набережная р. Фонтанки, д. 15, 191011 г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: eponomarev@mail.ru
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5508-6532

Для цитирования: *Пономарев Е.Р.* Остраняющий эффект эмиграции: эмигрантская идентичность и типологический подход к литературе Русского зарубежья // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Вып. 3 / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 16–76.
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-16-76

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

THE ESTRANGEMENT EFFECT OF EMIGRATION: EMIGRANT IDENTITY AND A TYPOLOGICAL APPROACH TO THE LITERATURE OF RUSSIA ABROAD

© 2025. Evgeny R. Ponomarev

Abstract: The article is one of the first experiments in the typological description of the 20th century Russian emigration literature (1920–1991) as a single literary process (from the first to the third wave), standing apart from both prerevolutionary Russian literature (Russian literary classics) and Soviet literature. This “other” Russian literature, placed outside time and space (scattered all over the world and considering modernity to be unfulfilled), has its own

development principles. They are defined, in the author's opinion, firstly, by four anthropological shifts (everyday-cultural, psychological, political, religious — the two first have common impact) that any emigrant experiences. Secondly, by the deepest sense not only of art, but also of life as passing by, but standing nearby. The author considers the literature of the Russia Abroad to have a closed list of themes and a special genre system, within which documentary genres organically interact with large fiction ones that create an apologia of the bygone Russia. The hero of emigrant literature, according to the author, has the same fundamental characteristics from the first to the third wave: the central ones are the love for an ideal Russia, the split in the intellectual consciousness, which was established back in the nineteenth century and gradually overcome, and the inner freedom that gives new opportunities. Detailed observations made on representative texts of all three waves lead the author to the conclusion concerning the uniqueness of the Russian emigration literature. It had been a literary process flowing outside the frames of any national literature.
Keywords: Russian emigration literature, Russia Abroad, Bunin, Merezhkovsky, Shmelev, Nabokov, Varshavsky, Gazdanov, Leonid Rzhevsky, Dmitry Klenovsky, Ivan Elagin, Alexander Zinoviev, Aksenov, Voynovich.

Information about the author: Evgeny R. Ponomarev, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25 A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia; Professor, F.M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy, Fontanka River Emb., 15, 191011 St. Petersburg, Russia.
E-mail: eponomarev@mail.ru
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5508-6532.

For citation: Ponomarev, E.R. "The Estrangement Effect of Emigration: Emigrant Identity and a Typological Approach to the Literature of the Russia Abroad." *Emigrantica*. Issue 3, ed.-comp. E.R. Ponomarev, acad. ed. E.R. Ponomarev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 16–76. (In Russian)
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-16-76

Литература русской эмиграции XX в. нередко изучается как обычный литературный процесс. Эта структурная ошибка влияет не только на многие рассуждения и выводы, но и на редкие попытки представить общую картину литературы Русского зарубежья. Эмиграция (по крайней мере, массовая политическая эмиграция) — это слом и перестройка всех форм индивидуальной и общественной жизни, поиск моделей

для новой жизни — как индивидуальной, так и всего эмигрировавшего социума; попытка создания новой Родины на новой земле. Это, казалось бы, очевидное соображение (типологически сближающее русскую эмиграцию с американскими «пионерами» и еврейской эмиграцией в Израиль на раннем этапе) не всегда учитывается эмигрантоведами[1]. Все институты общественной жизни (от парламента до церкви) претерпевают в Русском зарубежье существенные трансформации, становятся структурно иными, чем в России; приобретают иные свойства, а иногда и иную природу. Эти трансформации не могут обойти и литературу как общественный институт[2].

Сама отделенность литературы (русской) эмиграции как от литературы метрополии, так и от окружающих ее мировых литератур (отделенность, разумеется, не была абсолютной, см. о разнообразном сотрудничестве русских эмигрантов с культурами стран проживания: [8, с. 208–224; 15; 29; 33; 34]) формирует ее основное свойство — это литература остранения или, иными словами, словесное искусство, возведенное в степень (остранение, по В.Б. Шкловскому, свойственно искусству вообще, но эмигрантская литература — это искусство, существующее в условиях бытового и культурного остранения): не просто позволяющее описать привычное как исключительное, но претендующее на то, чтобы сделать небывшее бывшим, прошлое — настоящим, единичное — повторяющимся. Модернистская школа Серебряного века, которую прошло большинство поэтов и писателей русской эмиграции первой волны, декларирующая магическое значение слова и воспринимающая литературу как модель божественного творения, позволило литературе Русского зарубежья усилить эти смыслы.

Эмиграция в культурно-историческом плане есть выпадение части общества из истории страны. Осознание собственного «выпадения» приходит к эмигрантам не сразу, обычно это занимает несколько лет. При этом «выпавшие» не только имеют возможность наблюдать со стороны дальнейшее развитие покинутой земли, ее культуры, социальных и государственных образований, но и анализировать те исторические ошибки, которые привели к трагическому расколу общества. Эта важнейшая «миссия» эмиграции — переосмысление истории (как недавней, так и давней), перечитывание

---

[1] При этом следует упомянуть некоторые работы, наметившие движение эмигрантики именно в этом направлении [9; 13; 14].

[2] См. обоснование необходимости системного подхода для изучения феномена эмиграции в целом и русской эмиграции в частности [10].

и переписывание ее (в филологическом значении слова: подобно тому, как наполняется новыми смыслами заново читаемая книга) — проступает в большинстве текстов, создаваемых эмиграцией. Особенно беллетристических.

Сама ситуация эмиграции и формирующаяся эмигрантская идентичность продуцируют систему сдвигов в эмигрантском коллективном и индивидуальном сознании. Эти семантические сдвиги можно рассматривать как постоянный фон эмигрантской литературы, а можно полагать и первопричиной необычных трансформаций привычных литературных норм (как и всей интеллектуальной деятельности эмиграции).

Настоящая статья представляет собой одну из первых попыток очертить (пока в самом общем наброске) те типологические черты, которые делают эмигрантскую литературу эмигрантской — особым литературным процессом, существенно отличающимся от литературного процесса, протекающего в метрополии. Нас интересуют базовые, принципиальные, основополагающие черты, сохраняющиеся на протяжении всего существования литературного процесса Русского зарубежья: с 1920 г.[3] по 1991 г.

Три волны эмиграции на протяжении многих лет существования эмигрантики всегда изучались по отдельности (в последние полтора десятилетия ситуация еще усложнилась: практически общепризнанным стало разделение первой волны на старшее и младшее поколения). В этой дискретности, безусловно, есть своя правда: у каждой из волн были собственная аксиология, телеология и эстетика, свое отношение к стране исхода, свой уровень культуры и образования. По этим причинам отношения между разными волнами складывались непросто: первая волна настороженно (и даже с отторжением) отнеслась ко второй, вторая и молодое поколение первой волны недоверчиво воспринимала декларации третьей. И, тем не менее, на сегодняшнем этапе изучения русской эмиграции XX в. имеет смысл сфокусировать внимание не на том, что разделяло эмигрантов разных поколений, а на основополагающих общих чертах эмигрантской культуры и литературного процесса.

Первая часть статьи посвящена системным семантическим сдвигам, которые переживает эмиграция в целом. Эти сдвиги имеют, в первую очередь, общекультурное и психологическое значение,

---

[3] Возьмем в качестве условной даты начала эмиграции эвакуацию Крыма, после которой последние государственные и общественные институты, сохранявшие (весьма призрачную) преемственность от исторической России, перестали существовать.

но в то же время оказывают особенное влияние на развитие литературного процесса. Вторая половина статьи непосредственно рассматривает литературный процесс Русского зарубежья, с одной стороны, в его целостности, с другой — в его замкнутости и ограниченности[4], намечая и прослеживая общие закономерности, вызванные как остраняющим эффектом эмигрантского самосознания, так и остраняющей функцией литературного мировидения.

I. Антропологические аспекты эмигрантской идентичности

1. Русские вне России: культурно-бытовой и психологический сдвиги. Выпадение из прежней культурной парадигмы и попадание в новую, усиленные сменой языка повседневного и культурного общения (в больших эмигрантских диаспорах этот фактор редуцирован, но все равно существует), а также бытовых условий (от регистрации по новому месту пребывания и поиска квартиры до невозможности купить привычные продукты в местных магазинах) меняют не только жизненные привычки, но и отношение к миру. Бинарная оппозиция «родное – чужое», работавшая в качестве модели восприятия мира во время прежних, неэмигрантских поездок за границу[5], трансформируется в более сложную оппозицию, со-

[4] Оговоримся, что русские эмигранты (или дети эмигрантов), писавшие на иных языках (случаи Анри Труайа или Сола Беллоу), на наш взгляд, не имеют отношения ни к русской, ни к эмигрантской литературе. Переход на другой язык (случай Набокова) означает выход писателя за рамки эмигрантской литературы: все написанное им на другом языке относится к другой литературе (за исключением автопереводов на русский язык, которые могут рассматриваться как факты эмигрантской литературы, но особого рода). Переводы произведений эмигрантской литературы на иностранные языки, как и переводы иностранных текстов на русский язык, выполненные эмигрантами, следует считать контактами двух разных литератур. Интерес иностранцев к литературе Русского зарубежья не исключает ее замкнутость и ограниченность.

[5] Принципиальное противопоставление заграничных туристических поездок доэмигрантского времени и отъезда в эмиграцию (жизни в эмиграции) ощущается как в биографиях писателей, так и в их произведениях. Например, в 1920 г., последний раз в жизни оказавшись на рейде некогда любимого им Константинополя, Бунин не хочет даже выйти на палубу [Двинятина, Морозов, с. 92] Константинополь останется для Бунина на всю будущую эмигрантскую жизнь локусом потенциального унижения (дезинфекции, которой подвергались все беженцы, Бунину удалось избегнуть) и всяческого неудобства. См. также финал рассказа «Холодная осень» из цикла «Темные аллеи», связанный с биографией героини до эмиграции и после: «<…> а я жила и все еще живу в Ницце чем бог пошлет… Была я в Ницце в первый раз в девятьсот двенадцатом году — и могла ли думать в те счастливые дни, чем некогда станет она для меня! [38, с. 273]

стоящую как минимум из четырех элементов: «прежнее-родное — чужое, ставшее своим — чужое, оставшееся таковым — прежде родное, ставшее чужим». Все эти элементы имеют как географическое (Родина до эмиграции — новая страна (страны) пребывания — остальной мир — Родина в настоящем), так и социокультурное измерение (вынесенная с Родины национальная культура — попытка продолжить / воссоздать национальную культуру на иной культурной почве; попытка взаимодействия с той культурой (культурами), внутри которых оказался — иные культурные традиции, которые были чужими раньше и таковыми остаются — «новая культура» на Родине, вызывающая неприятие)[6].

Этот фактор культурно-географического (бытового) сдвига, во многом пересекающийся со сдвигом психологическим, одинаково применимый ко всем эмиграциям, обычно не учитывается исследователями русской эмигрантской литературы. Во многом он кажется само собой разумеющимся. Его, кроме того, непросто отследить непосредственно в тексте. Однако некоторые моменты, касающиеся стрессового состояния авторов эмигрантской литературы, могут быть выявлены.

Так, стресс, связанный с бегством, эвакуацией, внезапным перемещением в пространстве во имя спасения жизни породил целый ряд *«стрессовых текстов»* (словосочетание может использоваться в терминологическом значении) о побеге из Советской России / эвакуации из Крыма или с кавказского побережья. Например, «Записная книжка» Д.С. Мережковского (первая публикация в газете «Общее дело» в 1921 г., в 1922 г. в дополненном виде вошла в коллективный сборник «Царство Антихриста» [47]). В газетном варианте (структурно более цельном) она завершалась контрабандным переходом автором и его спутниками польского фронта [46, с. 3]. Или рассказ И.А. Бунина «Конец» (авторская дата: 1921; первая публикация: 1923) об оставлении Одессы и крайне опасном рейсе в Константинополь на французском пароходе, забитом беженцами. Эти попытки художественной передачи момента катастрофы (государственной, армейской и своей собственной, личной) продолжались как минимум десятилетие: см., напр., «Купол св. Исаакия Далматского» (1928) А.И. Куприна или «Воспоминания» (1932) Тэффи.

Другой вид стресса — постоянный стресс человека, вынесенного исторической волной из привычной жизни и живущего там, где ему «все не так», все неудобно, «все не то, чем кажется» — проявляется

[6] Впервые обратила на это внимание О.Р. Демидова [13].

в *«текстах скрытой стрессовой природы»* (второй потенциальный термин, противоположный первому). Таковых текстов очень много. Их можно обнаружить во всех жанрах и во всех тематических сферах литературы эмиграции. Начнем с эмигрантской юмористики, в которой остранение (взгляд на эмигрантскую привычность через «нормальный», т. е. доэмигрантский, окуляр) становится основным и постоянным приемом. Ярким примером может служить рассказ Тэффи «Ке фер?» (1920), заглавие которого превратилось в общеэмигрантскую шутку[7].

Совершенно иная сфера — эго-документы[8]. В эмигрантских дневниках все происходящее с эмигрантами, от бытовых встреч до деловых отношений и политических собраний, рассматривается как случайно-невсамделишное, ибо жизнь, которая проживается в Европе, это не та жизнь, которой (не случись катастрофы) мог бы жить каждый из упоминаемых в дневнике людей. В качестве яркого примера — дневник В.Н. Буниной как исключительное явление эмигрантской литературы [22]. При этом следует учитывать, что для любого обобщающего утверждения такого рода, безусловно, найдутся контрпримеры. Полагаем, что отношение к дневникам проявлялось неодинаковым образом у представителей разных поколений и в разных центрах рассеяния.

Тот же «скрытый стресс» от «чужой жизни» обнаруживается в художественных текстах как старшего поколения (И.А. Бунин, И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев и др.), так и младшего поколения (Вл. Сирин, Г.И. Газданов, В.С. Варшавский и др.) первой эмиграции. Воспоминания о прежней России, организующие сюжеты эмигрантской прозы старшего поколения, свидетельствуют о постоянной попытке вернуться в ту самую жизнь, которая была бы уготована и авторам, и их читателям, не случись революции. Меланхоличность и непрекращающееся раздумье о предопределенной эмиграцией жизненной неудаче чрезвычайно характерны для творчества молодого поколения, даже самых успешных его представителей. Интересно, что молодые эмигранты-литераторы сравнивают себя с великими поэтами (художниками) прошлого, помещая себя и их в общий ряд метафизических «побегов» — см., напр., в раннем произведении В.С. Варшавского «Шум шагов Франсуа Виллона» (1929):

---

[7] Показателен литературный вечер сразу трех авторов: Тэффи, Дона Аминадо и А.А. Яблоновского — проведенный под этим обобщающим заглавием (см. обзор вечера: Общее дело. 1921. 16 мая. № 304. С. 2).

[8] См. об эго-документах вообще и эго-документах эмиграции [1; 16].

«Я раньше думал, что страх и беззащитность родились только в душах людей двадцатого века, но ведь уже Франсуа Виллон корчился на дыбе и Микеланджело бежал из Флоренции. Страх, и беззащитность, и бегство. Их преодолевает только величайший гений» [39, с. 318]. Герои молодой эмиграции тоже много вспоминают о России, но еще более скрытого стресса в их размышлениях об эмигрантской жизни: они на обочине жизни; европейская жизнь для большинства из них закрыта. Собственно, сама формула Варшавского «Незамеченное поколение» (1956), родившаяся позднее, той же психологической природы.

Этот процесс протекает не только в литературе первой волны эмиграции. Он по-своему реализуется в литературе второй и третьей волн. Вторая волна мировоззренчески ближе молодежи первой волны, «незамеченному поколению». Существенное отличие в том, что вторая волна счастлива своей «незамеченностью». Это именно то, что позволило ей выжить в военной мясорубке. Невсамделишность эмигрантской жизни воспринимается второй волной как норма: игрушечность старой Европы (точнее, того, что от нее осталось) и грандиозность США — это возможность увидеть и оценить иные пространства, которые в прежней (советской) жизни казались мифическими, несуществующими. Таким образом, эмиграция (на несколько иной основе) ощущается и ими как прямое попадание в совершенно иную жизнь, по сравнению с той, что ожидала их на Родине. При этом они не оценивают свой опыт негативно: негативной оказывается прежняя жизнь в СССР, а эмиграция — возможностью выстроить нормальную жизнь с нуля, вопреки потерянным десятилетиям невсамделишной советской жизни. Основным настроением второй эмиграции становится желание прожить вторую половину собственной жизни мирно, частным образом, без потрясений и величия — вплоть до потери собственного имени (почти вся вторая эмиграция меняет фамилии, иногда имена целиком — и пишет под новым именем). Вторая эмиграция как бы выворачивает наизнанку основную идею «незамеченного поколения».

«Стрессовыми текстами» второй эмиграции становятся истории сделанного (далеко не всегда сознательно) эмигрантского выбора: попадания (без сознания) в плен, сотрудничества (непрямого) с немецкими властями, отказа возвращаться в СССР, ухода с оккупированных территорий перед приходом советских войск. К ним же примыкают (как бы оправдывающие выбор) тексты о пережитом в советской жизни государственном терроре. Стрессовость (крайне редко попадающая в художественный текст) прочитывается в

воспоминаниях о допросах, которые так или иначе проходили все представители «ди-пи», доказывая английским и американским администрациям свою непричастность к военным преступлениям (и военным действиям вообще). Например, повторяющиеся сюжеты, связанные с попаданием в плен, в рассказах, повестях и романах Леонида Ржевского (Л.Д. Суражевского)[9] или стихи Ивана Елагина (И.В. Матвеева) о сталинских репрессиях и войне.

«Тексты скрытой стрессовой природы» столь же многогранны и у эмигрантов второй волны. Помимо меланхолической тоски (которая часто направлена на потерянные советские годы, но, вместе с тем, и на эмигрантскую жизнь), стресс выражен в виде постоянного метафизического страха. Это страх ощущается ими как врожденный: он вынесен из советской жизни, а также из опыта выживания во время войны. Чувство страха постоянно сопровождает не только воспоминания об СССР, но и повествование о спокойной жизни в эмиграции: это незаслуженное счастье может в любой момент оборваться. К нему добавляется и (постоянно ощущаемый в подтексте как прозаических, так и стихотворных текстов) страх вновь оказаться в советской юрисдикции (насильственное возвращения в СССР — частый сюжет в текстах конца 1940 гг.).

Выход такого страха наружу обнаруживаем в эго-документе — одном из писем Дмитрия Кленовского (Д.И. Крачковского) к архиепископу Иоанну Сан-Францисскому (Д.И. Шаховскому). В декабре 1969 г. архиепископ Иоанн, выступая по «Голосу Америки», назвал настоящую фамилию поэта Дмитрия Кленовского, жившего в ФРГ, — Крачковский. Тот был не просто обижен, но и страшно испуган. В письме, написанном сразу после передачи, он упрекал своего корреспондента:

> Если СССР вторгнется в Западную Германию — все его бывшие граждане, в ней проживающие, станут его добычей, и их выловят по готовым спискам всех до одного для последующей расправы. Вот потому-то все эмигранты, живущие в Европе, и особенно в Германии, всячески скрывают всякие о себе данные, так приходилось и приходится поступать и мне: и до сегодняшнего дня мой литературный псевдоним ни в печати, ни в радио раскрыт не был. Теперь это произошло и обоих нас [т. е. самого Д. Кленовского и его жену. — *Е.П.*] чрезвычайно встревожило [52, с. 249].

[9] Подробнее см. [23].

Третья волна, как и вторая, попадает в мир мифического Запада и пробует собственные возможности в новых обстоятельствах. Свое навсегда остается дома (возвращение до 1991 г. было практически невозможно), чужое пытается стать своим. Начальных стрессовых текстов у эмигрантов третьей волны значительно меньше (разве что в поздних воспоминаниях некоторые из них расскажут о трудностях не столько отъезда из СССР, сколько получения разрешения на отъезд). Но стресс повседневности (неудачные попытки войти в другую жизнь, ощущение себя во враждебном или, что еще хуже, безразличном окружении) проступает постоянно и выходит на уровень основных тем: «Это я — Эдичка» (1976; первая публикация: 1979) Э. Лимонова, «Гомо советикус» (1981) А.А. Зиновьева.

Таким образом, культурно-бытовой сдвиг (инициирующий и сдвиг психологический), несмотря на частные различия, сопровождает все три волны эмиграции и постоянно просвечивает сквозь литературные тексты — как художественные, так и эго-документы. Он выступает и как основная тема, и как постоянный фон произведений, и как часть общего мироощущения авторов и читателей. Этот сдвиг с первых дней эмиграции вызывает остранение, формирующее эмигрантское сознание. Своя собственная жизнь, как и жизнь вокруг, начинает восприниматься как «не со мной происходящее». Как литература наяву.

2. Русские, но не советские: сдвиг политический. Смена места жительства в условиях массовой политической эмиграции в любом случае становится политическим жестом. В конечном счете оказывается неважно, кто нелегально перешел границу, кто эвакуировался вместе с потерпевшими поражение белыми, кто был выслан на философских пароходах, а кто выехал в Европу в международном вагоне с советским паспортом. Само проживание за рубежом[10] осознается как протест против происходящего в метрополии[11]. По этой

[10] Следует оговориться, что не любое проживание за рубежом имеет политический подтекст. Покинувшие Россию до Первой мировой войны и революции (например, А.П. Павлова или И.Ф. Стравинский) не осмысляли свой отъезд из России как эмиграцию. Во многих случаях не осмысляли как эмиграцию и дальнейшую жизнь вне России. Другая группа, еще менее относящаяся к эмиграции, — советские граждане, проживавшие за рубежом именно как граждане СССР, никогда не переходившие на положение эмигрантов и не причислявшие себя к ним (случай И.Г. Эренбурга).

[11] Основной причиной выезда за рубеж для большинства эмигрантов был поиск защиты (от прямой опасности собственной жизни и тотального насилия). Со временем этот смысл редуцировался, на первый план вышло идейное несогласие с происходящим в метрополии. Это хорошо видно при сравнении эмигрантских текстов начала 1920 гг., с одной стороны, и конца 1920 гг. – начала 1930 гг., с другой.

причине и вся новая жизнь эмигранта получает постоянный политический подтекст.

Логическое основание этому подтексту обеспечивает продолжение за границей деятельности российских партий и политических объединений, враждебных большевикам[12], а также появление объединяющих Зарубежье церковных организаций, претендующих на непрерывность православной традиции, унаследованной от церковных институтов Российской империи[13]. Формирование в городах рассеяния разного рода общественных организаций (или как бы восстановление прежних, унаследованных от покинутой страны, — как в случае с Земгором), включая даже благотворительные общества, предполагало не только деятельность социальную, но и активность политическую: в то время как в географической России господствуют ненависть и насилие, эмигранты помогают друг другу из гуманитарных соображений.

Этот политический подтекст всякой эмигрантской деятельности опирается на интеллигентскую традицию (согласно которой любая профессиональная деятельность есть общественное служение), на православную традицию (любая общественная работа — включая благотворительную — есть религиозное служение), а также на собственно эмигрантскую идею сохранения России и русских традиций за рубежом (основная задача русской общественности в эмиграции — выживать для последующего возвращения и устроения новой России).

Ярким и наиболее важным примером общественной организации с сильнейшим политическим подтекстом является Русский общевоинский союз. Его образование в 1924 г. было связано с идеей сохранения Русской армии как государственного института. В дальнейшем члены РОВС, занимаясь разной профессиональной деятельностью, рассматривали союз как свою «иную жизнь» — с од-

---

[12] В первые годы, как известно, осуществлялись попытки сформировать представительные органы законной российской власти (совещание послов, съезд бывших членов Учредительного собрания, образованные в Париже и Константинополе Политические совещания), а также провести объединительные съезды политических сил эмиграции (в 1921 г. с опорой на бывшие демократические партии, в 1926 г. с ориентацией на монархические круги). Но живыми формами политической жизни оказались только партийные объединения (группировавшиеся вокруг того или иного печатного органа).

[13] Карловацкий собор как церковное объединение эмиграции оказался значительно успешнее политических съездов. Дальнейшее развитие и дробление зарубежной церкви связано не столько с внутренними идейными конфликтами, как было в политической жизни, сколько с реакцией на внешние вызовы.

ной стороны, воспоминание о воинской героике, с другой стороны, возможное в любой момент возвращение в ряды Белой армии. Восстановления армии, как известно, не случилось[14], и РОВС продолжил свое существование после Второй мировой войны уже скорее как мемориальная организация, чем реальная военная сила.

Литературный процесс в этих условиях неминуемо приобретает политические черты. В первые годы эмиграции формируется положение, когда крупнейшие писатели сотрудничают в политизированных (имеющих собственные политические позиции и амбиции) эмигрантских газетах. Так, в 1920–1922 гг. в парижском «Общем деле» (издатель и главный редактор — В.Л. Бурцев), претендовавшем на объединение всех демократических сил эмиграции, публикуются Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, И.А. Бунин, А.И. Куприн, Тэффи, Саша Черный, Г.Д. Гребенщиков и др. Многие из них не только печатают в крупнейшей газете русского Парижа свои новые произведения, но и выступают в ней с политической публицистикой[15]. Для некоторых из них (Мережковский) роль публициста привычна, некоторые же (Куприн и Бунин) только в годы Гражданской войны стали пробовать себя в этом жанре. Писателей и журналистов (Бунин и др.) — практически как политиков, как выразителей русского общественного мнения — вводят в состав парижского Политического совещания, подобие парламента в изгнании (а в 1921 г.

---

[14] Попытки восстановления армии были предприняты, во-первых, в ходе Советско-финской войны, во-вторых, в первые годы Второй мировой войны. В целом, восстановление Русской армии не удалось. Оставим за скобками различное использование некоторых структур РОВС в ходе Второй мировой войны. Это, в любом случае, было совсем не то, о чем мечтали в первой половине 1920 гг. П.Н. Врангель и его соратники.

[15] Показательно, например, что И.А. Бунин, едва приехав в Париж, ищет ту политическую силу (газету), которую следует поддержать (до 1918 г. у Бунина не бывало желания участвовать в политике). В дневнике В.Н. Буниной (запись от 17–30 апреля 1920 г.) записан диалог, который Бунин вел с Г.Е. Львовым: «Ян <так В.Н. Бунина называла мужа. — *Е.П.*> все это подтвердил, а потом перевел разговор на другое. “Я хотел, — сказал он, — спросить вас о Бурцеве”. / Львов сказал, что с Бурцевым работать нельзя, во-первых, он бестолков, а во-вторых, деспотичен: “Вы посмотрите, ведь за два года он никого не привлек <вероятно, речь идет о политиках, близких Львову. — *Е.П.*>”, а в-третьих, у него и денег нет. / Ян возражал, что все-таки он единственный, кто делает полезное дело, что нужно ему помочь и т. д. Львов выражал большое сомнение в возможности работать рядом с Бурцевым. / “С кем же связаться, — спрашивал Ян, — я и то думаю, что остается один Савинков”. Тут Львов очень энергично восстал: “Только не с Савинковым, он аморальная личность. Этот человек может кого угодно продать”. — “Но ведь Корнилов любил его?” — сказал Ян» (Русский архив в Лидсе. MS 1067/367).

на Съезде национального объединения Бунина и Куприна избирают в Российский национальный комитет — подобие правительства в изгнании). Если говорить об иных центрах Зарубежья, показателен поворот к публицистике М.П. Арцыбашева с его «Записками писателя», печатавшимися в варшавской газете «За свободу!». А также политическая публицистика редактора этой газеты Д.В. Философова, создававшаяся в Польше [54]. В то же время крупные политические фигуры революционных лет (например, бывшие министры А.Ф. Керенский, Н.Д. Авксентьев, П.Н. Милюков) становятся редакторами эмигрантских газет и журналов. А бывший комиссар Черноморского флота и депутат Учредительного собрания И.И. Фондаминский — один из немногих политиков с философским складом ума — стал соредактором журнала «Современные записки», уподоблял эмиграцию рыцарскому «ордену» и (несколько позднее, в 1931 г.) основал философско-религиозный журнал «Новый град».

Встречный процесс — изменение деятельности ученых-гуманитариев, философов и литераторов, политически нейтральных в прошлом: превращение их в идеологов, общественных деятелей и политиков нового типа. Ярчайший пример такого рода — И.А. Ильин, переквалифицировавшийся из профессора правоведения в идеолога Белого движения и идеолога РОВС (хотя сам никогда в армии не служил и в Белом движении участия не принимал), а также идейно близкий ему писатель И.С. Шмелев. Левый и либеральный лагеря русской мысли испытали те же трансформации: историк-медиевист Г.П. Федотов, оказавшись в эмиграции, помимо статей по средневековой истории, начал писать политические статьи, а также преподавать в Богословском институте; другой медиевист П.М. Бицилли приложил руку к первым формулировкам евразийских идей. Отметим исключительную близость между русской литературой и русской философией в эмиграции — значительно более существенную, чем в дореволюционной России. Объяснение этому факту лежит в первую очередь в политической плоскости: философия начинает сознательно работать на политику, как и литература. Риторические пассажи Ильина, объясняющие вчерашним белогвардейцам суть их подвига, выстроены столь же литературно, как и бердяевская формулировка «нового средневековья» или концепция философии свободы.

В дальнейшем литературный процесс (и сопутствующая ему философская мысль) перестанут прямо преследовать политические задачи. Формулировка, предложенная «Современными записками» и поддержанная эмигрантским консенсусом — публикация художественной литературы не зависит от политических взглядов

ее авторов[16], — принимается ведущими эмигрантскими изданиями. Тем не менее политический подтекст неизменно проступает в литературном творчестве. Политической становится любая религиозная тема (поскольку уважительное отношение к религии само по себе противостоит советской пропаганде), а также любая тема, связанная с прежней Россией (ибо один из краеугольных камней советской пропаганды — отрицание какой-либо ценности дореволюционной российской жизни). Этот политический подтекст может не прочитываться изнутри эмигрантской культуры, но сразу же прочитывается снаружи — в СССР. Показателен отзыв о романе Бунина «Жизнь Арсеньева», принадлежащий Ф.Ф. Раскольникову, на тот момент одному из руководителей всего советского искусства: «В новом автобиографическом романе “Жизнь Арсеньева” Бунин с умилением описывает православные церкви и в припадке монархического умоисступления посвящает прочувствованные лирические страницы бывшему великому князю Николаю Николаевичу» [50, с. 3]. Прощание с великим князем Николаем Николаевичем младшим, которым завершался роман в первом книжном издании (1930), оказывается для Раскольникова основным содержанием произведения. В то время как эмигрантская критика, хорошо знающая о том, что Бунин совсем не монархист, не придает этой детали большого значения. Точно так же обстоит дело с подробным описанием церквей древнего русского города, в которые иногда заходит Арсеньев, и использования в романе текста православных служб. Для эмигрантского читателя это привычно и не бросается в глаза. Для советского читателя Раскольникова все православное однозначно маркирует идейного врага.

У молодого поколения первой эмиграции, намного реже заглядывавшего в прошлое России, чем старшее, априори антисоветским оказывается ощущение внутренней свободы. Оно становится чем-то более важным, чем минусы жизни на чужбине. Пересмотр идей-

[16] «Нашему журналу суждено выходить в особо тяжких для русской общественности условиях: в самой России свободному, независимому слову нет места, а здесь, на чужбине, сосредоточено большое количество культурных сил, насильственно оторванных от своего народа, от действенного служения ему. Это обстоятельство делает особенно ответственным положение единственного сейчас большого русского ежемесячника за границей. “Современные Записки” открывают поэтому широко свои страницы, — устраняя вопрос о принадлежности авторов к той или иной политической группировке, — для всего, что в области ли художественного творчества, научного исследования или искания общественного идеала представляет объективную ценность с точки зрения русской культуры» [49].

ного наследия и «хранимых заветов» (выражение Г.П. Федотова[17]) проявляется именно у молодого поколения: ярчайший пример — вставное эссе о Н.Г. Чернышевском из романа В. Сирина (Набокова) «Дар», ставящее под сомнение все десятилетия священной борьбы с самодержавием, а главное — ценности, ради которых велась эта борьба. Нарочитое снижение фигуры Чернышевского, практически канонизированной как в СССР, так и в социалистических кругах эмиграции, а также прочерчивание идейных связей между ним и Лениным (всей большевистской диктатурой) придает роману о жизни русского эмигранта философско-политическое звучание.

Сразу после Второй мировой войны происходит попытка сближения литератур метрополии и эмиграции (вплоть до того, что некоторые произведения советской литературы, большей частью исторические романы, станут публиковать в эмигрантских газетах — величие исторической России становится главной точкой сближения). Однако с началом холодной войны и сменой эмигрантских поколений (попаданием второй эмиграции в эмигрантский мэйнстрим) политизированность литературного процесса усиливается. Журнал «Грани» и издательство «Посев» руководствуются в своей деятельности идеологией Народно-трудового союза, в том числе и при выборе художественных текстов; радиостанция «Свободная Европа» принимает непосредственное участие в противостоянии западного мира и социалистического лагеря. Часть дипийцев активно участвует в идейной борьбе с СССР — через проекты НТС или работу на «Свободной Европе» (здесь, как и в «Новом журнале», «Новом русском слове» или «Русской мысли» они действуют плечом к плечу с остатками первой эмиграции, ее молодым поколением) — политическое значение их деятельности очевидно. Появившееся на несколько лет в Нью-Йорке «Издательство имени Чехова» соединяет в своем штате эмигрантов первой и второй волн и публикует тексты, написанные авторами как первой, так и второй волны.

Исповедальная тематика текстов второй эмиграции (сталинские репрессии, «обратная сторона» Второй мировой войны, тайная религиозная жизнь советского человека) бросает прямой вызов советской идеологии. Литература Зарубежья рассказывает о том, о чем советская литература должна молчать. Так, проза С.С. Максимова (Пасхина) повествует о советских лагерях (книга рассказов «Тайга»,

---

[17] Из работы «Трагедия интеллигенции» (1926): «Но либерализм не создает ни одной новой идеи; он несет вместе с народничеством вахту у знамени “хранимых заветов”» [53, с. 94].

1952) и деревенской жизни на Волге на фоне коллективизации и сталинских репрессий (роман «Денис Бушуев», 1958). Книги о войне (ранняя проза Л. Ржевского, книга А.А. Дарова (Духонина) «Блокада», 1945) разоблачают советский официоз в освещении страшных и грандиозных событий, выпавших на долю россиянина середины XX в. Со стороны авторов «ди-пи» это осмысляется как выполнение основной (политической) задачи своей жизни: рассказать сложную правду, не вмещающуюся в матрицы пропаганды, — в том числе в память о тех, кто погиб и уже не сможет ничего рассказать.

Литература третьей эмиграции тоже включается в политическое противостояние систем. А.А. Зиновьев в серии своих романов, начатых «Зияющими высотами» (1976), исследует и объясняет западному миру специфику советского мышления; В.П. Аксенов развивает идею Другой (Белой) России в романе «Остров Крым» (1979; первая публикация: 1981); В. Максимов в «Семи днях творения» (1971) и других произведениях рассказывает о том, как вера в Христа заставляет человека отвергать классовое учение. Воспитанные эпохой оттепели, авторы третьей волны хотят быть не только свободными духом, но и независимыми от любых государственных идеологий и предписаний (поэзия И.А. Бродского, ранняя проза Э. Лимонова). Часть литераторов третьей волны, вышедшая из диссидентского движения, пытается формировать собственную литературную политику: В. Максимов объединяет в журнале «Континент» диссидентскую публицистику и свободную русскую литературу с диссидентской мыслью и оппозиционными литературами стран социализма. Такого союза антисоветских наций литература эмиграции ранее не знала.

Можно констатировать, что идея Ильина о том, что сама жизнь эмигранта есть борьба с советской властью, остается актуальной на протяжении всего существования литературы Зарубежья. К ней добавляется столь же устойчивая на протяжении десятилетий идея Бунина (из программной речи «Миссии русской эмиграции»,1924): задача эмиграции — сохранение и преумножение подлинной русской культуры.

В свете этих идей любое литературное произведение, созданное в эмиграции, обретает политическое звучание — даже если авторская интенция от политики далека. Приведем лишь один пример с рассказом Бунина «Ловчий» (авторская дата: 1943; первая публикация: 1946), посвященном охоте. Он написан под сильнейшим влиянием охотничьей прозы С.Т. Аксакова (см. записные книжки Бунина [37, с. 566–567, 573–575]), но рассказывает не столько об охоте, как

у Аксакова, сколько о России, потерянной навеки. Повествование погружено в дореволюционное прошлое, рассказчиком (тогда интервьюируемым барчуком — теперь мальчик вырос и оказывается в роли повествователя) выступает доживающий свой век бывший бабушкин повар, который ранее (сложная система постепенного погружения в прошлое) был ловчим. В основе рассказа — объяснение значений слов, неизвестных уже (и повествователю, и всем читателям) охотничьих терминов. Перед нами прямое следование задаче сохранения культурных смыслов и русского литературного языка.

Политизированность любого текста придает художественной прозе публицистический отзвук (и даже в цикле рассказов Бунина «Темные аллеи» прочитывается как географический (культурно-бытовой), так и психологический сдвиг эмигрантского сознания [27]). А любое воспоминание о прошлом, любой жизненный эпизод, происходящий в настоящем, записанный или нет, начинает восприниматься как оживающая публицистика, показательная демонстрация узуса русской культуры: мы живем и пишем не по-советски; мы настоящие русские.

3. Русские и православные: сдвиг религиозный. Появление в первые годы изгнания Русской зарубежной церкви было, как говорилось в предыдущем разделе, событием политическим, утверждавшим Зарубежную Россию как альтернативу России советской. Однако возможность существования православной церкви — с привычными обрядами и церковным бытом — рядом с новым местом жительства русского эмигранта определяло его уже не политическое, а духовное самочувствие. Человек имел возможность молиться, как он привык, и поверять свои душевные сомнения священникам и иерархам, говорящим на его родном языке.

В знаковом плане церковь была, во-первых, главным институтом, объединяющим города и страны в Русское Зарубежье, во-вторых, живым свидетельством духовной свободы. Само ее существование в западном мире (в противовес запрету любых религиозных практик в СССР) определяло для многих верующих эмигрантов смысл пребывания вне Родины. Для эмигрантов невоцерковленных, в свою очередь, церковь была наиболее авторитетным национальным институтом. В плане бытовом церковь — локус массовых встреч эмигрантов между собой, место общения на родном языке (не только в лингвистическом, но и в культурологическом измерении). Разумеется, далеко не все эмигранты исповедовали православие — в так называемой «русской диаспоре» существовали практически все основные деноминации христианства, а также другие веры [12; 28].

Важную роль в сближении церкви и быта сыграли идеологические установки эмигрантских философов. В брошюре «Родина и мы» (1926) Ильин назвал задачей всех эмигрантов углубление в себя, очищение собственного духа и, тем самым, сохранение духа своего Отечества, уподобив жизнь эмигранта духовному деланию подвижника. Близко к этому формулировал задачи религиозного возрождения (стоявший на совсем иных политических позициях, чем Ильин) журнал «Путь» в программной статье «Духовные задачи русской эмиграции» (1925): «Лишь напряженной духовной жизнью, лишь верностью идее России может русское рассеяние сохранить себя как единый русский народ <…>» [41, с. 4]. Духовная работа (или духовное делание) становились, таким образом, частью эмигрантской повседневности[18].

С первых же лет эмиграции популярность церкви и церковной жизни — в совершенно разных ее проявлениях — неуклонно растет. Так, в указанный 1926 г. начинается религиозное служение матери Марии (Е.Ю. Скобцовой), в том же году принимает монашеский постриг под именем Иоанн Д.А. Шаховской — юный представитель громкой аристократической фамилии (для дореволюционной России такое было совершенно не характерно). В том же 1926 г. году В.Н. Бунина, как известно нам по ее дневнику и письмам, начинает соблюдать все церковные обряды и обретает подлинную веру — и таких «бытовых» возвращений в лоно церкви, надо думать, было достаточно много. Отметим, что все перечисленные лица — литераторы.

Сближение литературы с церковью стало одной из ключевых тенденций эмигрантской культуры. Это было связано как с демократизацией церкви после Поместного собора 1917–1918 гг., так и с религиозным преображением интеллигенции (религиозное умозрение Серебряного века перешло на новый уровень под влиянием страданий революционных и военных лет). Мощное движение русской философской мысли в сторону церкви (как в области тематики, так и институционально: целый ряд русских философов — начиная с С.Н. Булгакова, принявшего церковный сан еще в России в 1918 г., — влился в церковную иерархию) соединялось с увеличением количества воцерковленных писателей (Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев) и новых религиозных проектов литераторов-интеллектуалов (например, журнал «Новый град» — инициатива И.И. Фондаминского). Этот

[18] О реализации (сознательной или бессознательной) идеологических установок Ильина в произведениях эмигрантской литературы см. [25].

процесс не останавливался в ходе Второй мировой войны и после нее (отметим продолжающееся влечение к церкви «эмигрантских детей» — благодаря интенсивной работе РСХД с эмигрантской молодежью в основных странах рассеяния, а также благодаря живому интересу к религии у старшего поколения первой волны[19], обращение к церкви бывших советских граждан — эмигрантов второй волны). Вероятно, не столь интенсивно процесс протекал в среде третьей эмиграции, однако посещение церкви как объединяющего национального института стало важным ритуалом и у эмигрантов конца 1970–1980 гг.

Для литературы русской эмиграции это означало особое отношение к православной традиции и церкви (как в настоящем, так и в прошлом). Например, если в дореволюционных текстах Бунина можно заметить антицерковные пассажи в духе Л.Н. Толстого, то в эмигрантском его творчестве такое невозможно: любая православная тема трактуется с исключительным уважением. В произведениях Б. Зайцева («Путешествие Глеба») и Шмелева («Лето Господне») в центре повествования оказываются религиозные практики главных героев; в романе Бунина «Жизнь Арсеньева» церковные службы, посещаемые главным героем, также играют идейную роль. С другой стороны, в общий поток эмигрантской литературы вливались и сочинения церковных деятелей: как в области религиозной философии (а также истории философии, рассмотренной с церковно-религиозной точки зрения: Г.В. Флоровского, В.В. Зеньковского), так и в области беллетристики (поэзия о. Иоанна (Шаховского), публиковавшаяся под псевдонимом Странник). Среди эмигрантов второй и третьей волн встречались авторы, еще успевшие получить православное воспитание и выражавшие в своем творчестве религиозные идеалы (Д. Кленовский), а также авторы, обретшие веру своим особенным личным путем (Б.Н. Ширяев, А.И. Солженицын, В. Максимов). Поэты и писатели, далекие от религии, как правило, принимали то уважение, с которым относились к вере и церкви другие (см., напр., финал романа В.П. Аксенова «Остров Крым»). Эмигрантский читатель последних десятилетий эмиграции (выросший в СССР и прошедший курс атеистического воспитания),

[19] Упомянем созвучное постригу Д.А. Шаховского твердое стремление еще одного представителя блестящей аристократической фамилии кн. Б.А. Бобринского (1925–2020) стать священником, которое было реализовано им в 1959 г. В дальнейшем о. Борис станет одним из самых ярких деятелей зарубежной церкви второй половины XX – начала XXI вв.

с большим интересом и глубоким уважением открывавший для себя церковную жизнь и/или общение внутри церкви, иного отношения бы не понял.

Таким образом, религия для эмигранта перестает быть исполнением привычного обряда, как многие воспринимали официальное православие до революции. Посещение церкви (хотя бы изредка) становится жизненной необходимостью. Демократичность церковного эмигрантского быта соединялась с открытостью и доступностью православных священников и иных религиозных учителей (например, профессоров Богословского института). Духовниками многих русских парижан могли быть философы и богословы, а не «профессиональные» иерархи, как в прошлом. Религиозные учителя принимали участие в политической и культурной жизни эмиграции: печатались в периодике, выступали с докладами и лекциями. В этой ситуации религия оживала, становилась ближе и убедительней. И одновременно — пропитывала быт, преображая его в религиозном плане. Чем бы ни занимался эмигрант, он воспринимал свою собственную жизнедеятельность как малую часть большой религиозной миссии Зарубежья.

Весьма типической нотой звучит религиозный опыт Б.Ю. Поплавского, «<…> избравшего путь добровольной аскезы и медитации как способ возможного обретения Бога. Свой опыт он зафиксировал в дневниках и воссоздал в романе “Домой с небес” <…>» [12, с. 235] — по наблюдению Г.В. Адамовича, молитва заносилась на бумагу, становясь «литературным фактом» [12, с. 235]. Чрезвычайно значимой кажется выделенная О.Р. Демидовой религиозная роль литературного объединения «Парижская нота», сыгравшей, как ни удивительно, «<…> самую существенную роль в преодолении молодыми <…> ощущения богооставленности <…>» [12, с. 243].

Таким образом, религиозный сдвиг, сблизивший всю культурную деятельность эмиграции и особенно ее литературу с религией и церковью, следует воспринимать и как отличительный момент любой эмигрантской жизни (религиозный сдвиг — реакция на сдвиг психологический), и как один из важных ответов русской культуры на вызовы XX столетия. Историческая вражда интеллигенции и церкви, ради сближения которых Мережковский проводил в Петербурге начала XX в. Религиозно-философские собрания, была уверенно и убедительно преодолена в культурной практике эмиграции. Секуляризацию культуры, происходившую в XX в. повсеместно, эмиграция обратила вспять. Эмиграция противопоставила секуляризованному

XX в. «другой XX в.» — современную философскую мысль, опирающуюся на религиозные основы культуры[20].

Религиозная жизнь имела для эмигранта как политический (сохранение древней веры как жизненная миссия; после возрождения церкви в СССР во время Второй мировой войны — с добавлением мысли о каноничности своей церкви, подлинности зарубежного православия), так и культурно-бытовой смысл (сохранение православного быта, религиозное освящение собственных занятий). Идея ежедневного духовного делания в миру объединяла эти смыслы, выводя их на онтологический уровень.

Идея духовного делания выстраивала новый литературный процесс — определяя творчество как значительного количества литературных самоучек, пытавшихся выразить на бумаге собственный опыт духовного обновления (для первой эмиграции — случай В.Н. Емельянова и мн. др., для второй — случаи Дарова, Ржевского и особенно Б.Н. Ширяева, для третьей — такие случаи встречаются крайне редко), так и творчество литературных мэтров. Структура литературного процесса Русского зарубежья будет рассмотрена ниже. Эта структура во многом проистекает из тех общих антропологических свойств эмигрантской жизни, которые были рассмотрены в первой части работы. Но в то же время не следует забывать, что литература Русского зарубежья формировалась и развивалась как свободное творчество множества индивидуальностей.

II. Литературный процесс Русского зарубежья. Структурные закономерности

1. Тематика: жизнь после смерти, Россия после России. Культурно-бытовой сдвиг формирует в эмигрантском сознании ощущение глубочайших перемен после слома прежнего уклада. Сдвиг нередко воспринимается метафорически: как смерть и возрождение к новой жизни. Эта метафора порождает первую и основную тему эмигрантской литературы.

---

[20] К этому следовало бы добавить мощнейший масонский «мэссидж» эмигрантской культуры, связывающий ее как с двумя периодами в истории Российской империи, когда масонство существовало легально (от царствования Анны Иоанновны / Елизаветы Петровны до царствования Александра I, а также два революционных десятилетия XX в.), так и с европейским масонством XX в. Однако информация, существующая на этот счет, столь скудна, что влияние масонства на литературу эмиграции следует пока оставить за скобками.

Метафора смерти и возрождения (при помощи которой описывается перемена статуса субъекта или общественной группы) присутствует во многих традиционных культурах[21]. Однако в мироощущении русской эмиграции эта традиционная метафора становится чем-то большим. Мировая война и последовавшие за ней революция и Гражданская война сделали почти на десятилетие смерть (и желание выжить) самым обыденным явлением. Сложный путь, которым люди попадали в эмиграцию, был связан со смертельной опасностью. Жизненные обстоятельства усилили метафорические культурные коды, заставили прочитывать их в прямом значении [8, с. 18–30].

С первых же лет жизнь в эмиграции получает тематические характеристики второй жизни (жизни после смерти). Так, Саша Черный рассуждал в 1924 г.: «Все мы переживаем теперь четвертую жизнь. Первая протекала когда-то в России широко и беспечно, вторая, тревожная и глухая, — пришла с первых дней войны, третья — жалкое подобие жизни, которую мы влачили при большевиках, четвертая — эмигрантские серые дни…» [56]. Поначалу эмиграция воспринималась одной из последовательных стадий общей катастрофы.

В дальнейшем эти четыре стадии упрощаются до двух — например, в чеканной формулировке Г.В. Иванова из книги «Розы» (1931):

> В тринадцатом году, еще не понимая,
> Что будет с нами, что нас ждет, —

---

[21] См., напр., русский свадебный обряд, в котором переход девушки из одного состояния в другое осмысляется как символическая смерть невесты и возрождение в новом статусе (показательно использование в свадебном обряде элементов похоронного обряда). Символика смерти-возрождения характерна и для обрядов инициации (во многих культурах юноши уходят из селения для подготовки к инициации, что тоже может сознаваться как символическая смерть). Бегство из России, где многим грозит смерть, и перемена судьбы тоже может быть осмыслена как инициация (где перемена статуса связана с познанием принципиально новых, сверхчеловеческих смыслов). Культура символизма подсказывала эмигрантам первой волны именно такие трактовки перехода из замкнутого родного мира в мир открытый, всечеловеческий. В особом свете предстают в этом контексте религиозно-культурологические поиски Мережковского, соединившего в одном исследовании (трилогия «Тайна трех») мифы и символические представления из совершенно разных культур об умирающем (убитом, растерзанном) и воскресшем Боге. А также исторические рассуждения о распадающейся и воскресающей России (в «Жизни Арсеньева» у Бунина, в «Хождении по мукам» А.Н. Толстого и других текстах).

Шампанского бокалы подымая,
Мы весело встречали — Новый Год.

Как мы состарились! Проходят годы,
Проходят годы — их не замечаем мы…
Но этот воздух смерти и свободы,
И розы, и вино, и счастье той зимы
Никто не позабыл, о, я уверен…

Должно быть, сквозь свинцовый мрак,
На мир, что навсегда потерян,
Глаза умерших смотрят так [42, с. 277].

Переход от четырехчленной оппозиции к бинарной происходит постепенно — во-первых, через представление себя погибшим в Гражданской войне (частый сюжетный ход эмигрантской лирики первых лет), наложение друг на друга погибших и выживших (со смешением признаков живого и мертвого), разделение физической и духовной смерти (как правило, с аллюзиями на христианские тексты). Например, у М.И. Цветаевой в цикле «Лебединый стан» (1917–1920; планировался к выходу в 1922 г., опубликован в 1957 г.):

Кто уцелел — умрет, кто мертв — воспрянет.
И вот потомки, вспомнив старину:
— Где были *вы*? — Вопрос как громом грянет,
Ответ как громом грянет: — На Дону!

— Что делали? — Да принимали муки,
Потом устали и легли на сон [55, с. 164].

Самоощущение эмиграции как общества живых мертвецов (или тех, кому посчастливилось выжить), по-настоящему живших когда-то в России, а теперь чуждых как европейской, так и российский современности, становится практически всеобщим. Представление лирического героя о себе самом как о тени из европейского Аида, убитом или самоубийце, продолжающем жить по инерции, или Летучем голландце — постоянные мотивы эмигрантской лирики.

Например, в четырехчастном стихотворении (миницикле) В.Ф Ходасевича «У моря» (из большого цикла «Европейская ночь», 1927) герой-эмигрант уподобляется Каину, который забыл, почему

его гложет страшная тоска. Пустившись в море с рыбаками, он напоминает своей тоской (и невозможностью погибнуть) Летучего голландца.

Молодое поколение первой эмиграции отдает дань этому мироощущению. Так, центральный сюжет упоминавшегося эссе В.С. Варшавского «Шум шагов Франсуа Виллона» — это умение видеть в современном Париже людей средневековья, которое доступно молодому эмигранту. А сам Виллон напоминает Каина из стихотворения Ходасевича:

> Мне кажется, что ему должно быть страшно. Что он не понимает, что мир существует, и поэтому ему страшно. Он идет по улицам и боится обернуться. Он знает, что если обернуться, то не будет ни домов, ни камней мостовой [39, с. 316].

Молодой эмигрант проецирует себя на Виллона (или Виллона на себя) и сам превращается в такое существо, которое смотрит на современный Париж глазами давно ушедшего века. В другом раннем тексте Варшавского «Из записок бесстыдного молодого человека» (1930) появляется близкая метафора, возможно, характеризующая все «незамеченное поколение», — взгляд существа, не имеющего возможности воплотиться:

> Но иногда мне казалось, что тот мир, о котором пишут и говорят другие люди и в котором есть Бог и жизнь, существует действительно, но он лежит в какой-то далекой, цветущей и солнечной долине, и я не могу найти туда дорогу, так как вокруг меня холод и мрак, и я, как зародыш в банке со спиртом, нахожусь в какой-то несерьезной пустоте. Временами я слышу гул этой долины и, вдруг вспомнив о ней и охваченный тревогой, что я ее никогда не увижу и не узнаю, с беспокойством ищу и не нахожу выхода из призрачной пустоты, в которой я нахожусь [39, с. 331].

Герои произведений молодого поколения много размышляют о собственном месте в этом мире. И получается, что они мертвы при жизни: физически они существуют, но социально и культурно — полностью выключены из мирового бытия. Примеры можно легко умножить, взяв иных авторов из эмигрантской молодежи (Поплавский, Газданов и др.; только Владимир Сирин решает эту задачу иначе, речь об этом пойдет ниже) и из других центров Зарубежья.

Вторая эмиграция подхватывает метафорическое противопоставление «жизнь – смерть». Смерть в их произведениях попрежнему ярка и осязаема, ибо все дипийцы прошли через смерть, многократно видели ее рядом. Новая жизнь в эмиграции воспринимается ими как жизнь после смерти: но не как попадание в Аид, а как попадание в рай. Так вторая волна меняет плюс на минус: жизнью истинной она считает именно эту жизнь, жизнь эмигрантскую. А ту, оставшуюся за границей смерти, страшным сном, который хочется забыть, но который никак не забывается.

Жизнь после смерти приобретает благостные черты[22] и описывается при помощи самых неожиданных семантических кодов. Например, стихотворение «Болдинская осень» (1945), написанное Д. Кленовским в самом начале эмигрантского пути:

Я мертвым был. На тройке окаянной
Меня в село безвестное свезли
И я лежал в могиле безымянной,
В чужом плену моей родной земли.

Я мертвым был. Года сменяли годы.
Я тщился встать и знал — я не могу.
И вдруг сейчас под легким небосводом
Очнулся я на голубом снегу.

Ужели спала с глаз моих завеса,
И я могу с сухого снега встать,
И выпал пистолет из рук Дантеса,
И бег мгновений обратился вспять?

И вот иду я узкою тропою,
Лицо свежит неторопливый дождь,
И Болдинская осень надо мною
Златит листву у придунайских рощ! [44, с. 9].

Лирическим героем стихотворения оказывается воскресший Пушкин, чудесным образом перенесенный на Дунай (вероятнее

[22] Христианская традиция знает противоположный (Летучему голландцу, Каину и пр.) вариант второй жизни или жизни после смерти — это житие св. прав. Лазаря, но религиозные образы не близки второй эмиграции, получившей советское атеистическое образование. Поэтому эта напрашивающаяся метафора ими не употребляется.

всего, к его притокам — в Баварию, как сам автор стихотворения; но упоминание Дуная созвучно бессарабским страницам биографии великого поэта, а также его «Песням западных славян»). Воскресение Пушкина оказывается воскресением русской поэзии; оно происходит благодаря движению времени вспять и как бы отматыванию назад эпизода с дуэлью. Отметим также характерный для второй волны мотив длительности смертного сна и нахождения в могиле. Метафоры такого рода передают мучительность прежней, доэмигрантской жизни.

Характерный для первой волны мотив «воспоминаний мертвеца» тоже меняет фокус: он направлен на прежнюю жизнь, от которой не осталось ничего. Это не столько «воспоминания мертвеца» сколько «воспоминания о мертвецах» или о мертвых сущностях (например, о Петербурге — городе, в котором герой был когда-то счастлив). Однако если в нынешней жизни воскресает давно бывшее (и даже «не со мной», а с Пушкиным как предшественником-поэтом), то в прежней жизни все умерло, включая самого советского «меня». Реальность и миф как бы меняются местами. То, что раньше было своим, уходит в дымку воспоминаний о прежней жизни:

Те пармские фиалки на окне,
Что выходили на Неву, завяли.
Их нет давно. И нет Невы. И нет
Меня <…> [44, с. 88].

Или:

О только бы припомнить голос твой —
Тогда я вспомнил бы и этот город,
И реку (не она ль звалась Невой?) <…> [44, с. 89].

Довольно часто новая жизнь после смерти означает покой и отдохновение. Однако умиротворяющий текст иногда оборачивается «стрессовым», когда спокойный тон стихотворения о чужбине разрывает не только мотив оставленной Родины, но и внезапная ностальгическая тоска (выплеск стрессовой природы наружу), приносящая предвидение неизбежной смерти (из военных лет приходит мотив массового расстрела в яме) и возвращения в могилу. См., напр., у И. Елагина:

И черт ли нам в Алабаме?
Что нам чужая трава?
Мы и в могильной яме

Мертвыми, злыми губами
Произнесем: «Москва» [43, с. 117].

Воспоминание о возможной в прошлом (неизбежной в будущем) смерти заново актуализирует мотив «живых мертвецов». Поэты и писатели второй волны нередко ощущают себя мертвыми (с атрофировавшимися чувствами и мыслями; духовными калеками, которые не могут в полной мере радоваться бытию), потому что повидали очень многое и избегли смерти лишь благодаря случайности. Они прошли через смерть и вышли с другой стороны. Этот психологический рисунок четко прослеживается в «оптимистической повести» Л. Ржевского «…Показавшему нам свет» (1960).

В литературе третьей эмиграции ощущение новой жизни проявляется несколько иначе. Поэты и писатели, выезжавшие на Запад в 1970 гг., как правило, не смотрели смерти в лицо (впрочем, среди них встречались люди, прошедшие советские лагеря). Выезд на Запад не ощущался большинством из них как спасение жизни, поэтому символика смерти-воскресения редко встречается в их произведениях.

Эмигрантская жизнь была для них возможностью попробовать свои силы в новой и многообещающей капиталистической системе. Поэтому идея «новой жизни» часто звучит в их произведениях позитивно (см., напр., публицистику С.Д. Довлатова в газете «Новый американец»). Впрочем, иногда встречается и обратных ход, напоминающий о центральной теме младшего поколения первой эмиграции: в новой жизни у многих нет тех преимуществ, которые были бы дома («Иностранка» Довлатова). И постепенное осознание того, что западный мир оказался не столь впечатляющим (разочарование в собственных юношеских заблуждениях, характерных для эпохи оттепели), каким казался из СССР.

Показателен яркий диалог колумбийки Аны и главного героя из романа Эд. Лимонова «Это я — Эдичка», происходящий на курсах английского языка для приехавших в США мигрантов. В этом диалоге накладываются друг на друга несколько бинарных оппозиций (взгляд советский — взгляд западный, взгляд поэта и творческой личности — взгляд простого человека, озабоченного насущными проблемами), как бы объединяя разные правды (включая советскую):

Она серьезно отвечала, что если хочешь быть человеком — нужно высшее образование, а оно стоит больших денег. Потом она сообщила, сколько стоит высшее образование в Колумбии и сколько стоит

> оно в Доминиканской республике. Тогда включился и я и сказал, что в СССР, откуда я приехал, высшее образование бесплатное, и любое другое образование тоже. Такого эффекта я не ожидал. Они были потрясены. Бесплатно! Хорошо еще, что они не спросили меня, зачем же я уехал из такой прекрасной страны [45, с. 312–313].

Противопоставление прежней и новой жизни теперь не проходит через смерть, как это было раньше. Тема, предложенная первой эмиграцией, развивается и трансформируется в противостояние двух миров (не столько политическое, сколько метафизическое). Потерянность и ненужность в новом мире поэта-эмигранта, которые остро переживает Эдичка (весьма похоже на молодое поколение первой волны), реализуются как вызов, на который следует найти достойный ответ. Противостояние миров подчеркнуто тем, что возврат в прежний мир невозможен, человек вынужден строить жизнь с нуля[23].

Таким образом, тема двух разных жизней (до эмиграции и после) может быть зафиксирована как основная для всей эмигрантской литературы. Нам представляется, что таких генеральных тем, выстраивающих мировидение и идеологию эмигрантской литературы, совсем не много. Они, вероятнее всего, могут быть даны в виде закрытого списка. Составление этого списка и изучение процесса формирования базовых тем — предмет специального исследования.

Еще одна тема из этого списка — тема России. Исследователи 1990-х гг. считали ее основной, любили указывать на не отпускающие эмигрантов воспоминания о Родине и в этой ностальгии видели главный смысл эмигрантской литературы. Вот, например, комментарий В.Я. Гречнева к творчеству Г.В. Иванова:

> «Воспоминания о России, о Петербурге, можно сказать, ни на минуту не оставляют его, они по-своему, в зависимости от жанра его произведений, присутствуют в стихах, прозе и мемуарах. Он непрестанно станет задумываться над тем, какова природа памяти и воспоминаний, степень их достоверности, а также — течение времени в них и последовательность его» [5, с. 335].

Часто можно встретить (особенно в журналистской среде) утверждение о том, что Бунин, писавший в эмиграции в основном о российском прошлом и практически не писавший об эмигрант-

[23] Об ответах на вызовы эмиграции у Лимонова см. подробнее [7].

ском или советском настоящем, проявил таким образом исключительный патриотизм. В свете того духовного делания, о котором говорили идеологи эмиграции, здесь нужен совершенно иной ракурс. Перед нами в большинстве случаев (не только в творчестве Бунина или Г. Иванова, но практически у всех эмигрантов) не «воспоминания», а перечитывание, точнее, духовное пересоздание прежней России. Созидание России идеальной.

Начиная с раннеэмигрантских рассказов («Косцы»; авторская дата: 1921; первая публикация: 1923) и завершая поздними произведениями о России (например, уже упоминавшийся «Ловчий»), Бунин рисует картины провиденциальной России — какой никогда не было в жизни, но какая могла бы быть. Роман «Жизнь Арсеньева» (1927–1930, 1933, 1952) возрождает — не в традиционном метафорическом смысле, а в самом прямом значении слова (как принято в культуре модернизма) — жизнь дворянской усадьбы, провинциальных российских городов, а также атмосферу путешествия по железным дорогам Российской империи. Легко узнаваемые города (Елец и Орел поначалу не названы, но затем обретают названия; Полтава не названа до самого конца; названия городов во время железнодорожных путешествий имеют отчасти символическое значение — во многих из них Арсеньев видит только вокзал) живут необычайно полной, счастливой, обеспеченной жизнью. Восторженные интонации при описании города гимназической юности (Ельца) работают на гиперболу счастливого патриархального бытия:

> Город ломится от своего богатства и многолюдства: он и так богат, круглый год торгует с Москвой, с Волгой, с Ригой, Ревелем, теперь же и того богаче — с утра до вечера везет в него деревня все свои урожаи, с утра до вечера идет по всему городу ссыпка хлеба, базары и площади завалены целыми горами всяких плодов земных. <…> А прямая, как стрела, Долгая улица, ведущая вон из города, к острогу и монастырю, тонет в пыли и слепящем блеске солнца, <…> и в этом пыльном золоте течет поток идущих и едущих, возвращающихся с рысистых бегов, которыми тоже знаменит город, — и сколько тут франтов из всяких писцов и приказчиков, сколько барышень, разряженных точно райские птицы, сколько щегольских шарабанов, в которых красуются перед народом толстозадые купчики, сидя рядом со своими молодыми женами и сдерживая своих рысачков! А в соборе звонят ко всенощной, и бородатые, степенные кучера везут в тяжелых и покойных колясках, на раскормленных лошадях, старых купчих с восковыми свечами в руках <…> [36, с. 89–90].

Столь же прекрасны в романе и преувеличенно богаты, приятны, культурны многие другие российские локусы (даже земская служба в малороссийском городе, о которой молодой Бунин писал как о бессмысленной рутине, дана с изрядной долей восхищения). Россия в романе Бунина очень напоминает идеальную Россию будущего, нарисованную чуть раньше П.Н. Красновым в фантастическом романе «За чертополохом» (1922). Картины России и там и тут выполняют одну тематическую функцию: это торжественное переживание апогея империи, которая не знала (вычеркнула из своей истории) революции и большевистского террора; она растет и развивается без войн и потрясений, веря в Бога и почитая императора. Здесь хорошо видно, как тематика вырастает в фактор определяющий сюжетосложение и саму «миссию» эмигрантской литературы.

Роман Бунина становится толчком для целого ряда идеализированных полотен о России, созданных писателями первой волны: например, «Богомолье» (1931) и «Лето Господне. Праздники» (1933) И.С. Шмелева; тетралогия Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба»: «Заря» (1934–36, первая публикация: 1937), «Тишина» (1938–39, первая публикация: 1948), «Юность» (1940–44, первая публикация: 1950) и «Древо жизни» (1953)[24].

Среди молодого поколения первой волны встречаются не менее значительные тексты об идеальной (изжившей революционный соблазн или никогда его не знавшей) древней России: например, «Отчина» (1928) Л.Ф. Зурова[25]. Впрочем, большая часть молодого поколения развивает тему идеальной России иначе: она для них — часть себя, которая унесена и сокрыта в душе. Таковы «Машенька» (1926) и «Дар» (1938) В. Сирина (Набокова), «Вечер у Клэр» (1929) Газданова. Близкое понимание идеальной, переработанной в собственном сознании России свойственно писателям и поэтам второй эмиграции. Их настоящая Россия — это Россия, которой они никогда не видели: о которой прочитали у классиков — в том числе у Бунина. На тему идеальной Родины накладывается и тема дома, которого у них никогда не было. Или был — на книжной полке, как у И. Елагина:

Но, блуждая по книжным полкам,
Мы отыщем такую страну,

[24] См. у О.Р. Демидовой интересные идеи о горизонтах мыслей о России в эмигрантской литературе: [2, с. 150–156].

[25] Подробнее см. [1].

Где электричество в доме,
И дровами очаг набит,
И нет места обидам, кроме
Самых высоких обид! [43, с. 101].

В третьей эмиграции перечитывание и преображение России приобретает более значительные масштабы. В сферу сюжетосложения приходит моделирование иных форм существования России и СССР, иначе организованных и управляемых, а также ведомых иными идеями. Такова, например, модель развития Белой России, созданная по китайскому образцу: «Остров Крым» В.П. Аксенова — или философское осмысление советского социального эксперимента: «Зияющие высоты» А.А. Зиновьева, «Заповедник» (1983) С.Д. Довлатова. Те же темы активно развиваются и в публицистике третьей волны: например, брошюра А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию» (1990). Некоторые авторы по традиции помещали идеальную страну в идеализированное прошлое — этим прошлым оказывался СССР победных лет: «У нас была великая эпоха» (1987) Э. Лимонова. Некоторые рисовали футурологические картины трансформаций советского государства: «Москва 2042» (1987) В.Н. Войновича.

Модели иной России сводились скорее к литературной игре, чем к «духовному деланию», что не исключает у авторов патриотических чувств и собственных взглядов на будущее покинутой страны. Значительные политические перемены, проходившие в СССР с конца 1980 гг., несомненно, способствовали развитию этих взглядов. Эмигрантское прожектерство по поводу будущего Родины вновь стало живым и динамичным, как в начале 1920 гг.

Итак, фиксируется еще одна центральная тема эмигрантской литературы, которая актуальна для всех периодов ее развития и весьма значима как для идеологической системы, так и для общей структуры литературного процесса. Ограниченность и повторяемость (замкнутость) тематики эмигрантской литературы кажется одним из коренных ее свойств.

При этом весь блок центральных тем обладает мощным остраняющим эффектом: смотреть на окружающую жизнь (навсегда потерянный мир) «глазами умерших» — это остранение метафизическое, написанное не чернилами, а письменами судьбы; Россия (Родина), ушедшая в небытие и там сохранившая лишь лучшие свои свойства, — это остранение почти религиозное и апокалиптическое (Россия как Новый Иерусалим). Для такого набора тем требуется со-

вершенно особая жанровая система, формирующая отдельную «литературу», в корне отличную как от советской, так и от предшествующей русской литературы.

2. Жанровая система: документалистика и вечность. Формирование тематической структуры в литературе Русского зарубежья занимает несколько первых лет. К концу 1920 гг. складываются все основные темы эмигрантской литературы. Жанровая система, пришедшая из предреволюционной русской литературы, начинает приспосабливаться к новым тематическим требованиям.

Во-первых, чрезвычайно тесное сближение беллетристики с публицистикой формирует «свободные жанры» с минимальными требованиями к цельности композиции. Это разного рода очерки и эссе, аккумулирующие разные впечатления и воспоминания. Название для новой формы предложил Д.С. Мережковский: его газетная публикация отрывочных впечатлений от революционных Петрограда и Москвы, а затем эпизодов бегства в эмиграцию получила название «Записная книжка» (см. выше). Знаменательно, что это заглавие (с грамматическими вариантами: «Из записной книжки»), как и сам новый жанр, органически перешел в творчество Бунина. Бунин начал регулярно использовать и жанровую форму, и заглавие для своих газетных статей той же тематики, а в первой (газетной) версии «Окаянных дней» он, по сути, расширяет эту жанровую форму до большого цикла. Малый жанр демонстрирует способность расширения до крупной формы.

Записные книжки дополняют разного рода очерки, структурно тоже весьма свободные. Например, путевые очерки Г.Д. Гребенщикова, созданные в 1920–1921 гг. после эвакуации Крыма, рассказывающие о пребывании в Константинополе и дальнейшем морском пути по Средиземноморью (для большинства его героев в Бизерту, для автора же — через Бизерту в Париж) построены как скетчи и зарисовки: случайные впечатления, случайные лица спутников, случайные мысли и случайные решения, что делать дальше. При этом, как и в записной книжке Мережковского, каждый из таких случайных эскизов несет в себе потенциальное обобщение и потенциальное решение судьбы. Основное отличие очерка от записной книжки — редукция аналитического начала. В записных книжках достаточно философских размышлений (иногда, как у Бунина, и над окружающей жизнью, и над страницами прочитанных книг), в очерках их почти нет; очерки ближе документальной прозе.

К этим свободным публицистическим жанрам примыкают разного рода эго-документы (как готовящиеся для печати, так и созда-

ющиеся «на будущее»)[26]. З.Н. Гиппиус уже в первые годы эмиграции публикует дневники революционных лет (дневник Гиппиус стоит рядом — и в композиционном, и в жанровом понимании — с «Записной книжкой» Мережковского[27]). В.Н. Бунина вела все эмигрантские годы подробный дневник, по-видимому, задумываясь о публикации отдельных частей [17, с. 172–173], но в конечном счете оставила эту идею (вероятно, все же предполагая, что дневник может быть опубликован после ее смерти). Таким образом, еще до появления в СССР лефовской «литературы факта» в эмиграции складывается своя «литература факта»[28] — но с радикально иной функцией: не «отразить» стройки пятилетки, а зафиксировать ужасы революции и войны для следующих поколений; возможно, для грандиозного суда над большевиками[29]. В последующие десятилетия функция дневника изменится: он превратится в летопись событий эмигрантской жизни.

Дневники, воспоминания и очерки-воспоминания о недавнем прошлом (см. системные публикации участников разных событий Гражданской войны, иногда перерастающие в объемную повесть: «Ледяной поход» (1923) Р.Б. Гуля — или иронически трансформирующие богемный быт воспоминания о литературной жизни Серебряного века: «Петербургские зимы» (1928) Г.В. Иванова[30]) станут важной частью эмигрантской литературы на весь период ее существования. В 1930 гг. именно Зарубежье (пополняющие эмиграцию авторы, имеющие богатый опыт советской жизни) начнет лагерную

---

[26] Об эмигрантских эго-документах см.: [9, с. 198–238]

[27] В сборнике «Царство Антихриста» (1922; см. о нем выше) соединены в качестве отдельных глав и дневники Гиппиус и «Записная книжка» Мережковского.

[28] Своеобразным продолжением эмигрантской «литературы факта» (исповедующим принцип «ничего лишнего» [30]) и транспонированием эгодокументов в поэтическую тональность можно посчитать поэзию «парижской ноты», См., напр., мнение В.И. Хазана: «<…> “парижская нота” как, возможно, никакое другое духовно-творческое образование, сложившееся в литературе диаспоры, сконцентрировало в себе специфические особенности социально-психологического существования человека, изгнанного за пределы своего отечества» [32, с. 124].

[29] Идеи такого суда (а литературно-публицистических текстов как материалов к нему) будет повторяться на протяжении всех эмигрантских лет и наиболее четко прозвучат в «Архипелаге ГУЛАГ» (1958–1979; первая публикация: 1973–1975) А.И. Солженицына.

[30] Эти системные трансформации реальности (воспоминания о том, как должно было случиться) окажутся очень стабильной формой: тот же принцип «преображения реальности» работает в воспоминаниях В.В. Набокова, Н.Н. Берберовой, И. Одоевцевой. Принцип этот очень близок преображению России в романах эмиграции (см. ниже по тексту статьи).

тему. От книги И.Л. Солоневича «Россия в концлагере» (1935) к сборнику рассказов С. Максимова «Тайга», от разнородных публикаций о советских лагерях в «Гранях» до «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына сохраняется общий жанровый каркас: длинная цепочка фактов с явным или скрытым комментарием повествователя. Функция фиксации преступлений довольно скоро соединится в лагерной прозе с «этнографической» функцией: это подробный рассказ (изнутри) о невероятном (нечеловеческом) быте и жизни, которую трудно себе представить. Книга Солженицына демонстрирует возможности перерастания и этого жанра в крупную форму. У Солженицына жанр существенно расширяет семантику за счет философских конструкций толстовского типа, свойственных эпопее [18]. Это один из случаев, когда первая группа жанров (документальная литература и жанры, близкие к ней) сближается со второй — казалось бы, полностью противоположной первой группе по своим идейным установкам.

Изначальная задача второй группы жанров — мифологизация прежней российской жизни и формирование центральной идеологемы «Россия вне России = Россия в вечности». Эту группу жанров объединяют «нулевой хронотоп», выводящий действие за пределы конкретных пространственно-временных характеристик (нарисованная в этих текстах Россия выпала из мирового географического пространства и мировой истории), а также устойчивая система идеологически окрашенных мотивов (имеющих символический код и идеализирующих быт и культуру потерянной страны) для описания российского прошлого (или моделируемого будущего).

В первую очередь здесь используется широкий спектр романных форм: от романа-умирания[31] И.С. Шмелева «Солнце мертвых» (1925) до уже упоминавшегося утопического романа П.Н. Краснова «За чертополохом», показывающего идеальную Россию, прошедшую через смерть-распад и ставшую много прекраснее. Показательно, что привычные формы заметно трансформируются для новой эмигрантской тематики (отсюда размытость жанровых определений).

В дальнейшем, во второй половине 1920 гг., романные формы еще более усложняются. Так, роман Бунина «Жизнь Арсеньева» со-

[31] Полагаем, что эта романная форма, восходящая к «Господам Головлевым» М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина), построенная, как и «Головлевы», на эффекте оксюморона (там — разрушающего семейный роман и локус семейной усадьбы, здесь — разрушающего крымский локус как точку беззаботности и счастья), еще требует специального исследования. Привычное жанровое определение «эпопея», применяемое многими исследователями к «Солнцу мертвых», кажется нам принципиально неверным.

единяет в совершенно новую романную форму сразу несколько традиционных разновидностей романа: автобиографический роман, роман-воспитание, философский роман, исторический роман, роман о первой любви. Исторические романы, которые в значительном количестве создает первая эмиграция (от Мережковского до М. Алданова и А.П. Ладинского), так или иначе имеют российский подтекст и остраняющую задачу: вывод истории за пределы истории, применение давнего исторического опыта к новейшей истории России[32]. Романы о новейшей истории (например, первый роман из «Хождения по мукам» (1921) А.Н. Толстого), ориентированные на (ироническое) переосмысление хорошо известных читателю событий (типологически сближаются с воспоминаниями образца «Петербургских зим»), должны были подвигнуть читателя к духовной работе по радикальному пересмотру предреволюционного культурного опыта.

Младшее поколение первой эмиграции разработало свой тип романа. Тема «Россия в душе» вылилась в повествование об эмигрантской жизни, где переживание внутренней свободы соединяется с переживанием внешней безысходности, катастрофической бедности и отказа от обывательской уверенности в том, что жизнь протекает правильно. Романы В. Сирина (Набокова) с русским сюжетом (прежде всего «Машенька» и «Дар»), романы Газданова (прежде всего «Вечер у Клэр») и Б.Ю. Поплавского («Аполлон Безобразов», 1932, в последнем образов России как бы нет, но сама она есть — растворена в беспутном русском Париже) построены на воспоминаниях о России, ключевых для главных героев. В ходе сюжетов (структурно близких друг другу, ибо основной декорацией для душевной жизни главного героя становится эмигрантская повседневность, предельно невзрачная) эти воспоминания перерабатываются, трансформируются, изживаются, принося герою чувство освобождения. При этом внутренняя русскость всегда сохраняется, и ее присутствие в душе переживается как откровение. Духовная работа, о которой пишут философы, религиозные деятели и идеологи, становится кан-

---

[32] См., напр., [2]. В записных книжках Бунина встречается очень характерная в этом плане запись: «Тактом, вкусом Мережковский был обделен вообще ужасно. Однажды говорю ему (в Париже, в эмиграции): / — Дмитрий Сергеевич, я нынче прочел в вашем новом романе <неточная цитата из романа «Мессия», 1926–1927. – *Е.П.*>, что грузчики на Ниле поют: «Ах, царица наша шлюха, нагуляла себе брюхо!». Помилуйте: дело происходило в древности, при фараонах, а поют грузчики, словно бурлаки на Волге при Некрасове. / — А чем же это плохо? — спросил Мережковский совершенно спокойно, с полной наивностью» [37, с. 550].

вой романного сюжета. Сирин в «Даре» добавляет к этой духовной работе аналитический момент: молодой герой берет на себя задачу, с которой, с его точки зрения, не справилось старшее поколение, — тотальный пересмотр классической (идейной) традиции, отвержение ее как провинциально-убогой, поиск нового идейного пути. Отметим и момент конструирования реальности (умение читать божественные конструкции бытия), наиболее четко проявившийся у Сирина.

Романы, созданные второй волной, композиционно проще. Они часто неотличимы от жанра повести или развернутого рассказа, иногда распадаются на части (вплоть до смены главного героя и окружающих его персонажей, как в последней части романа Л. Ржевского «Между двух звезд»). Романами эти тексты позволяет называть прежде всего объем, а также общая установка — это попытки обобщения тяжелой судьбы поколения (что, большей частью, авторам не удается до конца: ни в «Денисе Бушуеве» С. Максимова, ни в «Блокаде» А. Дарова нет ни укрупнения образов, ни типизация эпизодов, ни символизации событий. Пафосом этой волны остается точность передачи реальности). Количество романов в литературе второй волны весьма невелико. Можно говорить о том, что роман на время перестает быть центральным прозаическим жанром.

Он вновь вернется в центр литературного процесса в литературе третьей волны. У многих писателей — именно в эмиграции — формируется собственная романная форма: это исповедальный роман В. Максимова («Прощание из ниоткуда», 1974–1982), «социологический роман» А.А. Зиновьева (термин принадлежит самому писателю), героико-авантюрный роман Э. Лимонова («История его слуги», 1981; «Палач», 1986; «Смерть современных героев», 1992), роман-анекдот («Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» В.Н. Войновича, 1975; «Кенгуру» Юза Алешковского, 1974–1975, первая публикация: 1981). Некоторые романные формы, используемые третьей волной, более традиционны: это утопический роман («Остров Крым» Аксенова, «Москва 2042» Войновича), психологический роман, направленный на переосмысление советского прошлого («Семь дней творения» В. Максимова, 1971, «Ожог» Аксенова, 1975), семейный роман («Московская сага» Аксенова). Следует признать, что романы третьей эмиграции значительно разнообразнее (и тематически, и структурно) романов первой эмиграции. При этом в них сохраняется изначальный стержень эмигрантского романа — «перечитывание» России, переосмысление исторического пути, стремление к преображению России на стра-

ницах литературы Зарубежья. Важную роль играет в них и принцип конструирования (альтернативной) реальности — как у Набокова, отчасти игровой, отчасти определяющий движения судеб.

Еще один важный жанр, относящийся ко второй группе, — житийная биография. Появившись в литературном репертуаре несколько позднее романа — в конце 1920 гг., житийная биография быстро оказалась в центре жанровой системы. По первоначальному замыслу, сложившемуся в кругу редакции журнала «Современные записки»[33], биографии русских писателей-классиков, написанные современными русскими поэтами и писателями, должны были обеспечить как интерес эмигрантского читателя, так и возможность переводов на разные европейские языки. С коммерческой стороны этот проект оказался не слишком удачным, но интересна трансформация, случившаяся с первоначальным замыслом. Биографии, которые писались крупнейшими представителями литературы эмиграции («Державин» В.Ф. Ходасевича, 1931; «Жизнь Тургенева» Б.К. Зайцева, 1932; «Освобождение Толстого» И.А. Бунина, 1937) заимствовали идейную структуру и стилистику из эмигрантских переложений (на современный язык и современные реалии) житий популярных святых (см. целую россыпь такого рода текстов в творчестве Б.К. Зайцева: «Преподобный Сергий Радонежский», 1925; «Алексей Божий Человек», 1925; «Сердце Авраамия», 1927). Поскольку в композиционном плане переложения житий опирались на древний житийный канон, этот же канон стал определять изложение писательских биографий — оказавшись крайне востребованным и устойчивым. Писатели в житийных биографиях оказались очень похожи на подвижников — ибо выполняли ту самую «духовную работу», которую Ильин и другие идеологи эмиграции считали важнейшим делом хранителя культуры. Позднее к биографиям классиков русской литературы добавились житийные биографии русских композиторов («Чайковский. История одинокой жизни», 1936 и «Бородин», 1938, Н.Н. Берберовой).

Интересно, что очень скоро появился диаметрально противоположный жанр с соответствующей тематикой: антижитие. Напри-

---

[33] Независимо — но сходным образом — развивался жанр биографии в творчестве Д.С. Мережковского. Републикация в первые эмигрантские годы прежних литературоведческих «исследований» [4] привела его к идее больших биографических полотен («Наполеон», 1929; «Данте», 1939) и философских биографий святых («Павел. Августин», 1936, «Св. Франциск Ассизский», 1938, «Жанна д'Арк и Третье Царство Духа», 1938), не связанных с русской культурой (расширяющих русское до всемирного).

мер, это книги Р.Б. Гуля «Тухачевский, красный маршал» (1932) и «Красные маршалы. Ворошилов, Буденный, Блюхер, Котовский (1933), а также «Дзержинский. Менжинский — Петерс — Лацис — Ягода» (1936). Отметим, что если первое антижитие полностью посвящено фигуре Тухачевского, то в дальнейшем антижития начинают собираться в антипатерики. Размеры анижития, как и размеры житийной биографии, могут существенно разниться: от большой книги до отдельного очерка: см. «Азеф» (1930) М. Алданова, где использована более традиционная фигура антигероя. Формирование антижития как устойчивого жанра указывает на значительную политизированность как тематики, так и жанровой системы эмиграции. В противовес советской литературе, где в роли злодеев часто выступали белогвардейцы, литература эмиграции стремится восстановить свою правду. И если задача житийных биографий — зафиксировать некие вершины русской культуры в том виде, в каком они видятся последнему поколению русских, то задача антижитий — изобразить и зафиксировать виновников крушения русской государственности и культуры.

Традиция житийных биографий продолжилась и после Второй мировой войны (см. книги Б.К. Зайцева «Жуковский», 1951, «Чехов», 1954). К биографиям писателей и композиторов добавились биографии великих ученых («Менделеев» Б.Г. Пантелеймонова, 1949).

Однако авторы второй и третьей волны традицию не поддержали. Можно отметить некоторые элементы житийного канона в романе В. Максимова «Заглянуть в бездну» (1986), посвященном адмиралу Колчаку, и некоторых тематически похожих текстах второй и третьей волны. Но житийные биографии как жанр в их творчестве не встречаются. Например, писатели второй волны испытали сильнейшее влияние Бунина (см., напр., апологетические отзывы о его творчестве сразу в нескольких произведениях Л. Ржевского, а также широкое использование бунинских жанровых форм, стилистических конструкций и элементов сюжетосложения в творческой практике крупнейших эмигрантских прозаиков [19; 20]), но это не послужило причиной для создания его житийной биографии, наподобие той, которую он сам написал о Л. Толстом. Религиозный подтекст литературного творчества меняется в сознании второй волны на политический. Центральной для понимания искусства становится антитеза «живая культура — мертвая культура»: живая находится в эмиграции, мертвая осталась в СССР. В свете этой антитезы классики-эмигранты должны были восприниматься живыми людьми, полными внутренних противоречий.

Писатели третьей волны эту антитезу разделять не могли. Советская культура (эпохи оттепели), выходцами из которой все они были, отнюдь не казалась им мертвой. Кроме того, «старшими товарищами» по ремеслу, на которых следовало ориентироваться, они считали, как правило, уже не российских — или не только российских — поэтов и писателей. Из представителей же русской литературы — никак не эмигрантов, так как прочитать хоть что-то из эмигрантской литературы (за исключением тех, кто вернулся на Родину, и Бунина, которого стали печатать почти полностью в 1960 гг.) в СССР было крайне сложно. См., напр., названных в Нобелевской речи Бродского — наряду с О. Мандельштамом, Цветаевой и Ахматовой — Р. Фроста и У. Одена. Или мелькающие в книгах Аксенова фамилии Сэлинджер, Апдайк, В. Гасс и пр. На жанровую систему третьей эмиграции существенно повлияли западные (в первую очередь американская) литературы.

И тем не менее жанровая система эмигрантской литературы определялась не только эпохальными предпочтениями и модными (близкими по духу) влияниями, но и пережитым каждым эмигрантом политическим сдвигом. Этот сдвиг повлиял как на уже имевших писательский статус в СССР (иногда весьма значительный: В.П. Некрасов, В. Максимов, Аксенов), так и на начавших литературную карьеру только в эмиграции (Зиновьев, Лимонов, Довлатов). Ощущение политической значимости собственного пребывания на Западе (отрефлектированное или нет, не так важно)[34] оборачивалось неминуемым встраиванием поэтов и писателей в матрицу эмигрантской литературы. Статус эмигранта задавал темы, темы формировали жанры.

Разного рода соединения документальной прозы с романными формами («В поисках грустного бэби» Аксенова), романы с мощным автобиографическим подтекстом («Прощание из ниоткуда»

---

[34] Очень значимой представляется шутка из книги Аксенова «В поисках грустного бэби» (1986): «Последний день этого путешествия стал довольно важной вехой в моей биографии: 21 января 1981 года после захода солнца я узнал, что не являюсь больше гражданином СССР. / Проснулся я в тот день еще гражданином СССР в мотеле города Юма, что на стыке границ Аризоны, Калифорнии и Мексиканских Штатов. С достоинством, как и предписывает инструкция Управления виз Моссовета, пронес высокое звание гражданина Страны Советов в столовую. После завтрака мы взяли старт на Лос-Анджелес, куда рассчитывали прибыть к вечеру» [35, с. 183–184]. Несмотря на иронический подтекст, Аксенов почувствовал, что ощущение принадлежности / непринадлежности к государству (и культуре) проявляется именно в быте: в каждом шаге из спальни в столовую.

В. Максимова, «Это я — Эдичка» Лимонова), записные книжки нового типа — уже не такие, как у Мережковского и Бунина, — осмысленные как цельное художественное произведение со структурирующим беллетристическим началом (записные книжки Довлатова), романы-схемы или романы-исследования Зиновьева, романы-анекдоты Войновича и Ю. Алешковского имеют одну общую жанровую черту — сюжетосложение с остраняющим фабулу началом. Последовательность мотивов, события и персонажи даются с точки зрения рефлексирующего русского (советского) сознания, имеющего опыт западной жизни. Это практически общее свойство цементирует жанровую систему эмигрантской литературы.

Суждения и оценки, прямые или подразумевающиеся, получают неоднозначность, а иногда и противоположное (диссонансное, как в музыке XX в.) звучание. Скрещение противоположных взглядов позволяет видеть сущности, которых не знает ни классическая, ни советская литература. Сюда легко добавляется надмирный взгляд (более распространенный в первой эмиграции, но не пропадающий ни во второй, ни в третьей), здесь легко взаимодействуют сиюминутно-документальное и застывше-вечное. Документальное застывает в вечности, а вечность наполняется конкретными документально подтвержденными событиями. Жанровые противоположности эмигрантской литературы смыкаются в ином измерении, за временным и культурным горизонтом.

Жанровая система такого рода (рассмотренная в формате настоящей работы лишь фрагментарно) существенно трансформирует категорию персонажа. Герой эмигрантской литературы, казалось бы (чисто психологически), должен целиком и полностью определяться перечисленными в первой части статьи сдвигами эмигрантского сознания. Однако его строение оказывается значительно сложнее.

3. Герой: раскол и преображение сознания. Категория героя в дореволюционной русской литературе (в романах Достоевского, в народнической литературе, в творчестве Л. Толстого и, тем более, в символистской культуре) была категорией идеологической. Эмигрантская литература продолжила эту традицию: как в документальной прозе, так и в беллетристике герой — центр произведения, к нему сходятся все сюжетные линии. Основная функция героя — осмысление описанных событий и создание новых идеологических моделей.

В записных книжках и очерках начала 1920 гг. герой-повествователь — демиург, формирующий новые идеи на основе новой повестки. Эпизодические персонажи часто помогают ему в этом,

олицетворяя тот или иной смысловой код. Например, Анюта из одноименного рассказа Гребенщикова (1921), входящего в круг очерков о бегстве из Крыма и жизни беженцев в Константинополе и на островах. Это девочка, очень рано ставшая взрослой из-за тягот Гражданской войны и лишений эвакуации (ее отец и мать умерли, у нее на руках дедушка, два брата и больная старшая сестра), разговаривающая, как хитрая старушка, но рыдающая в финале на груди повествователя, как ребенок. Анюта, которой посвящен целый очерк, — олицетворение антигуманности войны: моментально повзрослевшие дети — постоянный мотив всей военной прозы. И в то же время олицетворение русской смекалки и неубиваемости духа: она приспособляется к любой, самой сложной ситуации. То, что для взрослых безысходность, — для нее очередная данность, которую надо принимать и преодолевать. Этот ход мысли, напоминающий детские сюжеты Достоевского (включая рассуждение Ивана Карамазова о «слезинке ребенка»), брошенные в котел общей темы братоубийственной войны, позволяет показать набившее оскомину «брат на брата» с совершенно иной, непривычной стороны. Остранение привычного сюжета формирует нового героя.

Фигура повествователя — точка сборки всех эпизодических персонажей и воплощенных ими идей. Он пропускает эпизодических персонажей через себя и от этого напитывается мудростью. Он, с одной стороны, искренен и прост, его речь дышит непосредственным чувством, с другой — он как бы находится над схваткой и благодаря этому знает больше, чем все остальные. Его сознание разделяется на субъективное и объективное (кумулятивно собранное во всех эпизодических встречах), и этот раскол повествующего сознания становится изначальной константой эмигрантской литературы. Раскол усилен и религиозно-нравственным переживанием: повествователь, как и его герои, вынужден искать ответ на пульсирующий в подтексте вопрос: как жить дальше, потеряв в прошлом все? Собственно, герой эмигрантской литературы, так или иначе, потерял не только социальный статус, благосостояние, родственные и дружеские связи, но и прежние гармоничные представления о жизни. Мир в его сознании теперь — жестокий и сложный, развалившийся на части, в нем нет места мирным детским представлениям о добре и зле.

В романах первых лет эмиграции центральный персонаж (повествователь и главный герой в них часто совпадают) тоже как бы находится над схваткой, философски наблюдает за событиями со стороны, и эта позиция, как и в документальной прозе, раскалывает

его сознание. У Шмелева в «Солнце мертвых» центральный герой, обретающий последнюю (предсмертную) мудрость через созерцание и осмысление ужасных событий в занятом красными Крыму, оттеняется собеседником-доктором, обладателем недюжинного, но слишком игривого ума. Иногда кажется, что доктор — alter ego главного героя, но окончательные оценки, которые дают событиям эти двое резонеров, существенно различаются. Нарратора в его размышлениях поддерживает вера, доктор же — атеист и идейный наследник народнического социализма. Центральное место в романе занимает образ распавшегося мира: Крым отрезан от остальной земли, а традиционная крымская идиллия замещена бытовым ужасом — голодом и террором. При этом солнце и море остаются прежними. Само заглавие романа указывает на расколотое сознание и рухнувший мир. Основным вопросом (вновь напоминающим героев Достоевского) остается все тот же вопрос: как можно продолжать жить и верить в Бога после всего, что произошло. Именно так формулирует проблему доктор: «Досадно, что я как я теперь есть, не имею логического права верить! Ибо, как после *такой помойки* поверишь, что *там* есть что-то? И “там” обанкротилось!» [58, с. 51].

Главный герой, в отличие от своего постоянного собеседника, внутри греховной «помойки» видит пути духовного обновления. Грехи мира искупают праведники, никого никогда не убившие, ни разу не взявшие чужого: «В этой умирающей щели, у засыпающего моря еще остались праведники. Я знаю их. Их немного. Их совсем мало. Они не поклонились соблазну, не тронули чужой нитки — и бьются в петле» [58, с. 93]. Это вдова сапожника Таня, летом и зимой носящая вино через страшный перевал, чтобы прокормить оставшихся детей, готовая во имя детей продать себя. Это бывший почтальон Дрозд. Это татарин, приславший повествователю съестного. Жив ли дух? — то и дело с сомнением вопрошает повествователь. Пока не приходит к окончательному выводу в главе «Жива душа!», рассказывающей о неожиданной помощи татарина. «Теперь ничего не страшно. Теперь *их* нет. Знаю я: с нами Бог! Хоть на один миг с нами. Из темного угла смотрит, из маленьких глаз татарина» [58, с. 153].

Раскол сознания затрагивает глубокие религиозные чувства, ставит под сомнение саму веру. Оказывается, пройдя апокалиптику революции, вера в Бога и человеческое достоинство не просто становятся крепче, а преображаются (символика преображения — преодоления смерти во имя вечной жизни — очень актуальна в первые

эмигрантские годы[35]). Герой эмигрантской литературы — вместе с прочими ценностями — теряет и веру, — чтобы обрести новую, еще более твердую. Он теряет свою прежнюю идентичность (вместе со всей покинутой страной, потерявшей имя) — и обретает новую, почти сверхчеловеческую (говоря ницшеанским языком той эпохи): идентичность человека мира. Иными словами, герой литературы Зарубежья перерастает и преодолевает свою слабую человеческую природу, чтобы возродиться более мудрым и (духовно) сильным.

В связи с этой закономерностью центральные персонажи произведений (что очерковые повествователи, что романные нарраторы / главные герои) почти всегда автобиографичны. Это придает даже беллетристическому тексту правду человеческого документа. И в то же время приковывает внимание к самому процессу обретения героем новой природы. Отметим, что автобиографичность — фундаментальная черта эмигрантской литературы, неизменно сохраняющаяся в произведениях всех трех волн. Автобиографической прозе соответствует эмигрантская лирика, в которой переживание катастрофичности мира накладывается на катастрофу собственной души.

Вершинные точки раскола эмигрантского сознания фиксируют два главных поэта первой эмиграции — это В.Ф. Ходасевич с его последним циклом стихов «Европейская ночь» (1927) и Г.В. Иванов, в творчестве которого переживание катастрофы растянулось на все 1930 гг.: от цикла «Розы» (1931) к циклу «Отплытие на остров Цитеру» (1937) и поэме в прозе «Распад атома» (1938). Удивительно, но именно поэтам эмиграции, испытавшим в молодости сильнейшее влияние символистской культуры, преимущественно в блоковском варианте, было суждено реализовать блоковский трагизм непосредственно в своей жизни. Умозрительный трагизм Блока превратился на их страницах в трагизм культурно-бытовой и прозвучал пронзительными нотами.

В романе второй половины 1920 гг. сознание героя обретает новое состояние: оно более не расколото, но гармонично объединяет противоположные точки зрения, являя, тем самым, суть эмигрантского преображения. В «Жизни Арсеньева» один центральный герой (он же выступает в качестве повествователя) — это Алексей Арсеньев, родившийся в России полвека назад, ныне он эмигрант, живущий на юге Франции. При этом неоднократно отмечалось, что сознание повествователя многогранно: местами о своей жизни рас-

[35] См. рассказ Бунина «Преображение» (1921; первая публикация: 1924).

сказывает ребенок / юноша — местами зрелый, проживший более половины жизни человек. Причем в те моменты, когда мир дается глазами мальчика, где-то в глубине его можно уловить мироощущение человека зрелого. А в сознание эмигранта средних лет временами прорывается Арсеньев-юноша, с его порывистой невоздержанностью и стремлением к запредельному. Иногда повествователь сам пытается понять: он тогда и он сейчас — это один и тот же субъект или два разных?

> Какие далекие дни! Я теперь уже с усилием чувствую их своими собственными при всей той близости их мне, с которой я все думаю о них за этими записями и все зачем-то пытаюсь воскресить чей-то далекий юный образ. Чей это образ? Он как бы некое подобие моего вымышленного младшего брата, уже давно исчезнувшего из мира вместе со всем своим бесконечно далеким временем.
>
> Случалось, бывало, в каком-нибудь чужом доме взять в руки старый фотографический альбом. Странные и сложные чувства возбуждали лица тех, что глядели с его поблекших карточек! Прежде всего — чувство необыкновенной отчужденности от этих лиц, ибо необыкновенно бывает чужд человек человеку в иные минуты. А потом — происходящая из этого чувства повышенная острота ощущения их самих и их времени. Что это за существа, эти лица? Это все люди когда-то и где-то жившие, каждый по-своему, разными судьбами и разными эпохами, где было все свое: одежды, обычаи, характеры, общественные настроения, события… [36, с. 199–200].

Сложно выстроенная составная метафора завершается рассуждением о фотографиях чужих, посторонних людей: возможном погружении в чужую жизнь, попытках понять их и прожить их жизни. Эта многократно повторяющаяся у Бунина-эмигранта идея бесчисленных писательских перевоплощений и есть одна из реализаций новой сверхчеловеческой природы субъекта. Феномену старых фотографий уподоблен «младший брат» взрослого повествователя (свое собственное прошлое), которого он уже не может отождествить с собой нынешним. «Младший брат» становится одной из прежних реализаций себя.

Повествователем в романе становится обобщенный Арсеньев, не имеющий четкой возрастной характеристики — Арсеньев вообще, обладающий свойством стремительно проноситься в своем сознании от начала собственного бытия к сегодняшнему настоящему и, возможно, будущему. И в то же время Арсеньев отчужденный,

способный в любой момент времени посмотреть на свою жизнь со стороны. Благодаря этому ходу автобиографизм бунинского романа становится сложной литературной игрой: это и «моя» индивидуальная жизнь, и история «моего современника» — любого выходца из прежней России, и история человека вообще [26, с. 97–107]. Автобиографические эпизоды, которыми пестрит роман, могут быть даны более-менее точно, могут быть несколько исправлены, по сравнению с тем, что было на самом деле (и это не столько аберрации памяти, сколько преображение отдельных жизненных кусочков, — так, как им правильнее было бы случиться), а могут быть переписаны (относительно случившегося в жизни) целиком. Жизнь рассказчика преображается им самим, потому что его память становится практически всемогущей. Она может воскрешать быт сорокалетней давности до самых мелочей, а может воскресить давнюю — единственную — любовь, Лику, которой никогда в подлинной жизни не существовало (в этом персонаже, по свидетельству В.Н. Муромцевой-Буниной, соединились все девушки и женщины, которых Иван Алексеевич любил).

Такой тип героя с разделенным и одновременно органически единым (преображенным) сознанием определяет все дальнейшее творчество Бунина. Такой же герой появляется во многих рассказах книги «Темные аллеи» (1937–1945; публикации 1943, 1946; наиболее близок роману рассказ «Поздний час», 1938) и в некоторых поздних рассказах (см., напр., рассказ «Легенда»; авторская дата: 1949; первая публикация: 1953).

Тип эмигрантского героя, выработанный Буниным, перейдет в иные повествования романного типа. В «Путешествии Глеба» Б. Зайцева и в «Лете Господнем» Шмелева герои структурно близки Арсеньеву — с той оговоркой, что они, в отличие от Арсеньева, персонажи верующие и воцерковленные. Соответственно, процесс преображения сознания более определяется верой и религиозным чувством. В книге Шмелева детское мировидение (используемое, как и в первой книге «Жизни Арсеньева», в качестве остраняющего начала) усиливается непосредственным религиозным чувством ребенка. Таким образом, крупная форма на рубеже 1920–1930 гг. научается снимать и гармонизировать онтологические антитезы, которые в начале эмиграции выступали как непреодолимые.

Уже в первой главе «Лета Господня», посвященной Великому посту, на традиционную эмигрантскую антитезу «прежняя жизнь — новая жизнь (в эмиграции)» наложена религиозная антитеза «земная жизнь — воскресение». И ностальгическое «воспоминание

будущего» (предощущение эмиграции), очень характерное для описаний прежней России, переходит в предощущение гармонии будущей жизни, которое зародилось еще там, в России, и с которым продолжает жить сегодняшний эмигрант:

> Мне начинает казаться, что теперь прежняя жизнь кончается, и надо готовиться к той жизни, которая будет… где? Где-то, на небесах. Надо очистить душу от всех грехов, и потому все кругом — другое [57, с. 179].

В гармонизирущей атмосфере растворены и все эпизодические персонажи. Они все одноплановы, как на иконе, и неизменно сравниваются со святыми. Например, о работнике Горкине (сама фамилия напоминает о горнем мире): «Сияние от него идет, от седенькой бородки, совсем серебряной, от расчесанной головы. Знаю, что он святой. Такие угодники бывают. А лицо розовое, как у херувима, от чистоты» [57, с. 178]. Такова же доминанта образа кучера Антипа: «У него борода как у святого» [57, с. 196]. Прием «сравнение со святым» — в ином исполнении и менее прямолинейно — формирует и жанр житийной биографии.

Восприятие годового цикла праздников как Богом устроенного (неизменно повторяющегося) года адресовано именно эмигрантскому читателю. Время в этом повествовании выключено, благодаря чему религиозный и культурный смысл праздников не меняется. Лишь однажды проступает сквозь текст эмигрантское настоящее. Это обращение повествователя (того мальчика, который жил когда-то в погруженной ныне в вечность идеальной-преображенной России) к мальчику сегодняшнему, мальчику-эмигранту — в главе «Рождество»:

> Ты хочешь, милый мальчик, чтобы я рассказал тебе про наше Рождество. <…> Как будто, я такой, как ты. Снежок ты знаешь? Здесь он — редко, выпадет — и стаял. А у нас повалит — свету, бывало, не видать, дня на три! [57, с. 258]

Эта антитеза, намеренно допущенная в сознание читателя, снимается приемами сказочного нарратива (картины изобилия и сопровождающие ее богатырские преувеличения — ср. описание центральных площадей Москвы у Шмелева с описанием провинциального Ельца в «Жизни Арсеньева»). Гармония восстановлена, она

и определяет преображенное сознание повествователя.

Молодое поколение эмиграции тоже начинает с пути, проложенного Буниным. Но герой молодой эмиграции начинает ощущать искусственность преображения чего бы то ни было в Памяти. Так, у героя-повествователя Варшавского («Из записок бесстыдного молодого человека») есть в памяти эталон абсолютного счастья; он очень по-бунински помещен в раннее детство, в свою комнату (и дополнительно локализован эмигрантским указанием «когда мы еще жили в Москве» [39, с. 321]). Но герою, во-первых, никак не удается пережить это состояние вновь, во-вторых, жить воспоминаниями ему нелегко:

> Но напрягать память очень трудно, и потом неясно, для чего? Может быть, и не нужно, так как все равно я смогу вспомнить только мысли, слова и события, но не могу ни воскресить бывшего очарования, ни вновь пережить бывшие чувства и ощущения. В этой восстанавливаемой волей памяти о прошлом нет радости, как нет ее в моих старых дневниках, письмах и фотографиях, в которых я мечтал, как ростовщик из рассказа Гоголя, спасти часть моей и окружающей меня жизни и которые я почти никогда не разглядываю. Как безразличны все эти подписи и неразборчивые почерка, и какое собственно отношение имеет ко мне маленький мальчик в нахлобученной на уши фуражке, с беспокойным, завистливым и обиженным лицом, уныло и неотчетливо изображенный на желтой, выцветшей бумаге любительской фотографии? Если это я, то почему же я смотрю на него равнодушно, не чувствуя к нему жалости и любви, которые всегда испытываю, когда думаю о себе? [39, с. 323–324].

Как и у Бунина, появляются фотографии как будто бы «младшего брата», но, в отличие от Арсеньева (гимназист в фуражке звучит четкой аллюзией на «Жизнь Арсеньева»), они не трогают героя Варшавского. Ему, по большому счету, нечего вспоминать[36]. Он как бы

---

[36] Еще четче этот полемический момент проявляется в статье «Несколько рассуждений об Андрэ Жиде и эмигрантском молодом человеке» (1930): «Для старших поколений эмигрантов эта пустыня, как Вавилонские реки. Но вырастает новое поколение эмигрантских детей, которые хотят жить, но которым негде жить: повесть отцов становится для них уже “отдаленней, чем Пушкин”, а стать иностранцами они не могут и не хотят, так как все-таки родились и были в России. <…> такой эмигрантский молодой человек внезапно, со страхом должен почувствовать, что он не помнит, не знает, где он находится, что у него не было настоящей жизни, что жизнь прошла мимо него, что он оторван от тела своего народа и не находится ни в каком мире и

заранее выброшен из всех потенциальных литературных сюжетов. Но от этого ему еще сильнее нужны ответы на «последние вопросы» бытия.

Такую же неудовлетворяющую героя рецепцию арсеньевской Памяти обнаруживаем в самом начале романа Газданова «Вечер у Клэр» у главного героя-повествователя:

> Я привыкал жить в прошедшей действительности, восстановленной моим воображением. Моя власть в ней была неограниченна, я не подчинялся никому, ничьей воле; и долгими часами, лежа в саду, я создавал искусственные положения всех людей, участвовавших в моей жизни, и заставлял их делать то, что хотел, и эта постоянная забава моей фантазии постепенно входила в привычку [40, с. 27].

Но здесь, несмотря на внешнее сходство с состоянием души Арсеньева, речь идет несколько о другом. Арсеньев минимально вмешивается в прожитые жизненные эпизоды, герой Газданова свою жизнь радикально перерабатывает. Он отводит себе разные жизненные роли (кадет, гимназист, солдат — через все три ему предстоит пройти) и играет с жизненными положениями как с элементами сюжетостроения. Вплоть до того, что читатель не знает, подлинна рассказанная история или уже переработана сознанием рассказчика. Показательны, например, объяснения героя, зачем он поступает к добровольцам; они напоминают сюжетную игру, попытку спекулятивного построения: «<…> исключительно из желания вдруг увидеть и понять на войне такие новые вещи, которые, быть может, переродят меня» [40, с. 136]. Композиционная игра, перестановка эпизодов и событий (роман начинается в Париже, в эмиграции; завершается эвакуацией из Феодосии и движением в сторону Константинополя; между этими двумя событиями последовательно укладывается вся недолгая жизнь героя). Героиня Клэр и революция становятся в тексте равноценными явлениями, возникают одна на фоне другой: «Я вновь видел ее — сквозь снег, и метель, и безмолвный грохот величайшего потрясения в моей жизни» [40, с. 98]. В отличие от бунинской Лики, это героиня-символ. При этом трудно сказать, реальна она или выдумана.

ни в каком месте. Здесь социальная пустота сливается с абстрактной и ужасающей метафизической пустотой» [39, с. 339]. Вспоминая В.В. Розанова, автор призывает не верить небытию, т. е. попыткам возрождений / преображений мертвого в опыте старшего поколения первой эмиграции.

Близкий тип преображения эмигрантской реальности находим у В. Сирина (Набокова). Его многочисленные русскоязычные романы предлагают целый набор героев, которые далеко не всегда автобиографичны. Ганин в «Машеньке», Лужин в «Защите Лужина», Мартын Эдельвейс в «Подвиге», Годунов-Чердынцев в «Даре» биографичны лишь на какую-то часть: повторяют лишь одну-две, максимум (в случае Годунова-Чердынцева) несколько авторских черт. Герои Сирина начинают конструировать реальность вокруг себя так, как будто они складывают пазлы («пузеля») или играют шахматную партию. Противником героя в этих умозрительных играх оказывается некая приземленная версия судьбы, которую, по его мнению, есть все шансы переиграть — сделать жизнь лучше, интереснее, приятнее.

В отличие от героев Бунина и Газданова, герой Набокова радикальным образом подчиняет себе эпизодических персонажей — он в них воплощается сам, говорит и действует за них: «<…> он старался, как везде и всегда, вообразить внутреннее прозрачное движение другого человека, осторожно садясь в собеседника, как в кресло, так чтобы локти того служили ему подлокотниками, и душа бы влегла в чужую душу <…>» [48, с. 33]. Фигуры девушек — возлюбленных героя (начиная с Машеньки) нередко обретают символический оттенок, как и у Газданова, но так же подчинены сознанию центрального героя, как и прочие персонажи[37]. Точно так же герой подчиняет себе картины окружающей реальности, причинно-следственный ряд происходящих и долженствующих произойти событий[38].

Герой Набокова превращается в демиурга, который способен менять реальность одним движением души. Сверхчеловеческая идентичность, приобретаемая эмигрантом, наиболее ярко проявляется у центральных героев, большинство из которых представляет собой утонченных интеллектуалов. С одной стороны, герою доступно понимание сложных велений судьбы. С другой, его утонченный интеллектуализм позволяет вступать с судьбой в диалог, как бы участвуя в созидании ее решений. Или, пронизывая взглядом прошлое, видеть закономерности, недоступные историкам:

---

[37] Э. Гаретто называет всех второстепенных персонажей деперсонализованными характерами [3, с. 423].

[38] Отметим, что вездесущая ирония набоковского героя нередко направлена и на себя. Так, в романе «Отчаяние» (1934) свойства демиурга, переданные герою, оказываются мнимыми.

> Он живо чувствовал некий государственный обман в действиях «Царя-освободителя», которому вся эта история с дарованием свобод очень скоро надоела; царская скука и была главным оттенком реакции. После манифеста стреляли в народ на станции Бездна, — и эпиграмматическую жилку в Федоре Константиновиче щекотал безвкусный соблазн дальнейшую судьбу правительственной России рассматривать, как перегон между станциями Бездна и Дно» [48, с. 183].

Новая идентичность эмигранта, ощущающего свою русскость как «дар», прилагаемый к яркому уму и европейской образованности, позволяет героям Набокова выйти из эмигрантских «гетто» и начать новую жизнь с нуля. Потеря социального и личного статуса (мало кто из эмигрантов потерял дома так много, как В.В. Набоков — сын богатейшего русского юриста и выдающегося общественного деятеля, представитель блестящей аристократической фамилии) перестает ощущаться ими как неизбывная трагедия. Внутренняя свобода, которую дает эта новая самоидентификация, оказывается куда важнее всего, оставленного «там».

Вторая волна принесла в эмигрантскую литературу новое понимание преображения человека и окружающей жизни. Все, что осталось дома (за исключением родной земли), не осознается героями произведений второй волны как ценность. Преображение, протекающее в ходе эмиграции и натурализации, ощущается ими как медленный переход к нормальной человеческой жизни от жизни, пропитанной лозунгами, спекулятивными идеями и полнейшим бесправием личности перед лицом государства. В новой эмигрантской самоидентификации они в первую очередь люди, имеющие права (начиная с права на жизнь). Более сложное преображение протекает в религиозной сфере: это переход от воинствующего атеизма, классовой ненависти и войны — к миру веры, единения человечества и духовного делания. Новая идентичность обретается иначе, чем у первой эмиграции, но сохраняется основной посыл: это сверхидентичность (по сравнению с идентичностью прежней), купленная страданиями и опытом. Путь преображения нередко сопровождается чувством предательства по отношению к Родине и собственной совести (прежним ценностям, которые ранее искренне разделял) — тема, которой не было в литературе первой волны. Например, лейтенант Заряжский, автобиографический герой из романа Л. Ржевского «Между двух звезд» (1953) мучается тем, что попал в плен; затем тем, что стал сотрудничать с начальством лагеря для

военнопленных — из лучших побуждений: чтобы помочь другим советским пленным; затем тем, что взялся организовать из русских военнопленных артбригаду под названием «Карусель». Эта «Иудина болезнь», как называют ее некоторые герои Ржевского, проходит со временем, растворяясь в новых ценностях послевоенного мира. Кроме того, большинство персонажей первое предательство совершили еще в СССР, побоявшись защитить подвернутых репрессиям. Военное предательство (у которого, как правило, есть оправдание: Заряжский попал в плен контуженным, без сознания, это был не его выбор) со временем осмысляется не как сотрудничество с врагом, а как отказ от сотрудничества с политическим режимом, захватившим Родину. Здесь сверхидентичность второй эмиграции сближается со сверхидентичностью первой.

Что же касается религиозной идентичности, то в большинстве случаев вера, обретенная эмиграцией второй волны, — это вера обобщенная и философическая[39]. Как говорит главный герой повести Ржевского «…Показавшему нам свет», выживший после смертельной болезни: «Я верю в божественную ведомость мира, но не в эту утилитарную аннексию Бога вразнос, только для человеческого употребления. Бог безграничнее… <…> Для меня Бог — жизнь, а не смерть…» [51, с. 67] Поэтому для всей второй эмиграции божественное и политическое несовместимы. Политическое слишком приземленно, чтобы иметь внутри божественное начало.

В целом, сверхидентичность героя второй эмиграции перестает определяться сверхчеловеческими свойствами. Она сводится к утверждению права на обычную жизнь и всяческому прославлению обывателя (в противовес пафосу всей русской классики), но обывателя культурного и рефлексирующего.

Герои третьей эмиграции соединяют этот обывательский подход к жизни (в противостоянии уже советской идеологии: человек живет для себя, а не для страны и не для общественного класса) с идеей конструирования реальности вокруг себя. Между Эдичкой, строящим свой личный путь погружения в западную жизнь, героями «Гомо советикуса», тяжело, но успешно подстраивающими советские принципы общественной жизни к новому для себя обществу, героями «Острова Крым», прожившими всю жизнь в процветающем

---

[39] Исключение составляют те представители второй эмиграции, кто получил дореволюционное религиозное воспитание: у них (Д. Кленовского, Б.Н. Ширяева) глубокая вера проявляется непосредственно в каждом тексте. Их герои ближе «духовному деланию» первой эмиграции, чем философствованию о Боге у героев второй.

капиталистическом «Юге России», героем «Прощания из ниоткуда», пытающегося попросить прощения у всех, с кем он обошелся в жизни не по-христиански, — есть одна общая черта: они меняют свое советское сознание (от социальной советской идентичности они сознательно отказались) на сознание общечеловеческое (в случае с героями В. Максимова — и на сознание религиозное). Многим из центральных персонажей не чуждо стремление к конструированию фабульных событий (но менее ориентированное на повествователя, чем у Набокова).

Попытки пересмотра уроков истории (Великой Отечественной войны: у В.П. Некрасова и Войновича) и переосмысления всей русской истории в XX веке, истории построения социализма (у Зиновьева и Аксенова) есть та же работа по преображению «русской идеи», которую выполняла первая эмиграция. Герой третьей эмиграции научается мыслить свободно, без оглядки на какие бы то ни было — включая центральные — идеологемы, вынесенные из прошлой жизни. Перемалывание советских идеологем и самого идеологизированного мышления, происходившее в эмиграции в 1970–1980 гг., сыграло важнейшую роль в идейных переменах советского общества эпохи перестройки и идеологическом крушении СССР. Остраняющий взгляд, характерный для всей литературы Зарубежья, стал губительным для устаревших идеологических конструкций. Вопрос, почему Зарубежье не сыграло существенной роли в построении новой России после 1991 г., имеет иную природу, сложен и требует специального исследования.

III. Итоги

Итак, литература русского Зарубежья представляет собой совершенно особый литературный процесс. С одной стороны, он целиком находится вне мировой литературы: не имеет географической привязки и привычного социального бэкграунда, как бы вырезан из истории русской литературы, протекает вне любых политических влияний, которые испытывают обычные литературы. Идея Ю. Хабермаса о литературной публичности, противостоящей публичным репрезентациям власти [31, с. 106–111], для этой литературы перестает быть актуальной — за отсутствием феномена власти [24]. С этой точки зрения, литература русского Зарубежья может восприниматься как литература в «очищенном» виде, модель автономного литературного процесса. Основным адресатом литературного про-

цесса эмиграции становится сама эмиграция: автор, критик и читатель в ней часто предстают в одном лице. Эмигрантская литература максимально замкнута в себе и минимально разнообразна. Закрытый список тем, жанров и типов героя (внимание в этой литературе смещается к центральному герою-повествователю, который часто автобиографичен) определяет ее развитие.

С другой стороны, литературный процесс, протекающий в эмиграции, вдохновлен идейно-политическим противостоянием с метрополией. Он определяется теми целями, которые эмиграция ставит перед собой, и предполагает постепенное влияние на культуру метрополии (даже в условиях полной изоляции от нее) — по принципу «вода камень точит». Политизированность литературы Зарубежья соединяется с неприятием ею любой всеобъемлющей политической идеологии (идеологемы эмигрантской литературы относятся к совершенно другому полю: идеологий общественных групп, — в то время как в советской литературе господствуют положения государственной идеологии). На расширение и глобализацию этой необычной антитезы влияет в первую очередь категория остранения, позволяющая Зарубежью смотреть извне как на российскую государственность, так и на российскую культуру. Литература, находящаяся вне времени и пространства, как бы пребывающая в вечности, предлагает «другой взгляд» на происходящее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Белобровцева И.З.* Леонид Зуров: в тени Бунина. М.: Азбуковник, 2020. 240 с.
2. *Богданова О.А.* «14 декабря» Д.С. Мережковского как роман о русской революции 1917 г. // Studia Litterarum. 2017. Т. 2. № 2. С. 172–189.
3. *Гаретто Э.* Автор и герой у Набокова и Бахтина // Revue des Études Slaves. 2000. Т. 72. Fasc. 3–4, pp. 423–429.
4. *Гарциано С.А.* Литературоведческое наследие Д.С. Мережковского на французском языке в период эмиграции: переводы и рецензии // Мережковские и Европа / под общ. ред. В.В. Полонского; ред.-сост.: Е.А. Андрущенко, О.А. Блинова, В.М. Введенская. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 339–350.
5. *Гречнев В.Я.* О прозе и поэзии XIX–XX вв. СПб: Соларт, 2009. 374 с.
6. *Двинятина Т.М., Морозов С.Н.* Палестинское путешествие И.А. Бунина

1907 года: хроника и контекст // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 64–94. DOI: 10.22455/2541-8297-2022-24-64-94

7. *Демидова О.Р.* Автобиографическая сага Эдуарда Лимонова: исповедь Супермена // Фемининность и маскулинность в культуре модерна: Россия и зарубежье / отв. ред. В.Б. Зусева-Озкан. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 450–466.
8. *Демидова О.Р.* Изгнанье как посланье: эстезис и этос русской эмиграции. СПб.: Русская культура, 2015. 348 с.
9. *Демидова О.Р.* Метаморфозы в изгнании: литературный быт русского зарубежья. СПб.: Гиперион, 2003. 296 с.
10. *Демидова О.Р.* О системном подходе к изучению культуры русского Зарубежья // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов. Сб. статей / сост. и отв. ред. Г.И. Зверева. М.: РГГУ, 2001. С. 148–155.
11. *Демидова О.Р.* Русские парижанки в художественной и мемуарной прозе эмиграции // Русский мір: Пространство и время русской культуры. СПб.: Русская культура, 2014. Вып. 9. С. 402–413.
12. *Демидова О.Р.* Философия веры как культурно-антропологическая константа межвоенной русской эмиграции // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2017. № 1. С. 233–245.
13. *Демидова О.Р.* Эмиграция: жизнь на границе двух миров // Космополис. Весна 2004. № 1 (17). С. 70–74.
14. *Демидова О.Р.* Эмиграция как проблема философии культуры // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Философия. 2015. № 3 (Т. 2). С. 74–81.
15. *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс. М.: Изд-во Ипполитова, 2004. 376 с.
16. *Колядич Т.М.* Воспоминания писателей: проблемы поэтики жанра. М.: Мегатрон, 1998. 276 с.
17. *Морозов С.Н.* Дневники В.Н. Муромцевой-Буниной: вопросы источниковедения и текстологии // Новый филологический вестник. 2024. № 4 (169). С. 169–178. DOI: 10.54770/20729316-2024-4-169
18. *Пономарев Е.Р.* «Архипелаг ГУЛАГ» в контексте лагерной прозы // Посев. 2003. № 12. С. 7–9.
19. *Пономарев Е.Р.* Бунин и литература второй эмиграции: к постановке вопроса (Е. Гагарин, И. Елагин, Л. Ржевский, В. Самарин) // Филологические записки. 2012–2013. Вып. 31. С. 178–195.
20. *Пономарев Е.Р.* И.А. Бунин и литература второй эмиграции (Е. Гагарин, И. Елагин, Л. Ржевский, В. Самарин) // Дипийцы: исследования и материалы / отв. ред. П.А. Трибунский. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2020. С. 143–161.

21. *Пономарев Е.Р.* И.А. Бунин и Л.Н. Толстой: автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2000. 23 с.
22. *Пономарев Е.Р.* Летопись русской эмиграции: трансформации дневникового жанра в эмигрантской культуре (на примере литературного наследия В.Н. Муромцевой-Буниной) // Новый филологический вестник. 2024. № 3 (70). С. 192–202. DOI: 10.54770/20729316-2024-3-192.
23. *Пономарев Е.Р.* Между двух звезд. Повторяющиеся сюжеты Леонида Ржевского и повторяющиеся мотивы второй эмиграции // Дипийцы: Материалы и исследования / отв. ред. П.А. Трибунский. Рязань: П.А. Трибунский, 2025. Вып. II. С. 85–108.
24. *Пономарев Е.Р.* «Обнаженная» публичность литературы русской эмиграции (И.А. Бунин в центре публичной сферы) // Slavic literatures. 2024. April–May. Vol. 144–145, pp. 41–64. DOI: 10.1016/jslalit.2024.01.004
25. *Пономарев Е.Р.* Отечество в философских построениях И.А. Ильина: литературные проекции // Studia Litterarum. 2021. Т. 6. № 3. С. 222–243. DOI: 10.22455/2500-4247-2021-6-3-222-243
26. *Пономарев Е.Р.* Преодолевший модернизм: Творчество И.А. Бунина эмигрантского периода. М.: Литфакт, 2019. 340 с. (Академический Бунин; вып. 2)
27. *Пономарев Е.Р.* Русский фон «Темных аллей» И.А. Бунина // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2005. № 1 (3). С. 78–85.
28. *Попов А.В.* Российское православное зарубежье: история и источники. С прил. системат. библиогр. М.: ИПВА. 2005. 619 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции; вып. 10).
29. *Рубинс М.* Русский Монпарнас: Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма / пер. с англ. М. Рубинс, А. Глебовской. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 328 с.
30. *Федякин С.Р.* Послесловие к «парижской ноте» // Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 112–122.
31. *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / пер. с нем. В.В. Иванова. М.: Весь мир, 2016. 342 с.
32. *Хазан В.* Из наблюдений над эмигрантской поэтикой // Литературоведческий журнал. 2008. № 22. С. 123–146.
33. Le Studio Franco-Russe 1929–1931. Textes réunis et présentés par Leonid Livak. Sous la rédation de Gervaise Tassis. Toronto, The University of Toronto, 2005. 623 p. (Toronto Slavic Library; vol. 1)
34. *Mitzner, P.* Warszawski “Domek w Kołomnie”. Warszawa: Wydawnictwo Uniwesitetu Kardinała Stefana Wyszyńskiego w Warszawie, 2014. 237 s.

Источники

35. *Аксенов В.П.* В поисках грустного бэби. Две книги об Америке. М.: Независимый альманах «Конец века», 1992. 480 с.
36. *Бунин И.А.* Жизнь Арсеньева. Юность. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. 388 с.
37. *Бунин И.А.* Записные книжки / подгот. текста и примеч. Е.Р. Пономарева // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2022. Т. 110: И.А. Бунин: Новые материалы и исследования: в 4 кн. Кн. 2. С. 442–590.
38. *Бунин И.А.* Темные аллеи. Paris: La Presse Française et Etrangère, 1946. 327 с.
39. *Варшавский В.С.* Ожидание: Проза, эссе, литературная критика / сост., подг. текста, коммент. Т.Н. Красавченко, М.А. Васильевой. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, Книжница, 2016. 752 с.
40. *Газданов Г.* Вечер у Клэр. Париж: Я. Поволоцкий и К°, 1930. 189 с.
41. Духовные задачи русской эмиграции (От редакции) // Путь. 1925. № 1. С. 3–8.
42. *Иванов Г.* Собр. соч.: в 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 1. Стихотворения. 656 с.
43. *Елагин И.* Собр. соч.: в 2 т. / сост., подгот. текста, вступ. статья, примеч. Е. Витковского. М.: Согласие, 1998. Т. 1. Стихотворения. 464 с.
44. *Кленовский Д.* Собрание стихов. Париж: [Б.и.], 1980. Т. 1. 141 с.
45. *Лимонов Э.* Это я — Эдичка // *Медведева Н.* Мама, я жулика люблю! *Лимонов Э.* Это я — Эдичка. Романы. Воронеж: Центрально-черноземное книжное изд-во, 1993. С. 170–444.
46. *Мережковский Д.С.* Записная книжка. 1919–1920 // Общее дело. 1921. 27 марта. № 255. С. 2–3.
47. *Мережковский Д.С.* Записная книжка. 1919–1920 // *Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н., Философов Д.В., Злобин В.А.* Царство Антихриста. München: Drei Masken Verlag, 1922. С. 227–254.
48. *Набоков В.В.* Дар // *Набоков В.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 3. С. 5–332.
49. От редакции // Современные записки. 1920. Кн. 1. [Б. с.]
50. *Раскольников Ф.* Предисловие // *Эренбург И.* Виза времени. М.; Л.: ГИХЛ, 1931. С. 3–8.
51. *Ржевский Л.* …Показавшему нам свет (оптимистическая повесть). [Frankfurt a. M.]: Посев, [1960]. 142 с.
52. Странник. Переписка с Кленовским. Париж: [Б. и.], 1981. 317 с.
53. *Федотов Г.П.* Трагедия интеллигенции // *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. СПб.: София, 1991. Т. 1. С. 66–101.

54. *Философов Д.В.* «Воскресные беседы». Эмигрантская публицистика (1920-1939): в 4 т. / предисл., сост. и примеч. И.А. Ндяй. Ольштын: Изд-во ВМУ, 2021–2023.
55. *Цветаева М.* Стихотворения и поэмы. Л.: Сов писатель, Ленингр. отд-ние, 1990. 798 с.
56. *Черный А.* Тридцать пять лет // Русская газета. 1924. № 204. 20 дек. С. 2.
57. *Шмелев И.* Лето Господне // *Шмелев И.С.* Соч.: в 2 т. М.: Худ лит., 1989. Т. 2. С. 177–548.
58. *Шмелев И.* Солнце мертвых. М.: Скифы, 1991. 205 с.

REFERENCES

1. Belobrovtseva, I.Z. *Leonid Zurov: v teni Bunina* [*Leonid Zurov: In the Shadow of Bunin*]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2020. 240 p. (In Russian)
2. Bogdanova, O.A. "'14 dekabria' D.S. Merezhkovskogo kak roman o russkoi revoliutsii 1917 g." ["D.S. Merezhkovsky's '14 December' as a Novel about the 1917 Russian Revolution"]. *Studia Litterarum*, 2017, vol. 2, no. 2, pp. 172–189. (In Russian)
3. Garetto, E. "Avtor i geroi u Nabokova i Bakhtina" ["Author and Hero in Nabokov and Bakhtin"]. *Revue des Études Slaves*, 2000, vol. 72, fasc. 3–4, pp. 423–429. (In Russian)
4. Garziano, S.A. "Literaturovedcheskoe nasledie D.S. Merezhkovskogo na frantsuzskom iazyke v period emigratsii: perevody i retsenzii" ["The Literary Heritage of D.S. Merezhkovsky in French During Emigration: Translations and Reviews"]. In *Merezhkovskie i Evropa* [*Merezhkovskie and Europe*], ed. by V.V. Polonsky, E.A. Andrushchenko, O.A. Blinova and V.M. Vvedenskaia. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 339–350. (In Russian)
5. Grechnev, V.Ia. *O proze i poezii XIX–XX vv.* [*On the Prose and Poetry of the 19th–20th Centuries*]. St. Petersburg, Solart Publ., 2009. 374 p. (In Russian)
6. Dvinyatina, T.M., and S.N. Morozov. "Palestinskoe puteshestvie I.A. Bunina 1907 goda: khronika i kontekst" ["Bunin's 1907 Journey to Palestine: Chronicle and Context"]. *Literaturnyi fakt*, 2022, no. 2 (24), pp. 64–94. DOI: 10.22455/2541-8297-2022-24-64-94 (In Russian)
7. Demidova, O.R. "Avtobiograficheskaia saga Eduarda Limonova: ispoved' Supermena" ["Eduard Limonov's Autobiographical Saga: Confession of a Superman"]. In *Femininost' i maskulinost' v kulture moderna: Rossiia i zarubezh'e* [*Femininity and Masculinity in Modern Culture: Russia and the Rest of the World*], ed. by V.B. Zuseva-Ozkan. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 450–466. (In Russian)
8. Demidova, O.R. *Izgnan'e kak poslan'e: estezis i etos russkoi emigratsii* [*Exile as*

Message: Aesthesis and Ethos of Russian Emigration]. St. Petersburg, Russkaia kul'tura Publ., 2015. 348 p. (In Russian)
9. Demidova, O.R. *Metamorfozy v izgnanii: literaturnyi byt russkogo zarubezh'ia* [*Metamorphoses in Exile: The Literary Life of the Russian Diaspora*]. St. Petersburg, Giperion Publ., 2003. 296 p. (In Russian)
10. Demidova, O.R. "O sistemnom podkhode k izucheniiu kul'tury russkogo Zarubezh'ia" ["On a Systemic Approach to the Study of Russian Diaspora Culture"]. In *Vybor metoda: izuchenie kul'tury v Rossii 1990-kh godov* [*Choosing a Method: Studying Culture in Russia in the 1990s*], ed. by G.I. Zvereva. Moscow, RGGU Publ., 2001, pp. 148–155. (In Russian)
11. Demidova, O.R. "Russkie parizhanki v khudozhestvennoi i memuarnoi proze emigratsii" ["Russian Parisian Women in Émigré Fiction and Memoirs"]. In *Russkii mir: Prostranstvo i vremia russkoi kul'tury* [*Russian World: Space and Time of Russian Culture*], issue 9. St. Petersburg, Russkaia kul'tura Publ., 2014, pp. 402–413. (In Russian)
12. Demidova, O.R. "Filosofiia very kak kul'turno-antropologicheskaia konstanta mezhvoennoi russkoi emigratsii" ["The Philosophy of Faith as a Cultural-Anthropological Constant in the Russian Interwar Emigration"]. *Vestnik Leninagradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina*, 2017, no. 1, pp. 233–245. (In Russian)
13. Demidova, O.R. "Emigratsiia: zhizn' na granitse dvukh mirov" ["Emigration: Life on the Border of Two Worlds"]. *Kosmopolis*, Spring 2004, no. 1 (17), pp. 70–74. (In Russian)
14. Demidova, O.R. "Emigratsiia kak problema filosofii kul'tury" ["Emigration as a Problem in the Philosophy of Culture"]. *Vestnik Leninagradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. Filosofiia*, 2015, no. 3 (vol. 2), pp. 74–81. (In Russian)
15. Ippolitov, S.S. *Rossiiskaia emigratsiia i Evropa: nesostoiavshiisia al'ians* [*Russian Emigration and Europe: An Unfulfilled Alliance*]. Moscow, Ippolitov Publ., 2004. 376 p. (In Russian)
16. Koliadich, T.M. *Vospominaniia pisatelei: problemy poetiki zhanra* [*Writers' Memoirs: Problems of Genre Poetics*]. Moscow, Megatron Publ., 1998. 276 p. (In Russian)
17. Morozov, S.N. "Dnevniki V.N. Muromtsevoi-Buninoy: Voprosy istochnikovedeniia i tekstologii" ["The Diaries of V.N. Muromtseva-Bunina: Issues of Source Studies and Textology"]. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2024, no. 4 (169), pp. 169–178. DOI: 10.54770/20729316-2024-4-169 (In Russian)
18. Ponomarev, E.R. "'Arkhipelag GULAG' v kontekste lagernoi prozy" ["'The Gulag Archipelago' in the Context of Camp Prose"]. *Posev*, 2003, no. 12, pp. 7–9. (In Russian)

19. Ponomarev, E.R. “Bunin i literatura vtoroi emigratsii: K postanovke voprosa (E. Gagarin, I. Elagin, L. Rzhevskiy, V. Samarin)” [“Bunin and the Literature of the Second Emigration: Posing the Question (E. Gagarin, I. Elagin, L. Rzhevsky, V. Samarin)”]. *Filologicheskie zapiski*, 2012–2013, vol. 31, pp. 178–195. (In Russian)
20. Ponomarev, E.R. “I.A. Bunin i literatura vtoroi emigratsii (E. Gagarin, I. Elagin, L. Rzhevskiy, V. Samarin)” [“I.A. Bunin and the Literature of the Second Emigration” (E. Gagarin, I. Elagin, L. Rzhevskiy, V. Samarin)]. In *Dipiitsy: issledovaniia i materialy [Displaced People: Research and Materials]*, ed. by P.A. Tribunskii. Moscow, Dom russkogo zarubezh’ia im. A. Solzhenitsyna Publ., 2020, pp. 143–161. (In Russian)
21. Ponomarev, E.R. *I.A. Bunin i L.N. Tolstoi* [*Bunin and Tolstoy*]. PhD Dissertation Abstract. St. Petersburg, 2000. 23 p. (In Russian)
22. Ponomarev, E.R. “Letopis’ russkoi emigratsii: transformatsii dnevnikovogo zhanra v emigrantskoi kul’ture (na primere naslediya V.N. Muromtsevoi-Buninoi)” [“Chronicle of Russian Emigration: Diary Genre Transformations in Émigré Culture (The Case of V.N. Muromtseva-Bunina)”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2024, no. 3 (70), pp. 192–202. DOI: 10.54770/20729316-2024-3-192 (In Russian)
23. Ponomarev, E.R. “Mezhdu dvukh zvezd: Povtoriaiushchiesia siuzhety Leonida Rzhevskogo i povtoriaiushchiesia motivy vtoroi emigratsii” [“Between Two Stars: Repeated Plots of Leonid Rzhevsky and Repeated Motifs of the Second Emigration”]. In *Dipiitsy: Materialy i issledovaniia*, vol. II, ed. by P.A. Tribunskii. Ryazan, P.A. Tribunskii Publ., 2025, pp. 85–108. (In Russian)
24. Ponomarev, E.R. “‘Obnazhennaya’ publichnost’ literatury russkoi emigratsii (I.A. Bunin v tsentre publichnoi sfery)” [“‘Naked’ Publicity in Russian Émigré Literature: I.A. Bunin at the Center of the Public Sphere”]. *Slavic Literatures*, 2024, vols. 144–145 (April–May), pp. 41–64. DOI: 10.1016/jslalit.2024.01.004 (In Russian)
25. Ponomarev, E.R. “Otechestvo v filosofskikh postroieniiakh I.A. Il’ina: literaturnye proektsii” [“Homeland in the Philosophical Frameworks of I.A. Ilyin: Literary Projections”]. *Studia Litterarum*, 2021, vol. 6, no. 3, pp. 222–243. DOI: 10.22455/2500-4247-2021-6-3-222–243 (In Russian)
26. Ponomarev, E.R. *Preodolevshii modernizm: Tvorchestvo I.A. Bunina emigrantskogo perioda* [*Beyond Modernism: The Émigré Period of I.A Bunin’s Work*]. Moscow, Litfakt Publ., 2019. 340 p. (In Russian)
27. Ponomarev, E.R. “Russkii fon ‘Temnykh allei’ I.A. Bunina” [“The Russian Background of Bunin’s ‘Dark Avenues’”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul’tury*, 2005, no. 1 (3), pp. 78–85. (In Russian)
28. Popov, A.V. *Rossiiskoe pravoslavnoe zarubezh’e: istoriia i istochniki* [*Russian*

Orthodox Diaspora: History and Sources], with systematic bibliography. Moscow, IPVA Publ., 2005. 619 p. (In Russian)
29. Rubins, M. *Russkii Monparnas: Parizhskaia proza 1920–1930-kh godov v kontekste transnatsional'nogo modernizma* [*Russian Montparnasse: Parisian Prose of the 1920s–1930s in the Context of Transnational Modernism*], trans. from English by M. Rubins and A. Glebovskaia. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 328 p. (In Russian)
30. Fediakin, S.R. "Posleslovie k 'Parizhskoi note'" ["Afterword to the 'Parisian Note'"]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, 2008, no. 22, pp. 112–122. (In Russian)
31. Habermas, J. *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery: Issledovaniia otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva* [*The Structural Transformation of the Public Sphere*], trans. from German by V.V. Ivanov. Moscow, Ves' mir Publ., 2016. 342 p. (In Russian)
32. Khazan, V. "Iz nabliudenii nad emigrantskoi poetikoi" ["Observations on Émigré Poetics"]. *Literaturovedcheskii zhurnal*, 2008, no. 22, pp. 123–146. (In Russian)
33. *Le Studio Franco-Russe 1929–1931*, ed. and presented by L. Livak, chief ed. G. Tassis. Toronto, University of Toronto, 2005. 623 p. (In French)
34. Mitzner, P. *Warszawski 'Domek w Kołomnie'* [*The Warsaw 'House in Kolomna'*]. Warszawa, Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego w Warszawie, 2014. 237 p. (In Polish)

Дата поступления статьи: 20 ноября 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 23 декабря 2023 г.
Дата публикации: 29 декабря 2025 г.

Received: November 20, 2023
Approved*:* December 23, 2023
Date of publication: December 29, 2025

Научная статья

УДК 821.054.7.0
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-77-109
https://elibrary.ru/ZOZSCS

ЭМИГРАНТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОЛЬШЕ (ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

© 2025. И.А. Ндяй

Аннотация: Статья представляет систематический обзор развития эмигрантологических исследований в рамках польской русистики, охватывающий период с конца 1980-х до начала 2020-х гг. Основное внимание уделяется процессу институционализации этой междисциплинарной области знания, интегрирующей методологические подходы истории, культурологии, литературоведения и социальных наук. В работе анализируется вклад ведущих научных центров Польши, включая Ягеллонский и Варшавский университеты, а также деятельность Комиссии по эмигрантологии славян при Международном комитете славистов. Особое место отводится теоретическим разработкам профессора Л. Суханека, сформулировавшего концептуальные основы дисциплины, включая антропологическую модель «homo emigrans» и геопоэтический анализ эмигрантского пространства. Автор выделяет три основных направления исследований: изучение литературного наследия, анализ культурных институций и реконструкцию идеологических движений русской диаспоры. Статья включает обзор наиболее значимых публикаций польских ученых, демонстрируя эволюцию от документальных исследований к теоретическим обобщениям. Делается вывод о существенном вкладе польской школы в разработку методологии эмигрантологии как самостоятельной научной дисциплины.
Ключевые слова: Л. Суханек, эмигрантология, русистика в Польше, Международный комитет славистов.

Информация об авторе: Ивона Анна Ндяй — доктор филологических наук, профессор, Институт литературоведения, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне, ул. Очаповского, д. 2, 10-719 г. Ольштын, Польша.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3881-0474
E-mail: anna.ndiaye@uwm.edu.pl

Для цитирования: *Ндяй И.А.* Эмигрантологические исследования в Польше (теоретико-исторический очерк) // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Вып. 3 / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 77–109.
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-77-109

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

EMIGRANTOLOGICAL RESEARCH IN POLAND (THEORETICAL AND HISTORICAL ESSAY)

© 2025. Iwona A. Ndiaye

Abstract: The article presents a systematic overview of the development of émigré studies (émigrantology) within Polish Russian studies, covering the period from the late 1980s to the early 2020s. It focuses on the institutionalization process of this interdisciplinary field that integrates methodological approaches from history, cultural studies, literary criticism, and social sciences. The work analyzes contributions from leading Polish research centers, including Jagiellonian University and University of Warsaw, as well as the activities of the Commission for Slavic Émigré Studies under the International Committee of Slavists. Special attention is given to the theoretical frameworks developed by Professor L. Suchanek, who formulated the conceptual foundations of the discipline, including the anthropological model of "homo emigrans" and geopoetic analysis of émigré space. The author identifies three main research directions: study of literary heritage, analysis of cultural institutions, and reconstruction of ideological movements within the Russian diaspora. The article includes a review of the most significant publications by Polish scholars, demonstrating the evolution from documentary research to theoretical synthesis. It concludes by emphasizing the substantial contribution of the Polish school to developing émigrantology as an independent scholarly discipline with its own methodology.

Keywords: L. Suchanek, emigrant studies, Russian studies in Poland, International Committee of Slavists.

Information about the author: Iwona A. Ndiaye, DSc in Philology, Professor, Institute of Literary Studies, University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Ochapovsky St., 2, 10-719 Olsztyn, Poland.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3881-0474
E-mail: anna.ndiaye@uwm.edu.pl

For citation: Ndiaye, I.A. "Emigrantological Research in Poland (Theoretical and Historical Essay)." *Emigrantica*. Issue 3, ed.-comp. E.R. Ponomarev, acad. ed. E.R. Ponomarev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 77–109. (In Russian)
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-77-109

Введение

Термин «славянская эмигрантология» был введен в 1998 г. Люцианом Суханеком, профессором Ягеллоноского университета в Кракове (Польша): «Термин эмигрантология происходит от слов "эмигрант", "эмиграция", которые не являются семантически однозначными понятиями ни с точки зрения политико-правовых, ни экзистенциально-антропологических, ни эмоциональных аспектов. Семасиологической проблемой являются разнообразные термины: эмигрант, беглец, изгнанник, странник, паломник, потому что в зависимости от конкретного понимания этих понятий, определение эмигрантологии расширяется или сужается» [24, с. 2]. В своем выступлении на круглом столе по теме «Эмигрантология — наука о эмигрантской литературе и культуре», организованном в рамках XII Международного конгресса славистов в Кракове, польский ученый констатировал: «Наследие эмиграции дает возможность многоаспектного анализа, что показывают многочисленные работы по литературоведению. Существует огромное количество трудов, посвященных литературе в аспекте как идейно-мировоззренческом, тематическом, так и формальном. Имеются труды о других формах культуры: живописи, театре, музыке, балете, кино. Описываются эмигрантские центры, институты и формы культурной жизни, ситуация Православной Церкви. В последнее время появляется все больше трудов — исторических, источниковедческих и архивных —

на тему политико-идеологической дифференциации эмиграции, расслоения многочисленных партий, идейно-философских движений, группировок, творческих и профессиональных ассоциаций» [23, с. 184–185]. Специфику эмигрантологических исследований Л. Суханек представлял также на круглом столе «Литературоведческая славистика в период глобализации» XIII Конгресса славистов в Любляне (2003) и на Конгрессе славистов в Македонии (2008), на XIV Международном конгрессе славистов в Кракове он выступил с докладом «Эмигрантология: достижения и перспективы» [26, с. 159–169].

С этого момента термин «эмигрантология» вошел в научный оборот. В 2000 г. Юрий Борев заявил, что «рождается новая дисциплина — эмигрантология» [1, с. 166]. Итак, эмигрантология — это область интердисциплинарных исследований, которые используют достижения таких наук, как история, культурология, литературоведение, языкознание, искусствоведение, религиоведение, социология, политология, педагогика и другие. Объектом ее исследований являются сложные процессы эмиграции с учетом политических, исторических, социальных и культурных аспектов: «Это интердисциплинарная область знаний, охватывающая наследие и письменность эмиграции в области таких наук, как история, культурология, литературоведение, философия и политическая мысль, языкознание, религиоведение, история искусства и другие. Специфической особенностью эмигрантологии, особенно в контексте русской эмиграции, является тамиздат — эмиграция текстов» [24, с. 2–3].

В современной науке эмиграция рассматривается как явление мирового масштаба и феномен европейской культуры: «Предметом исследования эмигрантологов является история эмиграции, судьбы и положение эмигрантов, ее институты (учебные заведения, университеты, издательства и типографии) и организационные формы (кружки, объединения, партии), духовная, религиозная и политическая жизнь, достижения в различных областях письма (журналистика, документальное письмо, эссе, научные, философские, религиозные тексты), многочисленных видах искусства: театр, балет, опера, кино, изобразительное искусство, музыка, а также достижения в науке» (ст. 3 Положения о Комиссии по эмигрантологии славян Международного комитета славистов).

Учитывая интердисциплинарный характер исследований, важную роль в эмигрантологии, по мнению Л. Суханека, должна играть философская антропология [8, с. 11–21]. На эту тему польский ученый писал в статье «Место антропологии в эмигрантологических

исследованиях», а также выступал с этим материалом на конференции в Белграде: «Одним из самых важных аспектов исследований являются рассуждения на тему эмигранта как типа человека. В эмигрантологических исследованиях особенную роль должна играть философская антропология — философия человека, которая отвечает на вопрос: Кто есть человек?» [27, с. 147–154]. Анализ этой проблемы показывает, что эмигрант — *homo emigrans* — это один из антропологических типов (аспектов) человека, таких как *homo socialis, homo oeconomicus, homo religiosus, homo politicus*. Одной из основных теоретико-методологических проблем эмигрантологии является отношение эмиграции к метрополии. В зависимости от методологи, принятой исследователями, литературное и общекультурное наследие эмигрантов включаются в процесс развития метрополии, и тогда обращается внимание на пространство ее существования, или утверждается, что эмиграция и диаспора, как две автономные сферы, сосуществуют синхронически» [6, с. 11–12]. Кроме того, полезными следует признать достижение в области геопоэтики: «Напомним, что в последнее время очень активными стали исследования пространства, подчеркивается, что благодаря *spatial turn* (пространственное обращение) появилась новая перспектива. Это посструктуралистические гуманитарные исследования, которые имеют интердисциплинарный характер. Появился термин *гуманитарная география*, которая может быть очень полезной в городских исследованиях (*studia miejskie, urbanistyczne*) — города были главными локусами, в которых жили эмигранты. Такие исследования могут быть полезны также в отношении памяти покинутого пространства, как в смысле историческом, так и символическом. В исследованиях такого типа появился термин *homo geographicus*. Это особенно важно с точки зрения ностальгической перспективы экзистенции эмигранта, неспособного к ассимиляции с новой средой. В его уме рождается тогда мифический аспект прошлого — память и пространство детства» [6, с. 9].

Концепция эмигрантологии как научной дисциплины находится в центре внимания многих исследователей в Польше и в других европейских странах. Однако особого внимания заслуживают публикации Л. Суханека, признанного «отцом польской эмигрантологии» [6, с. 9–12; 7, с. 127–130; 8, с. 11–21; 9, с. 17–21; 10, с. 2–5; 22, с. 203–208; 23, с. 173–189; 24, с. 2–3; 25, с. 42–45; 26, с. 159–169; 27, с. 147–154; 31; 32, с. 259–272; 33, с. 73–88].

Эмигрантологические исследования в Польше

По справедливому замечанию Л. Суханека, как термин, так и концепция эмигрантологии не появились *deus ex machina* [6, с. 9–12; 29, с. 42–45]. Они возникли в результате многолетней индивидуальной и групповой исследовательской работы многих ученых. Изучение отдельных тем в области эмигрантологии осуществляется в Польше с конца 1980-х гг. Во многочисленных польских университетах периодически организуются тематические конференции, осуществляются художественные переводы, ведутся исследования и готовятся научные диссертации, посвященные вопросам эмиграции. Источниковую базу данного эмигрантологического наследия можно разделить на три группы. К первой группе относятся переводы на польский язык произведений эмигрантов: художественная проза, стихи, аналитические эссе. Ко второй — многочисленные публикации в периодической печати, критико-литературные обзоры: рецензии, критические статьи, литературоведческие работы. Их число пополняют коллективные послеконференционные сборники, регулярно выпускаемые университетскими изданиями, в которых достаточно подробно рассматриваются формальные и проблемно-тематические аспекты творчества знаменитых русских эмигрантов. К третьей — биографии зарубежных авторов, переведенные и переизданные в польских издательствах.

Первая попытка определить научно-исследовательский вклад польской русистики в области эмигрантологии была осуществлена в 2015 г. И. Ковальской-Пашт. По ее справедливому замечанию, «особой ценностью обладают монографии, содержащие как глубокие научные обобщения, так и существенные исследовательские детали. В изучении русской эмигрантской литературы доминируют литературоведческие анализы, сосредоточенные на отдельных произведениях и авторах» [3, с. 91–95]. Эту группу польских исследований открывают во многом пионерские работы выдающихся русистов: А. Дравича, Г. Пшебинды, А. Володзько, Л. Суханека и др. (подробный список см. Приложение). Одним из первых, кто знакомил польских читателей и студентов с наследием трех волн русской эмиграции был А. Дравич, литературный критик, эссеист, знаток, энтузиаст и переводчик русской литературы (в том числе поэзии И. Бродского). Его публикации еще в 1981 г. распространялись в нелегальных изданиях [13][1].

[1] С 1977 г. А. Дравич входил в редколлегию неподцензурного журнала «Запись». В 1979–1981 гг. член независимого Общества научных курсов (подпольного университета).

В изучении русской эмигрантской прозы и поэзии основное внимание уделяется авторам первой и третьей волны русской эмиграции. М. Арцыбашева, И. Бунина, З. Гиппиус, Б. Зайцева, Д. Мережковского, В. Набокова, В. Ходасевича, а также А. Амальрика, И. Бродского, В. Войновича, А. Зиновьева, Э. Лимонова, В. Максимова, А. Минчина, А. Солженицына и др. В свою очередь к крупным специалистам в области истории и литературы второй волны эмиграции принадлежит проф. Г. Нефагина, главный редактор научного журнала «Полилог. Неофилологические штудии» (*Polilog. Studia Neofilologczne*), который издается Кафедрой неофилологии и Кафедрой английской филологии Поморского университета в Слупске. «Основная ценность вышеупомянутых трудов состояла в исследовательской новизне проблематики и довольно широком выборе представленных текстов и авторов, а также в высоком профессиональном уровне литературоведческого осмысления. Сегодня, 20 лет спустя, интересными кажутся их познавательные стороны, направленные на формулирование теоретического аспекта (Володзько), а также выявление идейных конфликтов внутри третьей эмиграции (Суханек)» [3, с. 88]. Следует также упомянуть изданные стараниями польских русистов литературные антологии русской эмиграции [41; 42; 43].

За Л. Суханеком отметим, что «в россиеведческих эмигрантологических исследованиях важное место принадлежит работам по философии и общественно-политической мысли. В Польше они появлялись в основном в двух центрах — лодзинском и краковском; оба они выпускают серии трудов по русской философии. В польской эмигрантологии появились книги, посвященные Н. Бердяеву, С. Франку, С. Гессену, есть книги, посвященные евразийству. Взгляды русских эмигрантских мыслителей (Г. Федотов, Ф. Степун, Н. Лосский, В. Зеньковский, Л. Карсавин) были представлены также в собирательных трудах» [9, с. 17–21]. Данный список пополняет учебное пособие «Философский пароход: в 3-х тт.» (Ольштын, 2019, ред. И.А. Ндяй), которое позволяет проследить важнейшие тенденции развития русской философской мысли в 1920–1940 гг. В текстах, составляющих первый том, осуществляется исторический обзор, выясняются генетические корни и очерчивается проблематика философской мысли XX в. Второй том посвящен истории эмигрантской мысли. Здесь также затронута проблема взаимодействия философской мысли с литературным творчеством. Собранные в третьем томе оригинальные исследования общемировоззренческого характера помогают осмыслить богатство философских идей пред-

ставителей первой волны русской эмиграции. В пособии помещен словарь терминов и понятия по курсу «Русская философия». Важную часть трехтомника составляют тесты, с помощью которых можно самостоятельно проверить качество усвоения материала [38; 39; 40].

Основные центры эмигрантологических исследований в Польше

Говоря об эмигрантологических центрах, мы имеем в виду не отдельные конференции или публикации, а углубленные исследования, которые на протяжении многих лет ведутся научно-исследовательскими группами, реализацию научных грантов, публикацию коллективных сборников и научных диссертаций. Учитывая значительные достижения в этой области, следует выделить ведущие центры, у которых есть свои лидеры: Быдгощ (И. Мияновска), Варшава (А. Володько), Гданьск (Я. Салайчикова), Зелена Гура (Н. Бельняк), Краков (Л. Суханек), Люблин (А. Возьняк), Ольштын (И.А. Ндяй), Ополе (Б. Кодзис), Слупск (Г. Нефагина), Щетин (И. Ковальска-Пашт) (список публикаций см. Приложение). Из этого обширного списка мы решили более подробно представить четыре — с нашей токи зрения, наиболее значительные.

Среди всех центров следует выделить научные достижения сотрудников Института восточнославянской филологии старейшего в Польше Ягеллонского университета в Кракове. В особенности стоит напомнить работы краковских ученых, которые специализируются главным образом на литературе писателей третьей волны. Группа сотрудничала с Русским университетом в Бохуме (Lotman-Institute für russische Kutlturstudien) и с Российской академией наук в Москве (Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН). Краковские исследователи побывали в Бохуме, Кельне, Удине, Базеле, Лондоне и др., где осуществляли архивно-поисковую работу. В 1991 г. Л. Суханек благодаря стипендии от Генрих-Гертц-Штифтунг (Heinrich Hertz-Stiftung) из Дюссельдорфа имел возможность ознакомиться с научными материалами, доступными тогда только за пределами Польши. Существенную роль сыграли поездки в качестве приглашенных профессоров: Л. Суханека — в Бохум, А. Дравича — в Лондон [26, с. 159–169].

В результате многолетней работы исследовательской группы «Литература русского зарубежья и тамиздата»[2], организованной

[2] Члены исследовательской группы: А. Дравич, А. Разьны, В. Щукин, Л. Либурска, К. Петрицка-Бохосевич, А. Дудек.

Л. Суханеком, в 1993 г. была опубликована фундаментальная работа «Эмиграция и тамиздат. Очерки о современной русской прозе» (*Emigracja i tamizdat. Szkice o współczesnej prozie rosyjskiej*) [14]. В статьях, собранных в данной коллективной монографии, проанализированы главные книги В. Аксенова, Г. Владимова, В. Войновича, В. Гроссмана, Вен. Ерофеева, А. Зиновьева, В. Некрасова, Б. Пастернака, А. Синявского, Л. Чуковской, В. Шаламова. В рецензии, помещенной в «Новом мире» (1994. № 2), Олег Клишин отмечал: «Отнюдь не игнорируя “диссидентскую” направленность этих книг, противостоявших официальной идеологии, особое внимание авторы уделяют их поэтике, литературным традициям, в которых они созданы, их включенности в контекст русской и мировой литературы. Монографические статьи об отдельных произведениях дополняет обзорная работа Л. Суханека об эмигрантских журналах, сборниках и издательствах 60–80-х гг., об острых дискуссиях по ряду идейно-политических и литературных проблем и о расколе в эмиграции. Сборник включает также небольшие информационные статьи о рассматриваемых писателях, содержащие помимо биографических сведения о публикации их произведений и посвященных им книг и статей. Книга снабжена справками об авторах и указателем имен» [2].

В новой научной серии «Русская литература. Эмиграция. Тамиздат. Самиздат» изданы другие коллективные труды, разработанные вышеупомянутой исследовательской группой: «Свидетельствовать об истине. Портреты современных русских писателей» (польск. Dać świadectwo prawdzie. Portrety współczesnych pisarzy rosyjskich, 1996) [12], «Реалисты и постмодернисты. Силуэты современных русских эмигрантских писателей» (*Realiści i postmoderniści. Sylwetki współczesnych rosyjskich pisarzy emigracyjnych,* 1997) [17]. «Научные результаты работы исследовательской группы из Ягеллонского университета значительны. Во-первых, следует отметить последовательность в реализации поставленных задач, во-вторых, эта работа стала импульсом для отдельных ученых к расширенному, углубленному литературоведческому и культурологическому толкованию достояния писателей-эмигрантов и нонконформистов, что нашло отражение в ряде монографических трудов» [3, с. 88]. Среди них наиболее значительные место занимают монографические работы Л. Суханека: «Александр Солженицын. Писатель и публицист» (*Aleksander Sołżenicyn. Pisarz i publicysta*, 1994) [19], «Homo sovieticus. Светлое будущее. Гниющий Запад. Творчество Александра Зиновьева» (*Homo sovieticus. Świetlana przyszłość. Gnijący Zachód. Pisarstwo Aleksandra*

Zinowiewa, 1999) [28], «Изгой и герой. Творчество Эдуарда Лимонова» (*Parias i heros. Twórczość Eduarda Limonowa*, 2001) [30] и др. [20; 21; 27]. Данные издательские проекты ставили целью содействие сохранению и популяризации литературного наследия русской эмиграции. Их значимость подчеркивает тот факт, что они носили пионерский характер.

Одним из первых вузов, который инициировал цикл научных конференций, посвященных вопросам русской эмигрантской литературы, был Институт русистики Варшавского университета. Доклады, представленные на первой конференции, организованной 9–10 ноября 1995 г. в сотрудничестве с Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова, освещали творчество писателей первой (М. Арцыбашев, Б. Поплавский, В. Ходасевич, Н. Берберова) и третьей волны эмиграции (А. Зиновьев, В. Войнович). Кроме того, были представлены темы, касающиеся культурной жизни русской эмиграции в Варшаве, Праге и Берлине. Несомненным лидером среди варшавских эмигрантологов оставалась А. Володзько, один из самых выдающихся ученых в области исследования современной русской литературы, переводчик художественной прозы, редактор и издатель, эрудированный публицист, академический педагог [11, с. 7]. А. Володзько — автор многих книг, следи которых особое место занимает монография «Пасынки России. О прозаиках третьей эмиграции» (*Pasierbowie Rosji. O prozaikach trzeciej emigracji*, 1995), в которой представлена судьба С. Довлатова, В. Максимова, Ю. Алешковского, творчество которых тогда не было известно польскому читателю [34]. Внимание автора сосредоточено на художественных текстах, политический контекст оставлен в стороне. По мнению П. Фаста, «важным элементом данного исследования является также обсуждение связей русских писателей-эмигрантов с польской эмигрантской литературой, в частности сотрудничества журнала “Континент” с “Культурой” Ежи Гедройца. “Пасынки России…” — это не только новаторская в нашей стране [Польше — *И.А.Н*] попытка синтеза русской литературы третьей волны русской эмиграции, но скорее всего первая работа по этой теме, свободная от политических и идеологических разногласий» [15, с. 29]. В переводе А. Володзько была издана публицистика А. Солженицына 1973–1980 гг. [44].

Важную роль на «эмигрантологической карте» Польши занимает Университет в г. Ополе. Как мы уже отметили, именно на опольских конференциях был обнародован сам термин «эмигрантология», а также проведены дискуссии, касающиеся роли и направления деятельности Комиссии по эмигрантологии славян (КЭС). На засе-

дании комиссии, которое состоялось 22 сентября 2014 г. в Ополе, было принято решение о создании научного журнала «Эмигрантология славян» (ISSN 2543-5787). Рецензируемый ежегодник издается в электронной форме на славянских языках, начиная с 2015 г. Как отмечал проф. Бронислав Кодзис, главный редактор журнала: «На его страницах помещаются статьи, относящиеся ко всем формам литературной и культурной деятельности славян в эмиграции (центры, общества, школы, развитие кино и театрального искусства, живописи и музыки, творчества литераторов, философов, историков и языковедов, режиссеров и актеров, художников, певцов и танцовщиков, издательской, просветительской и образовательной деятельности, функционирования славянских языков в эмиграции)» (см. интернет-сайт комиссии). За почти 10 лет своего существования журнал стал важной платформой обмена взглядами и знаниями для славистов-эмигрантологов из европейских стран. Журнал индексируется в престижной базе CEEOL, которая является частью Clarivate Analytics (Web of Science).

Ведущим центром современной эмигрантологии в Польше стал также Ольштын, где история и культура русской эмиграции исследуются больше 30 лет. Одно из первых изданий — коллективная монография «Русская «эмигрантская» литература. Язык, стиль, поэтика» (*Rosyjska literatura „emigracyjna". Język, styl, poetyka*», 1992) [18]. Том под редакцией В. Пилата являлся совместным изданием Кафедры русской филологии Высшей педагогической школы в Ольштыне, Варшавского университета и Государственного университета в Калининграде. Стоит также напомнить публикацию ольштынского исследователя И. Рудзевич «Русские писатели-эмигранты в Польше», изданную в 1994 г. петербургским издательством «Образование», в которой предпринята удачная попытка хронологически воссоздать картину восприятия творчества В. Набокова и И. Бродского польской критикой и читателями, упомянуть основные статьи и рецензии, посвященные переведенным текстам, а также другие материалы, касающиеся жизни и творчества эмигрантских поэтов [5]. Среди ольштынских исследователей, предпринявших попытку заполнить пробелы в истории русской эмиграции в Польше, следует отметить также публикации Т. Зенковича, О. Летко-Спыхалы, И. Семяновской и др.

Тридцатилетний опыт научно-исследовательской работы литературоведа и переводчика И.А. Ндяй позволяет считать ее настоящим лидером ольштынского коллектива. Многочисленные публикации посвящены деятельности Д.В. Философова в Польше, определению

той значительной роли, которую он сыграл в среде русской эмиграции, а также его тесным связям с польской интеллигенцией. Продолжением большой библиографической и издательской работы, предпринятой Т.Ф. Пропоковым, О.А. Коростелевым и П. Мицнером, считаем научное издание «Воскресные беседы. Эмигрантская публицистика Д.В. Философова (1920–1939): в 4-х тт. Т. 1. «Царство Антихриста», Т. 2. «Идеологические искания, эмигранты, миссия эмиграции», Т. 3. «Польский вопрос», Т. 4. «В ожидании тревоги: международное обозрение», подготовленное накануне 80-летия со дня смерти [35; 36; 37]. Концепция четырехтомного издания эмигрантской публицистики Д. Философова строится с учетом нескольких критериев. В основе задуманного проекта лежит убеждение в том, что еженедельные и общественно-политические газеты, выходившие в Варшаве с 1920 по 1940 гг., оставили свой яркий след в истории журналистики русского зарубежья. В этом издании впервые предпринята попытка собрать воедино хотя бы часть обширного эмигрантского публицистического наследия Д. Философова. В тематических томах собраны наиболее любопытные и показательные общественно-политические, религиозно-философские и литературно-критические статьи Философова, опубликованные в варшавских газетах «Свобода», «За свободу!», «Молва», «Меч», «Вядомости Литерацке» (*Wiadomości Literackie*). Значение данного исследовательского проекта подчеркивает тот факт, что литературно-критическое и публицистическое наследие редко поднимается польскими литературоведами.

И. Ндяй является также инициатором публикаций, которые заслуживают особого внимания в контексте разговора о знакомстве польского читателя с творчеством Н. Тэффи. Монография «Под маской Талии… О поэтической идентичности Надежды Тэффи» (*Pod maską Talii… O poetyckiej tożsamości Nadieżdy Teffi*, 2019) [16] награждена на XI Международном литературно-художественном фестивале «Русские мифы» за «большое творческое вложение в современную культуру» (2019) и наградой Польской академии наук в области гуманитарных и общественных наук (2021). Последняя монография «Мода в жизни и творчестве Надежды Тэффи» (2024) [4] послужила основой для создания русскоязычной художественной выставки, подготовленной Русской школой-студией «Авангард»-Лион. Презентация выставки была приурочена к открытию Форума русских школ, который прошел 4 октября 2024 г. в Париже.

Важным издательским проектом является серия «Великие имена русских эмигрантов» (*Luminarze Rosyjskiej Emigracji*, ред. Г. Ой-

цевич, И. Ндяй). В рамках серии было издано 8 томов, редакторы которых поставили перед собой весьма непростую задачу: создать основу знаний о тех эмигрантах, рецепция которых в Польше сравнительно непродолжительна по времени и еще не очень обширна по своим масштабам. Исходя из данных позиций были изданы тома, посвященные таким личностям, как И. Бунин, Б. Поплавский или Мать Мария (Скобцова). Редакторы руководствовались желанием представить обширную критическую и мемуарную литературу, а также литературные произведения, впервые переведенные на польский язык. В серии опубликованы также коллективные монографии с участием исследователей из Польши, России, Франции и Туниса, представляющие исследования в области истории, литературы, культуры и искусства. Этот разнообразный тематически и методологически материал посвящен эмигрантам первой, второй и третьей волн русской эмиграции.

В январе 2018 г. в Институте восточного славяноведения ВМУ в Ольштыне была образована научно-исследовательская группа. Исследования по теме «Эмигрантоведение. Интерпретация — рецепция — перевод», осуществляемые под руководством И. Ндяй, были направлены на описание вопросов в области истории и культурного наследия русской эмиграции, которые могут быть отнесены к различным тематическим областям (история русского литературного процесса, вопросы интерпретации художественных текстов, польско-российских отношений, литературного и художественного перевода). Результаты научной работы публиковались в сериях: «Великие имена русской эмиграции», «Теория и практика перевода» (*Teorie i Praktyka Przekładu*, ред. Б. Еглинска, И. Ндяй), «Между словами — между мирами» (*Między Słowami — Między Światami*, ред. Э. Куявская-Лис, И. Ндяй). Кроме того, статьи о русской эмиграции регулярно публиковались в научном журнале «Acta Polono-Ruthenica», который издавался непрерывно в 1996–2019 гг. Основным предметом научной рефлексии, представленной в журнале, были польско-восточнославянские культурные, литературные и языковые связи с особым взглядом на белорусскую, русскую и украинскую литературу. Этот объем был расширен за счет новой рубрики «Эмигрантологические исследования».

Важной составляющей работы ольштынской группы является международное сотрудничество. К основным зарубежным партнерам следует отнести Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Институт мировой литературы им. А.М. Горького в Москве. Одной из форм сотрудничества являлись совместно проводимые

конференции из цикла «Великие имена русской эмиграции». Были реализованы совместные издательские проекты в рамках серии «Великие имена русской эмиграции», а также семинары и конференции в области эмигрантологии. Начиная с 2014 г. в Ольштыне было проведено семь научных международных конференций: «Иван Бунин. Писатель. Переводчик. Человек» (2014), «Писательницы русской эмиграции» (2015), «Александр Солженицын и русская эмиграция» (2017), «Душа вещи: быт и бытие русской эмиграции в ее книгах, письмах и воспоминаниях» (2018), «Homo geographicus: Творчество русских эмигрантов в перспективе литературной географии» (2019), «Эмигрант на rendez-vous с миром: топика дома и чужбины в литературе русского зарубежья» (2020), «Ностальгия: мифы, судьбы и литературный опыт русской эмиграции» (2021). Организаторы международной конференции «Homo geographicus…», которая прошла 14–15 октября 2019 г. в Ольштыне, подчеркивали: «Читая написанные в эмиграции книги, мы думаем о Константинополе и Белграде, о Варшаве и Париже, о Шанхае и Нью-Йорке, о Брисбене и Рио де Жанейро. Русская эмиграция раздвинула границы бытия русского человека — теперь пространством, в котором живут русские, стал весь мир. Литература тоже путешествует в пространстве, взаимодействует с ним, поддается его влиянию и обретает черты новых локусов. Не отказываясь от выдающихся представителей русского зарубежья, но об руку с ними, мы хотели бы отправиться в путь и посвятить нашу пятую встречу литературной географии. Геопоэтика стала важным инструментом в осмыслении литературного наследия эмиграции, ведь именно геопоэтика позволяет раскрыть и осмыслить живую реальность эмигрантского опыта. Геопоэтика может быть воспринята нами как одна из стратегий в постижении феномена русской эмиграции XX столетия в ее литературных практиках и в рамках экзистенциальной географии» (программа конференции). Конференции, проходящие в Ольштыне в форме междисциплинарных научных встреч с участием филологов, культурологов, переводчиков и историков, сопровождались насыщенной культурной программой, включающей презентации книг, авторские вечера, тематические выставки, кинопоказы, театральные представления.

Феномен (э)миграции, а также неразрывно связанные с ним понятия культурной памяти и культурной идентичности, ставят перед современной эмигрантологией новые задачи. Поэтому в 2023 г. был задуман проект «(Э)миграция — культурная идентичность — культурная память», целью которого является создание площадки для научного дискурса польских и зарубежных специалистов в области

литературы, культуры и истории эмиграции. По итогам конференций, организованных Варминско-Мазурским университетом при содействии Лионского университета (Université Jean Moulin — Lyon 3) и Комиссии по эмигрантологии славян Международного комитета славистов публикуются коллективные сборники в рамках научной серии «Ольштынские эмигрантологические штудии» (Olsztyńskie Studia Emigrantologiczne, изд. Издательство ВМУ в Ольштыне).

Сотрудники Кафедры русского языка и литературы Варминско-Мазурского университета в Ольштыне предпринимают и координируют различные научные и образовательные проекты по теме эмиграции. В 2019–2020 гг. в Институте литературоведения ВМУ под руководством проф. И.А. Ндяй был реализован международный переводческо-образовательный проект «Русские поэты эмигранты — Юбиляры 2020 года». Проект был осуществлен в партнерстве с Пятигорским государственным университетом (РФ). В 2020 г. реализован образовательный проект «Иван Бунин в Польше — прием, перевод, образование». Организация дискуссионной панели и выставки в университетской библиотеке в Ольштыне стало возможным благодаря финансированию в открытом конкурсе проектов, направленных на диалог и взаимопонимание в польско-российских отношениях (Центр польско-российского диалога и взаимопонимания, курируемый Министерством культуры и национального наследия Республики Польша).

Комиссия по эмигрантологии славян Международного комитета славистов

Наследие эмигрантской культуры и литературы остается в центре научных интересов современной славистики. Перспективы интердисциплинарных исследований в области эмигрантологии в Польше и во многих других странах очень широки. Их значение для развития науки, в особенности славистики, послужило основой для создания Комиссии по эмигрантологии славян.

Комиссия была основана в 2008 г. в Польше по инициативе Л. Суханека. В 2008–2013 гг. она действовала при Комитете славяноведения Польской академии наук. 23 сентября 2009 г. в Ополе состоялось первое заседание Комиссии, на котором был учрежден список ее членов и произошел выбор заместителя председателя и секретаря. По предложению председателя Комиссии заместителем выла избрана проф. Иоанна Мяновска (Унивеситет в г. Быдгощ),

а секретарем проф. Бронислав Кодзис (Университет в г. Ополе). 29 мая 2013 г. от имени Управления председатель обратился к куратору Научных комиссий Международного Комитета славистов, проф. Станиславу Гайде с предложением включить Комиссию по эмигрантологии славян в состав комиссий при Международном Комитете славистов. Официально этот этап завершился в сентябре 2013 г. на XV Международном Конгрессе славистов в Минске. По предложению председателя Отдела общественных наук Академии ее председателем был назначен Л. Суханек [23, с. 173–189].

С момента включения польской комиссии в состав комиссий Международного конгресса славистов (как одна из 39) и приобретения международного статуса начался процесс привлечения кандидатов из других стран. Количество ее членов постепенно растет согласно списку, который был официально передан секретарем КЭС в 2025 г. куратору Научных комиссий Международного комитета славистов, проф. Петеру Женпюху из Словакии, комиссия насчитывает 80 человек. Члены Комиссии по эмигрантологии славян происходят из многих европейских стран. Кроме Польши (38 человек), из Беларуси, Бельгии, Германии, Греции, Израилия, Испании, России, Турции, Эстонии, Франции, Чехии[3].

Основные сферы работы Комиссии: «мониторинг и координирование исследований по эмигрантологии в странах, являющихся членами Международного Комитета славистов, организация научных конференций в этих странах и публикация коллективных трудов по этой теме, а также приготовление эмигрантологической библиографии членов Комиссии. Одной из первых задач должно быть — согласно рекомендации КМС — создание интернет-сайта Комиссии» (Из выступления Л. Суханека на конференции в г. Ополе [6, s. 11]).

Деятельность комиссии регламентируется соответствующими положениями Статута, который был одобрен на заседании Пленума Международного комитета славистов в Париже 13 декабря в 2021 г.

За весь период существования комиссии были изданы многочисленные индивидуальные монографии, конференционные сборники

[3] В результате выборов в первый состав Правления КЭС входили: проф. Л. Суханек (Польша), председатель, заместители председателя: проф. И. Мияновска (Польша), проф. Л. Звонарева (Россия) и проф. М. Бомиг (Италия), М. Глушковский (Польша) как секретарь и проф. Б. Кодзис (Польша). В президиум Комиссии вошли: проф. М. Бомиг (Италия), проф. А. Дудек (Польша), проф. О. Федотов (Россия), проф. Ф. Гоблер (Германия), проф. Г. Нефагина (Беларусь), проф. З. Пехаль (Чехия), проф. С. Уцгул (Турция). С 2018 по 2014 гг. должность секретаря занимала проф. И.А. Ндяй, которая с декабря 2024 г. стала председателем КЭС.

и книги переводов. Поэтому больших усилий потребовало подготовление полной эмигрантологической библиографии членов Комиссии. Данный труд выполнил проф. Вацлав Валецкий, который включил данный список в «Славистскую литературную и компаративисткую библиографию» (*Literacka i Komparatystyczna Bibliografia Slawistyczna*). Перечень научных публикаций 22 членов комиссии был представлен на специальном сайте[4].

Одной из форм деятельности комиссии являются конференции, в которых принимают участие те, кто в своих профессиональных занятиях вдохновлен судьбами и творчеством представителей русского зарубежья: филологи и переводчики, историки и культурологи. Исследователи выступают с пленарными докладами, являются членами научных советов и оргкомитетов. Эмигрантологи приглашаются также к участию в международных конференциях. К примеру, доклад Л. Суханека «Введение в эмигрантологию» был представлен на форуме «Эмигрантология и славистические исследования», который прошел с 12 по 15 сентября 2018 г. в Шанхайском университете.

Результаты работы комиссии регулярно представляются председателем на Международных конгрессах славистов. Перед каждым Конгрессом, который проходит каждые четыре года, комиссия обязана представить координатору комиссий со стороны МКС, отчет о деятельности комиссии. Данный отчет обсуждается затем на заседании Президиума МКС, который решает — продлить ее мандат или отказать, в зависимости от степени активности комиссии. Отчет должен включать информацию о том, какие конференции по эмигрантологии состоялись за это время, какие были опубликованы монографии и какие другие мероприятия имели место в этот период.

Последнее заседание КЭС, которое прошло в стационарном формате, было приурочено к конференции «Великие имена русской эмиграции / Luminarze rosyjskiej emigracji» (22–23 октября 2018 г.), четвертой уже по очереди, организованной совместно с Домом русского Зарубежья. В результате дискуссии было решено перенести центр комиссии в Ольштын, в Варминско-Мазурский университет. По предложению председателя Комиссии по эмигрантологии, новым секретарем президиума была избрана И. Ндяй. Данные решения открыли новый этап развития не только ольштынской эмигрантологии, но и в целом деятельности комиссии эмигрантологии славян. В январе 2019 г. был создан самостоятельный сайт КЭС на русском,

[4] Научным редактором библиографии эмигрантологии, предоставленной на сайте biblioslav.pl, стал Л. Суханек.

польском и английском языках. На сайте дается актуальная информация о деятельности комиссии (задачи, устав, исследования, конференции), а также представлены достижения ее членов (публикации). Кроме информационной функции, сайт должен выполнять роль международного пространства для контактов и интеграции эмигрантологов из разных стран. Сайт КЭС также призван служить центром обмена информацией о конференциях, публикациях и презентациях важнейших научных достижений. Подтверждением выполнения этих задач является факт, что сайт систематически посещают заинтересованные лица. За короткий период существования сайта количество посетителей составило 2406 человек.

Заключение

Польские критики, публицисты, переводчики и литературоведы внесли заметный вклад в славянскую эмигрантологию (см. Приложение). Приведенный нами обзор многосторонне иллюстрирует значительные достижения исследователей эмиграции славян. Основным вектором эмигрантологических исследований в Польше является многоаспектный и междисциплинарный подход. В сферу интересов польских ученых входят важнейшие аспекты эмигрантских исследований, в том числе история эмиграции, судьбы и положение эмигрантов, духовная, религиозная и политическая жизнь, а также достижения в различных областях литературы. В Польше вышли сотни монографий, в которых охарактеризовано творчество русских эмигрантов в целом, а также отмечены особенности поэтики писателей. В центре внимания польских литературоведов остаются такие вопросы, как автобиография, память, концептуализация времени. В начале XXI в. появились публикации, авторы которых пытались осмыслить творчество эмигрантов с теоретических либо философских позиций, раскрыть индивидуализм и субъективизм в формировании их писательского мировоззрения. Объем и тематическая разнородность обзорных, критических, исследовательских работ на польском и русском языках, направленных на изучение литературного наследия, свидетельствуют о том, что эмигрантология в Польше — важная часть мирового литературоведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Борев Ю.* Эмигрантология // Феномен Юрия Дружникова: Россия и Польша на пороге XXI века: сб. статей / ред. Л. Звонарева, В. Ольбрых. Варшава; М.: Slavica Orientale, 2000. С. 166–173.
2. *Клишин О.* Emigracja i Tamizdat: Szkice o współczesnej prozie rosyjskiej. Kraków. Новый мир. 1994. № 2. URL: https://nm1925.ru/articles/1994/199402/emigracja-i-tamizdat-szkice-o-wspolcresnej-prozie-rosyjskiej-krakow-5660/ (дата обращения: 25.03.2024).
3. *Ковальска-Пашт М.* [*Kowalska-Paszt I.*]. Эмигрантология. научно-исследовательский вклад польской русистики // Przegląd Rusycystyczny. 2015. № 2 (150). S. 78–95.
4. *Ндяй И.А.* [*Ndiaye I.A.*]. Мода в жизни и творчестве Надежды Тэффи. Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2024. 346 с.
5. *Рудзевич И.* [*Rudziewicz I.*]. Русские писатели-эмигранты в Польше. Санкт-Петербург: Образование, 1994. 35 с.
6. *Суханек Л.* [*Suchanek L.*] Комиссия эмигрантологии славян Международного комитета славистов // Emigrantologia Słowian. 2015. Т. 1. S. 9–12.
7. *Суханек Л.* [*Suchanek L.*] Литературоведение и культурология // Sborník Prací Filozofické Fakulty Brněnské Univerzity. 2005. Т. 10. S. 127–130.
8. *Суханек Л.* [*Suchanek L.*] Место антропологии в эмигрантологических исследованиях // Руска дијаспора и словенски свет. Зборник радова / учредитель П. Бунњк. Београд: Славистическое о-во Сербии, 2013. С. 11–21.
9. *Суханек Л.* [*Suchanek L.*] Россиеведение и эмигрантология. Новые формы исследований и дидактики в польской славистике // Новая русистика / Nová rusistika. № 5 (201). С. 17–21.
10. *Суханек Л.* [*Suchanek L.*] Русская эмигрантся литература как теоретическая и историко-литературная проблема // Болгарская русистика. 1993. № 4. С. 2–5.
11. *Cichocki J.* Rusycystka niezwykła. Profesor Alicja Wołodźko-Butkiewicz (1940–2022) // Przegląd Rusycystyczny. 2023. № 2 (182). S. 7–13.
12. Dać świadectwo prawdzie. Portrety współczesnych pisarzy rosyjskich / red. L. Suchanek. Kraków: Universitas, 1996. 352 s.
13. *Drawicz A.* Spór o Rosję. Warszawa: Wydawnictwo Interim, 1981. 310 s.
14. Emigracja i tamizdat. Szkice o współczesnej prozie rosyjskiej / red. L. Suchanek, A. Drawicz i in. Kraków: Universitas, 1993. 416 s.
15. *Fast P.* Odpowiedzialność za słowo. O czynach i sprawach Pani Profesor Alicji

Wołodźko-Butkiewicz // Literatura rosyjska: idee, poetyki, interpretacje / red. P. Fast, L. Łucewicz, B. Stempczyńska. Katowice: Śląsk — Stowarzyszenie Inicjatyw Wydawniczych, 2018. S. 25–36.
16. *Ndiaye I.A.* Pod maską Talii... O Poetyckiej tożsamości Nadieżdy Teffi. Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2019. 423 s.
17. Realiści i postmoderniści. Sylwetki współczesnych rosyjskich pisarzy emigracyjnych / red. L. Suchanek. Kraków: Wydawnictwo UJ, 1997. 314 s.
18. Rosyjska literatura "emigracyjna". Język, styl, poetyka / red. W. Piłat. Olsztyn: Wydawnictwo WSP w Olsztynie, 1992. 156 s. (Seria: Studia i Materiały. № 41: Filologia Rosyjska)
19. *Suchanek L.* Aleksander Sołżenicyn. Pisarz i publicysta. Kraków: Wydawnictwo UJ, 1994. 147 s.
20. *Suchanek L.* Anioły, biesy i prawda. Pisarstwo Jurija Drużnikowa. Kraków: Wydawnictwo UJ, 2007. 295 s.
21. *Suchanek L.* Człowiek w traumie. Emigrantologia na przykładzie emigracji rosyjskiej dwudziestego wieku // Ethos. 2009. № 3–4 (87–88). S. 230–244.
22. *Suchanek L.* Egzystencja jako spór idei. Emigracja rosyjska trzeciej fali // Z polskich studiów slawistycznych. folklorystyka, nauka o kulturze. Prace na XII Międzynarodowy Kongres Slawistów w Krakowie 1998. Seria 9 / red. J. Kornhauser, L. Macheta, L. Suchanek. Kraków: Enegia, 1998. S. 203–208.
23. *Suchanek L.* Emigracja. Emigrantologia. Komisja Emigrantologii Słowian // Slavia Orientalis. 2014. T. LXIII. № 2. S. 173–189.
24. *Suchanek L.* Emigrantologia — dziedzina badań rosjoznawczych // PAUza Akademicka. Tygodnik Polskiej Akademii Umiejętności. 2011. № 112. S. 2–3.
25. *Suchanek L.* Emigrantologia i literaturoznawstwo // Studia z historii literatury i kultury Słowian / red. B. Czapik-Lityńska, Z. Darasz. Katowice: Wydawnictwo UŚ, 2000. S. 42–45.
26. *Suchanek L.* Emigrantologia: osiągnięcia i nowe perspektywy. Między Kongresem w Krakowie a w Ochrydzie. 1998–2008 // Z polskich studiów slawistycznych. Literaturoznawstwo. Kulturologia. Folklorystyka / red. L. Suchanek, K. Wrocławski. Warszawa: PAN, 2008. S. 159–169.
27. *Suchanek L.* Homo emigrantus — z obserwacji nad antropologią rosyjską XX wieku // Z polskich studiów slawistycznych. Seria 12: Literaturoznawstwo. Warszawa: PAN, 2012. S. 147–154.
28. *Suchanek L.* Homo sovieticus. Świetlana przyszłość, gnijący Zachód. Pisarstwo Aleksandra Zinowiewa. Kraków: Wydawnictwo UJ, 1999. 333 s.
29. *Suchanek L.* Literatura rosyjska jest tam, gdzie znajdują się pisarze rosyjscy // Emigracja i tamizdat. Szkice o współczesnej prozie rosyjskiej / red. L. Suchanka. Kraków: Universitas 1993. S. 5–50.

30. *Suchanek L.* Parias i heros. Twórczość Eduarda Limonowa. Seria: Rosyjska Literatura Emigracyjna nr 9. Kraków: Wydawnictwo UJ, 2001. 273 s.
31. *Suchanek L.* Rosja — Zachód w kontekście emigrantologii // Kultura rosyjska w ojczyźnie i diasporze / red. L. Liburska. Kraków: Wydawnictwo UJ, 2007. 387 s.
32. *Suchanek L.* Rosyjska literatura emigracyjna. Próba ujęcia całościowego // Slavia Orientalis. 1993. № 2. S. 259–272.
33. *Suchanek L.* Słowiańska emigrantologia // Współczesne literaturoznawstwo slawistyczne / red. L. Suchanek. Kraków: PAU, 2004. S. 73–88.
34. *Wołodźko A.* Pasierbowie Rosji. O prozaikach trzeciej emigracji. Warszawa: Warszawska Oficyna Wydawnicza „Gryf", 1995. 280 s.

Источники

35. *Философов Д.В.* «Воскресные беседы»: Эмигрантская публицистика (1920–1939) / вступ. ст., подгот. текста и примеч. И.А. Ндяй. Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2021. Т. 1: Царство Антихриста. 449 с.
36. *Философов Д.В.* «Воскресные беседы»: Эмигрантская публицистика (1920–1939) / вступ. ст., подгот. текста и примеч. И.А. Ндяй. Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2022. Т. 2: Идеологические искания, эмигранты, миссия эмиграции. 290 с.
37. *Философов Д.В.* «Воскресные беседы»: Эмигрантская публицистика (1920–1939) / вступ. ст., подгот. текста и примеч. И.А. Ндяй. Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2023. Т. 3: Польский вопрос. 402 с.
38. «Философский пароход». Учебное пособие: в 3-х тт. / сост. и науч. ред. И.А. Ндяй. Ольштын: Институт восточного славяноведения, 2019. Т. 1: История депортации философов — архивные материалы — воспоминания. 300 с.
39. «Философский пароход». Учебное пособие: в 3-х тт. / сост. и науч. ред. И.А. Ндяй. Ольштын: Институт восточного славяноведения, 2019. Т. 2: Религиозная философия — представители — идеи. 215 с.
40. «Философский пароход». Учебное пособие: в 3-х тт. / сост. и науч. ред. И.А. Ндяй. Ольштын: Институт восточного славяноведения, 2019. Т. 3: Религиозная мысль русской эмиграции. Тексты для чтения. 341 с.
41. Antologia rosyjskiej prozy emigracyjnej (pierwsza i trzecia fala emigracji / Литература русского зарубежья (первая и третья волна) / red. J. Mianowska. Bydgoszcz: Wydawnictwo WSP, 1997. 290 s.
42. Muza na wygnaniu. Rosyjska poezja emigracyjna. Antologia. / wybór tekstów, wstęp i opracowanie B. Kodzis, A. Wieczorek. Opole: Wydawnictwa Skryptowe WSP, 1994. T. 1: 1920–1940. 282 s.

43. Poetycka Atlantyda. Antologia liryki kobiecej “pierwszej fali” rosyjskiej emigracji / wstęp i opracowanie I.A. Ndiaye. Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2006. 429 s.
44. *Sołżenicyn A.* Żyj bez kłamstw. Publicystyka z lat 1973–1980 / wybór i przekład A. Wołodźko. Warszawa: Edistions Spotkania, [b.r.], 1990. 178 s.

REFERENCES

1. Borev, Iu. “Emigrantologiia” [“Émigré Studies”]. *Fenomen Iuriia Druzhnikova: Rossiia i Pol’sha na poroge XXI veka* [*The Phenomenon of Iurii Druzhnikov: Russia and Poland on the Threshold of the 21st Century*], ed. by L. Zvonareva and V. Ol’brykh. Warsaw, Polish-Russian Publishing House “ROSSICA”, 1921, pp. 24–26. (In Russian).
2. Klishin, O. “Emigracja i Tamizdat: Szkice o współczesnej prozie rosyjskiej” [“Emigration and Tamizdat: Essays on Contemporary Russian Prose”]. *Novyi mir*, 1994, no. 2. Available at: https://nm1925.ru/articles/1994/199402/emigracja-i-tamizdat-szkice-o-wspolcresnej-prozie-rosyjskiej-krakow-5660/ (accessed: 25.03.2024). (In Russian and Polish).
3. Kowalska-Paszt, I. “Emigrantologiia. Nauchno-issledovatelskiy vklad polskoii rusistiki” [“Emigrantology: The Scientific Contribution of Polish Russian Studies”]. *Przegląd Rusycystyczny*, 2015, no. 2 (150), pp. 78–95. (In Russian).
4. Ndiaye, I.A. “*Moda v zhnizni i tvorchestve Nadezhdy Teffi”* [*Fashion in the Life and Work of Nadezhda Teffi*]. Olsztyn, Wydawnictwo UWM, [no year]. 346 p. (In Russian).
5. Rudzevich, I. „*Russkie pisateli-emigranty v Pol’she*” [*Russian Émigré Writers in Poland*]. St. Petersburg, Obrazovanie Publ., 1994. 35 p. (In Russian).
6. Suchanek, L. “Komissiia emigrantologii slavian Mezhdunarodnovo komiteta slavistov” [“The Slavic Emigrantology Commission of the International Committee of Slavists”]. *Emigrantologia Słowian*, 2015, no. 1, pp. 9–12. (In Russian).
7. Suchanek, L. “Literaturovedeniie i kulturologiia” [“Literary Studies and Cultural Studies”]. *Sborník Prací Filozofické Fakulty Brněnské Univerzity*, 2005, no. 10, pp. 127–130. (In Russian).
8. Suchanek, L. “Mesto antropologii v emigrantologicheskikh issledovaniiakh” [“The Place of Anthropology in Emigrantological Research”]. *Руска диаспора и словенски свет. Зборник радова*, ed. by P. Bunjik. Belgrade, Slavisticheskoe o-vo Serbii Publ., 2013, pp. 11–21. (In Russian).
9. Sukhanek, L. “Rossievedenie i emigrantologiia: Novye formy issledovanii i didaktiki v pol’skoi slavistike” [“Russian Studies and Émigré Studies: New Forms of Research and Teaching in Polish Slavic Studies”]. *Novaia rusistika / Nová rusistika*, no. 5 (201), pp. 17–21. (In Russian).

10. Sukhanek, L. “Russkaia emigrantskaia literatura kak teoreticheskaia i istoriko-literaturnaia problema” [“Russian Émigré Literature as a Theoretical and Literary-Historical Problem”]. *Bolgarskaia rusistika*, 1993, no. 4, pp. 2–5. (In Russian).
11. Cichocki, J. “Rusycystka niezwykła. Profesor Alicja Wołodźko-Butkiewicz (1940–2022)” [“An Extraordinary Russianist: Professor Alicja Wołodźko-Butkiewicz (1940–2022)”]. *Przegląd Rusycystyczny*, 2023, no. 2 (182), pp. 7–13. (In Polish).
12. *Dać świadectwo prawdzie. Portrety współczesnych pisarzy rosyjskich* [*To Bear Witness to the Truth: Portraits of Contemporary Russian Writers*], ed. by L. Suchanek. Kraków, Universitas, 1996. 352 p. (In Polish).
13. Drawicz, A. *Spór o Rosję* [*Dispute About Russia*]. Warsaw, Wydawnictwo Interim, 1981. 310 p. (In Polish).
14. *Emigracja i tamizdat. Szkice o współczesnej prozie rosyjskiej* [*Emigration and Tamizdat: Essays on Contemporary Russian Prose*], ed. by L. Suchanek, A. Drawicz et al. Kraków, Universitas, 1993. 416 p. (In Polish).
15. Fast, P. “Odpowiedzialność za słowo. O czynach i sprawach Pani Profesor Alicji Wołodźko-Butkiewicz” [“Responsibility for the Word: On the Deeds and Legacy of Professor Alicja Wołodźko-Butkiewicz”]. *Literatura rosyjska: idee, poetyki, interpretacje* [*Russian Literature: Ideas, Poetics, Interpretations*], ed. by P. Fast, L. Łucewicz and B. Stempczyńska. Katowice, Śląsk — Stowarzyszenie Inicjatyw Wydawniczych Publ., 2018, pp. 25–36 (In Polish).
16. Ndiaye, I.A. *Pod maską Talii… O poetyckiej tożsamości Nadieżdy Teffi* [*Behind Thalia’s Mask… On the Poetic Identity of Nadezhda Teffi*]. Olsztyn, Wydawnictwo UWM, 2019. . 423 p. (In Polish).
17. *Realiści i postmoderniści. Sylwetki współczesnych rosyjskich pisarzy emigracyjnych* [*Realists and Postmodernists: Profiles of Contemporary Russian Émigré Writers*], ed. by L. Suchanek. Kraków, Wydawnictwo UJ, 1997. 314 p. (In Polish).
18. *Rosyjska literatura „emigracyjna”. Język, styl, poetyka* [*Russian “Émigré” Literature: Language, Style, Poetics*], ed. by W. Piłat. Series: *Studia i Materiały. Nr 41: Filologia Rosyjska*. Olsztyn, Wydawnictwo WSP w Olsztynie, 1992. 156 p. (In Polish).
19. Suchanek, L. *Aleksander Sołżenicyn. Pisarz i publicysta* [*Alexander Solzhenitsyn: Writer and Publicist*]. Kraków, Wydawnictwo UJ, 1994. 147 p. (In Polish).
20. Suchanek, L. *Anioły, biesy i prawda. Pisarstwo Jurija Drużnikowa* [*Angels, Demons and Truth: The Works of Yuri Druzhnikov*]. Kraków, Wydawnictwo UJ, 2007. 295 p. (In Polish).
21. Suchanek, L. *Człowiek w traumie. Emigrantologia na przykładzie emigracji rosyjskiej dwudziestego wieku* [*A Man in Trauma: Emigrantology Based on*

Russian Emigration of the 20th Century]. *Ethos*, 2009, no. 3–4 (87–88), pp. 230–244. (In Polish).

22. Suchanek, L. "Egzystencja jako spór idei. Emigracja rosyjska trzeciej fali." ["Existence as a Conflict of Ideas. Russian Emigration of the Third Wave."] *Z polskich studiów slawistycznych. Folklorystyka, nauka o kulturze. Prace na XII Międzynarodowy Kongres Slawistów w Krakowie 1998. Seria 9 [From Polish Slavonic Studies. Folklore, Cultural Studies. Proceedings of the XII International Congress of Slavists in Krakow 1998. Series 9]*, ed. by J. Kornhauser, L. Macheta and L. Suchanek. Kraków, Energia, 1998, pp. 203–208. (In Polish).
23. Suchanek, L. "Emigracja. Emigrantologia. Komisja Emigrantologii Słowian." *Slavia Orientalis*, 2014, vol. LXIII, no. 2, pp. 173–189. (In Polish).
24. Suchanek, L. "Emigrantologia — dziedzina badań rosjoznawczych" ["Emigrantology as a Field of Russian Studies"]. *PAUza Akademicka*, 2011, no. 112, pp. 2–3. (In Polish).
25. Suchanek, L. "Emigrantologia i literaturoznawstwo." *Studia z historii literatury i kultury Słowian*, ed. by B. Czapik-Lityńska and Z. Darasz. Kraków, Wydawnictwo UŚ, 2000, pp. 42–45. (In Polish).
26. Suchanek, L. "Emigrantologia: osiągnięcia i nowe perspektywy. Między Kongresem w Krakowie a w Ochrydzie. 1998–2008." ["Emigrantology: Achievements and New Perspectives. Between the Congress in Krakow and Ohrid. 1998–2008."] *Z polskich studiów slawistycznych. Literaturoznawstwo. Kulturologia. Folklorystyka [From Polish Slavonic Studies. Literary studies. Culturology. Folklore]*, ed. by L. Suchanek and K. Wrocławski. Warsaw, PAN, 2008, pp. 159–169. (In Polish).
27. Suchanek, L. "Homo emigrantus — z obserwacji nad antropologią rosyjską XX wieku." *Z polskich studiów slawistycznych. Seria 12: Literaturoznawstwo*. Warsaw, PAN, 2012, pp. 147–154. (In Polish).
28. Suchanek, L. *Homo sovieticus. Świetlana przyszłość, gnijący Zachód. Pisarstwo Aleksandra Zinowiewa* [*Homo Sovieticus: A Bright Future, a Decaying West. The Works of Alexander Zinoviev*]. Kraków, Wydawnictwo WUJ, 1999. 333 p. (In Polish).
29. Suchanek, L. "Literatura rosyjska jest tam, gdzie znajdują się pisarze rosyjscy." *Emigracja i tamizdat. Szkice o współczesnej prozie rosyjskiej*, ed. by L. Suchanek. Kraków, Universitas, 1993, pp. 5–50. (In Polish).
30. Suchanek, L. *Parias i heros. Twórczość Eduarda Limonowa* [*Pariah and Hero: The Works of Eduard Limonov*]. Series: *Rosyjska Literatura Emigracyjna*, no. 9. Kraków, Wydawnictwo UJ, 2001. 273 p. (In Polish).
31. Suchanek, L. "Rosja — Zachód w kontekście emigrantologii." ["Russia — the West in the Context of Emigrant Studies."] *Kultura rosyjska w ojczyźnie i diasporze [Russian Culture in the Homeland and Diaspora]*, ed. by L. Liburska. Kraków, Wydawnictwo UJ, 2007. 387 p. (In Polish).

32. Suchanek, L. “Rosyjska literatura emigracyjna. Próba ujęcia całościowego.” *Slavia Orientalis*, 1993, no. 2, pp. 259–272. (In Polish).
33. Suchanek, L. “Słowiańska emigrantologia.” *Współczesne literaturoznawstwo slawistyczne*, ed. by L. Suchanek. Kraków, PAU, 2004, pp. 73–88. (In Polish).
34. Wołodźko, A. *Pasierbowie Rosji. O prozaikach trzeciej emigracji* [*Russia’s Stepchildren: On the Prose Writers of the Third Emigration*]. Warsaw, Warszawska Oficyna Wydawnicza “Gryf”, 1995. 280 p. (In Polish).

Приложение

За 35 лет истории польской эмигрантологии опубликованы сотни научных публикаций: монографии, антологии, главы в коллективных сборниках, учебные пособия и статьи. Ниже перечислены важнейшие публикации польских исследователей, опубликованные как в польских, так и зарубежных изданиях. Для удобства читателей библиография представлена по алфавиту сначала на русском, затем на польском и др. иностранных языках.
В основу составленной нами библиографии легла «Славистская литературная и компаративисткая библиография», подготовленная проф. Вацлавом Валецким. Данный базовый материал был пополнен перечнем научных публикаций польских членов Комиссии по эмигрантологии славян, а также дополнен нами в результате пересмотра электронных каталогов Национальной библиотеки в Варшаве.

1. *Вашкелевич Х.* [*Waszkielewicz H.*]. Иван Бунин и его время. Kraków: Wydawnictwo UJ, 2001. 167 с.
2. Владимир Набоков — поэзия — проза — перевод. Серия: Ольштынские эмигрантологические штудии / ред. И.А. Ндяй. Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2023. 171 с.
3. Другие берега русской литературы в культуры: Идеи, поэтика, контексты / ред. Э. Тышковской-Каспшак, И. Мотеюнайте, А. Смирновой при уч. М. Гей. Вроцлав; Краков: Wydawnictwo «Scriptum», 2021. 494 с.
4. *Клишин О.* Emigracja i Tamizdat: Szkice o współczesnej prozie rosyjskiej. Kraków. Новый мир. 1994. № 2. URL: https://nm1925.ru/articles/1994/199402/emigracja-i-tamizdat-szkice-o-wspolcresnej-prozie-rosyjskiej-krakow-5660/ (дата обращения: 25.03.2024).
5. *Ковальска-Пашт И.* [*Kowalska-Paszt I.*]. Эмигрантология. научно-исследовательский вклад польской русистики // Przegląd Rusycystyczny. 2015. № 2 (150). С. 78–95.
6. *Кодзис Б.* [*Kodzis B.*]. Литературные центры русского зарубежья 1918–

1939. Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание. Мюнхен: Sagner, 2002. 320 с.
7. *Маймескулов А.* [*Majmieskułow A.*]. Провода под лирическим током (Цикл Марины Цветаевой «Правда»). Bydgoszcz: Wydawnictwo Uczelniane WSP, 1992. 144 s.
8. *Мяновска И.* [*Mianowska J.*]. Дина Рубина вчера и сегодня. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2003. 296 с.
9. *Мяновска И.* [*Mianowska J.*]. Контексты культуры русской эмиграции XX века: Борис Зайцев — певец русского православия. Toruń: Wydwnictwo MADO, 2011. 223 с.
10. *Мяновска И.* [*Mianowska J.*]. Литература русского зарубежья в образцах и с комментариями. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, 2007. 333 с.
11. *Ндяй И. А.* [*Ndiaye I.A.*]. Мода в жизни и творчестве Надежды Тэффи. Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2024. 346 с.
12. *Рудзевич И.* [*Rudziewicz I.*]. Русские писатели-эмигранты в Польше. СПб.: Образование, 1994. 35 с.
13. *Суханек Л.* [*Suchanek L.*]. Комиссия эмигрантологии славян Международного комитета славистов // Emigrantologia Słowian. 2019. Т. 1. С. 9–12.
14. *Суханек Л.* [*Suchanek L.*]. Литературоведение и культурология // Sborník Prací Filozofické Fakulty Brněnské Univerzity. 2005. Т. 10. С. 127–130.
15. *Суханек Л.* [*Suchanek L.*]. Место антропологии в эмигрантологических исследованиях // Руска дијаспора и словенски свет. Зборник радова / учредитель П. Бунњк. Београд: Славистическое о-во Сербии, 2013. С. 11–21.
16. *Суханек Л.* [*Suchanek L.*]. Россиеведение и эмигрантология. Новые формы исследований и дидактики в польской славистике // Новая русистика / Nová rusistika. № 5 (201). С. 17–21.
17. *Суханек Л.* [*Suchanek L.*]. Русская эмигрантская литература как теоретическая и историко-литературная проблема // Болгарская русистика. 1993. № 4. С. 2–5.
18. Феномен Юрия Дружникова: Россия и Польша на пороге XXI века: сб. статей / ред. Л. Звонарева, В. Ольбрых. Варшава; М.: Slavica Orientale, 2000. 208 с.
19. *Философов Д.В*. «Воскресные беседы»: Эмигрантская публицистика (1920–1939) / вступ. ст., подгот. текста и примеч. И.А. Ндяй. Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2021–2023. Т. 1–3.
20. «Философский пароход». Учебное пособие: в 3-х тт. / сост. и научный редактор И.А. Ндяй. Ольштын: Институт восточного славяноведения, 2019. Т. 1–3.

21. Aleksander Sołżenicyn i rosyjska emigracja / red. M. Dąbrowska, P. Głuszkowski. Warszawa; Toruń: Pracownia Wydawnicza EIKON, 2018. 230 s.
22. Antologia rosyjskiej prozy emigracyjnej (pierwsza i trzecia fala emigracji / Литература русского зарубежья (первая и третья волна) / red. J. Mianowska. Bydgoszcz: Wydawnictwo WSP, 1997. 290 s.
23. *Bachmann-Medick D*. Cultural turns. Nowe kierunki w naukach o kulturze / przeł. K. Krzemieniowa. Warszawa: Oficyna Naukowa, 2012. 502 s.
24. *Bieliński R.* Antropogeniczny świat "zbędnego człowieka" bohatera trylogii Eduarda Limonowa. Toruń: Wydawnictwo Adam marszałek, 2011. 211 s.
25. Brodski w analizach i interpretacjach / red. P. Fast, J. Madloch. Katowice: Śląsk, 2000. 165 s.
26. *Brzeziński B.* Mikołaj Bierdiajew — medytacje. Ideowe źródła. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2002. 200 s.
27. *Brzykcy J.* Ekstaza w świecie umiaru. O systemie estetycznym Władysława Chodasiewicza. Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, 2014. 289 s.
28. *Brzykcy J.* Poezja emigracyjna Iwana Bunina (1920–1953). Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK, 2009. 174 s.
29. *Cichocki J*. Rusycystka niezwykła. Profesor Alicja Wołodźko-Butkiewicz (1940–2022) // Przegląd Rusycystyczny. 2023. № 2 (182). С. 7–13.
30. *Cieślik K*. Iwan Bunin (1870–1953). Zarys twórczości. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe US 1998. 214 s.
31. Dać świadectwo prawdzie. Portrety współczesnych pisarzy rosyjskich / red. L. Suchanek. Kraków: Universitas 1996. 352 s.
32. *Drawicz A.* Spór o Rosję. Warszawa: Wydawnictwo Interim, 1981. 310 s.
33. Duchowość i sacrum w literaturze emigracyjnej Słowian Wschodnich / red. A. Woźniak, M. Kawecka. Lublin: Wydawnictwo Naukowe KUL, 2002. 298 s.
34. *Duda K.* Andriej Amalrik. Rosyjski dysydent. Kraków: Wydawnictwo UJ, 2010. 340 s.
35. *Duda K.* Wiara i naród. Twórczość Władimira Maksimowa, Kraków: Wydawnictwo UJ, 1999. 296 s.
36. Emigracja i tamizdat. Szkice o współczesnej prozie rosyjskiej / red. L. Suchanek, A. Drawicz i in. Kraków: Universitas, 1993. 416 s.
37. Emigracja rosyjska. Losy i idee / red. R. Bäcker, Z. Karpus. Łódź: Wydawnictwo Ibidem, 2002. 384 s.
38. Emigracja rosyjska, ukraińska i białoruska: spuścizna literacka, religijno-filozoficzna: kulturowe zbliżenia / red. A. Woźniak. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2019. 336 s.
39. *Engelking L.* Vladimir Nabokov. Warszawa: Wydawnictwo UŁ, 1989. 146 s.
40. *Fast P.* Odpowiedzialność za słowo. O czynach i sprawach Pani Profesor Alicji Wołodźko-Butkiewicz // Literatura rosyjska: idee, poetyki, interpretacje /

red. P. Fast, L. Łucewicz, B. Stempczyńska. Katowice: Śląsk — Stowarzyszenie Inicjatyw Wydawniczych, 2018. S. 25–36.
41. *Fast P.* Spotkania z Brodskim. Wrocław: Wirydarz, 1996. 157 s.
42. *Fast P.* Spotkania z Brodskim: (dawne i nowe). Katowice: Śląsk, 2000. 164 s.
43. *Głuszkowski P.* Antyrosja — historyczne wizje Aleksandra Sołżenicyna. Próba polskiego odczytania. Warszawa: Neriton, 2008. 189 s.
44. *Gorczyca W.* Mariny Cwietajewej myśl o innym. Bielsko-Biała: Wydawnictwo Akademii Techniczno-Humanistycznej, 2004. 102 s.
45. *Gracla J.* Dramat wobec sceny. Echa ewolucji teatru europejskiego w dramaturgii pierwszego trzydziestolecia XX wieku. Katowice: Wydawnictwo UŚ, 2013. 207 s.
46. *Grudzińska-Gross I.* Miłosz i Brodski: Pole magnetyczne. Kraków: Społeczny Instytut Wydawniczy Znak, 2007. 320 s.
47. *Grygiel M.* Gra w wartości: aksjologiczna strategia prozy Vladimira Nabokova. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2016. 232 s.
48. *Grygiel M.* Poetycki świat wartości Josifa Brodskiego. Twórczość okresu 1957–1972. Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 2005. 207 s.
49. *Grzeniewski L.* Iwan Bunin. Warszawa: Wydawnictwo Czytelnik, 1982. 95 s.
50. *Grzmot-Bilski G.* Bierdiajew i problem wolności. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, 2010. 262 s.
51. Iwan Bunin. Człowiek, pisarz, tłumacz w świetle współczesnej buninologii / red. B. Kozak, T. Marczenko, I.A. Ndiaye. Olsztyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej, 2015. 209 s.
52. Iwan Bunin. Wciąż smutno wierzę w swoje szczęście… / red. I.A. Ndiaye, G. Ojcewicz. Olsztyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej, 2013. 471 s.
53. *Kowalska M.* Aleksander Sołżenicyn. Homo sovieticus i człowiek sprawiedliwy. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2011. 314 s.
54. *Kowalska-Paszt I.* Proza niefikcjonalna trzeciej fali emigracji rosyjskiej. Model typologiczny. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe US, 2001. 212 s.
55. Kultura literacka emigracji rosyjskiej, ukraińskiej i białoruskiej XX wieku. Konteksty — estetyka — recepcja / red. A. Woźniak. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2013. 424 s.
56. Kultura rosyjska w ojczyźnie i diasporze. Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Lucjanowi Suchankowi / red. L. Liburska. Kraków: Wydawnictwo UJ, 2007. 388 s.
57. Literatura emigracyjna Rosjan, Ukraińców i Białorusinów / red. A. Woźniak, L. Puszka. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2001. 347 s.
58. Literatura rosyjska na emigracji. Współcześni pisarze rosyjscy w Polsce. Frazeologia i frazeografia. Materiały konferencji naukowej (9-10 listopada 1995). Seria: Studia Rossica III / red. W. Skrunda, W. Zmarzer. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Rusycystyki UW, 1996. 351 s.

59. Literatura rosyjska XX w. Seria: Studia Rossica VII / red. W. Skrunda. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Rusycystyki UW, 1999. 334 s.
60. *Madloch J.* Wczesna twórczość Josifa Brodskiego. Katowice: Śląsk, 2000. 158 s.
61. *Majmieskułow A.* Chronotop drogi w prozie Iwana Bunina. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uczelniane WSP, 1982. 146 s.
62. *Malska-Lustig A.* Ameryka oczami emigrantów rosyjskich trzeciej fali. Kraków: Wydawnictwo UJ, 2004. 212 s.
63. Matka Maria. Chcę wejść we wszystkie niepokoje ziemi… / red. I.A. Ndiaye, G. Ojcewicz. Tłum. z języka rosyjskiego W. Laszczak, I.A. Ndiaye, G. Ojcewicz. Olsztyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej, 2015. 212 s.
64. Matka Maria. Kocham rozpalony grzechem świat / red. I.A. Ndiaye, G. Ojcewicz. Tłum. z języka rosyjskiego I.A. Ndiaye, G. Ojcewicz Olsztyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej, 2015. 280 s.
65. Matka Maria. Nie ma życia bez cierpienia… / red. I.A. Ndiaye, G. Ojcewicz. Tłum. z języka rosyjskiego I.A. Ndiaye, G. Ojcewicz. Olsztyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej, 2015. 224 s.
66. *Mianowska J.* Aleksander Minczin — proza życia. Nieznane stronice literatury trzeciej fali emigracji rosyjskiej. Bydgoszcz: Wydawnictwo Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego, 2001. 161 s.
67. *Mitzner P.* Warszawski "Domek w Kołomnie". Rekonstrukcja. Seria: Biblioteka "Więzi". Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego, 2015. 232 s.
68. *Mitzner P.* Warszawski krąg Dymitra Fiłosofowa. Seria: Biblioteka "Więzi". Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego, 2014. 251 s.
69. Muza na wygnaniu. Rosyjska poezja emigracyjna. Antologia. T. 1: 1920–1940 / wybór tekstów, wstęp i opracowanie B. Kodzis, A. Wieczorek. Opole: Wydawnictwa Skryptowe WSP, 1994. 282 s.
70. *Ndiaye I.A.* Hipertrofia tęsknoty za utraconym domem w poezji emigrantów rosyjskich "pierwszej fali". Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2008. 319 s.
71. *Ndiaye I.A.* „Kobieta demoniczna" w Polsce. O prozie humorystycznej Nadieżdy Teffi w przekładzie Juliana Tuwima. Olsztyna: Wydawnictwo UWM, 2021. 187 s.
72. *Ndiaye I.A.* Olsztyńskie badania emigrantologiczne. Historia — stan obecny — perspektywy rozwoju // Acta Polono-Ruthenica. 2019. T. 2. № 24. S. 15–24.
73. *Ndiaye I.A.* O pamięci w literaturze rosyjskiej. Rozmowy najważniejsze. Olsztyn: Portret, 2012. 242 s.
74. *Ndiaye I.A.* Pod maską Talii… O Poetyckiej tożsamości Nadieżdy Teffi. Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2019. 423 s.

75. *Nikadem-Malinowska E.* Poezja i myśl. Twórczość Josifa Brodskiego jako fakt europejskiego dziedzictwa kulturowego. Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2004. 172 s.
76. *Obłąkowska-Galanciak I.* Gorzkie gody… Publicystyczna i literacka działalność Dymitra Fiłosofowa na emigracji. Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2001. 189 s.
77. O Brodskim. Studia, szkice, refleksje. / red. P. Fast. Katowice: Śląsk, 1993. 173 s.
78. *Ojcewicz G.* Epitet jako cecha idiolektu pisarza. Studium literaturoznawczo-leksyko graficzne o twórczości poetyckiej Iwana Bunina. Katowice: Śląsk 2002. 450 s.
79. *Ojcewicz G., Myślak D.* Stara Dusza. Fenomen Matki Marii (Skobcowej). Badania i materiały. Szczytno: GregArt, 2016. 552 s.
80. *Ojcewicz G.* Przymiotniki w poezji Iwana Bunina. Studium leksykograficzne. Szczytno, 1996. 212 s.
81. *Ostrowski A.* Bierdiajew. Egzystencja w perspektywie eschatologicznej. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1999. 226 s.
82. *Pańkowska E. Twórczość* Władimira Wojnowicza. Białystok: Wydawnictwo UwB, 2009. 245 s.
83. *Paszkiewicz A.* Opowieści Iwana Bunina z lat 1912–1916. Wybrane zagadnienia poetyki. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1990. 94 s.
84. *Pawletko B.* Josif Brodski i Tomas Venclova wobec emigracji. Katowice: Śląsk, 2005. 219 s.
85. *Pietrzycka-Bohosiewicz K.* W poszukiwaniu autentyzmu. Twórczość prozatorska Gieorgija Władimowa. Seria: Literatura rosyjska — emigracja — tamizdat — samizdat. Kraków: Wydawnictwo UJ, 1999. 44 s.
86. Pisarki rosyjskiej zagranicy — w literaturze, kulturze i korespondencji / red. B. Kozak, T. Marczenko, I.A. Ndiaye. Olsztyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej, 2016. 338 s.
87. Pisarz i władza. Od Awwakuma do Sołżenicyna / red. B. Mucha. Łódź: Wydawnictwo UŁ, 2009. 260 s.
88. Pisarz na obczyźnie / red. T. Bujnickiego, W. Wyskiela. Wrocław: Ossolineum, 1985. 207 s.
89. Poetycka Atlantyda. Antologia liryki kobiecej „pierwszej fali" rosyjskiej emigracji / wstęp i opracowanie I.A. Ndiaye. Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2006. 429 s.
90. Poezja polska w przekładach Josifa Brodskiego / Польская поэзия в переводах Иосифа Бродского / сост., коммент. П. Фаст. Katowice: Wydawnictwo UŚl, 2004. 211 s.

91. *Popławski B.* Automatyczne wiersze / tłum. z języka rosyjskiego G. Ojcewicz. Olsztyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej, 2009. 202 s.
92. *Poręba St.* Aleksander Sołżenicyn. Katowice: Śląsk, 1992. 93 s.
93. *Potyrańska A.* Motywy demonologiczne w poezji Zinaidy Gippius. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2017. 296 s.
94. Powrócić do Rosji wierszami i prozą. Literatura rosyjskiej emigracji — Вернуться в Россию стихами и прозой. Литература русского зарубежья / red. G. Nefagina. Słupsk: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pomorskiej, 2012. 483 s.
95. Realiści i postmoderniści. Sylwetki współczesnych rosyjskich pisarzy emigracyjnych / red. L. Suchanek. Kraków: Wydawnictwo UJ, 1997. 314 s.
96. Rosja i pamięć o rzeczy: Od emblematu do relikwii / red. G. Ojcewicza. Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2019. 227 s.
97. Rosyjska literatura „emigracyjna". Język, styl, poetyka / red. W. Piłat. Seria: Studia i Materiały. No. 41: Filologia Rosyjska. Olsztyn: Wydawnictwo WSP w Olsztynie, 1992. 156 s.
98. *Sałajczykowa J.* Prozaicy pierwszej fali emigracji rosyjskiej 1920–1940. Gdańsk: Wydawnictwo UG, 2003. 211 s.
99. *Sidor M.* Rosja i jej duchowość. Proza „pierwszej fali" emigracji rosyjskiej. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2009. 222 s.
100. Słowianie na emigracji. Literatura — Kultura — Język / red. B. Kodzis, M. Giej. Opole: Wydawnictwo Państwowej Wyższej Szkoły Zawodowej w Raciborzu, 2015. 574 s.
101. Słowianie wschodni na emigracji. Literatura, kultura, język. Seria: Studia i Szkice Slawistyczne. / red. B. Kodzis, M. Giej. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego Publ., 2010. 493 s.
102. *Sołżenicyn A.* Żyj bez kłamstw. Publicystyka z lat 1973–1980 / wybór i tłum. A. Wołodźko. Warszawa: Edistions Spotkania, [b.r.], 1990. 178 s.
103. Statut Komisji Emigrantologii Słowian Międzynarodowego Komitetu Slawistów. URL: https:// emigrantologia.wixsite.com/slowianie-komisja. (дата обращения: 25.03.2024).
104. *Styczyński M.* Amor futuri albo filozofia zrealizowana. Studia nad myślą Mikołaja Bierdiajewa. Łódź: Wydawnictwo Ibidem, 1992. 282 s.
105. *Styczyński M.* Umiłowanie przyszłości albo filozofia spraw ostatecznych. Studia nad filozofią Mikołaja Bierdiajewa. Seria: Idee w Rosji. Łódź: Wydawnictwo Ibidem, 2001. 243 s.
106. *Suchanek L.* Aleksander Sołżenicyn. Pisarz i publicysta. Kraków: Wydawnictwo UJ, 1994. 147 s.
107. *Suchanek L.* Anioły, biesy i prawda. Pisarstwo Jurija Drużnikowa. Kraków: Wydanwictwo UJ, 2007. 295 s.

108. *Suchanek L.* Człowiek w traumie. Emigrantologia na przykładzie emigracji rosyjskiej dwudziestego wieku // Ethos. 2009. № 3–4 (87–88). S. 230–244.
109. *Suchanek L.* Egzystencja jako spór idei. Emigracja rosyjska trzeciej fali // Z polskich studiów slawistycznych. folklorystyka, nauka o kulturze. Prace na XII Międzynarodowy Kongres Slawistów w Krakowie 1998 Seria 9 / red. J. Kornhauser, L. Macheta, L. Suchanek. Kraków: Enegia, 1998. Ss. 203–208.
110. *Suchanek L.* Emigracja. Emigrantologia. Komisja Emigrantologii Słowian // Slavia Orientalis. 2014. T. LXIII. № 2. S. 173–189.
111. *Suchanek L.* Emigrantologia — dziedzina badań rosjoznawczych // PAUza Akademicka. Tygodnik Polskiej Akademii Umiejętności. 2011. № 112. S. 2–3.
112. *Suchanek L.* Emigrantologia i literaturoznawstwo // Studia z historii literatury i kultury Słowian / red. B. Czapik-Lityńska, Z. Darasz. Katowice: Wydawnictwo UŚ, 2000. S. 42–45.
113. *Suchanek L.* Emigrantologia: osiągnięcia i nowe perspektywy. Między Kongresem w Krakowie a w Ochrydzie. 1998–2008 // Z polskich studiów slawistycznych. Literaturoznawstwo. Kulturologia. Folklorystyka / red. L. Suchanek, K. Wrocławski. Warszawa: PAN, 2008. S. 159–169.
114. *Suchanek L.* Homo emigrantus — z obserwacji nad antropologią rosyjską XX wieku // Z polskich studiów slawistycznych. Seria 12: Literaturoznawstwo. Warszawa: PAN, 2012. S. 147–154.
115. *Suchanek L.* Homo sovieticus. Świetlana przyszłość, gnijący Zachód. Pisarstwo Aleksandra Zinowiewa Autor: Lucjan Suchanek Wydawnictwo: WUJ, 1999. 333 s.
116. *Suchanek L.* Literatura rosyjska jest tam, gdzie znajdują się pisarze rosyjscy // Emigracja i tamizdat. Szkice o współczesnej prozie rosyjskiej / red. L. Suchanka. Kraków: Universitas 1993. S. 5–50.
117. *Suchanek L.* Parias i heros. Twórczość Eduarda Limonowa. Seria: Rosyjska Literatura Emigracyjna nr 9. Kraków: Wydawnictwo UJ, 2001. 273 s.
118. *Suchanek L.* Rosja — Zachód w kontekście emigrantologii // Kultura rosyjska w ojczyźnie i diasporze / red. L. Liburska. Kraków: Wydawnictwo UJ, 2007. 387 s.
119. *Suchanek L.* Rosyjska literatura emigracyjna. Próba ujęcia całościowego // Slavia Orientalis. 1993. № 2. S. 259–272.
120. *Suchanek L.* Słowiańska emigrantologia // Współczesne literaturoznawstwo slawistyczne / red. L. Suchanek. Kraków: PAU, 2004. S. 73–88.
121. *Szymak-Reiferowa J.* Czytając Brodskiego. Kraków: Wydawnictwo UJ, 1998. 246 s.
122. *Szymak-Reiferowa J.* Josif Brodski. Katowice: Śląsk, 1993. 120 s.
123. *Tarkowska J.* Konceptualizacja Rosji i świata w poezji Josifa Brodskiego: dom, miasto, ojczyzna. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2007. 296 s.

124. *Trochimiak J.* Sołżenicyn. Warszawa: Wielka Polska 1996. 51 s.
125. Twórczość rosyjskiej zagranicy — satyra i memuarystyka / red. T. Marczenko, I.A. Ndiaye, D. Nikołajew. Olsztyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej, 2018. 199 s.
126. *Witczak P.* Śmierć w prozie emigrantów pierwszej fali uchodźstwa rosyjskiego — Michaiła Arcybaszewa i Marka Ałdanowa — w kontekście literacko-filozoficznym. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2018. 287 s.
127. *Wołodźko A.* Pasierbowie Rosji. O prozaikach trzeciej emigracji. Warszawa: Warszawska Oficyna Wydawnicza „Gryf", 1995. 280 s.
128. *Woźniak A.* Ułuda i cud. W świecie sztuki Andrieja Siniawskiego — Abrama Terca. Lublin: Wydawnictwo KUL, 2003. 456 s.
129. Vladimir Nabokov. Poezja — proza — przekład. T. 1. Seria: Olsztyńskie Studia Emigrantologiczne / red. I.A. Ndiaye. Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2023. 171 s.
130. *Zywert A.* Pisarstwo Władimira Wojnowicza. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UWM, 2012. 413 s.

Дата поступления статьи: 15 ноября 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 28 января 2025 г.
Дата публикации: 29 декабря 2025 г.

Received: November 15, 2024
Approved after reviewing: January 28, 2025
Date of publication: December 29, 2025

Научная статья

УДК 821.134.3(81).0
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-110-123
https://elibrary.ru/YTGQIE

RUSSIAN THEATER IN BRAZIL: EMIGRATION AND EXILE

© 2025. Arlete Cavaliere

Abstract: This essay is aimed at capturing the influence of theatrical aesthetics of Konstantin Stanislavsky in the cultural and scenic context of Brazil through the analysis of the theatrical work of some of his disciples, who emigrated or went into exile all over the world including Brazil. The central question in this essay is: how Stanislavsky's methodology born and developed in Russian theatrical environment transformed to fit the goals and theatrical traditions of other cultural contexts. It is known that some of his disciples disseminated Stanislavsky's theatrical theories and thoughts, which produced profound impact on theatrical practice and theory in several Western countries, in particular in the United States, as well as in Brazil. The diffusion of his ideas and theatrical precepts also took place through actors, assistants, students, and followers, Russian or others, who for various reasons separated from their Moscow Art Theater master and became interpreters and representatives of his principles and "formulas" in different countries. The Russian theatrical migratory experience in the Brazilian theatrical field not only made feasible the transmission of concepts and practice from great masters of Russian theater on Brazilian soil, but, mainly, it promoted great cultural integration and assimilation, driven by Brazilian historical and theatrical circumstances and never detached from contemporary Brazilian social situation.

Keywords: Russian theater; Brazilian theater; Stanislavsky; emigration; exile.

Information about the author: Arlete Cavaliere, PhD, Full Professor, University of São Paulo, R. da Reitoria, 374, 05508-220 São Paulo, Brazil.
ORCID ID: https://orcid.org/ 0000-0001-67361175
E-mail: cavalier@usp.br

For citation: Cavaliere A. “Russian Theater in Brazil: Emigration and Exile.” *Emigrantica*. Issue 3, ed.-comp. E.R. Ponomarev, acad. ed. E.R. Ponomarev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 110–123. (In Russian)
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-110-123

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

РУССКИЙ ТЕАТР В БРАЗИЛИИ: ЭМИГРАЦИЯ И ИЗГНАНИЕ

© 2025. Арлете Кавальере

Аннотация: Исследование ставит целью проследить влияние театральной эстетики Константина Станиславского на культурный и сценический контекст Бразилии через анализ творчества ряда его учеников, эмигрировавших или оказавшихся в изгнании в разных странах, включая Бразилию. Ключевой вопрос работы заключается в следующем: каким образом методология Станиславского, возникшая и развивавшаяся в рамках русской театральной среды, трансформировалась, адаптируясь к целям и традициям иных культурных контекстов? Известно, что некоторые из его последователей распространяли театральные теории и идеи Станиславского, что оказало глубокое влияние на театральную практику и теорию ряда западных стран, в особенности США, а также Бразилии. Распространение его идей и театральных принципов также осуществлялось через актеров, ассистентов, студентов и последователей — как русских, так и иностранных, — которые по различным причинам отошли от режиссера Московского Художественного театра, став интерпретаторами и проводниками его принципов и «формул» в других странах. Миграционный опыт русских театральных деятелей в бразильском театральном пространстве способствовал не только передаче концепций и практик великих мастеров русского театра на бразильской почве, но, главным образом, стал катализатором глубокой культурной интеграции и ассимиляции, обусловленной историческими и театральными обстоятельствами Бразилии и неразрывно связанной с ее современной социальной ситуацией.

Ключевые слова: Русский театр; Бразильский театр; Станиславский; эмиграция; изгнание.

Информация об авторе: Арлете Кавальере — PhD, ординарный профессор, Университет Сан-Паулу, ул. Ректории, д. 374, 05508-220 г. Сан-Паулу, Бразилия.
ORCID ID: https://orcid.org/ 0000-0001-67361175
E-mail: cavalier@usp.br

Для цитирования: *Кавальере А.* Русский театр в Бразилии: эмиграция и изгнание // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Вып. 3 / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, М. Шруба, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 110–123.
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-110-123

In a thought-provoking essay entitled *Narratives of Exile: Cosmopolitanism beyond the Liberal Imagination* [11], Galin Tihanov, a researcher and professor of comparative literature at the University of London, conceives the notion of exile (among other concepts discussed) as the need to circumscribe experience within a new cultural framework and the imperative to begin translating this experience into languages that are often not yet one's own or dominant language, and also groping for a path through loss and specific trauma in this process of transition. Thus, the notion of exile, according to Tihanov, comprises two sides of a profound ambivalent, cross-border and transgressive narrative: exile as creativity and exile as suffering. In this sense, the notion of exile is based on an ambivalence of contextualization and non-contextualization at the same time, i.e., of living here and at the same time nowhere, or of being "nowhere", while a nowhere is precepted positively as an "empty" cognitive possibility, or negatively as a cultural and existential lapse. Exile constitutes, then, more than an indicator of changing experiential perspectives. It is, rather, a condition of deterritorialization, with presence and absence being negotiable values [11].

To these initial considerations it is worth adding some reflections on the trajectory of Russian theater and its percepts outside Russia. Its development in Brazil, as well as Brazilian culture itself, is constructed through a fruitful, even if ambivalent, process of deterritorialization, in which different universes, apparently so distant and with such pronounced specificities, as those of Russia and Brazil, establish deep and organic connections.

The aim of this essay is to capture, in particular, the influence of the theatrical aesthetics of Konstantin Stanislavsky, one of the most significant directors in the history of Russian theater, in the cultural and scenic context of Brazil. Some of his disciples, who emigrated or went into exile all over the world, disseminated Stanislavsky's theatrical theories and thoughts, which produced profound impact on theatrical practice and theory in several Western countries, in particular in the United States, as well as in Brazil [9]. Much of Stanislavsky's heritage is also known to have spread around the world by other means, in addition to his written legacy [24]. And it was not different in Brazil.

The diffusion of his ideas and theatrical precepts also took place through actors, assistants, students, and followers, Russians or others, who for various reasons separated from their Moscow Art Theater master and became interpreters and representatives of his principles and "formulas" in several countries. However, how was Stanislavsky's methodology born and developed in the Russian theatrical environment to fit the goals and theatrical traditions of other cultural contexts [15;17;18]?

It would not be possible to trace the path of Stanislavskian practice in Brazil (and even its developments on South American soil) without referring to the beginning of his trajectory on North American scene[1]. To this end, the name of Richard Boleslavsky (1887–1937) should be mentioned, a Russian actor of Polish origin who had distinguished himself in some Moscow Art Theatre productions. Together with Leopold Sulierjitski, Mikhail Chekhov and Yevgeny Vakhtangov, he was one of the greatest enthusiasts for research and dissemination of Stanislavsky's "system", from the First Studio of Moscow Art Theatre, founded in the spring of 1912, and structured as a kind of experimentation workshop of the still unstable "system". The actor Mikhail Chekhov, nephew of the great playwright, defined the First Studio as "an assembly of the Stanislavsky religion believers".

Richard Boleslavsky emigrated from Russia soon after the 1917 Revolution and, after a few years of a successful professional pilgrimage to some European countries, arrived in the United States in October 1922, employed by an American businessperson. In that country, he would become a prominent actor, director and one of the most important disseminators of Stanislavsky's "system". However, since the time of Moscow First Studio, it was not him, in fact, the most zealous follower of his master's lessons. Already at that time, he seemed to be less fanatic

[1] For an extensive analysis about the trajectory of Stanislavsky in North American see [2].

regarding the "system" than some of their comrades were, balancing his excessive depth of emotional experience with a sharp sense of art of theater show and particular scenic creativity.

Anyway, the promising career of Boleslavsky in the United States began with a letter from Stanislavsky announcing the presentations of Moscow Art Theatre, starting in January of 1923 in New York, and requesting his assistance to come along with the company on its tour through the United States.

Stanislavsky assigns to Boleslavsky the function of assistant during the rehearsals, especially the direction of mass scenes. Moreover, Boleslavsky would be responsible for a series of lectures and classes concerning dramatic art at Moscow Art Theatre, as well as working methodology of his director, during the entire stay of Stanislavsky's company in the United States.

In his first lecture at the Princess Theater in the winter of 1923, renowned Broadway American actors were a part of a large and curious public, interested in the Russian methodology to the art of acting.

Thus, the success of Moscow Art Theatre during North American season, was due to not only the dissemination of the great Stanislavskian "method", but also to the projection of the figure of Boleslavsky himself, who emerged on the American stage as a great actor, performing in some theater productions presented by Moscow Art Theater, as well as a theoretical systematizer of his artistic procedures.

In the autumn of the same year of 1923, the joint Stanislavsky-Boleslavsky work proceeded in New York, with a new tour of Moscow Art Theater through the United States. In an article published in an American magazine *Theater Arts Magazine*, Boleslavsky considers Stanislavsky to be "one of the greatest living genius", attributing to the master the discovery of a methodology that made an actor a true creator due to "conscious" and "scientific" work [13].

As far back as June 1923, Boleslavsky along with a group of American actors created American Laboratory Theater, as an almost immediate result deriving from the great success of Moscow Art Theater and Boleslavsky's conferences, which had aroused among American actors an increasing interest for the systematization of the "Russian method" for actor's performance. However, from the outset Stanislavsky's disciple introduced to his Lab Theater his firm conviction that the actor should dominate a sort of scenic performance grammar, a basic system of interpretative game which could instrumentalize him, above all, for the most different aesthetic orientations that contemporary scene offered at the time.

Boleslavsky created and applied a whole work process for the preparation of the actor in his Laboratory, inspired, no doubt, by Stanislavskian's exercises, but also by his own theatrical experience. This process would eventually be known no longer as "system" but as the Stanislavskian "method". This term, indeed, would prove to be more suitable for Stanislavsky's classes experience in the United States, to the extent that his methodology focused on the interior discipline of the actor, at the highest level of artistic intelligence and a perfect command of all his means would make specific impact on a North American actor.

The need to systematize and, what is more important, to adapt all this methodology to the cultural environment and characteristics of a North American actor would result, was presented, with certain didacticism, for example, in a book that Boleslavsky published in 1933, entitled *Acting — The First Six Lessons*[2]. Until then, each of these lessons was published between 1929 and 1932 in the *Theatre Arts Monthly* magazine.

It can be said that the very "system" of Stanislavsky underwent some changes and revisions by Boleslavsky, whose scenic developments pointed to other ways and new directions. The Actors Studio in New York, for example, transformed the Stanislavsky "system" into a North American "method" for training their actors, making it more oriented to the language of film and its film industry.

It is in this context of reflections that the analysis of the Brazilian theatrical case specificities should be introduced, given that the North American theatrical process of disseminating the work of Stanislavsky produced significant reverberations in Brazilian theater. In fact, the first translations into Brazilian Portuguese of Stanislavsky's two fundamental books on the art of an actor were based on North American editions [20; 21; 22].

It was perhaps no coincidence that a European émigré, Polish actor and director Zbigniew Marian Ziembinski (1908–1978), would become one of the pivotal figures in introducing Stanislavskian practices into Brazilian theatre. Born in Wieliczka, a small town near Krakow in southern Poland, Ziembinski began his dramatic art studies there. He started his professional career at the age of just nineteen years old and travelled to Vilno, a Lithuanian city with significant Polish population, before returning to Warsaw two years later. According to critic Henryk Szletynski[3], Ziembinski became one of the revelations as a theatre director

[2] In Brazil the book was published with the title *A Arte do Ator: As primeiras Seis Lições* [1].

[3] Cf. apropos the essay from Fausto Fuser e Jacó Guinsburg [4]. It is about the trajectory of four Polish artists, war refugees (Ziembinski, Zygmunt Turkow, Boguslaw Samborski and Irena Eichlerówna (Stypinska)). They intoduced artistic vitality to Brazilian cultural scene

in Poland in 1930, due to his ability to guide actors. He was interested in technical aspects of psychological realism in acting. He introduced some characteristics of Polish theatre basing on ideas of that period: the school of modern psychological theatre, the avant-garde explorations in dramaturgy, and staging in his work both as an actor and director, which marked his training in his homeland.

The year of 1940 marks the beginning of modern Brazilian theater with the emergence of the theater group *Os Comediantes,* in Rio de Janeiro, consisting of amateur actors who aimed at an aesthetic reform of the theater in Brazil [3; 12]. The young actor Ziembinski, then a war deserter, emigrated from Poland and, after some professional pilgrimage across Europe and a brief stint at the Théâtre Antoine Nouveau in Paris, arrived in Brazil in 1941 following the collapse of French forces and German advance. He fled Poland a few weeks after the German invasion, and tried to settle in Romania before arriving in France. Ziembinski also worked as a teacher at the Theatrical Art Institute in Warsaw, an experience he also developed at the Dramatic Art School of São Paulo, founded in 1948 and becoming one of the pioneer schools for actor training in Brazil. In addition, he traveled to the Soviet Union in the 1930s, where he became acquainted with Moscow Art Theatre and Vsevolod Meyerhold, with whom he planned a joint production.

Admittedly, the revitalization of Brazilian scene in the 1940s was a result of progressive maturation of efforts of various Brazilian actors and amateur artists, who invested their creativity in opposition to the still incipient commercial theater. However, the aesthetic shock occurred through an auspicious encounter between a new national dramaturgy, represented in particular by a controversial author Nelson Rodrigues (1921–1980), and the directorial work of the newly arrived Polish actor.

The 1943 staging of the play *Vestido de Noiva* [Wedding Dress], directed by Ziembinski, revolutionized Brazilian theatrical art both in terms of actors' interpretation, and the overall production. It is an undeniable mark of the rise of a new theatrical art in Brazil. The text of the Brazilian playwright differed radically from all previous national dramaturgy, presenting in this one and other plays unexpected psychological perversions and sharp deviations of human behavior, shifting therefore the dramatic interest of the plot to a deeper psychological study of the characters. Ziembinski's direction complemented this uniqueness, marked by a new acting

and joined Brazilian theater at that time of renewal. Of all those who have integrated this "group of Poland", as they became known, Ziembinski would no doubt make the most important contribution to the course of modern theater in Brazil.

approach, previously unknown in Brazilian theater, to incorporate other styles of stage representation, beyond then-current narrow naturalistic style. In the 1943 production, the director shaped the three plans proposed by the text dramatic action (real, imaginary and hallucinatory), guiding the actors to interpret the characters including fresh nuances [10].

We should not ignore the first influence of Stanislavskian ideas on this historical production, brought by the Polish director's very active theatrical practice overseas, mainly through his extensive interaction with European directors, especially Poles and Lithuanians. However, one cannot also overlook the fact that the approach to the genius of this unusual dramaturgy of Nelson Rodrigues provided restless Ziembinski with innovative and daring ideas, regarding both actor technique and play formulation. This memorable staging evoked a grandeur of Greek tragedy and elements of German Expressionism. The latter, in fact, was very little known in Brazil at that time [10].

It actually fell to another foreigner, who later became an iconic figure in the history of Brazilian theater, systematically and continuously introducing the Stanislavsky system.

Eugenio Kusnet (Евгений Шаманский-Кузнецов; 1898–1975) was born in Russia and after the start of his acting career in his homeland theaters, emigrated to Brazil in the late 1920's. The contact with the group *Os Comediantes,* already directed by Ziembinski, pushed him to join Brazilian theatrical life.

Kusnet, in addition to his intense activity as actor, director, and participant of various casts of outstanding productions in the history of Brazilian theater, also dedicated his theatrical life to research, dissemination and teaching of the Stanislavsky system, until the final days of his professional career. In this sense, his role as an educator, much like that of the great master himself, was crucial in formation of the most prominent Brazilian actors, directors and dramatic art teachers. Moreover, he was one of the most active observers and participants of the historical and aesthetic evolution of Brazilian theater. His crucial role is not limited to mere transmission, but it was essentially an endless effort to recreate and expand Stanislaviskian principles. He attempted to integrate the study of the acting technique and theatrical production into the flow of historical events that shaped, especially in the 1960s and 1970s, the cultural, social and political life of the country. His activity was undoubtedly focused on developing actor's craft in Brazil.[4]

[4] It also fell to actors and directors like Augusto Boal, Sady Cabral and Flaminio Bollini, who were also experienced in Stanislavisky's systems [19].

With his friend Ziembinski, he joined Teatro Brasileiro de Comédia — TBC — for several years, the only stable theater company in São Paulo. This was a significant moment in Brazilian cultural history, when theatrical activity shifted from Rio de Janeiro to São Paulo. This Brazilian capital has become, since 1948, the biggest cosmopolitan center of the country, under the aegis of Italian-Brazilian patrons and foreign directors, most of them coming from Italy, who introduced the style and language of European productions, through a diversified foreign repertoire, to the tastes of the new São Paulo public and of the rising bourgeoisie.[5]

Franco Zampari (1898–1966) was one of these Italian patrons. He was born in Italy, but at a young age settled in Brazil. A successful businessman, Zampari put his administrative and business experience to the service of Brazilian theater. He invited, besides Ziembinski, several Italian directors such as Adolfo Celi (1922–1986), Luciano Salce (1922–1989), Flaminio Bollini (1924-1978), Gianni Ratto (1915–2005), Alberto D'Aversa (1920–1969), Rugero Jacobbi (1920–1981) and, a little later, a Belgian Maurice Vaneau (1926–2007). Zampari's aim was to develop a national theater revitalization project. The common background of the directors he invited was the Second World War and economic difficulties, which facilitated the exodus of artists and intellectuals. These theater-makers worked at TBC for fifteen years, and contributed into professionalism and technical accuracy in Brazilian theater, in order to transform simple amateur actors into relevant professional actors.

Eugenio Kusnet's long-term influence began at TBC, where he was mostly acknowledged as a theater educator rather than as an actor and director, despite being awarded best actor in several national productions. Therefore, the ideas of Stanislavsky had a persistent and tireless supporter in Brazil, who found a fertile theatrical ground where the principles of his master could be safeguarded, as well as restructured, aiming at their constant renewing and expanding. Thus, Kusnet was able to synchronize Stanislavsky's ideas, providing the system with new possibilities and connotations [14].

It is no surprise that Kusnet and "his" Stanislavskian system also participated in forming a new generation of actors and directors who created the Teatro de Arena in 1953. Its aesthetic and political-ideological

[5] The TBC internationalized the theater repertoire and staged an unusual eclecticism, presenting several playwrights such as Sophocles, Oscar Wilde, Schiller, Gorky, Arthur Miller, Pirandello, Goldoni, Strindberg, Ben Jonson, and Anouilh. It should be mentioned that, during this theatrical process, the literary text reigned supreme, which leaned the actors and directors in psychological, social, philosophical and stylistic analyses [19].

purposes oppose radically to TBC, taking the discussion of national problems to the stage, by means of an autochthonous dramaturgy with distinctly Brazilian style and language. The proletariat as protagonist and the social problems of the Brazilian working class emerged in a new dramaturgy expressed by means of innovative aesthetic and political design and clearly delineated by playwrights like Gianfrancesco Guarnieri[6] and Augusto Boal. The latter brought the technique of *playwriting* from the United States, and as an actor and director, introduced careful work regarding the psychological veracity, certainly a consequence of Stanislavsky "method" spread through New York Actors Studio, a later germination of Stanislavskian heritage, planted by Boleslavky and continued, among others, by Lee Strasberg.

The exploration of socio-political issues and theatrical expression as a popular communication phenomenon inspires new directions in the research of the Stanislavskian actor, conducted by Kusnet, attentive to the formation of new theater groups at that time, based on leftist university students and the Marxist revolutionary militancy. The integration of theatrical practices of Stanislavsky with the ones of Bertolt Brecht at Teatro de Arena proved to be one of the most creative, harmonizing different theatrical methodologies, in an unprecedented attempt to find common ground and overcome dialectically the antitheses in which modern theater struggled [19].[7]

At the group of Teatro Oficina (another culturally influencial theater founded in 1961 by actor and director José Celso Martinez Correa) Kusnet's performance as Bessemenov in Maksim Gorky's play *The Petty Bourgeois («Мещане»),* became a milestone in the acting art in Brazil. It also was one of the pivotal points in his career as a teacher and educator of the company, with which he would create striking theater shows, besides a dramatic studio, in the mold of Stanislavsky's in Moscow.

Even if they were successful adaptations to the Brazilian reality, all these groups (Oficina, TBC, and Comediantes) staged productions that were seeking to reproduce the "realism" of Moscow Art Theatre [8].

However, it is necessary to emphasize, above all, the investigative character and the opening of horizons that Kusnet provided to the lessons of his master in Brazil. Kusnet developed a methodology and technique

---

[6] The most representative plays of Gianfrancesco Guarnieri are *Gimba* (1959), *A Semente* (1961), *Eles não usam Black-Tie* (1958) and *Arena conta Tiradentes* (1967).

[7] It is worth remembering the anthological shows of the Arena, as *Revolução na América do Sul* (1960), *Arena conta Zumbi* (1965), *Arena conta Tiradentes* (1967). Boal was also the creator of the famous Sistema Coringa [Joker System], by which it was possible to reveal each actor in various characters in one show simultaneously.

to the acting art, not only in his practical work with actors and drama students, but also in books he published,[8] which would bear fruits at the scenic practice of the following decades.

In the mid-1970s, at the end of his life, after a study tour to the Soviet Union held in 1968, Kusnet dedicated himself to researching Stanislavsky's last practices, which he called Método da Análise Ativa [the Method of Active Analysis]. The study of the principles extracted from The Method of Physical Actions, developed by Stanislavsky at the last stage of his work, had been instigated by his Moscow theatrical internship with Maria Knebel, one of the most important disciples of Stanislavsky and, mainly, by the careful reading of her book *Вся жизнь* (A lifetime) [16].

It is known that Stanislavsky, at the final stage of his theater pursuit, added to his set of formulas and training sessions the technique of "physical actions" (*физические действия*), aiming at the maximum interior concentration of actors [23]. He introduced, then, his "Method of physical actions", i.e., physical movements and corporal activities that could raise an organic relationship of external impulses and psychological reactions. The emphasis now would be given to the physical tasks of the actor, the "corporal life of the role", because it would be through these assignments that the creation of the character could be achieved. The inner and outer life of a character, according to him, should mutually support each other [25].

The role of physical action and active text analysis, in order to form a character, was sustained on Kusnet's work mainly through actors' improvisation which promoted open construction of dramatic action. In this way, they were ready to incorporate the unexpected, thus, providing to the actor with autonomy of creating as protagonists on stage.

The visuality, the external appearance of theatrical signs, and the consequent certain materialization of character's inner action, involve the appreciation of actor's body (as well as character) as visual and auditory sign, essential for the full stage presence.

Indeed, the emphasis on "physical means of communication", proposed by Kusnet, greatly expanded the Stanislavskian concepts, produced different echoes in theatrical practice of theater groups, which has emerged as scenic research centres in Brazil since the mid-1970s, and that have become an indelible legacy in a wide range of scenic experience in the late 20th and early 21st century.

Eugenio Kusnet, during his time in Brazil, started a process of rereading, expansion and development of the concept of physical action, enunciated

[8] Kusnet´s most important books published in Brazil are: [5; 6; 7].

by late Stanislavsky, which is still ongoing in different countries. The formulation of this concept, as we know, was interrupted in view of Stanislavsky's death. Furthermore, Kusnet's research was able to grope for, although not consciously or deliberately, subliminal connections with the essential basics of scenic poetry of Vsevolod Meyerhold, one of the most expressive Russian theater directors.

This "physicality", or, in other words, this "physical means of communication", which seems to be inherent in the theatrical methodology of both, Stanislavsky and Meyerhold, as Kusnet proposed in his practices and theories, interact with the Brazilian artistic and cultural expression and its specificity.

The roots of Brazilian culture, forged through an amalgamation of Indigenous, African, and European cultures, are the bedrock of a particular way of being, thinking, and expressing. It will not be difficult to realize the exceptional predominance that exists at the principle of material and corporeal life, and the Dionysian character in Brazilian artistic way, which governs all imagery. It is populated by hyperbolic and hypertrophied images that correspond to a vigorous display of corporeality as an expressive sign.

With regard to the Brazilian scene, this complementary dialogism, as proposed by Kusnet, promotes an audacious freedom in exploring creative and poetic potentialities of the Brazilian theater.

Immigration is a process that marked Brazil's cultural development and had a great importance in its social-territorial composition. The Russian theatrical migratory experience in the Brazilian theatrical field allowed not only the transmission of concepts and practices from great masters of Russian theater in Brazil, but, mainly, it promoted great cultural integration and assimilation, driven by Brazilian historical and theatrical circumstances and never detached from contemporary Brazilian social state. On the other hand, by including the art of Brazilian actors in correlation with different aesthetic spaces and historical moments, the Russian theatrical deterritorialization in Brazil was able to grant to the theatrical Russian practices and concepts a kind of Brazilian-ness.

BIBLIOGRAPHY

References

1. Boleslavski, R. *A Arte do Ator: As primeiras Seis Lições* [The Art of the Actor: The First Six Lessons]. São Paulo, Perspectiva, 1992. 118 p. (In Portuguese)

2. Cavaliere, A. and E. Vássina, eds. “A herança de Stanislávski no Teatro Norte-americano: Caminhos e Descaminhos” [Stanislavsky’s Legacy in North American Theatre: Paths and Detours]. *Teatro Russo-Literatura e Espetáculo* [*Russian Theatre-Literature and Performance*]. São Paulo, Ateliê Editorial Publ., 2011, pp. 199–214. (In Portuguese)
3. Dória, G. “Os Comediantes” [The Comedians]. *Revista Dionysos — Estudos Teatrais* [*Dionysos Magazine — Theatre Studies*], vol. 22. Rio de Janeiro, Serviço Nacional do Teatro Publ., 1975, pp. 5–30. (In Portuguese)
4. Fuser, F. “A turma da Polônia’ na renovação teatral brasileira” [The Polish Gang’ in the Brazilian Theatre Revival]. *J. Guinsburg: Diálogos sobre Teatro* [*J. Guinsburg: Dialogues on Theatre*]. São Paulo, Edusp Publ., 2002, pp. 57–92. (In Portuguese)
5. Kusnet, E. *Ator e Método* [*Actor and Method*]. Rio de Janeiro, Instituto Nacional de Artes Cênicas-INACEN Publ., 1985. 177 p. (In Portuguese)
6. Kusnet, E. *Ator e Método* [*Actor and Method*]. São Paulo-Rio de Janeiro, Editora Hucitec-Funarte Publ., 2003, p. 167. (In Portuguese)
7. Kusnet, E. *Introdução ao “Método da Ação Inconsciente”* [*Introduction to the “Method of Unconscious Action”*]. São Paulo, Fundação Armando Álvares Penteado Publ., 1971. 85 p. (In Portuguese)
8. Michalski, Y. and F. Peixoto. “Brazil”. *The World Encyclopedia of Contemporary Theatre,* vol. 2. London; New York, Routledge Publ., 1996, pp. 60–72. (In English)
9. Pitches, J and S. Aquilina, eds. *Stanislavsky in the World: The System and its Trasformations Across Continents*. London, Bloomsbury Publ., 2017. 480 p. (In English)
10. Rodrigues, N. “O ensaio geral” [“The dress rehearsal”]. *Revista Dionysos — Estudos Teatrais* [*Dionysos Magazine — Theatre Studies*], vol. 22. Rio de Janeiro, Serviço Nacional do Teatro, 1975, pp. 51–53. (In Portuguese)
11. Tihanov, G. *Narrativas do Exílio — Cosmopolistismo além da Imaginação Liberal* [*Narratives of Exile — Cosmopolism beyond the Liberal Imagination*]. São Carlos, SP: Pedro&João Editores Publ., 2013, p. 186. (In Portuguese)
12. Ziembinski, Z. “Os Comediantes — Marco Novo”, *Revista Dionysos — Estudos Teatrais* [*Dionysos Magazine — Theatre Studies*], vol. 22. Rio de Janeiro, Serviço Nacional do Teatro, 1975, pp. 54–56. (In Portuguese)

Sources

13. Boleslávski, R. The First Lesson in Acting. *Theatre Arts Magazin*, vol. 7, 1923, March, p. 184. (In English)
14. Bonfitto, M. *O Ator-Compositor* [*The Actor Composer*]. São Paulo, Editora Perspectiva Publ., 2009. 176 p. (In Portuguese)

15. Carnicke, S.M. *Stanislavski in Focus*. Oxon, Routledge Publ., 2009. 272 p. (In English)
16. Knébel, M. *Vsia zhizn'* [*All of Life*]. Moscow, VTO Publ., 1967. 586 p. (In Russian)
17. Liubimov, I. "Portrety na stenakh i zhivye traditsii" ["Portraits on the Walls and the Living Traditions"]. *Stanislavskii v meniaiushchemsia mire* [*Stanislavsky in the Changing World*]. Moscow, MKTS Publ., 1994. 366 p. (In Russian)
18. Merlin, B. *Konstantin Stanislavsky*. Oxon, Routledge Publ., 2003. 171 p. (In English)
19. Prado, A.D. *O Teatro Brasileiro Moderno* [*Modern Brazilian theatre*]. São Paulo, Editora Perspectiva Publ., 1988. 152 p. (In Portuguese)
20. Stanislávski, C. *A construção da personagem* [*The Construction of the Character*]. Rio de Janeiro: Civilização Brasileira, 2013. 316 p. (In Portuguese)
21. Stanislávski, C. *A criação de um papel* [Creating a Role]. Rio de Janeiro, Civilização Brasileira Publ., 2012. 158 p. (In Portuguese)
22. Stanislávski, C. *A preparação do ator* [*The Actor's Preparation*]. Rio de Janeiro, Civilização Brasileira Publ., 2013. 323 p. (In Portuguese)
23. Stanislávski, C. *Minha vida na arte* [*My Life in Art*]. Rio de Janeiro, Civilização Brasileira Publ., 1989. 539 p. (In Portuguese)
24. Stanislavsky, K. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*], vol. 9. Moscow, Iskusstvo Publ., 1999. 838 p. (In Russian)
25. Toporkov, V. *Stanislavski in Rehearsal*. New York, Theatre Arts Books Publ., 1979. 184 p. (In English)

Дата поступления статьи: 10 декабря 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 16 февраля 2025 г.
Дата публикации: 29 декабря 2025 г.

Received: December 10, 2024
Approved: February 16, 2025
Date of publication: December 29, 2025

Научная статья

УДК 821.054.7.0
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-124-145
https://elibrary.ru/YFMYGW

THE WANDERINGS OF SOLOMON SALTZMANN, A RUSSIAN-HEBREW PUBLISHER

© 2025 Gil Weissblei

Abstract: The geographical wanderings of Solomon Saltzmann (1873–1946) mirror the migration of the Hebrew publishing center itself, from Eastern Europe to Germany and ultimately to Palestine. This article provides a comprehensive examination of the life and publishing career of Salzmann, a significant yet consistently overlooked figure in the Zionist cultural enterprise. Through detailed analysis of his memoirs and archival materials the study meticulously traces Saltzmann's journey from Odessa to St. Petersburg, Berlin and finally Tel Aviv — a route that poignantly reflected the broader displacement patterns of Russian-Jewish intellectuals during decades of revolution and exile. Despite being marginalized in mainstream Zionist historiography, Saltzmann played a pivotal role in modernizing Hebrew publishing, particularly during his crucial period in Weimar Germany, where he created unprecedented institutional collaborations between leading Jewish-German artists and prominent Hebrew literati (notably Bialik's circle). His publishing enterprises, adapting to changing political and economic circumstances across multiple countries, represented both the zenith and swan song of Russian Jewry's cultural influence.

Keywords: Hebrew publishing; Bibliophile editions; Zionist cultural enterprises; Solomon Saltzmann; Vladimir Jabotinsky; Weimar Germany; Russian Jews.

Information about the author: Gil Weissblei, PhD, Director of the Jabotinsky Institute Archives, King George St., 38, Tel Aviv, Israel.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0004-4915-1536
E-mail: gilbenlev@gmail.com

For citation: Weissblei, G. “The Wanderings of Solomon Saltzmann, a Russian-Hebrew Publisher.” *Emigrantica*. Issue 3, ed.-comp. E.R. Ponomarev, acad. ed. E.R. Ponomarev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 124–145. (In Russian)
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-124-145

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

СТРАНСТВИЯ СОЛОМОНА ЗАЛЬЦМАНА, РУССКО-ИВРИТСКОГО ИЗДАТЕЛЯ

© 2025 г. Гиль Вайсблай

Аннотация: Географические странствия Соломона Зальцмана (1873–1946) отражают миграцию самого центра еврейского книгоиздания — из Восточной Европы в Германию и, в конечном итоге, в Палестину. Данная статья представляет всестороннее исследование жизни и издательской деятельности Зальцмана — значительной, но последовательно игнорируемой фигуры в культурном проекте сионизма, чей вклад сформировал современную еврейскую печатную культуру. Посредством детального анализа его мемуаров, личной переписки и архивных материалов скрупулезно прослеживает интеллектуальный и профессиональный путь Зальцмана: от Одессы до Петербурга, через артистическую среду Веймарского Берлина и, наконец, к зарождающейся еврейской культурной сцене Тель-Авива — маршрут, который пронзительно отражал общие модели перемещения русско-еврейской интеллигенции в эпоху революций и изгнания. Несмотря на маргинализацию в историографии сионизма, Зальцман сыграл ключевую роль в модернизации издательского дела на иврите, особенно в критический веймарский период, когда он создал беспрецедентные институциональные коллаборации между ведущими еврейско-немецкими художниками и видными литераторами на иврите (особенно из круга Бялика). Его издательские начинания, адаптировавшиеся к меняющимся политическим и экономическим обстоятельствам в разных странах, стали одновременно и апогеем, и «лебединой песней» культурного влияния русского еврейства.

Ключевые слова: Еврейское книгоиздание, библиофильские издания, культурные предприятия сионизма, Соломон Зальцман, Владимир Жаботинский, Веймарская Германия, русские евреи.

Информация об авторах: Гиль Вайсблай — PhD, директор Архивов Института Жаботинского, ул. Кинг Джордж, д. 38, Тель-Авив, Израиль.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0004-4915-1536
E-mail: gilbenlev@gmail.com

Для цитирования: *Вайсблай Г.* Странствия Соломона Зальцмана, русско-ивритского издателя // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Вып. 3 / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 124–145.
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-124-145

In Zionist historiography, the name of Solomon Saltzmann (1873–1946) appears merely in footnotes. Yet contrary to this marginal placement in chronicles of one of the greatest dramas in Jewish history, Saltzmann played a crucial role in establishing pioneering Jewish cultural enterprises. The turbulent and transformative biography of this figure, who essentially embodied the archetypal modern Hebrew publisher, simultaneously symbolizes a zenith of Russian Jewry's influence within the Zionist movement — a fleeting apogee preceding its inexorable decline and dissolution through compelled peripatetic transitions from territory to territory, culminating in the ultimate destination: Eretz Israel.

I

The autobiography Saltzmann published in Tel Aviv in Hebrew [14], a mere biennium prior to his demise, encompasses accounts of encounters with a distinguished procession of Russian Zionist leadership, foremost among them — the statesman and litterateur Vladimir (Ze'ev) Jabotinsky (1880–1940), to whom he consecrates an entire chapter within his tome. The profound amity between these two figures, which subsequently evolved into commercial collaboration, not only exerted a determinative influence upon their respective life trajectories but furthermore precipitated the establishment and creation of seminal cultural institutions in the chronicles of Hebrew literary publication. Jabotinsky himself, in his memoiristic writings, accords substantial recognition to Saltzmann's

persona, characterizing him as the instrumental catalyst who effectuated his incorporation into the Zionist movement.

"Two elements are inextricably linked to the inception of my Zionist endeavors: Italian opera and the conceptualization of self-defense, [13, p. 50]", thus Jabotinsky initiated his recollection of his inaugural encounter with Saltzmann in the nascent months of 1903, within the domicile of Vsevolod Lebedintsev in Odessa. This social-democratic revolutionary, who would several years hence face execution for an attempted assassination of Justice Minister Shcheglovitov, extended hospitality to both gentlemen at a soirée in his residence, attended by Armanda degli Abbati, an Italian operatic vocalist performing contemporaneously at the Odessa Opera House.

Saltzmann subsequently recounted that the appellation of the 22-year-old Jabotinsky had previously entered his cognizance through perusal of his intellectually formidable articles. Jabotinsky's affiliations with the administrative echelons of the Odessa Opera (which had, in the preceding year, mounted a theatrical adaptation of *Blood*, one of his juvenile dramatic compositions) prompted Saltzmann to solicit his intervention in advocating for the presentation of operas such as *La Juive* and *The Queen of Sheba*, creations of Jewish composers (Jacques Halévy, Karl Goldmark). These operatic works, Saltzmann elucidated to Jabotinsky, could function as efficacious propagandistic instruments among the Jewish populace for the emergent nationalist movement, Zionism, thereby galvanizing their affiliation. Lebedintsev, aurally privy to this discourse, according to Saltzmann's account, addressed Jabotinsky thus: "It would behoove you to apprehend from him particularities concerning the Zionist movement among Jews, which, to my estimation, remains entirely foreign to your understanding [14, p. 241]".[1]

During Easter of 1903, shortly after that initial meeting at Lebedintsev's residence, the pogrom against the Jews of Kishinev occurred. The Odessan newspaper *Odesskie Novosti* [Odessa News], where Jabotinsky was employed, began receiving a stream of donations for the victims of the riots. When Jabotinsky arrived in Kishinev with this money for distribution among the Jews, he encountered Saltzmann there, amidst a substantial contingent of Odessa Jews who had likewise come to assist the afflicted community and to witness firsthand the devastation. This con-

[1] The absence of archival documents or letters regarding Jabotinsky's initial connection with the Zionist movement led historian Michael Stanislawski to question whether that meeting had any real significance for Jabotinsky, despite the clear statements he himself wrote several times, and the corroborative testimony of his contemporaries. See: [7].

stituted Jabotinsky's first acquaintance with activists of the Zionist movement in Russia. Among various people to whom Saltzmann introduced him during those days was another member of the Jewish delegation that had arrived from Odessa to assess the aftermath of the Kishinev pogrom and provide aid to its victims. This was the Hebrew poet Chaim Nachman Bialik, who, in response to that harrowing event, composed a profoundly powerful poem that reverberated throughout the Jewish world, *In the City of Slaughter* [The Burden of Nemirov]. Jabotinsky confessed in his memoirs that "to his great shame" he had not previously heard Bialik's name. This acquaintance between Bialik and Jabotinsky would later play a pivotal role in Saltzmann's publishing activities. Few months later, Bialik's poem was translated into Russian by Jabotinsky, and became one of the most influential texts on Jewish youth [9, p. 15].

The harrowing scenes Jabotinsky witnessed in Kishinev facilitated Saltzmann's proposition that he actively joined the Zionist movement. Saltzmann tempered his invitation to join the Zionist club *Eretz Israel* by suggesting that Jabotinsky first deliver an address before the members of that association. Saltzmann was among this Odessan society members, whose gatherings were conducted in their apartments, clandestinely. [14, p. 244].

Before an assembly of "middle–aged and older householders," [13, p. 47] as Jabotinsky characterized them, he delivered his first Zionist oration which, according to Saltzmann's testimony, addressed the topic: "Self-defense, national education, and the establishment of a publishing house". Though no record remains of the content of this inaugural lecture, its very title suggests the nature of the activities that would connect Jabotinsky and Saltzmann, and moreover, reflects their shared worldview regarding the conjunction between practical Zionist activity and book publishing.

The first propaganda pamphlet that Saltzmann requested Jabotinsky write for the Zionist organization he had joined, the *Eretz Israel* society, was published in Odessa in 1903.[2] Saltzmann devoted extensive space to this pamphlet in his memoirs, noting that it was not only Jabotinsky's first Zionist composition but also the first publication he himself produced in his capacity as a publisher.

According to Saltzmann, this pamphlet went through five editions and was printed, in total, in tens of thousands of copies that circulated throughout Russia. Even if these claims are somewhat exaggerated,[3]

[2] The pamphlet was published in Russian, entitled *To the Enemies of Zion*. See: [12].

[3] I have been able to locate only four editions of this pamphlet, which in total were

there is no doubt that the commencement of their publishing collaboration portended the success that would attend their joint publications. Following the success of that pamphlet, Saltzmann and Jabotinsky resolved to establish a publishing house dedicated to Zionist propaganda literature.

What remains particularly remarkable is that when Saltzmann initially approached Jabotinsky regarding the release of that first pamphlet, *To the Enemies of Zion*, he possessed very little professional knowledge or meaningful experience in printing trades. This audacity to initiate and operate in an entirely unfamiliar field, yet to succeed and persevere in the endeavor, characterized Solomon Saltzmann throughout his life.

II

Alexander Goldstein, one of the forgotten leaders of Russian Zionism, wrote in his memoirs about Solomon Saltzmann:

> Solomon Saltzmann <...> was a modern version of a character from Sholem Aleichem's world <...> The history of his wanderings and the list of his activities and professions are characteristic of this prolific man and of the economic conditions of the ghetto [*Pale of Settlement*. — G. W.]. He worked and starved, worked again and succeeded. He adapted to the most difficult conditions with the patience of a Jew who knows how to manage. After all his sufferings and tribulations, he remained what he had been — a son of the Lithuanian shtetl, speaking juicy Yiddish, possessing Lithuanian humor, and endowed with Jewish skepticism and Jewish idealism [11, p. 46].

Saltzmann was born in the town of Sialiec (Сялец) on the border of Berarus and Lithuania, on January 7, 1873. At the beginning of the second part of his memoirs, it is vividly described how he at the age of twelve was sent from his home to Warsaw, to find his way in life and no longer be a burden to his parents. The aspiration to dwell in the shadow of writers and scholars awakened in Saltzmann during those youthful days in Warsaw, when he worked as an errand boy for the Hebrew daily newspaper *HaTzfira*. There he also became acquainted, for the first time in his life, with the printing trade. In 1892, after a brief period of study

printed in 3,500 copies. However, the ephemeral nature of this publication allows for the possibility that copies of the fifth edition may not have survived. Even if ultimately only about 5,000 copies were printed, it would still represent an impressive circulation for a Zionist propaganda pamphlet published before the 1905 revolution in Tsarist Russia.

at the Mir Yeshiva and a long series of odd jobs in Warsaw, the twenty-year-old Saltzmann emigrated to the United States. From the list of his numerous jobs during his three years in New York, we learn, incidentally, that he also founded with a group of friends a publishing house for books and propaganda pamphlets. Saltzmann mentioned this very briefly, and it is impossible to know the nature of that nascent "publishing business" in which he was involved. From this seemingly marginal detail, one can learn about his strong attraction to the field of publishing from his youth, and about certain experience, albeit modest, that he acquired in the field.

Saltzmann's sojourn in America did not last long: in 1896 he returned to Russia and settled in Odessa which, in his words, "although it was a young city, was already a major metropolis in Russia, a mother city in Israel, second only to Warsaw in Jewish population" [14, p. 130]. The social environment into which Saltzmann integrated upon his arrival in Odessa influenced him to join with great enthusiasm the Hovevei Zion movement, which had recovered from the crisis that befell it after the death of J.L. Pinsker. The emergence of Herzl and the convening of the First Zionist Congress had a decisive influence on the development of the Zionist movement in Russia at the turn of the century, and Saltzmann was one of many young people swept into that maelstrom of new Jewish nationalism. The following words, written at the conclusion of the memoir chapter describing his integration into Odessa's Jewish society, testify to his personality and naive idealistic faith:

> The circle of my friends and acquaintances then included only Zionist activists, intellectuals, and writers. And so, I spent all my time in Zionist work. And I must note here that since I began working in the field of the Zionist movement, I never aspired to rise in the leadership ranks and to be among the presidents <...> My freedom of action and my low rank in the party not only were harmless for my dignity but, on the contrary, they greatly elevated me in the eyes of its officers, who welcomed me as a brother [14, p. 135].

The persistent aspiration for education of a this man of humble origins, who did not have an opportunity to study in his youth, along with talent and great energy that afforded him the possibility to be a vessel-bearer of "people of spirit and pen", as he put it, were apparently among the main motivations for Saltzmann's turn to the field of publishing.

The organizational talent with which Saltzmann was endowed, in addition to the ideological fervor that characterized his Zionist activity, led him to acquire a rather senior position in the Zionist movement in Russia. Despite his modest words, he was the secretary of the "Zionists of

Zion" party in Russia and its delegate to Zionist Congresses. Saltzmann also engaged in writing articles and journalistic pieces and, surprisingly, apparently also mastered Italian, a language in which he reported to a Milan newspaper on musical activities in Odessa.

The changes that occurred in Tsarist Russia after the 1905 revolution greatly eased Jewish publishing activities, which until then had been conducted under close supervision [6]. Beginning in mid–1905, Saltzmann managed a publishing house that, after the first pamphlet by Jabotinsky, published a long series of propaganda booklets in Russian and Yiddish. They were written by the leading Zionist propagandists in Odessa, as well as translations of articles (mainly from German) by Zionist leaders such as Ahad Ha'am, Otto Warburg, and Franz Oppenheimer. In total, between 1905 and 1906, Saltzmann published about forty[4] propaganda booklets in Russian and about 10 booklets in Yiddish under the *Kadima* [Forwards] publishing house. Simultaneously, he published a series of Yiddish booklets under the name of *Tsionistishe Kopeyke Bibliotek* [Zionist Penny Library].[5]

Odessa was, at the beginning of the twentieth century, the formative center of new Hebrew literature. The spiritual leader of the Zionist movement, Ahad Ha'am, published there the most important literary journal in the Hebrew language, *HaShiloah*, and alongside him operated a vibrant literary center, one of whose prominent young figures, who would later receive the title of the National Poet, was Chaim Nachman Bialik (1873–1934). By that time, Bialik's name had already become known throughout the Jewish world as a prominent poet, as well as one who knew how to express the rupture between the old world and the

[4] The nature of these propaganda booklets, which were usually discarded after reading, meant that not all booklets survived. The National Library in Jerusalem has preserved 28 booklets published by *Kadima*, but in other libraries around the world I found eight additional booklets. In the bibliography compiled by Viktor Kelner, covering all the literature written about Jews and Judaism in the Russian language in the first half of the twentieth century, I found fewer than thirty such booklets, but it can be assumed that he omitted from this compilation the booklets that did not deal directly with Jews or Judaism. See: [5]. From this, it can be assumed that the total number of *Kadima* publications during the period of less than two years in which it operated continuously was about 40. Even if this number is not exact, it indicates very intensive publishing activity over a short period of time. In addition to the publications that appeared under *Kadima*, Saltzmann published additional booklets and small books in Russian with Zionist content under his own imprint (Издание С.Д. Зальцмана).

[5] The circulation of these booklets was especially large. According to the cumulative print run notation, which had to be accurate by law, each was printed in 20,000 copies, an enormous number in those days for a printed matter in Hebrew characters.

new world in the most profound way, and called for cultural revival. These texts also resonated with Jabotinsky, who decided to undertake an ambitious and multifaceted project: to translate Bialik's poems into Russian, to make them accessible to the masses of Jews who did not master the Hebrew language, and to bring them closer to the idea of revival.

In early 1910, Jabotinsky began the work of translation, which, several months later, turned into a publishing initiative of the first of its kind: the publication of new Hebrew literature in Russian verse, in an elegant edition. Solomon Saltzmann was, naturally, the man who took upon himself the task of publishing this translation. Despite the great importance of this book, Saltzmann dedicates only a few lines to it in his memoirs:

> I also took into account the fact that no book on a Hebrew subject had yet been published which, by its internal value, and especially by its external elegance, would be worthy of being presented as a gift in a Jewish home. Until then, a Jewish father would present to his son for his Bar Mitzvah, and a husband to his wife on a joyous occasion, only Russian books <...> I then published in a beautiful edition, which only the technology in St. Petersburg made possible, Bialik's poems in Jabotinsky's Russian translation <...> Bialik's poems were subsequently published in seven editions. Thousands of Jews, most of whom had not even heard Bialik's name before, began, thanks to this translation, to take an interest in our great poet, and perhaps thereby to come closer to our literature in general [14, pp. 181–182].[6]

Saltzmann's boldness in deciding to publish Bialik's poems in Russian stands out against the backdrop of Jabotinsky's testimony, according to which all his approaches to Russian publishers were initially met with absolute rejection. Already in 1910, when Jabotinsky was in the midst of his translation work, he approached several Russian publishing houses with the proposal to print Bialik's poems, but encountered absolute refusal, for fear that no buyers would be found for such a book [13, p. 83]. The great success that this book enjoyed, especially among the Jewish readership — by 1925 it had been published in seven editions, in 35,000 copies — testifies not only to Bialik's creation and the quality of the translation. It

[6] Saltzmann is not exaggerating in his description: the translation of Bialik's poems into Russian had a decisive cultural influence on the attitude of liberal Russian intellectuals toward the Hebrew revival culture that was developing in their vicinity.

is reasonable to assume that printing the book in a modest format without an elegant binding and without meticulous attention to typographic design would have brought much less success.

Jabotinsky's approach to Saltzmann to publish Bialik's poems in Russian was made against the backdrop of their joint work on the staff of the weekly *Rassvet* [*Разсвѣтъ*, Dawn], the central organ of Russian Zionists.[7] After Saltzmann's success with the Kadima publishing house, he was called to aid Echiel Tschlenow in organizing the institutions of the Jewish National Fund in Moscow. Several months later, in December 1906, Saltzmann was called to St. Petersburg, to assist in the establishment and administrative organization of the Russian-Jewish weekly, headed by Abraham Idelsohn, which from the beginning of January 1907 was called *Rassvet*. Saltzmann's resourcefulness and management approach led, within a short time, to an increase in the weekly's circulation from 3,000 to 35,000 copies, a large number even in relation to non-Jewish weeklies appearing at that time in Russia [10].

The years Saltzmann spent in the Russian imperial capital constitute his most significant apprenticeship period as a publisher and specialist in the production of artistic books. Parallel to publishing the Zionist weekly, Saltzmann also managed the *Vostok* [Востокъ, East] publishing house, which was a continuation of the *Kadima* publishing house in Odessa, within which he continued to publish dozens of Zionist propaganda booklets in Russian.[8] This work within the framework of the Russian Zionist Organization did not provide Saltzmann with substantial livelihood, even if through it he acquired a name and experience as a publisher. He gained his principal earning and professional experience through work in the Russian branch of the *Brockhaus & Efron* publishing house, which was headquartered in St. Petersburg.[9] Saltzmann did not detail what his role in that company was, but there is no doubt that his work

---

[7] Rassvet [Разсвѣтъ] was in fact the continuation of the Russian-Jewish monthly *Evreyskaya Zhizn* [Еврейская Жизнь, Jewish Life], which was identified with the Zionist movement in Russia and appeared as early as 1904. From its very beginning, Ze'ev Jabotinsky stood out in this weekly as one of the most important writers, alongside the editor, Abraham Idelsohn.

[8] According to the publishing house's advertisements in the Russian-Jewish press (especially in the Rassvet newspaper), between 1906 and 1914, 235 different Zionist propaganda booklets were published by this house. After the February Revolution, the its activity was renewed, albeit in a more limited format.

[9] Ilya Abramovich Efron (1847–1917), a Jew born in Vilna, was one of the greatest publishers in Tsarist Russia in the late nineteenth and early twentieth centuries. Among his other publishing ventures, Efron founded a separate department in his publishing house for Jewish scientific publications in the Russian language in 1907.

in the largest publishing house in Russia, which led to the enormous development of the book art there, not only provided the Zionist publisher with technical and practical experience he needed. Moreover, it also assisted him in creating professional connections with designers, printers, and other craftsmen, and served as inspiration for his own independent publishing initiatives.

Saltzmann's initiative and great talent led to his professional development in the field of printing and publishing. A long chain of jobs in the field of print production which he describes in his memoirs, including periods of professional development in Western Europe, endowed him with extensive professional knowledge, until he was considered one of the greatest experts of his kind. Saltzmann noted that his professional advancement earned him a position as "technical consultant for classical and artistic books" at *Brockhaus & Efron* publishing house, and apparently, he held this high position throughout his stay in St. Petersburg, until the outbreak of World War I.

Equipped with extensive professional knowledge, connections with printing houses, graphic artists, and paper suppliers, Saltzmann was ready to approach the independent production of a self-published book, but this time, in high typographic quality.

In the deluxe edition of Bialik's poems in Russian, Saltzmann created new standards that were previously unknown for secular books translated from Hebrew, which are not part of the canonical religious literature. It was one of Saltzmann's greatest cultural and commercial achievements.

This book greatly impressed Maxim Gorky, who subsequently corresponded with Saltzmann and extended an invitation for consultation regarding a publishing house Gorky was establishing. This publishing house was managed by Alexander Kogan [2], a publisher and printing expert who would later collaborate with Saltzmann in Berlin. In his memoirs, Saltzmann proudly recounted how he spent an entire day in Gorky's company and helped him to practically outline the publishing house's plan of action [14, pp. 198–199].

This acquaintance, in addition to the reputation Saltzmann had earned as the technical advisor to the renowned *Brockhaus & Efron* publishing house, helped him cope with the difficult days that followed the Bolshevik revolution. Gorky, the founder and editor of *Новая жизнь* [*Novaya zhizn,* New Life] employed Saltzmann as the technical manager of the newspaper. However, within a few months, the chaos in the country intensified, and life became unbearable. "The whole country turned into hell and a volcano", Saltzmann recounted in his memoirs about the

months following October 1917, "and there were no prospects for the improvement in the situation then, there was only one dream, which every person had: to flee and escape..." [14, p. 199].

Saltzmann, a man of action, decided — and took actions: at the beginning of October 1918, he left Petrograd and, after many hardships and adventures, managed to reach Odessa, from where he hoped to sail to Turkey — and from there, to Palestine. Solomon Saltzmann's departure from Russia was well-planned, and his arrival in Eretz Israel was a part of a comprehensive plan for a publishing enterprise.

Odessa, where Saltzmann came from Petrograd in late October 1918, was a city immersed in panic and fear: almost daily the government changed, anarchy prevailed everywhere; murders and riots were routine matters. Saltzmann stayed two months in this city, being able to establish telegraphic contact with Jabotinsky, who was then an officer in the Jewish Legion. The veteran friend, who was now a well-known personality among the British military authorities, acted on behalf of his companion. Through his influence, the British consul in Odessa granted Saltzmann an entry visa to Egypt.

In the morning of January 7, 1919, Solomon Saltzmann boarded the French ship Amazon in the port of Odessa, which made its way to Istanbul. Saltzmann made his way to Jerusalem, to fulfill one of the most ambitious dreams in the history of Hebrew book.

III

The British conquest of Palestine and the publication of Balfour Declaration in 1917 opened a new chapter in the history of Zionism. The historical momentum gave Jews worldwide the feeling that the time had finally arrived when the Zionist vision they had dreamt of could be realized. On the practical level, it was, in the opinion of many, the right time to act to implement the idea of building the spiritual center of the Jewish people in Jerusalem. Perhaps unlike other historical crossroads, many were aware of the magnitude of the hour and hurried to act. On July 24, 1918, even before the peace treaties were signed and the war officially ended, Dr. Chaim Weizmann had already laid the cornerstone for the Hebrew University on Mount Scopus. Many other institutions, which later formed the infrastructure for the Hebrew settlement in Eretz Israel, were also established in those days.

Saltzmann managed to reach Palestine only after many adventures: from Istanbul he sailed to the port of Alexandria, and from there arrived in Cairo, which was then under British military rule. There, he was arrested on suspicion of being a Bolshevik spy. Thanks to the intervention of

Jabotinsky and his commander in the Jewish Legion, Colonel Patterson, he was released from prison and finally reached Jerusalem, about three months after leaving Odessa.

A few days after his arrival in the country, on April 3, 1919, Saltzmann wrote a programmatic article entitled *The Establishment of a Publishing House and Large Printing House in Jerusalem* (CZA, File 6/27A). The full text of this article, of which only an excerpt was published, gives us a glimpse into Saltzmann's worldview regarding Hebrew publishing enterprises, very close to the time when he arrived in Palestine and began practical action. Saltzmann combined the hunger for books with the idea of transforming Jerusalem into a spiritual center. In quite elaborate detail, he laid out a plan for the establishment of a special quarter called *Kiryat Sefer* [City of the Book] on the outskirts of Jerusalem, where printing houses, workshops for processing drawings and pictures, plants for producing printing plates, binderies, warehouses for paper, ink, and binding equipment, and more would be concentrated. In a generous spirit, he proposed to establish in that publishing city welfare services for the convenience of workers, including clubs, clinics, and, of course, suitable housing. All these would be available to Jewish experts and professionals from all over the world who would come to settle in Jerusalem and transform it into an international center for the production of high-quality books.

It is difficult not to be impressed by the boldness mixed with imagination of someone who was essentially a refugee, who had just arrived from Russia to the impoverished Eretz Israel that had not yet recovered from the ravages of war, and sought to establish a massive economic entity that would serve as a global center.

Saltzmann did not delay and began practical actions to realize his plan: he approached artists and architects with a request for proposals for the design of printing house buildings and offices for a publishing house, and parallel to the negotiations he conducted with Jewish philanthropists from the United States who were enthusiastic about the idea, he began the necessary actions to acquire plots of land on the outskirts of Jerusalem, where he planned to establish the printing city he dreamed of.

However, a chain of violent events cut short the continued realization of the dream. On March 1, 1920, Captain Joseph Trumpeldor and his comrades fell in the battle of Tel Hai in Galilee, and the security situation in Palestine began to deteriorate. The processions of the incited Arab mob in the streets of Jerusalem and Jaffa and the flood of events that led to the outbreak of riots on April 4, 1920, also shattered Saltzmann's belief that extensive cultural activity could take place in Eretz Israel at that

time. In those days, Saltzmann shared with Jabotinsky and his family an apartment in a mansion, not far from the walls of the Old City in Jerusalem. Their residence, close to the *Ha'aretz* daily newspaper office where Saltzmann was the manager and Jabotinsky regularly participated, became a meeting place for scholars and a vibrant gathering center for Zionist leaders from all over the country. With the gathering storm clouds that threatened to come, Jabotinsky began to organize the defense forces for the Jews of the city in their apartment. From there he also went out to command his soldiers when the acts of murder and looting broke out. "Normal life everywhere in the country", Saltzmann recounted, "came to a complete halt" [14, p. 199].

Jabotinsky's command of the Jewish self-defense forces in Jerusalem led to his arrest by the British military authorities on April 7. For Saltzmann, the national distress was compounded by a personal one: concurrent with the imprisonment of his close friend came the news from Russia that the city of Yekaterinburg had been captured by the Bolsheviks, who had burned it and scattered its inhabitants in all directions. Saltzmann's wife and young children, from whom he had been forced to separate in 1918, were staying in this city, and he was beside himself with worry and concern. Chaim Weizmann, head of the Zionist Commission in Palestine at that time, advised him to travel to London and from there, to concentrate his efforts on saving his family [14, p. 199]. He promised to help as much as he could. "So, I left everything", Saltzmann recounted in his memoirs. "From Jabotinsky I took a farewell blessing from the prison and traveled with Dr. Weizmann to London" [14, p. 200]. Thus came to an end, in effect, the most ambitious plan in the history of Hebrew publishing, for the establishment of a national printing center in Eretz Israel.

IV

Saltzmann's efforts to rescue his family bore fruit, and in March 1921 he succeeded in bringing them to Riga, the capital of the young Latvian Republic, where he was staying on a mission for Keren Hayesod.[10] At that time, Saltzmann decided to move with his family to Berlin, a place where medical care could be found for his ailing wife and son, and an abundance of employment opportunities for himself. In his memoires, he began the chapter on his stay in Germany with these sentences:

[10] Keren Hayesod [Hebrew: The Foundation Fund] is the central fundraising institution of the World Zionist Organization.

> I moved with my family to Berlin to live there. For three years I resided in this city. Berlin was then like an oasis in the desert, a refuge for all the Hebrew intelligentsia, refugees from Russia, for every well-to-do Jew, and for all who had sustenance. The German government opened its gates, and anyone wishing to escape the inferno of Russia could remain in Germany. The Russian language was heard in all the streets of Berlin; Russian refugees occupied an important place in Germany, newspapers appeared, Russian publishing houses were founded [14, p. 221].

From this description, one might mistakenly think that Saltzmann arrived in the capital of the Weimar Republic directly from Soviet Russia, as one of those refugees he describes. The entire episode of his stay in Eretz Israel and his activities there seems to have been suddenly forgotten, and he became one of those "Russian refugees" for whom the gates of Western Europe had opened, and to which they fled from the terror of Bolshevik rule. Saltzmann concluded the chapter of his stay in Eretz Israel with a declaration that his journey to Germany was intended only for the accumulation of capital, to enable his return to the country with economic independence [14, p. 221], but according to his subsequent words it appears that his journey there stemmed precisely from a desire to reintegrate into the world of Russian publishing. Saltzmann saw himself, therefore, as an integral part of the group of Russian publishers who had lost their homeland, who found in Germany a comfortable temporary refuge to stay, without knowing what the future veiled. The disappointment with Eretz Israel was an important factor in his choice to become a "voluntary exile" in a country where he could again find his professional colleagues, alongside many friends from the old homeland.

Saltzmann's work on the literary monthly edited by Maxim Gorky in Petrograd in the days following the October Revolution helped him renew his connections with the publisher Zinovii Isaevich Grzhebin, who had transferred his publishing house from Russia to Germany [4, pp. 277–289]. According to Saltzmann, shortly after arriving in Berlin, he had already entered into partnership with Grzhebin and engaged in the distribution of the publishing house's books. Saltzmann, who worked with Grzhebin almost from the day he arrived in Berlin, gained considerable experience from this partnership [3, p. 150]. The encouragement he drew from their commercial success aroused in him the desire to renew the independent publishing activity he had begun in St. Petersburg on the eve of the First World War.

In the second issue of the Russian bibliographic journal *Новая русская книга* [*Novaya russkaya kniga*, The New Russian Book], which ap-

peared in Berlin in February 1922, a notice was published about the renewal of the activities of Saltzmann's Odessan publishing house in Berlin. "For the time being, the publishing house is focusing on the reprinting of books previously published in Russia," the journal reported to its readers. Contrary to what might be inferred from the wording of the notice, Saltzmann did not print these books by photographing the previous editions. He arranged and designed them differently and gave them elegant bindings that they had previously lacked.

The fact that two of the first five books published by Saltzmann in Berlin were by Bialik testifies to the renewed connection between the two figures, who were now neighbors residing in the same pension at Savignyplatz in Berlin. Several months earlier, Bialik had arrived in Germany after managing to leave Soviet Russia with another group of Jewish writers, thanks to the warm recommendations of Maxim Gorky. Although it was clear that Bialik would eventually settle in Eretz Israel, his stopover in Western Europe lasted for about three years. Under comfortable economic conditions created in the Weimar Republic, Bialik decided to re-establish his Hebrew publishing house, *Dvir*, and to establish Hebrew publishing activity there before transferring the Hebrew literary center to Eretz Israel.

Bialik, it can be assumed, was pleased with the design of the volumes of prose and poetry in Russian translation that Saltzmann published, which enjoyed considerable commercial success. On February 24, 1922, only about two months after Saltzmann opened his Russian publishing house in Berlin, around the time of the appearance of the fifth book in his enterprise, Bialik signed a contract with him regarding the publication of *Sefer Ha'Aggadah* [Book of Legend] in Russian translation.[11] This anthology of legends and stories from ancient Jewish sources, edited by Bialik and Ravnitzky, was first published in Hebrew in Odessa in 1908, and since then had become one of the most popular books in the Jewish street. For this publishing project, Saltzmann enlisted the Jewish-Polish woodcut artist Joseph Budko (1888–1940), one of the greatest Jewish artists of that period. The publication of *Sefer Ha'Aggadah* in Russian constitutes another crucial stage in Saltzmann's development as a publisher of artistic books for bibliophiles, in collaboration with important Jewish artists.

[11] Bialik House Archive (BHA, Tel Aviv), Memorandum between *H.N. Bialik and Solomon Saltzmann*, February 24, 1924.

V

Despite the great success of Saltzmann's Russian publishing house, towards the middle of 1922 its activity gradually diminished, ending after only six months and after publishing a dozen titles.[12] Was it only the heavy burden placed on the publisher's shoulders, which he could no longer bear, or perhaps the crisis that came with the destabilization of the German currency had already begun, and the production costs of books in Germany started to rise? It should be noted that in the same year (1922) he was actively involved in five different publishing enterprises, including a weekly newspaper.[13] Or perhaps to all these was added Saltzmann's sincere and intense desire to open a Hebrew publishing house, which would pave the way for his return to Eretz Israel?

Already in the summer of 1922, Saltzmann began developing the operational plan for a new Hebrew publishing house, named *HaSefer* [The Book]. The literary editor of this publishing house was the notable Hebrew poet Zalman Shneour (1887–1959), and naturally, the first two books published by it were collections of his poems, *Gesharim* [Bridges] and *Vilna*.

During his stay as a Russian refugee in Germany during the First World War, Shneour wrote a six-chapter poem in which he portrayed with longing (and yet, with sharp realism and without a tendency towards romanticism) Vilna, the city of his youth. Saltzmann decided to publish this work accompanied by illustrations by the renowned Jewish-German artist Hermann Struck.

Struck's military service in the ranks of the German army during the First World War brought him to the Baltic countries, where he encountered East European Jews and was captivated by their figures and the landscapes in which they lived. Struck's admiration for what he saw led to the creation of several series of engravings and drawings, which he began to publisheven before the thunder of cannons had ceased [15]. Several engravings were published as illustrations for Arnold Zweig's book, *Das Ostjüdische Antlitz* [The Face of East European Jewry], which appeared in 1920 in a bibliophile edition and achieved great popularity [1, p. 143]. Saltzmann saw the bibliophile editions of Struck's books, which enjoyed great success among the Jewish public in Germany and

[12] The last book printed by the S.D. Saltzmann Russian publishing house, *Рембрандтъ и еврейство въ его творчествѣ* [Rembrandt and Judaism in His Work] by Leonid Pasternak, was published at the beginning of 1923.

[13] The weekly *Rassvet*, the official organ of Russian Zionists, renewed its publication in Berlin in 1922, edited by Solomon Gepstein. Saltzmann was the publisher of this weekly and its administrative manager. See: [14, p. 222]

beyond, and sought to replicate this success with a book he would publish in Hebrew, in the same style.

The connection Saltzmann established between original Hebrew poetry and the lithographs of the Jewish-German Struck constituted a decisive turning point in the history of secular Hebrew book. This first collaboration between a renowned Jewish-German artist and a Hebrew publisher from Russia brought an unprecedented combination to the Hebrew book world. Original graphic art of high quality merged here with a secular Hebrew text, in a manner in which Jewish books had previously been produced only in foreign languages.

Vilna was the first in a series of artistic Hebrew books published by Solomon Saltzmann, of unprecedented high typographic quality. With a developed commercial and aesthetic sense, he managed to utilize the advanced technique of printing houses in Germany, which in a state of hyperinflation allowed for the inexpensive production of books of excellent quality.

VI

On January 18, 1923, Jabotinsky sent a letter to the president of the Zionist General Council announcing his resignation from the executive and his withdrawal from the Zionist Organization (JIA, File A-1/ 2/36). In the two years preceding this, Jabotinsky had been one of the most active among the leaders of the Zionist movement, but disagreements with his leadership colleagues regarding the manner of representing Jewish interests to the British government grew increasingly severe. A month later, in early February 1923, Jabotinsky also resigned from the management of Keren Hayesod, after having consolidated the position of the propaganda department, which he had worked to establish during the preceding months. To his mother and sister in Jerusalem, Jabotinsky wrote from Berlin, two days after his resignation: "I can only add that I am very happy. A stone has been rolled from my heart, I have no obligations, and I do not need to lie" (JIA, File A-1/ 2/151). In Berlin, presumably, Jabotinsky met Solomon Saltzmann, who was at that time bringing to fruition their joint plans for printing Hebrew books, which they had dreamed of together back in Odessa. Although we have no documentation of their conversations from those days, it can be assumed that upon Jabotinsky's resignation from his official positions, he proposed to Saltzmann to rejoin him in his publishing activity, which he saw as blessed. From Jabotinsky's letters to various individuals in April and May 1923, it appears that Saltzmann responded affirmatively to his old friend's partnership proposal and assisted him in his feverish literary activity.

Jabotinsky's entry into *HaSefer* marked a turning point in the activity of the publishing house, which until then had been managed exclusively by Solomon Saltzmann. The partnership between Saltzmann and Zalman Shneour, which came to an end in late May 1923, allowed Jabotinsky to reorganize the publishing house's activities, changing the nature of the books published and emphasizing light translated literature. Jabotinsky's worldview regarding the importance of popular, non-highbrow literature for the implantation and dissemination of the Hebrew language among the masses was, in fact, contrary to Saltzmann's line of activity until then, and led to the dissolution of *HaSefer* publishing house in Berlin. Thus, a new partnership was formed under the name of HaSefer Company Ltd., of which Saltzmann was no longer the owner. On May 28, 1923, the agreement regulating the establishment of The Hebrew Publishing Company Ha-Sefer Limited was signed at the British Registrar of Companies offices in London, and with that, *HaSefer* publishing house in Berlin, owned by Solomon Saltzmann, effectively ceased to exist (JIA, File A-17/4/1). The registration of the company in London indicates Jabotinsky's intention to transfer the center of the publishing house's activities to Eretz Israel, which was subject to the laws of the British government. Despite these intentions, The Hebrew Publishing Company Ha-Sefer headed by Jabotinsky operated in London and Paris for only a short period and waned towards 1925, with Jabotinsky's stormy return to political life.

Like many Hebrew publishers who operated in the Weimar Republic, Saltzmann also saw Germany as only a temporary station on the way to Eretz Israel, which he had actually left with a clear intention to return. But unlike Solomon Saltzmann, who was about to immigrate to Eretz Israel with his family, Jabotinsky planned to emigrate from Berlin to Paris. In this, he sought to continue to operate from within the Russian-Jewish migration center that was relocating at that time, as part of a large group of Russian emigrants, from the German capital to the French one. Jabotinsky viewed his literary and journalistic activities in the early twenties as a direct continuation of his activities in pre-revolutionary Russia, and believed that migration of the center to Paris would also establish a Hebrew center there, in parallel, similar to the one that existed in Berlin. However, the closure of Hebrew publishing houses in the Weimar Republic, following the curbing of inflation and a significant increase in book production costs there, marked the end of Hebrew publishing activity in Europe. The Hebrew literary center moved to Eretz Israel. Saltzmann, like most Hebrew publishers who operated in Germany in the early 1920s, apparently understood that under the new economic conditions created, there was no point in continuing the momentum of

activity as before, and sought to exit the Hebrew publishing business. In his memoirs, he notes that an additional consideration for his desire to leave Germany at that time was his wish for his young son to begin his studies in a Hebrew school, in Eretz Israel. Ideological and economic reasons intertwined thus brought him, at that time, to the decision to return to Mandatory Palestine.

In October 1924, Saltzmann immigrated to Eretz Israel with his family and settled in Tel Aviv. The wealth he had accumulated over the years enabled him to build himself a nice house on one of the central streets of the city and to manage his business affairs from there. Surprisingly, Saltzmann did not return to publishing: just a few days after his arrival, he was elected to the board of Geula, a company engaged in the purchase and sale of land. A little later, he also became a board member of a large cooperative bank in Tel Aviv and was one of the founders of the Hebrew daily newspaper *HaBoker* [The Morning; 14, p. 229].

The abandonment of publishing was common to many Hebrew publishers who had operated in Germany in the early 1920s. Upon their arrival in Eretz Israel, they realized that a young generation of creators had emerged there, seeking new, modern forms of expression. In fact, the dissolution of the Hebrew-Russian exile colony in the Weimar Republic marked the final disintegration of Russian Jewry as a single hegemonic group of influence. The Jews of Russia, who had been at the forefront of Hebrew cultural activity since late 19th century, lost in Eretz Israel the primacy they had enjoyed until then. Especially from the 1930s onwards, they had to make way for new groups of influence with worldviews different from their own, in a wide range of fields. The "golden age" of Russian Jewry in Hebrew culture, which reached its peak precisely in Germany, was in fact the "swan song" of this Jewish community, which upon its immigration to Eretz Israel, effectively ceased to exist [8, pp. 328–330]. In the following years, the Jews of Germany and Central Europe who arrived in the country after the rise of Nazism took the place of Russian Jews in charting the course of the elegant Hebrew book and in developing Hebrew typography. The bibliophile books that were published in the country, from the late 1930s onwards, were the fruit of the initiative and talent of these immigrants, who continued the pioneering enterprise that had begun in the days of the Weimar Republic. The appearance of fine Hebrew books was no longer a novelty, but a natural continuation of the development of book culture, among the People of the Book.

Solomon Saltzmann continued to be involved in Zionist public activity until his sudden death in the autumn of 1946. To a large extent, this was a natural continuation of the Zionist work in which he had been engaged

since his days in Russia. The speed with which he integrated into Jewish public and economic life in Eretz Israel also testifies to the environment into which he arrived: a society of Jewish immigrants who, like him, had aspired all their lives to immigrate to Eretz Israel and did not see it as a foreign place, but as a historical homeland to which they had returned, and in which they sought to build a stable national home.

BIBLIOGRAPHY

References

1. Brenner, M. *The Renaissance of Jewish Culture in Weimar Germany*. New Haven and London, Yale University Press, 1996. XI, 306 p. (In English)
2. Fleishman, L. "Gor'kii i zhurnal'nyi proekt A.E. Kogana" ["Gorky and A.E. Kogan's Journal Project"]. *Slavica Hierosolymitana*, vol. 4, edited by L. Fleishman, O. Ronen, and D. Segal. Jerusalem, Publ., 1979, pp. 268–273. (In Russian)
3. Grzhebina, E. "Z.I. Grzhebin — izdatel'" ["Z.I. Grzhebin as a Publisher"]. *Evrei v kul'ture russkogo Zarubezh'ia* [*Jews in the Culture of the Russian Diaspora*]. Jerusalem, [S. n.], vol. 1, 1992, pp. 146–168. (In Russian)
4. Ippolitov, S.S. *Rossiiskaia emigratsiia i Evropa: Nesostoiavshiisia al'ians* [*Russian Emigration and Europe: A Failed Alliance*]. Moscow, Izd-vo Ippolitova Publ., 2004. 376 p. (In Russian)
5. Kel'ner, V.E., and D.A. El'iashevich. *Literatura o evreiakh na russkom iazyke, 1890–1947: Knigi, broshiury, ottiski statei, organy periodicheskoi pechati: Bibliograficheskii ukazatel'* [*Literature about Jews in Russian, 1890–1947: Books, Brochures, Reprints of Articles, Periodicals: Bibliographical Index*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1995. 679 p. (In Russian)
6. Moss, Kenneth B. "1905 as a Jewish Cultural Revolution? Revolutionary and Evolutionary Dynamics in the East European Jewish Cultural Sphere, 1900–1914." *The Revolution of 1905 and Russia's Jews*, edited by Stefani Hoffman and Ezra Mendelsohn. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2008, pp. 185–198. (In English)
7. Stanislawski, M. *Zionism and The Fin de Siècle: Cosmopolitanism and Nationalism from Nordau to Jabotinsky*. California: University of California Press, 2001. 303 p. (In English)
8. Weissblei, G. *Kav VeNaki: Techiyata Shel Omanut HaSefer Haivei BeRepublikat Vaimar* [*The Revival of Hebrew Book in Weimar Germany*]. Jerusalem, Carmel Publ., 2019. 420 p. (In Hebrew)

9. Zipperstein, Steven J. *Pogrom: Kishinev and the Tilt of History*. New York, Liverlight Publishing Corporation, 2018. XXII, 261 p. (In English)

Sources

10. Gepstein, S. “Avraham Idelsohn — Chayav V’Kavei Dmuto” [“Abraham Idelsohn — His Life and Character Traits”]. *Sefer Idelsohn: Ma’amarim u-Mekkarim be-Omanut Knesset Yisra’el* [*Idelsohn Book: Articles and Studies on the Art of the Assembly of Israel*], ed. by M.Z. Nurock. Tel Aviv, Hotsa’at Omanut, 1946, 243 p. (In Hebrew)
11. Goldstein, A. “Pirkei Zikhronot” [“Chapters of Memories”]. *He’avar, L’divrei Yemei Ha’Yehudim V’Ha’Yahadut B’Russia* [*The Past, for the History of the Jews and Judaism in Russia*], Book 14. Tel Aviv, Altira Publ., 1967. 87 p. (In Hebrew)
12. Jabotinsky, V.E. “Nedrugam Siona” [“To the Enemies of Zion”]. Odessa, Erets-Israel Publ., 1903. 18 p. (In Russian)
13. Jabotinsky (Ze’ev), V. “Sippur Yamai” [The Story of My Days]. *Ktavim, Kerech Rishon: Autobiographia* [*Writings, Volume One: Autobiography*], ed. by Eri Jabotinsky. Jerusalem, Eri Jabotinsky Publishing House, 1947, 321 p. (In Hebrew)
14. Saltzmann, S. Min He’avar: Zikhronot U’Reshumot [From the Past: Memories and Records]. Tel Aviv, [S. n.], 1943. 295 p. (In Hebrew)
15. Struck, H. Skizzen aus Litauen, Weißrußland und Kurland, 60 Steinzeichnungen mit Text von Herbert Eulenburg [Sketches from Lithuania, White Russia and Courland, 60 Stone Drawings with Text by Herbert Eulenburg]. Berlin, Verlag von Georg Stilke, 1916. 116 S. (In German)

Дата поступления статьи: 7 августа 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 22 февраля 2025 г.
Дата публикации: 29 декабря 2025 г.

Received: 7 August 2024
Approved after reviewing: February 22, 2025
Date of publication: December 29, 2025

II.

PERSONAE

И.А. БУНИН

МАРК АЛДАНОВ

ЖЕНЩИНЫ В ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

И.А. БУНИН

Научная публикация архивных материалов

УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-148-161
https://elibrary.ru/YERBGU

НОБЕЛЕВСКАЯ РЕЧЬ И.А. БУНИНА: ИСХОДНЫЙ ТЕКСТ

© 2025 г. А.В. Бакунцев, С.Н. Морозов

За помощь, оказанную при подготовке данной публикации, авторы выражают сердечную благодарность Р. Дэвису (РАЛ), Я.И. Арову (ИМЛИ РАН), М.В. Петровой (МГУ).

Аннотация: Цель данной публикации — ввести в научный оборот исходный текст Нобелевской речи, с которым И.А. Бунин выступил 10 декабря 1933 г. на банкете Шведской академии, устроенном в честь новоизбранных нобелевских лауреатов в стокгольмском «Гранд-отеле». Публикуемый текст, представляющий собой авторизованную машинопись на французском языке с авторскими пометами и исправлениями, сделанными в 1933 и 1936 гг., хранится в Бунинской коллекции Русского архива в Лидсе (Великобритания). Текст авторизованной машинописи был использован Буниным при написании мемуарных очерков «Записи» (1936), “Comment j’ai reçu le Prix Nobel” («Как я получил Нобелевскую премию», 1947), «Нобелевские дни» (1950), “Journées du Prix Nobel” («Дни Нобелевской премии», 1950). В дальнейшем авторизованная машинопись будет использована в качестве основного текста при подготовке Нобелевской речи к опубликованию в будущем научном Полном собрании сочинений и писем Бунина как самостоятельное произведение. Французский текст Нобелевской речи снабжен ее новым русским переводом. В известном смысле публикация дополняет статью тех же авторов «Нобелевская речь И.А. Бунина: история и критика текста» (Литературный факт. 2024. № 3. С. 213–242).

Ключевые слова: И.А. Бунин, Нобелевская речь, авторизованная машинопись, французский текст, текстология.

Информация об авторах: Антон Владимирович Бакунцев — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7087-3235
E-mail: auctor@list.ru
Сергей Николаевич Морозов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4986-3291
E-mail: morozov.sn@yandex.ru

Для цитирования: *Бакунцев А.В., Морозов С.Н.* Нобелевская речь И.А. Бунина: исходный текст // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Вып. 3 / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 148–161.
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-148-161

Scientific Publication of Archival Materials

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

IVAN BUNIN'S NOBEL SPEECH: THE ORIGINAL TEXT

© 2025 Anton V. Bakuntsev, Sergei N. Morozov

Acknowledgements: The authors express their heartfelt gratitude to Richard D. Davies (Leeds Russian Archive), Jaroslav I. Arov (A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences), Maria V. Petrova (Lomonosov Moscow State University) for the assistance provided while preparing this publication.

Abstract: The purpose of this publication is to introduce into scientific circulation the original text of the Nobel Prize speech delivered by Ivan Bunin on December 10, 1933 at the banquet of the Swedish Academy, held in honor of the newly elected Nobel laureates at the Stockholm Grand Hotel. The published text, which is an authorized typewritten copy in French with author's notes and corrections made in 1933 and 1936, is kept in the Bunin Collection of the Leeds Russian Archive (Great Britain). The text of the authorized typewriting was used by Bunin when writing memoir essays *Recordings* (1936), *Comment j'ai reçu le Prix Nobel* (*How I received the Nobel Prize*, 1947), *Nobel Days* (1950), *Journées du Prix Nobel* (*Days of the Nobel Prize*, 1950). In the future, the authorized typescript will be used as the main text while preparing the Nobel Speech for publication in Bunin's future Complete Works and Letters as an independent piece. The French text of the Nobel Speech is provided with its new Russian translation. In a sense, the publication complements the article by the same authors *Ivan Bunin's Nobel Speech: the History and Studies of the Text* (Literaturnyi fact, no. 3, 2024, pp. 213–242).

Keywords: Ivan Bunin, Nobel Speech, authorized typescript, French text, textual studies.

Information about the authors: Anton V. Bakuntsev, PhD in Philology, Associate Professor, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7087-3235
E-mail: auctor@list.ru
Sergey N. Morozov, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4986-3291
E-mail: morozov.sn@yandex.ru

For citation: Bakuntsev, A.V., and S.N. Morozov. "Ivan Bunin's Nobel Speech: The Original Text." *Emigrantica*. Issue 3, ed.-comp. E.R. Ponomarev, acad. ed. E.R. Ponomarev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 148–161. (In Russian)
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-148-161

И.А. Бунин как оратор нечасто выступал публично. Еще реже он отдавал в печать тексты своих публичных выступлений. Отчасти именно по этой причине оказались безвозвратно утраченными тексты таких произведений писателя, как, например, приветственная речь, произнесенная 27 октября 1913 г. на чествовании И.Е. Репина в Москве; лекции «Великий дурман» и «Граф Алексей Константинович Толстой: (Старая и современная поэзия)» — первая была прочитана 8 (21) сентября и 20 сентября (3 октября) 1919 г. в одесском Новороссийском университете, вторая — 24 января 1923 г. в Сорбонне; «Слово о Петре Великом», прозвучавшее 10 февраля 1925 г. там же, в Сорбонне, на собрании по случаю 200-летия со дня кончины Петра I; «Слово о Пушкине», с которым писатель выступил 31 января 1937 г. на заседании Союза русских дворян в Париже, в самом начале юбилейных пушкинских торжеств, организованных русской эмиграцией. Об этих и других не сохранившихся публицистических произведениях Бунина мы знаем только благодаря соответствующим публикациям в прессе и документальным свидетельствам (в письмах, дневниках, воспоминаниях) самого Бунина и его современников (см.: [1, с. 17–44; 3, с. 498–499, 1018–1032; 5, с. 170; 6; 20; 24, с. 315, 316; 25, с. 107; 26, с. 23])[1].

В сущности, при жизни писателя были опубликованы только четыре произведения, в которых он проявил свои ораторские способности: «Речь на юбилее “Русских ведомостей”» (1913) [16, с. 314–319; 19, с. 27–30], приветственное слово в честь А.И. Деникина (1919) [15], «Миссия русской эмиграции» (1924) [11; 12; 13; 14; 17] и Нобелевская речь (1933) [7; 8, с. 270–272; 10, с. 2, 4; 22; 23; 29; 30; 31, p. 149–151].

Зная одну из главных особенностей творческой манеры Бунина — бесконечно править, улучшать даже уже опубликованный (притом неоднократно) текст того или иного произведения, можно с уверенностью сказать, что ни одна из этих речей не была напечатана в том виде, в каком впервые прозвучала из уст писателя. Впрочем, в отношении «Речи на юбилее “Русских ведомостей”», приветственного слова в честь А.И. Деникина и «Миссии русской эмиграции» это

[1] Совсем недавно историком русской эмиграции П.А. Трибунским был обнаружен автограф «Слова о Пушкине», с которым Бунин выступил 21 июня 1949 г. на вечере, устроенном Объединением русских писателей и поэтов по поводу 150-летия со дня рождения А.С. Пушкина. До сих пор это «Слово» было известно только по публикации в книге А. Седых «Далекие, близкие» [21, с. 220].

можно утверждать лишь на основе общего опыта текстологической работы с бунинским литературным наследием — их исходные тексты, увы, до нас не дошли. Бунин вообще, как правило, уничтожал черновики и беловики опубликованных произведений. Однако для Нобелевской речи он почему-то сделал исключение: ее авторизованная машинопись (далее — *АМ*) хранится среди прочих бумаг писателя в Русском архиве в Лидсе (РАЛ, Великобритания) под шифром: РАЛ. MS 1066/1357.

Текст *АМ* напечатан по-французски на четырех пронумерованных листах (в ½ листа обычной писчей бумаги). В тексте имеются разного рода пометы и исправления, сделанные простым карандашом и перьевой ручкой, черными чернилами. Анализ этих помет и исправлений позволил разделить их по времени: одни определенно относятся к 1933 г. и носят характер лексико-стилистической шлифовки текста речи накануне выступления, которое состоялось 10 декабря 1933 г. на банкете, устроенном Шведской академией в стокгольмском «Гранд-отеле» в честь новоизбранных нобелевских лауреатов; другие сделаны существенно позже — скорее всего, в 1936 г., в пору написания очерка «Записи».

Поправки 1933 г. единичны (в основном это исправление опечаток, замена нескольких слов и цифр); пометы, обусловленные правилами риторики и французской орфоэпии, включают соединительные линии между словами в ряде словосочетаний, транскрибирование русскими буквами французских фонем, подчеркивания карандашом и чернилами для обозначения смысловых и интонационных акцентов — собственно, благодаря этим пометам мы и пришли к выводу, что на банкете Шведской академии Бунин читал свою речь именно по *АМ*. Правка 1936 г. большей частью выражается в сокращении текста. Подробнее обо всем этом см. в нашей статье «Нобелевская речь И.А. Бунина: история и критика текста» [2].

В указанной статье мы сопоставили *АМ* со всеми прижизненными публикациями Нобелевской речи и удостоверились в том, что ни один из ее печатных текстов не повторяет в точности текст *АМ* и что вследствие этого аутентичный текст Нобелевской речи Бунина широкой публике и научному сообществу до сих пор неизвестен.

Подготовленная нами публикация призвана восполнить этот пробел. Ее цель — ввести в научный оборот первоначальный текст бунинской Нобелевской речи: именно он благодаря прямой радиотрансляции из банкетного зала «Гранд-отеля» был услышан многомиллионной аудиторией всего мира.

Оригинальный (французский) текст Нобелевской речи публикуется по *AM*: РАЛ. MS 1066/1357; дата и подпись — автографы.

В тексте *AM* имеется ряд опечаток и орфографических ошибок. В публикуемом тексте они исправлены и отмечены в примечаниях. Кроме того, в примечаниях описана правка, внесенная Буниным в 1933 и 1936 гг. В угловые скобки заключены редакторские пояснения и заглавие (текст *AM* не озаглавлен). Слова, подчеркнутые карандашом и чернилами в *AM*, выделены курсивом.

Русский перевод выполнен А.В. Бакунцевым.

Для удобства читателей историко-литературный и реальный комментарий привязан к тексту перевода.

И.А. Бунин
<Нобелевская речь>

Monseigneur,

Mesdames, Messieurs,

Il y a cinq semaines,[2] le[3] neuf[4] novembre, très loin d'ici, dans une charmante[5] ville[6] de Provence, dans une petite[7] maison de campagne, j'ai reçu le coup de téléphone qui m'annonçait le choix de l'Académie suédoise. Je ne serais peut être[8] pas tout à fait sincère, si je vous disais, comme on le répète dans les cas analogues, que c'était la plus forte émotion de ma vie. Vous avez, j'en suis sûr, l'âme trop haute pour m'en vouloir.[9] Un grand philosophe[10] a déclaré que les émotions procurées par les joies, même les plus violentes, ne comptent presque pas en comparaison de celles que provoque *la douleur*. Sans aller aussi loin et[11] sans[12] vouloir apporter une note *de tristesse* à ce banquet — dont je garderai toujours l'ineffaçable

---

[2] *Слова*: Il y a cinq semaines, <Пять недель назад> — *зачеркнуты чернилами*

[3] *Позднее исправлено чернилами*: Le <артикль мужского рода>

[4] *Было*: 9

[5] *Позднее исправлено чернилами*: ancienne <старинная>

[6] *Было (опечатка)*: villa <вилла>

[7] *Позднее исправлено чернилами*: pauvre <бедный>

[8] *Слова*: peut être <возможно> — *зачеркнуты чернилами*

[9] *Фраза*: Vous avez, j'en suis sûr, l'âme trop haute pour m'en vouloir. <Уверен, вы слишком великодушны, чтобы рассердиться на меня за это.> — *зачеркнута простым карандашом*

[10] *Над буквой*: s — *чернилами вписана русская буква*: з — *для обозначения фонемы [z] (по-французски слово произносится: [filozof])*.

[11] *Слова*: Sans aller aussi loin et <Не заходя так далеко и> — *зачеркнуты чернилами*

[12] *Позднее исправлено чернилами*: Sans <здесь: Не>

souvenir, je me permettrai de dire tout de même que les souffrances ont largement dépassé mes joies au cours de ces quinze[13] dernières années. Et ces souffrances ne m'ont pas été toutes personnelles — loin de là!

Mais, très certainement, je puis affirmer que, de toutes les joies qui me sont échues dans ma[14] vie littéraire[15], ce petit miracle technique, ce coup de téléphone de Stockholm à Grasse, m'a donné la satisfaction la plus forte,[16] la plus justifiée. Vous ne me croiriez pas si je me hasardais à soutenir que l'ambition personelle n'y entrait pour rien. Et vous curiez grandement raison de ne pas me croire.[17] Le prix littéraire institué par votre grand[18] compatriote Alfred Nobel, un grand bienfaiteur de l'humanité,[19] reste la plus haute récompense qui puisse couronner l'œuvre d'un écrivain. Ambitieux comme presque tous les hommes et comme tous les auteurs, j'etais extrêmement fier de recevoir cette couronne de la part du plus compétent et du plus impartial *des jurys*[20]. Et[21] aussi, soyez en sûrs, Messieurs de l'Académie,[22] extrêmement reconnaissant: cette gratitude, Messieurs les membres de l'Académie, je la conserverai jusqu'à la tombe[23].

Mais j'aurais fait preuve d'un triste égoïsme[24] si, ce jour-là[25], le neuf[26] novembre, je n'avais pensé qu'à moi-même. Ahuri par la nouvelle,[27] brisé[28] d'émotion par les félicitations et les télégrammes, qui commençaient à pleuvoir, j'ai songé, dans la solitude et le silence de la nuit, à la signification

---

[13] *Было*: 15

[14] *Было*: la <артикль женского рода>

[15] littéraire <литературная> *вписано чернилами*

[16] *Слова*: la plus forte, <самая сильная> — *зачеркнуты чернилами*

[17] *Фразы*: Vous ne me croiriez pas si je me hasardais à soutenir que l'ambition personelle n'y entrait pour rien. Et vous curiez grandement raison de ne pas me croire. <Вы мне не поверите, если я осмелюсь утверждать, что личное честолюбие тут было ни при чем. И вы будете совершенно правы, не поверив мне.> — *зачеркнуты простым карандашом*

[18] grand <здесь: великий> *вписано чернилами*

[19] *Слова*: un grand bienfaiteur de l'humanité, <великий благодетель человечества> — *зачеркнуты чернилами*

[20] *Было (опечатка)*: juris <жюри>

[21] *Позднее исправлено чернилами*: — et <и>

[22] Messieurs de l'Académie, <Господа академики> *вписано чернилами*

[23] *Слова*: cette gratitude, Messieurs les membres de l'Académie, je la conserverai jusqu'à la tombe <эту признательность, господа члены Академии, я сохраню до самой могилы> — *зачеркнуты чернилами*

[24] *Было (орфографическая ошибка)*: égoisme <эгоизм>. *Над буквой*: s — *чернилами вписана русская буква*: с — *для обозначения фонемы [s] (по-французски слово произносится: [egoism])*.

[25] *Было (опечатка)*: jour là <тот день>

[26] *Было*: 9

[27] *Слова*: Ahuri par la nouvelle, <Ошеломленный новостью> — *зачеркнуты простым карандашом*

[28] *Позднее исправлено чернилами*: Brisé <Взволнованный>

profonde qui s'attachait à la décision de l'Académie suédoise. Pour la première fois, depuis la fondation du prix Nobel, vous l'avez attribué à un exilé. Qui suis-je en vérité? Un exilé qui jouit de l'hospitalité de la France envers laquelle, également, j'ai contracté une dette de reconnaissance éternelle. Mais, Messieurs de l'Académie suédoise[29], permettez qu'en faisant abstraction de ma personne et de mon œuvre, je déclare ici qu'en lui-même votre geste est d'une très haute beauté. Il faut qu'il existe, en effet, dans le monde des foyers d'indépendance absolue. Sans doute, autour de cette table, il est des représentants de toutes les opinions, de toutes les croyances philosophiques et religieuses. Mais il est une vérité qui nous unit tous: dans[30] la liberté de la pensée et de la conscience nous reconnaissons, avec Wieland, l'intérêt commun de l'humanité entière[31]; c'est à cette liberté que nous devons la civilisation. Et pour nous surtout, les écrivains, il y a là un dogme[32], un axiome. Votre décision, Messieurs les membres[33] de l'Académie, prouve une fois de plus que l'amour de la liberté, pour la Suède, est un véritable culte national.

Enfin quelques mots pour terminer ce petit[34] discours: déjà trop long[35] je n'ai pas attendu ce jour pour éprouver toute l'admiration que je porte à votre Famille Royale, à votre pays, à votre peuple, à votre littérature. L'amour des arts et des lettres est une tradition, je le sais,[36] pour la Maison Royale de Suède, comme pour votre noble nation toute entière. Fondée par un guerrier illustre, la dynastie suédoise est l'une[37] des plus glorieuses[38] du monde. Sa Majesté le Roi, le Roi chevalier d'un peuple chevaleresque, daignera permettre sans doute[39] à un étranger, à un écrivain libre, honoré par 1'Académie suèdoise, de lui soumettre l'expression[40] de ses sentiments les plus respectueux, les plus reconnaissants[41] et les plus émus[42] pour l'inoubliable honneur dont il a été l'objet[43].

---

[29] *Слово*: suédoise <шведская> — *зачеркнуто чернилами*

[30] *Слово*: dans <в> — *зачеркнуто чернилами*

[31] *Слова*: nous reconnaissons, avec Wieland, l'intérêt commun de l'humanité entière <мы признаём, вместе с Виландом, общий интерес всего человечества> — *зачеркнуты чернилами*

[32] *Было (опечатка)*: gogme

[33] *Слова*: les membres <члены> — *зачеркнуты чернилами*

[34] petit <небольшой> *вписано чернилами*

[35] *Слова*: déjà trop long <уже очень давно> — *зачеркнуты чернилами*

[36] *Слова*: , je le sais, <я это знаю> — *зачеркнуты чернилами*

[37] l' *вписано простым карандашом*

[38] *Было (опечатка)*: glorieuse <славная>

[39] *Слова*: sans doute <несомненно> — *зачеркнуты чернилами*

[40] *Было (опечатка)*: l'empression

[41] *Слова*: les plus reconnaissants <самые благодарные> — *зачеркнуты простым карандашом*

[42] *Было (опечатка)*: épus

[43] Слова: pour l'inoubliable honneur dont il a été l'objet <за незабываемый прием, которого он удостоился> — *зачеркнуты чернилами*

Stockholm Ivan Bunin
9-XII-33

<Перевод с французского:>

Ваше Высочество[44], дамы, господа,

Пять недель назад, девятого ноября, очень далеко отсюда, в прелестном провансальском городке, в небольшом загородном доме[45], телефонный звонок принес мне весть о выборе Шведской академии[46]. Наверное, я буду не вполне искренен, если скажу вам, как обычно говорят в подобных случаях, что большего волнения я в жизни не испытывал. Уверен, вы слишком великодушны, чтобы рассердиться на меня за это. Великий философ[47] сказал, что даже самые яркие переживания, вызванные радостью, не идут почти ни в какое сравнение с тем, как на нас действует *горе*. Не заходя так далеко и не желая вносить *скорбную* ноту в это празднество, которое запечатлеется в моей памяти навеки, я все же позволю себе сказать, что за последние пятнадцать лет страдания выпадали на мою долю гораздо чаще, чем радости. И эти страдания не были только моими личными — вовсе нет!

Но, разумеется, и я могу вас в этом заверить, среди всех тех радостей, которые я испытал в течение своей писательской жизни, это маленькое чудо техники, этот телефонный звонок из Стокгольма в Грасс, доставил мне самое большое и законное удовольствие.

---

[44] Имеется в виду шведский кронпринц Густав Адольф, герцог Вестерботтенский (1906–1947) — наследник престола второй очереди; погиб в авиационной катастрофе. 10 декабря 1933 г. присутствовал на банкете Шведской академии в честь нобелевских лауреатов.

[45] Имеется в виду вилла «Бельведер» в г. Грассе на юге Франции, в департаменте Приморские Альпы.

[46] В то время, когда поступил звонок из Стокгольма, Бунин находился в кино. О решении Нобелевского комитета ему сообщил пришедший в кинотеатр Л.Ф. Зуров (см.: [9, с. 2; 18, с. 281]). Возвратившись домой, Бунин получил подтверждение этой новости по телефону лично.

[47] Возможно, имеется в виду А. Шопенгауэр. В его «Афоризмах житейской мудрости» (1851) есть близкое по смыслу высказывание: «…мы лучше бы умели ценить и пользоваться настоящим, если бы мы постоянно сознавали, что в болезни или в горе воспоминание рисует нам каждый безболезненный и безнуждный час бесконечно завидным, как потерянный рай. Но, переживая наши красные дни, мы не замечаем их вовсе и тоскуем по ним лишь тогда, когда настанут черные» [28, с. 175]. В другом переводе: «Мы лучше ценили бы настоящее и больше наслаждались бы им, если бы в те хорошие дни, когда мы здоровы, сознавали, как во время болезни или в беде всякий час, когда мы не страдали и не терпели, казался нам бесконечно радостным, чем-то вроде потерянного рая или встреченного друга. Но мы проживем хорошие дни, не замечая их; лишь когда настают тяжелые времена, мы жаждем вернуть их» [27, с. 127].

Вы мне не поверите, если я осмелюсь утверждать, что личное честолюбие тут было ни при чем. И вы будете совершенно правы, не поверив мне. Литературная премия, учрежденная вашим великим соотечественником Альфредом Нобелем[48], великим благодетелем человечества, остается высшей наградой, способной увенчать писательский труд. Честолюбивый, как почти все люди и как все авторы, я был чрезвычайно горд получить эту награду от самого сведущего и беспристрастного жюри. И, кроме того, уверяю вас, господа академики, я вам чрезвычайно благодарен: эту признательность, господа члены Академии, я сохраню до самой могилы.

Но с моей стороны было бы непростительным эгоизмом, если бы в тот день, девятого ноября, я думал только о себе. Ошеломленный новостью, взволнованный целым потоком поздравлений и телеграмм, я размышлял в безлюдье и тишине ночи о глубоком значении принятого Шведской академией решения. Впервые с тех пор, как была учреждена Нобелевская премия, вы присудили ее изгнаннику. Кто я на самом деле? Изгнанник, пользующийся гостеприимством Франции, которой я тоже приношу дань бесконечной благодарности. Но, господа члены Шведской академии, позвольте мне заявить здесь, уже вне всякой связи со мной лично и с моим творчеством, что ваш поступок прекрасен сам по себе. В мире должны существовать подлинные очаги *абсолютной* независимости. Несомненно, за этим столом сидят представители всяческих мнений, всяческих философских и религиозных верований. Но есть истина, которая объединяет нас *всех*: в свободе мысли и совести мы признаём, вместе с Виландом, общий интерес всего человечества; именно этой свободе мы обязаны цивилизацией[49]. И *особенно для нас*, писателей, в этом

---

[48] Альфред Бернхард Нобель (1833–1896) — шведский химик, инженер и предприниматель, изобретатель динамита. Завещал часть своего состояния на учреждение международной премии за достижения в физике, химии, медицине, литературе и за укрепление мира на земле. Нобелевская премия присуждается ежегодно с 1901 г. (не присуждалась только во время Второй мировой войны). Церемония вручения премии происходит в день смерти А. Нобеля — 10 декабря. В области литературы премия присуждается за лучшие произведения изящной словесности «идеалистического направления».

[49] Приведенное Буниным высказывание в литературном наследии немецкого поэта, прозаика, философа Кристофа Мартина Виланда (1733–1813) не обнаружено. Нечто похожее К.М. Виланд писал в эссе «О правах и обязанностях писателей» (1785), однако в этой работе речь идет о свободе печати, которая охарактеризована как «забота и интерес всего рода человеческого»: «Главным образом именно ей мы обязаны нынешним уровнем культуры и просвещения, достигнутым большей частью европейских народов» [32, S. 171] (здесь и далее перевод с немецкого А.В. Бакунцева).

заключается догма, аксиома[50]. Ваше решение, господа члены Академии, *еще* раз доказывает, что в Швеции любовь к свободе — подлинно национальный культ.

И еще несколько слов в завершение этой небольшой речи: я так долго ждал нынешнего дня, чтобы выразить свое восхищение вашей королевской семьей, вашей страной, вашим народом, вашей литературой. Я знаю, что любовь к искусствам и словесности — традиционна для шведского королевского дома, как и вообще для вашей благородной нации. Основанная славным воином, шведская династия — одна из самых славных в мире[51]. Надеюсь, Его Величество король[52], король-рыцарь рыцарственного народа, соблаговолит принять от чужеземца, свободного писателя, отмеченного Шведской академией, слова глубочайшего почтения и сердечной благодарности за незабываемый прием, которого он удостоился.

Стокгольм Иван Бунин
9-XII-33

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Бакунцев А.В.* Лекция И.А. Бунина «Великий дурман» и ее роль в личной и творческой судьбе писателя // Ежегодник Дома русского зарубе-

В эссе «Тайна ордена космополитов» (1788) свобода печати названа одним из важнейших условий приближения «всей совокупности человеческих деяний» к «наиболее разумному государственному устройству и управлению народами» и «ощутимо-подлинным палладиумом человечества»; со свободой печати, утверждал К.М. Виланд, связаны «все надежды на лучшее будущее, тогда как ее утрата повлечет за собой долгую и ужасную череду неисчислимых бедствий» [32, S. 148]. Что же касается свободы мысли и свободы совести, то их писатель упоминает в числе юридических и этико-дидактических аспектов общего понятия свободы в «Послании господину профессору Эггерсу в Киль» (после 1789 г.). По мысли К.М. Виланда, для свободы как таковой конституционных гарантий мало — чтобы «правильно пользоваться» ею, человек «должен получить соответствующее воспитание» [33, S. 173–174].

[50] Возможно, аллюзия к суждению К.М. Виланда из эссе «О правах и обязанностях писателей»: «Свобода печати есть право писателей уже потому, что она является правом человечества или, если угодно, правом суверенных наций» [32, S. 172].

[51] Имеется в виду династия Бернадотов и ее родоначальник — маршал Французской империи Жан-Батист Жюль Бернадот (1763–1844), который в 1818 г. стал королем Швеции и Норвегии под именем Карла XIV Юхана.

[52] Имеется в виду Густав V (1858–1950) — король Швеции с 1907 г. 10 декабря 1933 г. он вручал Бунину Нобелевскую премию.

жья имени Александра Солженицына, 2011 / отв. ред. Н.Ф. Гриценко. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011. С. 17–44.
2. *Бакунцев А.В., Морозов С.Н.* Нобелевская речь И.А. Бунина: история и критика текста // Литературный факт. 2024. № 3. С. 213–242. DOI: 10.22455/2541-8297-2024-33-213-242
3. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2 (1910–1919). 1184 с.
4. Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Т. 110: И.А. Бунин: Новые материалы и исследования. Кн. 1. 1184 с.
5. Русское зарубежье: хроника научной, культурной и общественной жизни, 1920–1940, Франция: в 4 т. / под общ. ред. Л.А. Мнухина. М.; Paris: Эксмо; YMCA-Press, 1995. Т. 1: 1920–1929. VI, 630 с.

Источники

6. *[Б. п.]* Лекция И.А. Бунина // Последние новости. Париж, 1923. № 846. 23 января. С. 3.
7. *[Б. п.]* Речь И.А. Бунина на банкете Шведской Академии наук // Россия и славянство. Париж, 1934. № 228. 1 февраля. С. 3.
8. *Бунин Ив.* Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. 274 с.
9. *Бунин Ив.* Записи // Иллюстрированная Россия. Париж, 1936. № 11. 7 марта. С. 2–3.
10. *Бунин Ив.* Записи // Иллюстрированная Россия. 1936. № 15. 4 апреля. С. 1–2, 4.
11. *Бунин И.А.* Историческая миссия русской эмиграции // Россия. Нью-Йорк, 1945. № 3068. 14 февраля. С. 2; № 3069. 15 февраля. С. 2.
12. *Бунин Ив.* Миссия русской эмиграции: (Речь, произнесенная в Париже 16 февраля) // Руль. Берлин, 1924. № 1013. 3 апреля. С. 5–6.
13. *Бунин Ив.* Миссия русской эмиграции // Эмигрант. Ревель, 1924. № 4. С. 2–6.
14. *Бунин Ив.* Об исторической миссии русской эмиграции // День русской культуры. Харбин, 1934. 11 июня. С. 6–8.
15. *Бунин И.А.* <Приветственное слово в честь А.И. Деникина> // Южное слово. Одесса, 1919. № 32. 28 сентября (11 октября). С. 2.
16. *Бунин И.А.* Полн. собр. соч.: в 6 т. Пг.: Т-во А.Ф. Маркс, 1915. Т. 6. 332 с.
17. И.А. Бунин об исторической миссии русской эмиграции // Россия и славянство. 1933. № 227. Декабрь. С. 1.
18. *Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А.К. Бабореко. М.: Моск. рабочий, 1995. 410 с.

19. Пятидесятилетний юбилей газеты «Русские ведомости» (1863–1913): сб. / под ред. Н.В. Давыдова. М.: Изд. Ком-та юбилейного чествования «Рус. ведомостей», 1915. 166 с.
20. *С. Е.* [*Евгеньев С.Е.*] Пушкинские дни в Париже: Чествование памяти А.С. Пушкина в Союзе дворян // Иллюстрированная Россия. Париж, 1937. № 8. 13 января. С. 8.
21. *Седых А.* Далекие, близкие. New York: Новое русское слово, 1962. 267 с.
22. *Троцкий И.* «Кто я такой? — Изгнанник, пользующийся гостеприимством Франции», — заявил И.А. Бунин в своей речи в Шведской академии: (По телеграфу от специального корреспондента «Сегодня») // Сегодня. Рига, 1933. № 342. 11 декабря. С. 1.
23. *[Троцкий И.М.]* «Кто я такой? — Изгнанник, пользующийся гостеприимством Франции», — заявил И.А. Бунин в своей речи на банкете в Шведской академии: (От специального корреспондента «Нового русского слова») // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1933. № 7635. 22 декабря. С. 2.
24. Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы: в 3 т. / сост., подгот. текста, коммент. М.Э. Грин. Frankfurt am Main: Посев, 1977. Т. 1. 367 с.
25. Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы: в 3 т. / сост., подгот. текста, коммент. М.Э. Грин. Frankfurt am Main: Посев, 1981. Т. 2. 319 с.
26. Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы: в 3 т. / сост., подгот. текста, коммент. М.Э. Грин. Frankfurt am Main: Посев, 1982. Т. 3. 223 с.
27. *Шопенгауэр А.* Афоризмы житейской мудрости / пер. с нем. Н.М. Губского. СПб.: Изд. Акц. о-ва типогр. дела, [1910]. 231 с.
28. *Шопенгауэр А.* Афоризмы и максимы: в 2 т. / пер. Ф.В. Черниговца. 3-е изд. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1891. Т. 1. VI, 508 с.
29. *[Anonyme.]* La remise du Prix Nobel à Ivan Bounine // L'Annales politiques et littéraires. Paris, 1933. No. 2479. 29 décembre. P. 725.
30. *Bounine I.* Comment j'ai reçu le Prix Nobel / trad. du russe par V. Volmane // Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques. Paris, 1947. No. 1057. 4 décembre. P. 1.
31. *Bounine I.* Mémoires / trad. par H. Bayan. Paris: Calmann-Lévy, 1950. 180 p.
32. *Wieland C.M.* Werke: in 36 t. Berlin: G. Hempel, [1879]. T. 33. 480 S.
33. *Wieland C.M.* Werke: in 36 t. Berlin: G. Hempel, [1879]. T. 34. 384 S.

REFERENCES

1. Bakuntsev, A.V. “Lektsiia I.A. Bunina ‘Velikii durman’ i ee rol’ v lichnoi i tvorcheskoi sud’be pisatelia” [“Ivan Bunin’s Lecture ‘The Great Intoxication’ and its Role in the Personal and Creative fate of the Writer”]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh’ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna, 2011* [*Yearbook of Alexander Solzhenitsyn Center of Russian Abroad, 2011*], ed. by N.F. Gritsenko. Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center of Russian Abroad Publ., 2011, pp. 17–44. (In Russian)
2. Bakuntsev, A.V., and S.N. Morozov. “Nobelevskaia rech’ I.A. Bunina: istoriia i kritika teksta” [“Ivan Bunin’s Nobel Speech: the History and Studies of the Text”]. *Literaturnyi fakt*, no. 3, 2024, pp. 213–242. (In Russian) DOI: 10.22455/2541-8297-2024-33-213-242
3. *Letopis’ zhizni i tvorchestva I.A. Bunina* [*Chronicle of the Life and Work of I.A. Bunin*], comp. by S.N. Morozov, vol. 2 (1910–1919). Moscow, IWL RAS Publ., 2017, 1184 p. (In Russian)
4. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 110: I.A. Bunin: Novye materialy i issledovaniia [I.A. Bunin: New Materials and Research], book 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 1184 p. (In Russian)
5. *Russkoe zarubezh’e: khronika nauchnoi, kul’turnoi i obshchestvennoi zhizni, 1920–1940, Frantsiia* [*Russian Abroad: Chronicle of Scientific, Cultural and Social Life, 1920–1940, France*], ed. by L.A. Mnukhin, vol. 1: 1920–1929. Moscow, Paris, Eksmo Publ., YMCA-Press Publ., 1995. VI, 630 p. (In Russian)

Дата поступления статьи: 05 августа 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 29 сентября 2024 г.
Дата публикации: 29 декабря 2025 г.

Received: August 05, 2024
Approved after reviewing: September 29, 2024
Date of publication: December 29, 2025

Научная статья и публикация архивных документов

УДК 821.054.7.0
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-162-219
https://elibrary.ru/XVXODC

И.А. БУНИН В ЮГОСЛАВИИ В 1937 ГОДУ

© 2025 г. М.С. Щавлинский

Статья подготовлена в рамках гранта Минобрнауки РФ (проект «Русская и европейская классика в XXI веке: подготовка цифровых научных комментированных изданий», № 075-15-2024-549 от 23 апреля 2024 г.)

Аннотация: В августе 1937 г. И.А. Бунин решил посетить Югославию. Изначальный план отдыха на побережье Адриатического моря пришлось скорректировать из-за погоды и других обстоятельств. Сразу по приезде в Дубровник из Венеции писатель отправился в Белград. Прибытие первого русского Нобелевского лауреата стало важным событием для культурной жизни столицы Югославии и русской эмиграции в частности. Благодаря усилиям принимающей стороны в Белграде (В.Н. Штрандмана, А.И. Белича, П.Б. Струве, Н.З. Рыбинского и др.) и Любляне (Е.В. Спекторского) турне Бунина получилось очень насыщенным. В честь писателя устроили несколько праздничных обедов, организовали несколько экскурсий по Белграду и его окрестностям (Земун, Авала, Опленац). Несмотря на интенсивный график и накопившуюся усталость, Бунин остался доволен оказанным ему приемом, вниманием и гостеприимством. Позднее писатель с теплом вспоминал поездку по Югославии. В рамках своего турне Бунин дал 4 интервью: 2 были записаны на сербском языке, 1 — на словенском, 1 — на русском. Кроме того, путешествие писателя предварялось и сопровождалось заметками в разных сербских и эмигрантских газетах. Все найденные газетные публикации послужили основой для реконструкции турне Бунина и представлены в приложении к статье. В статье републикуется несколько фотодокументов, относящихся к этой поездке.

Ключевые слова: И.А. Бунин, Югославия, Дубровник, Белград, Любляна, биография, интервью, газеты.

Информация об авторе: Максим Станиславович Щавлинский — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук, ул. Поварская, д. 25 А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5156-8999
E-mail: maxim.shavlinsky@gmail.com

Для цитирования: *Щавлинский М.С.* И.А. Бунин в Югославии в 1937 году // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Вып. 3 / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 162–219.
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-162-219

Scientific Publication of Archival Documents

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

I.A. BUNIN IN YUGOSLAVIA IN 1937

© 2025. Maksim S. Shchavlinskii

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of a grant from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (project "Russian and European Classics in the 21st Century: Preparation of Digital Scientific Annotated Publications", No. 075-15-2024-549 dated April 23, 2024)

Abstract: In August 1937, I.A. Bunin decided to visit Yugoslavia. The original plan for a vacation on the Adriatic coast had to be adjusted due to weather conditions and other circumstances. Immediately upon arriving in Dubrovnik from Venice, the writer proceeded to Belgrade. The arrival of the first Russian Nobel laureate became a significant event for the cultural life of Yugoslavia's capital and particularly for the Russian émigré community. Thanks to the efforts of his hosts in Belgrade (V.N. Shtrandman, A.I. Belich, P.B. Struve, N.Z. Rybinskii, and others) and in Ljubljana (E.V. Spektorskii), Bunin's tour turned out to be extremely eventful. In honor of the writer, several festive dinners were held and several excursions around Belgrade and its environs (Zemun, Avala, Oplenac) were organized. Despite the intensive schedule and accumulated fatigue, Bunin

remained pleased with the reception, attention, and hospitality shown to him. Later, the writer fondly recalled his trip through Yugoslavia. During his tour, Bunin gave four interviews: two recorded in Serbian, one in Slovenian, and one in Russian. Furthermore, the writer's journey was both preceded and accompanied by coverage in various Serbian and émigré newspapers. All discovered newspaper publications served as the basis for reconstructing Bunin's tour and are included in the appendix. The article also republishes several photographs from the writer's trip.

Keywords: I.A. Bunin, Yugoslavia, Dubrovnik, Belgrade, Ljubljana, biography, interviews, newspapers.

Information about author: Maksim S. Shchavlinskii, PhD in Philology, Junior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bdg. 1, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5156-8999
E-mail: maxim.shavlinsky@gmail.com

For citation: Shchavlinskii, M.S. "I.A. Bunin in Belgrade in 1937." *Emigrantica*. Issue 3, ed.-comp. E.R. Ponomarev, acad. ed. E.R. Ponomarev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 162–219. (In Russian)
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-162-219

Несмотря на то, что жизнь И.А. Бунина хорошо задокументирована и изучена на сегодняшний момент, в биографии писателя остаются «белые пятна» — особенно в период эмиграции [3]. Так, например, мы до сих пор только в общих чертах можем описать пребывание Буниных в Белграде в 1920 г. и поездку Бунина по Югославии в 1937 г. При этом Бунина с Югославией связывали и другие события [см. предисловие к: 5, с. 811–823]. Публикуемые в качестве приложений к этой статье газетные заметки, статьи, рецензия и бунинские интервью (см. Приложение 1–9)[1] позволяют подробно описать путешествие конца августа 1937 г.

[1] Впервые обзор некоторых представленных в статье интервью сделал Бобан Чурич [9].

В начале февраля 1920 г. И.А. Бунин, В.Н. Бунина, Н.П. Кондаков и Е.Н. Яценко (ученица и секретарь Кондакова) на корабле «Спарта» отплыли из Одессы в Стамбул. Из-за тяжелых условий проживания уже 17 февраля Бунин хотел ехать в Сербию. Однако все они получили болгарские визы и 25 февраля приехали на поезде в Софию, где их поселили в гостинице «Континенталь» (отель был переделан болгарским правительством в русский дом[2]). Конец февраля и начало марта Бунины провели в Софии в компании своих друзей А.М. Федорова и П.А. Нилуса, приехавших в Софию еще в январе. Наконец из-за череды трагических происшествий (1 марта — взрыв в театре «Одеон» на лекции кадета П.Я. Рысса, куда Бунин намеревался пойти; 3 марта — кража из бунинских комнат гостиницы «Континенталь» денег, медалей и книг) Бунины решают уехать из Софии. Болгарское правительство предоставило им бесплатный отдельный вагон до Сербии и денежное пособие. В Белграде Бунины пробыли с 15 или 16 марта по 24 или 25 марта. 19 марта В.Н. Бунина сделала в дневнике единственную запись о посещении Белграда: «Сижу одна в вагоне в Белграде. Вид из окна наш, деревенский. Ян целые дни в городе, а я в вагоне. Вчера ходили по Белграду, кот<орый> похож на наш провинциал<ьный> город, те же булыжники, те же белые дома, та же пыль»[3]. Неожиданно Бунины получили телеграмму из Парижа от М.С. Цетлиной, к которой были приложены французские визы и 1000 франков. Через Будапешт, Вену и Цюрих 28 марта Бунины приехали в Париж и остановились у М.С. и М.О. Цетлиных[4]. Таким образом, первое бунинское посещение Белграда можно назвать транзитным. В одном из бунинских интервью 1937 г. узнаем дополнительные детали этой поездки:

> В самом начале беседы он <Бунин> вспомнил о своем пребывании в нашей столице семнадцать лет назад.
>
> — Это было в первые дни после отъезда из России... <…> Одесса,

---

[2] По инициативе гражданской благотворительности и при содействии правительства Болгарии был создан русско-болгарский культурно-благотворительный комитет (начал деятельность с 22 января 1920 г.). Одной из первых инициатив комитета стало преобразование отеля «Континенталь» в Русский дом для размещения беженцев из Российской империи. Комитет занимался расселением беженцев по территории Болгарии, распределением финансов и предметов первой необходимости, оказывал помощь в интеграции беженцев, предоставлял юридические услуги и т.д. См.: [4, с. 287–288].

[3] РАЛ. MS 1067/360.

[4] Подробнее о начале бунинской эмиграции см.: [11].

> Константинополь, София… Болгарское правительство предоставило мне тогда вагон, который во время моего пребывания в Белграде в 1920 году служил мне… и жильем. В нем я прожил около десяти дней, а затем отправился в Вену и Париж. (В тогдашнем Белграде, поврежденном войной и еще не восстановленном, я не мог найти квартиру). Сегодня я могу — и говорю это без преувеличения и светских условностей — восхищаться прогрессом и обновлением югославской столицы. Правда, дождь помешал мне осмотреть Белград с тем вниманием, которое он заслуживает от русского человека, но вывод о его расцвете напрашивается уже при первом взгляде. <…>
>
> В конце беседы знаменитый писатель вновь подчеркнул, что поражен прогрессом Белграда, особенно заметным по сравнению с картиной 1920 года [30, с. 3; Приложение 3].[5]

В других интервью Бунин заметил:

> — Конечно, мне было очень приятно оказаться в Югославии, — говорит г. Бунин. — Приятно дышать этим воздухом, слышать звук славянской речи, славянские интонации. Я многого не понимаю, но это славянская речь. Как только я ступил на борт «Короля Александра»[6], я почувствовал то, чего давно не чувствовал и не слышал. И надписи кириллицей… [26, с. 6; Приложение 2].
>
> <…>
>
> На славонских равнинах я невольно думал о России, особенно о Малороссии. Здесь, в Любляне, все иначе: город производит приятное впечатление, горы, леса, вся эта альпийская поэзия захватывает чужеземца и дает особое ощущение природы и жизни. Сожалею, что не могу ближе познакомиться с вашим миром. Лишь проезжаю мимо вас [34, s. 7; Приложение 7].

В последующие годы контакты Бунина с Королевством сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Королевство Югославия) были отрывочными. В 1926–1933 гг. в рамках «русской акции» Бунин получал от правительства Югославии ежемесячную субсидию. А.И. Белич[7]

---

[5] Здесь и далее переводы мои. — *М.Щ.*, полные переводы текстов см. в Приложении.

[6] На Корабле «Краль Александар» Бунин добрался из Венеции в Дубровник, об этом см. ниже в статье.

[7] Александр Иванович Белич (1876–1960) — сербский ученый-лингвист, профессор Белградского университета, глава Державной (Государственной) комиссии по делам русских беженцев, председатель Русского культурного комитета (Руски културни одбор, 1928–1937), председатель Сербской академии наук с 1937 г.

приезжал во Францию в конце августа – начале сентября 1928 г., чтобы пригласить Бунина и других видных литераторов на IV Съезд русских академических организаций зарубежья и I Съезд русских писателей и журналистов за границей. Оба события планировались во второй половине сентября 1928 г. А. Белич провел в Грассе у Бунина два дня (31 августа – 1 сентября), но уговорить писателя не смог, Бунин на съезды не поехал[8]. В писательском съезде приняли участие А.И. Куприн, Б.К. Зайцев, З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский. Белич обсудил с Буниным план создания русского книгоиздательства и «толстого» журнала. Кроме того, Белич и Е.В. Спекторский[9] приглашали Бунина приехать в Белград, читать лекции или свои произведения на протяжении семестра с ежемесячным окладом 6000 динар. Бунин размышлял над этим предложением и планировал поехать зимой 1928–1929 гг., однако в итоге отказался от поездки по ряду причин. С одной стороны, из-за большой занятости и работы над «Жизнью Арсеньева», с другой, из-за нежелания оформлять документы и из-за сложной ночной дороги в поезде, а также из-за соперничества с Мережковским [5, с. 816]. Войти в состав редакционной коллегии замышляемого толстого журнала Бунин тоже отказался, рекомендуя вместо себя П.Б. Струве[10], однако, во многом из-за ин-

---

Комиссия по делам русских беженцев (Државна комисија Краљевине СХС за руске избеглице, 1920–1941) — через эту организацию, финансируемую государством, осуществлялась «русская акция». А.В. Бакунцев отмечал, что Белич «обладал почти неограниченным влиянием на жизнь русской эмиграции в Югославии» и задумал «превратить Белград в своего рода культурную “столицу” русской эмиграции, считал необходимым привлечь к сотрудничеству и тех представителей эмигрантской литературы и науки, которые обосновались в других странах Европы, и даже надеялся рано или поздно уговорить их переехать на постоянное жительство в Югославию» [5, с. 812–813].

[8] Видимо, А. Белич и организаторы съезда не сомневались в том, что Бунин приедет, так как в газете «Политика» еще до визита Белича к Бунину (25 августа) писали: «И.А. Буњин, почасни члан Руске Академије, пише да сад ради на довршењу свог новог романа “Арсеньев”, али да се поред свега тога ипак решио да по сваку цену дође у Београд». Пер. с серб. (здесь и далее пер. с серб. мой. — *М.Щ.*): «И.А. Бунин, почетный член Российской академии, пишет, что сейчас работает над завершением своего нового романа “Арсеньев”, но, несмотря на все это, все же решил любой ценой приехать в Белград»; см.: [28, с. 6]).

[9] Евгений Васильевич Спекторский (1875–1951) — правовед и социальный философ. До эмиграции профессор Варшавского университета (ученик А.Л. Блока, отца поэта); профессор, затем декан юридического факультета и ректор Киевского университета св. Владимира. В эмиграции в Чехословакии, один из создателей Русского народного университета в Праге. В 1930–1945 гг. был профессором Белградского и Люблянского университетов, с 1934 г. член-корреспондент Сербской Академии наук.

[10] Петр Бернгардович Струве (1870–1944) — экономист, историк, философ, пу-

триг со стороны Мережковских, журнал так и не появился. Тогда же по инициативе Белича, Спекторского и Брянского[11], возглавлявших Издательскую комиссию, Бунину предложили опубликовать книги на русском языке. В результате в 1929 г. в Белграде издали «Грамматику любви»[12]. Этим сотрудничеством Бунин остался недоволен [5, с. 818–820][13].

В конце июля – начале августа 1937 г. началось планирование новой поездки[14]. Отчасти поездка рассматривалась как жест благодарности нобелевского лауреата Югославии за годы финансовой поддержки, а также как знак внимания к представителям «русского Белграда» и Русского культурного комитета. Бунин написал

блицист, критик, издатель, политический деятель. В эмиграции с 1918 г. Редактировал журнал «Русская мысль» (1921–1923), газету «Возрождение» (1925–1927), затем еженедельники «Россия» (1927–1928) и «Россия и славянство» (1928–1934). С 1928 г. жил в Белграде, был председателем отделения общественных наук Русского научного института, читал курс социологии в Белграде и Субботице.

[11] Виктор Диадорович Брянский (1868–1948) — дипломат, политик, общественный деятель, издатель. С ним Бунин был знаком еще до революции, так как его вторая жена Мария Алексеевна Брянская (урожд. Петунникова, 1880–1967) с гимназических лет была близкой подругой Веры Николаевны Буниной. М.А. Брянская — врач-гинеколог, хирург, с 1920 г. в эмиграции в Белграде занималась врачебной практикой, руководила отделением женских болезней амбулатории Российского общества Красного Креста. Подруги состояли в длительной переписке, особенно в годы эмиграции, в РАЛ хранятся 154 письма от М.А. Брянской к В.Н. Буниной за период 1919–1960 гг. (РАЛ. MS 1067/1544–1697).

[12] *Бунин И.А.* Грамматика любви: Избранные рассказы. Белград: Русская тип., 1929. 140 с. Отметим также, что уже в эти годы сербские литературные критики безоговорочно считали Бунина первым русским писателем русской эмиграции «Међу писцима — емигрантима постоји њихов признати некрунисани краљ: Иван Буњин». Пер. с серб.: «Среди писателей-эмигрантов есть их общепризнанный некоронованный король: Иван Бунин» (пер. с сербского. — *М.Щ.*; см.: [33, с. 400]). Критик также указал на сложность перевода бунинских текстов на сербский язык и описал особенности стиля и поэтики писателя. Автор статьи благодарит Ирину Николаевну Антанасиевич (Ирина Антанасијевић) за указание на этот источник. Первый перевод Бунина на сербский язык появился в 1926 г.: *Bunin I.A.* Mitjina ljubav: roman jednoga mladoga Rusa / [preveo Nik. Nikolajević]. Zagreb: Zaklada Tiskare Narodnih novina, 1926. 197 s.

[13] В целом, переписка Бунина с Брянским и Беличем в конце 1920-х – начале 1930-х преимущественно посвящена издательским вопросам.

[14] На это указывает переписка В.Н. Буниной и М.А. Брянской. Письмо Буниной неизвестно, но в ответном письме от 2 августа 1937 г. Брянская писала: «Я вне себя от радости при мысли, что ты можешь приехать в Югославию; я уверена, что визу вам дадут очень скоро, и несомненно, что выступления И. А. будут приняты с энтузиазмом <…> Я полна надежд и горю желанием тебя видеть» (РАЛ. MS 1067/1601) [Цит. по: 6, с. 884].

П.Б. Струве о планируемой поездке, спросил о визе, железнодорожном сообщении между Италией и Сербией и о югославских курортах Адриатического побережья (это письмо не сохранилось). 12 августа Струве отвечал Бунину: «страшно рад, что Вы, наконец, собрались в Югославию» [8, с. 97] и сообщал, что его хороший знакомый — В.Н. Штрандман[15] — обещал выхлопотать Бунину визу по телеграфу. В следующем письме накануне отъезда Бунина Струве писал:

> Пляжи на итальянском берегу (Венеция, Римини) гораздо лучше, чем на югославянском. Лицо, очень хорошо знающее югославянское побережье, рекомендует Вам остановиться близ Дубровника в местности именуемой Лапад (Lapad). Там есть русский пансион Лавцевич (Lavcevich); есть там и более «шикарный» отель «Загреб». Дубровник — место достопримечательное во всех отношениях и там стоит пожить. Макарска попроще и там тоже много русских.
>
> Сейчас <…> достать даровой ж<елезно>д<орожный> билет по Югославии невозможно. Но я <…> уведомлю Вас о результатах в Дубровнике, где, я полагаю, Вы устроитесь недели на 3 <…> настойчиво рекомендую Вам Лапад [8, с. 97–98].[16]

На подготовку к поездке указывает и инцидент, произошедший с Буниным в посольстве в процессе получения визы, интервьюер (Н.З. Рыбинский[17]) так описывает этот случай:

> Кто мог ожидать, что инославянское консульство в Париже скажет И.А. Бунину: «Мы охотно поставим визу на ваш паспорт, но, согласно правилам, принесите нам удостоверение о вашем “добром поведении”. Получить такое удостоверение можно, приведя в полицию двух человек, которые удостоверят, что “давно знают всю жизнь”»... От этой процедуры лауреат Нобелевской премии, естественно, отка-

---

[15] Василий Николаевич Штрандман (Штрандтман; 1873–1963) — русский дипломат, с 1914 г. поверенный в делах Российской империи в Сербии. В 1920–1930-е гг. оставался в Белграде в качестве делегата Нансеновского комитета по делам беженцев, начальник управления по делам российских эмигрантов.

[16] Г.П. Струве пишет, что это письмо было отправлено «через неделю» [8, с. 97], после письма от 12 августа, то есть 19 августа.

[17] Николай Захарович Рыбинский (1887–1955) — участник Белого движения, штабс-капитан, журналист, писатель, драматург, актер, режиссер. Рыбинский был в числе гостей, чествовавших Бунина в Белграде, см. илл. 3, 4. В том числе был автором рижской газеты «Сегодня» и парижского журнала «Иллюстрированная Россия», где вышли интервью и заметка о Бунине в Белграде. По просьбе П.Б. Струве, Н.З. Рыбинский с 24 августа сопровождал Бунина вплоть до отъезда из Белграда.

зался. Но в Белграде в министерстве иностр<анных> дел заявили, что Югославия будет рада видеть у себя знаменитого писателя и виза была выслана по Телеграфу.

— Ехал я, — рассказывает по приезде в Белград И.А. Бунин, — к теплому морю с единственной целью отдохнуть, полежать на горячем песке под палящим солнцем… [23, с. 2; Приложение 8][18].

Наконец, 17 августа 1937 г. Бунин отправился в Италию и Югославию. О своем посещении Италии он писал В.Н. Буниной[19], которая изначально думала поехать вместе с Иваном Алексеевичем, но передумала: «Конечно, и Венеция манит, и купаться хочется, <…> и Маню Б<рянскую> повидала бы, но все же и одной хорошо, — только бы ты был здоров и доволен!» [6, с. 882][20]. Пробыв 2 дня в Венеции, Бунин отправился 20 августа в Дубровник, предпочтя плохому железнодорожному сообщению морскую поездку на пароходе «Краль Александар I» [6, с. 885][21]. По всей видимости, об отъезде из Венеции в Дубровник Бунин сообщил П.Б. Струве[22]. В свою очередь, Петр Бернгардович поставил в известность А.И. Белича, тогда же началась подготовка к встрече важного гостя. Корабль плыл почти

---

[18] По всей видимости, Бунин дал это интервью 26 или 27 августа, но точно последним в череде белградских интервью, и оно стало обобщающим перед отъездом Бунина в Любляну. Это же интервью позднее перепечатано: [22, с. 3; Приложение 8].

[19] См письмо от 18 августа: «Милая, дорогая моя, народу тут — миллион. У Бауэра <“Bauer Palazzo” — отель в центре Венеции> ни единой комнаты. Нашел в “Британии” <“Hotel Europa e Britannia”> — 58 лир с полупансионом. Очень устал за дорогу. Отдохнул, иду обедать, — может, поеду на Лидо» [6, с. 883]. См. также письмо от 21 августа: «Дорогая моя, в Венеции 2 суток прошло незаметно, ездил на Лидо, без конца бегал по городу» [6, с. 885].

[20] 19 августа В.Н. Бунина в письме к И.А. Бунину писала: «Письмо от Мани Брянской — ждет меня с нетерпением. Сообщает, что виза и мне выслана» [6, с. 884]. Отметим, что 26 августа, в разгар поездки Бунина, Вера Николаевна спрашивала в письме: «Был ли у Брянских?», а также просила зайти проведать и другую свою подругу гимназических лет Ольгу Дмитриевну Исаеву (урожд. Иловайскую) [6, с. 892]. Поскольку 25 августа Бунин посетил Русский дом (о нем см. ниже), можно предположить, что он имел краткую встречу с В.Д. и М.А. Брянскими, так как В.Д. Брянский в эти годы был директором библиотеки Русского дома. Кроме того, как мы предполагаем (судя по общей фотографии, см. илл. 3, 4), в ресторане «Аквариум» 26 августа на торжественном обеде в честь Бунина присутствовали Брянские. О встрече Бунина с О.Д. Исаевой ничего неизвестно.

[21] Судно Бунину явно понравилось, в письме от 21 августа к В.Н. Буниной он отмечал: «на пароходе (и каком прекрасном!)» [6, с. 885].

[22] Покидая Венецию и направляясь в Дубровник, Бунин в письме от 20 августа просил В.Н. Бунину: «Пиши мне пока на Струве (Јаворска, 7, Београд, Yougoslavie)» [6, с. 884].

сутки, заходя в прибрежные города: Раб, Сплит (оттуда отправлены письма В.Н. Буниной)[23]. Бунину очень не повезло с погодой, о морских пейзажах Югославии он отозвался так:

> Весь день с утра и до вечера дождь, серо и так пустынно, что я ничего подобного за всю жизнь не видел — не преувеличиваю: весь день шли между островами, — иногда огромными, — [но всегда невысокими] и берегом Сербии, и все это было поразительно однообразное, чередование холмов, каменных сплошь, еле покрытых чем-то редким, зеленоватым, мертвым, без единой души, без единого селенья.[24] [6, с. 885–886].

Утром 22 августа Бунин оказался в Дубровнике. Погода попрежнему была пасмурной, кроме того, выяснилось, что все гостиницы заняты, а пляжи переполнены туристами. Поэтому он в тот же день решил отправиться в Белград. До Белграда Бунин ехал на поезде через города Мостар и Сараево [35], дорога заняла 26 часов:

> До предела переполненными оказались и все углы югославянского побережья Адриатики. В этом году необыкновенно большой наплыв иностранных туристов. И.А. Бунин сошел с парохода в Дубровнике, здесь тоже не нашлось свободной комнаты, и он с парохода сел прямо в поезд и по очень утомительной дороге (узкая колея, 26 часов пути, сотни туннелей) прибыл в Белград. В Белграде его ожидала полоса редких в это время дождей…[25] [23, с. 2; Приложение 8].

Таким образом, к вечеру 23 августа Бунин прибыл в Белград, где остановился в отеле «Excelsior» («Эксельсиор»[26]; по адресу: Кнеза

---

[23] См. два письма от 21 августа к В.Н. Буниной [6, с. 885–886].

[24] Чуть позже, в интервью Б. Борко, Бунин иначе отзывался об этих пейзажах: «В этом году меня прельстило ваше Адриатическое побережье, я прибыл в Дубровник, откуда же меня, помимо переполненных отелей, прогнала плохая погода. На этом пути я осмотрел Далмацию, которая впервые показала мне свою особенность: она по-своему красива и оригинальна, совсем иная, чем французская или итальянская Ривьера; благодаря этой особой ноте у нее есть будущее. Меня интересовали также города на востоке и юге вашей страны, там, где встречаются Восток и Запад» [34, s. 7.; Приложение 7]. Божидар Борко (1896–1980) — словенский критик, публицист, писатель, переводчик.

[25] См также: «Он хотел остаться в Дубровнике подольше, купаться в море, но погода была плохой, к тому же он не смог найти там жилье» [26, с. 6; Приложение 2].

[26] Здесь и далее в тексте статьи и при цитировании источников воспроизводится унифицированное транслитерированное название отеля: «Эксельсиор». В газетных статьях 1930-х гг. часто можно встретить написание «Эксцельсиор».

Милоша 5). Вечером 23 августа или утром 24 августа (возможно, даже 22 августа, перед отъездом из Дубровника) Бунин известил П.Б. Струве, о том, что он находится в Белграде (письмо неизвестно). В ответном письме от 24 августа Струве писал:

> Согласно нашему условию к Вам по моей просьбе в 7 ½ часов придет мой приятель Н.З. Рыбинский <…> и повезет Вас к нашему общему приятелю Ф.С. Пельтцеру[27], старому москвичу, где мы в самом тесном кругу приятно проведем вечер и обсудим, что мы, обыватели Белграда, можем сделать для того, чтобы Вы как можно лучше использовали свой заезд в Югославию. <…>
>
> <Постскриптум> Все это твердо решено и Ф.С. Пельтцер, как хозяин, ждет нас к себе сегодня вечером [8, с. 98].

25 августа началось официальное, торжественное пребывание Бунина в Белграде. В этот день в газете «Политика» появилась первая заметка [27, с. 20; Приложение 1] о Бунине в Белграде. Обозреватель газеты «Политика»[28] кратко излагает биографию Бунина, сопровождая ее рисунком с известного бунинского портрета 1910-х гг. и, в частности, пишет: «Уже три дня в Белграде находится знаменитый русский писатель, лауреат Нобелевской премии г. Иван Бунин. Он остановился в отеле “Эксельсиор” и, как нам сообщили, пробудет в Белграде около десяти дней» [27, с. 20; Приложение 1][29]. Однако уже в интервью следующего дня прогнозы корреспондентов стали менее оптимистичными: «Бунин не сможет остаться в Белграде на-

---

[27] Федор (Фридрих) Семенович Пельтцер (Пельцер; 1881–1948) — врач, представитель московского купеческого рода Пельцеров. Эмигрировал в Королевство СХС в 1920-е гг., работал заведующим мужским хирургическим отделением русской больницы в г. Панчево, близ Белграда [1, с. 59; 13]. Состоял в ревизионной комиссии Союза писателей и журналистов. О его популярности свидетельствует факт, что театр «Белая ворона» (режиссер В. Хомицкий) в 1941 г. (по другим данным — в 1940) поставил скетч «Проводы доктора Пельтцера». Эта постановка была посвящена отъезду Ф.С. Пельтцера в Германию в том же году [2, с 295–296, 356]. Автор статьи благодарит И.Н. Антанасиевич за уточнения сведений о биографии Ф.С. Пельтцера. Возможно, Ф.С. Пельтцер запечатлен на общем фото (см: илл. 3, 4).

[28] Сербская (югославская) ежедневная газета, выходящая в Белграде. Основана в 1904 г. журналистом Владиславом Ф. Рибникаром (1871–1914), старейшая ежедневная газета на Балканах, одно из наиболее авторитетных периодических изданий Сербии.

[29] Интересно, что в краткой газетной заметке «Нового русского слова» сообщалось, что Бунин пробудет в Югославии месяц: «Писатель едет исключительно с туристическими целями и проведет в Югославии один месяц» [15, с. 2]. Видимо, эти данные были переданы еще до приезда Бунина в Дубровник, если не раньше.

долго. Возможно, он уедет уже завтра» [31, с. 3; Приложение 3][30]. Благодаря сообщению корреспондента белградской газеты «Русский голос» В.М. Пронина[31], который кратко запротоколировал каждый белградский день И.А. Бунина, мы можем лучше представить себе последовательность событий в рамках бунинского турне. 25 августа Бунин в сопровождении А.И. Белича[32] и В.Н. Штрандмана посетил Русский дом[33] [20, с. 3; Приложение 5]. В этот же день Бунин в сопровождении Р.К. Дрейлинга[34] посетил русскую Свято-

---

[30] О желании Бунина уехать на следующий день упомянул и Н.З. Рыбинский: « — Где же юг, где благословенное горячее солнце? — спрашивал И.А. и в первый же день приезда стал говорить об отъезде» [23, с. 2; Приложение 8].

[31] Василий Михайлович Пронин (1882–1965) — полковник и политический деятель, участник Белого движения, редактор и издатель газет «Русский голос», «Военный сборник». Газета «Русский голос» — национальная, общественная и военная еженедельная газета. Выходила в Белграде с 1931 по 1941 гг. Руководили журналом: М.В. Милич (председатель редколлегии), В.Н. Полтавцев (председатель издательской группы, 1931–1937), М.В. Милич (ответственный редактор), В.М. Пронин (редактор-издатель, 7 февраля 1937–1939). По всей видимости, Пронин не брал интервью у Бунина и не общался с ним наедине, но посетил все публичные мероприятия с его участием и записал известные ему сведения, опубликовав статью 29 августа — в день, когда Бунин уже покидал Югославию.

[32] По утверждению А.Г. Шешкен: «когда в 1937 г. <…> И. Бунин посетил Белград, то достопримечательности в окрестностях города ему показывал лично академик А. Белич» [10, с. 582].

[33] Русский дом — Русский дом памяти Императора Николая II (1932–1944); в дальнейшем Дом советской культуры (1947–1994), а также Дом культуры ВОКСа (Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (с конца 1947 г.), Дом советской культуры (с 1956 г.), Российский центр науки и культуры (РЦНК) «Русский дом» (с 1994 г.), серб.: Руски центар за науку и културу «Руски дом» / Ruski centar za nauku i kulturu «Ruski dom». Открыт в 1933 г. Александр I Карагеоргиевич (серб. Александар I Карађорђевић; 1888–1934) — король сербов, хорватов и словенцев (1921–1929), король Югославии (1929–1934). Был русофилом, осуществлял крупномасштабную политику помощи русским эмигрантам по всей Европе.

[34] Роман Константинович Дрейлинг (1880–1945) — полковник лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка; в Добровольческой армии начальник штаба Отд. конной бригады, затем начальник штаба 1-й конной дивизии. В эмиграции в Югославии, преподаватель Высших военно-научных курсов в Белграде, представитель полкового объединения в Югославии. Интересно, что В. Погодин упоминает Р.К. Дрейлинга в своей статье трижды и выделяет, что Бунину «особенно приятно было видеть представителей Русского Сокольства» [20, с. 3; Приложение 5]. Русское Сокольство — российское спортивно-патриотическое общество (1883–1923), созданное по образцу чешского сокольского движения (1862 г.). Пропагандировало гимнастику, военно-спортивную подготовку и национальное воспитание. В эмиграции сохранило традиции как символ русской культуры и антибольшевистского сопротивления. В январе 1924 г. был учрежден Краевой «Союз Русского Сокола» в Югославии. Главную роль в нем занял земунский «Русский Сокол»: центр русского сокольства в

Троицкую церковь, поклонился там могиле П.Н. Врангеля [20, с. 3; Приложение 5]. Весьма вероятно, что свои интервью сербским газетам «Политика» и «Правда»[35], которые были опубликованы 26 августа, Бунин тоже дал 25 августа.

Н.З. Рыбинскому «привелось провести несколько вечеров с Буниным за дружеской беседой». Как сказано выше, он, по просьбе П.Б. Струве, сопровождал Бунина на протяжении всего пребывания в Белграде, выступал в качестве переводчика и секретаря, присутствовал при всех белградских интервью, а одно из них взял сам[36]: «Я присутствовал при атаке сербских журналистов, на какие только вопросы не приходилось отвечать И.А.!» [23, с. 2; Приложение 8]). По содержанию можно предположить, какое из интервью было первым, а какое — вторым. Сначала Бунин беседовал с тремя югославскими журналистами: неизвестным корреспондентом «Политики», общественно-политическим деятелем Владиславом Савичем[37]

Югославии был перенесен из Любляны в г. Земун (раньше отдельный старинный город возле Белграда, ныне район города), старостой сначала был генерал-майор В.Н. Полянский, в прошлом преподаватель Николаевской инженерной академии, заместителями старосты были Р.К. Дрейлинг и А.А. Земляницын. Краевой «Союз Русского Сокола» (СРС) был вторым по численности и влиянию в сокольском движении в Русском Зарубежье. Так совпало, что в дни бунинского приезда в Белграде происходил съезд сокольских обществ, указанные высокопоставленные чиновники и представители принимали в нем участие. По всей видимости, Бунин тоже попал на какие-то мероприятия, посвященные съезду: «Был день Св. Троицы — праздник, особенно чтимый всеми южными славянами. <…> Весь Белград пришел в движение. Всюду на тротуарах густые толпы народа, а посредине, на улицах — бесконечные ряды сокольских дружин» [18, с. 7].

[35] Белградская ежедневная газета (1904–1941). Основана в 1904 г. Павлом Маринковичем (Павле Маринковић, 1866–1925) и Манойло Сокичем (Манојло Сокић, 1887–1941), последний являлся полноценным владельцем газеты с 1912 г. Газета стала семейным делом братьев Сокичей, в ее управлении принимали участие младшие братья Манайло. С 1916 по 1918 гг. газета издавалась в Солониках, с 19 октября 1918 г. вновь издавалась в Белграде.

[36] В парижских газетах «Последние новости» и «Возрождение» поездка Бунина никак не освещалась. П.Б. Струве писал по этому поводу Бунину: «Совершенно непонятно, почему “Посл[едние] нов[ости]” не напечатали сообщения своего корреспондента о Вашем пребывании здесь. Вряд ли это случайно, а скорее тенденциозно в каком-то отношении и смысле <…>. Газетные нравы русского Зарубежья вообще весьма пали и “После[дние] нов[ости]” соперничают с “Возр[ождением]” в этом отношении. Водворилась какая-то закулисная “хамократия”» [8, с. 98].

[37] Владислав Савич (Владислав Савић, 1873–1957) — переводчик, полиглот, общественно-политический деятель, дипломат. Работал главой пресс-бюро в Министерстве внутренних дел Югославии, дипломатом в консульствах в Нью-Йорке, Триесте, Вене и Мюнхене. По образованию — инженер. Был депутатом Парламента, зам. председателя Югославско-болгарской лиги и Польско-югославской лиги. Позднее один

и Н.З. Рыбинским (он переводил для двух других интервьюеров), а затем с Л.Г. Захаровым[38], корреспондентом газеты «Правда».

Илл. 1. Бунин в беседе с журналистами газеты «Политика» [26, с. 6; Приложение 2][39].

Интервью «Политике» разбито на блоки, первый из которых «О “Славянской мысли”», является пересказом разговора Бунина

из основателей движения «Славянская мысль» (существовало с 1937 до 1941 гг.). За уточнение информации автор статьи благодарит И.Н. Антанасиевич.

[38] Лев Горович Захаров (1903–1975) — публицист, критик, писатель. Публиковался под псевдонимом Евгений Захаров (Е.З.). Родился в Одессе, вероятно, эмигрировал до Первой мировой войны, так как в личной анкете для белградской газеты «Правда» он писал: «Я родился заграницей. <…> Мой родной язык — русский, но сербский я выучил раньше родного. Школу я заканчивал в Сербии, а моя журналистика начинается — и, конечно, закончится — в Югославии» (пер. с сербского мой. — *М.Щ.*; см.: [24, с. 6]). С 1920-х гг. бессменный сотрудник газеты «Правда» и один из самых плодовитых авторов, в его библиографии больше 200 публикаций: заметок, статей, интервью, переводов. Автор статьи благодарит Милану Живанович (Милана Живановић) за уточнения сведений о биографии Л.Г. Захарова.

[39] По-видимому, один из двух корреспондентов на фото — Н.З. Рыбинский.

с Владиславом Савичем. Он пригласил Бунина к сотрудничеству в создающемся журнале[40], а также пытался вовлечь писателя в общеславянское движение. Идея движения Бунину понравилась, но сам он от движения дистанцировался: «Я не имею ничего общего с политикой» [26, с. 6; Приложение 2]. Во втором блоке «Пребывание в Югославии» Бунин вспомнил свое первое посещение Белграда и отметил, что в отличие от Германии, Чехословакии, Франции и Англии, «здесь <в Югославии> русские чувствуют себя как на родине <…> Вторая родина… А там, в других странах, мир нам чужой» [26, с. 6; Приложение 2]. В третьем блоке «“Политических рассказов я не пишу…”» Бунин выразил мнение, что художник не должен заниматься политикой, а также перечислил талантливых молодых писателей-эмигрантов: «Алданов, Сирин, Ходасевич и другие. Качество их работ очень хорошее. Многие переводятся на иностранные языки…» [26, с. 6; Приложение 2] и обсудил трудные условия жизни русской эмиграции: необходимость заниматься нелитературной работой, маленькие тиражи и большие цены на книги. Разговор затронул и недавно опубликованное «Освобождение Толстого» (1937)[41].

В следующем блоке «Благодаря переводам» Бунин рассказал о том, на какие европейские языки он переведен, сетовал на полумиллионные тиражи его книг в СССР, за которые ему не платят, а также был очень удивлен, узнав, что «Деревня»[42] не так давно издана на сербском языке без его согласия:

> — В славянских странах, — замечает нам г. Бунин, — меня и других эмигрантских писателей переводят мало. Это печально. Не знаю

---

[40] Вероятно, речь о журнале «Словенски југ». См. подробнее: [29, с. 13; 32, с. 1].

[41] Про «Освобождение Толстого» Бунин будет рассказывать и в интервью Б. Борко. Интервьюер отметил, что как только он «упомянул его новейшее произведение, и у Бунина блеснули глаза, словно в тот миг за ними ожили все юношеские воспоминания о великом Льве, и все “толстовское” в нем мгновенно слилось в единое чувство». [34, s. 7. См. Приложение 7].

[42] См.: *Bunin I.A.* Selo / [preveo Iso Velikanović]. Zagreb: Svjetska knjižnica; Zadružna štamparija, 1935. 200 s.; *Буњин И.А.* Село / [превео Петар Драговић]. Београд: Едиција, 1941. 282 с.; *Bunjin I.* Selo / [preveo Petar Dragović]. Sarajevo: Seljačka knjiga; Beograd: Branko Đonović, 1953. 173 s. См. также другие прижизненные издания книг Бунина на сербском языке: *Bunin I.A.* Mitjina ljubav: roman jednoga mladoga Rusa / [preveo Nik. Nikolajević]. Zagreb: Zaklada Tiskare Narodnih novina, 1926. 197 s.; *Буњин И.А.* Живот младога Арсењева: роман / прев. Николе Видаковића; предг. Александра Соловјева. Београд: Српска књижевна задруга, 1939. 240 с.; *Bunin I.A.* Život Arsenjeva: roman. Dio 1, Izvori dana / [preveo Nikolaj Fedorov]. Zagreb: A. Grünbaum, 1943. 295 s.; Bunin I.A. Život Arsenjeva: roman. Dio 2, Lika, Novele / [preveo Nikolaj Fedorov]. Zagreb: A. Grünbaum, 1943. 299 s.

почему. Я не могу этого объяснить. В Чехословакии меня, правда, переводят больше.

Мы объяснили г. Бунину, что у нас известен Алданов, а его повесть «Деревня» можно найти и в белградских книжных магазинах. Г. Бунин был удивлен, так как думал, что его у нас вообще не переводили. Что касается повести «Деревня», никто не спрашивал у него разрешения на перевод, и он не получил за это ни гроша [26, с. 6; Приложение 2].

Пятый блок «Неизвестный поклонник» посвящен современной советской литературе и жизни в СССР. Бунин рассказывает про Горького, их дружбу до революции, про отъезд Куприна обратно в СССР. Заглавие блоку дала история советского писателя И.П. Шухова:

Бунин показывает нам статью из парижской эмигрантской газеты «Возрождение». Там говорится, что писатель Шухов был приговорен к двум годам тюрьмы за то, что бил жену и говорил ей, что Бунин — гениальный писатель и намного лучше Горького:

— Понимаю, — удивляется г. Бунин, — что его осудили за избиение жены. Но судить за второе… Так жить нельзя… [26, с. 6; Приложение 2][43].

Наконец, последний блок интервью «Автобиографический роман» был посвящен продолжению работы над «Жизнью Арсеньева» и обсуждению дальнейших мероприятий в Белграде[44].

---

[43] Иван Петрович Шухов (1906–1977) — советский (казахский) писатель. 9 мая 1937 г. в газете «Комсомольская правда» была опубликована статья «Личная жизнь писателя Шухова», о чем позднее написали в «Возрождении». Бунин пересказывает статью из парижской газеты: «Шухов поколотил жену <…>. В другой раз ей влетело за то, что “не согласилась почитать Ивана Бунина гениальнейшим писателем всех времен, значительно превосходящим Максима Горького”. <…> Шухова и его приятелей хотели “выловить”, как “вредный элемент”. Поэтому-то на суде Шухову ставились в вину не только семейственные провинности, но и криминальное предпочтение Бунина Горькому, и чтение в его доме каких-то антисоветских стихов. <…> Суд условно приговорил Шухова к двум годам лишения свободы без поражения в правах» [17, с. 9].

[44] В этом месте возникает сомнение о том, когда именно было дано интервью, поскольку в тексте сказано: «Затем гг. Бунин и Струве отправились на обед к г. Василию Штрандтману <…>. Сегодня гг. Бунин и Белич едут в Опленац» [26, с. 6; Приложение 2]. Согласно другим источникам, в Опленац Бунин ездил 27 августа, все три дня писатель провел в компании Струве, Белича и Штрандмана. В связи с чем, кажется,

За первым интервью последовало второе — корреспонденту газеты «Правда», Л.Г. Захарову. Вероятно, он изображен на приведенной ниже фотографии.

Илл. 2. Бунин во время интервью с сотрудником «Правды» [30, с. 3; Приложение 3].

Это интервью менее структурировано. Л.Г. Захаров расспрашивал Бунина о Белграде и Югославии, писатель вновь вспомнил свое первое пребывание в столице королевства весной 1920 г. Далее разговор перешел на «Освобождение Толстого» (28 августа Л.Г. Захаров опубликует рецензию на эту книгу, как бы продолжая эту часть интервью [31, с. 12; Приложение 4]). Затем обсуждается тема «русской литературы в эмиграции» (выделена отдельным заголовком в середине интервью). Бунин высоко отозвался о Сирине (Набокове), упомянул Берберову, Смоленского, Кнута, Ладинского. Упомянул о появлении в Шанхае журнала «Русские записки» — своего рода ки-

что корреспондент добавил эту информацию со слов Бунина или его окружения, не зная реальных планов. Таким образом, мы считаем, что Бунин дал интервью в отеле «Эксельсиор» именно 25 августа, в другие дни он был сильно занят официальными приемами и туристическими поездками.

тайском филиале парижского журнала «Современные записки»[45]. Затем Бунин рассказал об А.Н. Толстом, его романе «Петр Первый» и про свои встречи с В.П. Катаевым.

26 августа стал самым насыщенным днем бунинского турне. Согласно сообщению В.М. Пронина, Союз русских писателей и журналистов дал завтрак в честь Бунина в ресторане «Аквариум». Вновь присутствовал В.Н. Штрандман, с приветственными речами выступили «председатель Союза профессор А.Л. Погодин, <…> Р.К. Дрейлинг, г. Голенищев-Кутузов, К.Н. Николаев и акад<емик> П.Б. Струве» [20, с. 3; Приложение 5]. В ответном слове Бунин «благодарил за радушие и ласку» [20, с. 3; Приложение 5].

После завтрака

> И.А. Бунин вместе с акад<емиком> А.И. Беличем ездил на Авалу поклониться «гробу Неизвестного героя»[46], затем посетил русскую сокольню, где его приветствовал староста Б.М. Орешков[47], а вечером югославянский «Пен-клуб» чествовал его <Бунина> обедом, на котором Иван Алексеевич познакомился с видными представителями сербской литературы [20, с. 3; Приложение 5].

В этот день сделали памятную фотографию, дошедшую до нас в двух экземплярах из разных архивов. Один из них находится в личном архиве сербского историка русской эмиграции Алексея Борисовича Арсеньева (Алексеј Арсењев):

---

[45] «Русские записки» — общественно-политический и литературный журнал, выходивший в Париже и Шанхае в 1937–1939 гг. Всего вышел 21 номер. Бунин печатался только в первом номере: *Бунин И.А.* Из книги «Освобождение Толстого» // Русские записки. 1937. № 1. С. 93–129.

[46] Гора Авала расположена в 16–20 км от центра Белграда. В 1934–1938 гг. по проекту архитектора Ивана Мештровича на ней был построен монументальный мавзолей Памятник Неизвестному герою (серб. Споменик Незнаном јунаку; иногда также называется Памятник Неизвестному солдату). «Он <Бунин> рассказывал о поездке на Авалу <…>. На Авале ему особенно нравится величественный памятник, который здесь возводят по замыслу покойного короля: Мештровичевы кариатиды кажутся ему уникальными, и весь памятник не будет иметь аналогов в Европе по замыслу и форме» [34, s. 7; Приложение 7].

[47] Во второй половине 1930-х гг. секретарем и старостой СРС был Борис Михайлович Орешков (1881–1971) — русский военный и общественный деятель, участник Белого движения, секретарь Русского культурного комитета и Государственной (Державной) комиссии по делам русских беженцев. Член редколлегии журнала «Инженер» (Белград), первый директор Русского дома им. Императора Николая II в Белграде.

Илл. 3. Чествование И.А. Бунина. Белград, ресторан «Аквариум», 26 августа 1937 г. Из личного архива А.Б. Арсеньева[48].
На фотографии (видимо, рукой М.Д. Иванникова) написано:
Bunin u Beogradu <Бунин в Белграде>.

Второй снимок сохранился в личной коллекции Бунина, в русском архиве Лидса (РАЛ). Фотография была опубликована в 2019 г.:

[48] Автор статьи благодарит А.Б. Арсеньева за предоставленную фотографию. Оригинал фотографии хранился у Любови Михайловны Лещук (1916–1990(?)), второй жены Михаила Дмитриевича Иванникова (1904–1968) — писателя-эмигранта, кинооператора. Именно он отмечен на фото (*), сидит во втором ряду справа от П.Б. Струве. Л.М. Лещук отдала эту фотографию сербскому историку русской эмиграции Остоя Джуричу (Остоја Ђурић; 1934–2018), а после его смерти вдова О. Джурича — Душанка Джурич (род. 1938) — передала фотографию А.Б. Арсеньеву (род. 1946). Сведения и фотография предоставлены А.Б. Арсеньевым. Первая публикация фотографии: [12, с. 286]. Репубикована Несибой Палибрк-Сукић (Несиба Палибрк-Сукич) в 2003 г., без комментария и в плохом качестве [14, с. 9].

Илл. 4. Чествование И.А. Бунина. Белград, 26 августа 1937 г. (РАЛ).
На обороте Бунин написал: «Београд (Сербия). Ресторан “Аквариум”. 26. VIII. 1937 г.
Банкет Союза писателей в мою честь. Ив. Бунин»[49].

---

[49] Цит. и републикуется по: [6, с. 893]. Благодаря консультациям А.Б. Арсеньева и И.Н. Антанасиевич, а также статье Б. Чурича удалось установить большинство присутствующих на фотографии:

В переднем ряду сидят слева направо: Алексей Дмитриевич Охотин, Борис Михайлович Орешков (в круглых очках), Константин Николаевич Николаев, Роман Константинович Дрейлинг (с седой бородой), Николай Николаевич Чухнов (?), Николай Захарович Рыбинский (с бабочкой), неизвестная, Геца Кон, Луиза Вайс;

Во втором ряду сидят слева направо: князь Илья Николаевич Голенищев-Кутузов, Василий Николаевич Штрандман, Лидия Алексеевна Девель (первая жена М.Д. Иванникова), Иван Алексеевич Бунин, Александра Евграфовна Жернакова-Николаева, Лев Михайлович Сухотин, Петр Бернгардович Струве, Михаил Дмитриевич Иванников, Божидар Борко (?), неизвестная;

В третьем ряду стоят слева направо: Михаил Николаевич Чекмарев, Владимир Христианович Даватц, Евгений Александрович Елачич, Мария Алексеевна Брянская (?), Виктор Диодорович Брянский (?), Александр Васильевич Соловьев, неизвестный (с бабочкой), Федор Семенович Пельтцер (?), Евгений Михайлович Кискевич, Борис Николаевич Сергиевский (с бабочкой), неизвестный, Василий Михайлович Пронин, неизвестный, Григорий Софрониевич Ремезенко.

Через несколько дней Бунин так описал этот обед Божидару Борко: «Затем он вспоминал встречу с белградскими литераторами на ужине в Пен-клубе, превосходную “аласкую чорбу” и белое шумадийское вино, в котором был весь genius loci <*лат*. гений места. — *М.Щ.*> этого зеленого края» [34, s. 7; Приложение 7][50]. Перед обедом Иван Алексеевич успел написать краткое письмо В.Н. Буниной (от 26 августа), где, в том числе, изложил дальнейшие планы на заключительный день пребывания в Белграде:

> Милая, дорогая моя, меня буквально разрывают здесь на части, едва жив от усталости — и все-таки не дают ни минуты свободной. Подробно напишу после, сейчас только 2 слова — перед отъездом на обед, который дает в мою честь здешний Pen Club. Завтра с утра поездка (в дворцовом автомобиле) на место погребения короля Александра — 180 килом<етров>. Туда-назад. В пять — чай у Белича. В одиннадцать часов вечера — завтра же — выезжаю на Загреб-Любляну-Венецию. Что дальше — решу в дороге. <…>
>
> Только нынче нет дождя и тепло, а то все холод и ливень [6, с. 891][51].

Те же сведения сообщил В.М. Пронин: «27-VIII днем И.А. Бунин вместе с академиком А.И. Беличем, В.Н. Штрандтманом и П.Б. Струве ездил на Опленац поклониться гробу Короля-Рыцаря Александра I» [20, с. 3; Приложение 5][52]. После посещения Опленаца компания сделала еще одно памятное фото:

Б. Чурич сообщал, что Л. Деваль, М. Иванников, Е. Кискевич, Н. Рыбинский, В. Даватц «относятся к белградскому литературному кружку “Литературная среда”, учителем и литературным вдохновением которого являлся Бунин» [9, с. 185].

[50] Аласка (аланска, алашка) чорба — название традиционного сербского рыбного супа с большим количеством перца. Шумадия (Sumadija) — центральный (исторический) регион Сербии, главный город которого Крагуевац. Регион известен садоводством и производством вина.

[51] Позднее, уже из Канн в письме от 2 сентября Иван Алексеевич писал Вере Николаевне: «Не сердись, голубчик, что я не писал тебе — уж очень замотали меня в Сербии, да и тут мотают — “поклонниц” оказалось без числа, да и много я езжу повсюду» [6, с. 900].

[52] *Пронин В.М.* И.А. Бунин в Белграде // Русский голос. 1937. № 334. 29 авг. С. 3. Опленац — холм около города Топола, в 80 км от Белграда. Указанное Буниным расстояние, вероятнее всего, следует интерпретировать как описку (можно также предположить, что поездка включала еще какие-то локусы). В 1910–1912 гг. по проекту архитектора К. Йовановича на холме построена мемориальная церковь святого Георгия (серб.: Црква Светог Ђорђа на Опленцу), ставшая мавзолеем династии Карагеоргиевичей. Александр I Карагеоргиевич (1888–1934) был убит террористом в Марселе 9 октября 1934 г., похоронен в Опленаце. «Он <Бунин> рассказывал о поездке <…> в Опленац. Тихо говорил он и об Опленаце, в чьей церкви перед ним предстал образ нашей истории и нашей судьбы» [34, s. 7; Приложение 7].

Илл. 5. Александр Иванович Белич, Иван Алексеевич Бунин, Ксения Орестовна Штрандман, Петр Бернгардович Струве. Фотографировал Василий Николаевич Штрандман. Опленац (?), 27 августа 1937 г. Архив А.Б. Арсеньева[53].

Тогда же Бунин и его спутники отправили коллективное письмо В.Н. Буниной: «Глубокоуважаемая Вера Николаевна, нижеподписавшиеся, наслаждаясь обществом Ивана Алексеевича, шлют Вам сердечный привет и лучшие пожелания», с подписями А.И. Белича, В.Н. Штрандмана, И.А. Бунина и П.Б. Струве[54].

---

[53] Автор статьи благодарит А.Б. Арсеньева за предоставленную фотографию. А.Б. Арсеньев получил фотографию от Д. Джурич. По мнению А.Б. Арсеньева, фотография сделана 25 августа, однако более вероятной датой представляется 27 августа, во-первых, из-за ограниченного состава участников, совпадающего с теми, кто поехал в Опленац, и из-за хорошей погоды (в противовес пасмурной погоде 25–26 августа). Впервые фотография опубликована (в плохом качестве) Н.З. Рыбинским в «Иллюстрированной России» в 1937 г. Журналист сопроводил публикацию краткой справкой о бунинском пребывании в Югославии (см.: [21, с. 2; Приложение 9]).

[54] РАЛ. MS 1066A/142. Почтовая открытка с фотографией храма и надписью: «Задуж. Црква на Олленцу»; адрес получателя: «Madame V. Bounine. 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16, France»; почт. шт.: «Topola, 28.VIII.37». Цит. по: [6, с. 894].

Вероятно, 28 августа Бунин выехал из Белграда в Любляну поездом[55] через Загреб. Газета «Политика» сообщает, что Бунин прибыл в Любляну 29 августа. «На железнодорожном вокзале г-на Бунина встретили профессор Люблянского университета г-н д-р Е.В. Спекторский и писатель Б. Борко. За несколько часов, проведенных в Любляне, г-н Бунин через г-на Спекторского и Борко познакомился с виднейшими словенскими литераторами[56]. Из Любляны г-н Бунин отбыл вчера вечером в Париж» [25, с. 8; Приложение 6]. В эти несколько часов Бунин успел дать интервью Б. Борко, журналисту газеты «Jutro»[57]:

> Мы уселись — Иван Бунин, университетский профессор доктор Спекторский и автор этого интервью <Б. Борко> — в удобные кресла фойе Люблянской гостиницы <…> Было без малого час до его отъезда из Любляны (и среди нас он мог остаться лишь несколько часов между двумя скорыми поездами). Мастер был физически утомлен долгим путем, не совсем здоров, но душевно бодр и непринужденно любезен [34, s. 7; Приложение 7].

В Любляне Бунин, в том числе усилиями А.И. Белича, «был приглашен князем-наместником Павлом[58] в его летнюю резиденцию “Брдо” на Краньской горе в Словении» [21, с. 2; Приложение 9][59]. Однако от этой запланированной поездки писатель отказался и решил вечером 29 сесть на поезд в Париж. В извинительном письме А.И. Беличу от 30 августа он так прокомментировал это:

---

[55] Дорога должна была занять у Бунина от 9 до 14 часов, в зависимости от времени остановки в Загребе (см.: [35]).

[56] Согласно уточнению Б. Чурича, словенские литераторы пришли на вокзал, чтобы торжественно встретить И.А. Бунина [9, с. 191].

[57] «Jutro: dnevnik za gospodarstvo, prosveto in politiko» или сокращенно «Jutro» — одна из крупнейших и наиболее влиятельных ежедневных газет Словении межвоенного периода. Выходила в Любляне с 1920 по 1945 гг., освещала широкий спектр тем: экономику, образование, политику, общественную жизнь и культуру, сохраняла нейтральный политический статус. Интервью сопровождено совместной фотографией И.А. и В.Н. Буниных 1933 г.

[58] Князь Павел Карагеоргиевич (1893–1976) — двоюродный брат короля Александра I Карагеоргиевича. В 1934–1941 гг. был принцем-регентом при несовершеннолетнем короле Петре II Карагеоргиевиче (1923–1970).

[59] Замок Брдо находится недалеко от Любляны. Построен в 1510 г. на территории герцогства Карниола, неоднократно реконструировался. С 1935 по 1941 гг. был официальной резиденцией королевской семьи Карагеоргиевичей.

> …я нарочно остановился в Любляне и пробыл там почти до вечера, ожидая вестей от двора Его Высочества. Их не последовало, а сам я не мог, конечно, домогаться оных. Кроме того, я простудился, у меня заболело горло. Теперь я на пути домой (1, rue Jacques Offenbach, Paris 16) и шлю Вам самый сердечный привет, — Вам и всему Вашему дому, — и еще раз горячо благодарю Вас за тот добрый прием, который Вы оказали мне. Очень жалею, что мне не удалось удостоиться осуществления той высокой чести, о которой Вы сообщили мне, когда я был у Вас на даче; но, как видите, так грустно сложились обстоятельства.
>
> Обнимаю Вас, мой дорогой и высокочтимый Друг [5, с. 879].

Позднее П.Б. Струве в письме И.А. Бунину от 9 сентября писал: «Очевидно, Вы не были на приеме у Князя-наместника — здесь этим обстоятельством очень интересовались» [8, с. 98]. Бунин упоминал, что поедет в Венецию после Любляны, «итальянскую Ривьеру» дважды упоминал и Н.З. Рыбинский, однако в заметке о Любляне корреспондент «Политики» и Б. Борко писали, что из Любляны Бунин уехал сразу же в Париж. Вероятно, изначальные планы об итальянской ривьере были скорректированы после того, как Бунин узнал из письма В.Н. Буниной (от 24 августа) о скором приезде Г.Н. Кузнецовой: «Галя хочет приехать к нам *2–3 сентября*» [6, с. 890]. Письмо В.Н. Буниной писатель скорее всего прочел только 25–26 августа, о чем известно из его письма от 26 августа: «Вчера получил от тебя много писем (через Струве)» [6, с. 891]. По всей видимости, скорый отъезд из Любляны тоже связан с приездом Г.Н. Кузнецовой [7, с. 588–589]. В письме В.Н. Буниной от 2 сентября И.А. Бунин писал:

> В Сербии, в день моего отъезда из Белграда, было получено извещение от Двора Князя Регента Павла, что он желает меня видеть, что в Любляну будет за мной прислан королевский автомобиль, а я взял да сбежал из Любляны: — ***утром*** извещения от Двора (он сейчас под Любляной) еще не было, я *и* воспользовался этим. Получил бы Савву 1-ой степени, да Бог с ними, с орденами [6, с. 900–901][60].

Обратная дорога во Францию должна была занять у Бунина больше суток. Уже 1 сентября Бунин прибыл в Канны — об этом известно из его письма Т.М. Муравьевой-Логиновой: «Моя дорогая художни-

---

[60] Выделено автором. Орден Святого Саввы 1-й степени — одна из высших наград Сербской Православной Церкви, учрежденная в честь ее основателя и первого архиепископа — Святого Саввы I Сербского (1174–1236).

ца, я был в Югославии и в Италии, теперь держу путь домой. Вероятно, уеду завтра (утром или вечером)» [16, с. 20]. В тот же день Иван Алексеевич писал Вере Николаевне: «Выехать трудно — уезжает миллион народу. Выеду, верно, послезавтра, но утром или вечером — еще не знаю» [6, с. 900]. 3 сентября Бунин написал жене последнее письмо из Канн: «Приезжаю завтра в полдень» [6, с. 901]. 4 сентября Бунин вернулся в Париж [3, с. 240; 6, с. 360].

Так завершилась поездка Бунина в Югославию. Писатель остался доволен радушным приемом, организованным в Белграде усилиями П.Б. Струве, В.Н. Штрандмана и А.И. Белича, и при деятельном участии Н.З. Рыбинского. Порадовал писателя и краткий визит в Любляну. Поездка Бунина стала значимым событием для жизни литературного Белграда, подробно освещалась в югославской прессе и подстегнула интерес югославов к творчеству первого русского Нобелевского лауреата. Через год во время турне по Прибалтике Бунин с теплом вспоминал: «Не так давно был в Югославии, Дубровнике (какая красота!), катался по Адриатическому морю, прекрасно чувствовал себя в этой стране» [19, с. 5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Арсеньев А.Б.* Жизнь русских в провинции Сербии // Русская эмиграция в Югославии. Избранные статьи: в 2 т. Белград: МАИ-принт, 2024. Т. 1. С. 37–83.
2. *Арсеньев А.Б.* Русские театральные группы в Белграде (1921–1944 гг.) // Русская эмиграция в Югославии. Избранные статьи: в 2 т. Белград: МАИ-принт, 2024. Т. 1. С. 284–366.
3. *Двинятина Т.М.* Иван Бунин: Биографический пунктир: в 2 т. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Вита Нова, 2020. Т. 2. 496 с.
4. *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940 / пер. с сербск. А.Ю. Тимофеева; науч. ред. А.В. Громова-Колли, Е.В. Михайлова. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2005. 487 с.
5. Переписка И.А. Бунина с А. Беличем и В.Д. Брянским 1928–1941 гг. / предисл., подгот. текста и примеч. А.В. Бакунцева // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2022. Т. 110. Кн. 2: И.А. Бунин. Новые материалы и исследования / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. С. 811–881.

6. Переписка И.А. Бунина с В.Н. Муромцевой-Буниной 1906–1947 гг. / предисл. Т.М. Двинятиной, С.Н. Морозова, Е.М. Шинковой; подгот. текста и примеч. Г.З. Брэдли, Т.М. Двинятиной, Р.Д. Дэвиса, О.А. Коростелева, С.Н. Морозова, Е.М. Шинковой // Литературное наследство М.: ИМЛИ РАН, 2019. Т. 110. Кн. 1: И.А. Бунин. Новые материалы и исследования / науч. ред. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. С. 351–1169.
7. *Пономарев Е.Р.* Бунин, Бунина и Кузнецова. Факты и домыслы // И.А. Бунин: Новые материалы. М.: Русский путь, 2014. Вып. 3: «…Когда переписываются близкие люди»: письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун, 1934–1961 / [сост., подгот. текста, науч. аппарат: Е.Р. Пономарев, Р. Дэвис; науч. ред.: О.А. Коростелев, Р. Дэвис сопроводит. ст.: Е.Р. Пономарев]. С. 567–598.
8. *Струве Г.П.* Из истории русской зарубежной литературы: Переписка И.А. Бунина и П.Б. Струве (1920–1943): к 100–летию со дня их рождения // Записки русской академической группы в США. Нью–Йорк: [Б.и.], 1968. Т. 2. С. 61–109.
9. *Чурич Б.* Бунин в 1937 году в Белграде // Из жизни русского Белграда: [сб. статей] / пер. с серб. А. Тарасьев, М. Тарасьева. Белград: Филолошки факултет Универзитета у Београду, 2015. С. 181–191.
10. *Шешкен А.Г.* Александр Белич и «русский Белград» // Славянский вестник. М.: МАКС-Пресс, 2004. Вып. 2. С. 578–586.
11. *Щавлинский М.С.* Н.П. Кондаков и Бунины в эмиграции // Новый филологический вестник. 2022. № 4 (63). С. 144–157. DOI 10.54770/20729316-2022-4-144
12. *Ђурић О.* Руска литерарна Србија: 1920–1941 (писци, кружоци и изданьа). Горньи Милановац: Дечје новине; Београд: Српски фонд словенске писмености и словенских култура, 1990. 301 с.
13. *Палибрк-Сукић Н.* Руске избеглице у Панчеву: 1919-1941 / са предговором Алексеја Арсењева. 2-е изд. Панчево: Градска библиотека, 2019. 446 с.
14. *Палибрк-Сукић Н.* Рукопис Ивана Буњина: Из Библиотеке Руске колоније. Панчевачко читалиште (Панчево). 2003. Год. 2. Бр. 3. Новембар. С. 8–9.

Источники

15. [*Б.п.*]. И.А. Бунин проведет месяц в Югославии // Новое русское слово. 1937. № 8972. 27 августа. С. 2.
16. *Бунин И.А., Муромцева-Бунина В.Н.* Письма Буниных к художнице Т. Логиновой-Муравьевой (1936–1961). Paris: YMCA-Press, 1982. 143 с.

17. *Гулливер*. Литературная летопись. Счастливая биография // Возрождение. 1937. № 4092. 20 августа. С. 9.
18. *Кириллов Ив*. Белградский слет соколов // Возрождение. 1937. № 4093. 27 августа. С. 7.
19. *Пильский П*. В вагоне с Буниным // Сегодня. 1938. № 118. 30 апреля. С. 5.
20. *Пронин В.М.* И.А. Бунин в Белграде // Русский голос. 1937. № 334. 29 августа. С. 3–4.
21. *Рыбинский Н.З.* [*Р*]. И.А. Бунин в Югославии // Иллюстрированная Россия. 1937. № 39 (645). 18 сентября. С. 2.
22. *Рыбинский Н.З.* И.А. Бунин в Югославии. Писатель о поездке на юг, своих работах и встрече с Алексеем Толстым (Письмо из Белграда) // Новое русское слово. 1937. № 8992. 16 сентября. С. 3.
23. *Рыбинский Н.З.* И.А. Бунин в Югославии. Писатель о поездке на юг, своих работах и встрече с Алексеем Толстым (Письмо из Белграда) // Сегодня. 1937. № 239. 1 сентября. С. 2.
24. [*Аноним*]. Анкета за сараднике «Правде» // Правда. 1929. 6 јануар. С. 6.
25. [*Аноним*]. Г. Иван Буњин у Љубљани // Политика. 1937. 30 август. С. 8.
26. [*Аноним*]. Добитник Нобелове награде г. Иван Буњин говори о руској емиграцији, о емигрантској и совјетској литератури, Максиму Горком и Алексеју Куприну // Политика. 1937. 26 август. С. 6.
27. [*Аноним*]. Добитник Нобелове награде г. Иван Буњин у Београду // Политика. 1937. 25 август. С. 20.
28. [*Аноним*]. Конгрес руских књижевника и новинара у Београду // Политика. 1928. 25 август. С. 6.
29. [*Аноним*]. Оснивање друштвеног покрета «Словенска мисао» // Правда. 1937. 1 фебруар. С. 13.
30. *Захаров Л.Г.* [*Е.З.*]. Једини Рус — носилац Нобелове награде у Београду. Разговор са славним руским књижевником Иваном Буњином // Правда. 1937. 26 август. С. 3.
31. *Захаров Л.Г.* [*Е.З.*]. Иван Буњин: «Ослобођење Толстоја» // Правда. 1937. 28 август. С. 12.
32. *М*. За словенску оријентацију наше културе и просвете // Правда. 1937. 10 фебруар. С. 1.
33. *Митропан П*. Иван Буњин // Летопис Матице српске. 1927. Год. 101, књ. 312, св. 2/3, мај-јуни. С. 399–403.
34. *Borko B*. [—*o*]. Kulturni pregled. Razgovor z Ivanom Buninom // Jutro. 1937. 31 August. St. 202. S. 7.
35. In Central Europe. Travel in Czechoslovakia and Yugoslavia. Railway Wonders of The World. 1936. № 27. URL: https://www.railwaywondersoftheworld.com/central-europe.html (дата обращения: 02.05.2025).

REFERENCES

1. Arsen'ev, A.B. "Zhizn' russkikh v provintsii Serbii" ["Life of Russians in the Province of Serbia"]. *Russkaia emigratsiia v Iugoslavii. Izbrannye stat'I: v 2 t. T. 1.* [*Russian Emigration in Yugoslavia. Selected Articles: in 2 vols. Vol. 1*]. Beograd, MAI-print Publ., 2024, pp. 37–83. (In Russian)
2. Arsen'ev, A.B. "Russkie teatral'nye gruppy v Belgrade (1921–1944 gg.)" ["Russian Theater Groups in Belgrade (1921–1944)"]. *Russkaia emigratsiia v Iugoslavii. Izbrannye stat'I: v 2 t*. [*Russian Emigration in Yugoslavia. Selected Articles: in 2 vols.*], vol. 1. Beograd, MAI-print Publ., 2024, pp. 284–366. (In Russian)
3. Dviniatina, T.M. *Ivan Bunin: Biograficheskii punktir: v 2 t. T. 2* [Ivan Bunin: Biographical Dotted Line: in 2 vols.], vol. 2. St. Petersburg, Pushkin House Publishing House; Vita Nova Publ., 2020. 496 p. (In Russian)
4. Iovanovich, M. *Russkaia emigratsiia na Balkanakh: 1920–1940* [*Russian Emigration in the Balkans: 1920–1940*], trans. from Serbian by A.Iu. Timofeeva; sci. eds A.V. Gromova-Kolli, E.V. Mikhailova. Moscow, Library-Fund "Russian Abroad" Publ.; Russian Way Publ., 2005. 487 p. (In Russian)
5. Bakuntsev, A.V., editor. "Perepiska I.A. Bunina s A. Belichem i V.D. Brianskim 1928–1941 gg." ["Correspondence of I.A. Bunin with A. Belic and V.D. Brianskii 1928–1941"], foreword, text preparation and notes by A.V. Bakuntsev. *Literaturnoe nasledstvo T. 110. Kn. 2: I.A. Bunin. Novye materialy i issledovaniia* [*Literary Heritage Vol. 110, Book 2: I.A. Bunin. New Materials and Research*], ed. and compiled by O.A. Korostelev, S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 811–881. (In Russian)
6. Bredli, G.Z., Dviniatina, T.M. and other editors. "Perepiska I.A. Bunina s V.N. Muromtsevoi-Buninoi 1906–1947 gg." ["Correspondence of I.A. Bunin with V.N. Muromtseva-Bunina in 1906–1947"], foreword by T.M. Dviniatina, S.N. Morozov, E.M. Shinkova; text preparation and notes by G.Z. Bradli, T.M. Dviniatina, R.D. Davis, O.A. Korostelev, S.N. Morozov, E.M. Shinkova. *Literaturnoe nasledstvo T. 110. Kn. 1: I.A. Bunin. Novye materialy i issledovaniia* [Literary Heritage Vol. 110, Book 1: I.A. Bunin. New Materials and Research], sci. eds O.A. Korostelev, S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, pp. 351–1169. (In Russian)
7. Ponomarev, E.R. "Bunin, Bunina i Kuznetsova. Fakty i domysly" ["Bunin, Bunina and Kuznetsova. Facts and Speculations"]. *I.A. Bunin: Novye materialy. Vyp. 3: "…Kogda perepisyvaiutsia blizkie liudi": pis'ma I.A. Bunina, V.N. Buninoi, L.F. Zurova k G.N. Kuznetsovoi i M.A. Stepun, 1934–1961* [*I.A. Bunin: New Materials. Part 3: "…When Close People Correspond": Letters from I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov to G.N. Kuznetsova and M.A. Stepun,*

1934–1961], comp., text prepared, research apparatus: E.R. Ponomarev, R. Davis; research editors: O.A. Korostelev, R. Davis; accompanying article: E.R. Ponomarev. Moscow, Russian Way Publ., 2014, pp. 567–598. (In Russian)

8. Struve, G.P. "Iz istorii russkoi zarubezhnoi literatury: Perepiska I.A. Bunina i P.B. Struve (1920–1943): k 100–letiiu so dnia ikh rozhdeniia" ["From the History of Russian Foreign Literature: Correspondence between I.A. Bunin and P.B. Struve (1920–1943): on the 100th Anniversary of Their Births"]. *Zapiski russkoi akademicheskoi gruppy v SShA* [*Notes of the Russian Academic Group in the USA*]. New York, [S.n.], 1968, vol. 2, pp. 61–109. (In Russian)
9. Churich, B. "Bunin v 1937 godu v Belgrade" ["Bunin in 1937 in Belgrade"]. *Iz zhizni russkogo Belgrada: (sbornik statei)* [*From the Life of Russian Belgrade: (Collection of Articles)*], trans. from Serbian. A. Tarasyev, M. Tarasyeva. Belgrade: Faculty of Philology, University of Beograd Publ., 2015, pp. 181–191. (In Russian)
10. Sheshken, A.G. "Aleksandr Belich i 'russkii Belgrad'" ["Aleksandr Belich and the 'Russian Belgrade'"]. *Slavianskii vestnik*, Iss. 2. Moscow: MAKS-Press Publ., 2004, pp. 578–586. (In Russian)
11. Shchavlinskii, M.S. "N.P. Kondakov i Buniny v emigratsii" ["N.P. Kondakov and the Bunins in Exile"]. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2022, no. 4 (63), pp. 144–157. DOI: 10.54770/20729316-2022-4-144. (In Russian)
12. Đurić, O. *Ruska književna Srbija: 1920–1941 (pisci, kružoci i izdanja)* [*Russian Literary Serbia: 1920–1941 (writers, circles and publications)*]. Gornji Milanovac: Dečje novine Publ.; Beograd: Srpski fond za slovensku pismenost i slovensku kulturu Publ., 1990. 301 p. (In Serbian)
13. Palibrk-Sukić, N. *Ruske izbjeglice u Pančevu: 1919-1941* [Russian Refugees in Pančevo: 1919–1941], with a preface by Aleksei Arsenjev, 2nd ed. Pančevo: City Library Publ., 2019. 446 p. (In Serbian)
14. Palibrk-Sukić, N. "Rukopis Ivana Bunina: Iz knjižnice Ruske kolonije" ["Ivan Bunin's Manuscript: From the Library of the Russian Colony"]. *Čitaonica Pančevo (Pančevo)*, 2003, vol. 2, no. 3, November, pp. 8–9. (In Serbian)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ниже в хронологическом порядке публикуются три газетные заметки (Приложение 1, Приложение 6, Приложение 9) и одна статья (Приложение 5) о пребывании Бунина в Югославии; четыре интервью писателя (Приложение 2, Приложение 3, Приложение 7, Приложение 8); и рецензия на книгу «Освобождение Толстого» (Приложение 4). Текст приложений набран на языках оригиналов (русском, сербском и словенском) с газетных публикаций, тексты на иностранных языках снабжены переводом на русский. Публикации на русском языке воспроизводятся с учетом современных правил орфографии и пунктуации. Автор статьи благодарит за неоценимую помощь в подготовке текстов сербских и русских коллег: Ивана Бачича (Иван Бачић), Алексея Борисовича Арсеньева (Алексеј Арсењев), Юлию Геннадьевну Алексееву и Евгения Рудольфовича Пономарева, которые оказали поддержку и помощь на всех этапах подготовки публикуемых материалов.

Комментарий привязан к тексту перевода для удобства читателей.

Приложение 1

Добитник Нобелове награде г. Иван Буњин у Београду

Три дана већ борави у Београду славни руски романсијер, добитник Нобелове награде г. Иван Буњин. Одсео је у хотелу «Ексцелсиор», а у Београду ће, како смо обавештени, остати десетак дана.

***

Иван Алексејевич Буњин рођен је 1870. године у Ворољежу, у Русији. Пореклом је из осиромашене племићке породице, средине коју је још Тургењев оцртао у свом познатом роману «Племићко гнездо». У првим својим радовима Буњин је био под утицајем Чехова и Тургењева. Касније, развијајући се, постао је вођа нове школе неореалиста.

У иностранству Буњин се прочуо одмах после објављивања свог романа «Село», у коме је свестрано захватио тадаппье руско село.

За време рата појавила се збирка његових новела, 1917 «Крик» и нешто касније «Господин из Сан Франциска».

После руске револуције Буњин је заувек напустио своју земљу и настанио се у Француској, где и сада живи и ради на књижевном пољу.

За збирку својих песама «Падање лишћа» Буњин је још 1904. био награђен Пушкиновом наградом петровградске Академије наука.

Напустивши своју земљу, живео је дуго година у немаштини, непрекидно радећи на новим романима и новелама.

Нобелову награду за књижевност добио је 1933.

Печатается по газетной публикации: [*Аноним*]. Добитник Нобелове награде г. Иван Буњин у Београду // Политика. 1937. 25 август. С. 20.

ПЕРЕВОД

Лауреат Нобелевской премии г. Иван Бунин в Белграде

Уже три дня в Белграде находится знаменитый русский писатель, лауреат Нобелевской премии г. Иван Бунин. Он остановился в отеле «Эксельсиор» и, как нам сообщили, пробудет в Белграде около десяти дней.

***

Иван Алексеевич Бунин родился в 1870 году в Воронеже, в России. По происхождению он из обедневшей дворянской семьи, среду которой еще Тургенев описал в своем известном романе «Дворянское гнездо». В своих первых произведениях Бунин находился под влиянием Чехова и Тургенева. Позже, развиваясь, он стал главой новой школы неореалистов.

За границей Бунин прославился сразу после публикации своей повести «Деревня», в которой всесторонне охватил тогдашнюю русскую деревню.

Во время войны появились сборники его новелл: в 1917 году — «Крик»[61], а несколько позже — «Господин из Сан-Франциско»[62].

После русской революции Бунин навсегда покинул свою страну и поселился во Франции, где и сейчас живет и работает на литературном поприще.

За сборник своих стихов «Листопад» Бунин еще в 1904 году был удостоен Пушкинской премии Петербургской академии наук[63].

Покинув свою страну, он долгие годы жил в нужде, непрерывно работая над новыми романами и новеллами.

Нобелевскую премию по литературе получил в 1933 году.

---

[61] Сборник рассказов Бунина под заглавием «Крик» был опубликован в 1921 (Берлин: Слово). В 1917 г. были опубликованы 2 изд. «Чаша жизни: Рассказы и стихи 1913–1914 гг.» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве) и «Храм Солнца» (Пг.: Книгоиздательство «Жизнь и знание»).

[62] Сборник рассказов Бунина под заглавием «Господин из Сан-Франциско: Произведения 1915–1916 гг.» (М.: Книгоиздательство писателей в Москве), переиздан в 1920 г.

[63] Бунин получил Пушкинскую премию Императорской академии наук в 1903 г., затем в 1909 г.

Приложение 2

СЛАВНИ РУСКИ КЊИЖЕВНИК У БЕОГРАДУ

Добитник Нобелове награде г. Иван Буњин говори о руској емиграцији, о емигрантској и совјетској литератури, Максиму Горком и Алексеју Куприну

«Било ми је врло пријатно када сам се нашао у Југославији; пријатно ми је да живим у овом ваздуху, да слушам звук словенског говора…»

Долазак славног руског романсијера г. Ивана Буњина у Београд испунио је радошћу наше Русе. Руска емиграција поноси се г. Буњином, који је 1933. године добио Нобелову награду за књижевност. Како је успех Руса и општи словенски успех, јуче су га, после наше вести о боравку г. Буњина (који живи стално у Француској), потражили у «Ексцелзиору» поред Руса и многи Југословени.

Око «Словенске мисли»

Тако је, готово истовремено с нама, г. Буњин примпо и г. Владислава Савића, потпредседника новог друштвеног покрета «Словенска мисао». Г. Савић је покушао да придобије г. Буњина за сарадњу у ономе покрету, и објашњавао у чему је вера и програм «Словенске мисли»:

«Словени су», читао је г. Савић из тога програма, «Европљани, њихов пут не води ка одрицању и рушењу великих духовних, научних и материјалних вредности, досада накупљених трудом и даровитошћу других европских народа. Словени желе — а то им је и дужност — да томе општем европском и човечанском богатству и даље доприносе свој дар, којим треба да се премосте опасне провале савремене цивилизације, да се у вишој духовној вредности синтетише западно-европски рационализам са етичко-идеалистичким светогледом словенства. Да нађу практично решење основној супротности социјалног живота у коме ће се неприкосновеност личности и светиња личне слободе хармонично спојити са свесном, срдачном и неприсиљеном службом друштву и човечанству. Да награде нову хуманост, где ће престати данашња свирепа експлоатација човека над човеком, класе класом, народа народом…».

— Сасвим тачно… одобравао је г. Буњин. Али како то остварити?

Г. Савић је говорио како покрет жели да привуче све истакнуте Словене, како ће се покренути велики часопис који би све светске проблеме објашњавао са словенске тачке гледишта, и друго.

— Да ли је то неполитички часопис? интересовао се г. Буњин. Јер ја с политиком немам ничега заједничког.

Г. Савић је објашњавао да то није политички часопис, али ће се, наравно, у њему водити рачуна и о словенским интересима. На крају је г. Буњин обећао одговор док се добро упозна с тим покретом.

А после одласка г. Савића, г. Буњин вам каже:

— Лепо је то, хумано, човечански, идеја је беспрекорна, — али како то све конкретизовати? И часопис је мало… Потребно је нешто више: заједнички конгреси и друго.

Боравак у Југославији

Г. Буњин не познаје много нашу земљу. Пре седамнаест година, као избеглица из Одесе, задржао се неколико дана у Београду, па је продужиоо за Француску. А сада је видео Јадран. Хтео је да остане дуже у Дубровнику, да се купа на мору, али време није било добро, а осим тога у Дубровнику није могао наћи стан где би одсео.

— Наравно, било ми је врло пријатно када сам се нашао у Југославији, каже г. Буњин. Пријатно ми је да живим у овом ваздуху, да слушам звук словенског говора, словенске интонације гласа. Много не разумем али је то словенски говор. Чим сам ступио на брод «Краљ Александар», осетио сам нешто што давно нисам осетио и чуо. Па натписи ћирилицом…

Ипак, г. Буњин се неће овде дуже задржати.

Говоримо о животу руске емиграције:

— Овде се Руси осећају као у родној земљи, каже г. Буњин. Друга отаџбина… А тамо, у другим земљама, свет нам је туђ. У Француској је, међутим, врло много руских емиграната, који раде, углавном, по фабрикама и као шофери. Французи их сматрају као врло добре раднике, и не држе се према њима непријатељски, иако Французи, наравно, имају преимућство на сваком послу. У Енглеској је Руса врло мало, у Немачкој је такође мало остало, као и у Чехословачкој. А има их много на осталим континентима. И мада је свака емиграција тешка, руска се емиграција достојно држи. Мали изузеци ништа не значе… И у књижевности руски емигранти раде, иако под тешким условима…

«Политичке приче не пишем…»

Кад је у питању књижевност, г. Буњин је сасвим у своме елементу. Политиком се, вели, не бави. У почетку емиграције, истина писао је у новинама политичке чланке, али у његовим причама нема ничега политичког:

— Уметник се тиме не може бавити… Политичке приче ја не пишем…

А о руској емигрантској књижевности г. Буњин каже:

— Млада емигрантска литература дала је већ доста имена. Истина, нису то сасвим млади људи, то су људи четрдесетих година, али су тек у емиграцији почели да пишу. То су Алданов, Сирин, Ходосјевич и други. Квалитет њихових радова врло је добар. Многи се преводе на стране језике…

Руска емиграција, вели г. Буњин, не може много да купује књиге. Зато је и тражња тих књига за руске емигрантске читаоце мала. Највише хиљада до хиљаду пет стотина примерака једне књиге. Руски емигранти немају ни

новаца за књигу нити имају, заузети радом у фабрикама и на такси станицама, нема довољно времена за читање. Зато руски емигрантски писци материјално рђаво стоје.

Ма да је г. Буњин стари и славни писац, ни он, како сам каже, не може своју књигу да изда у више примерака за руске емигрантске читаоце:

— Ових дана изишла је у Паризу моја нова књига: «Ослобођење Толстоја». Како је штампање скупо, а примерака мало, књига стаје 35 франака. Једном шоферу или раднику тешко је да књигу купи…

Интересује нас садржај те књиге и смисао речи «ослобођење» кад је у питању Толстој. И г. Буњин нам објашњава да то није ослобођење Толстоја од жене Софије Андрејевне и породице (о томе је и тако много писано) већ душевно ослобођење у смислу будиском или хришћанском, његова правила вечном животу. На крају свога живота велики Лав Толстој био је духовно у другом свету.

Захваљујући преводима

Сад г. Буњин не живи, наравно, рђаво. Али, његови приходи не долазе од руске емигрантске публике већ од превода. Његова се дела преводе у Француској, Енглеској, Немачкој, Шведској, Италији и у другим земљама.

— У словенским земљама, примећује нам г. Буњин, преводе мало и мене и друге емигрантске писце. То је жалосно. Не знам зашто. Ја то не могу да објасним. У Чехословачкој ме, истина, преводе више.

Објаснили смо г. Буњину да је код нас познат Алданов, а да се и његов роман «Село» може видети и у београдским књижарама. Г. Буњин је био изненађен јер је мислио да га код нас уопште нису преводили. Што се тиче романа «Село» нико од њега није тражио дозволу за превод и од тога није ни паре добио.

Питамо г. Буњина да ли се његова дела издају у Русији:

— У Русији се моје књиге издају у огромној количини. И по пола милиона примерака. Али ја од тога ни паре нисам добно. И не питају ме за дозволу. А шта им се не допада у мојим књигама — бришу. На пример, не допадају им се моје идеје о религији, о Богу…

О совјетској књижевности г. Буњин каже:

— Тамо има много људи од природе обдарених. Има лепих талената, али они тамо пишу под тешким условима. Немају право да пишу оно што хоће. То је, такозвана, социјална поруџбина. И у неутралним темама, као што су историјске, писац мора да кади… Ја сам не говорим о политици, већ о човечности. Не може се људима одузети свака слобода у цисању…

Непознати обожавац

Г. Буњин нам показује један чланак париског емигрантског листа «Возрожденије». Ту се говори како је писац Шухов осуђеи на 2 године за-

твора зато што је тукао жену и говорио јој је да је Буњин генијални писац и много бољи од Горког:

— Разумем, чуди се г. Буњин, да га осуде зато што бије жену. Али судити му и за ово друго, — тако се не може живети…

Горки је био противкандидат Буњину при додељивању Нобелове награде за књижевност. Победио је Буњин. Међутим, Буњин и Горки били су врло дуго одлични пријатељи од младих година:

— Да, били смо у врло добрим односима, све до револуције. Пре рата смо чак живели у исто време на острву Капри кад Напуља.

Доскорашњи емигрант Куприн сада је у Русији. Отпутовао је тамо пре месец дана. До последњих дана Буњин је с њим био у најбољем пријатељству. Купринов одлазак изазвао је највеће изненађење и код г. Буњина и код осталих пријатеља великог писца. Тај одлазак г. Буњин објашњава тешком болешћу Куприна (склероза):

— Није тамо сам отишао већ су га одвели жена и кћи.

Док разговарамо са г. Буњином, поред других истакнутих Руса пријављује се и чувени руски научник г. Петар Струве, који последњих година живи стално у Београду. То су стари пријатељи и сарадници у књижевности.

Аутобиографски роман

На крају нам г. Буњин каже да ће после одмора продужити свој велики роман «Живот Арсењијева». Тај роман, како критика мисли, представља аутобиографију г. Буњина.

— Први део романа и био је, колико је мени познато, главни аргумент за додељивање Нобелове награде, — примећује нам г. Буњин.

Затим су г.г. Буњин и Струве отишли на ручак г. Василију Штрандману, бившем руском посланику у Београду. Тамо се г. Буњин упознао са председником Српске краљевске академије г. др Александром Белићем.

Данас г. г. Буњин и Белић путују на Опленац.

Печатается по газетной публикации: [*Аноним*]. Добитник Нобелове награде г. Иван Буњин говори о руској емиграцији, о емигрантској и совјетској литератури, Максиму Горком и Алексеју Куприну // Политика. 1937. 26 август. С. 6.

ПЕРЕВОД

ЗНАМЕНИТЫЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ В БЕЛГРАДЕ

Лауреат Нобелевской премии г. Иван Бунин рассказывает о русской эмиграции, эмигрантской и советской литературе, Максиме Горьком и Алексее[64] Куприне

«Мне было очень приятно оказаться в Югославии; приятно дышать этим воздухом, слышать звук славянской речи…»

Приезд знаменитого русского писателя г. Ивана Бунина в Белград наполнил радостью наших соотечественников. Русская эмиграция гордится г. Буниным, получившим в 1933 году Нобелевскую премию по литературе. Поскольку его успех — это и русский, и общеславянский успех, вчера в отеле «Эксельсиор», помимо русских, его разыскивали многие югославы.

О «Славянской мысли»

Почти одновременно с нами г. Бунина посетил г. Владислав Савич, заместитель председателя нового общественного движения «Славянская мысль». Г. Савич попытался привлечь г. Бунина к сотрудничеству в этом движении и объяснил, в чем заключаются вера и программа «Славянской мысли»:

«Славяне, — читал г. Савич из программы, — европейцы. Их путь не ведет к отрицанию и разрушению великих духовных, научных и материальных ценностей, накопленных трудом и талантом других европейских народов. Славяне хотят — и это их долг — внести свой вклад в это общее европейское и общечеловеческое богатство, чтобы преодолеть опасные пропасти современной цивилизации, синтезировать в высшей духовной ценности западноевропейский рационализм с этико-идеалистическим мировоззрением славянства. Найти практическое решение основного противоречия социальной жизни, где неприкосновенность личности и святость личной свободы гармонично сочетаются с сознательным, сердечным и добровольным служением обществу и человечеству. Создать новую гуманность, где прекратится нынешняя жестокая эксплуатация человека человеком, класса классом, народа народом…».

— Совершенно верно… — одобрил г. Бунин. — Но как это осуществить?

Г. Савич рассказал, как движение хочет привлечь всех выдающихся славян, как планируется выпуск крупного журнала, который будет освещать мировые проблемы с славянской точки зрения, и прочее.

— Это неполитический журнал? — поинтересовался г. Бунин. — Я не имею ничего общего с политикой.

---

[64] Здесь и далее в переводе интервью опечатка, должно быть: Александр (серб.: Александар).

Г. Савич объяснил, что это не политический журнал, но в нем, конечно, будут учитываться славянские интересы. В конце г. Бунин пообещал дать ответ после подробного ознакомления с движением.

После ухода г. Савича г. Бунин сказал нам:

— Это прекрасно, гуманно, по-человечески, идея безупречна, — но как все это конкретизировать? И журнала мало… Нужно что-то большее: общие конгрессы и прочее.

Пребывание в Югославии

Г. Бунин мало знаком с нашей страной. Семнадцать лет назад, как беженец из Одессы, он ненадолго задержался в Белграде, а затем отправился во Францию. Теперь он увидел Адриатику. Он хотел остаться в Дубровнике подольше, купаться в море, но погода была плохой, к тому же, он не смог найти там жилье.

— Конечно, мне было очень приятно оказаться в Югославии, — говорит г. Бунин. — Приятно дышать этим воздухом, слышать звук славянской речи, славянские интонации. Я многого не понимаю, но это славянская речь. Как только я ступил на борт «Короля Александра», я почувствовал то, чего давно не чувствовал и не слышал. И надписи кириллицей…

Тем не менее г. Бунин не задержится здесь надолго.

Мы говорим о жизни русской эмиграции:

— Здесь русские чувствуют себя как на родине, — говорит г. Бунин. — Вторая родина… А там, в других странах, мир нам чужой. Во Франции, однако, очень много русских эмигрантов, которые работают в основном на фабриках и таксистами. Французы считают их очень хорошими работниками и не относятся к ним враждебно, хотя французы, конечно, имеют преимущество на любой работе. В Англии русских очень мало, в Германии их тоже осталось мало, как и в Чехословакии. Но их много на других континентах. И хотя любая эмиграция тяжела, русская эмиграция держится достойно. Маленькие исключения ничего не значат… И в литературе русские эмигранты работают, но в таких тяжелых условиях…

«Политических рассказов я не пишу…»

Когда речь заходит о литературе, г. Бунин чувствует себя в своей стихии. Политикой, говорит, не занимается. В начале эмиграции он действительно писал политические статьи в газетах, но в его рассказах нет ничего политического:

— Художник не может этим заниматься… Политических рассказов я не пишу…

А о русской эмигрантской литературе г. Бунин говорит:

— Молодая эмигрантская литература уже дала много имен. Правда, это не совсем молодые люди, им около сорока лет, но они начали писать только в эмиграции. Это Алданов, Сирин, Ходасевич и другие. Качество их работ очень хорошее. Многие переводятся на иностранные языки…

Русская эмиграция, говорит г. Бунин, не может много покупать книги. Поэтому спрос на эти книги среди русских эмигрантских читателей невелик. Максимум — тысяча или полторы тысячи экземпляров одной книги. У русских эмигрантов нет ни денег на книги, ни — будучи занятыми работой на фабриках и такси — достаточно времени для чтения. Поэтому русские эмигрантские писатели материально живут плохо.

Хотя г. Бунин — известный писатель с большим стажем, он, как сам говорит, не может издать свою книгу большим тиражом для русских эмигрантских читателей:

— Недавно в Париже вышла моя новая книга: «Освобождение Толстого». Поскольку печать дорогая, а тираж небольшой, книга стоит 35 франков. Шоферу или рабочему трудно ее купить…

Нас интересует содержание этой книги и смысл слова «освобождение» применительно к Толстому. Г. Бунин объясняет, что это не освобождение Толстого от жены Софьи Андреевны и семьи (об этом и так много писали), а духовное освобождение в буддийском или христианском смысле, его правила вечной жизни. В конце своей жизни великий Лев Толстой находился духовно в другом мире.

Благодаря переводам

Сейчас г. Бунин, конечно, живет не плохо. Но его доходы поступают не от русской эмигрантской публики, а от переводов. Его произведения переводятся во Франции, Англии, Германии, Швеции, Италии и других странах.

— В славянских странах, — замечает нам г. Бунин, — меня и других эмигрантских писателей переводят мало. Это печально. Не знаю почему. Я не могу этого объяснить. В Чехословакии меня, правда, переводят больше.

Мы объяснили г. Бунину, что у нас известен Алданов, а его повесть «Деревня» можно найти и в белградских книжных магазинах. Г. Бунин был удивлен, так как думал, что его у нас вообще не переводили. Что касается повести «Деревня», никто не спрашивал у него разрешения на перевод, и он не получил за это ни гроша.

Мы спросили г. Бунина, издаются ли его книги в России:

— В России мои книги издаются огромными тиражами. По полмиллиона экземпляров. Но я не получаю от этого ни копейки. И разрешения не спрашивают. А что им не нравится в моих книгах — вычеркивают. Например, им не нравятся мои идеи о религии, о Боге…

О советской литературе г. Бунин говорит:

— Там много талантливых от природы людей. Есть прекрасные дарования. Но они пишут в тяжелых условиях. У них нет права писать то, что они хотят. Это так называемый «социальный заказ». Даже в нейтральных темах, например, исторических, писатель должен льстить… Я говорю не о политике, а о гуманности. Нельзя лишать людей всякой свободы в творчестве…

Неизвестный поклонник

Г. Бунин показывает нам статью из парижской эмигрантской газеты «Возрождение». Там говорится, что писатель Шухов был приговорен к двум годам тюрьмы за то, что бил жену и говорил ей, что Бунин — гениальный писатель и намного лучше Горького:

— Понимаю, — удивляется г. Бунин, — что его осудили за избиение жены. Но судить за второе… Так жить нельзя…

Горький был конкурентом Бунина при присуждении Нобелевской премии по литературе. Победил Бунин. Однако Бунин и Горький долгое время были близкими друзьями с юных лет:

— Да, мы были в очень хороших отношениях, до революции. Перед войной мы даже жили в одно время на Капри, возле Неаполя.

Недавний эмигрант Куприн теперь в России. Он уехал туда месяц назад. До последних дней Бунин был с ним в наилучших отношениях. Отъезд Куприна вызвал наибольшее удивление и у г. Бунина, и у других друзей великого писателя. Этот отъезд г. Бунин объясняет тяжелой болезнью Куприна (склероз):

— Он уехал не сам, его увезли жена и дочь.

Пока мы беседуем с г. Буниным, среди других видных русских к нему подходит известный русский ученый г. Петр Струве, который в последние годы постоянно живет в Белграде. Это старые друзья и литературные соратники.

Автобиографический роман

В конце г. Бунин говорит нам, что после отдыха продолжит свой большой роман «Жизнь Арсеньева». Этот роман, как считает критика, представляет собой автобиографию г. Бунина.

— Первая часть романа, насколько мне известно, была главным аргументом при присуждении Нобелевской премии, — замечает нам г. Бунин.

Затем гг. Бунин и Струве отправились на обед к г. Василию Штрандтману, бывшему русскому посланнику в Белграде. Там г. Бунин познакомился с председателем Сербской королевской академии г. д-ром Александром Беличем.

Сегодня гг. Бунин и Белич едут в Опленац.

Приложение 3

Једини Рус — носилац Нобелове награде у Београду
Разговор са славним руским књижевником Иваном Буњином

Један од најславнијих данашњих руских писаца, једини Рус коме је додељена Нобелова награда, Иван Алексејевић Буњин налази се у Београду. После краћег боравка у Швајцарској, где је посетио композитора

Рахмањинова, Буњин се задржао два дана у Венецији, а један дан у Дубровнику, одакле је допутовао у Београд. И поред живог интересовања за нашу престоницу која му је позната из првих дана емиграције, 1928. године, Буњин неће моћи дуже да остане у Београду. Можда ће отпутовати већ сутра.

У својој соби, у хотелу «Екцелзиор», славни писац примио је сарадника «Правде» са неусиљеном и срдачном љубазношћу. Одмах у почетку разговора сетио се свог боравка у нашој престоници пре седамнаест година.

— Било је то у првим данима после напуштања Русије… — каже г. Буњин. — Одеса, Цариград, Софија… Бугарска влада ставила ми је на расположење тада један вагон који ми је за време боравка у Београду 1920. године био… и стан. У њему сам становао десетак дана, а после сам продужио за Беч и Париз. (У тадашњем Београду, оштећеном ратом, још необновљеном, нисам могао да нађем стан). Данас могу, то кажем без икаквог претеривања и куртоазних обзира, да се дивим напретку и обнови југословенске престонице. Додуше, киша ме је спречила да Београд разгледам са оном пажњом коју му један Рус дугује, али закључак о његовом процвату ипак се намеће на први поглед.

На реду је било питање о књижевној делатности славног писца. Г. Буњин показао нам је своју нову књигу «Ослобођење Толстоја» која је пре кратког времена изишла у Паризу, у издању «Имка Прес».

Одломци из те књиге били су раније штампани у највећем руском емигрантском часопису «Савремени записи» и у париском руском листу «Последње новости». Књига ће ускоро изићи на француском. О своме новоме делу г. Буњин каже:

— У својој књизи ја спроводим једну концепцију која се, свакако, разилази са уобичајеним схватањима о личности и стремљењима Лава Толстоја. Сматрам да је Толстојев унутрашњи живот био дубоко драматичан. Онај већ клиширани лик снажног, мирног, прибраног човека далеко је од стварности коју сам тежио да прикажем у књизи. Моја жеља је била да протумачим унутрашњи свет Толстојев, његове религиозне тежње у широком смислу те речи.

Служио сам се успоменама о Толстоју, казивањима његове деце и сведочењима савременика и личним сећањима. Јер крајем прошлог века, још као почетник у књижевности, ја сам био одушевљен Толстојев присталица и једном сам га посетио, у Москви. Као следбеник идеја Лава Толстоја сматрао сам за потребно да се посветим неком занату и избрао сам прављење буради. Међутим, Толстој ме је сам наговорио да то оставим.

«Никакве етикете нису потребне… рече ми он. — Ако осећате душевну потребу да пишете, пишите и потпуно се посветите књижевности».

Даље нас г. Буњин обавештава да ради на новом роману. Тај ће роман бити донекле наставак његовог познатог «Живота Арсењева», роман који

је, поред руског издања, преведен на француски, енглески, италијански, немачки, чешки, шведски и друге језике. Изишао је и у Америци.

О РУСКОЈ КЊИЖЕВНОСТИ У ЕМИГРАЦИЈИ

Стављамо славном књижевнику питање о руској књижевности у емиграцији. Одговор је у знаку песимизма:

— Слика је тужна. Број руских издавачких предузећа врло је незнатан. Нове руске књиге мало се купују. Има само неколико писаца који се нешто више читају, — Алданов, на пример. Али ни он није у стању потпуно да се посвети књижевности која тражи целог човека. Уобичајени тираж руске књиге у емиграцији јесте око пет стотина примерака. Тираж од хиљаду до хиљаду и по примерака већ се сматра као добар. Ту скоро учињен је у Шангају, где је број руских читалаца прилично велики, озбиљан покушај да се прилике нешто побољшају. Часопис «Савремени записи» који излази у Паризу пренео се, тако рећи, донекле на кинески терен.

Под насловом «Руски записи» изишла је прва књига часописа који претставља неку врсту другог издања «Савремених записа».

У истом издању имала су да буду штампана и многа књижевна дела али, све је то омео кинеско-јапански заплет.

На питање: кога нарочито истиче од млађих руских емигрантских писаца, г. Буњин одговара да се снажно афирмирао В. Сирин. Газданов је, вели, способан писац, али су га емигрантске невоље упутиле да ради у Паризу као шофер те се не може у довољној мери посветити књижевном стварању. Од прозних писаца помиње још Берберову, а од песника Смоленског, Кнута и Ладинског.

Говорећи о совјетским писцима, г. Буњин истиче да их «социјална наруџбина» спутава у изразу те таленти не могу потпуно да се афирмицију. Подвлачи да је Алексеј Толстој веома талентован. У његовом «Петру Првом», каже г. Буњин, има непријатно шароликих и површних места, али има и првокласних страница.

Разговор прелази на Валентина Катајева. Г. Буњин познаје одавно писца «Дефицитлија». 1914 године г. Буњин је летовао у околини Одесе. Једног дана посетио га је гимназист, леп и витак, енергичног и озбиљног изгледа. Обратио се писцу «Господина из Сан Франциска».

— Ја сам Катајев. Ево мојих песама. Молим да их оцените непристрасно, и да ми кажете да ли су добре или рђаве.

То је био ваљда први Катајевљев корак у књижевности.

На крају разговора славни писац понова подвлачи да је задивљен напретком Београда, напретком који му нарочито пада у очи у поређењу са оном сликом из 1920 године.

Е.З.

Печатается по газетной публикации: *Е.З.* Једини Рус — носилац Нобелове награде у Београду. Разговор са славним руским књижевником Иваном Буњином // Правда. 1937. 26 август. С. 3.

ПЕРЕВОД

Единственный русский — нобелевский лауреат в Белграде
Беседа со знаменитым русским писателем Иваном Буниным

Один из самых известных современных русских писателей, единственный русский, удостоенный Нобелевской премии, Иван Алексеевич Бунин находится в Белграде. После краткого пребывания в Швейцарии, где он навестил композитора Рахманинова[65], Бунин задержался на два дня в Венеции и на один день в Дубровнике, откуда прибыл в Белград. Несмотря на живой интерес к нашей столице, знакомой ему с первых дней эмиграции в 1928[66] году, Бунин не сможет остаться в Белграде надолго. Возможно, он уедет уже завтра.

В своем номере отеля «Эксельсиор» знаменитый писатель принял сотрудника «Правды» с непринужденной и сердечной любезностью. В самом начале беседы он вспомнил о своем пребывании в нашей столице семнадцать лет назад.

— Это было в первые дни после отъезда из России… — сказал г-н Бунин. — Одесса, Константинополь, София… Болгарское правительство предоставило мне тогда вагон, который во время моего пребывания в Белграде в 1920 году служил мне… и жильем. В нем я прожил около десяти дней, а затем отправился в Вену и Париж. (В тогдашнем Белграде, поврежденном войной и еще не восстановленном, я не мог найти квартиру). Сегодня я могу — и говорю это без преувеличения и светских условностей — восхищаться прогрессом и обновлением югославской столицы. Правда, дождь помешал мне осмотреть Белград с тем вниманием, которое он заслуживает от русского человека, но вывод о его расцвете напрашивается уже при первом взгляде.

Разговор перешел к литературной деятельности знаменитого писателя. Г-н Бунин показал нам свою новую книгу «Освобождение Толстого», которая недавно вышла в Париже в издательстве «YMCA-Press».

---

[65] С 17 по 31 июля 1937 г. Бунин путешествовал по Швейцарии, где, видимо, посетил Рахманиновых, живших на вилле «Сенар» на берегу Фирвальдштетского озера [3, с. 239].

[66] Опечатка, должно быть: 1920.

Отрывки из этой книги ранее публиковались в крупнейшем русском эмигрантском журнале «Современные записки» и в парижской русской газете «Последние новости»[67]. Вскоре книга выйдет на французском языке[68]. О своем новом произведении г-н Бунин говорит:

— В своей книге я развиваю одну концепцию, которая, конечно, расходится с обычными представлениями о личности и устремлениях Льва Толстого. Я считаю, что внутренняя жизнь Толстого была глубоко драматичной. Уже ставший клише образ сильного, спокойного, сосредоточенного человека далек от реальности, которую я стремился показать в книге. Моей целью было истолковать внутренний мир Толстого, его религиозные поиски в широком смысле этого слова.

Я опирался на воспоминания о Толстом, рассказы его детей, свидетельства современников и личные впечатления. В конце прошлого века, еще начинающим литератором, я был горячим последователем Толстого и однажды посетил его в Москве. Как сторонник идей Льва Толстого, я считал необходимым освоить какое-нибудь ремесло и выбрал бондарное дело. Однако сам Толстой отговорил меня от этого.

«Никаких ярлыков не нужно… — сказал он мне. — Если вы чувствуете душевную потребность писать, пишите и полностью посвятите себя литературе».

Далее г-н Бунин сообщил нам, что работает над новым романом. Этот роман будет в некотором роде продолжением его известного <романа> «Жизни Арсеньева», который, помимо русского издания, переведен на французский, английский, итальянский, немецкий, чешский, шведский и другие языки. Он вышел и в Америке[69].

---

[67] В 1920–1930-е гг. Бунин опубликовал ряд заметок о Толстом в эмигрантских газетах и журналах: «К воспоминаниям о Толстом» («Возрождение». 1926. № 383. 20 июня), «О Толстом» («Современные записки». 1927. Кн. 32). Отрывки из книги были опубликованы в 1937 г. в № 1 журнала «Русские записки» и в газете «Последние новости» (1937. № 5833. 14 марта; № 5840. 21 марта; № 5847. 28 марта; № 5861. 11 апреля).

[68] См.: *Bunin I.* La Délivrance de Tolstoï / Traduit du russe par Marc Slonim. Paris, Gallimard, 1939. 219 p.

[69] «Жизнь Арсеньева» действительно к 1937 г. была переведена на многие европейские языки и издана в Америке. Приведем лишь некоторые издания: *Bunin I*. The Well of Days / Translated by Gleb Struve and Hamish Miles. London: Hogarth Press, 1933. 305 p.; *Bunin I*. The Well of Days / Translated by Gleb Struve and Hamish Miles. NY: Knopf, 1934. 305 p.; *Bunin I*. La giovinezza di Arseniev: romanzo / Traduzione dall'originale di Valentina Dolghin-Badoglio; introduzione di Rinaldo Küfferle. Milano: Bietti, 1930. 367 s. (2-е изд.: 1933); *Bunin I*. Arsenjevs ungdom / Övers. Ruth Wedin Rothstein. Stockholm: Hugo Gebers förlag, 1933. 288 s.; Bounine I. A la source des jours / traduit du russe, avec un avant-propos, par Maurice-Parijanine. Paris, Stock, Delamain et Boutelleau. 1935. 251 p.

О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В ЭМИГРАЦИИ

Мы задали знаменитому писателю вопрос о русской литературе в эмиграции. Ответ был пессимистичным:

— Картина печальна. Число русских издательств очень невелико. Новые русские книги мало покупают. Есть лишь несколько писателей, которых читают немного больше, — например, Алданов. Но и он не в состоянии полностью посвятить себя литературе, которая требует всего человека. Обычный тираж русской книги в эмиграции — около пятисот экземпляров. Тираж в тысячу — полторы тысячи уже считается хорошим. Недавно в Шанхае, где число русских читателей довольно велико, была предпринята серьезная попытка улучшить положение. Журнал «Современные записки», выходящий в Париже, в некотором роде переместился на китайскую почву.

Под названием «Русские записки» вышел первый номер журнала, представляющего собой своего рода второе издание «Современных записок».

В той же серии должны были выйти многие литературные произведения, но все это было сорвано китайско-японским конфликтом.

На вопрос о том, кого из молодых русских писателей-эмигрантов он особенно выделяет, г-н Бунин ответил, что ярко заявил о себе В. Сирин (Набоков). Газданов, по его словам, талантливый писатель, но эмигрантские трудности вынудили его работать в Париже шофером, так что он не может в достаточной мере посвятить себя литературному творчеству. Из прозаиков он также упомянул Берберову, а из поэтов — Смоленского, Кнута и Ладинского.

Говоря о советских писателях, г-н Бунин отметил, что их сковывает «социальный заказ», и таланты не могут полностью раскрыться. Он подчеркнул, что Алексей Толстой очень талантлив. В его «Петре Первом», по словам г-на Бунина, есть неприятно-пестрые и поверхностные места, но есть и первоклассные страницы.

Разговор перешел на Валентина Катаева. Г-н Бунин знает этого писателя с давних пор. В 1914 году г-н Бунин отдыхал под Одессой. Однажды к нему пришел гимназист, красивый и стройный, с энергичным и серьезным выражением лица. Он обратился к автору «Господина из Сан-Франциско»:

— Я Катаев. Вот мои стихи. Прошу оценить их беспристрастно и сказать, хороши они или плохи.

Это был, вероятно, первый шаг Катаева в литературе.

В конце беседы знаменитый писатель вновь подчеркнул, что поражен прогрессом Белграда, особенно заметным по сравнению с картиной 1920 года.

Е.З.

Приложение 4

Иван Буњин: «Ослобођење Толстоја»

Најновији догађај у руској емигрантској књижевности претставља дело Ивана Буњина «Ослобођење Толстоја», издано у Паризу. У најновијем билансу те књижевности, поред «Путева небесних» (Иван Шмељов), и «Путовања Гљеба» (Борис Зајцев), књига Буњина значи, несумњиво, принову од трајне вредности. Набројаним делима придружиће се ускоро, вероватно, нов роман даровитог В. Сирина «Дар» и роман М. Алданова: читаоци париског руског часописа «Савремени записи» имали су већ прилике да се упознају са одломцима тих нових дела писаца које баш Буњин са разлогом цени. Интересовање привлачи и књига талентованог песника и критичара Владислава Ходасјевича «О Пушкину» штампана недавно у Берлину (њен је тираж свега пет стотина примерака). Ходасјевич је унео у књигу и раније објављене чланке, али је додао неколике нове, пруживши целину, занимљиву по новим, нешаблонским методима проучавања Пушкиновог «поетског газдинства». Кад је већ реч о новостима руске књижевности у емиграцији, ваља напоменути да Димитрије Мерешковски ради у Италији на новом делу о Дантеу.

С обзиром на тешке прилике, под којима стварају и налазе прођу својим делима руски емигрантски писци, овај биланс није, свакако, незнатан. У њему новој Буњиновој књизи припада истакнуто место. Не само по томе што је њен писац руски академик, носилац Нобелове награде и писац, чија се дела преводе на све европске језике. Дело Ивана Буњина значајно је по томе што је у њему садржано једно интересантно, широко и проницљиво схватање Толстојеве личности, његових односа према околини, према човеку уопште, најпосле према руском сељаку.

На бази тог схватања, везаног за савесно и зналачко коришћење извора, од којих неки нису били досад предмет пажње проучавалаца Лава Толстоја, Буњин је поуздано развио своја тумачења о Толстојевој вери, о његовој џиновској тежњи да се ослободи свега овоземаљског грубог, суровог, ниског, о његовој борби за чистоту и лепоту духа.

Буњинова казивања о његовим сусретима са Толстојем, сусретима који су пре четири деценије снажно утицали на душу и стремљења младог писца — почетника, имају привлачност првокласних књижевних докумената. И на тим страницама, и у осталим својим излагањима Буњин је очигледно тежио да Толстоја учини разумљивим, приступачнијим данашњем читаоцу, као што је Толстој за живота умео да буде свакоме, а нарочито малом човеку, близак и приступачан. Ова Буњинова тежња добродошла је и оправ-

дана: о Толстоју су написане стотине озбиљних књига, али многе од тих књига подигле су неку врсту зида између личности генијалног писца и оних који би хтели да упознају, поред Толстојева дела, и његов духовни и душевни свет. Буњину је пошло за руком да тај зид на многим местима сруши. Толстојеве борбе, Толстојеви узлети и понирања у стварању и животу протумачени су кроз Буњиново ново дело не само ретком садржајном и стилском усклађеношћу, већ и топлом, мада уздржљивом — познат тон аутора «Села» — вером у високу вредност ослобођења једног горостасног, али немирног и напаћеног духа.

Тај дух — велики, али вазда прожет тежњом да буде свакоме близак, да уђе у све патње, у сва тражења истине, у све тежње да се животу да пун стваралачки замах — бацио је издашно своју светлост на странице Буњинове књиге.

Е.З.

Печатается по газетной публикации: *Захаров Л.Г.* [*Е.З.*]. Иван Буњин: «Ослобођење Толстоја» // Правда. 1937. 28 август. С. 12.

ПЕРЕВОД

Иван Бунин: «Освобождение Толстого»

Новейшее событие в русской эмигрантской литературе представляет собой произведение Ивана Бунина «Освобождение Толстого», изданное в Париже. В новейшем обзоре[70] этой литературы, наряду с «Путями небесными» (Иван Шмелев) и «Путешествием Глеба» (Борис Зайцев), книга Бунина, несомненно, означает обновление непреходящей ценности. К перечисленным произведениям вскоре, вероятно, присоединятся новый роман талантливого В. Сирина «Дар» и роман М. Алданова: читатели парижского русского журнала «Современные записки» уже имели возможность ознако-

[70] Вероятно, подразумеваются актуальные обзоры современной эмигрантской литературы со страниц журналов «Современные записки», «Русские записки» и газет «Сегодня», «Последние новости», «Возрождение», где также в это время публиковались рецензии на «Освобождение Толстого» и книги перечисленных авторов. См., например: *Пильский П.* Толстой в жизни и пред смертью. О новой книге И. Бунина — «Освобождение Толстого» // Сегодня. 1937. № 231. 24 авг. С. 2–3. *Адамович Г.* Литературные заметки // Последние новости. 1937. № 6025. 23 сент. С. 3.; Алданов М.А. [Рец. на кн.: Бунин И. Освобождение Толстого. Париж, 1937] // Современные записки. 1937. № 64 (сент.). С. 464–467.; *Ходасевич В.* Книги и люди: «Освобождение Толстого» // Возрождение. 1937. № 4099. 1 окт. С. 9.

миться с отрывками этих новых произведений авторов, которых сам Бунин небезосновательно ценит. Интерес привлекает и книга талантливого поэта и критика Владислава Ходасевича «О Пушкине», недавно изданная в Берлине (ее тираж всего пятьсот экземпляров). Ходасевич включил в книгу и ранее опубликованные статьи, но добавил несколько новых, представив целостное исследование, интересное новыми, нешаблонными методами изучения пушкинского «поэтического хозяйства». Говоря о новинках русской эмигрантской литературы, стоит упомянуть, что Дмитрий Мережковский работает в Италии над новым произведением о Данте.

Учитывая тяжелые условия, в которых работали и находили признание русские писатели-эмигранты, этот обзор представляет несомненный интерес. В обзоре новой книге Бунина принадлежит видное место. Это объясняется и тем, что ее автор — русский академик, лауреат Нобелевской премии, чьи произведения переводятся на все европейские языки. Однако главная ценность труда Бунина в том, что он предлагает глубокое, всестороннее и проницательное понимание личности Толстого: его отношений с окружением, с человеком вообще и — особенно — с русским крестьянином.

На основе этого понимания, связанного с добросовестным и компетентным использованием источников, некоторые из которых ранее не привлекали внимания исследователей Льва Толстого, Бунин достоверно развил свои интерпретации о вере Толстого, о его огромном стремлении освободиться от всего земного, грубого, жестокого, низкого, о его борьбе за чистоту и красоту духа.

Рассказы Бунина о его встречах с Толстым, встречах, которые сорок лет назад сильно повлияли на душу и устремления молодого начинающего писателя, обладают притягательностью первоклассных литературных документов. И на этих страницах, и в других своих изложениях Бунин явно стремился сделать Толстого более понятным и доступным современному читателю, каким Толстой при жизни умел быть для каждого, особенно для простого человека. Это стремление Бунина заслуживает одобрения: о Толстом написаны сотни серьезных книг, но многие из них воздвигли своего рода стену между личностью гениального писателя и теми, кто хотел бы познакомиться не только с произведениями Толстого, но и с его духовным и душевным миром. Бунину удалось во многих местах разрушить эту стену. Борьба Толстого, его взлеты и падения в творчестве и жизни интерпретированы в новом произведении Бунина не только редкой содержательной и стилистической гармонией, но и теплой, хотя и сдержанной — знакомый тон автора «Деревни» — верой в высокую ценность освобождения огромного, но беспокойного и страдающего духа.

Этот дух — великий, но всегда проникнутый стремлением быть близким каждому, войти во все страдания, во все поиски истины, во все стремления

придать жизни полный творческий размах — щедро пролил свой свет на страницы книги Бунина.

Е. З.

Приложение 5

И.А. Бунин в Белграде

В настоящее время в Белграде гостит корифей русской изящной литературы, лауреат Нобелевской премии 1933 года, академик Иван Алексеевич Бунин.

Мы имели удовольствие беседовать с Иваном Алексеевичем в его номере гостиницы «Эксельсиор». И.А. Бунин прибыл в Югославию, чтобы провести некоторое время на Адриатическом побережье, отдохнуть и полюбоваться его красотами. Однако неблагоприятная погода не позволила ему в полной мере осуществить свое желание.

Из Белграда И.А. на этих днях уезжает обратно в Париж, где он имеет постоянное пребывание.

И.А. высказал большое удовлетворение, что ему удалось побывать в родственной Югославии и близко соприкоснуться с братьями-сербами, оказавшими сердечное внимание и приют русским людям, не приявшим большевизма и вынужденным временно уйти за пределы Родины.

Иван Алексеевич, за время своего краткого посещения Белграда, осаждаемый многочисленными визитами почитателей его таланта, друзей и знакомых, побывал в духовных и культурных центрах русской эмиграции Белграда. Он был в Русской Св. Троицкой церкви, поклонился святыням, могиле Вождя Русской армии ген<ерала> Врангеля, высказав скорбь по поводу ранней, безвременной смерти генерала, который так много сделал для освобождения России. Рассматривал знамена, причем разъяснения давал Ген<ерального> Штаба полковник Дрейлинг — староста Русского Сокольства.

25-VIII Иван Алексеевич вместе с неизменным и искренним другом русских людей, академиком А.И. Беличем и г. делегатом В.Н. Штрандтманом посетил Русский Дом Императора Николая II, высказав свое восхищение идеей Дома, принадлежавшей Блаженнопочившему **Королю-Рыцарю Александру I**[71], память коего он благоговейно чтит.

26-VIII дорого<го> гостя чествовал завтраком в «Аквариуме» Союз рус-

[71] Выделено автором.

ских писателей и журналистов с приглашенными гостями, среди которых был г. делегат В.Н. Штрандтман.

Председатель Союза профессор А.Л. Погодин приветствовал его <Бунина> прекрасным словом. Указав на значение и роль писателя, он подчеркнул, что творить на тургеневском «могучем и свободном» русском языке можно только при условии свободы. В России она убита большевиками и наши духовные вожди, как И.А. Бунин, могут этим языком свободно пользоваться только в эмиграции. В заключение он пожелал И.А. Бунину много лет здравствовать.

От Русского Сокольства приветствовал староста Русского Сокольства Р.К. Дрейлинг.

Затем говорили г. Голенищев-Кутузов, К.Н. Николаев и акад<емик> П.Б. Струве.

В своем ответном слове Иван Алексеевич благодарил за радушие и ласку и подчеркнул, что ему особенно приятно было видеть представителей Русского Сокольства, воспитывающего русскую молодежь в национальном духе и особенно — представителей Белой Идеи, которая ему бесконечно близка, дорога и перед ней он преклоняется.

После завтрака И.А. Бунин вместе с акад<емиком> А.И. Беличем ездил на Авалу поклониться «гробу Неизвестного героя», затем посетил русскую сокольню, где его приветствовал староста Б.М. Орешков, а вечером югославянский «Пен-клуб» чествовал его <Бунина> обедом, на котором Иван Алексеевич познакомился с видными представителями сербской литературы.

27-VIII днем И.А. Бунин вместе с академиком А.И. Беличем, В.Н. Штрандтманом и П.Б. Струве ездил на Опленац поклониться гробу Короля-Рыцаря Александра I.

Пребывание Ивана Алексеевича Бунина среди русских людей в Белграде было в некотором роде праздником. Пожелаем ему от души крепкого здоровья и новых творческих свершений!

Пожелаем от души талантливейшему сыну великого русского народа сил, здоровья, полного успеха в его дальнейшем творчестве на возвеличивание русского имени и много, много лет здравствовать.

В. Пронин

Печатается по газетной публикации: *Пронин В.М.* И.А. Бунин в Белграде // Русский голос. 1937. № 334. 29 августа. С. 3–4.

Приложение 6

Г. Иван Буњин у Љубљани

Љубљана, 29. августа

Носилац овогодишње Нобелове награде за књижевност, познати руски романсијер, Иван Буњин јуче је допутовано у Љубљану. Г. Буњина су дочекали на железничкој станици професор Љубљанског универзитета г. др. Спекторски и књижевник Божидар Борко. За неколико часова, колико је г. Буњин провео у Љубљани, упознао се преко г. Спекторског и Борка са најистакнутијим словеначким књижевницима. Из Љубљане је г. Буњин отпутовао синоћ за Париз.

Печатается по газетной публикации: [*Аноним*]. Г. Иван Буњин у Љубљани // Политика. 1937. 30 август. С. 8.

ПЕРЕВОД

Г-н Иван Бунин в Любляне

Любляна, 29 августа

Лауреат Нобелевской премии по литературе, известный русский писатель Иван Бунин вчера прибыл в Любляну. На железнодорожном вокзале г-на Бунина встретили профессор Люблянского университета г-н д-р Спекторский и писатель Божидар Борко. За несколько часов, проведенных в Любляне, г-н Бунин через г-на Спекторского и Борко познакомился с виднейшими словенскими литераторами. Из Любляны г-н Бунин отбыл вчера вечером в Париж.

Приложение 7

Kulturni pregled
Razgovor z Ivanom Buninom

Sedli smo — Ivan Bunin, univ<erzitetni> prof<esor> d<okto>r Spektorskij in pisec tega interviewa — v udobne naslanjače v foyeru ljubljanskega hotela. V lahno zastrti razsvetljavi, v oslabljenem blesku avgustovega popoldneva je dobilo obličje slavnega ruskega pisatelja posebno izrazite, mehke poteza. Ivan Bunin ima fino izoblikovan obraz. Gladko obrito lice in živahne oči kažejo odblesk lepe duše. Fiziognomija pesnika in vidca. Bunin tudi kot človek ne razočara svojega čitatelja.

Zdi se, da ima pisatelj «Življenja Arsenjeva» celo na obrazu pečat umerjenosti, odbranosti in plemenite tradicije. Bilo je pičlo uro pred njegovim odhodom iz Ljubljane (in med nami je lahko ostal samo nekaj ur med dvema brzovlakoma). Mojster je bil telesno utrujen od dolge poti, zdravstveno nekoliko nerazpoložen, toda duševno živahen in neprisiljeno ljubezniv.

Tako je sedel pred menoj predstavitelj novejše ruske literature, član Ruske akademije znanosti, prvi ruski pisatelj, ki je prejel (l<eta> 1933) najvišje svetovno literarno odlikovanje — Nobelovo nagrado. Dotlej ni bil tako slaven, čeprav je imel za seboj že vsa pomembna dela; poznali in cenili so ga predvsem ožji poznavalci ruske literature, ki so vedeli, da Bunin nadaljuje najboljšo tradicijo tega slovstva, ki sega nazaj k Puškinu. Lahko bi rekli — po vzorcu svetopisemskega rodovnika — da je Puškin rodil Gogolja, Gogolj Tolstega in Turgenjeva, Tolstoj in Turgenjev Čehova in Čehov Bunina. To duhovno potomstvo razodeva neke skupne poteza in skupna stremljenja, ki jih ne more zanikati niti sedanja sovjetska literatura, in čimbolj se bo ruski narod vračal k sebi, k svojemu narodnemu obrazu, bolj bo čutil plemenitost svoje duhovne tradicije.

Kdor čita Bunina, ima podobno življenjsko občutje, kakor bralec Tolstega ali Turgenjeva in Čehova: opaja ga priprosta slikovitost ruske prirode, poje mu ubrana plemenitost ruskega stavka, zgrajenega na Puškinovem genialnem občutju muzikalnih odlik ruščine, gleda skozi temperament pesniškega realista rusko vas ali mesto. Doživlja tisti trajnejši življenjski stil ruskega človeka, ki ne zavisi samo od družabne sestave in političnih sil, marveč predvsem od stepnih tal ruske zemlje, od rasne usodnosti ruskega naroda, od duševnih usedlin zgodovinskega razvoja, od neugnane aktivnosti ruskega tvornega duha. Taka je Rusija, ki jo prikazujejo učenci Puškina in ves plemeniti literarni rod okoli nesmrtnega Tolstega.

V razgovoru z Buninom je bila beseda tudi o Tolstem. Ondan sem čital, da je izšla v Parizu njegova knjiga o jasnopoljanskem vzorniku in učitelju. Omenil sem njegovo najnovejše delo in Buninu so zableščale oči, kakor da so tisti hip onkraj njih oživeli vsi mladostni spomini na velikega Leva in da se je vse «tolstojevsko» v njem hipoma strnilo v eno samo občutje.

«Da, jaz obožujem Tolstega», je dejal. «Ko sem bil še zelo mlad, sem šel k njemu z namenom, da postanem «tolstojevec». Slavni starec me je očetovsko-razumevajoče posvaril in rekel: Nikar, samo tega ne... Potlej mi je dejal: Kakor vsak mlad človek, pričakujete tudi vi sreče v življenju. Toda sreče ni, kdaj pa kdaj se samo pojavijo njene iskre ali pa zablešče njene luči nekje daleč, kakor na nočni poti po stepi; misliš, da je tam spredaj sreča, pa lahko da spredaj sploh ni ničesar, da je vse le privid in varljivi sen.

Bunin se je ob tem spominu zamislil, kakor da je njegov duh obstal pred nekimi znanimi, toda usodnimi vrati. Ni li problem človeške sreče in z njim problem usode tisti, ki najbolj žge in muči sleherno generacijo pesnikov?

Če bi bilo kaj časa, bi se tu lahko navezala beseda. Toda tesno omejeni čas je silil h konkretnejšim in bolj vsakdanjim vprašanjem.

Jel je pripovedovati o svojem potovanju po Jugoslaviji, ki ga je prav v Ljubljani zaključil; bil je to trenutek slovesa, poln novih, svežih vtiskov.

— V Jugoslaviji sem bil prvič pred sedemnajstimi leti, ko sem prihajal preko Odesse v emigracijo. Takrat so mi kot članu ruske carske akademije znanosti ponudili mesto profesorja na univerzi v Sofiji — da, celo imenovali so me že. Nisem sprejel, ker sem menil — in tako smo v Rusiji gledali na te reči — da ne morem postati iz literata univerzni profesor, če se nisem na to smotrno pripravljal. Ostal sem pisatelj in se preko Jugoslavije zatekel v Pariz. Letos me je bila zavabila vaša Adrija, prispel sem v Dubrovnik, odkoder pa me je poleg prenapolnjenih hotelov prepodilo slabo vreme. Na tej poti sem si ogledal Dalmacijo, ki mi je prvič razkazovala svojo svojstvenost: je po svoje lepa in originalna, dokaj drugačna kakor francoska ali italijanska Riviera; zaradi te svoje posebne note ima bodočnost. Zanimala so me tudi mesta na vzhodu in jugu vaše države, tam, kjer se srečujeta Orient in zapad. Tu sem se spominjal Carigrada, kjer sem bil trinajstkrat v življenju: trinajstič kot pregnanec iz domovine (ali verujete, da je številka trinajst nesrečna?). Na slavonskih ravneh sem moral misliti na Rusijo, zlasti na Malo Rusijo. Tu v Ljubljani je zopet vse drugače: mesto napravi prijetem vtisk, gore, gozdovi, vsa ta alpska poezija zagrabi tujega človeka in mu daje posebno občutje prirode in življenja. Obžalujem, da se ne utegnem tesneje približati vašemu svetu. Samo hitim mimo vas.

Potlej se je ruski mojster z ganotjem spominjal, kako lepo so ga bili sprejeli v Beogradu in s kakšno hvaležnostjo zapušča našo zemljo. Pripovedoval je o izletu na Avalo in v Oplenac. Na Avali mu posebno ugaja mogočni spomenik, ki ga tu grade po intencijah pokojnega kralja: Meštrovičeve kariatide se mu vidijo edinstvene in ves spomenik ne bo imel po zasnovi in obliki nič podobnega v Evropi. Mehko je govoril tudi o Oplencu, v čigar cerkvi je stopila predenj podoba naše zgodovine in naše usode.

Nato se je spominjal sestanka z beograjskimi književniki na penklubski večerji, izvrstne «alaške čorbe» in belega šumadijskega vina, v katerem je bil ves genius loci te zelene dežele. Toda medtem je preteklo že precej časa in v upanju na skorajšnje svidenje v Parizu, Buninovem stalnem bivališču, sem hvaležno stisnil roko slavnemu Nobelovemu laureatu in reprezentantu velike ruske literature.

—о.

Печатается по газетной публикации: *Borko B*. [—о]. Kulturni pregled. Razgovor z Ivanom Buninom // Jutro. 1937. St. 202. 31 August. S. 7.

ПЕРЕВОД

Культурный обзор
Беседа с Иваном Буниным

Мы уселись — Иван Бунин, университетский профессор доктор Спекторский и автор этого интервью <Б. Борко> — в удобные кресла фойе Люблянской гостиницы. В мягком полумраке, приглушенном блеске августовского вечера, лицо знаменитого русского писателя приобрело особенно выразительные, нежные черты. Иван Бунин имеет тонко очерченное лицо. Гладко выбритые щеки и живые глаза отражают отсвет прекрасной души. Физиогномика поэта и провидца. Бунин и как человек не разочаровывает своего читателя. Кажется, что даже на лице автора «Жизни Арсеньева» лежит печать умеренности, избранности и благородной традиции. Было без малого час до его отъезда из Любляны (и среди нас он мог остаться лишь несколько часов между двумя скорыми поездами). Мастер был физически утомлен долгим путем, не совсем здоров, но душевно бодр и непринужденно любезен.

Так сидел передо мной представитель новейшей русской литературы, член Российской академии наук, первый русский писатель, получивший (в 1933 г.) высшую мировую литературную награду — Нобелевскую премию. До того он не был столь известен, хотя им уже были опубликованы все его значительные произведения; знали и ценили его в основном лишь узкие знатоки русской литературы, понимавшие, что Бунин продолжает лучшую традицию русской словесности, восходящую к Пушкину. Можно сказать — по образцу библейской родословной — что Пушкин породил Гоголя, Гоголь Толстого и Тургенева, Толстой и Тургенев Чехова, а Чехов — Бунина. Это духовное преемство раскрывает общие черты и стремления, которые не может отрицать даже современная советская литература, и чем больше русский народ будет возвращаться к себе, к своему национальному облику, тем сильнее ощутит он благородство своей духовной традиции.

Кто читает Бунина, испытывает сходное жизненное чувство, как читатель Толстого, Тургенева или Чехова: его опьяняет простая живописность русской природы, его очаровывает стройная благородность русской фразы, построенной на гениальном пушкинском чувстве музыкальных достоинств русского языка, он сквозь темперамент поэтического реалиста видит русскую деревню или город. Он переживает тот устойчивый жизненный стиль русского человека, который зависит не только от общественного состава и политических сил, но прежде всего от степных просторов русской земли, от судьбоносного пути русского народа, от душевных осадков исторического развития, от неутомимой активности русского творческого духа. Такова Россия, которую изображают ученики Пушкина и все благородное литературное поколение вокруг бессмертного Толстого.

В беседе с Буниным зашла речь и о Толстом. Недавно я читал, что в Париже вышла его книга о яснополянском наставнике и учителе. Я упомянул его новейшее произведение, и у Бунина блеснули глаза, словно в тот миг за ними ожили все юношеские воспоминания о великом Льве, и все «толстовское» в нем мгновенно слилось в единое чувство.

— Да, я обожаю Толстого, — сказал он. — Когда я был еще очень молод, я пришел к нему с намерением стать «толстовцем». Знаменитый старец отечески-снисходительно предостерег меня и сказал: «Не надо, только не это...». Потом он добавил: «Как и всякий молодой человек, вы тоже ожидаете счастья в жизни. Но счастья нет, лишь изредка появляются его искры или где-то вдали блеснет его свет, как на ночном пути по степи; думаешь, что впереди счастье, а может быть, там вовсе ничего нет, что все лишь обман и призрачный сон».

Бунин задумался при этом воспоминании, словно его дух остановился перед некими знакомыми, но роковыми вратами. Не проблема ли человеческого счастья и связанная с ней проблема судьбы — то, что больше всего жжет и мучит каждое поколение поэтов?

Если бы было время, здесь можно было бы развить мысль. Но тесно ограниченное время вынуждало к более конкретным и повседневным вопросам.

Он начал рассказывать о своем путешествии по Югославии, которое завершил как раз в Любляне; это был момент прощания, полный новых, свежих впечатлений.

— В Югославии я был впервые семнадцать лет назад, когда через Одессу направлялся в эмиграцию. Тогда мне как члену русской императорской академии наук предложили место профессора в Софийском университете — да, даже назначили уже. Я не принял, полагая — и так в России смотрели на эти вещи — что не могу из литератора стать университетским профессором, если не готовился к этому целенаправленно. Я остался писателем и через Югославию укрылся в Париже. В этом году меня прельстило ваше Адриатическое побережье, я прибыл в Дубровник, откуда меня, помимо переполненных отелей, прогнала плохая погода. На этом пути я осмотрел Далмацию, которая впервые показала мне свою особенность: она по-своему красива и оригинальна, совсем иная, чем французская или итальянская Ривьера; благодаря этой особой ноте у нее есть будущее. Меня интересовали также города на востоке и юге вашей страны, там, где встречаются Восток и Запад. Здесь я вспоминал Царьград, где бывал тринадцать раз в жизни: в тринадцатый раз – как изгнанник из родины (верите ли, что число тринадцать несчастливое?). На славонских равнинах я невольно думал о России, особенно о Малороссии. Здесь, в Любляне, все иначе: город производит приятное впечатление, горы, леса, вся эта альпийская поэзия захватывает чужеземца и дает особое ощущение природы и жизни. Сожалею, что

не могу ближе познакомиться с вашим миром. Лишь проезжаю мимо вас.

Затем русский мастер с волнением вспоминал, как прекрасно его приняли в Белграде и с какой благодарностью покидает нашу землю. Он рассказывал о поездке на Авалу и в Опленац. На Авале ему особенно нравится величественный памятник, который здесь возводят по замыслу покойного короля: Мештровичевы кариатиды кажутся ему уникальными, и весь памятник не будет иметь аналогов в Европе по замыслу и форме. Тихо говорил он и об Опленаце, в чьей церкви перед ним предстал образ нашей истории и нашей судьбы.

Затем он вспоминал встречу с белградскими литераторами на ужине в Пен-клубе, превосходную «аласкую чорбу» и белое шумадийское вино, в котором был весь genius loci <гений места> этого зеленого края. Но времени прошло уже немало, и в надежде на скорую встречу в Париже, постоянном местопребывании Бунина, я благодарно пожал руку знаменитому нобелевскому лауреату и представителю великой русской литературы.

—о.

Приложение 8

И.А. Бунин в Югославии
Писатель о поездке на юг, своих работах и встрече с Алексеем Толстым

(Письмо из Белграда)

Кто мог ожидать, что югославянское консульство в Париже скажет И.А. Бунину: «Мы охотно поставим визу на ваш паспорт, но, согласно правилам, принесите нам удостоверение о вашем “добром поведении”». Получить такое удостоверение можно, приведя в полицию двух человек, которые удостоверят, что «давно знают всю жизнь»… От этой процедуры лауреат Нобелевской премии, естественно, отказался. Но в Белграде в министерстве иностр<анных> дел заявили, что Югославия будет рада видеть у себя знаменитого писателя, и виза была выслана по телеграфу.

— Ехал я, — рассказывает по приезде в Белград И.А. Бунин, — к теплому морю с единственной целью отдохнуть, полежать на горячем песке под палящим солнцем…

Но вместо этого начался «миллион терзаний». В Венеции, где писатель хотел задержаться на день, нельзя было найти ни одной свободной комнаты. До предела переполненными оказались и все уголки югославского побережья Адриатики. В этом году — необыкновенно большой наплыв иностранных туристов. И.А. Бунин сошел с парохода в Дубровнике, здесь тоже

не нашлось свободной комнаты, и он с парохода сел прямо в поезд и по очень утомительной дороге (узкая колея, 26 часов пути, сотни туннелей) прибыл в Белград. В Белграде его ожидала полоса редких в это время дождей…

— Где же юг, где благословенное горячее солнце? — спрашивал И.А. и в первый же день приезда стал говорить об отъезде.

Однако капризы природы, так неожиданно холодно встретившей писателя, были с избытком покрыты действительно горячим приемом, который на каждом шагу встречал И.А. В «Эксельсиоре», где он остановился, начались непрерывные паломничества русских и югославов. Я присутствовал при атаке сербских журналистов, на какие только вопросы не приходилось отвечать И.А.! Мои сербские коллеги интересовались решительно всем, и положение спасло то обстоятельство, что И.А. заявил, что он не политик, а только писатель, и потому просил не касаться политических вопросов.

— Почему Куприн уехал в Сов<етскую> Россию? Ваше отношение к Горькому? Как живет русская эмиграция в Париже? На какие языки вы переведены? Какие писатели выдвинулись в Сов<етской> России и в эмиграции? Издают ли ваши произведения в Сов<етской> России?…

Ответы И.А. метки, и он остроумно объясняет, в чем свобода творчества писателя, чем оно отличается от социального заказа. Удивляет сербских журналистов сообщением, что его книги издаются в Сов<етской> России сотнями тысяч экземпляров, но никакого гонорара он не получает. И сам удивляется, что и в Югославии, оказывается, издано немало его книг, о чем не имел никакого понятия…

Для русского читателя будет интересно узнать о последних работах писателя. «Освобождение Толстого», только что вышедшее в Париже на русском языке, выходит в ближайшие дни во французском переводе.

На вопрос о ближайших работах И.А. отвечает:

— Вернувшись, засяду за огромную работу, связанную с продолжением «Жизни Арсеньева»[72].

Мне привелось провести несколько вечеров с И.А. за дружеской беседой, и я воспользовался этим, чтобы предложить, на мой взгляд, нескромный вопрос:

— Правда ли, что вы встречались в Париже с Алексеем Толстым?

И.А. рассмеялся:

— Какая же тут нескромность? Я из этого не делаю секрета и буду рад, если вы расскажете об этом в «Сегодня». Было дело так: я сидел в кафе

---

[72] Подразумевается вышедшая отдельным томом 5 часть романа «Жизнь Арсеньева» — «Лика». См.: *Бунин И.А.* Жизнь Арсеньева: Роман. II. Лика. Париж: YMCA-Press, 1939. 172 с.

в обществе М.А. Алданова, М.Н. Цетлина[73] и получил записку от сидевшего за другим столом Алексея Толстого: «Хочешь меня видеть??».

Мы были связаны многолетней дружбой, и я поднялся навстречу к подходившему Толстому. Остальные из моей компании остались на своих местах. Беседа наша была очень краткой. Толстой начал с необыкновенно сильных комплиментов по моему адресу. И вырос я до исполинских размеров, и подобного таланта он нигде и никогда не встречал, и каждую мою новую вещь он ждет с волнующим трепетом… Я рассказываю вам это не потому, что мне были приятны его комплименты, а для характеристики Толстого, о чем скажу ниже.

После потока комплиментов Толстой самым сердечным и задушевным тоном спросил меня: и почему ты, такой огромный талант, находишься здесь?

Я же прервал его: не будем говорить о том, почему я здесь, а ты — там. На этом, собственно, наш разговор и окончился.

Вскоре Толстой уехал в Сов<етскую> Россию, где поделился в печати своими парижскими впечатлениями. Обругал всех эмигрантских писателей, а обо мне, в частности, написал, что Бунин давно выдохся, исписался, стал полный рамоли…[74] После этого он снова вернулся в Париж, но уже не делал попыток к встрече со мной.

Беспринципная приспособляемость Толстого общеизвестна, она не вызывает гнева, а только презрительную улыбку. И.А. рассказывали, что Толстой по этому же принципу «приспособил» и свой роман «Петр I». Перевел на шведский, но предварительно подчистил так, что фигура Петра значительно умалена и главным героем является Карл XII. Рассчитывает этим путем завоевать шведский книжный рынок…

Неполная неделя, которую И.А. провел в Белграде, была распределена по минутам. Под непосредственным руководством председателя Сербской академии А.И. Белича И.А. осмотрел достопримечательности Белграда, ездил на гору Авала — к могиле «Неизвестного Солдата», в Опленац, в усыпальницу Карагеоргиевичей, осмотрел Русский Дом, церковь, побывал в русских обществах. На обеде, устроенном А.И. Беличем в честь гостя, И.А. познакомился со всеми видными представителями сербской литературы и искусства.

Необыкновенно сердечно прошел завтрак, устроенный в его честь Союзом русских писателей и журналистов, на котором с приветствиями выступали П.Б. Струве, А.Л. Погодин, И.Н. Голенищев-Кутузов и др.

Из Белграда И.А. уехал на один день в Любляну, а оттуда — на итальянскую Ривьеру.

Н. Рыбинский

---

[73] Опечатка, должно быть: М.О. Цетлина.

[74] См.: Толстой А.Н. Зарубежные впечатления // Собрание сочинений: В 10 т. Т. 10: Статьи, выступления, письма, очерки. Рассказы Ивана Сударева. М.: Художественная литература, 1961. С. 335–336.

Печатается по газетной публикации: *Рыбинский Н.З.* И.А. Бунин в Югославии. Писатель о поездке на юг, своих работах и встрече с Алексеем Толстым (Письмо из Белграда) // Сегодня. 1937. № 239. 1 сентября. С. 2. См. также перепечатку: *Рыбинский Н.З.* И.А. Бунин в Югославии. Писатель о поездке на юг, своих работах и встрече с Алексеем Толстым (Письмо из Белграда) // Новое русское слово. 1937. № 8992. 16 сентября. С. 3.

Приложение 9

И.А. Бунин в Югославии

Приезд И.А. Бунина, несмотря на свою неожиданность и кратковременность, явился крупным событием в культурной жизни Югославии.

Сербские газеты поместили его портреты и обширные интервью. Югославянский «Пен-клуб» в честь гостя устроил обед, а председатель Сербской академии наук А.И. Белич — чай; на этих собраниях И.А. Бунин познакомился с выдающимися представителями сербской литературы.

Союз русских писателей и журналистов чествовал Нобелевского лауреата завтраком, на котором с речами выступали: П.Б. Струве, А.Л. Погодин, И.Н. Голенищев-Кутузов.

После осмотра Белграда, визита к русским соколам и в другие русские организации, И.А. Бунин совершил поездки в Опленац, к усыпальнице короля Александра, и на гору Авала — к могиле «Неизвестного солдата». И.А. Бунин был приглашен князем-наместником Павлом в его летнюю резиденцию «Брдо» на Краньской горе в Словении, откуда[75] затем уехал на итальянскую Ривьеру.

Р.

Печатается по газетной публикации: *Рыбинский Н.З.* [*Р*]. И.А. Бунин в Югославии // Иллюстрированная Россия. 1937. № 39 (645). 18 сентября. С. 2.

Дата поступления статьи: 12 января 2025 г.
Дата одобрения рецензентами: 28 марта 2025 г.
Дата публикации: 29 декабря 2025 г.

Received: January 12, 2025
Approved after reviewing: March 28, 2025
Date of publication: December 29, 2025

[75] Ошибка. Из Любляны Бунин поехал в Канны, а затем в Париж (см. выше в статье).

МАРК АЛДАНОВ

Научная статья и публикация архивных документов

УДК 821.161.1
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-220-238
https://elibrary.ru/XTYSXY

«ВЫ ВСЮ МОЮ БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЧИТАЕТЕ ОШИБКОЙ…»: ПИСЬМА М.А. АЛДАНОВА К Ю.И. АЙХЕНВАЛЬДУ

© 2025 г. И.В. Кочергина

Аннотация: В статье прослежена история взаимоотношений писателя М.А. Алданова и критика Ю.И. Айхенвальда. Айхенвальд одним из первых отозвался на литературные произведения писателя, положительно оценив 1-й том историко-литературного труда «Толстой и Роллан» (1915). В эмигрантский период критик регулярно размещал отклики на исторические романы Алданова и на его очерки: в публикации дан обзор этих рецензий, в которых упомянут и недостаток художественного дарования автора. Алданов остался недоволен некоторыми разборами своих произведений, сделанными критиком, о чем написал ему в письме. В частности, его задели упреки в подражании стилю и приемам Л.Н. Толстого, в незначительности некоторых героев его романов, не подходящих, по мнению критика, для роли «призмы» исторических событий. В то же время критик высоко оценивал Алданова как мастера исторического очерка, неоднократно обращаясь к его произведениям этого жанра. Впервые публикуются 3 письма и одна почтовая карточка Алданова к Айхенвальду: все они относятся ко времени эмиграции. Публикации снабжены примечаниями.

Ключевые слова: М.А. Алданов, Ю.И. Айхенвальд, литературная критика, переписка, русская эмиграция, 1920-е.

Информация об авторе: Кочергина Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт мировой литературы

им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000–0002–1298–089X
E–mail: irepismo@gmail.com

Для цитирования: *Кочергина И.В.* «Вы всю мою беллетристическую деятельность считаете ошибкой…»: письма М.А. Алданова к Ю.И. Айхенвальду // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Вып. 3 / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 220–238.
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-220-238

Research Article and Publication of Archival Documents

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

“YOU CONSIDER MY ENTIRE FICTION ACTIVITY AS A MISTAKE…”: LETTERS FROM MARK ALDANOV TO YULY AIKHENWALD

© 2025. Irina V. Kochergina

Abstract: The article traces the history of the relationship between the writer Mark Aldanov and critic Yuly Aikhenwald. Aikhenwald was among the first to respond to the writer’s literary works, positively assessing the first volume of the historical and literary book *Tolstoy and Rolland* (1915). During the emigrant period, the critic regularly published reviews of Aldanov’s historical novels and essays: the publication provides a study of these reviews, which also mention the author’s lack of artistic talent. Aldanov was dissatisfied with some of the critic’s analyses of his works, which he wrote about in a letter. In particular, he was hurt by reproaches for imitating the style and techniques of L.N. Tolstoy, as well as for the insignificance of some of the heroes of his novels, who, in the critic’s opinion, were not suitable for the role of a “prism” of historical events. At the same time, the critic highly appreciated Aldanov as a master of historical essay, repeatedly referring to his works of this genre. For the first time, three letters and

one postcard from Aldanov to Aikhenwald are published: all of them date back to the time of emigration. Publications are provided with notes.

Keywords: Mark Aldanov, Yuly Aikhenwald, Russian emigration, literary criticism, correspondence, 1920s.

Information about the author: Irina V. Kochergina, PhD in Philology, Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1298-089X
E–mail: irepismo@gmail.com

For citation: Kochergina, I.V. "'You Consider My Entire Fiction Activity as a Mistake...': Letters from Mark Aldanov to Yuly Aikhenwald." *Emigrantica*. Issue 3, ed.-comp. E.R. Ponomarev, acad. ed. E.R. Ponomarev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 220–238. (In Russian)
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-220-238

Марк Александрович Алданов (наст. фам. Ландау, 1886–1957) начал свой путь в литературу в 1910 гг.; до этого у него уже была успешная карьера химика. Первым произведением, принесшим ему некоторую известность, был 1–й том критико-литературного сочинения «Толстой и Роллан» (1915)[1]. Эта книга прошла бы практически незамеченной, если бы не отзыв на нее одного из маститых критиков дореволюционной эпохи Юлия Исаевича Айхенвальда. В дальнейшем отношения литераторов будут складываться непросто, однако Алданов всегда будет помнить об этом ободряющем голосе в начале его литературного пути. Отзыв появился в газете «Речь», в которой критик тогда систематически размещал свои обзоры. Николай Николаевич Брешко-Брешковский[2], опубликовавший под псевдонимом Н. Суражский в эмиграции в 1934 г. статью «Че-

[1] 2–й том исследования Алданова был посвящен Роллану; он не был опубликован из–за цензуры военного времени, а впоследствии был утрачен вместе со всем архивом писателя, оставленным в России.

[2] Николай Николаевич Брешко-Брешковский (псевд. Н. Суражский, 1874–1943) — писатель, журналист и критик, встречался с Алдановым еще в Одессе 1919 г. С 1927 г. жил в Париже, печатался в эмигрантских изданиях. В 1941 г. переехал в Германию, сотрудничал с министерством пропаганды. Погиб при бомбардировке Берлина британской авиацией.

тыре звена Марка Алданова», приводит в ней такое воспоминание писателя: «Мое первое литературное произведение — книга о Толстом, весьма благосклонно встреченная критикой и, особенно, делавшим “погоду” в этой области покойным Айхенвальдом. Я в глаза никогда не видал Айхенвальда и поэтому особенно ценю его отзыв. Книга моя вышла до войны» [21, с. 3]. В письме Алданова к Е.Д. Кусковой[3] от 26 ноября 1954 г. также содержится упоминание об этом: «Литературного мира я тогда не знал, хотя жил то в Петербурге, то в Москве. Совершенно для меня неожиданно в «Речи» появилась чрезвычайно лестная статья об этой книге покойного Ю.И. Айхенвальда, с которым я тоже не был знаком. Большую радость он мне тогда доставил — я ему об этом говорил впоследствии в Берлине, когда познакомились» [7, с. 137].

Как отмечает М. Уральский, в «Толстом и Роллане» «была задействована вся толстоведческая база данных, накопившаяся к середине 1910-х», автор обозначил «главные направления своего историософского дискурса с Толстым, который впоследствии он развивал в своих исторических романах» [6, с. 125]. Айхенвальд, для которого Толстой был эталоном художественности, тоже посвятил писателю много статей и очерков, поэтому расхождения этих двух литераторов в оценке Толстого могут быть основой отдельного исследования.

Что же отмечал в книге Алданова, вернее, в первой ее части, Айхенвальд? Он выделял те стороны таланта писателя, которые впоследствии станут его «визитной карточкой»: «В живой и остроумной беседе, в изящном и легком беге мыслей автор от одной темы уклоняется к другой по ассоциации идей и слов, не всегда необходимых. Он слишком дает волю своей образованности и начитанности, яркие следы которых запечатлены по всей книге» [9, с. 3]. Здесь отмечены и эссеизм книги, и изящество ее слога, и интеллектуализм. Критик спорит с некоторыми умозаключениями автора о воззрениях Толстого и художественных особенностях его дарования, но за-

---

[3] Екатерина Дмитриевна Кускова (урожд. Есипова, 1869–1968) — русская издательница, политик, общественный деятель. Принимала участие в революционной борьбе в кружках сначала народнического, затем марксистского толка. После революции занимала антибольшевистскую позицию. Выслана с мужем, экономистом С.Н. Прокоповичем, летом 1922 г. за границу. Переписка между Алдановым и Кусковой велась на протяжении долгого времени, часть ее — письма Кусковой к Алданову (1946–1951) — хранится в Музее М.И. Цветаевой и была опубликована В.Л. Телицыным в 2017 г. в № 1 и 2 журнала «Исторический архив». Письма Алданова к Кусковой хранятся в Бахметевском архиве, несколько писем было опубликовано А.А. Черныше вым [7].

ключает свою рецензию фразой о том, что книга Алданова — «ценное и своеобразное приобретение нашей критической литературы» [9, с. 4].

Алданов эмигрировал из России в 1919 г., некоторое время жил во Франции, а к 1922 г. оказался в Берлине, где в эти годы собрался цвет русской писательской эмиграции, а «численность русской диаспоры превышала 300 тысяч человек» [6, с. 338]. Там он написал и опубликовал первый роман из тетралогии «Мыслитель» — «Девятое термидора».

В Берлине же в 1922 г. оказался после высылки на философском пароходе и Айхенвальд; в течение шести лет он, будучи влиятельнейшим критиком русского зарубежья 1920 гг., вел в «Руле» еженедельный раздел «Литературные заметки», а также регулярно размещал рецензии на книжные новинки в разделе «Критика и библиография». Сохранились письма Алданова к нему 1920 гг., они были переданы в составе рукописей Айхенвальда в Русский заграничный исторический архив в Праге (РЗИА), а затем оказались в РГАЛИ. Письма Айхенвальда к Алданову, вероятно, утрачены в войну со всем довоенным эпистолярным архивом писателя.

Судя по письму Алданова к Айхенвальду от 21 марта 1923 г. (Приложение 1), писатель выслал экземпляр романа «Девятое термидора» в надежде на рецензию, каковая и появилась в номере «Руля» от 1 апреля 1923 г. В это время оба литератора, проживая в Германии, в Берлине, вероятно, нередко виделись, а посланное письмо объясняется тем, что писатель был летом на курорте.

Критик отозвался на присланную книгу рецензией, довольно лестной для автора. Однако в ней содержались замечания, впоследствии сильно задевавшие Алданова-писателя. Айхенвальд сразу отметил актуальность этого исторического романа, его пересечения с современностью, а также литературных предшественников, на которых ориентировался писатель: «Только что появившийся роман М.А. Алданова “Девятое термидора” (книгоиздательство “Слово”) не только по своей теме, но и по духу своему напоминает “Боги жаждут” Анатоля Франса, как и вообще к последнему типом и стилем своего талантливого творчества больше всего приближается названный русский писатель. Есть что-то от Франса и от Франции в изящной манере его письма, в его скептицизме, в его изысканной культурности. Как и Анатоль Франс, он много собрал в душе своей коллекций от самого разнообразного знания, от драгоценных библиотек, от чужой красоты, — так много, что вот он и поднялся, почти поднялся до художества. Он слишком образован, этот начет-

чик редких книг, у него слишком мало живой непосредственности и слишком много прекрасного дилетантизма для того, чтобы он мог быть художником вполне. <…> Лежит на его книге явный отпечаток ума. В связи с этим в ней ощущается недостаток художественной sancta simplicitas, но и счастливый недостаток той простоватой кустарности, которая нередко свойственна авторам исторических романов» [22, кн. 1, с. 85].

Критик явно не считает дарование Алданова подлинно художественным, непосредственным, а отмечает в нем «то приближение к художеству, какое лишь возможно для человека, который сам не художник, но который изощрил и утончил свой вкус на лучших образцах литературы и взошел на самые высоты образованности и духовного развития» [22, кн. 1, с. 85].

По мнению Айхенвальда, главное значение романа для современного ему читателя в его «идейной значительности»: «…с особенным настроением читаешь его именно теперь, когда наш личный опыт трагически наделил нас материалом для сравнения обеих революций — французской и русской. В свете первой лучше понимаешь вторую, и, в свою очередь, отраженный свет на французскую бросает русская революция» [22, кн. 1, с. 86]. Вероятно, Алданова вполне устроила рецензия — во всяком случае, он ответил на нее письмом с изъявлениями благодарности (Приложение 2).

Следует упомянуть также относящийся к 1923 г. комплиментарный отзыв о публикации Алданова в журнале «Современные записки» воспоминаний о Леониде Каннегисере [15]: «М.А. Алданов с обычной талантливостью, и в тоже обычных для него орнаментациях нисколько не скрываемой начитанности и эстетизма, рисует образ юноши Леонида Каннегисера, убившего главу петербургской Чрезвычайной комиссии Урицкого. Выступает под его пером и образ убитого. Страницы эти полны глубокого жуткого интереса, дают много фактов…» [22, кн. 1, с. 145]

Надо отметить, что Айхенвальд, вероятно, со вниманием следил за публикациями Алданова. К примеру, в статье 1924 г. «Безвременная смерть», посвященной кончине Ленина, он вольно цитирует книгу писателя «Армагеддон», вышедшую еще в России в 1918 г.: «Очень проницательно, задолго до “нэпа”, сказал о Ленине писатель Алданов-Ландау, что его миссия — утвердить идею частной собственности» [22, кн. 1, с. 240].

К слову сказать, А.М. Горький в письме к С.Ф. Ольденбургу[4] соединил отклики Алданова и Айхенвальда на смерть Ленина в одной характеристике: «Особенно отвратительно держится “Руль”, и одна из наиболее гнусных статей о Ленине — статья Ю. Айхенвальда. Грязно написал и Алданов-Ландау. И — все бездарно, бездарно до тоски!» [17, т. 14, с. 301]. Речь идет об упомянутой выше статье критика и о публикации писателя «Неправдоподобный сценарий», размещенной в газете «День» за 27 января 1924 г. [11]. Здесь необходимо уточнить, что, как справедливо указывает А.В. Бакунцев, смерть ««вождя мирового пролетариата» во многих вселила надежду на скорый крах большевистского владычества» [1, с. 268–269]; заметки Алданова и Айхенвальда находятся в ряду эмигрантских статей этой направленности.

Алданов, вернувшись во Францию в начале 1924 г., публиковал одно произведение за другим и к концу 1920 гг. стал одним из самых популярных писателей Русского Зарубежья: его произведения издавались довольно большими для эмиграции тиражами, переводились на иностранные языки. Как правило, отдельным изданиям его романов предшествовали публикации во влиятельнейшем журнале русской диаспоры «Современные записки». Айхенвальд, давая постоянные обзоры этого журнала, часто останавливает внимание и на произведениях писателя.

Следующим откликом Айхенвальда на произведения Алданова является отзыв в «Литературных заметках» от 2 декабря 1925 г. о романе «Чертов мост»[5]. Эту же рецензию, немного ее видоизменив и сократив, критик опубликует и в газете «Сегодня» [10]. Снова акцентируя внимание читателя на сходстве изложенных в романе событий с событиями русской революции, он подчеркивает, что «исторический роман становится романом современным» [22, кн. 1, с. 569]. Однако в этой рецензии критик находит слабое место романа в том, что столь значимые события изображены через призму восприятия столь незначительных людей: «Штааль мал для великого и призма его — тусклая. Он не по росту событиям, и их изобразитель оказывает ему слишком много чести, заставляя его играть столь ответственную и столь не соответственную роль. <…> В связи с этим теряет

---

[4] Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) — востоковед, действительный член Академии наук (дореволюционной и советской). Входил в партию кадетов, был министром Просвещения в составе Временного правительства. С 1918 г. сотрудничал с Советской властью; в 1919 г. был арестован, но освобожден по ходатайству А.М. Горького. С Горьким поддерживал дружеские отношения, состоял в переписке.

[5] *Алданов М.* Чертов мост. Берлин: Слово, 1925. 409 с.

свою необходимость и тот пристальный и подробный, тягостно роскошный, микроскопический анализ, которому Алданов не по чину подвергает дешевую душу своего поистине “маленького героя”. Здесь читатель неохотно и недовольно и даже иногда с досадой идет вслед писателю. К тому же, последний в манере своего психологического разбора, как и в манерах своего изложения вообще, слишком явно и слишком добровольно находится под влиянием Толстого. Высокому образцу подражает, сознательно подражает Алданов» [22, кн. 1, с. 571]. Далее критик отмечает, что писатель затратил много усилий, «чтобы привить себе чисто толстовскую наблюдательность и дар непосредственного художества вообще», однако «слитной художественности не получилось, и кажется, что штрихами искусства, его отдельными мостиками соединены здесь между собой исторические документы и что в их серьезную середину только вправлены все эти блестки эстетизма» [22, кн. 1, с. 572].

Приблизительно те же замечания критик сделал и в отношении публиковавшегося в «Современных записках» «Заговора»[6]. Критик пишет своем обзоре в «Руле» от 28 июля 1926 г.: «... психологический анализ, который он слишком явно хочет выдерживать в неподражаемом стиле и духе Толстого, мог бы быть отброшен без ущерба как для героев, так и для читателей. Для героев — потому, что как раз те из них, на которых он направлен по преимуществу, все эти Иванчуки и Шта<а>ли, попросту неинтересны и подобный анализ им не к лицу, не к их бесцветному лицу, и им не по чину; для читателей — потому что подражание Неподражаемому часто вызывает у них такое нехорошее чувство, как раздражение» [22, кн. 2, с. 840].

На этот раз Алданов болезненно воспринял упреки своему таланту в недостаточной художественности. Е.Б. Рогачевская отмечает, что в это время он «начинает считать себя “старшим” писателем, т. е. ставить себя в один ряд с Буниным и Мережковским, несмотря на то, что его карьера практически началась только в эмиграции» [5, с. 34]. Он ответил Айхенвальду на эту рецензию пространным письмом, в котором, в частности, писал: «Увы, для меня не тайна, что Вы всю мою беллетристическую деятельность считаете ошибкой, хотя, по любезности Вашей, Вы этого не говорите, но это достаточно ясно было и из Ваших рецензий об отдельных изданиях мои романов. В свое время (в 1915 г.) Вы переоценили меня как эссеиста и, быть может, в связи с этим находится Ваше отношение ко мне как к романисту–художнику» (Приложение 4). Далее писатель отвеча-

[6] *Алданов М.А.* Заговор // Современные записки. 1926. Кн. XXVIII. С. 73–174.

ет на обвинение в «бесцветности лиц» своих главных героев: «Ведь не для одного Андрея Болконского, но и для Ростова Толстой, на к<оторо>го Вы ссылаетесь, использовал весь аппарат своего психологического анализа» (см. Приложение 4). Алданов спрашивает критика, что можно считать «специфически толстовской манерой»: «Внутренний монолог? “Копанье в душе”?» — и замечает, что «французские критики Толстого видят в этом подражание Стендалю или, точнее, метод Стендаля» (Приложение 4). Здесь писатель, вероятно, имеет в виду замечание критика о «психологическом анализе» Толстого, которому он подражает.

Надо отметить, что Айхенвальд был не единственным критиком эмиграции, который отмечал, что Алданов подражает стилистической манере Толстого: об этом влиянии писали, к примеру, М. Слоним [19, с. 161], М. Осоргин [18, с. 525]. О. Лагашина в монографии «Марк Алданов и Лев Толстой: к проблеме рецепции» отмечает, что «Толстой для Алданова — единственная по-настоящему значимая фигура в русской литературе» [2, с. 13] и что «преемственность Алданова по отношению к Толстому была отмечена практически сразу после его появления на литературной арене [2, с. 18]. Это влияние Толстого на Алданова было проанализировано в алдановедении довольно подробно (см. например: [2; 8]). Что касается «метода Стендаля», то о нем как о совокупности приемов в исторической романистике Алданов писал еще в 1923 г. в рецензии на роман П.П. Муратова «Эгерия» [13, с. 404], и именно влияние стендалевской манеры отмечал в его произведениях Слоним [19, с. 158]. В последние десятилетия появились исследования, посвященные особенностям исторического романа Алданова, в которых эти аспекты проанализированы довольно подробно (см., напр.: [3; 4]).

Это последнее письмо Алданова к критику из тех, что хранятся в фонде Айхенвальда в РГАЛИ; были ли еще письма, узнать пока не удалось. Неизвестно, что ответил критик писателю, как разъяснил свою позицию, однако в дальнейшем он практически не пишет в своих обзорах и статьях о новых романах Алданова. Вероятно, очень уважая писателя, но не желая сдавать своих позиций, критик предпочел больше не высказываться на эту тему. Однако он будет еще публиковать отклики на произведения Алданова — но не на романы, а на портретные очерки.

А. Седых отмечал: «Алданов был прежде всего мастером исторического портрета, — русская литература не знала до него подобного историка-эссеиста» [20, с. 59]. Типологически этот жанр довольно

близок к айхенвальдовским «силуэтам»[7], однако менее субъективен: он базируется не на впечатлении от произведений, а в большей мере на документах и фактах или на впечатлениях от исторической личности или художника. Алданов высоко ставил «Силуэты русских писателей», тому свидетельством является почтовая карточка, посланная им критику 5 августа 1923 г., в которой есть такие слова: «Перечитываю, пользуясь летним отдыхом, “Силуэты”, — вот поистине классическая книга» (см. Приложение, 3). Критик, в свою очередь, высоко оценил книгу Алданова «Современники»[8]: «Характеристики современных деятелей ярки и живы»; «в одном из лучших этюдов книги — о Луначарском — наш автор проявил не только великолепную, для его жертвы уничтожающую насмешливость, но и ту моральную требовательность, которая всякую насмешку должна оправдывать и отсутствие которой губительно для самого насмешника. В самом деле: М.А. Алданов с неподдельным остроумием и мастерством разоблачает бездарность Луначарского как писателя и уличает его в безвкусии поистине планетарном…» [22, кн. 2, с. 1240].

Однако и здесь критик подчеркивает эссеизм стиля Алданова: «В общем, опять проявил себя в “Современниках” М.А. Алданов искусным эссеистом; он удачно и умело приобщает русскую литературу к такому жанру, который до сих пор был в ней представлен мало и который приходится пересаживать к нам с почвы французской» [22, кн. 2, с. 1240–1241].

В целом, можно сказать, что отношения между литераторами были неформальными, но чаще всего поводы для контактов были связаны с литературой; общение их было взаимоуважительным и доброжелательным. Хотя Алданов болезненно воспринял критику своих романов Айхенвальдом и упреки в недостаточном художественном даровании и даже откровенно высказался об этом в письме к критику, ни к каким противоречиям между ними это не привело. Айхенвальд, пообещав вернуться к разбору «Заговора» после публикации романа целиком, после получения письма Алданова больше не писал о произведении, что свидетельствует о том внимании, с которым он отнесся недовольству писателя.

---

[7] «Силуэты русских писателей» — главная книга Айхенвальда — представляет собой сборники эссе, первый выпуск которых вышел в 1906 г. Всего было издано 3 выпуска, которые при переизданиях редактировались и дополнялись.

[8] Алданов М.А. Современники. Берлин: Слово, 1928. 269 с.

Алданов, безусловно, воспринимал Айхенвальда как старшего товарища, влиятельного и авторитетного критика. Когда Айхенвальд ушел из жизни, «Руль» опубликовал в номере, посвященном памяти критика, такое послание писателя: «Только что прочел в “Последних новостях” о кончине Ю.И. Айхенвальда. Это известие очень меня расстроило. Юлий Исаевич был тонкий, талантливый писатель, прекрасный человек, безукоризненный джентльмен. Бесконечно его жаль. Разрешите выразить редакции “Руля” мое глубокое сочувствие — это утрата незаменимая» [12].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Бакунцев А.В.* Речь И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции» в общественном сознании эпохи: (По материалам эмигрантской и советской периодики 1920–х гг.) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2013 / отв. ред. Н.Ф. Гриценко. М.: Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына, 2014. С. 268–337.
2. *Лагашина О.* Марк Алданов и Лев Толстой: К проблеме рецепции. Таллинн: TLU Press, 2010. 266 с.
3. *Макрушина И.В.* Романы М. Алданова: Философия истории и поэтика: дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2001. 232 с.
4. *Матвеева О.В.* Историческая проза Марка Алданова: философия истории, типология характеров, жанровые формы: дис. … канд. филол. наук. М., 1999. 201 с.
5. «“Современные записки”, с которыми я так связан…»: М.А. Алданов / публ., вступ. ст. и примеч. Е.Б. Рогачевской // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции / под ред. О.А. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 31–132.
6. *Уральский М.Л.* Марк Алданов: Писатель, общественный деятель и джентльмен русской эмиграции. М.: Алетейя, 2019. 802 с.
7. *Чернышев А.А.* «Они служили своим идеям и служили им с честью…»: Из политической переписки М. Алданова // Октябрь. 1996. № 6. С. 115–140.
8. *Lee N.S.* Philosophy and artistic devices in the historical fiction of L.N. Tolstoj and M.A. Aldanov // American contributions to the Sixth International Congress of slavists, Prague, 1968, August 7–13. Vol. 2: Literary contributions / ed. by William E. Harkins. The Hague and Paris, Mouton, 1968. P. 1–21. DOI: 10.1515/9783111393919–011

Источники

9. *Айхенвальд Ю.* [Рец на кн.:] М. Алданов. Толстой и Роллан. Петроград, 1915 // Речь. 1915. № 107. 20 апреля. С. 3–4.
10. *Айхенвальд Ю.* «Чертов мост» (Новый роман М. Алданова) // Сегодня. № 3. 5 января. С. 4.
11. *Алданов М.* Неправдоподобный сценарий // Дни. 1924. № 371. 27 января.
12. *Алданов М., Гогель С., Шмелев Ив. и др*. Памяти Ю.И. Айхенвлаьда // Руль 1928. № 2456. 23 декабря. С. 4.
13. *Алданов М.* [Рец. на кн.] П.П. Муратов. Эгерия. Изд. З.И. Гржебина, 1922 // Современные записки. 1923. Кн. XV. С. 403–406.
14. *Алданов М.* Собр. соч.: в 6 т. / сост. и общ. ред. А.А. Чернышева. М.: Правда, 1991.
15. *Алданов М.А.* Убийство Урицкого (к пятилетию) // Современные записки. Кн. XVI С. 350–383.
16. *Бахрах А.* «По памяти, по записям». М. Алданов // Новый журнал. 1977. Кн. 126. С. 146–170.
17. *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2009. Т. 14. Письма. 1922 – май 1924. 827 с.
18. *Осоргин М.* Заговор // Современные записки. 1927. Кн. XXXIII. С. 525.
19. *Слоним М.* Романы Алданова // Воля России. 1925. № 6. С. 155–167.
20. *Седых А.* Далекие, близкие: воспоминания, рассказы. М.: Моск. рабочий, 1995. 318 с.
21. *Суражский Н.* Четыре звена Марка Алданова (От нашего парижского корреспондента) // Для Вас. 1934. № 39. 22 сентября. С. 3–4.
22. Ю.И. Айхенвальд в газете «Руль» (1922–1928): в 2 кн. / сост., предисл., коммент. И.В. Кочергиной при участии Д.В. Зуева. М.: Водолей, 2022. 1419 с.

REFERENCES

1. Bakuntsev, A.V. “Rech’ I.A. Bunina ‘Missiia russkoi emigratsii’ v obshchestvennom soznanii epokhi: (Po materialam emigrantskoi i sovetskoi periodiki 1920–kh gg.)” [“Speech by I.A. Bunin ‘The Mission of Russian Emigration’ in the Public Consciousness of the Era: (Based on Materials from Emigrant and Soviet Periodicals of the 1920s)”]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh’ja imeni Aleksandra Solzhenicyna, 2013* [*Yearbook of the House of Russian Abroad named after Alexander Solzhenitsyn, 2013*], ed. by N.F. Gricenko. Moscow, House of Russian Abroad Publ., 2014, pp. 268–337. (In Russian).

2. Lagashina, O. *Mark Aldanov i Lev Tolstoi: K probleme retseptsii* [*Mark Aldanov and Leo Tolstoy: to the Problem of Reception*]. Tallinn, TLU Press, 2010. 266 p. (In Russian).
3. Makrushina, I.V. *Romany M. Aldanova: Filosofiia istorii i poetika* [*Novels of M. Aldanov: Philosophy of History and Poetics*], PhD Dissertation. Ufa, 2001. 232 p. (In Russian).
4. Matveeva, O.V. *Istoricheskaia proza Marka Aldanova: filosofiia istorii, tipologiia kharakterov, zhanrovye formy* [*Historical prose by Mark Aldanov: Philosophy of History, Typology of Characters, Genre Forms*], PhD Dissertation. Moscow, 1999. 201 p. (In Russian).
5. "'«Sovremennye zapiski», s kotorymi ia tak sviazan...': M.A. Aldanov" ["'«Modern Notes», with which I am so connected...': M.A. Aldanov"], publication, introductory article and notes by E.B. Rogachevskaia. *"Sovremennye zapiski" (Parizh, 1920–1940): Iz arkhiva redaktsii* [*"Modern Notes" (Paris, 1920–1940): From the Editorial Archive*], ed. by O.A. Korostelev and M. Shruba, vol. 2. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, pp. 31–132. (In Russian).
6. Ural'skii, M.L. *Mark Aldanov: Pisatel', obshchestvennyi deiatel' i dzhentl'men russkoi emigratsii* [*Mark Aldanov: Writer, Public Figure and Gentleman of the Russian Emigration*]. Moscow, Aleteiia Publ., 2019. 802 p. (In Russian).
7. Chernyshev, A.A. "'Oni sluzhili svoim ideiam i sluzhili im s chest'iu…': Iz politicheskoi perepiski M. Aldanova" ["'They Served Their Ideas and Served Them with Honor...': from the Political Correspondence of M. Aldanov"]. *Oktiabr'*, no. 6, 1996, pp. 115–140. (In Russian).
8. Lee, N.S. Philosophy and artistic devices in the historical fiction of L.N. Tolstoi and M.A. Aldanov. *American contributions to the Sixth International Congress of slavists*, vol. 2: Literary contributions, ed. by William E. Harkins. Prague, 1968, August 7–13, The Hague and Paris, Mouton, 1968, pp. 1–21. DOI: 10.1515/9783111393919–011 (In English)

Приложение
Письма М.А. Алданова к Ю.И. Айхенвальду

Все письма М.А. Алданова к Ю.И. Айхенвальду публикуются впервые, по автографам, хранящимся в РГАЛИ. Письма печатаются по современной орфографии (написаны по дореволюционной), однако с максимальным соблюдением авторского стиля.

1
М. АЛДАНОВ — Ю.И. АЙХЕНВАЛЬДУ
Берлин, 21 (?) марта 1923 г.

Waghäuselerstr. 9 IV, Wilmersdorf[1]
21 (?). III. 23.
Дорогой Юлий Исаевич.

Одновременно посылаю Вам заказным экземпляр «9–го термидора». Книги выйдут через 10 дней. Но я предпочитаю послать Вам несброшюрованный экземпляр, ибо обложка (Арнштаммовская[2]) мне очень не нравится (не говорите этого издателям). Уверен, что Вы не будете рассматривать как «captatio benevolentiae[3]» надпись, сделанную мною на книге.

В связи с отъездом М.А. Осоргина[4] я занял его место редактора литературного приложения в газете «Дни»[5]. Звать Вас участвовать в нем, вероятно, не приходится? — Я, разумеется, был бы рад и счастлив. Но во всяком случае, пожалуйста, давайте время от времени заметки о том, над чем Вы работаете, для отдела «В кругах писателей и ученых»[6].

Шлю Вам сердечный привет и крепко жму руку.

Преданный Вам М. Алданов

РГАЛИ. Ф. 1175. Оп. 2. Ед. хр. 71. Л. 1 с обор.

Письмо написано черными чернилами на листе писчей бумаги с двух сторон. Конверт не сохранился.

[1] Адрес Алданова в Берлине.

[2] Имеется в виду художник-оформитель Александр Мартынович Арнштам (1880–1969), проживавший в это время в Берлине и сотрудничавший с рядом издательств, в том числе и с издательством «Слово», в котором вышел роман Алданова.

[3] снискание расположения (лат.)

[4] Михаил Андреевич Осоргин (наст. фам. Ильин, 1878–1942) — русский писатель и общественный деятель. Выслан в Германию в 1922 г. на «философском пароходе». Алданов довольно близко знал Осоргина, между ними были дружеские отношения, в дальнейшем он написал очерк об Осоргине и поместил его в качестве предисловия к «Письмам о незначительном» (*Осоргин М.* Письма о незначительном. 1940–1942. С предисловием М. Алданова. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. С. V–XXVI).

[5] Газета «Дни» издавалась в 1922–1925 гг. в Берлине, в 1925–1928 гг. в Париже, а затем до 1931 г. тоже в Париже, но в качестве еженедельника. Алданов сотрудничал в «Днях» и в берлинский, и в парижский периоды издания в качестве соредактора литературного отдела. В берлинский период вел литературное воскресное приложение к газете с марта 1923 по начало 1924 г. А.В. Бахрах, упоминая, что от того периода у него осталась пачка почти ежедневных писем, говорит о том, насколько тщательно писатель редактировал каждую критическую статью [16, с. 156–157].

[6] С просьбой дать для газеты информацию о своих творческих планах Алданов обращался ко многим литераторам (см., например: [6, с. 339]).

2
М. АЛДАНОВ — Ю.И. АЙХЕНВАЛЬДУ
Берлин, 1 апреля 1923 г.

Waghäuselerstr. 9 IV[1]

1. IV. 23.

Дорогой Юлий Исаевич

Сердечно Вас благодарю за все то лестное и любезное, что сказано в Вашей статье, которую я прочел с величайшим интересом.

«Ляжки ног»[2], согласен, неудачное выражение и, если «9 термидора» выйдут когда-либо вторым изданием, я сделаю поправку. Однако говорят же «зеница ока».

Еще раз очень благодарю и прошу принять мой сердечный привет.

Преданный Вам и глубоко уважающий

М. Ландау-Алданов

РГАЛИ. Ф. 1175. Оп. 2. Ед. хр. 71. Л. 2 с обор.

Письмо написано черными чернилами на листе писчей бумаги с двух сторон. Конверт не сохранился.

[1] См. примечание к предыдущему письму.

[2] Имеется в виду описание фаворита Екатерины II графа А.А. Безбородко из романа «9 термидора»: «Через несколько минут в комнату, в сопровождении упитанного равнодушного мопса, вошел тучный, грузный человек, с отвисшим подбородком и полуоткрытым ртом, в синем ватном домашнем сюртуке, мягких туфлях с огромнейшими бриллиантовыми пряжками и в белых шелковых чулках, которые мешками висели на толстых ляжках ног» [14, т. 1, с. 69].

3
М. АЛДАНОВ — Ю.И. АЙХЕНВАЛЬДУ
Нордерней, 1 апреля 1923 г.

5.VII. 923 г.

Дорогой Юлий Исаевич!

Перечитываю, пользуясь летним отдыхом, «Силуэты»[1], — вот поистине классическая книга. Шлю Вам сердечный привет из Нордернея[2], где нахожусь уже две недели — получил отпуск от «Дней»[3]. Уезжаете ли Вы?

Преданный Вам М. Ландау–Алданов

РГАЛИ. Ф. 1175. Оп. 2. Ед. хр. 71. Л. 3 с обор.

Письмо на почтовой карточке. Почтовая марка оторвана. На обороте карточки фотография пляжа Norderney.

Справа почтовый адрес Алданова:

Hr. M. Landau, Dam<enp>fad, 39

Ниже почтовый адрес Айхенвальда:

Herr Prof. Y.I. Eichenwald

Berlin Wilmersdorf

Kaiseralle 207 b. Marzahn

[1] Имеется в виду книга Айхенвальда «Силуэты русских писателей», представляющая собой сборники литературно-критических эссе. Всего вышло 3 выпуска «Силуэтов».

[2] Нордерней (Norderney) — остров в Северном море, курорт (Германия), где Алданов летом 1923 г. жил в отеле. 28 июля из Нордернея он писал М.В. Вишняку, одному из редакторов журнала «Современные записки»: «Дорогой Марк Веньяминович, отвечаю Вам из Norderney, куда я сегодня прибыл и где пробуду 2–2½ недели, — потом вернусь в Берлин…» [5, с. 45]

[3] Алданов в это время сотрудничал в газете «Дни» — см. Письмо 1.

4
М. АЛДАНОВ — Ю.И. АЙХЕНВАЛЬДУ
Требуль, 12 августа 1926 г.

Hotel des Sables Blancs, Tréboul (Finistère)[1]

(после 21 августа адрес Парижский: 156, avenue Versaille, Paris XVI)

12.VIII.26

Дорогой Юлий Исаевич!

Очень давно «не имел с Вами обмена писем» (американская формула), не знаю, где Вы летом и как вообще живете. Я нахожусь на море, в хорошем «курорте», и вот уже две недели ничего не делаю — рай земной: Руссо, вечно проповедовавший труд, на одной интимной странице признается, что счастье — в праздности. Не знаю, так ли это, — особенного счастья не ощущаю, — но праздность хорошая вещь.

Перед отъездом, — не скрываю, с большим огорчением — прочел Вашу рецензию о начале «Заговора». Разрешите с Вами поспорить — но, пожалуйста, не думайте, что я *обижен*. Речь может идти именно только об *огорчении*: я достаточно знаю и Вашу искренность, и Вашу благожелательность для того, чтобы иметь право обидеться. Увы, для меня не тайна, что Вы всю мою беллетристическую деятельность считаете ошибкой, хотя, по любезности Вашей, Вы этого не говорите, но это достаточно ясно было и из Ваших рецензий об отдельных изданиях моих романов. В свое время (в 1915 г.) Вы переоценили меня как «эссеиста»[2] и, быть может, в связи с этим находится Ваше отношение ко мне как к романисту-художнику. Факт этот для меня печален[3], — тем более, что Вы, вместе с З.Н. Гиппиус, даете тон всей русской зарубежной критике, и если бы еще и Зинаида Николаевна высказывалась в том же духе (она не высказывалась), то мою репутацию эрудита, не обладающего художественным даром, и искусного подражателя в беллетристике, вероятно, можно было бы считать установленной. Но здесь, разумеется, спорить мне нельзя: это дело индивидуальной оценки. А вот насчет конкретных Ваших утверждений в последней рецензии, — здесь, думаю, спор позволителен без неловкости. Если я правильно Вас понял, Вы говорите, что Штааль, Иванчук[4] и т. д. — люди настолько незначительные, что их психологией не стоит и заниматься. По самому моему замыслу, мне в центре исторических событий надо было поставить среднего (хоть и не незначительного вовсе) человека. Но, помилуйте, как же так: половина русской (да и всякой другой) литературы занята гораздо

более мелкими людьми! Ведь не для одного Андрея Болконского, но и для Ростова Толстой, на к<оторо>го Вы ссылаетесь, использовал весь аппарат своего психологического анализа. И как же индивидуализировать человека, если не прибегать к психологическому анализу и если не пользоваться пошлыми штучками «модернистов» (хороши они, эти «модернисты»!)? Затем — что же считать специфически — Толстовской манерой? Внутренний монолог? «Копанье в душе»? Французские критики Толстого видят в этом подражание Стендалю или, точнее, метод Стендаля[5]. На этом копанье построен весь Пруст, весь почти Мередит[6]. Специфически Толстовское, по–моему, это «верхняя губка маленькой княгини». Я, б<ыть >может, и этим раз<а> два погрешил в «9 термидора» (хоть не уверен, что это так), но ни в «Ч<ертовом> мосте», ни в «Заговоре», на мой взгляд, этого нет ни следа. Мне теперь приходится читать много иностранных, особенно английских, рецензий о себе[7], и[8] я несколько раз встречал у очень благосклонных критиков *обратный* (Вашему) упрек. Буду Вам благодарен (совершенно искренно), если Вы в частном порядке разъясните мне этот вопрос вполне откровенно.

Надеюсь, Вы не найдете ничего неподобающего в моем письме? Прошу Вас видеть в нем лишнее доказательство моего глубокого уважения к Вашему критическому таланту. Но Вы это знаете и без письма.

Пожалуйста, напишите мне и о себе, — над чем работаете. Очень хотелось бы знать, что готовите книгу. В нашем эмигрантском положении, во всех материальных и моральных невзгодах все-таки единственное утешение, — это большие не злободневные труды… Давно ли, кстати, Вы записались в старики (это по поводу одной Вашей стрелы[9], немного меня удивившей)?

Шлю Вам самый сердечный привет и лучшие свои пожелания. Пожалуйста, напишите.

Ваш М. Ландау-Алданов[10]

РГАЛИ. Ф. 1175. Оп. 2. Ед. хр. 71. Л. 4 с обор.

Письмо написано черными чернилами на листе писчей бумаги с двух сторон. Конверт не сохранился

[1] Требуль (Tréboul) — район и порт в курортном городке Дуарнене в Бретани, в департаменте Finistère. Hotel des Sables Blancs, небольшая гостиница, в Дуарнене существует и по сей день.

[2] Имеется в виду рецензия Айхенвальда на первую часть книги Алданова «Толстой и Роллан» [9].

[3] Перед *печален* зачеркнутое слово.
[4] Конногвардеец Юрий Штааль и секретарь графа Безбородко Иванчук — герои тетралогии Алданова «Мыслитель».
[5] Фраза *или, точнее, метод Стендаля* вставлена сверху над знаком вставки.
[6] Джордж Мередит (George Meredith, 1828–1909) — английский беллетрист и поэт.
[7] Слово *себе* зачеркнуто.
[8] Союз *и* вписан сверху.
[9] Возможно, речь идет о каких-то фразах из неизвестного письма Айхенвальда к Алданову.
[10] Последние две строки письма приписаны сбоку слева, так как не поместились на листе.

Дата поступления статьи: 24 ноября 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 17 сентября 2024 г.
Дата публикации: 29 декабря 2025 г.

Received: November 24, 2023
Approved: September 17, 2024
Date of publication: December 29, 2025

Научная статья и публикация архивных документов

УДК 821.161.1
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-239-266
https://elibrary.ru/WONHIM

ФРАНЦУЗСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ МАРКА АЛДАНОВА «LES LITTÉRATURES NON-SOVIÉTIQUES DE LANGUE RUSSE» («НЕСОВЕТСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ», 1936)

© 2025 г. С.А. Гарциано

Работа выполнена при финансовой поддержке Лионского университета им. Жана Мулена

Аннотация: В данной статье анализируется энциклопедическая статья «Les littératures non-soviétiques de langue russe» («Несоветские литературы на русском языке»), написанная М. Алдановым на французском языке в 1936 г. для Французской энциклопедии (Encyclopédie française). Этот малоизвестный и непереведенный на русский язык текст был опубликован в 17 томе данной энциклопедии, посвященном современному состоянию искусств и литератур на разных языках. Обзор русской литературы подразделен здесь на три раздела: «Несоветские литературы на русском языке» (М. Алданов, 3 стр.), «Советские литературы на русском языке» (И. Эренбург, 5 стр.) и «Советские литературы на других языках» (О. Савич, 3 стр.). Изучаемая энциклопедическая статья состоит из следующих рубрик: определение литературы эмиграции, препятствия для ее литературной деятельности и ее разрыв с родной почвой, общие тенденции (политические тенденции, религиозное чувство, художественные направления), писатели-эмигранты и иностранная культура. В нашей работе представлен перевод данного текста и его комментарий. Также изучаются следующие темы: переводы в творчестве М. Алданова, вопрос европейскости писателя, образ Франции в жизни и творчестве М. Алданова, французские современники М. Алданова: Анатоль Франс и Марсель Пруст.

Ключевые слова: М.А. Алданов, литература русской эмиграции, французский язык, Французская энциклопедия, перевод.

Информация об авторе: Светлана Александровна Гарциано — доктор филологических наук, доцент кафедры славистики при Факультете иностранных языков, научный сотрудник Научно-исследовательского центра французского и сравнительного литературоведения MARGE, Лионский университет им. Жана Мулена, ул. Альбер Тома, д. 6, 69008 Лион, Франция.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8617-4663
E-mail: svetlana.garziano@univ-lyon3.fr

Для цитирования: *Гарциано С.А.* Французская энциклопедическая статья Марка Алданова «Les littératures non-soviétiques de langue russe» («Несоветские литературы на русском языке», 1936) // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Вып. 3 / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 239–266.
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-239-266

Research Article and Publication of Archival Documents

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

FRENCH ENCYCLOPEDIC ARTICLE BY MARK ALDANOV *LES LITTÉRATURES NON-SOVIÉTIQUES DE LANGUE RUSSE* (*NON-SOVIET LITERATURES IN THE RUSSIAN LANGUAGE*, 1936)

© 2025. Svetlana A. Garziano

Acknowledgements: financial support by Jean Moulin Lyon 3 University

Abstract: This article analyzes the encyclopedic article in French «Les littératures non-soviétiques de langue russe» («Non-Soviet literatures in Russian»), written by M. Aldanov in 1936 for the French Encyclopedia (Encyclopédie française). This little-known and untranslated text was published in the 17th volume of this

encyclopedia, dedicated to the current state of arts and literatures in different languages. The review of Russian literature is divided here into three sections: «Non-Soviet literatures in Russian» (M. Aldanov, 3 pages), «Soviet literatures in Russian» (I. Ehrenburg, 5 pages) and «Soviet literatures in other languages» (O. Savich, 3 pages). The encyclopedic article under study consists of the following headings: definition of emigration literature, obstacles to its literary activity and its break with its native soil, general trends (political trends, religious feeling, artistic movements), emigrant writers and foreign culture. Our work presents a translation of this text and its commentary. The following topics are also studied: translations in the works of M. Aldanov, the question of the writer's Europeanness, the image of France in the life and work of M. Aldanov, French contemporaries of M. Aldanov: Anatole France and Marcel Proust.

Keywords: M.A. Aldanov, literature of Russian emigration, French language, French Encyclopedia, translation.

Information about the author: Svetlana Garziano, PhD, Associate Professor, Department of Slavic Studies at the Faculty of Foreign Languages; Researcher, Research Center for French and Comparative Literary Studies MARGE at the Jean Moulin Lyon 3 University, cours Albert Thomas, 6, 69008 Lyon, France.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8617-4663
E-mail: svetlana.garziano@univ-lyon3.fr

For citation: Garziano, S.A. "French Encyclopedic Article by Mark Aldanov 'Les Littératures non-soviétiques de langue russe' ('Non-Soviet Literatures in the Russian Language', 1936)." *Emigrantica*. Issue 3, ed.-comp. E.R. Ponomarev, acad. ed. E.R. Ponomarev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 239–266. (In Russian)
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-239-266

Изучение русской литературы в изгнании как лингвистико-литературной системы, имеющей свои поэтические особенности и стилистические маркеры, — относительно новая область исследований, которая, несмотря на уже пройденный за несколько десятилетий новаторский путь (Никита Струве, Вероника Лосская, Лев Мнухин, Олег Коростелев, Леонид Ливак и др.), еще ожидает разработки солидных справочных работ. Вопрос об эволюции литературного языка в изгнании с его связями и культурологическим переходом к другим культурам (в данном случае, от французской модели и к этой модели) сегодня тем более актуален для изучения, поскольку

эти язык и культура, выработанные в изгнании, — возможно предположить — повлияли в какой-то мере, на эволюцию российско-советской культуры посредством возвращения в постсоветскую Россию обширного корпуса эмигрантской литературы.

Историко-культурный контекст присутствия французского языка в русской культуре должен быть поставлен достаточно широко [40; 4]. Поэтику многоязычия возможно обнаружить с самого начала зарождения современной русской литературы: XVIII в. с его германо-романскими влияниями и гегемонией эпохи Просвещения, затем предромантизм/сентиментализм (Н.М. Карамзин) и романтизм с его неистощимым интересом к переводам (В.А. Жуковский). Частичная ситуация диглоссии была специфична для литературы XIX в. («Евгений Онегин» А.С. Пушкина и «Война и мир» Л.Н. Толстого, жизненный путь И.С. Тургенева), не говоря, конечно же, о модернизме начала XX в., плодотворного для культурологического использования древних и современных языков. Не покажется ли нам, что эмигрантская поэтика многоязычия, отмеченная с начала двадцатых годов XX в., является своего рода калькой или копией французского корсета, надетого на русский язык во второй половине XVIII в. и развивавшегося на протяжении всего XIX в.?

В данной работе мы проанализируем энциклопедическую статью на французском языке «Les littératures non-soviétiques de langue russe» («Несоветские литературы на русском языке»), написанную М. Алдановым в 1936 г. для Французской энциклопедии (Encyclopédie française) [34, с. 17˙54-3–17˙54-5; см илл. 1–2, 5–7; см. Приложение]. Этот малоизвестный и ранее не переведенный на русский язык текст был опубликован в 17 томе указанной энциклопедии, посвященной искусствам и литературам в современном обществе. Этот источник не упоминается ни в библиографии произведений М. Алданова, опубликованной Институтом славянских исследований в Париже в 1976 г. под руководством Т. Осоргиной со вступительным словом М. Слонима [8], ни в библиографическом справочнике Л. Ливака (2010) [11] по французскому наследию русской эмиграции в культурно-интеллектуальной жизни межвоенной Франции. Упоминание об этом тексте мы нашли в книге «Литературный мир о творчестве И.А. Бунина. Критические отзывы, эссе, пародии» (2010) под редакцией Н.Г. Мельникова, в процессе работы над французским наследием И.А. Бунина [1, с. 312–329]. Во введении в раздел по французской критике по поводу данной энциклопедической статьи Т.В. Марченко пишет следующее:

> В томе «Искусство и литература в современном обществе» Французской энциклопедии, выпущенном в 1936 г., статья об эмигрантской литературе была написана Марком Алдановым. Несколько сказанных о Бунине слов совершенно точно резюмируют мнение, сложившееся к этому времени о писателе у французского критика и читателя: «Его художественное мастерство стало еще более печальным, утонченным и классическим [5, с. 534].

В нашей статье мы хотим вернуться к переводу данного текста, так как он, как нам кажется, представляет собой определенный интерес для французского наследия русской эмиграции, а также может являться новым дополнительным материалом для изучения жизни и творчества М. Алданова. Отметим, что в наших исследованиях мы уже прибегали к изучению французских текстов эмиграции на примере творчества И.А. Бунина, Д.С. Мережковского, Г.В. Адамовича, В.В. Набокова и др. авторов.

М. Алданов прекрасно владел французским языком. Одна из авторитетных специалистов по Алданову Жервез Тассис в начале своей французской книги «Художественное творчество Марка Алданова: революция, история, теория вероятности», опубликованной в 1995 г., замечает, что о жизни этого автора мало что известно [12, с. 3]. В 2019 г. вышла первая биография Марка Александровича «Марк Алданов: Писатель, мыслитель и джентльмен русской эмиграции», написанная М. Уральским [7].

Библиографический перечень Л. Ливака насчитывает в творчестве М. Алданова 26 французских текстов (эссе, переводов романов) и 14 текстов французской критики о нем [11, с. 58–60]. В документальном фонде Славянской иезуитской библиотеки г. Лиона (бывшая Медонская библиотека) сохранился экземпляр написанной Алдановым по-французски книги «Lénine» (см. илл. 3) с его автографом по-французски: «Au directeur des Études hommage de l'auteur. 21.XI. 1919 M. Landau Aldanov» («Заведующему учебной частью дань уважения автора». 21 ноября 1919. М. Ландау Алданов»[1]; (см. илл. 4)) [41, с. 1].

Обратимся к заглавию статьи: «Несоветские литературы на русском языке». Данный том французской энциклопедии посвящен обзору современного состояния различных литератур и культур на разных языках. Что касается русской литературы, она подразделена на три раздела: «Несоветские литературы на русском языке» (М. Ал-

[1] Перевод с *фр*. мой. — *С.Г.*

данов, 3 стр.), «Советские литературы на русском языке» (И. Эренбург, 5 стр.) и «Советские литературы на других языках» (О. Савич[2], 3 стр.).

Энциклопедическая статья состоит из следующих рубрик: определение литературы эмиграции, препятствия для литературной деятельности эмиграции и ее разрыв с родной почвой, общие тенденции (политические тенденции, религиозное чувство, художественные направления), писатели-эмигранты и иностранная культура.

Начиная свою справочную статью по эмигрантской литературе со сравнения французской и русской эмиграций, М. Алданов отмечает, что писатель-изгнанник И.А. Бунин, лауреат Нобелевской премии в 1933 г., проживающий во Франции с 1920 г., относится к общерусской литературной традиции таким же образом, как Ф.-Р. Шатобриан — к французской. Классифицируя и выделяя писателей, пишущих о довоенной и предреволюционной жизни, Алданов перечисляет И. Бунина, И. Шмелева, Г. Гребенщикова и М. Осоргина. Религиозность, по мнению Алданова, хоть и является характерной чертой несоветской литературы, но не определяет творчество Бунина, Куприна и Сирина (Набокова). По Алданову, именно в эмиграции Бунин создает свои лучшие произведения: «Жизнь Арсеньева» и «Митина любовь». В статье просматривается традиционное противопоставление старого и нового поколения эмиграции. Проза старшего и молодого поколения известна французскому читателю[3], в то время как поэзия ни тех, ни других неизвестна. Противопоставление прозы и поэзии на примере творчества Бунина и Набокова (Сирина) подразумевается, но не озвучивается в тексте.

Заключая справочную статью, Алданов приводит объективные доказательства хорошего приема эмигрантской литературы за границей: Бунин — единственный из русских писателей, получивших Нобелевскую премию, книги основных авторов эмиграции (Бунин, Мережковский, Куприн) переведены или переводятся на двадцать или более языков.

При работе над переводом данного текста особое внимание нужно уделить переводу и анализу названий произведений эмигрантских авторов, так как зачастую они публиковались по-французски под другими названиями:

---

[2] О.Г. Савич (1896–1967) — прозаик и переводчик, с 1924 по 1939 гг. в эмиграции, в Париже с 1929 по 1936 гг., в 1939 г. возвращается в СССР.

[3] Современные исследования по данному вопросу см.: [9, с. 23–44; 10, с. 97–133].

1) Д.С. Мережковский. «Тайны Востока» — Перевод названия французского издания «les Mystères de l'Orient». Книга в оригинале озаглавлена «Тайна Трех: Египет и Вавилон». В книге «Дмитрий Мережковский: эскиз русской литературы» (1922) Жан Шюзвиль (1886–1962), французский литературный переводчик с немецкого, русского и итальянского языков, близко знавший Мережковского и бывший одним из его основных переводчиков, говорит, что в творчестве любого писателя есть малоизученные страницы, плохо известные читающей публике и ценимые его почитателями. Такой книгой у Мережковского, по его мнению, является исторический роман «Тайны Востока» («Les mystères de l'Orient»), вышедший в 1927 г., в котором читатель может попытаться найти ответ на вопрос, почему те или иные события происходят в исторической эволюции мира.

2) И.А. Бунин. Французское название «Жизни Арсеньева» (впервые вышла в 1930 г.) — *À la Source des jours* (1931–1932) [38] / «У истоков дней».

3) И.А. Бунин. Французское название «Митиной любви» (1925) — «Le Sacrement de l'Amour» [39] / «Таинство любви» (1926).

4) Роман Осоргина «Une Rue à Moscou» / «Улица в Москве» — это роман-хроника «Сивцев Вражек» (1928).

Определенной проблемой явилась идентификация некоторых имен, упомянутых в тексте: например, в предложении по-французски «Les pièces de Sourgoutcheff, Polaskoff, Rennikov ont été joué en Italie, dans les pays scandinaves, etc.» [34, с. 17˙54-5] нужно восстановить историко-культурный контекст, чтобы понять, что Polaskoff обозначает сотрудника «Последних новостей» С. Полякова-Литовцева [2, с. 535–536]: «Пьесы И.Д. Сургучева, С. Полякова-Литовцева, А.М. Ренникова исполнялись в Италии, в скандинавских и других странах».

Как нам кажется, для лучшего понимания данного текста, нам также нужно осветить некоторые аспекты французской культуры, затронувшие жизнь и творчество М. Алданова.

Переводы в творчестве М. Алданова. Вопрос литературного перевода произведений автора является синонимом приобретенной им известности в других культурах и странах, а также дает определенную количественно-качественную характеристику важности того или иного текста для читателей на других языках.

В книге «Русская литература в изгнании» Г.П. Струве писал: «Из всех зарубежных писателей Алданов имел наибольший успех у не-

русского читателя. Его романы переведены были на двадцать с лишним языков» [6, с. 184]. В письме Бунину от 9 марта 1948 г. по поводу выхода «Истоков» на бенгальском языке мы можем прочитать: «Это мой двадцать четвертый язык. Когда будет двадцать пятый, угощу Вас шампанским. Вы, верно, за 25 языков перевалили? После смерти Алешки <Толстого>, “Правда” сообщала, что он переведен был на 30 языков, — но из них, кажется, десять были языки разных народов СССР» [24, с. 140]. Об этом факте упоминают А.В. Бахрах, Б.К. Зайцев, А. Седых[4]. «Двадцать четыре языка» стало в какой-то степени крылатым выражением в эмиграции, когда речь заходила об Алданове. Такое количество языков, конечно же, может подвергнуться сомнению, но оно соотносится с другими упоминаниями в мемуарных и эпистолярных текстах. В.С. Яновский в своих мемуарах «Поля елисейские. Книга памяти» приводит мнение Г.В. Иванова: «Марк Александрович рекомендовал Поплавского как талантливого поэта и поддерживал его просьбу относительно единовременного пособия в размере ста франков. Алданов любил такого рода благодеяния и никому, даже негодяям, в них не отказывал. Мне он раз даже дал список своих переводчиков на иностранные языки. “Все мертвые души”! — узнав об этом, хихикнул Иванов» [33, с. 45]. В предисловии к переводу «Девятое термидора» в 1929 г. переводчики Л. и Ж.-М. Эмо отмечают: прежде чем достичь французского читателя, его романы были переведены уже на 14 языков [36, с. 5]. «На Западе он переведен на двадцать четыре языка» [25, с. 129], — пишет Б. Зайцев в «Моих современниках».

В.С. Варшавский, анализируя схемы преемственности западной культуры в творчестве Алданова, предполагает, что он может остаться в истории русской эмиграции и русской литературы как самый известный автор публицистической беллетристики, написанной под влиянием западных моделей[5], в то время как Яновский иронически ставит под сомнение алдановскую европейскость: «В

---

[4] «книги его перевели на 20 с лишним языков» [29, с. 39].

[5] «Недавно еще я слышал: на одном литературном собрании критик N., возмущенный успехом книг Алданова у эмигрантской читающей публики, говорил: “как будто бы никто не знает, что это заимствованный жанр”. В качестве первоисточника критик назвал какого-то английского автора. Я не читал этого автора. Может быть, действительно, Алданов ему подражает, но может быть английского в Алданове только та “первосортность”, о которой он говорит, описывая Лондон: “здесь все первосортно…”. На западе, во Франции, например, культура публицистической беллетристики очень высока. По-русски же хороших книг этого жанра очень мало. Алданов начинает почти на пустом месте» [21, с. 282].

нем многое казалось и было подделкою. Его желание выглядеть петербуржцем или западноевропейцем… Утверждали, что Алданов много пьет и пишет свои произведения в кафе: совсем как poètes maudits[6]» [33, с. 229].

Вопрос европейскости писателя. Тезис о европейскости Алданова не нов, и эта этикетка укорененности в западную и особенно французскую культурную традицию прочно приросла к его литературно-жизненному образу. Г. Адамович, например, утверждал, что «в прежнем русском значении слова Алданов был именно “европейцем”, и как будто даже был озабочен тем, чтобы своей репутации ничем не повредить» [14, с. 144].

В рецензии на роман «Ключ» Варшавский также возвращается к алдановской европейскости: «Одно из самых больших очарований книг Алданова заключается в какой-то их европейской элегантности и первосортности. Но этот “хороший тон”, европейское благообразие, отсутствие неистового и неграциозного, не приводят к сухости и условности. Благородная простота словесного материала не мешает ритму слов передавать ритм мыслей, и Алданов часто заставляет забыть о том, что между его мышлением и сознанием читателя стоят слова. Если прав Бергсон, в этом единственная тайна и единственное условие хорошей прозы» [22, с. 231]. В «Русской литературе в изгнании» Глеб Струве повторяет мысль, высказанную В. Вейдле, по которой за алдановскими романами стоит традиция не русская, а западноевропейская, в преимуществе французская. В современном алдановедении, например, в предисловии к французскому переводу «Самоубийства», вышедшего в 2017 г., Жервез Тассис развивает также идею европейскости писателя [35, с. 8].

Образ Франции в жизни и творчестве М. Алданова. Эмигрировав в 1918 г. в возрасте 33 лет, Марк Александрович прожил около 35 лет во Франции. И, конечно же, у этого автора, как и у многих других писателей эмиграции, через русский текст проступают некоторые французские структуры мышления и языка.

В своих воспоминаниях Г. Адамович настаивает на том, что, несмотря на искушение французского культурно-интеллектуального окружения, Алданов остался верен русской литературе: «Казалось бы, в изгнании ему легче было, чем другим, сделаться Джозефом Конрадом или Анри Труайя. Давно бы уже был “бессмертным”. Вместо этого предпочел влачить тяжелую жизнь русского писателя за

---

[6] poètes maudits — *фр.* проклятые поэты.

границей и не изменять русскому языку» [14, с. 119]. Но в переписке с Г. Струве Алданов замечает, что никогда не стал бы писать художественное произведение по-французски[7]. Отметим, что в сохранившейся послевоенной переписке Адамовича и Алданова некоторые письма — на французском языке [3, с. 293, 295–296], во многих других письмах присутствуют французские выражения и записи, например: [3, с. 322].

Н.Н. Берберова так рассказывает о влиянии французской литературной среды на эмигрантских писателей, ставя в своих описаниях Алданова в один ряд с Ремизовым, Бердяевым, Ходасевичем, Поплавским и Набоковым: «Большинство из нас, во всяком случае, большинство “молодых” — и в том числе и я — с благодарностью и благоговением брали от Франции, что могли. Все мы брали разное, но с одинаковой жадностью: одни брали Валери и Жида, другие — Франса и Дюамеля, третьи — Маритэна, четвертые — Мориака и Грина, пятые — Бодлера и Верлена. Между двумя войнами нам было из чего выбирать: Алданову и Ремизову, Бердяеву и Ходасевичу, Поплавскому и Набокову было что “клевать”, и не только клевать, но и кормить своих детенышей» [19, т. 2, с. 565].

Говоря об Алданове, эмигрантская критика прибавляла к влиянию Л.Н. Толстого влияние Анатоля Франса. Также нужно упомянуть о влиянии Роже Мартена дю Гара и Ромэна Роллана. В. Варшавский, рецензируя «Портреты Алданова», настаивает на флоберовском влиянии на алдановское творчество[8]. В рецензии А.А. Кизеветтера на «Чертов мост» можно прочитать: «Только затем, чтобы и тех и других (исторически известных и неизвестных персонажей. — *С.Г.*) привести в конце концов к одному знаменателю, — на положение беспомощных осенних листьев, которые крутятся, сталкиваются и исчезают, подхватываемые жизненным вихрем» [27, с. 478]. Здесь, несомненно, чувствуется отсылка к стихотворению «Chanson d’automne» («Осенняя песнь») Поля Верлена.

---

[7] «Очень медленно, в течение ряда лет, пишу очень длинную, тяжелую и вероятно, скучную философскую книгу. По необходимости пишу ее по-французски, так как русского издателя для такой книги не найти. Художественной книги я никогда на иностранном языке писать не стал бы, но философскую можно. Называется она “La Nuit d’Ulm” (название из биографии Декарта)» [31, с. 404]. “La Nuit d’Ulm” — *фр.* «Ульмская ночь».

[8] «В “Портретах”, может быть, сильнее чем во всех других его книгах, чувствуется приближение того флоберовского золотого и блистательного воздуха классического совершенства, который делает прозу похожей не на живое течение жизни, а на какие-то драгоценные прекрасные вещи» [23, с. 229].

Французские современники М. Алданова: Анатоль Франс и Марсель Пруст. В предисловии к «Самоубийству» Алданов характеризуется Адамовичем как «русский Анатоль Франс» [16, с. 3]. В «Одиночестве и свободе» критик неоднозначно замечает, что «Алданова не раз сравнивали с Анатолем Франсом, подчеркивая общий для обоих романистов уклончиво иронический скептицизм (не так давно в печати промелькнуло сравнение более причудливое: “наш современный Петроний…”). Но при всем своем прирожденном западничестве, при всем своем европеизме Алданов в глубине творчества ведет и продолжает линию скорей традиционно русскую, чем анатоль-франсовскую» [13, с. 134]. В рецензии на «Истоки» Г.В. Иванов отмечает, что «философия безверия и скептицизма, которой насыщены романы Алданова, отчасти напоминают Анатоля Франса» [26, с. 187]. Варшавский же в рецензии на роман «Ключ» повторяет, что «есть у Алданова что-то общее с Анатолем Францем» [22, с. 232].

Но влияние Марселя Пруста бесспорно значимо для проникновения в алдановскую «башню из слоновой кости». Сам Алданов весомо характеризует художественное мастерство французского писателя в «Анкете о Прусте»: «Думаю, что именно в изумительном знании людей, соединенном с огромной изобразительной силой, главная сила Пруста» [18, с. 272]. В этом ключе представляется значимой алдановская рецензия на «В поисках утраченного времени» («Современные записки», 1924), в которой он настаивает на особенном автобиографизме прустовского письма: «За несколько часов до кончины, умирая в полном сознании, он потребовал рукопись той своей главы, в которой описана агония знаменитого писателя Берготта — и исправил ее “на основании собственного опыта”» [17, с. 453]. Тема смерти, считает Алданов, основополагающа для прустовского видения: «Все то, что он писал, освещено и освящено смертью. Андре Жид цитирует его фразу: “Et de nos noces avec la mort qui sait si pourra naître notre consciente immortalité”…»[9] [17, с. 455]. Алданов-критик настаивает на трудностях истолкования прустовского текста: «Чтение Пруста вещь нелегкая. Иногда трудно отделаться от мысли, будто он нарочно старался затруднить доступ к своим книгам и принял для этого все меры» [17, с. 453].

Алданов выделяет признаки, по которым определяется прустовский художественный гений: представление персонажей как живых людей, статичность и неисторичность действия, присутствие автор-

[9] Перевод с *фр.*: «И от нашего венчания со смертью, кто знает, сможет ли родиться наше сознательное бессмертие».

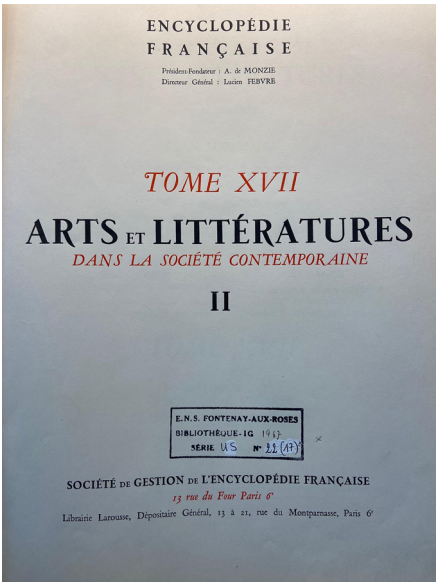
ского «я», отсутствие сюжета, композиции, жанровых условностей романа[10]. Отказываясь говорить о важности подражания, он настаивает на том, что каждый писатель добавляет свое слово в общую литературную традицию: «Нелепо говорить в таких случаях о подражании: уместен лишь один вопрос, — добавляет ли *свое* в общую сокровищницу тот или другой писатель» [17, с. 455]. Заметим, что Александр Бахрах так же смотрит на алдановское творчество: «Суммируя все извлеченное из разных источников, он воздвигал над всем свои собственные “надстройки” и они были тем зерном, от которого произрастало его повествование» [19, с. 180].

Пересечение творческой и жизненной линии, мотив встречи / невстречи на жизненном пути, сознательное уклонение от основополагающих встреч также знаменательны в творческом акте у Алданова: «После прочтения первой же из них мне стало ясно, что в истории мировой литературы открыта новая страница и что в ту ночь, на площади Трокадеро, я пропустил случай увидеть самого замечательного писателя двадцатого столетия» [17, с. 454]. Яновский же в своих мемуарах иронически настаивает на принципе особого жизнетворчества в алдановском мировоззрении: «читать Пруста не обязательно, а поглядеть на него из угла кафе полагается»[11].

---

[10] «В его книгах есть то (то единственное), что может служить безошибочным признаком художественного гения: в них действуют живые люди. Впрочем, они даже не действуют: в этих странных романах ничего не происходит. И проблем в них тоже нет никаких: ни войны, ни революции, ни преступления, ни наказаний, ни униженных, ни оскорбленных, ни бесов, ни мертвого дома. Достоевский работал на горе. Пруст спустился вниз. Ему никакого сюжета и не надо. У него встречаются и разговаривают разные люди; а он от себя поясняет их разговоры и встречи, не заботясь как будто ни о какой “конструкции”, не считаясь с принятыми формами и условностями романа» [17, с. 454].

[11] «Алданов понимал, что Пруста надо хвалить, но думаю, что он его не читал. Отзываясь уважительно о Прусте, он тут же упоминал имя какого-нибудь другого писателя, которого нельзя поставить рядом, например, Марквенда. Да и никаких следов, оставленных Прустом, нельзя было заметить в Марке Александровиче. Но он часто повторял, что не может себе простить двух роковых ошибок — не съездил в Ясную Поляну и не видел живого Пруста… а обе эти возможности были ему доступны. Характерно для Алданова: читать Пруста не обязательно, а поглядеть на него из угла кафе полагается» [33, с. 230].


ENCYCLOPÉDIE
FRANÇAISE
Président-Fondateur : A. de MONZIE
Directeur Général : Lucien FEBVRE

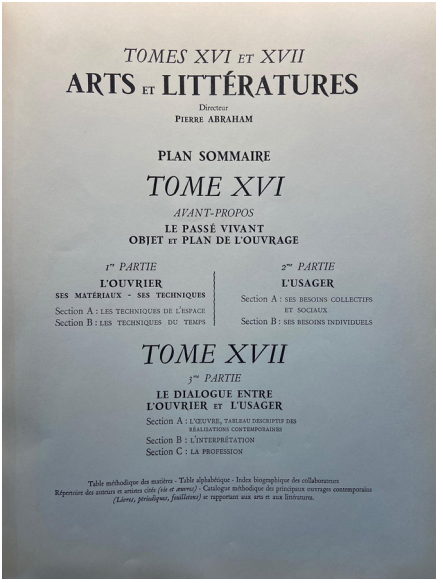
TOME XVII

ARTS ET LITTÉRATURES
DANS LA SOCIÉTÉ CONTEMPORAINE

II

E.N.S. FONTENAY-AUX-ROSES
BIBLIOTHÈQUE-IG 19[illegible]
SÉRIE LS N° 22 (AF)

SOCIÉTÉ DE GESTION DE L'ENCYCLOPÉDIE FRANÇAISE
13 rue du Four Paris 6e
Librairie Larousse, Dépositaire Général, 13 à 21, rue du Montparnasse, Paris 6e


TOMES XVI ET XVII
ARTS ET LITTÉRATURES
Directeur
PIERRE ABRAHAM

PLAN SOMMAIRE

TOME XVI

AVANT-PROPOS
LE PASSÉ VIVANT
OBJET ET PLAN DE L'OUVRAGE

1re PARTIE
L'OUVRIER
SES MATÉRIAUX - SES TECHNIQUES
Section A : LES TECHNIQUES DE L'ESPACE
Section B : LES TECHNIQUES DU TEMPS

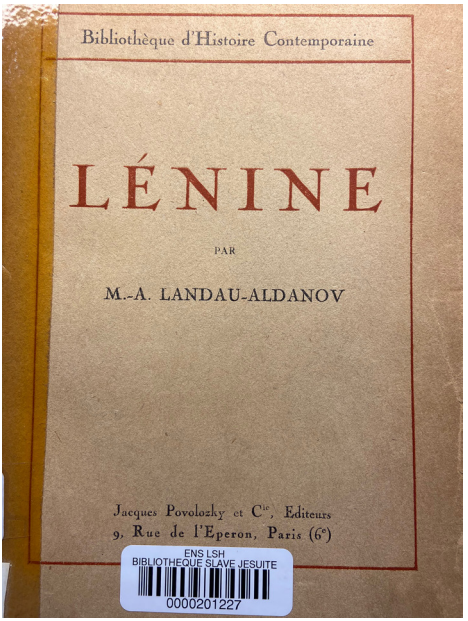
2me PARTIE
L'USAGER
Section A : SES BESOINS COLLECTIFS ET SOCIAUX
Section B : SES BESOINS INDIVIDUELS

TOME XVII

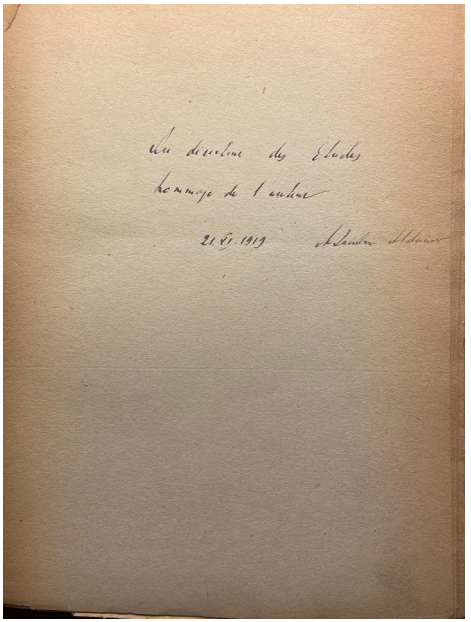
3me PARTIE
LE DIALOGUE ENTRE
L'OUVRIER ET L'USAGER
Section A : L'ŒUVRE, TABLEAU DESCRIPTIF DES RÉALISATIONS CONTEMPORAINES
Section B : L'INTERPRÉTATION
Section C : LA PROFESSION

Table méthodique des matières - Table alphabétique - Index biographique des collaborateurs
Répertoire des auteurs et artistes cités *(vie et œuvre)* - Catalogue méthodique des principaux ouvrages contemporains *(Livres, périodiques, feuilletons)* se rapportant aux arts et aux littératures.

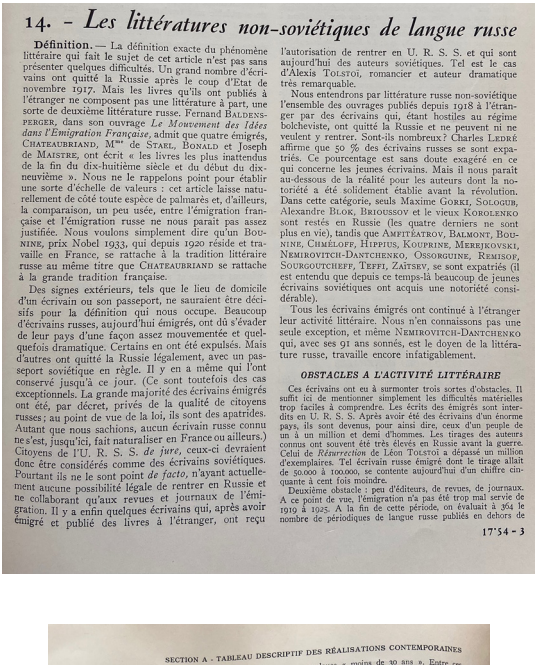
Илл. 1–2. Титульные страницы «Encyclopédie française. T. XVII. Arts et littératures dans la société contemporaine» [34].



Илл. 3. Обложка книги «Lénine» [41].



Илл. 4. Автограф М.А. Алданова на французском языке.



14. – *Les littératures non-soviétiques de langue russe*

Définition. — La définition exacte du phénomène littéraire qui fait le sujet de cet article n'est pas sans présenter quelques difficultés. Un grand nombre d'écrivains ont quitté la Russie après le coup d'État de novembre 1917. Mais les livres qu'ils ont publiés à l'étranger ne composent pas une littérature à part, une sorte de deuxième littérature russe. Fernand Baldensperger, dans son ouvrage *Le Mouvement des Idées dans l'Émigration Française*, admit que quatre émigrés, Chateaubriand, Mme de Staël, Bonald et Joseph de Maistre, ont écrit « les livres les plus mattendus de la fin du dix-huitième siècle et du début du dix-neuvième ». Nous ne le rappelons point pour établir une sorte d'échelle de valeurs : cet article laisse naturellement de côté toute espèce de palmarès et, d'ailleurs, la comparaison, un peu usée, entre l'émigration française et l'émigration russe ne nous paraît pas assez justifiée. Nous voulons simplement dire qu'un Bounine, prix Nobel 1933, qui depuis 1920 réside et travaille en France, se rattache à la tradition littéraire russe au même titre que Chateaubriand se rattache à la grande tradition française.

Des signes extérieurs, tels que le lieu de domicile d'un écrivain ou son passeport, ne sauraient être décisifs pour la définition qui nous occupe. Beaucoup d'écrivains russes, aujourd'hui émigrés, ont dû s'évader de leur pays d'une façon assez mouvementée et quelquefois dramatique. Certains en ont été expulsés. Mais d'autres ont quitté la Russie légalement, avec un passeport soviétique en règle. Il y en a même qui l'ont conservé jusqu'à ce jour. (Ce sont toutefois des cas exceptionnels. La grande majorité des écrivains émigrés ont été, par décret, privés de la qualité de citoyens russes ; au point de vue de la loi, ils sont des apatrides. Autant que nous sachions, aucun écrivain russe connu ne s'est, jusqu'ici, fait naturaliser en France ou ailleurs.) Citoyens de l'U. R. S. S. *de jure*, ceux-ci devraient donc être considérés comme des écrivains soviétiques. Pourtant ils ne le sont point *de facto*, n'ayant actuellement aucune possibilité légale de rentrer en Russie et ne collaborant qu'aux revues et journaux de l'émigration. Il y a enfin quelques écrivains qui, après avoir émigré et publié des livres à l'étranger, ont reçu l'autorisation de rentrer en U. R. S. S. et qui sont aujourd'hui des auteurs soviétiques. Tel est le cas d'Alexis Tolstoï, romancier et auteur dramatique très remarquable.

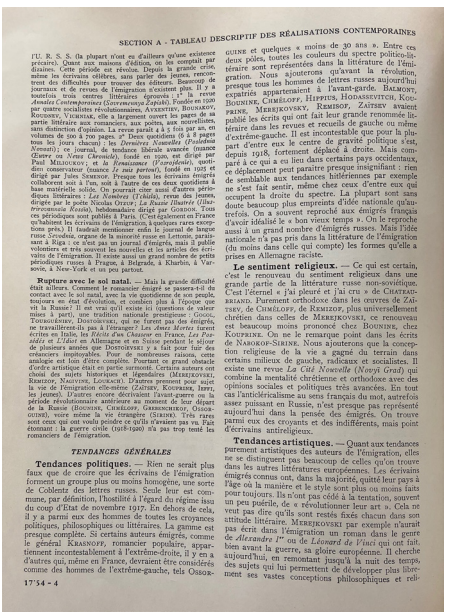
Nous entendrons par littérature russe non-soviétique l'ensemble des ouvrages publiés depuis 1918 à l'étranger par des écrivains qui, étant hostiles au régime bolcheviste, ont quitté la Russie et ne peuvent ni ne veulent y rentrer. Sont-ils nombreux? Charles Ledré affirme que 50 % des écrivains russes se sont expatriés. Ce pourcentage est sans doute exagéré en ce qui concerne les jeunes écrivains. Mais il nous paraît au-dessous de la réalité pour les auteurs dont la notoriété a été solidement établie avant la révolution. Dans cette catégorie, seuls Maxime Gorki, Sologoub, Alexandre Blok, Briousssov et le vieux Korolenko sont restés en Russie (les quatre derniers ne sont plus en vie), tandis que Amfiteatrov, Balmont, Bounine, Chméloff, Hippius, Kouprine, Merejkovski, Nemirovitch-Dantchenko, Ossorguine, Remisof, Sourgoutcheff, Teffi, Zaïtsev, se sont expatriés (il est entendu que depuis ce temps-là beaucoup de jeunes écrivains soviétiques ont acquis une notoriété considérable).

Tous les écrivains émigrés ont continué à l'étranger leur activité littéraire. Nous n'en connaissons pas une seule exception, et même Nemirovitch-Dantchenko qui, avec ses 91 ans sonnés, est le doyen de la littérature russe, travaille encore infatigablement.

OBSTACLES A L'ACTIVITÉ LITTÉRAIRE

Ces écrivains ont eu à surmonter trois sortes d'obstacles. Il suffit ici de mentionner simplement les difficultés matérielles trop faciles à comprendre. Les écrits des émigrés sont interdits en U. R. S. S. Après avoir été des écrivains d'un énorme pays, ils sont devenus, pour ainsi dire, ceux d'un peuple de un à un million et demi d'hommes. Les tirages des auteurs connus ont souvent été très élevés en Russie avant la guerre. Celui de *Résurrection* de Léon Tolstoï a dépassé un million d'exemplaires. Tel écrivain russe émigré dont le tirage allait de 50.000 à 100.000, se contente aujourd'hui d'un chiffre cinquante à cent fois moindre.

Deuxième obstacle : peu d'éditeurs, de revues, de journaux. A ce point de vue, l'émigration n'a pas été trop mal servie de 1919 à 1925. A la fin de cette période, on évaluait à 364 le nombre de périodiques de langue russe publiés en dehors de



SECTION A - TABLEAU DESCRIPTIF DES RÉALISATIONS CONTEMPORAINES

l'U. R. S. S. (la plupart n'ont eu d'ailleurs qu'une existence précaire). Quant aux maisons d'édition, on les comptait par dizaines. Cette période est révolue. Depuis la grande crise, même les écrivains célèbres, sans parler des jeunes, rencontrent de très grandes difficultés pour trouver des éditeurs. Beaucoup de journaux et de revues ont disparu. Il n'en existent plus. Il y a toutefois trois centres littéraires importants : 1° la revue *Annales Contemporaines* (*Современныя Записки*), fondée en 1920 par quatre socialistes révolutionnaires, Avksentiev, Bounakov, Rudnev, Vichniak, elle a largement ouvert les pages de sa partie littéraire aux romanciers, aux poètes, aux nouvellistes, sans distinction d'opinion. La revue paraît 4 à 5 fois par an, en volumes de 300 à 700 pages. 2° Deux quotidiens (6 à 8 pages tous les jours chacun) : les *Dernières Nouvelles* (*Poslednia Novosti*) ; ce journal, de tendance libérale avancée (nuance *Œuvre* ou *News Chronicle*), fondé en 1920, est dirigé par Paul Milioukov ; et la *Renaissance* (*Vozrojdenie*), quotidien conservateur (nuance *Le mot parfait*), fondé en 1925 et dirigé par Jules Sazonov. Presque tous les écrivains émigrés collaborent soit à l'un, soit à l'autre de ces deux quotidiens à base matérielle solide. On pourrait citer aussi d'autres périodiques littéraires : *Les Nouveaux* (*Tchisla*), revue des jeunes, dirigée par le poète Nicolas Otsup ; *La Russie Illustrée* (*Illustrirovannaia Rossia*), hebdomadaire dirigé par Gessen. Tous ces périodiques sont publiés à Paris. (C'est également en France que paraissent les revues de l'émigration, à quelques rares exceptions près.) Il faudrait encore mentionner enfin *Le Temps* de langue russe Sivodnia, organe de la jeunesse en Lettonie, paraissant à Riga ; ce n'est pas un journal d'émigrés, mais il publie volontiers et très souvent les nouvelles et les articles des écrivains de l'émigration. Il existe aussi un grand nombre de petits périodiques russes à Prague, à Belgrade, à Kharbin, à Varsovie, à New-York et un peu partout.

Rupture avec le sol natal. — Mais la grande difficulté était ailleurs. Comment le romancier émigré se passera-t-il du contact avec le sol natal, avec la vie quotidienne de son peuple, toujours en état d'évolution, et combien plus à l'époque qui vit la Russie ! Il est vrai qu'il existe ici (questions de valeur mises à part), une tradition pratiquement ancienne : Gogol, Tourguéniev, Dostoïevski, qui ne furent pas des émigrés, ne travaillèrent-ils pas à l'étranger? *Les Ames Mortes* furent écrites à Rome, *Fumées* à Baden-Baden, *Le Joueur* à Wiesbaden, *L'Idiot* en Allemagne et en Suisse pendant le séjour de plusieurs années que Dostoïevski y a fait pour fuir des créanciers inquiétables. Pour de nombreuses raisons, cette analogie est loin d'être complète. Pourtant ce grand obstacle d'ordre artistique était en partie surmonté. Certains auteurs ont choisi des sujets historiques et légendaires (Merejkovski, Remizov, Nagivtov, Lochkov). D'autres prennent pour sujet la vie de l'émigration elle-même (Zaïtsev, Kouprine, Ieffe, les jeunes). D'autres encore écrivaient l'avant-guerre ou la période révolutionnaire antérieure au moment de leur départ de la Russie (Bounine, Chméloff, Gershenzon, Ossorguine), voire même la vie étrangère (Sirine). Très rares sont ceux qui ont voulu peindre ce qu'ils n'avaient pas vu. Fait étonnant : la guerre civile (1918-1920) n'a pas trop tenté les romanciers de l'émigration.

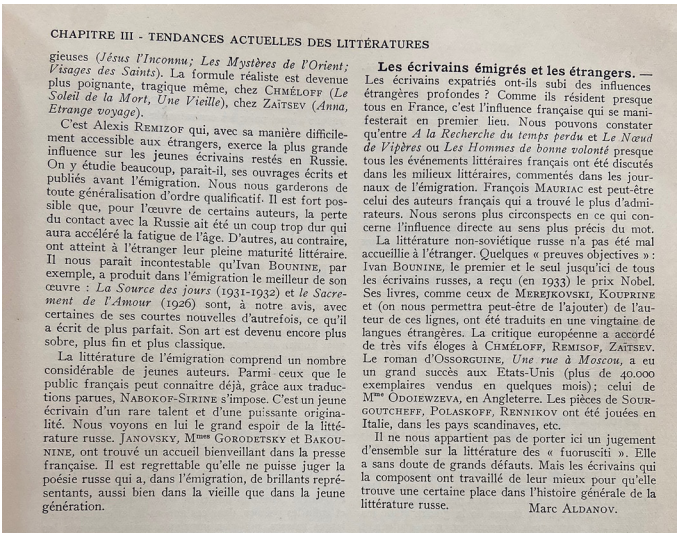
TENDANCES GÉNÉRALES

Tendances politiques. — Rien ne serait plus faux que de croire que les écrivains de l'émigration forment un groupe plus ou moins homogène, une sorte de Cohésit des lettres russes. Seule leur est commune, par définition, l'hostilité à l'égard du régime issu du coup d'État de novembre 1917. En dehors de cela, il y a parmi eux des hommes de toutes les croyances politiques, philosophiques ou littéraires. La gamme est presque complète. Si certains auteurs émigrés, comme le général Krasnoff, romancier populaire, appartiennent incontestablement à l'extrême-droite, il y en a d'autres qui, même en France, devraient être considérés comme des hommes de l'extrême-gauche, tels Ossorguine et quelques « moins de 30 ans ». Entre ces deux pôles, toutes les couleurs du spectre politico-littéraire sont représentées dans la littérature de l'émigration. Nous ajouterons qu'avant la révolution presque tous les hommes de lettres russes aujourd'hui expatriés appartenaient à l'avant-garde. Balmont, Bounine, Chméloff, Hippius, Hodassevitch, Kouprine, Merejkovsky, Remisof, Zaïtsev avaient publié les écrits qui ont fait leur grande renommée littéraire dans les revues et recueils de gauche ou même d'extrême-gauche. Il est incontestable que pour la plupart d'entre eux le centre de gravité politique s'est, depuis 1918, fortement déplacé à droite. Mais comparé à ce qui a eu lieu dans certains pays occidentaux, ce déplacement paraîtrie presque insignifiant : rien de semblable aux tendances hitlériennes par exemple ne s'est fait sentir, même chez ceux d'entre eux qui occupent la droite du spectre. La plupart sont sans doute beaucoup plus empreints d'idée nationale qu'autrefois. On a souvent reproché aux émigrés français d'avoir idéalisé le « bon vieux temps ». On le reproche aussi à un grand nombre d'émigrés russes. Mais l'idée nationale n'a pas pris dans la littérature de l'émigration (du moins dans celle qui compte) les formes qu'elle a prises en Allemagne raciste.

Le sentiment religieux. — Ce qui est certain, c'est le renouveau du sentiment religieux dans une grande partie de la littérature russe non-soviétique. C'est l'éternel « j'ai pleuré et j'ai cru » de Chateaubriand. Purement orthodoxe dans les œuvres de Zaïtsev, de Chméloff, de Remizof, plus universellement chrétien dans celles de Merejkovski, ce renouveau est beaucoup moins prononcé chez Bounine, chez Kouprine. On ne le remarque point dans les écrits de Nakof-Sirine. Nous ajouterons que la conception religieuse de la vie a gagné du terrain dans certains milieux de gauche, radicaux et socialistes. Il existe une revue *La Cité Nouvelle* (*Novyi Grad*) qui combine la mentalité chrétienne et orthodoxe avec des opinions sociales et politiques très avancées. En tout cas l'anticléricalisme au sens français du mot, autrefois assez puissant en Russie, n'est presque pas représenté aujourd'hui dans la pensée des émigrés. On trouve parmi eux des croyants et des indifférents, mais point d'écrivains antireligieux.

Tendances artistiques. — Quant aux tendances purement artistiques des auteurs de l'émigration, elles ne se distinguent pas beaucoup de celles qu'on trouve dans les autres littératures européennes. Les écrivains émigrés connus ont, dans la majorité, quitté leur pays à l'âge où la manière et le style sont plus ou moins faits pour toujours. Ils n'ont pas cédé à la tentation, souvent un peu puérile, de « révolutionner leur art ». Cela ne veut pas dire qu'ils sont restés fixés chacun dans son attitude littéraire. Merejkovski par exemple n'aurait pas écrit dans l'émigration un roman dans le genre de *Alexandre I^er^* ou de *Léonard de Vinci* qui ont fait bien avant la guerre, sa gloire européenne. Il cherche aujourd'hui, en remontant jusqu'à la nuit des temps, des sujets qui lui permettent de développer plus librement ses vastes conceptions philosophiques et reli-

Илл. 5–6. Эссе «Les littératures non-soviétiques de langue russe» [34].



CHAPITRE III - TENDANCES ACTUELLES DES LITTÉRATURES

gieuses (*Jésus l'Inconnu; Les Mystères de l'Orient; Visages des Saints*). La formule réaliste est devenue plus poignante, tragique même, chez Chméloff (*Le Soleil de la Mort, Une Vieille*), chez Zaïtsev (*Anna, Etrange voyage*).

C'est Alexis Remizof qui, avec sa manière difficilement accessible aux étrangers, exerce la plus grande influence sur les jeunes écrivains restés en Russie. On y étudie beaucoup, paraît-il, ses ouvrages écrits et publiés avant l'émigration. Nous nous garderons de toute généralisation d'ordre qualificatif. Il est fort possible que, pour l'œuvre de certains auteurs, la perte du contact avec la Russie ait été un coup trop dur qui aura accéléré la fatigue de l'âge. D'autres, au contraire, ont atteint à l'étranger leur pleine maturité littéraire. Il nous paraît incontestable qu'Ivan Bounine, par exemple, a produit dans l'émigration le meilleur de son œuvre : *La Source des jours* (1931-1932) et *le Sacrement de l'Amour* (1926) sont, à notre avis, avec certaines de ses courtes nouvelles d'autrefois, ce qu'il a écrit de plus parfait. Son art est devenu encore plus sobre, plus fin et plus classique.

La littérature de l'émigration comprend un nombre considérable de jeunes auteurs. Parmi ceux que le public français peut connaître déjà, grâce aux traductions parues, Nabokof-Sirine s'impose. C'est un jeune écrivain d'un rare talent et d'une puissante originalité. Nous voyons en lui le grand espoir de la littérature russe. Janovsky, Mmes Gorodetsky et Bakounine, ont trouvé un accueil bienveillant dans la presse française. Il est regrettable qu'elle ne puisse juger la poésie russe qui a, dans l'émigration, de brillants représentants, aussi bien dans la vieille que dans la jeune génération.

Les écrivains émigrés et les étrangers. — Les écrivains expatriés ont-ils subi des influences étrangères profondes ? Comme ils résident presque tous en France, c'est l'influence française qui se manifesterait en premier lieu. Nous pouvons constater qu'entre *A la Recherche du temps perdu* et *Le Nœud de Vipères* ou *Les Hommes de bonne volonté* presque tous les événements littéraires français ont été discutés dans les milieux littéraires, commentés dans les journaux de l'émigration. François Mauriac est peut-être celui des auteurs français qui a trouvé le plus d'admirateurs. Nous serons plus circonspects en ce qui concerne l'influence directe au sens plus précis du mot.

La littérature non-soviétique russe n'a pas été mal accueillie à l'étranger. Quelques « preuves objectives » : Ivan Bounine, le premier et le seul jusqu'ici de tous les écrivains russes, a reçu (en 1933) le prix Nobel. Ses livres, comme ceux de Merejkovski, Kouprine et (on nous permettra peut-être de l'ajouter) de l'auteur de ces lignes, ont été traduits en une vingtaine de langues étrangères. La critique européenne a accordé de très vifs éloges à Chméloff, Remisof, Zaïtsev. Le roman d'Ossorguine, *Une rue à Moscou*, a eu un grand succès aux Etats-Unis (plus de 40.000 exemplaires vendus en quelques mois); celui de Mme Odoïewzeva, en Angleterre. Les pièces de Sourgoutcheff, Polaskoff, Rennikov ont été jouées en Italie, dans les pays scandinaves, etc.

Il ne nous appartient pas de porter ici un jugement d'ensemble sur la littérature des « fuorusciti ». Elle a sans doute de grands défauts. Mais les écrivains qui la composent ont travaillé de leur mieux pour qu'elle trouve une certaine place dans l'histoire générale de la littérature russe.

Marc Aldanov.

Илл. 7. Эссе «Les littératures non-soviétiques de langue russe» [34].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Гарциано С.А.* Малоизученная литературоведческая критика творчества И.А. Бунина на французском языке в свете первой волны русской эмиграции // Литературный факт. 2019. № 11. С. 312–329.
2. *д'Амелия А., Рицци Д. и др.* Русское присутствие в Италии в первой половине XX в. Энциклопедия. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 863 с.
3. *Коростелев О.А.* «…Не скрывайте от меня вашего настоящего мнения: переписка Г.В. Адамовича с М.А. Алдановым (1944–1957) / пред., подгот. текста, коммент. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. 2011. С. 290–478.
4. *Лотман Ю.М., Розенцвейг В.Ю.* Русская литература на французском языке: французские тексты русских писателей XVIII–XIX веков. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1994. Т. 36. 545 с.
5. *Марченко Т.В.* Французская (франкоязычная) критика // Литературный мир о творчестве И.А. Бунина. Критические отзывы, эссе, пародии / под ред. Н.Г. Мельникова. М.: Русский путь, 2010. С. 499–541.
6. *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. 3-е изд. / вступ. ст. К.Ю. Лаппо-Данилевского. Париж; М.: YMCA-press / Русский путь, 1996. 448 с.

7. *Уральский М.Л.* Марк Алданов: писатель, мыслитель и джентльмен русской эмиграции / предисл. С. Пестерева, С. Гарциано. СПб.: Алетейя, 2019. 802 с.
8. *Cristesco D., Cristesco H.* Bibliographie des œuvres de Marc Aldanov / sous la dir. de T. Ossorguine, intr. de Marc Slonim. Paris: Institut d'études slaves, 1976. 87 p.
9. *Livak L.* L'émigration russe et les élites culturelles françaises // Cahier du monde russe. 2007. Vol. 48, no. 1. P. 23–44.
10. *Livak L.* Les émigrés russes dans la presse et l'édition françaises entre les deux guerres mondiales // Histoire culturelle de l'émigration russe en France. Paris: Eur'Orbem, 2022. P. 97–133.
11. *Livak L.* Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: A Bibliographical Essay. Montréal: McGill-Queen's University Press, 2010. 542 p.
12. *Tassis G.* L'œuvre romanesque de Mark Aldanov: révolution, histoire, hasard. Bern: Peter Lang, 1995. 503 p.

Источники

13. *Адамович Г.В.* Алданов // Одиночество и свобода. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. С. 127–149.
14. *Адамович Г.В.* Мои встречи с Алдановым // Новый журнал. 1960. № 60. С. 107–115.
15. *Алданов М.А.* Огонь и дым. Париж: Франко-русская печать, 1922. 188 с.
16. *Алданов М.А.* Самоубийство / предисл. Г.В. Адамовича. Нью-Йорк: Изд. Лит. фонда, 1958. 507 с.
17. *Алданов М.А.* Marcel Proust. À la recherche du temps perdu. Paris. Nouvelle Revue Française // Современные записки. 1924. № XXII. С. 452–455.
18. *[Б.а.].* Анкета о Прусте // Числа. 1930. Кн. 1. С. 272–278.
19. *Берберова Н.Н.* Курсив мой. Автобиография: в 2 т. 2-е изд. Нью-Йорк: Russica Publishers, 1983. Т. 1–2. 710 с.
20. *Бахрах А.В.* Вспоминая Алданова // Грани. 1982. № 124. С. 155–182.
21. *Варшавский В.С.* М. Алданов. «Земли, люди». Изд-во «Слово». Берлин. 1932 // Числа. 1933. Кн. 7–8. С. 282–284.
22. *Варшавский В.С.* М. Алданов. «Ключ». Изд. Кн-ва «Слово» и журн. «Современные записки». Берлин. 1930 // Числа. 1930. Кн. 1. С. 231–232.
23. *Варшавский В.С.* М. Алданов. Портреты. Изд-во «Слово». Берлин 1930 // Числа. 1931. Кн. 5. С. 227–229.
24. *Грин М.Э.* Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниным // Новый журнал. 1965. № 81. С. 110–147.

25. *Зайцев Б.К.* Мои современники. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1988. 167 с.
26. *Иванов Г.В.* «Истоки» Алданова // Возрождение. 1950. № 10. С. 182–188.
27. *Кизеветтер А.А.* Алданов. Чертов Мост // Современные записки. 1926. № XXVIII. С. 476–479.
28. *Мережковский Д.С.* Бесполезное предисловие // *Мережковский Д.С.* Тайна Запада. Атлантида–Европа. Белград: Русская тип., 1930. С. 5–22.
29. *Седых А.* Далекие, близкие. Нью-Йорк: Новое русское слово, 1962. 265 с.
30. *Слоним М.Л.* Портреты советских писателей. Париж: Парабола, 1933. 170 с.
31. *Струве Г.П.* Из моей переписки с писателями. Письма Г.В. Иванова, М.И. Цветаевой и М.А. Алданова // Мосты. 1968. № 13–14. С. 393–406.
32. *Ходасевич В.Ф.* Русская литература в изгнании // Критика русского зарубежья: в 2 ч. М.: Олимп, АСТ, 2002. Ч. 1 /сост., предисл., преамбулы, примеч. О.А. Коростелев, Н.Г. Мельников. С. 339–352.
33. *Яновский В.С.* Поля Елисейские. Книга памяти. Москва: Астрель, 2012. 469 с.
34. *Aldanov M.* Les littératures non-soviétiques de langue russe // Encyclopédie française. T. XVII. Arts et littératures dans la société contemporaine. Paris: Comité de l'Encyclopédie française, 1936. P. 17˙54-3–17˙54-5.
35. *Aldanov M.* Suicide / trad. du russe par Jean-Christophe Peuch. Préface G. Tassis. Genève: Éditions des Syrtes, 2017. 660 p.
36. *Aldanov M.* 9 Thermidor / trad. du russe par L. et J.M. Aimot. Paris-Neuchâtel: V. Attinger, 1929. 320 p.
37. *Baldensperger F.* Le mouvement des idées dans l'Émigration française (1789–1915). 2 vol. Paris: Plon, 1924. 337 p.; 334 p.
38. *Bounine I.* À la source des jours. Paris: Librairie Stock éditions, 1935. 250 p.
39. *Bounine I.* Le sacrement de l'amour. Paris: Stock, 1925. 196 p.
40. *Ghennady G.* Les écrivains franco-russes, bibliographie des ouvrages français publiés par les Russes. Dresde: Imprimerie d'E.B. Blochmann & fils, 1874. 89 p.
41. *Landau-Aldanov M.-A.* Lénine. Paris: Jacques Povolozky et Cie, 1919. 217 p.
42. *Ledré Ch.* Les émigrés russes en France. Paris: Spes, 1930. 287 p.
43. *Maistre J. de*. Les Soirées de Saint-Pétersbourg, ou Entretiens sur le gouvernement temporel de la Providence, suivis d'un Traité sur les sacrifices. Paris: Librairie grecque, latine et française, 1821. 456 p.; 474 p.
44. *Staël Mme de*. Œuvres complètes. Paris: Treuttel et Wurtz, 1821. T. 15. Dix années d'exil. 344 p.
45. *Struve G.* Soviet Russian Literature. London: G. Routledge, 1935. 270 p.

REFERENCES

1. Gartsiano, S.A. “Maloizuchennaia literaturovedcheskaia kritika tvorchestva I.A. Bunina na frantsuzskom iazyke v svete pervoi volny russkoi emigratsii” [“Little-studied Literary Criticism of the Works of I.A. Bunin in French in the Light of the First Wave of Russian Emigration”]. *Literaturnyi fakt*, no. 11, 2019, pp. 312–329. (In Russian)
2. d’Ameliia, A., Ritstsi D. et al., *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoi polovine XX v. Entsiklopediia* [*Russian Presence in Italy in the First Half of the Twentieth Century. Encyclopedia*]. Moscow, Politicheskaia entsiklopediia Publ., 2019. 863 p. (In Russian)
3. Korostelev, O.A. “‘…Ne skryvaite ot menia vashego nastoiashchego mneniia’: perepiska G.V. Adamovicha s M.A. Aldanovym (1944-1957)” [“‘… Don’t Hide Your Real Opinion from me’: Correspondence from G.V. Adamovich with M.A. Aldanov (1944-1957)”], publ. and comment. by O.A. Korostelev. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh’ia im. A. Solzhenitsyna* [*Yearbook of Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad*], 2011, pp. 290–478. (In Russian)
4. Lotman, Iu.M., Rozentsveig, V.Iu. *Russkaia literatura na frantsuzskom iazyke: frantsuzskie teksty russkikh pisatelei XVIII-XIX vekov* [*Russian Literature in French: French Texts by Russian Writers of the 18th-19th Centuries*], vol. 36. Wien, Wiener Slawistischer Almanach, 1994. 545 p. (In Russian)
5. Marchenko, T.V. “Frantsuzskaia (frankoiazychnaia) kritika” [“French (French-language) Criticism”]. *Literaturnyi mir o tvorchestve I.A. Bunina. Kriticheskie otzyvy, esse, parodii* [*The Literary World about the Work of I.A. Bunin. Critical Reviews, Essays, Parodies*], ed. by N.G. Mel’nikov. Moscow, Russkii put’ Publ., 2010, pp. 499–541. (In Russian)
6. Struve, G.P. *Russkaia literatura v izgnanii* [*Russian literature in exile*]. 3 ed., pref. by K.Iu. Lappo-Danilevsky. Paris, Moscow, YMCA-press/Russkii put’ Publ., 1996. 448 p. (In Russian)
7. Ural’skii, M.L. *Mark Aldanov: pisatel’, myslitel’ i dzhentl’men russkoi emigratsii* [*Mark Aldanov: Writer, Thinker and Gentleman of the Russian Emigration*], pref. by S. Pesterev, S. Gartsiano. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2019. 802 p. (In Russian)
8. Cristesco, D., and H. Cristesco. *Bibliographie des œuvres de Marc Aldanov*, sous la dir. de T. Ossorguine, intr. de Marc Slonim. Paris, Institut d’études slaves, 1976. 87 p. (In French)
9. Livak, Leonid. “L’émigration russe et les élites culturelles françaises”. *Cahier du monde russe*, 2007, vol. 48, no. 1, pp. 23–44. (In French)
10. Livak, Leonid. “Les émigrés russes dans la presse et l’édition françaises

entre les deux guerres mondiales". *Histoire culturelle de l'émigration russe en France*. Paris, Eur'Orbem, 2022, pp. 97–133. (In French)
11. Livak, Leonid. *Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: A Bibliographical Essay*. Montréal, McGill-Queen's University Press, 2010. 542 p. (In French)
12. Tassis, Gervaise. *L'œuvre romanesque de Mark Aldanov: révolution, histoire, hasard*. Bern, Peter Lang, 1995. 503 p. (In French)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Les littératures non-soviétiques de langue russe» *Несоветские литературы на русском языке*

Определение. — Точное определение литературного явления, которому посвящена данная статья, не лишено некоторых затруднений. Большое количество писателей покинуло Россию после ноябрьского переворота 1917 года. Но книги, изданные ими за границей, не представляют собой отдельную литературу, своего рода вторую русскую литературу. Фернан Бальдансперже в своей работе «Движение идей во французской эмиграции» [37] признал, что четверо эмигрантов — Шатобриан[12], г-жа де Сталь[13], Бональд[14] и Жозеф де Местр[15] — написали «самые неожиданные книги конца XVIII века и начала XIX века». Мы напоминаем об этом не за тем, чтобы установить некую шкалу ценностей: эта статья, естественно, оставляет в стороне всякие номинирования, и, впрочем, несколько стертое сравнение французской эмиграции с русской[16] нам не кажется достаточно оправданным. Мы просто хотим сказать, что Бунин[17] — лауреат Нобелевской премии 1933 года, живущий и работающий во Франции с 1920 года, — связан с русской литературной традицией точно так же, как Шатобриан связан с великой французской традицией.

Внешние признаки, такие как место жительства писателя или его паспорт, не могут иметь решающего значения для интересую-

---

[12] Франсуа Рене де Шатобриан (1768–1948) — французский писатель-представитель романтизма, в изгнании после Великой Французской революции с 1792 по 1800 гг. (Кобленц, Англия).

[13] Анна-Луиза Жермена де Сталь-Гольштейн (1766–1816) — французская писательница-публицист. В изгнании с 1803 по 1814 гг. Книга «Десять лет изгнания» («Dix ans d'exil», 1821), во второй части которой описывается ее поездка в Россию в 1812–1813 гг. (гл. X–XX) [44, с. 271-365].

[14] Луи Габриель Амбруаз Бональд (1754–1840) — французский философ-традиционалист. В эмиграции с 1791 по 1797 гг. в Гейдельберге и в Констанце.

[15] Жозеф де Местр (1753–1821) — французский философ-публицист. В эмиграции с 1792 г. (Швейцария, Россия (посланник сардинского короля в Санкт-Петербурге 1802–1817 гг.), Италия). В 1821 г. опубликован его двухтомник воспоминаний «Петербургские вечера» («Les soirées de St. Pétersbourg», Париж) [43].

[16] Сравнение с польской и французской эмиграцией в статье Ходасевича «Русская литература в изгнании» (1933) [32, с. 341–342].

[17] Употребление неопределенного артикля по-французски («Nous voulons simplement dire qu'un Bounine, prix Nobel 1933…») придает имени Бунина нарицательный характер и указывает на широкомасштабность его литературного творчества. Датировка статьи (1936 г.) объясняет тот факт, что в ней оказывает наибольшее внимание новому нобелевскому лауреату.

щего нас определения. Многим русским писателям, ныне эмигрантам, пришлось бежать из своей страны довольно стремительным, а порой и драматичным образом. Некоторые были изгнаны, но другие покинули Россию законно, имея на руках действительный советский паспорт. Есть даже те, кто сохранил его до сих пор (это, однако, исключительные случаи. Подавляющее большинство писателей-эмигрантов были лишены законом российского гражданства; с точки зрения права, они являются лицами без гражданства. Насколько нам известно, ни один из известных русских писателей до сих пор не принял гражданства Франции или другой страны). Граждане СССР де-юре, они, следовательно, должны считаться советскими писателями. Однако они ими не являются де-факто, не имея в настоящее время никакой легальной возможности вернуться в Россию и сотрудничая только с эмигрантскими журналами и газетами. Наконец, есть писатели, которые, эмигрировав и опубликовав книги за границей, получили разрешение вернуться в СССР и которые на сегодняшний день являются советскими авторами[18]. Таков случай Алексея Толстого, замечательнейшего писателя и драматурга.

Под несоветской литературой мы будем понимать все произведения, изданные с 1918 года за границей писателями, которые, будучи враждебно настроенными к большевистскому режиму, уехали из России и не могут или не хотят туда возвращаться. Много ли их? Шарль Ледре[19] утверждает, что 50% русских писателей выехали за границу. Этот процент, несомненно, преувеличен, что касается молодых писателей. Но он нам кажется недостаточным для авторов с прочно утвердившейся репутацией до революции. Из этой категории только Максим Горький, Сологуб, Александр Блок, Брюсов и старый Короленко остались в России (последних четверых уже нет в живых), а Амфитеатров, Бальмонт, Бунин, Шмелев, Гиппиус, Куприн, Мережковский, Немирович-Данченко, Осоргин, Ремизов, Сургучев, Тэффи, Зайцев уехали за границу (разумеется, с тех пор многие молодые советские писатели приобрели значительную известность).

Все писатели-эмигранты продолжили свою литературную деятельность за границей. Мы не знаем ни одного исключения, и даже Немирович-Данченко, который в 91 год является старожилом русской литературы, все еще работает не покладая рук.

---

[18] Противопоставление эмигрантской и советской литератур наглядно представлено в двух книгах Г.П. Струве: «Русская литература в изгнании» (1956) [6] и «Русская советская литература» («Soviet Russian Literature, 1935) [45]. М.Л. Слоним публикует «Портреты советских писателей» в 1933 г. в парижском издательстве Парабола [30].

[19] Речь идет о книге Шарля Ледре «Les émigrés russes en France» («Русские эмигранты во Франции») [42].

Препятствия для литературной деятельности

Этим писателям пришлось преодолеть три вида препятствий. Достаточно здесь просто упомянуть о материальных трудностях, слишком легко понимаемых. Книги эмигрантов запрещены в СССР. Будучи писателями из огромной страны, они стали, так сказать, писателями народности, состоящей из одного-полутора миллиона человек. Тиражи известных авторов в России до войны часто были очень высокими. Тираж «Воскресения» Льва Толстого превысил миллион экземпляров. Тот или иной русский писатель-эмигрант, тираж которого был от 50 до 100 тысяч экземпляров, довольствуется на сегодняшний день цифрой в пятьдесят-сто раз меньшей. Второе препятствие: существует мало издательств, журналов, газет. С этой точки зрения, в эмиграции 1919–1925 годов не все было так плохо. В конце этого периода число русскоязычных периодических изданий, издававшихся за пределами СССР, оценивалось в 364 (у большинства из них, впрочем, было эфемерное существование).

Издательства исчисляли десятками, но этот период закончился. Со времен Великой депрессии даже известные писатели, не говоря уже о молодых, с трудом находят себе издателей. Многие эмигрантские газеты и журналы уже не существуют. Однако есть три надежных литературных центра: 1) журнал «Современные записки». Основанный в 1920 году четырьмя эсерами: Авксентьевым, Бунаковым, Рудневым, Вишняком — он широко открыл страницы своего литературного отдела романистам, поэтам, рассказчикам, без различия мнений. Журнал выходит 4–5 раз в год объемом от 500 до 700 страниц. 2) две ежедневные газеты (6–8 страниц в день): «Последние новости»; эта газета с продвинутой либеральной тенденцией (наподобие «Œuvre»[20] или News Chronicle[21]), основанная в 1920 году, издается под руководством Павла Милюкова; и «Возрождение», консервативная ежедневная газета (наподобие «Je suis partout»[22]), основанная в 1925 году и возглавляемая Ю.Ф. Семеновым[23]. Почти все

---

[20] Газета либерально-левого направления L'Œuvre («Труд», *фр.*) выходила в Париже с 1904 по 1944 гг., ежедневно с 1915 по 1940 гг.

[21] The News Chronicle («Хроника новостей», англ.) — британская газета либерального направления, появилась в Лондоне в 1930 г. благодаря слиянию двух периодических изданий The Daily News и The Daily Chronicle, просуществовала до 1960 г. (поглощена Daily Mail).

[22] Газета крайне правых взглядов «Je suis partout: le grand hebdomadaire de la vie mondiale» (дословно: «Я везде: большой еженедельник мировой жизни», *фр.*) издавалась в Париже с 1930 по 1944 гг.

[23] Первым редактором газеты (с момента основания 3 июня 1925 г. и до 17 августа 1927 г.) был П.Б. Струве.

эмигрантские писатели сотрудничают либо с одной, либо с другой из этих двух ежедневных газет с солидной материальной базой. Можно также упомянуть и о других литературных периодических изданиях: «Числа», журнал молодого поколения, возглавляемый поэтом Николаем Оцупом; «Иллюстрированная Россия», еженедельник под редакцией Гордона. Все эти периодические издания публикуются в Париже (за редким исключением, именно во Франции живут писатели эмиграции). Наконец, следует отметить русскоязычную газету «Сегодня», орган русского меньшинства в Латвии, издающуюся в Риге: это не эмигрантская газета, но она охотно и очень часто публикует рассказы и эссе писателей эмиграции. Также имеется большое количество небольших русских периодических изданий в Праге, Белграде, Харбине, Варшаве, Нью-Йорке и почти везде в мире.

Разрыв с родной почвой. — Но наибольшая трудность заключалась в другом. Как сможет обходиться романист-эмигрант без соприкосновения с родной землей, с повседневной жизнью своего народа, всегда эволюционирующего, а тем более в эпоху, в которую живет Россия сегодня? Правда, здесь существует (оставляя в стороне вопросы ценностей) престижная национальная традиция: Гоголь, Тургенев, Достоевский, не быв эмигрантами, разве они не работали за границей? «Мертвые души» были написаны в Италии, «Записки охотника» — во Франции, «Бесы» и «Идиот» — в Германии и Швейцарии во время многих лет, которые Достоевский провел там, спасаясь от безжалостных кредиторов. По многим причинам эта аналогия далека от полноты. Тем не менее, это большое препятствие художественного порядка частично преодолевалось. Некоторые авторы выбрали исторические и мифологические сюжеты (Мережковский, Ремизов, Наживин, Лукаш). Для других предметом является сама жизнь в эмиграции (Зайцев, Куприн, Тэффи, молодые писатели). Третьи описывали предвоенный или революционный период, предшествующий времени их отъезда из России (Бунин, Шмелев, Гребенщиков, Осоргин), или даже заграничную жизнь (Сирин). Мало кто хотел описывать то, что он не видел. Удивительный факт: Гражданская война (1918–1920) не слишком соблазняла романистов эмиграции.

Общие тенденции

Политические тенденции. — Не было бы ничего более ложного, чем думать, что писатели эмиграции составляют собой более или

менее однородную группу, своего рода Кобленц[24] русской словесности. Единственно общее, что их объединяет, по определению, — это враждебность к режиму, возникшему из государственного переворота в ноябре 1917 года. Помимо этого, среди них есть люди всех политических, философских и литературных убеждений. Диапазон почти что полный. Если некоторые эмигрантские авторы, такие как популярный романист генерал Краснов, несомненно, принадлежат к крайне правым, то есть и другие, которые даже во Франции должны рассматриваться как крайне левые, как, например, Осоргин и некоторые, кому «до 30-ти». Между этими двумя полюсами в литературе эмиграции представлены все цвета политико-литературного спектра. Мы добавим, что до революции почти все русские литераторы, находящиеся на сегодняшний день в изгнании, принадлежали к авангарду. Бальмонт, Бунин, Шмелев, Гиппиус, Ходасевич, Куприн, Мережковский, Ремизов, Зайцев публиковали свои сочинения, сделавшие их широко известными, в левых и даже крайне левых журналах и сборниках. Бесспорно, что для большинства из них центр политической тяжести сильно переместился вправо начиная с 1918 года. Но по сравнению с тем, что произошло в некоторых западноевропейских странах, этот сдвиг может показаться почти незначительным: ничего похожего на гитлеровские тенденции, например, не ощущалось даже у тех из них, которые занимают правую сторону спектра. Большинство из них, без сомнения, намного более проникнуты национальной идеей, чем ранее. Французских эмигрантов часто критиковали за идеализацию «старого доброго времени». В этом также винят многих русских эмигрантов. Но национальная идея не приняла в литературе эмиграции (по крайней мере, в той ее части, которая имеет значение) те формы, которые она приняла в расистской Германии.

Религиозное чувство. — То, что несомненно, — это возрождение религиозного чувства в большей части несоветской русской литературы. Это вечное выражение Шатобриана: «я плакал и верил». Чисто православное в произведениях Зайцева, Шмелева, Ремизова, более универсально христианское в произведениях Мережковского, это возрождение гораздо менее выражено у Бунина и Куприна. Мы не замечаем его в произведениях Набокова-Сирина. Добавим, что религи-

[24] В историческом эссе Алданова «В Кобленце», вошедшем в сборник его исторической публицистики «Огонь и дым» (1922) эта метафора объяснена в первом же предложении: «В Кобленце в пору Великой Революции скопились самые знатные и самые реакционные из французских эмигрантов» [15, с. 10].

озное мировоззрение получило распространение в некоторых левых, радикальных и социалистических кругах. Существует журнал «Новый Град», который сочетает в себе христианский и православный склад ума с очень передовыми социальными и политическими взглядами. Во всяком случае, антиклерикализм во французском смысле слова, когда-то довольно влиятельный в России, сегодня почти что не представлен в эмигрантской мысли. Среди них можно найти верующих и равнодушных, но не антирелигиозных писателей.

Художественные направления. — Что касается чисто художественных тенденций авторов эмиграции, то они не многим отличаются от тех, которые находятся в других европейских литературах. Известные писатели-эмигранты в большинстве покинули свою страну в возрасте, когда их манера и стиль уже более или менее утвердились навсегда. Они не поддались искушению, часто немного ребяческому, «совершить революцию в своем искусстве». Это не означает, что каждый из них остался зафиксированным в своей литературной позе. Мережковский, например, не написал бы в эмиграции роман в виде «Александра I» или «Леонардо да Винчи», которые еще задолго до войны принесли ему европейскую известность. Возвращаясь к истокам времени, он ищет сегодня сюжеты, которые позволяют ему более свободно развивать свои обширные философские и религиозные воззрения («Иисус Неизвестный», «Тайны Востока»[25], «Лица святых»[26]). Реалистическая формула стала еще острее, даже трагичнее у Шмелева («Солнце мертвых», «Про одну старуху»), у Зайцева («Анна», «Странное путешествие»).

Именно Алексей Ремизов со своей труднодоступной для иностранцев манерой письма оказал наибольшее влияние на остав-

---

[25] Перевод названия французского издания «Les Mystères de l'Orient». Название по-русски звучит «Тайна Трех: Египет и Вавилон». Сам Мережковский в предисловии к книге «Тайна Запада. Атлантида–Европа» так объясняет смену заголовка книги: «Что значит не быть похожим на читателей, я понял, когда, лет пять назад, написав книгу "Тайна Трех", получил от ее французского издателя добрый совет изменить заглавие, чтобы не было похоже на "детективный роман".

В IV–V веке, на христианском Востоке, "Тайна Трех" прозвучала бы: "Тайна Божественной Троицы", а в XX веке, на христианском Западе, звучит: "Тайна трех мошенников, которых ловит Шерлок Холмс". По одному этому анекдоту-атому видно, как опустилось за эти века солнце христианства.

Доброго совета я послушался, озаглавил книгу "Тайны Востока". "Тайны Востока" привели меня к "Тайне Запада", многие — к одной. Запад — закат, конец дня; день человечества — всемирная история; тайна Запада — тайна Конца» [28, с. 5–6].

[26] Трилогия «Лица святых от Иисуса к нам»: «Павел. Августин», «Франциск Ассизский», «Жанна д'Арк».

шихся в России молодых писателей. Там, кажется, много изучают его произведения, написанные и опубликованные до эмиграции. Мы воздержимся от каких-либо обобщений качественного порядка. Вполне возможно, что для творчества некоторых авторов потеря связи с Россией стала слишком тяжелым ударом, который ускорил их старение. Другие, напротив, достигли полной литературной зрелости за рубежом. Нам кажется бесспорным, что Иван Бунин, например, создал в эмиграции лучшее из своих произведений: «У истоков дней» (1931–1932)[27] и «Таинство любви» (1926)[28] с некоторыми его дореволюционными рассказами — это, по нашему мнению, самые совершенные вещи, которые он написал. Его искусство стало еще более выдержанным, тонким и классическим.

Эмигрантская литература включает в себя значительное число молодых авторов. Среди тех, о которых французская публика, возможно, уже знает благодаря опубликованным переводам, выделяется Набоков-Сирин. Это молодой писатель редкого таланта и яркой оригинальности. Мы видим в нем огромную надежду русской литературы. Яновский, г-жа Городецкая и г-жа Бакунина нашли теплый прием во французской прессе. Очень жаль, что она не может судить о русской поэзии, которая имеет в эмиграции блестящих представителей как в старом, так и в молодом поколении.

Писатели-эмигранты и иностранцы. — Подвергались ли писатели-эмигранты глубокому зарубежному влиянию? Поскольку почти все из них проживают во Франции, именно французское влияние проявилось бы у них в первую очередь. Мы можем констатировать, что от «В поисках утраченного времени»[29] до «Клубка змей»[30], или «Людей доброй воли»[31], почти все французские литературные события обсуждались в литературных кругах, комментировались в эмигрантских газетах. Франсуа Мориак, пожалуй, является тем самым французским писателем, который нашел наибольшее количество поклонников. Мы будем более осмотрительны, что касается прямых влияний в самом точном смысле.

Несоветская русская литература была неплохо принята за рубежом. Несколько «объективных доказательств»: Иван Бунин, первый и пока что единственный из русских писателей, получил (в 1933 го-

---

[27] Французское название «Жизни Арсеньева»: «À la Source des jours» [38].

[28] Французское название «Митиной любви»: «Le Sacrement de l'amour» [39].

[29] Цикл, состоящий из семи романов (1913–1927), крупнейшего французского писателя XX в. Марселя Пруста (1871–1922).

[30] Роман Франсуа Мориака (1885–1970), опубликованный в 1932 г.

[31] Роман-эпопея Жюля Ромена (1885–1972), публиковавшийся в 1932–1946 гг.

ду) Нобелевскую премию. Его книги, как и книги Мережковского, Куприна и (позволим себе добавить) автора этих строк, были переведены на более двадцати иностранных языков. Европейская критика высоко оценила Шмелева, Ремизова и Зайцева. Роман Осоргина «Улица в Москве»[32] имел большой успех в США (более 40 000 экземпляров, проданных за несколько месяцев); у г-жи Одоевцевой успех в Англии. Пьесы Сургучева[33], Полякова[34], Ренникова[35] исполнялись в Италии, в скандинавских и других странах.

Не нам выносить здесь общее суждение о литературе «fuorusciti»[36]. В ней, несомненно, есть большие недостатки, но писатели, составляющие ее, работали не покладая рук, чтобы она нашла определенное место в общей истории русской литературы.

Марк Алданов
(*перевод С.А. Гарциано*)

Дата поступления статьи: 24 ноября 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 17 сентября 2024 г.
Дата публикации: 29 декабря 2025 г.

Received: November 24, 2023
Approved: September 17, 2024
Date of publication: December 29, 2025

---

[32] Французское название «Une Rue à Moscou» романа-хроники «Сивцев Вражек» (1928).

[33] И.Д. Сургучев (1881–1956) — прозаик и драматург. Один из организаторов Русского камерного театра (Прага, 1920-е гг.). Во Франции были поставлены его пьесы: «Осенние скрипки», «Торговый дом», «Игры», «Реки Вавилонские», «Человек, сорвавший банк в Монте-Карло».

[34] Polaskoff в тексте оригинала. Речь идет о литературном деятеле и драматурге С.Л. Полякове (1875–1945), известном под псевдонимом С. Поляков-Литовцев. Пьесы «Огненное кольцо» (1913), «Лабиринт» (1912, в 1920-е гг. поставлена на французском, немецком, итальянском языках), «Дон-Жуан — супруг смерти» (1924, в сотрудничестве с П.П. Потемкиным; пьеса шла в Италии и Франции).

[35] А.М. Ренников (наст. фам.: Селитренников, 1882–1957) — писатель и драматург. Пьесы на темы русской эмиграции «Тамо далеко» (1922, Белград), «Галлиполи» (София), «Беженцы всех стран» (София, 1925). Книга драматических произведений «Комедии» (1931). Похоронен, как и Алданов, на кладбище Кокад в Ницце.

[36] изгнанников (*итал.*).

Научная статья и публикация архивных документов

УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-267-281
https://elibrary.ru/XJBIUA

«…ПОТЕРЯ ЕГО БЫЛА БЫ ДЛЯ МЕНЯ БОЛЬШОЙ БЕДОЙ». К ИСТОРИИ РОМАНА «ИСТОКИ» М.А. АЛДАНОВА

© 2025 г. А.В. Мартынов

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Аннотация: В статье на основе разнообразного, в том числе раннее не публиковавшегося, эпистолярного наследия М.А. Алданова реконструируется история создания романа «Истоки». Она охватывает период от 1942 г., когда писатель приступил к написанию текста до 1948 г., когда им были внесены последние правки в рукопись отдельного издания романа. «Истоки» задумывались беллетристом задолго до начала непосредственной работы над произведением, ставшего в итоге вершиной алдановского творчества. Автором исследуются причины выбора темы. Литератор видел в описываемом в книге цареубийстве 1 марта 1881 г. начало событий, приведших к крушению российской государственности в 1917 г. Прослеживается процесс отбора персонажей и собственно написания романа. Также приводятся споры Алданова со своими корреспондентами о новом произведении, в частности, дискуссия о возможности достоверного изображения, как конкретных исторических лиц, так и всей прошедшей эпохи, рассматриваются их замечания и оценки произведения. Исследователь, используя архивные источники, корректирует сроки окончательного завершения работы над рукописью романа. Показаны сложные проблемы, с которыми столкнулся Алданов, в ходе поиска издательств при напечатании русского издания «Истоков».

Ключевые слова: Алданов, Гребенщиков, Набоков, Маклаков, Адамович, Кускова, Бунин, Тэффи, Зайцев, YMCA.

Информация об авторе: Андрей Викторович Мартынов — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Международная лаборатория исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1, 105066 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2283-5477
E-mail: martyyynov@yandex.ru

Для цитирования: *Мартынов А.В.* «…Потеря его была бы для меня большой бедой». К истории романа «Истоки» М.А. Алданова // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Вып. 3 / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 267–281. https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-267-281

Research Article and Publication of Archival Documents

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

"…LOSING IT WOULD BE A BIG DISASTER FOR ME". ON THE HISTORY OF THE NOVEL "BEFORE THE DELUGE" BY M.A. ALDANOV

© 2025. Andrei V. Martynov

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics.

Abstract: The article reconstructs the history of the creation of the novel *Before the Deluge* based on the diverse, including previously unpublished, epistolary heritage of M.A. Aldanov. It covers the period from 1942, when the writer began writing the text, to 1948, when he made the last edits to the manuscript of a separate edition. *Before the Deluge* was conceived by the writer long before the writer long before the beginning of direct work on the fiction, which eventually

became the pinnacle of Aldanov's work. The author explores the reasons for choosing the topic. The writer saw in the regicide on March 1, 1881, described in the book, the start of the events that led to the collapse of Russian statehood in 1917. The process of selecting characters and novel writing itself is traced. Also cited are Aldanov's disputes with his correspondents about the new work, in particular, his discussion concerning the feasibility of a reliable depiction of both specific historical figures and the entire past era, their comments and assessments of the work are considered. The researcher, using archival sources, corrects the dates of the final completion of the novel manuscript. The complex problems that Aldanov encountered during the search for publishers when printing the Russian edition of *Before the Deluge* are shown.

Keywords: Aldanov, Grebenshhikov, Nabokov, Maklakov, Adamovich, Kuskova, Bunin, Teffi, Zaitsev, YMCA.

Information about the author: Andrei V. Martynov, PhD in Philosophy, Senior Researcher, International Laboratory for Research on Russian-European Intellectual Dialogue National Research University Higher School of Economics, Staraia Basmannaia St. 21/4, bld. 1, 105066 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2283-5477
E-mail: martyyynov@yandex.ru

For citation: Martynov, A.V. "'...Losing It Would Be a Big Disaster for Me'. On the History of the Novel 'Before the Deluge' by M.A. Aldanov." *Emigrantica*. Issue 3, ed.-comp. E.R. Ponomarev, acad. ed. E.R. Ponomarev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 267–281. (In Russian)
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-267-281

«Истоки», по мнению большинства критиков [4, с. 280; 7, с. 4; 14, с. 286] и самого Марка Александровича Алданова (1886–1957), посвятившего свой magnum opus супруге Татьяне Марковне, являются лучшим его романом[1]. Эпистолярное наследие прозаика, в том числе неопубликованные письма, позволяют точнее понять, как он работал над своей книгой.

[1] См., напр.: М.А. Алданов. Письмо В.А. Александровой от 11 апреля 1953 г. Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой». Архив Русского Зарубежья (далее: АРЗ). Фонд М.А. Алданова. Оп. 2. КП-735/31.

Первые наброски нового труда, вероятно, относятся к 1942 г.[2]. Так, 31 мая автор сообщал В.В. Набокову: «Окончив свои “Политические рассказы”[3], я, вероятно, начну исторический роман, о котором подумываю давно. В этом нет противоречия с тем, что я Вам писал в прошлом письме: меня действительно интересуют лишь нынешние грандиозные события, но этот роман из недавнего прошлого (19 век) будет именно об этом: откуда это пошло» [13, с. 135].

На следующий год 10 мая 1943 г. литератор признавался Набокову, что работает над «Истоками» медленно, так как терзается мыслью о том, что «совестно писать теперь исторический роман» [13, с. 135]. Скепсис и сомнения не покидали его и в дальнейшем. Вновь обращаясь к автору «Машеньки» 27 ноября 1943 г., писатель охарактеризовал свой труд как «самый длинный (и, б<ыть> м<ожет>, самый плохой) роман в русской литературе» [13, с. 136][4].

Такое, возможно, излишне пристрастное отношение к себе и к своему сочинению[5], правда, через год сменившееся более взвешенными оценками, тем не менее, постоянно поглощало все его время. Поэтому Алданов 29 июня 1945 г. оговаривался в письме к И.А. Бунину: «кроме “Истоков” я ничего не пишу» [11, с. 136]. То же он повторил и Г.В. Адамовичу 1 октября 1945 г., в ответ на переданную поэтом П.С. Ставровым просьбу о сотрудничестве в сборнике «Встреча»: «занимаюсь только “Истоками” и из русских изданий печатаюсь только в “Новом журнале”» [16, с. 307].

Полтора месяца спустя 23 ноября прозаик делился с Буниным мучившим его вопросом, «что мне делать, когда кончу “Истоки” — не знаю» [11, с. 137]. Несколько подробнее летом 1946 г. Алданов писал жившему в Канаде общественному деятелю А.Б. Жарковскому: «работал я над “Истоками” более четырех лет. Теперь — впервые в жизни — не знаю, что писать. Подумываю о небольших рассказах для американских богатых (надо же жить) журналов, подумываю о поездке в Голливуд, но только ничего не придумал» [15, с. 86].

Первоначально будущая книга печаталась в «Новом журнале»[6]. Алданов интересовался мнениями своих друзей и знакомых о романе. 12 июля 1945 г. он писал Адамовичу: «Буду очень признателен,

---

[2] Подробнее о романе и биографическом контексте см.: [4, с. 273–282; 6, p. 192–207; 3, с. 40–41; 2, с. 455–570].

[3] Речь идет о не связанных между собой рассказах о недавней или современной истории: «Фельдмаршал», «Тьма», «На Розе Люксембург», «Микрофон».

[4] См. также: [15, с. 86].

[5] Писателем, в числе прочего, в рукописи был полностью отвергнут эпилог [3, с. 40].

[6] 1943. № 4, 6; 1944. № 7–9; 1945. № 10–12; 1946. № 13.

если откровенно напишете мне свое мнение об “Истоках”. Именно мне, — рецензии ни к чему» [16, с. 298].

8 мая 1944 г. одним из первых откликнулся на журнальный текст романа В.В. Набоков, в целом высоко оценив роман, но оговорившись, что «*немножко* (курсив Набокова. — *А.М.*) против симметрии между визитом одного героя к Бакунину, а другого героя к Достоевскому, но, может быть, это намеренно, и тогда эта кариатидность оправдана» [13, с. 136]. Алданов оперативно отреагировал уже на следующий день, «сердечно» поблагодарив «за добрые слова обо мне. В дальнейшем “кариатидности” не будет. У меня еще появится немало знаменитых людей, но это будут иностранцы, и я к ним своих русских действующих лиц направлять не буду. Буду просто их показывать без связи с фабулой романа: они мне нужны как “истоки”, вот и будет показано, как, напр<имер>, Маркс или Гладстон узнают о том же Берлинском конгрессе, и пусть лучше меня ругают за “отсутствие плана”, чем за искусственные приемы. Боюсь, однако, что этот роман страниц в 1500 и никогда не будет кончен» [13, с. 136].

Бунин, напротив, избегал каких-либо замечаний в письме от 28 августа. Он просто «читал Вас <…> так интересно, так волнует» [17, с. 178]. Отозвался на публикацию в «Новом журнале» и другой постоянный корреспондент писателя, политик и общественный деятель В.А. Маклаков. Не преминув сравнить ее (в письме от 24 декабря 1945 г.) с романом «Ключ», который «есть “вклад” в историю, необходимый для понимания тем, кто сам этого времени не переживал», дипломат заявлял, «когда же речь идет о прошлом, это как “картинки” к тексту: чем Вы лучше знаете эпоху, тем они интереснее. Но весь вопрос в том, насколько точно, т. е. внутренне правильно, изображены эти люди. В частности, Александр II. Да и “народовольцы”. В Вашем изображении их невольно чувствуется отголосок “легенды”, кот<орый> делает их “сверхлюдьми”, обратно с тем, что происходит с “историческими героями” — Бисмарком, Дизраэли и т. д. Здесь относительно них такой подход полезен, т. к. приближается к реальности: эти люди становятся более живы. А революционная среда, ибо она все-таки среда, она с этими людьми мне не стала понятнее. Но читать все это очень завлекательно» [18, с. 154]. В письме от 30 января 1946 г. высказывалось мнение о минусах журнального варианта, когда «печатать отдельные главы, с пропусками, как Вы делаете с “Истоками”, для книги, где весь интерес в цельности, а не в эпизодах, интересных самостоятельно, было бы варварством». Одновременно эпистолярный разговор возвращался к теме предыдущего послания[7], связанного с проблемой «кано-

[7] Так как Алданов не разобрал его почерк в предыдущем письме [18, с. 162].

ничности образов» исторических персонажей: «этот канонический образ может действительности и не соответствовать, отражать понимание современников. Задача историка — его поправить и показать, в чем была ошибка. Но когда это делает романист по своему произволу, не доказом, а показом, он может вводить в заблуждение; так Толстой исказил и Наполеона, и особенно Кутузова. Во мне есть протест “историка”[8] против этой свободы, и я нахожу, что романисту лучше этих людей не трогать; я не хочу сказать, что Вы их исказили; не знаю. <…> Есть ли у Вас достаточный материал, чтобы изобразить их живыми, как они были?» [18, с. 162]. Алданов, отвечая 12 февраля, не соглашался, «так ли верно, что у каждого исторического лица есть “канонический образ”? Я писал когда-то, что “суда истории” вообще нет, — это миф: есть суд историков, который меняется каждые 25–50 лет[9]; да и в течение одного периода они во всем между собой расходятся: ведь “беспристрастные историки” есть во всех партиях. Без всяких сомнений, мое изображение того или иного исторического лица может быть оспорено, но то же самое верно в отношении профессиональных историков, даже больших. Разве не оспаривался Цезарь Моммзена? Разве не оспаривались знаменитые характеристики (царей) Ключевского» [18, с. 166].

11 мая 1946 г. Маклаков признал правду Алданова. Я «с большим интересом читаю Ваши “Истоки”. Я, может быть, приписываю им не то, что Вас интересует, но я невольно вижу в них фотографии того же явления, кот<орое> сам наблюдал и теперь, кажется, буду еще наблюдать. Это качание той же волны. Революционеры, либералы и старый порядок, status quo. Я беру назад то, что говорил про революционеров. Они, в общем, у Вас схвачены верно; может быть, и мелодия честности правильна» [18, с. 189].

Возник спор у Алданова и с Адамовичем, который 12 февраля 1946 г. «читал “Истоки” не отрываясь, хотя и поневоле сразу с середины[10]. Увлекательны не факты, а то, что Вы говорите о людях — о Чернякове, например. Это типичный образец Вашей “жертвы”, и скольким таким Черняковым, не плохим и не очень глупым, в сущности, людям, должно быть страшно с Вами встречаться. Когда-то я об этом с Вами говорил —

---

[8] До получения высшего юридического образования в 1894 г. Маклаков окончил историко-филологический факультет Императорского Московского университета. Был автором публикаций по истории Древнего мира и Средних веков.

[9] Ср.: «Нет суда истории, — сказал Пьер Ламор. — Есть суд историков, и он меняется каждое десятилетие» [9, с. 189].

[10] Он «получил (вернее, достал), “Новый ж<урнал>”, 9-я и 10-я книжки. Предыдущих я так и не видал» [16, с. 308].

по поводу Кременецкого — и Вы со мной как будто не соглашались[11]. Но едва ли Вы были правы. Необыкновенно интересно у Вас, впрочем, все — в частности, о Ал<ександре> II» [16, с. 308].

На это 6 марта последовало следующее возражение: «так как знатоков искусства, подобных Вам, немного, то Вы легко поймете, как Ваше суждение для меня важно. Но вот, ей-Богу, мне трудно поверить, будто Черняков у меня изображен в непривлекательном свете (Кременецкий — другое дело). Нет, я его своей жертвой не считаю» [16, с. 309].

В свою очередь Б.К. Зайцев напротив еще 7 февраля 1946 г. предсказывал: «Роман Ваш отличный и прочно останется в литературе нашей» [4, с. 279]. А публицист и общественный деятель Е.Д. Кускова полагала, что персонажи изображены удачно, на что и обращала внимание 9 января 1947 г. «Все выйдет ложь, если оставить одну политику. Вот как Вы описали Гесиньку[12] или Перовскую. Другие фигуры, человеческие, но другие, чем знала их публика по брошюрам. И ведь что выходит, в чем Вас некоторые “обвиняют”[13]: не будь столь острой любви Перовской к Желябову, не будь его ареста, возможно, что Александр II не был бы убит или, во всяком случае, не был бы убит 1-го марта с такой силой фанатической устремленности. Отнимите эту интимную деталь — любовь, оставьте политику только — и все будет не так, и все будет не житейской правдой, а лишь схемой» [12, с. 320].

О том же размышлял 17 апреля 1949 г. беллетрист и критик Г.Д. Гребенщиков, отмечая «честность в оценке времени убийства Александра Второго <…> В вашем чувстве меры я уважаю приемы исторических описаний или изображений» [20, с. 223]. Также им высказано мнение, несколько задевшее адресата: «я открыто презираю социал-демократический, или, как его там, революционный онанизм насчет “проклятого царизма”, который виноват даже в том, что не был революционным. Надо быть по-революционному бесчестным, чтобы все валить на царизм» [20, с. 223]. Алданов ответил с большим опозданием. 3 июня он возражал создателю «Чураевых»:

---

[11] Семен Исидорович Кременецкий — один из сквозных персонажей трилогии «Ключ», «Пещера», «Бегство». В своей рецензии Адамович акцентировал внимание на его «типичности», находя параллели с Омэ из «Мадам Бовари» и с Обломовым [7, с. 2]. Ответ Алданова, вероятно, имел место в несохранившемся письме или в устной беседе.

[12] Геся Мироновна (Мееровна) Гельфман (1855–1882) — член «Народной воли», террористка.

[13] Подобная критика имела место и в дальнейшем. Например, публицист И.Л. Солоневич увидел в романе «очень большую неудачу очень большого художника», так как в книге нет превосходства императорской власти над революционерами, которых писатель «идеализирует» [21, с. 2].

«спасибо за то, что говорите о моих писаниях. Я старался быть “объективным” в исторических оценках, но мою “контрреволюционность” Вы преувеличиваете. Я ненавижу “практику” большинства революций, но идеям февраля 1917 года или 1789 года сочувствовал всегда и сочувствую» [20, с. 225][14].

Одновременно в разговорах со знакомыми прозаик делился мыслями об «Истоках». Пожалуй, главным конфидентом среди них выступал Маклаков, в письме к которому от 12 ноября 1945 г. автор, раскрывая свой замысел, рассказывал, как «Коновалов, Карпович, Николаевский, Денике[15] и я <…> спорили о Думах, о 1916–7 годах. Одни находили, что еще в 1916 году можно было “все спасти”. Я лично думаю, что последняя возможность избежания революции была в 1881 году, — этой эпохе и посвящен мой роман “Истоки”» [18, с. 145].

Два месяца спустя, 25 января 1946 г. он развил свою мысль. «Очень горжусь, что в 1937 году начал печатать, а в 1939 году выпустил книгу под названием “Начало Конца”[16]. И еще больше огорчаюсь, что оказался прав[17]. В “Истоках” же меня только и интересует:

---

[14] Ср. с письмом Маклакову от 14 сентября 1950 г.: «действительно, я революцию ненавижу» [18, с. 378].

[15] Александр Иванович Коновалов (1875–1949) — предприниматель, в разное время был членом Торгово-промышленной партии, Партии мирного обновления и Прогрессивной партии, депутат IV государственной думы, министр торговли и промышленности, заместитель министра-председателя во Временном правительстве; в эмиграции возглавлял ряд общественных организаций.

Михаил Михайлович Карпович (1888–1959) — историк, член Партии социалистов-революционеров, секретарь Особого совещания по обороне, секретарь посла Временного правительства в США Б.А. Бахметьева; в эмиграции преподавал историю в Гарвардском университете.

Борис Иванович Николаевский (1887–1966) — политик, член ЦК РСДРП(м); в эмиграции историк, архивист, директор архива Гуверовского института войны, революции и мира.

Юрий Петрович Денике (1887–1964) — политик, член РСДРП(б), а затем РСДРП(м), профессор кафедры социологии и этнологии факультета общественных наук Московского Университета; в эмиграции редактировал немецкие и русские общественно-политические журналы, работал историком-консультантом в Гарвардском русском исследовательском центре и Информационном агентстве Соединенных Штатов.

[16] Вышел только первый том романа (Париж: Русские записки, 1939). Не была окончена и журнальная публикация заключительной части в «Современных записках» (1938. № 68, 1939. № 69, 1940. № 70). Пропущенные главы и окончание появились в «Новом журнале» (1942. № 2, 3). Отдельные издания печатались на английском (1943 г.) и шведском (1944 г.) языках. Полное русское издание при жизни писателя осуществлено не было.

[17] Изображенные в книге социально-политические тенденции (слабость европейской демократии, картины гражданской войны в Испании, массовые репрессии второй половины 1930-х гг. в СССР) в значительной степени подтвердились в реальности. Одновременно роман предвосхищал прозу Д. Оруэлла и А. Кестлера [4, с. 273].

откуда пошло все то, что теперь происходит в мире? Ведь и народовольцы, и Бисмарк, и Вагнер, и Гладстон, и Маркс, и Бакунин были именно истоками, — от некоторых из них пошло и хорошее (в особенности от Гладстона)» [18, с. 159].

Выбор исторических персонажей, по признанию Алданова, сопровождался определенными трудностями, о которых он сообщал 12 февраля 1946 г.: «Могу только сказать, что литературу о выведенных мною исторических лицах изучал добросовестно и потратил на это годы — иногда и без всякой пользы (так, я месяца три потратил на перечитыванье Ницше и на изучение литературы о нем, а затем отказался от мысли вывести его в “Истоках”, так как пришел к выводу, что он “истоком” не был: общее место, будто он был предшественником национал-социализма, показалось мне вздорным и нелепым)» [18, с. 166]. Также (письмо от 18 октября 1945 г.) Алданов рассказывал Маклакову как создавал background романа, включая культуру повседневности. Я «читаю старых второстепенных романистов, живших в ту эпоху, которую я пытаюсь описать в романе “Истоки”. Право, смешно и стыдно. Это Хвощинская написала: “бывали времена хуже, но подлее не было” (Некрасов взял у нее)»[18] [18, с. 142].

Вспоминал о работе над новым произведением он и в письмах к Бунину. 7 февраля 1946 г. Алданов предупреждал нобелевского лауреата: «А цирк я писал с бродячего американского цирка, к которому два с лишним года тому назад пристал… Говорю это потому, что Вы терпеть не можете “выдумщиков”» [22, с. 133].

Весной 1946 г. работа над рукописью, точнее, над ее первоначальным вариантом[19], завершилась, с чем 1 мая прозаика поздравил Михаил Чехов [3, с. 41; 4, с. 274].

Тогда же встал вопрос об издании книги, которое серьезно усложнялось последствиями недавней нацистской оккупации Франции и послевоенной разрухой. Автор сообщал Жарковскому, что выпустить книгу «по-русски <…> невозможно, по крайней мере в С<оединенных> Штатах. Печатание и бумага обошлись в 4 500 дол-

---

[18] Надежда Дмитриевна Хвощинская (1821–1889) — поэтесса, писательница, переводчица, литературный критик. Подписывала свои сочинения псевдонимом В. Крестовский. В рассказе «Счастливые люди (Отрывки из записной книжки)» повествователь утверждал во внутреннем монологе о современном человеке: «Были времена хуже — подлее не бывало!» (Отечественные записки. 1874. № 4. С. 363). Некрасов процитировал эту фразу в поэме «Современники» (1875): «Я книгу взял, восстав от сна, / И прочитал я в ней: / «Бывали хуже времена, / Но не было подлей» (Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1982. Т. 4. С. 187). Благодаря Некрасову фраза стала крылатой.

[19] В дальнейшем Алданов, поставив в качестве окончания работы 5 мая 1946 г. [4, с. 274], продолжил вносить в текст «Истоков» в основном редакторскую правку (см. Приложение).

ларов, издателей русских нет, а из моих денег я тратить такую сумму не могу и не хочу. Значительно дешевле издание книг во Франции… Я попытался заключить соглашение с парижской типографией» [15, с. 86], но, замысел, так и не осуществился[20]. О том же он писал 9 июля 1946 г. и Маклакову: «13-ая книга “Н<ового> Журнала” Вам давно послана. В ней помещен последний отрывок “Истоков”. Отдельное издание по-русски выпустить невозможно, — нет издателей. Английское издание (т. е. американское) я давно запродал Скрибнеру[21], хотя думаю, что американцам эта книга интересна никак быть не может» [18, с. 196].

Год спустя ситуация не изменилась, о чем Алданов 5 января 1947 г. вновь жаловался Кусковой, потому что, хотя «роман кончен, выйдет по-английски и, вероятно, на других языках, но не по-русски! Русских издательств больше нет!» [12, с. 317]. Та же мысль, но более детально излагалась 10 мая 1947 г. Адамовичу: «Забавно: роман этой осенью выходит по-английски у Скрибнера, появится, конечно, и на других языках, а оригинал издать трудно. Знаете ли Вы, что в 1920–23 году в разных странах эмиграции было более шестидесяти русских издательств? Теперь фактически остались “ИМКА” и “Возрождение”, да и они, кажется, выпускают по три с половиной книги в год[22]. Подождем, как говорится, лучших времен[23]» [16, с. 319].

Через год (что de facto подтверждало опасения Алданова, вызванные присущим ему пессимизмом) романисту удалось договориться с YMCA-Press, о чем подробно рассказывалось в уже цитированном июньском письме к Гребенщикову. Я «предложил “Истоки” почти два года тому назад, ждал ответа больше года, потом получил ответ, что они принимают, а когда книга выйдет, известно одному Богу. И я их нисколько не виню. Там сидят очень хорошие люди, но что им делать, когда книги не продаются и, следовательно, средства (выручка от про-

---

[20] Возможно, условия издания романа были схожи с предпринятой двумя годами позднее попыткой напечатать трактат «Ульмская ночь». Они в частности излагались в письме от 21 сентября 1948 г. к литературному агенту Михаилу Гофману: «я готов отдать эту книжку (скажем, <…> в две тысячи экземпляров) без гонорара и заплатить с них комиссию из своего кармана». Оп. 3. КП-750/15.

[21] Before the Deluge / tr. Catherine Routsky. New York: Charles Scribner’s Sons, 1947. На следующий год, в том же переводе книга была переиздана в Лондоне издательством Jonathan Cape Limited.

[22] Ср. с письмом от 3 июня 1949 г. к Гребенщикову: «издательств, как Вы знаете, в четырех частях света нет (русских, конечно), а в Европе есть одно, YMCA, заваленное купленными или одобренными рукописями и выпускающие три или четыре в год» [20, с. 225].

[23] Ср. с письмом Алданова Гофману от 25 января 1950 г. по поводу неудачи в издании «Ульмской ночи»: «Останется для “посмертного издания”» АРЗ. Оп. 3. КП-750/39.

дажи) не поступают» [20, с. 225]. 29 сентября 1948 г. писатель сообщал одному из руководителей YMCA и Éditeurs réunis Борису Михайловичу Крутикову (1884–1968), что двумя днями позднее пошлет окончательный текст своего исторического романа (см. Приложение).

«Истоки» вышли в 1950 году в двух томах. Сроки печатания книг действительно соответствовали беспокойству, высказанному в алдановских письмах[24]. Впрочем, теперь прозаика больше волновали размеры тиража и возможности его реализации. В частности, весной 1953 г. в письме к редактору нью-йоркского издательства имени Чехова Т.Г. Терентьевой, он вспоминал ушедшее «золотое время продажи книг», когда «моего романа “Девятое Термидора”, вышедшего в 1922 году в Берлине, было продано тысяч восемь экземпляров (четыре издания), а “Истоков” (которые, по-моему, интереснее) — пока 1100! (за два-три года). Издательство YMCA-Пресс считало это успехом и чуть ли не поздравляло меня![25]»[26]. А с Тэффи делился сомнениями: «Откуда было взяться в эмиграции безумцам, способным заплатить по 1500 франков за книгу?» [4, с. 278].

Значимость романа осознавалась им и ранее. Так, когда работа над рукописью еще продолжалась, Алданов в 1946 году сообщал Жарковскому: «насколько автор может судить, это лучшая, т<о> е<сть>, наименее плохая из моих книг» [15, с. 86]. Позднее, по завершении труда, он схожим образом обращал внимание Адамовича 19 марта 1952 г.: «Я в свои старые книги вообще заглядываю редко, кроме «Истоков», — эту книгу я люблю»[27] [16, с. 347]. Ссылался на нее писатель и, адресуясь к Н.А. Тэффи 21 марта 1952 г.: «У меня в “Истоках” Мамонтов говорит, что хохол Гоголь неизмеримо лучше писал великороссов, чем хохлов»[28] [19, с. 158]. За четыре дня до смерти 21 февраля

---

[24] Подобная проблема была характерна для многих принятых рукописей. Например, отправленную в YMCA в 1948 г. повесть И.С. Шмелева «Куликово поле» издали лишь в 1958 г., спустя восемь лет после смерти писателя (АДРЗ. Ф. 41. Фонд И.С. Шмелева. Оп. 1. Д. 22. Л. 2–6). Вероятно, помимо финансовых проблем, на которые указывал Алданов, подобные задержки частично могут быть объяснены неудовлетворительной работой типографии. См. письмо А.В. Карташева Б.М. Крутикову от 10 мая 1959 г. (АДРЗ. Ф. 12. Коллекция документов Н.А. Струве. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 11).

[25] Тем не менее тираж полностью реализован не был. Автор настоящей статьи видел, как его остатки в течение нескольких лет продавались в магазине при Доме Русского зарубежья в Москве еще в начале 2010-х.

[26] АРЗ. Оп. 2. КП-735/31.

[27] Ср. с письмом к Бунину от 26 февраля 1950 г.: «Все же это наименее плохая, по-моему, из всех моих книг» [4, с. 278; 22, с. 142].

[28] Ср.: «этот влюбленный в свою землю малоросс гораздо лучше писал великороссов, чем хохлов. Все его богатыри, вместе взятые, не стоят одного Ноздрева». [10, с. 525–526].

1957 г., в письме к литературоведу и писателю Л.Д. Ржевскому (Суражевскому) Алданов вновь признавался: «Я сам считаю лучшей из своих книг “Истоки”, избранный в Англии “Book Society” в 1948 году»[29].

Сложности с публикациями у Алданова завершились в том же году, когда возникло Издательство имени Чехова[30], которое возглавил его друг и переводчик Николай Вреден[31]. В «Чехове» романист опубликовал две своих новых книги («Живи как хочешь»[32], «Ульмская ночь») и переиздал старый роман («Ключ»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Трибунский П.А.* Фонд Форда, фонд «Свободная Россия» / Восточноевропейский фонд и создание «Издательства имени Чехова» // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2013. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014. С. 577–600.
2. *Уральский М.Л.* Марк Алданов: писатель, общественный деятель и джентльмен русской эмиграции. СПб.: Алетейя, 2019. 802 с.
3. *Чернышев А.А.* «Истоки» // Литературная энциклопедия Русского зарубежья. 1918–1940. М.: Российская политическая энциклопедия, 2002. Т. 3: Книги. С. 40–41.
4. *Чернышев А.А.* Материк по имени «Марк Алданов» // *Чернышев А.А.* Открывая новые горизонты. Споры у истоков русского кино. Жизнь и творчество Марка Алданова. М.: Паблит, 2017. С. 201–357.
5. *Karpovich M.* The Chekov Publishing House // Russian Review. 1957. Vol. 16. № 1 (June). P. 53–58.
6. *Lee N.C.* The novels of Mark Aleksandrovič Aldanov, La Haye, Mouton, 1969. 386 p.

Источники

7. *Адамович Г.В.* Литературные заметки: М.А. Алданов. «Истоки» // Русские новости. 1947. № 124. 17 окт. С. 4.
8. *Адамович Г.В.* По поводу «Пещеры» // Последние новости. 1936. № 5544. 28 мая. С. 2.

---

[29] Beinecke Rare Book and Manuscript Library. L. Rzhevsky papers. Box 1, folder 7 «Aldanov, Mark / 1954–1964». – Сердечно благодарю П.А. Трибунского за предоставленный документ.

[30] Подробнее об издательстве см.: [1, с. 577–600; 4, p. 53–58].

[31] Алданов и Вреден заочно познакомились 9 апреля 1943 г. (АРЗ. Оп. 2. КП-735/31). Их переписка охватывает 1943–1955 гг. (см.: АРЗ. Оп. 2. КП-746/1; Оп. 2. КП-746/62).

[32] В основу романа лег упомянутый изъятый эпилог «Истоков» [3, с. 40].

9. *Алданов М.А.* Девятое термидора // *Алданов М.А.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Правда, 1991. Т. 1. С. 37–316.
10. *Алданов М.А.* Истоки (Ч. 4–17) // *Алданов М.А.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Правда, 1991. Т. 5. С. 5–554.
11. *Грин М.* Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниным // Новый журнал. 1965. № 81. С. 110–147.
12. Из переписки М.А. Алданова и Е.Д. Кусковой / публ. Е. Эткинда // Евреи в культуре Русского зарубежья. Сб. статей, публикаций, мемуаров и эссе. Иерусалим: [Б.и.], 1992. Вып. 1. С. 310–343.
13. «Как редко теперь пишу по-русски…» Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова / под ред. А.А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 1. С. 121–146.
14. *Карпович М.* «Истоки». М.А. Алданова// Новый журнал. 1950. № 24. С. 286–288.
15. *Климов Е.Е.* Встречи в Петербурге, Риге, русском зарубежье : из воспоминаний художника. Рига: Улей, 1994. 120 с.
16. *Коростелев О.А.* «…Не скрывайте от меня Вашего настоящего мнения»: Переписка Г.В. Адамовича с М.А. Алдановым (1944–1957) / предисл., подгот. текста и коммент. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. М.: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2011. С. 290–478.
17. Переписка И.А. Бунина с М.А. Алдановым / под ред. А. Звеерса // Новый журнал. 1983. № 150. С. 159–190.
18. «Права человека и империи»: В.А. Маклаков — М.А. Алданов. Переписка 1929–1957 гг.) / под ред. О.В. Будницкого. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 1144 с.
19. «Приблизиться к русскому идеалу искусства…» Из литературной переписки М.А. Алданова / под ред. А.А. Чернышева // Октябрь. 1998. № 6. С. 142–163.
20. *Росов В.А.* Переписка М.А. Алданова и Г.Д. Гребенщикова / вступ. ст., публ. и примеч. В.А. Росова // Новый журнал. 2013. № 273. С. 207–237.
21. *Солоневич И.* «Истоки» // Наша страна. 16 июня 1951. № 74. С. 1–2.
22. «Этому человеку я верю больше всех на земле». Из переписки И.А. Бунина и М.А. Алданова / вступ., публ., подгот. текста и примеч. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 3. С. 115–156.

REFERENCES

1. Tribunskii, P.A. "Fond Forda, fond 'Svobodnaia Rossiia' / Vostochnoevropeiskii fond i sozdanie ' Izdatel'stva imeni Chekhova'" [Ford Foundation, "Free Russia" Foundation / East European Foundation and the creation of the

Chekhov Publishing House]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia im. Aleksandra Solzhenitsyna* [*Yearbook of the House of Russian Abroad named after Alexander Solzhenitsyn*], 2013. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna Publ., 2014, pp. 577–600. (In Russian)
2. Ural'skii, M.L. *Mark Aldanov: pisatel', obshchestvennyi deiatel' i dzhentl'men russkoi emigratsii* [*Mark Aldanov: Writer, Public Figure and Gentleman of Russian Emigration*]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2019, 802 p. (In Russian)
3. Chernyshev, A.A. "'Istoki'" ["Before the Deluge"]. *Literaturnaia entsiklopediia Russkogo zarubezh'ia. 1918–1940* [*Literary Encyclopedia of Russian Abroad. 1918–1940*], Vol. 3. Books. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia Publ., 2002, pp. 40–41. (In Russian)
4. Chernyshev, A.A. Materik po imeni "Mark Aldanov" [A mainland named Mark Aldanov] Chernyshev, A.A. *Otkryvaya novye gorizonty. Spory u istokov russkogo kino. Zhizn' i tvorchestvo Marka Aldanova* [*Opening up new horizons. The controversy at the origins of Russian cinema. The life and work of Mark Aldanov*]. Moscow, Pablit Publ., 2017, pp. 201–357. (In Russian)
5. Karpovich, M. The Chekov Publishing House. *Russian Review*, vol. 16, no. 1 (June), 1957, pp. 53–58. (In English)
6. Lee, N.C. *The novels of Mark Aleksandrovič Aldanov*. La Haye, Mouton, 1969. 386 p. (In English)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо М.А. Алданова Б.М. Крутикову

16, avenue G. Clemenceau, Nice[33]
29 сентября 1948

Многоуважаемый Борис Михайлович.

Послезавтра в пятницу пошлю Вам заказными пакетами в е с ь[34] текст «Истоков». Мог бы послать и завтра, но все равно в субботу Вам он верно не нужен, а в понедельник Вы все будете иметь. Это мой единственный[35] экземпляр, потеря его была бы для меня большой бедой.

На тексте есть множество карандашных поправок и особенно сокращений. Они никакого значения не имеют: сокращения я про-

[33] Адрес вписан от руки.
[34] Здесь и далее разрядка Алданова.
[35] Здесь и далее подчеркнуто карандашом.

изводил для иностранных изданий[36] (их уже приобретено шесть[37]). Все, что нужно было сократить, изменить, дополнить для русского издания я указал ч е р н и л а м и (добавки — на пишущей машине)[38]. Справа наверху каждой страницы (все равно печатной или рукописной, т. е. отбитый на машинке) я чернилами поставил номер. Так что порядок набора определяется исключительно этими номерами, написанными черно-синими чернилами. Книга делится на части. Каждую часть надо будет начинать с новой страницы. Мне все равно, издадите ли Вы роман в двух или трех книгах. Я все последние две недели работал только над выправлением и приведением в порядок текста.

Шлю Вам искренний привет.
С искренним уважением[39]
М. Алданов

Публикуется по: АДРЗ. Ф. 12. Коллекция документов Н.А. Струве. Оп.2. Ед. хр. 3. Л. 1.
Копия: АДРЗ. Ф. 23. Документы о деятельности издательства YMCA-Press. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 7.
Машинопись, приписки и подпись — автограф.

Дата поступления статьи: 24 ноября 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 17 сентября 2024 г.
Дата публикации: 29 декабря 2025 г.

Received: November 24, 2023
Approved: September 17, 2024
Date of publication: December 29, 2025

---

[36] Сокращения касались, главным образом, отечественных реалий, непонятных для зарубежного читателя. Кроме того, была изменена структура книги. Вместо 17 частей, разделенных на главки в русском издании, иностранные издания состояли из 2 частей по 28 глав включительно.

[37] В библиографиях и библиотечных каталогах автор нашел четыре издания романа на иностранных языках: Before the Deluge. New York, Scribner's Sons, 1947; Before the Deluge. London, Jonathan Cape Limited, 1948; Vor der Sintflut. Zürich, Morgarten Verlag, 1948; Avant le Déluge. Paris, Hachette, 1949.

[38] Здесь и далее текст в скобках вписан от руки над строкой.

[39] Вписано от руки.

ЖЕНЩИНЫ
В ЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Научная статья

УДК 821.054.7.0
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-282-294
https://elibrary.ru/XBHBKM

«ВАРШАВСКИЙ ДНЕВНИК» ЗИНАИДЫ ГИППИУС: HIS(HER) STORY REVIS(IT)ED

© 2025 г. О.Р. Демидова

Аннотация: В статье представлен анализ «Варшавского дневника» З.Н. Гиппиус, в двух частях которого — собственно варшавской и парижской — регистрируются и реконструируются события польского периода жизни Мережковских и Философова, названного Гиппиус «варшавской эпопеей». Триединой задачей статьи является рассмотрение дневника с жанровой и структурной точек зрения, определение его места в жизни и дневниковой прозе Гиппиус и выявление типологии рассказанных в нем историй. Автор статьи выделяет три основные темы дневника: борьба с большевиками, возможное участие в ней Мережковских и Философова, отношения Гиппиус и Философова, вокруг которых складываются его центральные историко-культурные и антропологические оппозиции: Россия — Польша, русские — поляки, Мережковские — русская эмиграция, Гиппиус — Философов. Кроме того, в статье предложена детальная классификация вариантов дневниковой прозы, заключенных в тексте Гиппиус. В завершении статьи автор на основе комплексного сопоставительного и герменевтического анализа экзистенциальных обстоятельств, эмоциональных реакций, нравственных установок и их отражения в тексте предлагает развернутую типологию представленных в дневнике историй, складывающихся в единую трагическую историю о нереализованных планах и неосуществленных надеждах, в которой каждый из участников играет свою роль.

Ключевые слова: «Варшавский дневник», запись, память, воспоминания, Польша, поляки, русские, реконструкция, большевики, борьба, Философов.

Информация об авторе: Ольга Ростиславовна Демидова — доктор философских наук, профессор, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Петербургское шоссе, д. 10, 196605 Санкт-Петербург, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2281-4059
E-mail: ord55@mail.ru

Для цитирования: *Демидова О.Р.* «Варшавский дневник» Зинаиды Гиппиус: His(Her)story Revis(it)ed // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Вып. 3 / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 282–294.
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-282-294

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

ZINAIDA GIPPIUS'S "WARSAW DIARY": HIS(HER) STORY REVIS(IT)ED

© 2025. Olga R. Demidova

Abstract: The article presents an analysis of Z.N. Gippius's *Warsaw Diary* in two parts of which — the Warsaw and the Paris ones — the events of Merezhkovsky's and Filosofov's Polish period (called "the Warsaw epic") are registered and reconstructed. The triple goal of the article is analyzing the diary from the genre and structural points of view, defining its role in Gippius's life and her diary prose, and working out the typology of the stories told in it. The author of the article singles out three major themes of the diary, i.e., the struggle against the Bolsheviks, Merezhkovsky's and Filosofov's possible part in it, Gippius's relations with Filosofov, on which the main historical, cultural, and anthropological oppositions presented in the text are based: Russia — Poland, Russians — Poles, Merezhkovsky's — Russian emigration, Gippius — Filosofov. Besides, the author presents a detailed classification of the diary prose variants incorporated in the text. In the final part of the article the author, relying on the complex comparative

and hermeneutic analysis of the existential circumstances, emotional reactions, moral standpoints, and their reflection in the text, presents a detailed typology of the stories told in the diary, that form a unified tragic story of the failed plans and hopes, in which every participant plays his / her own part.

Keywords: *Warsaw Diary*, entry, memory, memories, Poland, Poles, Russians, reconstruction, Bolsheviks, struggle, Filosofov.

Information about the author: Olga R. Demidova, DSc in Philosophy, Professor of Philosophy Department, Pushkin State University, Peterburgskoje Rd., 10, 196605 St.-Petersburg, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-2281-4059
E-mail: ord55@mail.ru

For citation: Demidova, O.R. "Zinaida Gippius's 'Warsaw Diary': His(Her) Story Revis(it)ed." *Emigrantica*. Issue 3, ed.-comp. E.R. Ponomarev, acad. ed. E.R. Ponomarev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 282–294. (In Russian)
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-282-294

«Варшавский дневник» З.Н. Гиппиус представляет несомненный интерес прежде всего в жанровом отношении: его можно назвать «дневником, отложенным во времени», растянувшимся на всю оставшуюся жизнь автора и имплицитно присутствующим в последующих дневниках Гиппиус 1920-х – 1940 гг. Прежде всего — в обращенной к Философову интимной «Коричневой тетради» (1921–1925), начатой 26 марта 1921 г. в Париже, в день последней записи в «Варшавском дневнике» и частично ведшейся параллельно с ним, а также дневниках «Год войны» (1939) и «Серое с красным» (1940). В «Коричневой тетради» «Варшавский дневник» образует совершенно очевидный событийно-эмоциональный фон записей, в дневниках 1939 и 1940 гг. он словно «вспыхивает» время от времени, поскольку к событиям, вызвавшим его к жизни, Гиппиус мысленно возвращалась на протяжении более двух десятилетий.

Еще одна примечательная жанровая особенность дневника состоит в том, что в сравнительно небольшом по объему тексте представлен целый ряд разновидностей дневниковой прозы, поддающейся некоторой классификации на разных уровнях в соответствии с несколькими критериями: экзистенциально-повседневным, про-

фессиональным, интеллектуально-телеологическим, аксиологическим, этическим, эстетическим, стилистическим, информационно-коммуникативным, мемориальном и структурным. В зависимости от ракурса рассмотрения, обусловленного одним из перечисленных критериев, «Варшавский дневник» представляет собой дневник общественно-политический, специфически политический, публицистический, бытовой; текст интимный (дневник-самоанализ и / или дневник-исповедь), но развернутый в пространство публичности и в настоящем времени, и в эвентуальности; обращенный к себе, к близкому окружению или к широкому кругу читателей; эмоционально-психологический, регистрирующий переживания автора, и интеллектуальный (дневник-размышление); ретроспективный (реконструирующий прошлое) и в этом смысле — подведение итогов и в значительной степени сведение счетов и направленный в будущее (текст-предвидение); наконец, текст-самооправдание и текст-самоосуждение. И во всех вариантах это прежде всего — и текст литератора, и некое мемуарно-мнемоническое пространство, в котором Гиппиус вновь и вновь переживает то, что она называет варшавской эпопеей, намеренно удерживая себя в ее границах и постоянно уверяя себя же, что необходимо все как можно подробнее записать для памяти, пока не забыла, потому что «только слова останутся. Только они кому-нибудь помогут *не забыть*. А забывать нельзя» [7, с. 321–322; курсив Гиппиус. — *О.Д.*][1].

Основополагающими для дневника становятся три неразрывно связанные друг с другом темы, вокруг которых словно вращаются мысль и чувства Гиппиус:

1) борьба с большевиками, надежным союзником в которой поначалу представляется Польша, после предательского заключения Рижского мира превращающаяся в противника, которому нет прощения[2];

2) возможные формы участия и роль в этой борьбе Мережковских и Философова;

3) отношения с Философовым, осциллирующие между кажущейся возможностью возврата к прежней близости и взаимопониманию как на «общественном», так и на «личном»

---

[1] См., напр., первую ретроспективно-мемориальную запись от 8 октября 1920 г.: «Я хочу писать сплетенно, слитно, личное и общее вместе, потому лучше можно разобрать. И постараюсь, — насколько могу, — без оценок и выводов (их тоже потом). Как можно больше фактов, что только вспомню» [7, с. 284].

[2] Подробнее о Польше в судьбе Гиппиус см. [1].

уровнях и растущими расхождениями и отчужденностью между ними[3].

Вокруг этих тем и их жизненных воплощений в тексте складываются основные историко-культурные и антропологические оппозиции:

Россия — Польша, которая, по существу, оказывается между двумя Россиями — досоветской и большевистской и, по мнению Гиппиус, должна активно противостоять второй во имя первой;

русские — поляки, при этом русские делятся на эмигрантских и польских русских (показательно, что себя Гиппиус не относит ни к тем, ни к другим), а поляки — на польских и московских, первые исходно и до определенного момента воспринимаются как союзники, вторые — исключительно как противники;

Мережковские — другие русские эмигранты;

Мережковские (преимущественно Гиппиус) — Савинков (не оправдавший надежд давний друг и союзник, обернувшийся предателем и погубивший Философова);

Гиппиус — Философов.

Структура дневника в значительной мере обусловлена его двойной хронологией: календарной (авторские датировки записей) и событийной (фактологический отчет о событиях и их аналитическая

---

[3] См. ретроспективные записи от 8 октября, 1 ноября 1920 г. и 26 марта 1921 г.: «Но с переезда, и особенно начиная с Минска, когда мы стали немного оглядываться, вдруг оказалось, что у нас одна и та же “политика”. Не сговариваясь, мы одинаково отнеслись к Польше, к полякам, оказались в той же, до мелочей, позиции. <…> Я и ждать этого от Димы не смела — и не чувствовала себя от радости, наблюдая эту перемену. <…> Радость от этого глубокого согласия между нами у меня была большая и надежды большие… Не закрывала глаза на то, что это согласие не уничтожает чуждости… но думалось, что это пройдет, да ведь это и личное — такое неважное перед Главным!»; «В Вильне с Димой у меня были наилучшие отношения. <…> Хотя то, что ни у меня, ни у Димы не было своего угла и мы почти по-настоящему не “виделись” <в Варшаве в первый период. — *О.Д.*>, — очень плохо действовало, — я не могу сказать, чтобы мы в это время были не вместе»; «Да, работать с ними <Савинковым и перешедшим на его сторону Философовым; речь о втором варшавском периоде. — *О.Д.*> вместе — нельзя, нам, по крайней мере. Просто фактически невозможно. Объективно — я перестаю верить в успешность дела именно с Савинковым <…> И, однако, я решаю, со своей стороны, сделать все и не отходить до конца, до последней возможности. Ведь — Дима! Не то, что я бы осталась ради Димы в глупом и вредном деле вредного или ненужного человека; но мне верилось, что мы уйдем вместе с Димой, если именно так выяснится, и выяснить поможет мне Дима, а я — ему»; о третьем варшавском периоде, после Данциг-Цоппота («последние полтора месяца Варшавы») Гиппиус вспоминает, что Савинков, в полной непригодности которого для «дела» она уже не сомневалась, «разделил» их с Философовым, «совершенно взяв его под свое влияние», а Философов «принимал замашки С-ва, с величайшей заносчивостью разбрасывая всех вокруг» [7, с. 289, 290, 297, 302, 340, 342, 344].

реконструкция). В дневнике пятнадцать записей разной степени развернутости и протяженности, сделанных в Варшаве, Данциг-Цоппоте и Париже. Из них варшавских записей шесть: 24 июня, 3 июля, 6 июля, 10 июля, 8 и 13 октября 1920 г.; в Данциг-Цоппоте сделана одна: 11 августа 1920 г.; парижских — восемь: 1 ноября (продолжение варшавской записи от 13 октября), 14, 16, 25, 26 ноября,18 декабря 1920 г. и 11 и 26 марта 1921 г.

Календарная хронология одномерна и разворачивается последовательно-линейно от первой варшавской записи 24 июня 1920 г. до последней парижской 26 марта 1921 г. и недатированной приписки к ней 1927 г., вероятно, внесенной postfactum между двумя последними абзацами записи от 26 марта. В приписке Гиппиус дает некоторые пояснения по поводу календарной хронологии дневника: «(Прибавлю в скобках еще следующее: все это было написано в 1920–1921 и 1922 гг., начато в Польше (эпопея), продолжалось в Париже. Перевернутые страницы написаны в Висбадене, в 1921 г. Да теперь я бы и не могла уже ничего вспомнить. Прибавляю это, чтобы подчеркнуть время: *до* перехода Савинкова к большевикам <то есть до осени 1924 г. — *О.Д.*>. То, что далее (из «Коричневой тетрадки» выписки), все помечено, когда записывалось (т. е. по годам)», а после этого следует завершение записи от 26 марта: «Из «Коричневой тетрадки» (1920, 1921, 1922, 1923, 1924 и 1925 гг.). 26-го марта 1921 г. Париж» [7, с. 346].

Событийная хронология выстраивается в двух временны́х модусах: актуального настоящего и осмысливаемого и заново переживаемого прошлого. В первых четырех записях (24 июня, 3 июля, 6 июля, 10 июля 1920 г.) достаточно кратко и почти безоценочно регистрируются события текущей варшавской жизни, преимущественно политической: встреча Мережковского с Пилсудским, в которого он «как бы влюбился» [7, с. 282], образование Русского эвакуационного комитета и польского кабинета, ход советско-польской войны, выход приказа Пилсудского о войне с большевиками, а не с Россией[4], многочисленные встречи с разными людьми — поляками и русскими, которых Гиппиус рассматривает как возможных соратников по антибольшевистской борьбе[5]. Поглощенная всем перечисленным, Гиппиус ощущает «как бы “повеление” писать теперешний дневник», объясняя это важностью и интересностью того, что про-

[4] Подробнее об этом см. в: [2–6, 8].

[5] См., напр., запись от 24 июня 1920 г.: «Я пишу между двумя навалами людей» [7, с. 281].

исходит, что она видит и в чем участвует. Однако уже в первой записи намечается второй, глубинный временной слой — прошлое, пока еще российское: «При возможности я вернусь к прошлому, буду возвращаться, но сразу не могу. Дай Бог, следить за теперешними днями» [7, с. 282]. К прошлому она возвращается и в записях от 6 и 10 июля 1921 г.: «Я и нового всего физически записать не могу, не то что к старому возвращаться», «Я знаю, знаю — *там* только могилы, но все равно, тем более… Боже, нет слов» [7, с. 282, 283; курсив Гиппиус. — *О.Д.*]. А начиная с записи от 11 августа 1920 г., сделанной в Данциг-Цоппоте, куда Мережковские ненадолго уехали 31 июля[6] по настоянию Философова, прошлое (еще совсем близкое, но уже польское) все активнее вторгается в настоящее и постепенно все более вытесняет его. Меняется структура дневника: он превращается в текст-в-тексте, в котором регистрация событий уступает место их реконструкции. Внутритекстовое время складывается в режиме постоянного взаимоналожения настоящего и прошлого: детальное воссоздание и развернутый анализ происшедшего перемежаются с достаточно сжатым описанием текущего, при этом иногда разрыв между временны́ми пластами совпадает с разрывом между записями, сделанными в разное время и в разных местах, как, например, в случае с двумя последними варшавскими записями от 8 и 13 октября и первой парижской от 1 ноября 1920 г.

Запись от 8 октября, сделанная после заключения Пилсудским перемирия с Советской Россией и принятого Мережковскими решения покинуть Польшу, несмотря на то что Философов, соблазненный, по глубокому убеждению Гиппиус, обманчивыми прожектами Савинкова, оставался в Варшаве, начинается констатирующим заявлением о намерениях: «Теперь, оставляя Польшу, заключившую в Риге перемирие с большевиками, оставив уже и здешнее дело, я хочу посвятить последние дни на возможно подробное описание всего, что было с нами и в поле нашего зрения за эти девять месяцев» [7, с. 284]. Далее следует описание первого, до-варшавского этапа эмиграции Мережковских, Философова и Злобина и их жизни сначала в Бобруйске, затем в Минске, где они встречались с представителями эмигрантской общественности, с польскими русскими и с поляками и прочли для них несколько лекций. Запись прерывается сообще-

[6] Ср.: «Мы уехали оттуда <из Варшавы. — *О.Д.*> в пятницу, 31 июля, в тот холодный, несчастный вечер, когда несчастные поляки отправили свою несчастную делегацию к Барановичам — молить издевающихся большевиков о перемирии. Не вымолили» [7, с. 283].

нием о том, что Мережковские начали готовиться к своей третьей лекции, «совершенно польской» — о Мицкевиче [7, с. 290].

13 октября Гиппиус продолжает минскую часть истории, предварив ее небольшим предуведомлением («Несколько современных слов, для памяти, раньше чем буду продолжать эпопею» [7, с. 290]), в котором сообщает об опубликованном «сегодня» перемирии Польши с советской Россией, о грядущем мире и о предстоящей высылке всех русских войск с польской территории, которой потребовали польские власти в соответствии с условиями мирного договора. Связующим звеном — переходом от настоящего к прошлому — становится слово «Возвращаюсь», означающее не только возвращение к прерванному рассказу, но и возврат к пережитому опыту. Запись обрывается на середине фразы, описывающей путь из Минска в Вильно: «В поезде мы встретились с француз…», и с этого же места продолжается в следующей после краткой пояснительной вставки: «Это пишу в Париже, 1-го ноября. В нашей старой, чудом сохранившейся квартире. Мы выехали <из Варшавы. — О.Д.> 20 октября в среду утром. Диму видели, только что вернувшегося, час у нас и на вокзале. Обо всем потом. Теперь продолжаю дальнейшее, пока не забыла» [7, с. 294]. Далее воссоздаются события первого варшавского периода жизни Мережковских, Философова и Злобина[7].

---

[7] Сходным образом выстроена структура записей от 16 и 25 ноября 1920 г., в первой части которых речь идет о событиях парижского периода, а во второй Гиппиус возвращается к варшавским событиям; письмо от 16 ноября завершается описанием первого момента встречи Мережковских и Философова с Савинковым, прибывшим, наконец, в Варшаву из Парижа («Когда позвонили – мы невольно пошли к дверям передней, и я первая попала в его <Савинкова. — *О.Д.*> объятия»), а рассказ о произведенным Савинковым впечатлении и взаимном «узнавании / неузнавании» друг друга продолжается в записи от 25 ноября после сообщении об ожидаемом «завтра» приезде Философова в Париж и основанного на письмах Философова анализе актуального положения дел в Варшаве. В следующих двух записях, от 26 ноября и 18 декабря 1920 г., речь идет о приезде Философова, о том, что он «живет в гостинице», видится с Мережковскими редко, что «дело, за которым он приехал (доставать деньги для интернированного в Польше отряда Савинков — Балахович) — не удалось», и что «на днях Дима уезжает обратно в Варшаву. С проклятиями», после чего Гиппиус не без горького сарказма завершает запись: «Неблагословенность “наших” <то есть Савинкова и Философова. — О.Д.> дел… Еще бы! Так и будет продолжаться». Запись от 11 марта 1921 г. посвящена преимущественно Кронштадтскому восстанию, хотя в ее начале Гиппиус констатирует: «Дима совсем оставил нас. Пишет изредка Володе <Злобину. — *О.Д.*>. <…> Дима, кажется, *сделал политику (политику Савинкова) своей религией. Трудно поверить*» [7, с. 316, 320–321; курсив Гиппиус. — *О.Д.*].

По сути дела, варшавская история (все три ее периода) реконструирована и проанализирована во всей ее полноте в парижской — мемориальной — части дневника: в записях от 13 октября, трех ноябрьских (от 1, 14 и 16 ноября) 1920 г. и завершающей текст мартовской 1921 г., сделанной в католическую Страстную субботу. Именно в этой части то, что в записях июня–июля 1920 г. было намечено лишь пунктиром, воссоздано в мельчайших деталях: портреты основных и второстепенных действующих лиц, явные и тайные мотивировки поступков, расклад политических сил в эмигрантской и польской среде, последовательность событий, психологические характеристики, нравственные оценки. Здесь же реконструирована коллизия, которую Гиппиус называет «провалом» Пилсудского во время визита к нему Савинкова, связанного с судьбой остатков русских воинских частей, и — самое болезненное для Гиппиус — все фазы ее отношений с Философовым, закончившихся его окончательным уходом от Мережковских.

Завершается варшавская часть последней дневниковой записи кратким абзацем: «Наша “Польша” тут кончается; мне осталось лишь отметить ее отзвуки. И это все — будет только о Диме и о Савинкове, т. е. более личное. Хотя и очень интересное» [7, с. 345].

Однако «Польша» на этом не завершилась: Гиппиус возвращается к ней в «Коричневой тетради», полностью посвященной «личной» составляющей варшавской эпопеи и представляющей собой глубоко интимный и невероятно напряженный односторонний разговор с Философовым. В предпоследней недатированной записи мая 1925 г. Гиппиус выносит окончательный приговор Савинкову: «Савинков погиб? Да, я думаю, погиб. На меня это не произвело впечатления. Убил ли он себя или что вообще случилось — не все ли равно? Ведь он уже годы как умер. Да и был ли когда-нибудь?» А в финале — завершающее обращение к Философову: «Дима, да ты все-таки не простишь мне (или не забудешь), *что я была права*» [7, с. 360; курсив Гиппиус. — *О.Д.*]. Последняя запись сделана в 1936 г. без указания числа и месяца и, вероятно, подводит итог записи 1925 г., ср: «Да, это пришло *слишком поздно* (для Димы)» [7, с. 360; курсив Гиппиус. — *О.Д.*]. Однако хронологические и смысловые рамки «тетради» заданы в двух обращениях к эвентуальному распорядителю наследием Гиппиус после ее ухода (предположительно, Злобину). Первое — «Отдать ДИМИТРИЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ после. 1920)»; второе — «Некому отдавать, он умер. И он. Это надо сжечь. 1944» [7, с. 347; выделено Гиппиус. — *О.Д.*].

В завершение позволительно предложить некую систематизацию историй, рассказанных в «Варшавском дневнике», и связанных

с ними персон, выступающих в различных ролях: действующих лиц, героев, злодеев и жертв.

Прежде всего, в дневнике воссоздана история о последнем — варшавском периоде жизни триумвирата, завершившемся его распадом, — и в этом смысле это их общая тройная история, все участники которой становятся жертвами как не зависящих от них внешних обстоятельств, так и подспудных центробежных сил внутри тройственного союза, проявившихся задолго до варшавской эпопеи.

Кроме того, в нем представлена история физической, психоэмоциональной и духовной жизни самой Гиппиус формально в 1920–1921 гг., а по существу — как минимум, с июля 1914 г., когда начались первые серьезные разногласия с Философовым на «общественной» почве, оказавшие существенное влияние и на отношения «личные»[8].

Третья история — история «утраченных иллюзий», связанных с Польшей как желаемой и возможной союзницей Мережковских в их антибольшевистской борьбе.

Четвертая — история двойного предательства, то есть обманутого доверия, злодеями в которой являются Польша и Савинков, а жертвами — дело борьбы с большевизмом, Мережковские и Философов: первые — потому что, не рассуждая, приняли желаемое за действительное; второй — поскольку в силу присущих ему гипертрофированных представлений о чести и долге, а возможно, и свойственной ему гордыни, поддался уговорам Савинкова и принял роковое, по мнению Гиппиус, решение, погубившее его. При этом следует отметить, что и Польша, и Савинков рассматриваются Гиппиус как предатели и «общественно», и «лично», поскольку предали значимое для нее дело («Главное») и отняли у нее Философова[9].

Пятая — история утраты надежды на восстановление прежних отношений с Философовым, вспыхнувшей после бегства из России, — надежды на обретение прежней человеческой близости и духовного родства — история Гиппиус и Философова.

---

[8] См. запись от 8 октября 1920 г.: «Давнишняя мечта Димы — не жить с нами. Я не буду здесь касаться всех разнообразных причин рождения такой мечты. Отмечу одну, последнюю, которая вышла наружу с войны, — это сама война и несходство отношения к ней. Мы уже явно шли по разным линиям» [7, с. 287].

[9] Через без малого двадцать лет, в дневнике 1940 г. Гиппиус пишет: «Мне не жаль Польши. Помимо того, что она погубила Диму и разделила нас (это лично), но она еще вела себя глупо и лживо (на свою голову) — от мира с большевиками в 20 году до…» [7, с. 503; запись от 24 мая 1940 г.].

С нею тесно связана история окончательного ухода Философова, в которой он — одно из главных действующих лиц, но и, по мнению Гиппиус, главная жертва; вторая жертва, разумеется, сама Гиппиус, потерпевшая полное фиаско в, может быть, единственной подлинной любовной коллизии своей жизни[10]. Воспоминания об уходе Философова мучили Гиппиус до конца дней: она неоднократно возвращалась к ним, и даже известие о его смерти поставило в этой истории не точку, а многоточие, см. последнюю запись в дневнике 1940 г. «Серое с красным»:

> 2 сентября, понедельник. С того дня (22 августа), как мы, встретив на улице зловещего Меньшикова, узнали, что умер Дима, я так в этом и живу. Я знала, что он умрет, что он глубоко страдает и жаждет смерти. Я даже думала, что он уже умер, — трудно было себе представить, что он мог все это, и себя, пережить.
>
> А все-таки — лучше не знать наверное. Вот снова подтверждение, что вера — всякая, даже не моя ничтожная, а большая, — в с е г д а слабее любви. Чего бы проще, кажется, говорить, как Сольвейг:
>
> “Где б ни был ты — Господь тебя храни.
> А если ты уж там — к тебе приду я”…
>
> Да, приду. А если и не приду — ведь я этого не узнаю… Но мысль, что не приду и не узнаю…» [7, с. 512; разрядка Гиппиус. — *О.Д.*].

Наконец, это история полуразделенной любви Гиппиус, растянувшаяся на несколько десятилетий и завершившаяся лишь с ее смертью, ср. запись от 23 апреля 1940 г.: «Наше горе в том, что настоящая, корневая, навечная любовь не бывает в душе равна вере. Вера непременно слабее любви. По силе любовь оказывается равна — смерти. Даже у святых» [7, с. 497].

В целом же в «Варшавском дневнике» представлена история трагедии неосуществимого как на «общественном», так и на «личном» уровнях, поскольку и «Дело» Мережковских в Польше, и отношения Гиппиус с Философовым исходно были обречены на неудачу. И в этой истории нет ни победителей, ни уцелевших, как в классической трагедии Рока.

---

[10] Ср. запись от 23 апреля 1940 г.: «Было существо, очень давно, которое я любила с громадной нежностью. <…> Его конечно, конечно, нет среди живых. Но если б сейчас и узнать это наверное — душа давно готова. Впрочем, это случай исключительный. И нежность — не всегда любовь» [7, с. 497].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Демидова О.Р.* Польша в судьбе Зинаиды Гиппиус // Мережковские и Европа / под общ. ред. В.В. Полонского, ред.-сост.: Е.А. Андрущенко, О.А. Блинова, В.М. Введенская. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 190–214.
2. *Какурин Н.Е.* Гражданская война в России: Война с белополяками. М.: АСТ, 2002. 732 с.
3. *Михутина И.В.* Польско-советская война 1919–1920 гг. М.: ИСБ, 1994. 322 с.
4. Пилсудский против Тухачевского: (Два взгляда на советско-польскую войну). М.: Воениздат, 1991. 252 с.
5. Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А.Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012. 953 с.
6. Davies, N. *White Eagle, Red Star: The Polish-Soviet War, 1919 – 1920.* New York, Pimlico / Random House Inc., 2003. 336 p.

Источники

7. *Гиппиус З.* Дневники: в 2 кн. Кн. 2 / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 1999. 720 с.
8. *Пилсудский Ю.* 1920 год. Советско-польская война. М.: Вече, 2018. 432 с.

REFERENCES

1. Demidova, O.R. “Pol’sha v sud’be Zinaidy Gippius” [“Poland in Zinaida Gippius’s Fate”]. *Merezhkovskie i Evropa* [*The Merezhkovsy’s and Europe*], under the general editorship of V.V. Polonsky, ed. by E.A. Andrushenko, O.A. Blinova, V.M. Vvedenskaja. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 190–214. (In Russian)
2. Kakurin, N.E. *Grazhdanskaia voina v Rossii: Voina s belopoliakami* [*Civil War in Russia: The War with the White Poles*]. Moscow, AST Publ., 2002. 732 p. (In Russian)
3. Mikhutina, I.V. *Pol’sko-sovetskaia voina 1919–1920* [*The Polish-Soviet War 1919–1920*]. Moscow, ISB RAS Publ., 1994. 322 p. (In Russian)
4. *Pilsudskii protiv Tukhavevskogo: (Dva vzgliada na sovetsko-pol’skuiu voinu* [*Pilsudsky vs Tukhachevsky: (Two Viewpoints of the Soviet-Polish War)*]. Moscow, Boenizdat Publ., 1991. 252 p. (In Russian)

5. Noskova, A.F., ed. *Pol'sha v XX veke. Ocherki politicheskoi istorii* [*Poland in the 20th Century. Sketches of Political History*]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 953 p. (In Russian)
6. Davies, N. *White Eagle, Red Star: The Polish-Soviet War, 1919–1920*. New York, Pimlico / Random House Inc., 2003. 336 p. (In Russian)

Дата поступления статьи: 20 декабря 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 16 февраля 2025 г.
Дата публикации: 29 декабря 2025 г.

Received: December 20, 2024
Approved after reviewing: February 16, 2025
Date of publication: December 29, 2025

Научная статья

УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-295-312
https://elibrary.ru/XDVXPH

ТЕЛЕСНОСТЬ КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ЕКАТЕРИНЫ БАКУНИНОЙ

© 2025 г. Т.М. Климова

Аннотация: В статье исследуется феномен телесности в творчестве Екатерины Бакуниной (сборник стихов (1931) и роман «Тело» (1933)), рассматриваемый через призму концепций «женского письма» Э. Сиксу, Л. Иригарэ и Ю. Кристевой. Автор демонстрирует, как Бакунина, представительница «незамеченного поколения» русской эмиграции, предвосхитила феминистские исследования, создав уникальный «женский дискурс». Этот дискурс основан на десексуализации женского тела, поиске идентичности за пределами патриархальных норм и радикальном переосмыслении «человеческого документа» через призму интимного опыта. Особое внимание уделяется новаторскому изображению материнства, менструации, абортов и старения — тем, табуированных в литературе 1930-х гг. Анализ показывает, как телесность у Бакуниной становится не только инструментом самопознания, но и формой сопротивления гендерным стереотипам эмигрантской среды. Критическая реакция современников (В. Ходасевича, З. Гиппиус, Г. Адамовича), обвинявших писательницу в «порнографии» и «бесстыдстве», рассматривается как доказательство разрушительного потенциала ее текстов для традиционных представлений о женственности. Статья вносит вклад в изучение гендерных аспектов литературы русской эмиграции, раскрывая ранее недооцененную значимость творчества Бакуниной для истории феминистской мысли.

Ключевые слова: русская эмиграция, телесность, Екатерина Бакунина, феминистские исследования.

Информация об авторе: Климова Татьяна Михайловна — главный библиограф, Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына, ул. Нижняя Радищевская, д. 2, 109240 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0009-5515-5695
E-mail: klmvatanya@gmail.com

Для цитирования: *Климова Т.М.* Телесность как художественное высказывание в творчестве Екатерины Бакуниной // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Вып. 3 / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 295–312.
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-295-312

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

PHYSICALITY AS AN ARTISTIC STATEMENT IN THE WORKS OF EKATERINA BAKUNINA

© 2025. Tatyana M. Klimova

Abstract: The article examines the phenomenon of corporeality in the works of Ekaterina Bakunina — her *Poems* (1931) and novel *The Body* (1933) — through the lens of "écriture feminine" concepts developed by H. Cixous, L. Irigaray and J. Kristeva. The author demonstrates how Bakunina, a representative of the "unnoticed generation" of Russian émigrés, anticipated feminist studies by creating a unique "feminine discourse". This discourse is based on the desexualization of the female body, the search for identity beyond patriarchal norms, and a radical reinterpretation of the "human document" through intimate experience. Particular attention is paid to innovative depictions of motherhood, menstruation, abortion and aging — topics taboo in 1930s literature. The analysis reveals how corporeality in Bakunina's works becomes not only an instrument of self-knowledge but also a form of resistance to gender stereotypes in émigré circles. The critical reaction of contemporaries (V. Khodasevich, Z. Gippius, G. Adamovich), who accused the writer of "pornography" and "shamelessness", is examined as evidence of the disruptive potential of her texts for traditional notions of femininity. The

article contributes to the study of gender aspects in Russian émigré literature, revealing the previously underestimated significance of Bakunina's work for the history of feminist thought.

Keywords: Russian emigration, physicality, Ekaterina Bakunina, feminist studies.

Information about the author: Tatyana M. Klimova, Chief Bibliographer, Alexandr Solzhenitsyn Center for Russia Abroad, Nizhnyaya Radishchevskaya St., 2, 109240 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0009-5515-5695
E-mail: klmvatanya@gmail.com

For citation: Klimova, T.M. "Physycality as an Artistic Statement in the Works of Ekaterina Bakunina." *Emigrantica*. Issue 3, ed.-comp. E.R. Ponomarev, acad. ed. E.R. Ponomarev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 295–312. (In Russian)
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-295-312

За последние десятилетия возрос интерес к феномену «телесности» не только с точки зрения философско-антропологического осмысления человека, но и как к категории художественного мира. В отечественной философии феноменологию телесного чувства наиболее полно исследовали М.М. Бахтин [1] (он выделял две категории тела — «внутреннее тело», являющееся общностью внутренних ощущений, желаний и «внешнее тело», которое зависит от восприятия Другого) и В.А. Подорога (он понимал тело как постоянно производимый и воспроизводимый культурой конструкт, находящийся в непрерывном становлении [7]).

Женская телесность во второй половине двадцатого века стала предметом феминистских исследований. Э. Сиксу [8], Ю. Кристева [4; 5; 6], Л. Иригарэ [3] переосмысляли феномен женского тела, связывая его с проблемой идентичности. В своих исследованиях феминистки стремились преодолеть бинарную структуру патриархального мира и утвердить право воспринимать «женское» как равное «мужскому», а не как «негативное» или упускаемое из вида. В центре большинства работ феминисток стоят вопросы подавления женщин через языковые практики, вводятся новые понятия — «женского письма» и «женского чтения». Источниками «женского письма» как особой формы самовыражения, с точки зрения исследовательниц, являются женское тело и женская сексуальность.

Формирование идентичности, по мнению Э. Сиксу, тождественно практике письма: «Женщина должна писать самое себя: должна писать о женщинах и привлечь женщин к процессу писания, от которого они были отторгнуты так же жестоко, как от собственного тела, по тем же причинам, с помощью тех же законов и с той же фатальной целью. Женщина должна вложить себя в текст — как в сущий мир и в человеческую историю — совершив самостоятельное движение» [8, с. 799]. Ю. Кристева вырабатывает теорию «подрыва» патриархальной системы: она предлагает разработать новую этику и политику по отношению к «женскому» не через «отвращение», которое, как утверждает исследовательница, с глубокой древности было связано с женским началом, а через отсутствие «стабильной идентичности» для каждого из полов: «Может быть, мы находимся в историческом моменте создания принципиально нового политического сознания, которое состоит в том, что включает в универсальное и женщин, которые признали универсальность и способны овладеть ее инструментами: инструментами равенства, инструментом власти и центризма. Только женщины будут делать это по-другому, чем мужчины. Потому что, по моему мнению, отношение женщины к закону, к власти, к запрету другое, чем у мужчины. Оно проистекает из нашего отношения к своему телу, к чувственности, к зачатию. Мы по-разному воспринимаем, это касается и закона, и универсального. Таким образом, эта тонкость женского восприятия, другой способ чувствования, есть источник обогащения универсального» [5, с. 228]. Люси Иригарэ утверждает, что тело «служит способом создания женского языка» [3, с. 127], важная роль в котором отводится интонации, ритму, музыкальности произведения. Истинное равенство, по мнению исследовательницы, состоит в допущении различий, в отсутствии иерархичности, подчинения одного другому.

В 1933 г., за двадцать лет до упомянутых феминистских исследований, в берлинском издательстве «Парабола» вышел роман «Тело», написанный представительницей младшего, «незамеченного», поколения русской эмиграции, поэтессой и прозаиком Екатериной Бакуниной. Это произведение, как и первый единственный сборник стихов Бакуниной [12], вызвало неоднозначную реакцию среди ведущих критиков русского зарубежья. Первых читателей шокировали натуралистические, физиологические подробности и отношение героини к собственному телу. Бакунину обвиняли в порнографии, бесстыдстве, необоснованной откровенности и посредственности.

В романе «Тело» на первый взгляд нет сюжетных перипетий и выраженного конфликта, внимание главной героини приковано к собственному телу, которое оказывается зеркалом событий, произошедших с русской эмигранткой, вынужденной жить в парижской бедности с нелюбимым мужем и неблагодарной дочерью. Но конфликт заключается в желании и невозможности героини со своим телом слиться, гармонизировать душевное и телесное. В «Теле» Бакуниной можно обнаружить темы, присутствующие и в ее лирике: в романе значительное место занимает рефлексия о материнстве со стороны женщины, тело которой больше ей не принадлежит, об отвращении к собственному ребенку, абортах, телесных ощущениях до, после и во время неоднократных измен. Как и в стихотворениях Бакуниной, в ее дебютном романе тело показано с различных сторон.

Сначала героиня не ощущает себя в собственном теле, не ассоциирует его с собой, рассматривая в зеркале:

> Сейчас я долго смотрела на себя в зеркало. Я видела лицо, которое совершенно не выражает того, что за ним. Между тем это мое лицо. Случайная смесь длинного ряда поколений. Я совсем не хочу иметь такое лицо. Не только потому, что оно некрасиво (хотя некрасивая женщина — неудавшийся замысел), а потому, что в нем нет моей сущности. В круглых карих маслянистых глазах нет ни горения, ни бунта. В спокойном состоянии они сонливы и невыразительны. В минуты отчаяния (я заметила) — глупы. Нет ничего бессмысленнее карих глаз — они всегда похожи на телячьи. Щеки уже не гордятся правильным некогда овалом — сказываются годы. Между изломанными бурыми бровями — две продольные морщинки. Темно-рыжие, остриженные после тифа волосы почти прямы и гладко зачесаны назад. Лоб большой, выпуклый; широкий татарский нос; жестко (или горько) по-бабьему поджатый рос. Потом начинающий отвисать подбородок и шея с вянущей кожей. Тело еще твердое, но уже начинающее полнеть [13, с. 10].

Затем чувствует себя живой, ощущая в теле боль, боль в теле сопряжена с испытаниями в жизни героини — нищетой, абортами и трудной, бесплодной, *женской* работой:

> В висках ломота от недосыпания, в пояснице боль еще с последнего аборта. Мне хочется лечь и заснуть, но неубранное помещение убивает это желание (мужчина повалился бы все равно). Кроме того,

> надо отнести в мастерскую оконченную вышивку. Вздохнув, я принимаюсь за бесплотный, ежедневный женский труд [13, с. 14].

Бакунина рисует неприглядную картину аборта, который героиня выбирает вопреки возможностям тела, тем самым, артикулируя основной конфликт в романе:

> Из нелюбви к мужу, сознания ответственности за судьбу ребенка и чувства самосохранения я не позволяю себе иметь детей. Но тело мое создано для воспроизведения жизни. Совершенно сложенное, здоровое — оно, несмотря ни на что, осуществляет свое назначение. Тогда над ним, как над распластанной лягушкой, совершается вивисекция. В позе, исключающей всякий стыд, женщина лежит перед посторонними, и тупая ложка хирурга скребет ей внутренность. Это больно, но больней и страшней совершаемое при этом изнасилование души [13, с. 20].

Телесная боль от аборта сравнивается с болью душевной, а женское «предназначение», заключающееся в деторождении, героиней высмеивается. Размышляя об обожествлении рождения, но при этом непрекращающего стыда за женскую телесность, она представляет рожающего Иисуса Христа, такое противопоставление и слияние «высокого» и «низкого» позже станет одним из главных мотивов ее лирики:

> Ужасно слащавы и смешны изображения Мадонны над розовыми младенцами, вообще обожествление рождения! Одно из безобразнейших, унизительнейших насилий, на которое обречена женщина… Стоит только представить себе рожающего Иисуса Христа или Дориана Грея, чтобы то, что привычно приемлется, предстало совершенно неописуемо нестерпимым. Дьявольски постыдный шарж, но опять лишь на женщину. Момент страсти, которым ограничивается роль мужчины в даровании жизни, может быть в каком-то редчайшем, почти не существующем сочетании красивым. Роды всегда срамны» [13, с. 17].

Эта исповедь, сквозными мотивами которой становятся отсутствие женской солидарности; различия в восприятии мира родителей-эмигрантов и их дочери, взрослеющей в Париже; бедность; ощущение течения времени, отражающегося в теле; ностальгия по России, завершается слиянием героини с собственным телом, ее

признанием в том, что бывают дни, когда бытие ощущается благостным. Интересно, что в момент этого осознания героиня вспоминает о произведении Л.Н. Толстого — писателя, ставшего авторитетом для многих русских эмигрантов, современников Бакуниной:

> Бывают дни, в которые бытие ощущаешь как благо и думаешь: хорошо, что Вера существует. Приливы необычайной бодрости, ощущение беспричинной радости, свежести взгляда являются в солнечный день и там, где земля не скована камнем, где нога ступает прямо по ней. За городом или просто на городском пустыре вдруг ощутишь свое здоровое, сильное тело и то, что кругом хорошо, благодатно. Какой-нибудь чахлый желтый цветочек, полевая метелка («петух или курочка»), бурьян или те высокие лиловые шапки, при виде которых вспоминается Хаджи-Мурат, преисполняют умилением… Прекрасно создана земля! [13, с. 115]

Отзывы критиков были очень разнообразны. Владислав Ходасевич отказывался признавать «Тело» как «художественное произведение», называл историю героини «мещанской драмой» и резюмировал: «Героиня г-жи Бакуниной сама и с самого начала признается в своей духовной бессодержательности. <…> Тут нет никакой эротической трагедии, а есть цепь половых неудач: разница преогромная» [16, с. 4]. Ему вторила Зинаида Гиппиус: «в романе <…> Бакуниной ничего нет, все незначительно и ничем не оправдано» [14, с. 478]. Были и положительные отзывы: Михаил Цетлин [17, с. 454] отмечал в романе стремление к «правде жизни», которое заключалось в честном изображении эмигрантской действительности. Юрий Фельзен назвал произведение «сплошным медленным усилием превратить “крик отчаяния” в осторожные, точные, конкретно-правдивые слова» [15, с. 217]. Апологет «человеческого документа» Георгий Адамович высказался о романе «примирительно»: раскритиковал «художественную сторону» произведения («Пишет женщина… С художественной стороны роман до крайности неровен. Попадаются страницы ужасающие: не могу выразиться иначе. Нет ничего тягостнее эротики, которую, по непонятным мотивам, автор пытается украсить картинными и аляповатыми сравнениями, пышными образами и прочей дребеденью, рассчитанной на то, чтобы создать впечатление какой-то доморощенной «Песни песней» [11, с. 219]), но отметил роман как явление в литературе русской эмиграции: «…вся книга, в целом, — незабываема, несмотря на отдельные срывы, слабости и промахи. Это, конечно, не совсем “литература”.

Но в своем роде это нечто не менее важное и значительное, чем то, что литературой по праву называется» [11, с. 219]. Он же обратил внимание на то, что не только Бакунина делает «новый шаг» «по линии интимности», но и другие европейские авторы, «различные по таланту, уровню культуры и воспитавшей их среде»: «нравится нам такое положение или нет, оно, очевидно, подготовлено состоянием современных умов, сердец и душ. Несправедливо обвинять одну Бакунину за то, в чем лично виновата она лишь на какую-нибудь ничтожную, тысячную долю» [11, с. 220].

Поэзию Бакуниной, публиковавшуюся на страницах литературных журналов, а затем вышедшую в сборнике с непримечательным названием «Стихи», критики также упрекали в «дурном литературном вкусе» [11, с. 219], называя ее «человеческим документом», но никак не «литературой». Примечательно, что большинство рецензентов оценивали творчество Екатерины Бакуниной с традиционно-патриархальных позиций, а стремление писательницы выйти за рамки устоявшейся формы, сделать телесность художественным высказыванием, расценивали как попытку эпатажа. О.Р. Демидова объясняет такое восприятие телесности и сексуальности особенностями русской культурной традиции, где все связанное с проблематикой телесности «рассматривалось как часть непримиримой оппозиции “душа — тело”, на которой, в соответствии с едиными христианскими установками, основана человеческая сущность» [2, с. 47]. В статье «Дискурсы телесности в русской эмиграции» О.Р. Демидова создает классификацию телесного в произведениях писателей русского зарубежья. Она выделяет в телесном дискурсе следующие смыслы: «физически страдающее живое тело», «тело как часть оппозиции душа / тело», «тело как источник / объект греховного удовольствия» и «тело живущее (реабилитированное / полноправное)». К последней категории исследовательница относит романы Екатерины Бакуниной, а также произведения писателей среднего и младшего поколения русской эмиграции — В. Яновского, Ю. Фельзена, Б. Поплавского, поэму в прозе Георгия Иванова «Распад атома», написанную в 1938 г., через 8 лет после «Тела». Исследовательница обращает внимание на то, что эти произведения воспринимались как стремление подражать французским и английским авторам — Лоуренсу, Прусту, Селину, Рембо. Демидова связывает такое восприятие со спецификой «единого русского (и в значительной мере — эмигрантского) дискурса телесности» [2, с. 47] — тело в художественной литературе не может быть представлено как таковое, необходима «некая причина высшего поряд-

ка, оправдывающая обращение автора к столь низменному предмету» [14, с. 47].

Екатерина Бакунина и в стихотворениях, и в романах «Тело» и «Любовь к шестерым» предпринимает попытки создания того самого женского дискурса, о котором через двадцать лет начнут говорить феминистские исследовательницы. Она пытается противостоять патриархальному канону не только среди писателей-эмигрантов, но и бросает вызов предшественникам, классикам, для которых существовало разделение между «высокими материями» и «низшими чувствами», а тело персонажа трактовалось как оболочка, подчиненная душе.

В основе создаваемого Бакуниной «женского дискурса» как в поэзии, так и в прозе лежит телесность, то самое «живущее тело».

Композиция сборника «Стихи» далека от акмеистический лаконичности — в нем около двухсот стихотворений, объединенных в циклы. Каждый цикл (или глава сборника) связан с определенной темой, этой темой и озаглавлен: «Родина», «Изгнание», «Люди», «Одиночество», «О смерти», «Материнство», «Женское», «Отражения», «Земля». Тема «Тело», как можно заметить, в заголовок главы не вынесена, но при этом присутствует в каждом цикле, особенно в тех, что называются «Люди», «Материнство» и «Женское». Слово «тело» в различных вариациях в сборнике присутствует больше тридцати раз, составляющие «тела»: «груди» — 16 раз, «волосы» — 15, «руки» — 11, «живот» — 7, «кожа» — 7, «ноги» — 4, «спина» — 2. Реже «тела» упоминается «лицо» — около 20 раз, и составляющие лица: «губы» — 10 раз, «морщины» —5, «щеки» — 4, «рот», «улыбка», «зубы» — 3.

«Тело» в лирике Бакуниной можно разделить на «свое» и «чужое», «живое» и «мертвое», «больное» и «здоровое», «свободное» и «покорное». В дискурсе телесности появляется целый ряд лейтмотивов, которые могут отсылать к онтологической модели мира, где согласие тела коррелирует с мировым созвучием, а распад тела связан с онтологической дисгармонией. Россия в творчестве Бакуниной предстает «беспризорницей» с «босыми ногами», одиночество воплощается метафорой смерти — «бессильным», «мертвым», «безвольным телом», смерть — освобождением души («А душа, окрыляясь, светлеет, растет // И ненужное тело покидает навеки» [12, с. 101]) и смирением (в стихотворении «Айседора» в крематории сжигают «смирное тело» Айседоры Дункан, чей образ, конечно, неслучаен: именно она реформировала танец, позволяя отпустить контроль над техникой, снять строгие рамки и наслаждаться чувствами и эмоциями, связан-

ными с восприятием собственного тела). «Материнство» в телесных метафорах понимается как болезнь и жертвоприношение; «распад тела» натуралистичен, он не приводит к гармонии, а являет бессмысленность страданий и бесплодность жертвы: лирическая героиня-мать отдает кровь и тело, «чтоб в душе моей скорбь созрела. // Отдается жена и мать // Для того, чтобы нищей стать» [12, с. 118]. Тело женщины при родах оказывается «раненым» и в нем «сочится увечье». Производство потомства для женщины — тяжкое бремя, роды калечат тело: «Материнства бремя не отстанет // Скрючит от натуги рамена. // Вот на изуродованном стане // Мраморных полосок письмена» [12, с. 139]. Но, несмотря на бессмысленность страданий, неблагодарность, женщина стремится к материнству, потому что ощущает неполноту бытия без реализации роли матери: «Будь у меня новорожденный младенчик, // Я тебя ласкала б с радостной мукой // А теперь я точно обобрана, // Точно ты терзаешь мое тело» [12, с. 134]. Тело нерожденного ребенка становится для женщины мечтой («Я все думаю о моих нерожденных деточках, // об их тончайших волосиках, о маленьких пятачках розовых // и нежных, мягоньких тельцах» [12, с.139]), а мертворождение — трагедий, напоминающей о физической дефективности: «Рдело тело живое кроваво изъянами» [12, с.123].

Не только материнство уничтожает женское тело, женское тело становится «измятым», «поношенным», «чужим» из-за столкновения с мужчиной и земным временем, которое тело изнашивает. «Покорное» тело женщины подвергается мужскому насилию, тело рассматривается в дихотомии с душой. Лирическая героиня стихотворения «Живое мясо» вопрошает: «Похотливый // Покупатель // Над стыдливой… // Божья Матерь! // Он — за телом // А с душою // Ангел в белом // Отошел ли?» [12, с.172]. Мужчина выбирает тело, тогда как душа принадлежит ангелам, душа оказывается сильнее и громче «поруганного тела» (в сборнике эпитет «поруганное» употребляется рядом со словом «тело» несколько раз): «Вскричу душой убитой // О поруганьи тела. // Так сходит паралитик // От ужаса с постели» [12, с.174]. После того как мужчина «использует» тело, оно оказывается пустым и неполноценным: «Что ж? Обобрали… // Измяли тело. // Ждала добра я, // Дарить хотела. // Даров не жалко, но стало пусто» [12, с.170]. Тело находится в замкнутом круге: оно не может вырваться на свободу, стать самодостаточным, выполнить свою роль — родить ребенка, потому что оно уже подчинилось, оказавшись в контакте с мужчиной, единственный выход из замкнутого круга — выпустить из тела душу, т. е. умереть. Замыкается в себе тело еще

и из-за присущей ему противоречивости. Женское тело жаждет страсти, но той, которая бывает в первый и единственный раз, после повторения «унижения» тело «первой подруги» становится телом «падшей женщины»: «Не тронь меня. Не тронь поруганной // И тела падшей — не желай. // Со мной, как с первою подругою, // Томленье нежное узнай» [12, с. 175]. Противоречивость тела состоит еще и в том, что оно — вопреки разуму — желает подвергнуться насилию, жажда насилия отзывается разрушительными чувствами — «стыдом и болью»: «Я себя выношу насилу // Тело — в неволе. // Безмерных мужских насилий // Желаю — с стыдом и болью» [12, с.187]. Женское тело оказывается несвободным еще и потому, что принадлежит мужчине, на ласки которого оно не отзывается, женское тело подвергается насилию по собственной воле, потому что «лжет» тому, в чьей власти находится: «Покорное тело солжет — не заметить. // Не выдаст невольная дрожь. // Запуталась в жаркие, душные сети // Двойная, извечная ложь» [12, с.176]. Правду говорят только «потемневшие глаза» — метафора души: «А на зыбком диване покоренное тело // Отдается безвольно поцелуев укусам. // Лишь в глазах потемневших затаившийся ужас» [12, с.176].

Уязвимость женского тела проявляется и в отношениях со временем — если смерть воспринимается как освобождение, то старость — как уродство. О старости лирические героини Бакуниной задумывается заранее, они старости опасаются, пытаясь насытиться свободой сегодняшнего дня, красотой молодого тела: «В красоте воскресенья есть тоска и томление: // Ты ведь скоро старуха, уху слышится глухо, // А уродство с старением — неразрывные звенья // И прекрасное тело смерть отдаст на поруку» [12, с.193]. Пожилые героини вспоминают молодость по вещам — постаревшая женщина смотрит на венчальный наряд, который не утратил былую форму: «Но на кресле, бледней туберозы, // С торопливой небрежностью снят, // Форму тела в безжизненной позе, // Сохранив, цвел венчальный наряд» [12, с. 155]. Интересно, что этот «наряд» не становится символом, как бывало у Блока или Бальмонта, но представляет собой с символическим значением вещи, что свойственно представителям акмеизма. «Вещь» здесь явлена в диапазоне «телесных ощущений», как случалось в произведениях Мандельштама, Ахматовой и Гумилева. Но у Бакуниной, в отличие от некоторых акмеистов, старение тела передается не только через «вещность», но и через передачу «низменных ощущений», так, лирическая героиня, еще предвкушающая старость, уже завидует «нетронутым» молодым девушкам, вернее, их телам: «Зарождается пронзительная зависть // К огнево-

му, что еще пленяет, // К твердой коже нелюбившей девы // С телом стройным, мальчикоподобным» [12, с. 199].

Грудь — составляющая тела — не менее противоречиво представлена в лирике Екатерины Бакуниной. С одной стороны, «грудь» — это символ похоти, с другой — материнства. Но лирические героини Бакуниной жаждут любви и страдают из-за рождения детей, поэтому символ приобретает новые значения. Так, грудь беременной, наполненная молоком, сравнивается с гноем: «Точно гноем налитая грудь» [12, с. 125]. Одинокая мать желает убить ребенка, потому что не испытывает к нему никаких чувств и не ощущает в груди молока: «Злая, злая грудь пустая // Слез — и то уж нет. // Вспомнила о рае. // Страшен этот свет» [12, с. 144]. Через «грудь» в контексте «материнства» Бакунина артикулирует «отвращение» к этой части тела, тогда как «грудь» в контексте «страсти/похоти» воспринимается как нечто притягательное: «Ну, склонись — ты забудешься, знаю — // На целительно мягкую грудь. // Всю тоску я, целуя, измаю, // Загрызу ее злобную студь» [12, с. 167]; «А похоть страшный лик склоняет // К моим алеющим соскам» [12, с. 190]; «В соски мои, алые знаки нагрудные, // Безжалостно память впилась, // А в чаще ресничной сверлит изумрудами, // Как зверь, разожженная страсть» [12, с. 168].

Бакунина снимает табу с происходящего в женском теле — образ «груди» в ее лирике связан не только с женской сексуальностью, но и с тем, чего принято стыдиться (из-за навязанного, искусственного, гендерно-маркированного стыда). Поэтесса откровенна в описании беременности, кормления грудью и менструации. В стихотворениях «Одинокой носила сына» и «Чадолюбие» персонажами становятся соло-мама и нерожавшая женщина, объединенные образом ребенка, присосавшегося к груди: «А когда появился мальчик, // То, не встречен ничьим приветом, // Присосался жадней и жарче // К той груди, что одна на свете» [12, с. 127]; «Ребеночек скосит глазок блестящий, // Присосавшись к соску малиновому, // И малюсеньким упирает пальчиком // В податливую белизну груди» [12, с. 134]. В произведении «Чадолюбие» кормление грудью, как и тело после родов, описывается подробно, без прикрас: «Моему одрябшему от родов телу // От сосанья сладкая истома, // А когда молоко на убыли, // Я последнее отдаю с болью» [12, с. 134].

В стихотворении «Весна» изображена девушка-подросток, у которой изменилось тело в связи с менархе. В этом произведении образ груди не воспринимается как «отвратительный» или «желанный», он присутствует как данность, но при этом вызывает «стыд»:

«Подросток девочка почуяла в смущенье // Круглящихся грудей набрякшие соски // И кожи живота тугое напряженье // И ноющую боль, где вьются волоски» [12, с. 153]. «Виновником» стыда девушки оказывается «скульптор», который создал женское тело таким несовершенным, вынужденным испытывать неловкость за собственное существование: «Но рану тайную изваянному диву // Скульптора нанесла жестокая рука: // В испуге девушка увидела стыдливом // Пурпурные цветы, цветущие века» [12, с. 153].

Таким образом, Бакунина подчеркивает влияние патриархального общественного строя и ограниченной бинарной гендерной системы, которые репрезентируют «правильную» и «неправильную» мужественность и женственность, заставляют женщину испытывать страх и стыд, создают критерии «нормальности», где «женское» несвободно, потому что сковано общественной реакцией. Через пятнадцать лет после выхода сборника Бакуниной в США родится феминистская антропологиня Эмили Мартин, которая будет исследовать женскую телесность с точки зрения медицины и здравоохранения. В своих работах Мартин придет к выводу, что девочек учат стыдиться собственной телесности с самого детства: даже функционируя нормально, тело женщины воспринимается неправильным, потому что женская анатомия отличается от нормативной мужской [10]. Исследовательница называет это проблемой западной культуры в целом: картезианская дихотомия души и тела, опирающаяся на греческую философию и христианство, внушает, что «тело» — это отдельная от сознающего субъекта материя, которая противоречит возвышенному «духу». За дух «отвечает» «мужское», за тело — «женское». Таким образом, маскулинность ассоциируется с рациональным, а феминность — с примитивным.

Бакунина, как и Кристева в книге «Силы ужаса: эссе об отвращении», много внимания уделяет «отвращению» — понятию, которое, с точки зрения Кристевой, неотделимо от дискриминации женщин и обретения женской идентичности. Кристева утверждает, что «отвращение» связано с материнской функцией; чтобы обрести независимость, необходимо от материнского отделиться. О. Тимофеева в статье «Это без слов понятно из менструальной крови» излагает позицию исследовательницы следующим образом: «Разрыв с матерью, по Кристевой, является основополагающим: последующее деление мира на субъект и объекты — его закономерный эффект. Отвратительное — “abject” предшествует возникновению субъектов и объектов, не являясь еще ни тем, ни другим. Именно в силу своей радикальной неопределенности и гетерогенности оно и оказывается

отвратительным и внушает ужас: первое, с чем мы сталкиваемся, — это чудовищный не-объект, из которого мы, тем не менее, происходим. Однако эти границы оказываются неустойчивыми, над ними постоянно нависает смертельная угроза хаоса, растворения. Отвращение защищает человека от погружения в нирвану бессмысленной и иррациональной стихии всякий раз, когда его идентичность подвергается смертельной опасности». [9, с. 347]. По мнению Кристевой, неуместное, неправильное отвращение — причина подавления женщин и «женского» (а также представителей групп, исключенных из доминантного порядка: евреев, сексуальных, расовых и этнических меньшинств). Исследовательница убеждена в том, что в глубокой древности «женское» приобрело предикат табуации, стыда, позора именно из-за репродуктивной функции: «…попытке установить мужскую фаллическую власть сильно угрожает не менее решительная власть другого, угнетенного <…> пола. Этот другой пол, женский, становится синонимом радикального зла» [6, с. 20]. Кристева видит выход в создании ситуации равенства, где ни один из полов бы не жертвовал собственной идентичностью.

Интересно, что для Бакуниной в сборнике стихов важно артикулировать связь «женского» с уязвимыми, даже маргинальными, группами. В цикле «Люди» мы видим, как героиня «протягивает руки» слепым, нищим, «чернокожим», пьяницам, уличным женщинам, сумасшедшим мальчикам, евреям, каждому, кто не ощущает общественной поддержки. Поэтесса нарисовала их портреты несмотря на то, что «нормативное общество» вытеснило ее героев. «Рука» как часть женского тела призвана коснуться тех, кто не получил поддержки, к «уродам» и «калекам» лирическая героиня Бакуниной испытывает нежность: «И руками, что не любимы, — // Отвратительных, злых калек, // С тихой нежностью, мной хранимой, // Я коснусь, как болящих век» [12, с. 73]. Она объясняет это тем, что сама ушла недалеко от них, «подневольных», не виновных в собственном уродстве: «Осторожную дам им ласку. // Не задену, не оскорблю… // Я сама под живою маской // Нестерпимейший срам терплю» [12, с. 74].

Другие части тела, такие как живот, спина, ноги, телесная «оболочка», кожа, описаны Бакуниной без эстетизации, с «отвращением» к бремени и женщины-матери, и женщины-жены. Бакунина уничтожает «сакральность» материнства и замужества, ставя «высокое» в один ряд с «низким». Так, стихотворение «Счастье» о радости материнства начинается словами «Безобразно раздутый живот, // Боль, которой названия нет, // И закушенный, стиснутый рот, // Как вон-

зившийся, узкий браслет» [12, с. 122], а заканчивается «материнским умилением» женщины, готовой рожать снова и снова: «Умиленьем объятая мать // Источает любовь молоком — // И готова сызнова рожать» [12, с. 122]. В произведении «Бремя» «раздутый», «девственно изваянный живот» соседствует со словосочетанием «рок плодородия»: «Раздувает тайная отрада // Девственно изваянный живот. // Року плодородия во славу // Пущен неизбежности завод» [12, с. 139]. Эпитет «раздутый» характеризует «живот» и в стихотворении «Мертворожденный», где высокий стиль смешивается с низким: покойник «обвивается пуповиной» и «беспомощно» «чахнет в таинственном чреве», «был раздутый живот для него домовиною // И мертвяк, а не сын ширил материн пах» [12, с. 133]. В произведении «Невеста» поэтесса описывает старую деву, которая ходит по миру «с душой своей ненужною»: «И вот, невеста старая, // Бреду куда невесть. // Спина давно гитарою, // Волос тускнеет жесть» [12, с. 148]. Стихотворение «Что сказать мне о женском?» словно резюмирует представление о трагическом «женском», которое присутствует во всех произведениях Бакуниной: женщина оказывается несовершенной от рождения, потому что ее менструирующее тело не вписывается в общественную норму: «От рождения — с изъяном. // Ежемесячно — хворь. // И в межножьи сафьяновом // Словно алая корь» [12, с. 150], героине тяжело справляться с течением времени, ведь «женское бытие» урезано до репродуктивной функции: «Скрытый рок созревания // Плодоносных яиц — // И томление желанием, // Что не знает границ» [12, с. 150]. Женщина несвободна в собственном стыде и жажде слияния, за которыми следует «откровение» — рождение ребенка: «О, речистость молчания, // Стыдность дум о самце — // И печаль по отданию // На девичьем лице» [12, с. 150].

Телесные образы в поэзии Бакуниной присутствуют и в описании примет окружающего мира. Мир становится «женским», потому что каждое явление природы сравнивается с женским телом. Так, «телеса туч» на закате похожи на купчих, моющихся в бане («Багровых туч гряды остановились // Их пухлые застыли телеса. // Купчихами, что в бане мылись, // И разлеглись устало в небесах» [12, с. 225]), а небо сродни женщине, выпятившей грудь и надевшей «бабкин роброн»: «Бледно-зеленый разлив, // Запад из яри и блонд, // Словно бы небо, ожив, // Бабкин надело роброн. // Пышно раскинув боры, // Выпятив грудь в облаках, // Тайно целует горы // Дальней крутые бока» [12, с. 227].

Попытки создания «женского дискурса», в основе которого лежит телесность, десексуализация женского тела, поиск идентичности,

стремление выйти за рамки стереотипных жанров, сделать открытие по «линии интимности» в «человеческом документе», высказывания на темы, табуированные в русской литературе, присутствуют во всем творчестве Екатерины Бакуниной.

Интересно, что Бакунина, взяв за основу форму «литературы факта», «человеческого документа», популярного в тридцатые годы в русской эмиграции, пишет «литературу вымышленную», никак не соотносящуюся с событиями в жизни писательницы: «То, что я пишу от первого лица, вовсе не значит, что я пишу о себе» [15, с. 218]. «Фактическим», «натуралистическим» здесь становится именно тело, оно представляет собой онтологическую дисгармонию, связанную с бесконечным «распадом» и утратой дома, любви, веры. Тело становится для героини единственной опорой в мире, где перестали существовать ориентиры. Телесность оказывается для писательницы инструментом самопознания и способом выразить женский голос в эмигрантской литературе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Бахтин М.* Эстетика словесного творчества / сост. С. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. *Демидова О.Р.* Дискурсы телесности в литературе русской эмиграции // Большие темы культуры в славянских литературах. Вроцлав: Изд-во Вроцлавского ун-та, 2011. Т. 9: Тело. С. 47–54.
3. *Иригарэ Л.* Пол, который не единичен // Введение в гендерные исследования / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. Ч. II. С. 127–135.
4. *Кристева Ю.* Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004. 656 с. (Серия «Книга света»)
5. *Кристева Ю.* Изоляция, идентичность, опасность, культура // Вестник Европы. 2005. № 15. С. 227–241.
6. *Кристева Ю.* Силы ужаса: эссе об отвращении. СПб.: Алетейя, 2003. 256 с. (Серия «Гендерные исследования»)
7. *Подорога В.А.* Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М.: Ad Marginem, 1995. 340 с.
8. *Сиксу Э.* Хохот Медузы // Введение в гендерные исследования / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. Ч. II: Хрестоматия. С. 799–821.

9. *Тимофеева О.* Это без слов понятно из менструальной крови… // Новое литературное обозрение. 2005. № 2. С. 346–350.
10. *Martin E.* The Woman in the Body: a Cultural Analysis of Reproduction: with a New Introduction. Boston: Beacon Press, 1992. 308 p.

Источники

11. *Адамович Г.* «Человеческий документ» // Литературные заметки, кн. 2. СПб.: Алетейя, 2007. С. 219–222.
12. *Бакунина Е.В.* Стихи. Paris: Родник («La Source»), 1931 (Imp. de la Societe Nouvelle d' ed. Franco-Slaves). 237 с.
13. *Бакунина Е.* Тело. Берлин: Парабола. 1933. 116 с.
14. *Гиппиус З.* Любовь к шестерым // Современные записки. 1935. № 58. С. 478–479.
15. *Фельзен Ю.* [Рец. на:] Тело // Числа. 1933. Кн. 9. С. 217–218.
16. *Ходасевич В.* Книги и люди. [Рец. на:] Тело // Возрождение. 1933. № 2900. С. 3–4.
17. *Цетлин М.* [Рец. на:] Тело // Современные записки. 1933. № 53. С. 454–456.

REFERENCES

1. Bakhtin, M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [*The Aesthetics of Verbal Art*], comp. by S. Bocharov. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 424 p. (In Russian)
2. Demidova, O.R. “Diskursy telesnosti v literature russkoi emigratsii” [“Discourses of Corporeality in Russian Émigré Literature”]. *Bol’shie temy kul’tury v slavianskikh literaturakh* [*Large Themes of Culture in Slavic Literatures.*], *vol. 9. The Body*. Izd-vo Vrotslavskogo un-ta Publ., 2011, pp. 47–54. (In Russian)
3. Irigaray, L. “Pol, kotoryi ne edinichen” [“Sex Which Is Not One”]. *Vvedenie v gendernye issledovaniia* [*Introduction to Gender Studies,*], part II, ed. by S.V. Zherebkin. Kharkiv, KhTsGI Publ.; St. Petersburg, Aleteia Publ., 2001, pp. 127–135. (In Russian)
4. Kristeva, J. *Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki* [*Selected Works: The Destruction of Poetics*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 656 p. (Series: “Kniga sveta”). (In Russian)
5. Kristeva, J. “Izoliatsiia, identichnost’, opasnost’, kul’tura” [“Isolation, Identity, Danger, Culture”]. *Vestnik Evropy*, no. 15, 2005, pp. 227–241. (In Russian)
6. Kristeva, J. *Sily uzhasa: esse ob otvrashchenii* [*Powers of Horror: An Essay on*

Abjection]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2003. 256 p. (Series: “Gendernye issledovaniia”). (In Russian)
7. Podoroga, V.A. *Fenomenologiia tela. Vvedenie v filosofskuiu antropologiiu* [*Phenomenology of the Body: Introduction to Philosophical Anthropology*]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1995. 340 p. (In Russian)
8. Cixous, H. “Khokhot Meduzy” [“The Laugh of the Medusa”]. *Vvedenie v gendernye issledovaniia* [*Introduction to Gender Studies*], part II, *Anthology,* ed. by S.V. Zherebkin. Kharkiv, KhTsGI Publ; St. Petersburg, Aleteia Publ., 2001, pp. 799–821. (In Russian)
9. Timofeeva, O. “‘Eto bez slov poniatno iz menstrual’noi krovi…’” [“‘It Is Clear Without Words From Menstrual Blood…’”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2005, no. 2, pp. 346–350. (In Russian)
10. Martin, E. *The Woman in the Body: A Cultural Analysis of Reproduction: with a New Introduction*. Boston, Beacon Press, 1992. 308 p. (In English)

Дата поступления статьи: 12 июня 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 10 января 2025 г.
Дата публикации: 29 декабря 2025 г.

Received: June 12, 2024
Approved*:* January 10, 2025
Date of publication: December 29, 2025

Научная статья

УДК 821.054.7.0
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-313-329
https://elibrary.ru/EZOEWF

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ «ЭМИГРАНТСКИХ ДОЧЕРЕЙ»: ПУТИ ПРОЧТЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2025 г. Ю.А. Маричик-Сьоли

Аннотация: В статье предпринята попытка обобщающего анализа существующих подходов к изучению творчества «малых» писательниц (на примере литературного наследия «эмигрантских дочерей», творивших в 1920–1930-е гг. во Франции). В первой части статьи перечислены элементы, способствующие перепрочтению текстов «эмигрантских дочерей» и пересотворению их литературных репутаций (комментирование и переиздание текстов; проведение международных конференций; создание в крупных издательствах научно-исследовательских серий с заголовком «гендерные исследования»). При этом важно не реабилитировать любой ценой «малых» писательниц, а изучить историко-культурный контекст и критическую рецепцию их творчества, чтобы сопоставить с современным взглядом на их литературное наследие и сделать вывод об изменениях в их литературной репутации. Во второй части статьи представлены основные существующие подходы к изучению творчества «эмигрантских дочерей», а именно: историко-культурный, гендерный, историко-поэтический. В заключение сделан вывод об актуальности интереса научного сообщества к вопросу существования «малых» авторов.

Ключевые слова: «эмигрантские дочери», «малые» писательницы, литературная репутация, гендерный анализ, историко-поэтический подход, Анри Мешонник.

Информация об авторе: Юлия Александровна Маричик-Сьоли — кандидат филологических наук / PhD, старший научный сотрудник, Институт

мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-6173-6463
E-mail: jouliamaritchik@mail.ru

Для цитирования: *Маричик-Сьоли Ю.А.* Литературное наследие «эмигрантских дочерей»: пути прочтения и перспективы исследования // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Вып. 3 / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 313–329. https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-313-329

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

LITERARY HERITAGE OF “EMIGRATION DAUGHTERS”: WAYS OF READING AND PROSPECTS OF RESEARCH

© 2025. Youlia A. Marichik-Sioli

Abstract: The article makes an attempt of generalizing analysis of existing approaches to studying the “minor” female writers works (on the example of the literary heritage of “emigration daughters”, who lived in France in the 1920’s–1930’s.). The first part of the article lists the elements that contribute to the re-reading of “emigration daughters” texts and the re-evaluation of their literary reputation (comments and reprints of their texts; international conferences; creation of research “gender studies” series in major publishing houses). At the same time, it is important not to rehabilitate these “minor” writers at any cost, but to study the historical and cultural context and critical reception of their work, to compare them with the modern view of their literary heritage and to draw conclusions about changes in their literary reputation. The second part of the article presents the main existing approaches to studying the literary heritage of “emigration daughters”, namely: historical-cultural, gender, historical-poetic. The conclusion emphasizes the scientific community’s interest for “minor” authors.

Keywords: “emigration daughters”, “minor” women writers, literary reputation, gender studies, historical-poetic approach, Henri Meshonnic.

Information about the author: Youlia A. Marichik-Sioli, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-6173-6463
E-mail: jouliamaritchik@mail.ru

For citation: Marichik-Sioli, Y.A. “Literary Heritage of ‘Emigration Daughters’: Ways of Reading and Prospects of Research.” *Emigrantica*. Issue 3, ed.-comp. E.R. Ponomarev, acad. ed. E.R. Ponomarev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 313–329. (In Russian)
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-313-329

Вопросы изучения творческого наследия так называемых «малых», «второстепенных», малоизвестных писательниц занимают умы как русских, так и зарубежных исследователей уже не первое десятилетие. Как следовало бы сегодня читать и перечитывать их художественные тексты? Забытые голоса этих писательниц часто характеризуются как тихие, негромкие, умолкшие, своеобразные[1]. Подобная характеристика уже стала стершейся метафорой. Как сделать так, чтобы эти голоса были услышаны? Слышим ли мы их, и должны ли они вновь зазвучать?

Мне бы хотелось рассмотреть этот историко-поэтический вопрос на конкретном материале, а именно на примере литературного наследия представительниц «молодого поколения» первой волны эмиграции (Е. Бакунина, Н. Берберова, Н. Городецкая, И. Кнорринг, Г. Кузнецова, И. Одоевцева). «Эмигрантские дочери»[2] жили и работали во Франции в момент «сотворения»[3] XX и XXI вв. своими знаменитыми современниками — Джеймсом Джойсом, Натали Саррот,

[1] Важно «способствовать процессу обнаружения замолкших голосов из прошлого» [21, p. 16]; «Пусть воскреснут post mortem эти заглушенные голоса» [17, p. 15]; «Не все голоса звучат одинаково громко и не всем суждено исполнять ведущие партии» [2, с. 23–24]. Здесь и далее перевод на русский выполнен автором статьи.

[2] Термин, введенный в научный оборот О.Р. Демидовой. См.: [3, 4].

[3] Для автора статьи особенно важной представляется мысль о создании-сотворении-изобретении современности, сегодняшнего дня знаменитыми деятелями культуры прошлого.

Мариной Цветаевой, Владимиром Набоковым, Пабло Пикассо или же скульптором и художником Александром Колдером, чья выставка «Александр Колдер: объемы — векторы — плотности/рисунки — портреты» прошла в Париже в 1931 г. Быть может, среди ее посетителей были и представительницы «молодого поколения»…

«Без имени»? «Эмигрантские дочери» в современном литературоведении

Если размышлять о творчестве писателей, скульпторов и художников в терминах «большое» и «малое», «великое» и «второстепенное», то, например, можно сказать, что в Париже начала 1930-х гг. Колдер переизобретает искусство, творит новые формы и новое ощущение видимого, расширяет границы искусства. Как пишет Марина Цветаева: «Современность: все-временность» [40, т. 5, с. 341]. Подлинная, «большая», «мировая вещь» [40, т. 5, с. 331] — та, что «предельно явив свой край и свой век — беспредельно являет все, что не-край и не-век: навек» [40, т. 5, с. 331]. Чуткое ухо Цветаевой-критика в свойственной ей поэтической манере улавливает связь между возрастом книги, ее (вечной) «молодостью» и художественной значимостью совершенных писателем открытий, которыми будут подпитываться и вдохновляться грядущие поколения. Тогда как имена «эмигрантских дочерей», за некоторыми исключениями[4], известны, как правило, скорее литературоведам и историкам эмиграции, узкому кругу читателей.

В рамках международной конференции «Emigrantica. Коростелевские чтения–2023» мой доклад по теме данной статьи был зачитан на секции «Крупнейшие имена первой эмиграции», что лишний раз подчеркивает противоречивость их статуса[5]: являются ли их имена «крупнейшими», именно в превосходной степени сравнения,

---

[4] Автодокументальные тексты Н.Н. Берберовой («Курсив мой»), Г.Н. Кузнецовой («Грасский дневник») и И.В. Одоевцевой («На берегах Невы») известны широкому кругу читателей: «В статье <о жизни и творчестве «эмигрантских дочерей». — *Ю. М.-С.*> рассматриваются три наиболее известных современному сообществу и включенные в канон русской литературы XX века автодокументальных текста, принадлежащих перу писательниц “молодого” поколения русской эмиграции первой волны» [4, с. 58].

[5] На международной конференции «Наследие Серебряного века в эмигрантской литературе» («L'héritage de l'Age d'argent dans la littérature émigrée»), прошедшей 16–17 ноября 2018 г. в университете Жан Мулен — Лион-3 (Франция), секция, в которой было представлено творчество Ирины Одоевцевой, была озаглавлена «Периферийное письмо (*écriture de la marge*) в Серебряном веке и в эмиграции».

с художественной точки зрения, или же речь идет не столько о поэтическом новаторстве, сколько об историко-культурном контексте, близости «эмигрантских дочерей» к «великим» творцам эмиграции (И. Бунин, Г. Иванов, В. Ходасевич и др.)? Ведь они были живыми свидетельницами и участницами важнейших исторических событий и потрясений[6].

Однако если принять во внимание достижения современной науки, то в настоящий момент трудно свести результаты их творческой работы исключительно к вторичному, подчиненному положению по отношению к знаменитому мужчине (Берберова, Кузнецова, Одоевцева[7]), к телесной вакханалии и скандалу (Бакунина[8]), к пустоте, простоте и бесцветности (Городецкая[9]). Об этом свидетельствует не только явный и возрастающий интерес к женскому творчеству в таких областях культуры, как литература, живопись, скульптура, театр, но и распространение и применение гендерного подхода, с присущими ему инструментами анализа, к литературе. Приведу всего лишь несколько примеров, касающихся интересующего нас исторического периода.

В 2022 г. в Люксембургском музее в Париже прошла выставка «Пионерки. Художницы и женщины-фотографы в Париже “безумных лет”» («Pionnères. Artistes dans le Paris des années folles») [23], благодаря которой все желающие могли познакомиться с малоизвестным и ярким иллюстративным материалом. Европейские исследователи, как правило, систематически проявляют интерес к творчеству

---

[6] См. размышление О.А. Коростелева: «Для поколения его книга <“Незамеченное поколение” В. Варшавского. — *Ю. М.-С.*> стала знаковой — как по теме, так и по жанру. У многих поэтов и прозаиков этого поколения самыми читаемыми оказались книги, написанные в несвойственном им ранее жанре, представляющем собой мемуары, автобиографию или другие виды non fiction: Яновский, Терапиано, Одоевцева, Берберова. То есть самым интересным в них сейчас видится не их творчество, о котором они так пеклись, а они сами, их жизнь, их эпоха. Именно эти книги раньше других были переизданы, в то время как многие стихи и рассказы, с которыми они начинали и получали известность, до сих пор не собраны» [7, с. 214–215].

[7] См.: Демидова [1, 2, 3, 4], Коростелев [7, 33], Рубинс [10], коллективная монография Варминьско-Мазурского университета [24].

[8] См.: Демидова [3], Рубинс [10], Morard [22], Maritchik-Sioli [16, 8], переиздание романа «Тело» с предисловием О.Ю. Васякиной [30]. Проводимые как в России, так и за рубежом конференции свидетельствуют о возрастающем интересе к творчеству Е.В. Бакуниной («Женщина-автор: писательские стратегии и практики в эпоху модерна», 2–4 апреля 2024 г. ИМЛИ РАН; «Ex Oriente Lux: эмигрантская культура во Франции между двумя мировыми войнами», 1–2 сентября 2023 г. Лондонский университет королевы Марии).

[9] См.: Любомудров [32], Маричик-Сьоли [9].

«эмигрантских дочерей» и выступают с докладами по этой тематике на различных международных конференциях. Наконец, крупные и престижные издательские дома во Франции основали литературные серии по гендерной проблематике — «Мужское/Женское в современной Европе» (издательство «Classiques Garnier»), «Литература и гендер» (издательство «Honoré Champion»[10]), — что способствует деконструкции властных механизмов исключения / маргинализации женского творчества и пересмотру литературных репутаций[11].

В русскоязычном научном пространстве художественные и автобиографические тексты, принадлежащие перу Галины Кузнецовой, Надежды Городецкой, Ирины Одоевцевой, были переизданы с комментариями и предисловиями О.Р. Демидовой, А.М. Любомудрова, М.О. Рубинс[12]. Данные публикации позволили сформировать как историко-культурную, так и теоретическую базу для дальнейших исследований по данному вопросу. В ИМЛИ РАН в течение нескольких лет регулярно проводятся международные конференции по гендерной проблематике[13], а издательство «Новое литературное обозрение» выпускает серию «Гендерные исследования», характеризуя этот подход к изучению художественного текста как «одно из самых бурно развивающихся направлений современной гуманитарной науки[14]». Таким образом, можно сделать вывод о том, что ситуация постепенно изменяется, писательницы приобретают иной литературный и культурный статус, а их произведения получают новые интерпретации.

При этом ученые, работающие в русле гендерных исследований, отмечают, что «вес традиции» [25, с. 334] значительным образом замедляет разработку и внедрение новых категорий анализа женского творчества[15]. А французская исследовательница Кристин План-

---

[10] См. подр. статью Дамьена Занона: [27].

[11] См. каталог публикуемых в этих сериях изданий: https://classiques-garnier.com/masculin-feminin-dans-l-europe-moderne.html; https://www.honorechampion.com/img/cms/pdf_catalog/2022_litterature_genre.pdf (дата обращения: 10.03.2025).

[12] См.: Демидова [1, 2, 36], Любомудров [32], Рубинс [39].

[13] «Женщина-автор: писательские стратегии и практики в эпоху модерна (К 155-летию со дня рождения Зинаиды Гиппиус и Мирры Лохвицкой)» (2–4 апреля 2024 г.); «Фемининность и маскулинность в культуре модерна: Россия и зарубежье» (14–15 февраля, 2023 г.); «Концепции фемининности и конструирование гендера в русской культуре 1890-х — 1930-х годов» (30–31 марта 2021 г.).

[14] См.: https://www.nlobooks.ru/books/gendernye_issledovaniya/ (дата обращения: 10.03.2025).

[15] См. выводы О.Р. Демидовой: «В определенном смысле можно утверждать, что и материальный канон, и канон критериев и толкований литературы русского за-

те, специалист по литературе XIX в., пишет о том, что исторически «сложившаяся иерархия оценочных критериев препятствует <…> признанию красоты, значимости, оригинальности большого количества художественных произведений, написанных женщинами» [25, с. 334]. Значит, необходимо ввести дополнительные критерии, способствующие новому прочтению текстов женщин-писателей.

Сами писательницы часто размышляли о «малости» своего литературного вклада в русскую культуру. Так, Надежда Городецкая упоминала о своем «мелком писательстве» [32, с. 38] и «статейках о русских» [16, с. 88], утверждая: «Ведь не могу же я, в самом деле, считать целью своей жизни писание посредственных книжек» [32, с. 27]. И Екатерина Бакунина в переписке с Николаем Евреиновым обращалась к уничижительному стилистическому регистру, рассуждая о своем романе «Тело»: «… меня удивляет то внимание, которое ей <книге. — *Ю. М.-С.*> уделяется. Ведь это нечто спешно сделанное и маленькое» [38, с. 15]. Галина Кузнецова сделала запись в своем дневнике о том, что ее «простота никого не пленит» [36, с. 52], а представительница старшего поколения, переводчица, журналистка и писательница Августа Даманская характеризовала свое творчество следующим образом: «маленьк<ая>, малоценим<ая>, вероятно, большего не стоит — малозаметн<ая> писательниц<а>» [16, с. 88].

Было бы ошибкой усмотреть в этих высказываниях исключительно женские требования о признании собственных талантов и заслуг. Вышеперечисленные самохарактеристики вызваны в каждом отдельном случае целым комплексом причин: важно учитывать и попытки объективного (литературно-поэтического) самоанализа и критического отношения к собственному творчеству (Н. Городецкая, Г. Кузнецова, Е. Бакунина); и самоиронию, а также разочарование, горечь и боль, вызванные жизненными трудностями в эмиграции (А. Даманская, Н. Городецкая, Е. Бакунина, Г. Кузнецова). Не стоит также забывать и о своеобразной риторической фигуре — традиционном самостирании и умалении своих достоинств, провозглашении своего второстепенного места в культуре под давлением литературного канона и «культурного риторического ритма эпо-

---

рубежья до сих пор остаются такими же, какими они сложились несколько десятилетий назад. При этом “не замеченными” остается значительное число произведений женского пера, образующих в общем русле еще одно течение — собственно женскую литературу эмиграции — и, что значительно важнее, игнорируется сам феномен женского творчества как отличного от мужского» [1, с. 16].

хи» [20, p. 190], выдвигающего на первый план «великих» творцов мужчин.

Когда речь идет о негромких голосах и переосмыслении литературных репутаций, важно не столько реабилитировать любой ценой писательниц и показать, что их манера письма была замечательной, сколько изучить:

— механизмы присвоения значимости / художественной ценности тому или иному тексту в определенный исторический период (историко-культурный контекст и литературная критика);

— выделить культурные опоры общества (идентифицирующиеся с «положительными» культурными ценностями: например, мера, вкус, изящность, женственность);

— выявить то, что культурной нормой отторгается («негативные» культурные ценности: например, безмерность, безвкусие, пошлость и словесный блуд, болтливость, «бабство»).

Необходимо обнаружить те параметры, которые сформировали репутацию того или иного автора / текста (изучить данные архивов памяти, хранящих сведения о значимости литературного произведения) в интересующую нас эпоху, и сопоставить с нашей сегодняшней интерпретацией этих текстов, дабы подтвердить, утвердить или же, наоборот, переизобрести, пересмотреть существующую репутацию и литературную ценность анализируемого текста. Подобная работа может быть произведена при помощи различных методов анализа художественного текста.

Благодаря существующей сегодня научно-исследовательской литературе, «эмигрантские дочери» уже не являются писательницами «без имени» [38, с. 13], как отмечала Е.В. Бакунина в письме Н.Н. Евреинову. Их имена — с различными уточнениями и пояснениями — являются неотъемлемой частью культурной истории русской эмиграции, а их художественное творчество трудно ассоциировать исключительно с мелким писательством, «дамским» романом и массовой литературой.

Подходы к изучению литературного наследия «эмигрантских дочерей»

Какими подходами и инструментами оперируют исследователи, чтобы вернуть писательницам их имена и заставить звучать смолкшие голоса? Предлагаемый ответ никоим образом не является исчерпывающим, речь идет лишь о предварительной попытке обобщения.

Первый подход можно обозначить как культурно-исторический, подразумевающий бинарную схему «от тени к реабилитации» [26, p. 127]. Исследования, относящиеся к этому подходу, содержат богатый документальный (архивный) и историко-культурный материал. Публикация дневников Ирины Кнорринг (с комментариями и предисловием Ирины Невзоровой) [35], переиздание романов, рассказов и статей Надежды Городецкой [32] и Ирины Одоевцевой [39] (с развернутыми комментариями Алексея Любомудрова и Марии Рубинс), издание дневниковых записей и переписки Людмилы Савицкой, «малой» культурной посредницы, с Константином Бальмонтом [34] (сопровожденное вводной статьей и комментариями Леонида Ливака) — все говорит о живейшем интересе к «малым» литературным деятелям и посредникам. Даже если в данных публикациях на первое место выходят скорее специфические особенности жизни и творчества писательниц, в них не исключены и сведения обобщающего характера (например, И. Кнорринг и исповедальные жанры, Л. Савицкая и транснациональная модернистская культура, Н. Городецкая и православие). На стыке культурно-исторического и гендерного подходов находится и не так давно изданная переписка Нины Берберовой и Галины Кузнецовой, подробно откомментированная Ириной Белобровцевой и Ольгой Демидовой [37].

Второй подход тяготеет скорее к разработке общей схемы прочтения «женских» текстов посредством гендерных методов анализа. В русскоязычном научном пространстве О.Р. Демидова проделала большую работу по разработке как концептуального аппарата (в том числе и с опорой на зарубежные исследования)[16], так и введению в научный оборот нового фактического и культурного материала (переписка, публикация не издававшихся ранее текстов).

В центре избранной О.Р. Демидовой гендерной оптики[17] находится гендерный (женский) пишущий субъект, наделенный женским взглядом на мир, женским опытом и своеобычным языком: «поскольку исторические обстоятельства, индивидуальные жизненные условия и возможности творческой самореализации и манифестации себя в культуре у представителей разных полов различны, различны и выбираемые теми и другими иерархии оценочных кри-

[16] Что касается применения гендерного подхода к изучению русской литературы, то важно упомянуть также об исследованиях И.Л. Савкиной (по XIX в.) [11, 12], К. Эконен [13] и М.В. Михайловой [6] (по Серебряному веку).

[17] Важно напомнить о том, что в рамках гендерных исследований существует множество различных методов и инструментов анализа. Каждый исследователь выбирает свой набор концептуальных элементов и понятий.

териев» [1, с. 5]. Таким образом, получается, что женский пишущий субъект формируется на пересечении исторических, социальных, культурных, национальных и прочих факторов. Именно женский опыт традиционно наделяется в культуре маргинальными, второстепенными характеристиками: «В результате лежащий в основе женского творчества опыт, маркированный как “другой” и не подлежащий оценке в рамках традиционного, т. е. мужского, опыта, ускользает от понимания критики и остается неучтенным и/или искаженным» [1, с. 16], что требует переосмысления и перепрочтения литературного наследия женщин-творцов.

В англоязычном пространстве — с опорой на труды американской специалистки по гендерным исследованиям Элейн Шоуолтер — подобная работа по изучению творчества французских писательниц 1920-х – 1930-х гг. была проделана Дженифер Миллиган: «Шоуолтер подчеркивает тот факт, что малые, чаще всего забытые писательницы являются недостающими звеньями в большой литературной женской семье, и призывает феминистски настроенных историков литературы выстроить исключительно женскую историческую традицию» [21, p. 213]. Само название труда «Забытое поколение. Французские женщины-писатели в период между двумя мировыми войнами» красноречиво указывает на восстановление творческой репутации малоизвестных французских писательниц. Посредством таких понятий, как литературная традиция и литературный канон, литературная коммуникация, женский и мужской опыт, гендерный зазор, Д. Миллиган по-новому интерпретирует творчество интересующих ее писательниц.

В связи с публикацией архивных материалов, переписки, а также и мемуарных сочинений деятелей первой волны эмиграции появляется все больше и больше информации о женском взгляде и женском опыте во всей сложности и многозначности этого термина.

Третий научный подход основывается на разработках французских теоретиков Анри Мешонника и Жерара Дессона [16]. Если традиционный гендерный анализ работает с гендерным (мужским / женским) субъектом[18] и выстраивает гендерную поэтику, то теория Анри Мешонника строится вокруг пишущего языкового субъекта (вне зависимости от пола), так называемого субъекта письма. В таком случае на первое место выходит не многогранное

[18] «Основной характеристикой *гендерной субъективности* как новой предметной области философской антропологии является то, что критерий сексуального (или гендерного) различия признается *ведущим* в структуре субъективности» [5, с. 10]. Курсив принадлежит цитируемому автору.

противостояние мужского и женского опыта и взгляда на мир, а скрытый культурный заряд (лингвопоэтический, жанровый, тематический и т. д.), оказавшийся недооцененным современниками писателя или писательницы.

А. Мешонник[19] переосмысливает и разрабатывает два важных понятия, а именно: современность (*modernité*) и значимость (*valeur*) художественного текста. Понятие «современность» ставит перед читателями вопрос о том, является ли автор / произведение частью нашего настоящего или нет: «Современность, будущее настоящего» [18, p. 13]. Иными словами, современность (автора или произведения) рождается на пересечении линейного (хронологического) вектора («ушедшее в прошлое пассивное настоящее» [19, p. 25]) и вектора, устремленного в будущее, нацеленного на «сотворение новых способов видеть, говорить, чувствовать, понимать» [19, p. 25].

Вопрос о значимости художественного текста связан непосредственно с «малым» (пока еще не имеющим значимости культурным событием) и «большим» (значимым культурным событием). Согласно определению Ж. Дессона: «Малое — это то, что находится в процессе становления, то, что еще не утвердилось, что не приводит к консенсусу» [15, p. 104]. «Малое» произведение, будь оно написано мужчиной или женщиной, — это такое произведение, которое не было признано важным обществом с его устоявшейся сеткой критериев. А значит, вчерашнее «малое» произведение может стать сегодня значимым и «большим». В таком случае значимость художественного текста не является застывшим качеством, а подразумевает некий культурный заряд, способный изменить взгляд и точку зрения общества на тот или иной вопрос: «Именно в этом смысле, возможно, величие художественного произведения определяется этой способностью являть собой вре́менную Ювенильность — будь то произведение, которое “продолжает” быть культурной ценностью или же будь то произведение “заново открытое”, переходящее из статуса “малого произведения“ (или не-произведения) в статус “большого произведения”. Что свидетельствует о том, что художественное произведение никогда не оказывается “обреченным”; ни на провал, ни на успех: “еще” молодое вовсе не значит “всегда” молодое» [14, p. 219]. Как говорила сама Екатерина Бакунина: «И какое значение может иметь возраст книги? Она рождается каждый раз,

[19] Анри Мешонник (1931–2009) — французский лингвист, поэт, переводчик Библии, автор более чем 40 научных трудов по истории и теории языка и литературы, автор уникальной поэтики и теории ритма.

как ее читают, и каждому являет свое лицо по-разному» [29, с. 264].

Если попробовать переформулировать мысль писательницы, можно задать вопрос о том, каков, например, сегодня «возраст» ее книг, каково их «лицо»?

Почти сто лет назад ее романы («Тело», «Любовь к шестерым») считались не только скандально-шокирующими, но и лишенными так или иначе художественной ценности. О рецепции ее текстов эмигрантской критикой уже не раз писали различные исследователи[20]. Эта сложившаяся репутация отразилась на переиздании книг Бакуниной в XX и XXI вв. Не случайно ее романы издавались в сериях «Секс-пир» [31] (с оксюморонным подзаголовком «Жемчужины интимной словесности») и «Фавориты любви» [28] (с уточнением «сладкий запах спелой клубники») с фривольными изображениями на обложке книги.

В настоящий момент становится понятно, что ее произведения «молоды» и современны, благодаря исследованиям Ольги Демидовой, Анник Морар, Марии Рубинс. Переиздание романа «Тело» с послесловием Оксаны Васякиной [30], в котором она настойчиво использует феминитив «авторка» и размышляет об актуальности текста Бакуниной, лишний раз подтверждает интерес читателей к ее письму и затронутым писательницей темам. В целом вопросы жанровой специфики (роман, автобиография, «человеческий документ», эго-романистика, автофикшен), женской эмансипации, соотношения телесное / эротическое / порнографическое прочитываются сегодня иначе, чем сто лет назад, что, вне всяких сомнений, способствует пересотворению культурной репутации писательницы.

В заключение важно сказать о том, что интерес к забытому и маргинальному является одной из черт современного научно-исследовательского пейзажа. Из небытия возвращаются известные когда-то женские имена, их творчество комментируется и переиздается, обогащается новыми трактовками. Появление новых исторических документов и фактов способствует более полному восстановлению культурного контекста, а применение различных методов анализа к изучению творчества «малых» писательниц эмиграции приводит к пересотворению литературных репутаций.

Разнообразие концептуальных подходов (историко–культурный, гендерный, культурно–поэтический) к литературному наследию «малых» писательниц в сочетании с непрерывно обновляющимися архивными публикациями (переписка, дневники и автодокумен-

[20] См.: Демидова [3], Морар [22], Рубинс [10], Маричик-Сьоли [8, 16].

тальные тексты) приводят к более подробному изучению и освоению художественных территорий, оказавшихся в тени историко-литературного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Демидова О.Р.* Женская проза и Большой канон литературы русского зарубежья // Мы. Женская проза русской эмиграции / сост., вступ. ст. и коммент. О.Р. Демидовой. СПб: РХГИ, 2003. С. 3–18.
2. *Демидова О.Р.* «Оставить в мире память о себе!» // *Кузнецова Г.* Пролог / сост. и коммент. О. Демидовой. СПб: Міръ, 2007. С. 3–24.
3. *Демидова О.Р.* «“Эмигрантские дочери” и литературный канон русского зарубежья // Пол. Гендер. Культура / под ред. Э. Шоре и К. Хайдер. М.: РГГУ, 2000. С. 205–219.
4. *Демидова О.Р.* «Эмигрантские дочери» о себе. Варианты судьбы // Литература русского зарубежья (1920–1940). Взгляд из XXI века / под ред. Л.А. Иезуитовой, С.Д. Титаренко. СПб: Филологический фак. СПбГУ, 2008. С. 58–69.
5. *Жеребкина И.А.* Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной антропологии. СПб: Алетейя, 2007. 312 с.
6. *Инь Л., Михайлова М.В.* Творчество хозяйки «нехорошей квартиры», или феномен Е.А. Нагродской. М.: Common place, 2018. 526 с.
7. *Коростелев О.А.* От Адамовича до Цветаевой. Литература, критика, печать Русского зарубежья. СПб: Изд-во им. Н.И. Новикова, Изд. дом «Галина скрипсит», 2013. 488 с.
8. *Маричик-Сьоли Ю.А.* «Очень по-русски, скажут французы… Очень по-французски, скажут русские»: метаморфозы романа «Тело» Е. Бакуниной во французской и русской литературной критике // Литературный факт. 2024. № 1 (31). С. 217–241.
9. *Маричик-Сьоли Ю.А.* Творческий путь Надежды Городецкой: от «дамского» романа к религиозно-философским исканиям? // Женщина модерна. Гендер в русской культуре 1890–1930-х годов / под ред В.Б. Зусевой-Озкан. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 571–586.
10. *Рубинс М.О.* Русский Монпарнас. Парижская проза 1920–1930-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 325 с.
11. *Савкина И.Л.* Разговоры с зеркалом и с зазеркальем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 438 с.

12. *Савкина И.Л.* Пути, перепутья и тупики русской женской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 470 с.
13. *Эконен К.* Творец, субъект, женщина. Стратегии женского письма в русском символизме. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 400 с.
14. *Dessons G.* Littérature, manière, modernité // Pour une esthétique de la littérature mineure / éd. par L. Fraisse. Paris: Honoré Champion, 2000. P. 213–220.
15. *Dessons G.* La Voix juste. Essai sur le bref. Paris: éds Manucuis, 2015. 155 p.
16. *Maritchik-Sioli Y.* «Filles d'émigration». Les femmes écrivains russes en France (1920-1940) : le «génie de la médiocrité» à l'épreuve de la modernité: Thèse de doctorat. Université Grenoble Alpes, 2020. 350 p.
17. *Maurel-Indart H.* Introduction. De Lui à Elle, sur la voie de la création, au féminin // Femmes artistes et écrivaines dans l'ombre des grands hommes / sous la dir. de H. Maurel-Indart. Paris: Classiques Garnier, 2019. P. 7–19.
18. *Meschonnic H.* Modernité modernité. Paris: Gallimard, 2005. 316 p.
19. *Meschonnic H.* Poétique du traduire. Lagrasse: Verdier, 1999. 468 p.
20. *Meschonnic H.* Politique du rythme, politique du sujet. Lagrasse: Verdier, 1995. 615 p.
21. *Milligan J.E.* The Forgotten Generation. French Women Writers of the Inter-War Period. Oxford, New York: Berg, 1996. 236 p.
22. *Morard A.* De l'émigré au déraciné. La «jeune génération» des écrivains russes entre identité et esthétique (1920–1940). Lausanne: l'Age d'homme, 2010. 396 p.
23. Pionnières. Artistes dans le Paris des années folles / catalogue de l'exposition sous la dir. de C. Morineau, L. Pesapane. Paris: éds de la Réunion des musées nationaux – Grand Palais, 2022. 207 p.
24. Pisarki rosyjskiej zagranicy w literaturze, kulturze i korespondencji / pod red. B. Kozak, I.A. Ndiaye. Olsztyn: Instytut słowiańszczyzny wschodniej, 2016. 338 p.
25. *Planté C.* La petite sœur de Balzac. Essai sur la femme auteur. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 2015 [1989]. 361 p.
26. *Tomiche A.* Suzanne Duchamp. Sortir de l'ombre et repenser la pratique de la collaboration // Femmes artistes et écrivaines dans l'ombre des grands hommes / sous la dir. de H. Maurel-Indart. Paris: Classiques Garnier, 2019. P. 125–138.
27. *Zanone D.* Introduction // Romantisme. 2018. № 179. P. 5–11.

Источники

28. *Бакунина Е.В.* Любовь к шестерым. Тело. М.: Гелеос, 2001. 316 с.
29. *Бакунина Е.В.* Сигрид Ундсет // Числа. 1932. № 6. С. 264–265.
30. *Бакунина Е.В.* Тело / послесл. О. Васякиной. М.: Soyapress, 2024. 76 с.
31. *Бакунина Е.В.* Любовь к шестерым. М.: Мистер Икс, 1994. 380 с.
32. *Городецкая Н.Д.* Остров одиночества. Роман, рассказы, очерки, письма / сост., вступ., коммент. А. Любомудров. СПб: Росток, 2013. 844 с.

33. «Если чудо вообще возможно за границей...». Эпоха 1950-х годов в переписке русских литераторов-эмигрантов / сост., вступ., коммент. О.А. Коростелев. М.: Русский путь. 2008. 814 с.
34. Жила-была переводчица. Людмила Савицкая и Константин Бальмонт / сост., вступ. ст. и примеч. Л. Ливак. М.: Новое литературное обозрение, 2020, 428 с.
35. *Кнорринг И.Н.* Повесть из собственной жизни. Дневник в 2 т. / сост., коммент. И. Невзорова. М.: Аграф, 2013.
36. *Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник / вступ., коммент. О.Р. Демидова. СПб: Міръ, 2009. 493 с.
37. Нина Берберова — Галина Кузнецова: переписка 1920-х – 1960-х гг. / сост. и коммент. И.З. Белобровцева, О.Р. Демидова. М.: ИМЛИ РАН, Дмитрий Сечин, 2022. 269 с.
38. Письма Е.В. Бакуниной к Н.Н. Евреинову (1931–1934). История «маленькой» писательницы / сост., вступ., коммент. Ю.А. Маричик-Сьоли // Литературный факт. 2022. № 3 (25). С. 8–24.
39. *Одоевцева И.В.* Зеркало. Избранная проза / сост. М.О. Рубинс. М.: Русский путь, 2011. 656 с.
40. *Цветаева М.И.* Собрание сочинений в семи томах / сост. и коммент. А.А. Саакянц, Л.А. Мнухин. М.: Эллис Лак, 1997.

REFERENCES

1. Demidova, O.R. “Zhenskaia proza i Bol’shoi kanon literatury russkogo zarubezh’ia” [“Women’s Prose and the Grand Canon of Russian Literature”]. *My. Zhenskaia proza russkoi emigratsii* [*We. Women’s Prose of Russian Emigration*], ed., introd. article, text prep. and comm. by O.R. Demidova. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2003, pp. 3–18. (In Russian).
2. Demidova, O.R. “‘Ostavit’ v mire pamiat’ o sebe!’” [“‘Let’s Live Your Memory in the World!’”]. G. Kuznetsova. *Prolog* [*Prologue*], ed., introd. article and comm. by O.R. Demidova. St. Petersburg, Mir Publ., 2007, pp. 3–24. (In Russian).
3. Demidova, O.R. “Emigrantskie docheri i literaturnyi kanon russkogo zarubezh’ia” [“‘Emigré Daughters’ and Literary Canon of Russian Abroad”]. *Pol. Gender. Kul’tura* [*Sex. Gender. Culture*], ed. by E. Shore and K. Khaider. Moscow, RGGU Publ., 2000, pp. 205–219. (In Russian).
4. Demidova, O.R. “‘Emigrantskie docheri’ o sebe. Varianty sud’by” [“‘Emigré Daughters’ about themselves. Variants of Fate”]. *Literatura russkogo zarubezh’ia (1920–1940). Vzgliad iz XXI veka* [*Literature of Russian Abroad (1920-1940). 21st Century Look*], ed. by L.A. Iezuitova, S.D. Titarenko. St. Petersburg, Filologicheskii fakul’tet SPbU Publ., 2008, pp. 58–69. (In Russian).
5. Zherebkina, I.A. *Sub”ektivnost’ i gender: gendernaia teoriia sub”ekta v sovremen-*

noi antropologii [*Subjectivity and Gender: the Subject's Gender Theory in Modern Anthropology*]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2007. 312 p. (In Russian).

6. In', L., Mikhailova, M.V. *Tvorchestvo khoziaiki «nekhoroshei kvatiry», ili fenomen E.A. Nagrodskoi* [*Work of the Mistress of "Bad Apartement", or Phenomenon E.A. Nagrodskaya*]. Moscow, Common place Publ., 2018. 526 p. (In Russian).
7. Korostelev, O.A. *Ot Adamovicha do Tsvetaevoi. Literatura, kritika, pechat' Russkogo zarubezh'ia* [*From Adamovich to Tsvetaeva. Literature, Criticism, Publishing of Russian Abroad*]. St. Petersburg, N.I. Novikov Publ., Galina skripsit Publ., 2013. 488 p. (In Russian).
8. Marichik-Sioli, Y.A. "'Ochen' po-russki, skazhut frantsuzy… Ochen' po-frantsuzski, skazhut russkie': metamorfozy romana 'Telo' E. Bakuninoi vo frantsuzskoi i russkoi literaturnoi kritike ["'Very Russian, the French Would Say… Very French, the Russians Would Say': The Metamorphosis of E. Bakunina's Novel 'The Body' in French and Russian Literary Criticism"]. *Literaturnyi fakt*, no. 1 (31), 2024, pp. 217–241. (In Russian).
9. Marichik-Sioli, Y.A. "Tvorcheskii put' Nadezhdy Gorodetskoi: ot 'damskogo' romana k religiozno-filosofskim iskaniiam?" ["The Creative Way of Nadezhda Gorodetskaya: from 'Lady's' Novel to Religious-Philosophical Searches?"]. *Zhenshchina moderna. Gender v russkoi kul'ture 1890–1930-kh godov* [*Modern Woman. Gender in Russian Culture of the 1890–1930s*], ed. by V.B. Zuseva-Ozkan. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022, pp. 571–586. (In Russian).
10. Rubins, M.O. *Russkii Monparnas. Parizhskaia proza 1920–1930-kh godov* [*Russian Montparnasse. Parisian Prose of the 1920–1930s*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 325 p. (In Russian).
11. Savkina I.L. *Razgovory s zerkalom i s zazerkal'em: avtodokumental'nye zhenskie teksty v russkoi literature pervoi poloviny XIX veka* [*Talks with the Mirror and the Other Side of the Mirror: Autodocumentary Women's Texts in Russian Literature of the First Half of the 19th Century*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 438 p. (In Russian).
12. Savkina I.L. *Puti, pereput'ia i tupiki russkoi zhenskoi literatury* [*Ways, Alleyways and Impasses of the Russian Women's Literature*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2023. 470 p. (In Russian).
13. Ekonen, K. *Tvorets, sub"ekt, zhenshchina. Strategii zhenskogo pis'ma v russkom simvolizme* [*Creator, Subject, Woman. Strategies of Women's Writing in Russian Symbolism*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 400 p. (In Russian).
14. Dessons, G. "Littérature, manière, modernité". *Pour une esthétique de la littérature mineure*, éd. par L. Fraisse. Paris, Honoré Champion, 2000, pp. 213–220. (In French).

15. Dessons, G. *La Voix juste. Essai sur le bref*. Paris, éds Manucuis, 2015. 155 p. (In French).
16. Maritchik-Sioli, Y.A. *"Filles d'émigration". Les femmes écrivains russes en France (1920–1940): le "génie de la médiocrité" à l'épreuve de la modernité:* Thèse de doctorat. Université Grenoble Alpes, 2020. 350 p. (In French).
17. Maurel-Indart, H. "Introduction. De Lui à Elle, sur la voie de la création, au féminin". *Femmes artistes et écrivaines dans l'ombre des grands hommes*, sous la dir. de H. Maurel-Indart. Paris, Classiques Garnier, 2019, pp. 7–19. (In French).
18. Meschonnic, H. *Modernité modernité*. Paris, Gallimard, 2005. 316 p. (In French).
19. Meschonnic, H. *Poétique du traduire*. Lagrasse, Verdier, 1999. 468 p. (In French).
20. Meschonnic, H. *Politique du rythme, politique du sujet*. Lagrasse: Verdier, 1995. 615 p. (In French)
21. Milligan, J. *The Forgotten Generation. French Women Writers of the Inter-War Period*. Oxford, New York, Berg, 1996. 236 p. (In English).
22. Morard, A. *De l'émigré au déraciné. La "jeune génération" des écrivains russes entre identité et esthétique (1920–1940)*. Lausanne, l'Age d'homme, 2010. 396 p. (In French).
23. *Pionnières. Artistes dans le Paris des années folles*, catalogue de l'exposition sous la dir. de C. Morineau, L. Pesapane. Paris, éds de la Réunion des musées nationaux – Grand Palais, 2022. 207 p. (In French).
24. *Pisarki rosyjskiej zagranicy w literaturze, kulturze i korespondencji*, pod red. B. Kozak, I.A. Ndiaye. Olsztyn, Instytut słowiańszczyzny wschodniej, 2016. 338 p. (In Polish).
25. Planté, C. *La petite sœur de Balzac. Essai sur la femme auteur*. Lyon, Presses universitaires de Lyon, 2015. 361 p. (In French).
26. Tomiche, A. "Suzanne Duchamp. Sortir de l'ombre et repenser la pratique de la collaboration". *Femmes artistes et écrivaines dans l'ombre des grands hommes*, sous la dir. de H. Maurel-Indart. Paris, Classiques Garnier, 2019, pp. 125–138. (In French).
27. Zanone, D. "Introduction". *Romantisme*, no. 179, 2018, pp. 5–11. (In French).

Дата поступления статьи: 24 ноября 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 17 сентября 2024 г.
Дата публикации: 29 декабря 2025 г.

Received: November 24, 2023
Approved: September 17, 2024
Date of publication: December 29, 2025

III.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ: ПОЭТИКА, ТЕКСТОЛОГИЯ, ЭДИЦИОННАЯ ПРАКТИКА

ПЕРВАЯ ЭМИГРАЦИЯ

ТРЕТЬЯ ЭМИГРАЦИЯ

ПЕРВАЯ ЭМИГРАЦИЯ

Научная статья

УДК 821.054.7.0
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-332-345
https://elibrary.ru/FAQPLI

СВЕДЕНИЯ ОБ АРХИВНОМ НАСЛЕДИИ А.В. АМФИТЕАТРОВА В ДОКУМЕНТАХ РУССКОГО ЗАГРАНИЧНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА

© 2025 г. Э. Гаретто

Аннотация: Архивное наследие А.В. Амфитеатрова представляет собой чрезвычайно богатое и значимое свидетельство об истории русской культуры XX в., включая как дореволюционный, так и эмиграционный периоды. История и условия его хранения представляют собой типичный пример фрагментации архивов русского зарубежья. Целью данного исследования является попытка установить не только этапы формирования архива, но и историю расчленения первоначального корпуса и хранения отдельных его частей. Исследование основано на неизвестных ранее документах Русского Заграничного Исторического Архива, хранящихся в Славянской Библиотеке Национальной Библиотеки в Праге. Эти материалы имеют важное значение для истории архива А.В. Амфитеатрова. Кроме того, они представляют собой очень яркий пример деятельности РЗИА, точнее порядка работы РЗИА при закупке материалов и их обработке. На основе переписки между различными представителями архива, самим А.В. Амфитеатровым и его сыном Владимиром Амфитеатровым (Кадашевым), выступавшим в качестве посредника, можно выделить два этапа переговоров: на первом обсуждаются условия передачи переписки М. Горького, Г.А. Лопатина и других корреспондентов. Эти материалы впоследствии будут переданы из РЗИА в СССР и распределены по разным архивам. Вторая фаза переговоров относительно возможной передачи большой части архива после смерти А.В. Амфитеатрова не была реализована из-за ухудшения предвоенной политической ситуации, что привело к закрытию самого РЗИА.

Ключевые слова: Архивное наследие, Русское зарубежье, А.В. Амфитеатров.

Информация об авторе: Эльда Гаретто — доктор филологических наук, профессор, Департамент языков, литератур, культур и медиации, Миланский государственный университет, площадь Св. Алессандро 1, 20123 г. Милан, Италия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5856-2191
E-mail: elda.garetto@gmail.com

Для цитирования: *Гаретто Э.* Сведения об архивном наследии А.В. Амфитеатрова в документах Русского Заграничного Исторического Архива // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Вып. 3 / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 332–345.
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-332-345

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

MATERIALS ON THE A.V. AMPHITHEATROV'S ARCHIVAL HERITAGE IN THE DOCUMENTS OF THE RUSSIAN FOREIGN HISTORICAL ARCHIVE (RZIA)

© 2025. Elda Garetto

Abstract: The archival heritage of A.V. Amfiteatrov, including both the pre-revolutionary and emigration periods, represents an extremely rich and significant documentation on the history of the 20th-century Russian culture. It is also a case study of the fragmentation of emigration archives, following the historical events of the 20th century. The research aims to establish not only the stages of formation of the archive, but also the history of its fragmentation and displacement of its parts. The research is based on archival documents of the Russian Foreign Historical Archive (RZHV) from the Slavic Library of the National Library in Prague.

These materials are important both for the history of Amfiteatrov's archive and because they represent a vivid example of the RZHV activities, more precisely its procedure in purchasing materials and processing them. Basing on the correspondence between various representatives of the RZHV, Amfiteatrov himself and his son Vladimir Amfiteatrov (Kadashev), who acted as an intermediary, two stages of negotiations can be distinguished: the first discusses the conditions for the transfer of the correspondence of M. Gorky, G.A. Lopatin and others. These materials will subsequently be transferred from RZHV to the USSR and distributed among various archives. The second phase of negotiations, after Amfiteatrov's death, regarding the possible transfer of a significant part of the archive, was not implemented, due to the pre-war political situation, which led to the closure of the RZHV itself.

Keywords: Archival heritage, Russian emigration, A.V. Amfiteatrov.

Information about the author: Elda Garetto, DSc in Philology, Formerly Professor of Slavic Studies, Department of Languages, Literatures, Cultures and Mediations, University of Milan, S. Alessandro Sq., 1, 20123 Milan, Italy.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5856-2191
E-mail: elda.garetto@gmail.com

For citation: Garetto, E. "Materials on the A.V. Amfiteatrov's Archival Heritage in the Documents of the Russian Foreign Historical Archive (RZIA)." *Emigrantica*. Issue 3, ed.-comp. E.R. Ponomarev, acad. ed. E.R. Ponomarev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 332–345. (In Russian)
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-332-345

Процесс выявления, изучения и виртуального воссоединения разрозненных эмигрантских архивов начался уже давно, и мы знаем, какой ценной и всеобъемлющей была работа Олега Коростелева в этом направлении, учитывая важнейшую роль архивов для сохранения культурного наследия русского зарубежья.

До сих пор остаются не до конца исследованными многие крупные фонды, которые только в своей целостности приобретают значение полноценных источников. В этой перспективе история архивного наследия Александра Амфитеатрова является, на мой взгляд, очень значимым примером, достойным тщательного и широкого исследования[1].

[1] Автор статьи выражает глубокую благодарность директору пражской Славянской

Амфитеатров оставил огромный архив, в котором представлены все области его многосторонней деятельности, а также разнообразные слои русской культуры, начиная с конца 1880-х до 1938 г., даты его кончины. Разнообразные материалы архива представляют первостепенный интерес и для истории русской дореволюционной культуры и особенно для истории русской диаспоры первой волны. Речь идет о переписке с частными лицами и с разными институциями, в первую очередь — с издательствами и редакциями газет и журналов, а также о большом количестве рукописей, статей, очерков, газетных вырезок и об огромной библиотеке.

Чтобы лучше разобраться в истории архивного наследия, следует кратко реконструировать главные этапы биографии писателя, связанные с формированием архива. Амфитеатров уехал из России в 1904 г. после освобождения из ссылки и поселился сначала в Париже, а потом в Италии. Хронология сохранившихся документов свидетельствует, что часть архива, сформировавшаяся при его жизни в России до 1904 г., была вывезена им за границу и оставлена в Италии по возвращении в Россию в 1916 г. В Италии осталась также та часть архива, которая сложилась за годы его первой эмиграции (1904–1916 гг.).

Послереволюционная часть архива начала складываться сразу после бегства Амфитеатрова из Петрограда в 1921 г. Условия бегства не позволили взять с собой почти никаких материалов, свидетельствующих о его деятельности в России в революционные годы. За период послереволюционной эмиграции накопилась обширная переписка с писателями русской диаспоры, с общественными и политическими деятелями и с редакциями периодических изданий русского зарубежья [1; 2].

В нынешнее время архив разделен на разные части: главная из них, охватывающая наиболее обширный период жизни и деятельности писателя, хранится в отделе рукописей Lilly Library при Индианском университете в США[2]; вторая часть собрана в личном фонде № 34 в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Отдельные материалы хранятся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), в Архиве Горького при ИМЛИ РАН, в ИРЛИ РАН и в архиве School of Slavonic and

библиотеке, Лукашу Бабке (Lukáš Babka), и всем сотрудникам за оказанную помощь.

The author of this article expresses his deep gratitude to the director of the Prague Slavic Library, Lukáš Babka, and all the staff for their assistance.

[2] Lilly Library. Amfiteatrov Mss. Indiana University.

East European Studies Library, London University (UCL). Наше исследование касается лишь архива, собранного писателем при жизни: всей адресованной ему переписки, рукописей его произведений, вырезок из газет и разного рода материалов. Мы не принимаем во внимание многочисленных материалов, свидетельствующих о его деятельности и связях, но не входящих в его личный архив.

В личном фонде РГАЛИ хранятся рукописи литературных произведений, очерки, статьи, фельетоны писателя, многочисленные корреспонденции к нему, а также материалы, собранные А.В. Амфитеатровым для своих работ и по интересующим темам; крайние даты всего этого материала: 1882–1938 гг.: подавляющее большинство относится к периоду первой эмиграции (1904–1916 гг.), а небольшая часть свидетельствует о годах, проведенных в Петрограде с 1916 по 1921 гг. Среди корреспонденций самые значимые по содержанию и объему — письма и разные материалы Максима Горького и Германа Лопатина. Что касается рукописей, они относятся главным образом к многочисленным романам, над которыми Амфитеатров работал в Италии и к его деятельности журналиста и корреспондента русских и итальянских газет.

Более существенная часть архива хранится в американском университете, куда она была передана наследниками писателя в 1980 и в 1990 гг. Фонд состоит более чем из сорока больших коробок, где хранятся сотни писем, множество черновиков писем самого Амфитеатрова, вырезки из газет, семейная переписка и большое количество документов семьи писателя. В этой части архива наглядно представлена вся эмигрантская литература, начиная с самых крупных ее представителей (И.А. Бунин, Тэффи, И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев, Марк Алданов и др.)[3], а также эмигрантская периодика и издательства (как известно, Амфитеатров печатался во многих эмигрантских газетах). Хранятся и многочисленные материалы о дореволюционной России, о литературном, музыкальном и театральном мире начала XX в. Крайние даты материалов: 1890–1940 гг. Если обратить внимание на объем, хронологию и типологию материалов, хранящихся в двух личных фондах, возникает некоторое недоумение: если в американском архиве собрана переписка и документация всей жизни писателя и его семьи, на первый взгляд, не совсем понятен состав личного фонда РГАЛИ. Здесь, как уже говорилось, хранятся свидетельства о деятельности Амфитеатрова за период первой эмиграции в Италии, а также за революционные годы в Рос-

[3] Из этих материалов изданы, среди других: [4; 5; 6; 7].

сии. Эта последняя часть, кстати, особенно интересна для изучения биографии писателя, так как мы узнаем, например, о его участии в деятельности петроградского Дома литераторов и о том, что его знание итальянской литературы оказалось очень важным для получения минимального дохода в послереволюционные годы: он переводил пьесы Гольдони и современного писателя Сема Бенелли, ставил пьесу последнего в Большом драматическом театре, а также читал лекции на разные итальянские темы. Что касается наличия дореволюционных материалов, это объясняется тем, что фонд, созданный в 1941 г., после войны существенно пополнялся материалами из Русского заграничного исторического архива, вывезенного из Праги [10]. До сих пор оставалось неясным, каким образом эти материалы оказались в РЗИА.

Служебные документы из Русского заграничного исторического архива, хранящиеся в Славянской библиотеке Национальной библиотеки Чешской Республики [9] — протоколы заседаний, хозяйственные документы и внутренняя переписка (в копиях или в оригинале) — вносят новые детали в историю амфитеатровского архива [3; 8]. Из них явствует, что Амфитеатров продал Историческому архиву довольно существенную часть своих дореволюционных материалов. Это не удивительно, так как известно, что РЗИА с самого начала своего существования закупал документы из личных архивов. Контакты с Амфитеатровым начались в 1924 г., незадолго после создания самого Архива, чему способствовало то обстоятельство, что в эти годы в Праге проживал сын писателя, Владимир Кадашев. До этого, в 1923 г., Александр Валентинович обратился непосредственно к президенту Чешской Республики Томашу Г. Масарику, с которым его связывала давняя дружба, с предложением о продаже своей монументальной библиотеки [11, с. 120–130]. Эта просьба была вызвана трудностями, с которыми писатель столкнулся после возвращения в Италию. Книги (около 4000 экземпляров) были переданы Славянской библиотеке в 1924 г. и составляли третий по объему ее книжный фонд. Почти одновременно были установлены контакты с Архивом. О переговорах свидетельствует переписка Владимира Кадашева с руководителями РЗИА и протоколы заседаний Ученой комиссии.

10 октября 1924 г. Лев Магеровский[4] приводит для дискуссии в комиссии отрывок из письма Владимира Кадашева от 1 октября того же года:

---

[4] Лев Флорианович Магеровский (1896–1986) — один из основателей РЗИА, создатель Бахметевского Архива.

Согласно нашему уговору, сообщаю, что мы с отцом <А.В. Амфитеатров> долго обсуждали возможность продажи имеющихся у него материалов Р.З.И. Архиву и пришли к убеждению, что таковых материалов — очень много. Через несколько дней пришлю вам подробный список, а пока прошу передать, что в числе этих материалов имеются:

1. Записные книжки и письма Г.А. Лопатина.

2. То же — Ф. Волховского.

3. Обширный материал по истории попытки объединения с.-эров и с.-деков в 1911 г. (вокруг ред<акции> «Современника»).

4. Обширный материал по истории Великой войны (1914–1917).

5. Лубочные картинки (пропагандный материал).

6. Письма к А.В. Амфитеатрову крупных политических деятелей левого направления и т. д.

Все это я привезу сам в Прагу к 22 октября. <…>

А.В. Амфитеатров очень беспокоится о материалах, намеченных к сдаче Архиву. Он боится, как бы не пропали эти ценные для истории материалы» (T-RZIA. 6-57-1)[5].

Об ответе дирекции свидетельствует черновик письма Кадашеву, зарегистрированный под датой 17 октября 1924 г.:

Дорогой Владимир Александрович,

По получении Вашего письма от 1 октября с<его> г<ода> я доложил о нем Управляющему Архивом Б.Я. Гуревичу[6]. Материалы, предлагаемые Александром Валентиновичем, Архив весьма интересуют. Необходимо учитывать, что Архив с одинаковой тщательностью собирает материалы не только левого направления (например, письма к Александру Валентиновичу крупных политических деятелей), но и все документы, относящиеся к общественным кругам разной политической окраски, с которыми Александру Валентиновичу приходилось сноситься. Очень удобно то, что эти материалы привезете в Прагу Вы сами (T-RZIA. 6-57-2).

Здесь улавливается намек на то, что эмиграция правой ориентации, к которой и принадлежал Амфитеатров, с неким недоверием

[5] Прага, Славянская библиотека, T-RZIA. 6-57-1. Здесь и далее шифры приводятся по [9].

[6] Виссарион Яковлевич Гуревич (1876-1940) — один из основателей РЗИА. Управляющий архивом с 1924 до 1928 гг.

относилась к Праге как к центру деятельности эсеров и представителей других левых направлений. Далее читаем:

> Прошу Вас заверить Александра Валентиновича, что характер деятельности и задачи Архива, равно как и состав сотрудников и поддержка Чехословацкого Правительства полностью исключают возможность опасений за судьбу сданных материалов. Напротив, имеются положительные основания утверждать, что они в сохранности будут сбережены Архивом для будущего историка русского общественного движения. Кроме того, Александр Валентинович волен в отношении некоторых материалов, особо его интересующих, определить способы хранения (сейф и т. д.) и порядок пользования ими (T-RZIA. 6-57-2).

В Архиве РЗИА хранится опись предлагаемых материалов на 8 рукописных страниц. Опись датирована 20 октября 1924 г. и подписана Илларией Амфитеатровой «по поручению А.В. Амфитеатрова» (T-RZIA. 6-57-3-10). Рядом с каждой единицей стоит запрошенная сумма в кронах. Самые высокие суммы были запрошены за следующие материалы: «Записки Императорского стрелка» (T-RZIA. 6-57-3)7, отчет К.И. Фельдмана о Потемкинском восстании 1905 г., хроника о «Шаляпинском инциденте»[8], «Записки большевички», материалы о деле Бейлиса, тетрадь политических стихов Амфитеатрова, статья о К.П. Победоносцеве и другие статьи Амфитеатрова. В описи зачеркнута целая страница со списком статей и материалов на французском и итальянском языках, по-видимому, не представлявших интереса для Архива.

В Архиве РЗИА хранится также более краткий список, где перечислены проданные материалы. Среди корреспондентов упоминаются Леонид Андреев, Григорий Алексинский и Александр Богданов, Феликс Волховский и Герман Лопатин, Максим Ковалевский, Екатерина Кускова и Вера Фигнер, Георгий Плеханов и Виктор Чернов, Василий Богучарский, Горький и Луначарский. Общее количество писем — 154. Далее перечислены разные материалы, среди которых: материалы для биографии Г.А. Лопатина, состоящие из писем

---

[7] В списке отсутствует характеристика предлагаемых документов.

[8] Имеется в виду эпизод 6 января 1911 г., когда в ходе оперы «Борис Годунов» в Мариинском театре, в присутствии царя, хористы исполнили российский гимн «Боже, царя храни», и все артисты на сцене, включая Шаляпина, стали на колени. Амфитеатров разослал в газеты прощальное письмо Шаляпину и порвал с ним отношения.

и записных книжек, материалы об аресте и ссылке Амфитеатрова, материалы об Азефе, материалы о Бунде, переписка Амфитеатрова с разными газетами (T-RZIA. 6-57-11).

3 января 1925 г. на заседании Хозяйственной комиссии Архива обсуждается приобретение материалов Амфитеатрова и профессору Мякотину[9] поручается отзыв о них (T-RZIA.2-6-29).

На заседании от 23 января 1925 г. предложение принимается, и в протоколе значится: «О приобретении материалов Амфитеатрова по предлагаемой описи (отзыв В.А. Мякотина[10]) приобрести, предложив владельцу не более 5000 к<рон>» (T-RZIA.2-6-31).

В том же году Архив обсуждает с Амфитеатровым возможность передачи других материалов, в первую очередь, писем В.Л. Бурцева, который в это время сам передает в Прагу свой архив.

В письме Льва Магеровского проиллюстрированы методы оценки и приобретения материалов Архивом:

> Р.З.И. Архив мог бы многое у Вас приобрести, причем Ваши интересы были бы обеспечены соглашением о цене между Вами и Архивом. Порядок передачи Архиву материалов обычно таков: Архиву сообщается список/опись материалов. Опись поступает на рассмотрение ученой экспертизы и, если опись достаточна для суждения, Архив назначает по ней цену, которую он может предложить владельцу (T-RZIA 2-5-15)[11].

Но, судя по ответу Льва Магеровского (T-RZIA 2-5-15) на не сохранившееся письмо Амфитеатрова, последний выражал недоумение о передаче такого деликатного материала. В результате большинство писем Бурцева осталось у писателя и теперь хранится в Lilly Library.

По материалам РЗИА видно, что переданные материалы сортируются в разные фонды. Например, на заседании 10 марта 1926 г. принимается решение выделить в *особые* фонды архив Амфитеатрова и Лопатина, а также, по предложению В.Я. Гуревича, «из архива Амфитеатрова предложено выделить письма Горького и Кропоткина с тем, чтобы суждение об отдельных архивах Горького и Кропоткина иметь в следующих заседаниях» (T-RZIA 2-5-15).

---

[9] Венедикт Александрович Мякотин (1867–1937) — историк, журналист, политический деятель.

[10] Протокол заседания Хозяйственной Комиссии № 31.

[11] Черновик письма Амфитеатрову.

Контакты Архива с Амфитеатровым продолжаются и в следующие годы. 3 апреля 1933 г. датируется черновик письма от заведующего книжно-журнальном отделом Архива (С.П. Постников[12]), который обращается к Амфитеатрову «как к человеку, которому всегда было дорого книжное дело с просьбой не отказать выслать нам Ваши эмигрантские издания, поскольку они имеются в распоряжении. Такие Ваши книги, как “Нерушимая стена”[13], конечно, мы обязаны иметь в своем собрании. И вообще все, что Вы пишете, мы хотели бы иметь в библиотеке» (T-RZIA 6-56-1). В письме дается краткий отчет о деятельности отдела и подчеркивается значение пражских институтов для будущих историков:

> За десять лет работы удалось собрать специальную библиотеку по вопросам русского революционного и общественного движения, участия России в Мировой войне, истории гражданской войны и эмиграции. Подобрана не только вся солидная литература на всех языках, но и тысячи агитационно-пропагандистских брошюр за 1905 и 1917 гг. и советский период. Вообще о периоде советов у нас настолько богатая литература, что в этом отношении с нами может конкурировать только Москва. Русские толстые журналы подбираются начиная с «Московского телеграфа». <…> Новоэмигрантские журналы у нас насчитываются уже в количестве более тысячи названий. Мы особенно тщательно подбираем всю новоэмигрантскую литературу. Все относящееся к идеологии эмиграции мы имеем почти на сто процентов. Как авторы, так и редакции посылают нам свои издания, как в зарубежную книжную палату, единственное место, где будущий историк нашей эпохи найдет все до мелочей собранное» (T-RZIA 6-56-1).

Такое видение будущей роли РЗИА, опровергнутое послевоенными событиями, не умаляет исторической значимости его драгоценного наследия, даже если оно разбросано по разным местам.

29 апреля 1933 г. датируется черновик второго письма, в котором, несмотря на то что «в настоящее время мы и очень стеснены в денежных средствах», выражается интерес к приобретению материалов из архива Бориса Савинкова: «Между прочим, к нам поступает архив Савинкова. Там очень много его собственных писем. Поэтому, если у вас имеются его письма, которые вы не предполагаете ис-

---

[12] Постников Сергей Порфирьевич (1883–1965) — библиограф, журналист.

[13] См.: *Амфитеатров А.* Стена плача и стена нерушимая. Белград: Изд. Библиотеки «Нового времени», 1930. 252 с.

пользовать в печати, то о них могла бы идти речь в смысле приобретения их» (T-RZIA 6-56-2).

Но Амфитеатров отклонил и это предложение, и письма Савинкова, как и большинство писем Бурцева, остались у него до конца. Точные причины такого решения не оговорены, но, судя по составу американского архива, можно предположить, что он не хотел передавать новоэмигрантский архив и отказался от возможного заработка, пусть маленького, но все же весьма важного в его крайней бедности. По-видимому, он считал, что дореволюционные материалы имеют преимущественно историческое значение и их можно передать в Исторический Архив. Ему не жаль было расстаться также с собственными рукописями, большая часть из которых была уже издана. А эмигрантские материалы казались еще актуальными и конфиденциальными.

Другие документы об истории амфитеатровского архива, связанные с РЗИА, относятся к первым месяцам после смерти писателя, когда Владимир Кадашев сообщает Постникову, что, разбирая бумаги отца, «обнаруживаю множество документального материала, имеющее несомненное историческое значение. То, что папа некогда передал в архив, по сравнению с результатами нынешних “раскопок” — капля в море. <…> Грандиозное количество сих бумаг, понятно, не может быть скоро приведено в порядок. Но кое-что успел уже систематизировать. В частности, мною выделено все, касающееся Братства Русской Правды. Как Вам, быть может, известно, отец мой стоял близко к верхам этой организации, и поэтому у него скопился ценнейший, вероятно, неповторимый материал по ее истории» (письмо от 30 марта 1938 г., T-RZIA 6-57-17). К этому письму Кадашев приложил список материалов о БРП.

На это письмо дирекция архива отвечает другим предложением:

> Желательно собрать все, что осталось интересного в смысле общественного, политического и сразу прислать на отзыв. Ведь покойный Александр Валентинович и кроме «Б.Р.П.» вел обширную переписку, которая также представляет интерес. Печатные издания БРП в РЗИА за небольшими исключениями имеются <…> Поэтому самым лучшим будет подобрать все, что заслуживает сохранения, в смысле исторического значения, из оставшегося архива Александра Валентиновича и переправить Архиву в Прагу. Если бы составили всему такую же краткую опись, как сделали в отношении «Б.Р.П.», и предварительно сообщили бы ее Архиву, то это было бы еще лучше» (T-RZIA 6-57-19; копия письма датируется 5.IV.1938).

Кадашев отвечает согласием, но предупреждает, что по разным обстоятельствам он не может гарантировать, что успеет справиться с полной каталогизацией документов за короткое время. В письме содержится также информация о роли Кадашева в организации архива отца:

> По существу же Вашего уважаемого от 5. IV. с.г. <*так! — Э.Г.*>, мы не видим причин отвергать порядок, предложенный Вами. Мое предложение касательно Б.Р.П. объясняется исключительно тем, что в момент, когда я писал письмо, только эта часть архива моего отца была мною разобрана и систематизирована. Что же касается всего остального, то на составление описи потребуется изрядное количество времени: материалов — очень много, и они в большом беспорядке, ибо за последние годы жизни отец не имел — слишком поглощенный текущей работой — времени приводить в систему всю эту массу документов (письмо без даты; T-RZIA 6-57-20).

В Архиве хранится копия ответа на это письмо:

> Оценивать личные архивы по частям необычайно трудно, поэтому Р.З.И. Архив терпеливо будет ждать пока Вы подберете все бумаги Вашего покойного отца и все их сразу пришлете на отзыв и оценку. Лучше всего будет если Вы сделаете это, примерно, к октябрю. Оценка и переписка занимают около двух месяцев (T-RZIA 6-57-21; в Lilly Library хранится оригинал письма, датированного 29.IV.1938).

Этим сообщением, насколько можно установить по материалам, переписка Кадашева с Архивом прерывается. Как известно, в 1939 г. РЗИА прекратил свою деятельность, прекратились и все связи с зарубежными сотрудниками. Сам Кадашев после смерти Амфитеатрова переехал с Илларией Владимировной в другую квартиру, и архив пришлось упаковать. А в начале войны оба были интернированы в лагеря для аполидов, где Кадашев заболел и вскоре после освобождения скончался.

Весь массив архива был передан в США Максимом Амфитеатровым в 1980 гг., тогда как часть материалов о БРП, о которой Кадашев писал Постникову, была передана в архив Лондонского Университетского колледжа (UCL)[14].

---

[14] School of Slavonic and East European Studies Library. London University. Amfiteatrov Collection.

В итоге, местонахождение разных частей амфитеатровского архива является ярким примером разбросанности архивного наследия русской диаспоры. Из материалов, переданных в РЗИА и впоследствии перевезенных в Россию, только часть вошла в личный фонд Амфитеатрова. Множество других документов рассортировано по разным фондам того же РГАЛИ или ГАРФ, и очень сложно восстановить их полный состав. Кроме того, нет полной уверенности, что все материалы, перечисленные в списке 1925 г., были переданы в Прагу. Например, в «американском» архиве до сих пор хранится часть архива Лопатина.

Lilly Library до сих пор не составила подробную опись фонда (ни печатную, ни электронную) из-за недостатка экспертов-архивистов.

Собрание служебных документов Русского заграничного исторического архива, хранящееся в пражской Славянской библиотеке, является уникальным свидетельством не только о работе самого Архива, о его важнейшей роли для истории русской диаспоры, а также ценной документацией об истории этого специфического архива.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Гаретто Э.* Две эмиграции писателя Амфитеатрова // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб.: Феникс, 1997. Вып. 22. С. 339–344.
2. *Гаретто Э.* Наследие А.В. Амфитеатрова за рубежом // Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940. М.: Наследие, 1994. Кн. 2. С. 416–421.
3. *Babka L.* New Documents on the History of the Russian Historical Archive Abroad in Prague // Slavic & East European Information Resources. 2012. № 13 (2–3). P. 152–159. DOI: 10.1080/15228886.2012.700554

Источники

4. А.В. Амфитеатров и В.И. Иванов. Переписка / предисл. и публ. Дж. Малмстада // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб.: Феникс, 1997. Вып. 22. С. 475–538.
5. Амфитеатров и Савинков: Переписка 1923–1924 / публ. Э. Гарэтто, Н. Добкина, Д. Зубарева // Минувшее. Исторический Альманах. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. Вып. 13. С. 73–158.

6. Переписка И.А. Бунина с А.В. Амфитеатровым 1922–1938 гг. / предисл. Э. Гаретто, подгот. текста и примеч. Э. Гаретто, О.А. Коростелева, А.Б. Рогачевского // И.А. Бунин: новые материалы и исследования. Литературное Наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2022. Т. 110. Кн. 2. С. 632–810.
7. Письма М.А. Алданова к А.В. Амфитеатрову / публ. Э. Гарэтто и А. Добкина // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб.: Феникс, 1997. Вып. 22. С. 539–621.
8. Русская эмиграция в Праге (1918–1945). Путеводитель / сост. А. Копришивова, Л. Бабка. Прага: Нац. б-ка Чеш. Респ., Славянская б-ка, 2022. 205 с.
9. Русский заграничный исторический архив в Праге. Каталог собраний документов, хранящихся в пражской Славянской библиотеке и в Государственном архиве Российской Федерации / сост. Л. Бабка, А. Копршивова, Л. Петрушева. Прага: Нац. б-ка Чеш. Респ., Славянская б-ка, 2011. 564 с.
10. Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. Москва: РОССПЭН, 1999. 670 с.
11. *Korespondence T.G*. Masaryk-Slované, II, Rusové a Ukrajinci 1918–1937 / ed. Vratislav Doubek. Praha, 2016. P. 120–130.

REFERENCES

1. Garetto, E. “Dve emigratsii pisatelya Amfiteatrova” [“The Two Emigrations of Writer Amfiteatrov”]. *Minuvshee: Istoricheskiy al’manakh* [*The Past: Historical Almanac*], no. 22, Moscow; St. Petersburg, Feniks Publ., 1997, pp. 339–344. (In Russian)
2. Garetto, E. “Nasledie A.V. Amfiteatrova za rubezhom” [“The Legacy of A.V. Amfiteatrov Abroad”]. *Kul’turnoe nasledie rossiyskoy emigratsii 1917–1940* [*Cultural Heritage of Russian Emigration 1917–1940*], book 2, Moscow, Nasledie Publ., 1994, pp. 416–421. (In Russian)
3. Babka, L. “New Documents on the History of the Russian Historical Archive Abroad in Prague.” *Slavic & East European Information Resources*, no. 13 (2–3), 2012, pp. 152–159. DOI: 10.1080/15228886.2012.700554 (In English)

Дата поступления статьи: 30 сентября 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 21 апреля 2025 г.
Дата публикации: 29 декабря 2025 г.

Received: September 30, 2024
Approved after reviewing: April 21, 2025
Date of publication: December 29, 2025

Научная статья

УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-346-364
https://elibrary.ru/GVMXLK

ПУБЛИКАЦИИ ИВАНА САВИНА В ЖУРНАЛЕ «ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ» (1923)

© 2025 г. Л.Ф. Луцевич

Аннотация: Иван Савин (Саволайнен, 1899–1927) — поэт, прозаик, оказавшись в эмиграции в Финляндии, активно сотрудничал с русскоязычными изданиями Гельсингфорса, Ревеля, Риги, Берлина, Белграда, Парижа, создал «Кружок русской молодежи в Финляндии» (1923–1926), предпринял попытку издания «органа русской молодежи» — журнала «Дни нашей жизни» (1923 г.). В статье внимание сосредоточено на анализе ряда публикаций Савина, представленных в первом номере журнала в различных формах (лирические стихотворения, политическая публицистика, художественная проза). Обращаясь к недавнему прошлому, резко изменившему судьбы русских людей, Савин-публицист сконцентрировался на проблемах революции и контрреволюции, взаимоотношений интеллигенции и народа, дальнейших судеб России, ответственности эмиграции за сохранение «вечных русских ценностей». В результате проведенного исследования выявлено: «Дни нашей жизни» мыслились Савиным как авторский проект, цель которого состояла в том, чтобы четко сформулировать и однозначно выразить суть «Белой идеи» (антибольшевизм — духовная доминанта русской эмиграции) и активизировать силы молодых единомышленников на борьбу за спасение России. Эта направленность пронизывает все публикации первого номера журнала.

Ключевые слова: И.И. Савин, журналистика, публицистика, «Белая идея», молодежь, революция, контрреволюция.

Информация об авторе: Людмила Федоровна Луцевич — доктор филологических наук, профессор, Варшавский университет, ул. Краковское предместье, д. 26/28, 00-927 г. Варшава, Польша.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6340-2598
E-mail: l.lutevici@uw.edu.pl

Для цитирования: *Луцевич Л.Ф.* Публикации Ивана Савина в журнале «Дни нашей жизни» (1923 г.) // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Вып. 3 / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 346–364.
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-346-364

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

PUBLICATIONS BY IVAN SAVIN IN THE MAGAZINE “DAYS OF OUR LIVES” (1923)

© 2025. Lyudmila F. Lutsevich

Abstract: Ivan Savin (Savolainen, 1899–1927) — a poet and prose writer, having found himself in exile in Finland, actively collaborated with Russian-language publications in Helsingfors, Revel, Riga, Berlin, Belgrade, Paris, created the Russian Youth Circle in Finland (1923–1926), attempted to publish the “organ of Russian youth” — the magazine *Days of Our Life* (1923). The article focuses on the analysis of a number of Savin’s publications, presented in various forms (lyric poems, political journalism, fiction) in the first issue of the magazine. Turning to the recent past, which dramatically changed the destiny of the Russian people, Savin the publicist focused on the problems of revolution and counter-revolution, the relationship between the intelligentsia and the people, the future of Russia, and the responsibility of emigration for the preservation of “eternal Russian values.” As a result of the study, it was revealed that: *Days of Our Lives* was conceived by Savin as an author’s project, the purpose of which was to clearly

formulate and unambiguously express the essence of the “White Idea” (anti-Bolshevism is the spiritual dominant of the Russian emigration) and to activate the forces of young like-minded people to fight for the salvation of Russia. This focus permeates all publications in the first issue of the journal.

Keywords: I.I. Savin, journalism, publicism, “White Idea”, youth, revolution, counter-revolution.

Information about the author: Lyudmila F. Lutsevich, DSc in Philology, Professor, Warsaw University, Krakowskie Przedmieście St., 26/28, 00-927 Warsaw, Poland.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6340-2598
E-mail: l.lutevici@uw.edu.pl

For citation: Lutsevich, L. “Publications by Ivan Savin in the Magazine ‘Days of Our Lives’ (1923).” *Emigrantica*. Issue 3, ed.-comp. E.R. Ponomarev, acad. ed. E.R. Ponomarev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 346–364. (In Russian)
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-346-364

Иван Иванович Савин (Саволайнен, 1899–1927) — поэт, прозаик, публицист, деятельный выразитель «Белой мечты» [28, с. 208]. Неизменная приверженность Белой идее [7, с. 3], автобиографичность, искренность, исповедальность нашли свое выражение в поэзии, «полной своеобразности», «красоты и силы» [11, с. 3], в самобытных «задумчивых и грустных рассказах» [20, с. 2], которые и привлекают преимущественно внимание исследователей. Менее известны и, соответственно, менее изучены журналистика и публицистика Савина, где он стремился выразить основные идеи своего времени. В данной статье предпринята попытка рассмотреть ряд публикаций Ивана Савина в первом номере задуманного им журнала «Дни нашей жизни» (1923).

Будущий поэт родился в Одессе, детство и юность (1906–1919) провел в маленьком городке Зенькове Полтавской губернии. Уже в гимназические годы он пробовал свои силы в стихах и в прозе, однако непосредственно литературной деятельностью занялся фактически после эмиграции в Финляндию (по отцовской линии Иван Саволайнен имел финские корни). В автобиографии, написанной 3 июня 1923 г. в Гельсингфорсе, Савин сообщил о себе следующие данные: «окончив в 1919 г. Зеньковскую мужскую <…> гимназию

<…> я был зачислен в число студентов Харьковского Императорского Университета и вступил <…> в ряды Добровольческой Армии, в которой и сделал южнорусскую, кавказскую и крымскую кампании <…>. В момент оставления Крыма Русской армией <ноябрь 1920 г. — *Л.Л.*> я, больной тифом, находился в городе Джанкое, в лазарете, который <…> эвакуирован не был, и поэтому вместе со всеми <…> больными и ранеными <…> попал в плен <…>. После многочисленных особых отделов, чрезвычайных комиссий, голода, издевательств и истязаний я бежал из плена <в 1921 г. — *Л.Л.*> и прибыл в прошлом году <1922. — *Л.Л.*> в Финляндию, где 8 месяцев восстанавливал в больнице свое здоровье, подорванное нравственными страданиями (гибелью моих 4-ех братьев) и чрезвычайкой в красных застенках»[1].

Обосновавшись в финской столице, Савин сблизился с кругом русских эмигрантов и в новых условиях обратился к литературной деятельности. Осенью 1922 г. он начал печататься в гельсингфорских «Русских вестях», где 29 октября опубликовал стихотворение «Возмездие»:

Войти тихонько в Божий терем
И, на минуту став нездешним,
Позвать светло и просто: Боже!
Но мы ведь, мудрые, не верим
Святому чуду. К тайнам вешним
Прильнуть, осенние, не можем.

Дурман заученного смеха
И отрицанья бред багровый
Над нами властвовали строго.
В нас никогда не пело эхо
Господних труб. Слепые совы
В нас рано выклевали Бога.

И вот он, час возмездья черный,
За жизнь без подвига, без дрожи,
За верность гиблому безверью
Перед иконой чудотворной,
За то, что долго терем Божий
Стоял с оплеванною дверью! [22, с. 3].

[1] Библиотека-Фонд «Русское Зарубежье». Ф. 13. Оп. 2. Ед. хр. 1663. С. 7.

Собирательное «мы» в стихотворении — это русская учащаяся молодежь 1910-х гг., савинское поколение, — «безусые гимназисты и реалисты», среди которых «поругивать “самодержавный гнет” считалось <…> хорошим тоном»; они усердно читали «Маркса, Лассаля, Каутского, Плеханова, Бакунина», впитывая прежде всего «отрицанья бред багровый»; а во время октябрьской революции «добивали “царский режим”: выбрасывая во имя культурных нужд директоров из квартир, а древние языки, Закон Божий <…> и прочую “дребедень” — из школьной программы» [24, с. 11]. Лирический герой стихотворения с опозданием, но осознал библейское назидание: «беззаконнику — горе, ибо будет ему *возмездие* за дела рук его» (Ис. 3:11). *Возмездие* — неизбежная кара, расплата, наказание, настигает героя за «гиблое безверье», за бездумное небрежение христианскими идеалами, ценностями, обязанностями, за духовно-нравственное растление, за утрату Бога в душе своей.

Для самого Савина, много испытавшего, пережившего и передумавшего к 1922 г., истинную основу человеческого бытия определяет уже не юношеский нигилизм, а религиозная доминанта, которая невозможна без веры в Бога, соответственно и творчество мыслилось молодым поэтом как универсальный способ создания и передачи в первую очередь глубинных христианских смыслов. Поэзия Савина базируется на «православной системе ценностей», «христианских традициях», «литургическом мировосприятии», «образах библейской истории, эстетике храмового действия» [2, с. 17–18]. Поэт обладал высокой «личной и авторской честностью», дорожил «правдивостью» и «искренностью», нес в себе «неумирающие порывы к небу, к Богу» [20, с. 2].

Стихотворение «Возмездие», как и некоторые другие произведения «русского финна», перепечатывались эмигрантскими изданиями, а имя автора постепенно обретало скромную известность в литературном зарубежье. Благодаря позитивному восприятию соотечественниками творчества молодого писателя, его литературная деятельность становилась все более интенсивной и разнообразной. Людмила Савина-Сулимовская (супруга Савина с 1924 г. — *Л.Л.*), в предисловии [28, с. 6–10] к книге «Только одна жизнь» вспоминала: «Савин начинает печататься в местной <…> газете — “Русские вести” <…> начинает писать фельетоны, воспоминания, стихи, и сразу же <…> завоевывает любовь и уважение всей русской колонии. <…> <Публикуется> в газете “Сегодня” (Рига), “Руль” (Берлин), “Новое время” (Белград), “Возрождение” <…> <, журнале>

“Иллюстрированная Россия” (Париж), и был представителем почти всех эмигрантских газет» [28, с. 8]. Эдвард Хямяляйнен отмечал, что «только в гельсингфорских газетах Иван Савин опубликовал за неполные четыре года 25 стихотворений, 26 прозаических вещей и 34 статьи» [5]. Новейшие разыскания выпускника Педагогического института Хельсинкского университета Йенса Хаттуниеми (Jens Hattuniemi), представленные в магистерской диссертации, значительно расширяют состав опубликованных текстов. Автор диссертации указывает: «Публикация Ивана Савина в русскоязычной прессе Хельсинки в 1922–1927 гг. охватывает 144 индивидуальных текста: 30 статей, 29 стихотворений, 25 рассказов, 15 фельетонов, 13 рецензий, 12 очерков, 4 отрывка, 3 письма, 3 заметки, 3 некролога, 3 главы, 1 сказку, 1 силуэт, 1 воспоминание и 1 этюд. Он писал для четырех журналов с 29.10.1922 до 12.4.1927 гг.: “Русские вести” 16.6.1922–31.10.1923 гг., “Новые русские вести” 16.12.1923–24.6.1926 гг., “Листок русской колонии” 13.3.1927–24.4.1927 гг. и “Дни нашей жизни” с мая 1924 <(должно быть: 1923. — *Л.Л.*)> года до февраля 1925 года. Большинство из текстов опубликованы в журнале “Новые русские вести”, общим числом 94 произведения. В журнале “Русские вести” опубликовано 29 текстов, в журнале “Листок русской колонии” — только один текст, и в журнале “Дни нашей жизни” — 20 текстов» [6, с. 24].

Иван Савин, несмотря на подорванное здоровье (в результате избиений в «красном плену» он стал заикаться, мучительно и подолгу болел, впадая в тяжелую депрессию), выступал не только как литератор, но и как организатор эмигрантской молодежи: в 1923 г. он инициировал создание «Кружка русской молодежи в Финляндии» (1923–1926). В «Кружке» возникла идея издания печатного органа, название которого придумал Савин, он же стал и его литературным редактором (ответственным редактором числился К.А. Бергман). 19 апреля 1923 г. газета «Русские вести» поместила объявление: «В скором будущем выйдет в свет и поступит в продажу первый номер ежемесячного журнала “Дни нашей жизни”, издаваемого “Кружком русской молодежи”» [19, с. 4]. И действительно, уже 25 мая в продажу поступил 1-ый номер журнала. Стало очевидно: Савин выполнял не только функцию редактора и идейного вдохновителя, но и автора большинства материалов, подписанных разными псевдонимами, хотя и достаточно прозрачными: Зеньковский (жил в г. Зенькове), Жан Жаныч (реальные имя и отчество: Иван Иванович), Junior (Младший; его отец в эмиграции тоже публиковался в периодике — Senior).

Савин-журналист, убежденный в том, что «свободное слово там, в бывшей России, давно уже расстреляно», возлагал «задачу огромной важности» на белогвардейскую прессу, считая, что в сложившихся условиях только она, «верно служа своему народу», способна рассказать миру «правду о советском рае», который, по его мнению, «не сегодня-завтра с грохотом рухнет». Причисляя себя к «работникам свободного могучего русского слова», автор брал на себя право «с открытым забралом сражаться во тьме за свет, на чужбине — за Россию» [26, с. 2–3]. «Свет» однозначно соотносился с Белой идеей, созревшей в духе русского православия, под знамя которой и должны встать все, кому дороги любовь к родине и ее честь. Савин обратился к политической публицистике, поскольку считал необходимым публично высказать свое отношение к свершившемуся «историческому апокалипсису», главному событию эпохи — Октябрьской революции, — разрушившему отчизну и резко изменившему судьбы миллионов русских людей. Центральное место в его творческих размышлениях заняли проблемы участия молодежи в революции (приобретения и утраты), взаимоотношения интеллигенции и народа и шире — падения и возрождения России. Свершившаяся катастрофа «сверлила мозг», звала к осмыслению произошедшего, обусловливала потребность познать, понять, объяснить гибель огромной страны и немыслимые трагедии сотен тысяч ее граждан, а главное — определить: что делать здесь и сейчас? как жить дальше? с кем и куда идти? Савин не стремился к четкой формулировке целей и задач задуманного им журнала, но из анализа материалов, опубликованных им в периодике, очевидно, что ему близки суждения И.А. Ильина о специфике эмигрантской прессы, ее значимых концептах и задачах. Философ писал: «В эмиграции люди должны прежде всего одуматься, прийти в себя от *пережитой катастрофы*, понять сущность нашего *национального крушения*, по-новому увидеть *исторические корни России*, *укорениться в вере* и обновить свой *внутренний уклад*, недостатки которого привели страну к катастрофе. Эмиграция дается не для эмоционального кипения в бесплодной ненависти, а для *духовной мобилизации сил*, без которой вся борьба с врагом поведет только к бестактностям и вредным глупостям» [14, с. 20][2]. По сути, мнения Ильина и Савина совпадают: 1) в общей оценке свершившейся революции — это *катастрофа, национальное крушение*; 2) в понимании значимости обновления *внутреннего уклада*, т. е. духовной жизни русских людей в условиях зарубежья, когда чрезвычайно

[2] Здесь и далее в статье курсив мой. — *Л.Л.*

важно актуализировать свои культурно-исторические основы и в первую очередь *укорениться в вере*; 3) в осознании необходимости *духовной мобилизации* всех белых сил, способных противостоять большевизму; при этом 4) возникает острая потребность в «независимой, национальной, честной и идейной газете» [14, с. 21]. То, что Ильин как философ выразил кратко и четко, Савин как поэт выразил более развернуто в разных по жанрам и стилям журнальных публикациях — образно и эмоционально.

В первом номере журнала «Дни нашей жизни» большинство материалов принадлежит ему: на первой странице размещена его редакционная статья, на странице 8 — стихотворение «*Я — Иван, не помнящий родства*», на 9–12 страницах — аналитическая статья «Молодежь и контрреволюция», на 14–17 страницах — автобиографический рассказ «Джанкой», на 18–19 страницах — три рецензии. Последовательно рассмотрим эти публикации.

Журнал открывался редакционной статьей, призванной не столько наметить определенные идейно-эстетические позиции нового печатного органа, сколько передать настроения и чаяния молодежи савинского «Кружка». Редактор обозначил в общих чертах причины и факты свершившейся национальной трагедии, приведшей к утрате не ценимого по достоинству *прошлого*, указал на плачевные результаты приобретенного *настоящего*, но основное внимание сосредоточил на наиболее тревожных вопросах, касающихся неведомого пока *будущего*. Совмещая и переплетая времена, он пишет: «В такие мучительные дни общей разрозненности, пустоты и безверья приступаем мы к изданию нашего журнала, органа русской молодежи. *Сзади* нас — *цепь бездомных лет, ошибок и потерь*. Наше *сегодня* — в *дыме нищеты*. Наше *завтра* — *ночь*. Кто разгадает ее? Тяжко нам. Так тяжко, что порой думаешь: да жизнь ли это? Эта слякоть, этот ветер, разметавший нашу юность, наши цветы, наше солнце по старческим дорогам, эта торжествующая судорога хохота на вражьем лице? А вдруг эти ржавые вериги — навсегда? Вдруг темный Рок обрушил на наши головы бессрочную каторгу плененного духа и испепеленного пожарами сердца?» [25, с. 1]. Статья с ее обилием метафор, символов, аллегорий, риторических фигур и пр., буквально пронизана болью, страхом, почти безысходным отчаянием — чувствами и настроениями, определявшими душевно-духовное состояние самого Савина и его близкого окружения. Все это превращало редакционную статью, в принципе призванную выполнить некую информационную функцию, в эмоционально насыщенное лирико-публицистическое повествование. Собственная

жизнь и жизнь молодой эмиграции в целом виделась автору беспросветной, тупиковой, замкнутой «ржавыми веригами», отсюда и риторический вопрос: «да жизнь ли это?». Насущные проблемы эмигрантского настоящего соотнесены с ближайшим будущим: как жить? как обновить свой внутренний уклад? чему, каким целям подчинить стремительно бегущие «дни жизни»? Название журнала, придуманное Савиным, — «Дни нашей жизни» — акцентирует внимание на повседневных процессах индивидуальной, общественной, культурной жизни русских молодых людей, волею истории и судеб оказавшихся в эмиграции с ее низменной реальностью, повседневной обыденностью и борьбой за выживание и в то же время с ее романтической идеальностью, высоким душевно-духовным напряжением, обусловленным пафосом Белой идеи. Автор редакционной статьи нацелен на хроникальное воспроизведение фактов мучительного *настоящего*, трезвое осмысление ошибок *прошлого*, но главное — это устремление к *будущему — в завтра*, мыслимое как «светлый день». Однако, чтобы прозреть этот «светлый день», необходимо «пристально-пристально» всмотреться в пока «неразгаданное завтра», а для этого «осветить путь свой <…> *неслепнущей ненавистью* к творцам застенков и людоедства». Автор призывает читателей всеми силами души возненавидеть «коммунистических башибузуков», «распоясавшуюся чернь» и уверовать в неминуемый, «светлый и радостный день» возрождения России. Мотив обреченности, безнадежности, отчаяния, доминировавший в начале статьи, отходит на второй план, а на первый все более явно выдвигается мотив надежды. Это значит, что «завтра» все же не ночь, а день, пока «призрачный, но все-таки день. Слышите, близкие наши и дальние, — впереди день!» [25, с. 1]. Савин-публицист призывает поверить «в этот неизбежный день …всех, в ком живо сознание своего долга перед Родиной, своей благостной ответственности за будущее Ее». Он очень надеется на созидательную роль молодежи в деле будущего обустройства России, призывает соратников к консолидации, твердости, терпению в служении стране и народу: «Братья, будем стойки. Будем неуязвимо преданы нашему великому Краю, друзья! <…> пусть ничто преходящее не заслонит вечного и непреложного — Россию». Завершается статья обращением ко «Всем беззаветно любящим Россию, всем непоколебимо верующим в Россию, всем жадно ожидающим Россию, всем тем, кто каждый свой нерадостный день встречает молитвой: «*да святится имя Твое, да придет царствие Твое, Россия*» (чуть измененная молитва «Отче наш». — *Л.Л.*). Савин, опираясь на свой горький жизненный опыт, образно и

открыто выражал глубоко выстраданные идеологические позиции, не скупился на эмоции, активно использовал средства художественной выразительности, стремясь воздействовать на разум и чувства своих читателей.

На 8 странице журнала помещено савинское стихотворение «*Я — Иван, не помнящий родства*» (1923). «*Я — Иван*» — реальное имя поэта; фразеологизм «*Иван, не помнящий родства*» — «обычное прозвание бродяг, выдающих себя за не помнящих родства, т. е. родины, родителей, имени, звания» [12, с. 528]. В данном случае лирический герой — один из неисчислимого множества, утративший родину, оказавшийся «чужеземном море»:

Я — Иван, не помнящий родства,
Господом поставленный в дозоре.
У меня на ветреном просторе
Изошла в моленьях голова.

Все пою, пою. В немолчном хоре
Мечутся набатные слова:
Ты ли, Русь бессмертная, мертва?
Нам ли сгинуть в чужеземном море!?

У меня на посохе — сова
С огневым пророчеством во взоре:
Грозовыми окликами вскоре
Загудит родимая трава.

О земле, восставшей в лютом горе,
Грянет колокольная молва.
Стяг державный богатырь-Бова
Развернет на русском косогоре.

И пойдет былинная Москва,
В древнем Мономаховом уборе,
Ко святой заутрене, в дозоре
Странников, не помнящих родства [32, с. 8].

Миссия поэта «состоит в молении о родине, в пробуждении *странников, не помнящих родства*» [4, с. 171]. Из глубины духовной трагедии обращает он свои молитвы к Господу, при этом слова его молитв звучат набатом, который оповещает о невосполнимой

«утрате вечного и непреложного» и предрекает катастрофу, образы которой заключены в двух эмоционально напряженных стихах: «Ты ли, Русь бессмертная, мертва? / Нам ли сгинуть в чужеземном море!?…» [32, с. 8]. Однако наряду с темой смерти, гибели в центральной строфе стихотворения возникает «огневое пророчество» о русской земле, «восставшей в лютом горе», появляются значимые образы-символы: герой-защитник «богатырь-Бова», древняя столица «в Мономаховом уборе» (шапка Мономаха символизирует самодержавие), светлая, «святая заутреня» (традиционное название Пасхальной Утрени; токование празднования Пасхи — это символическое прохождение от смерти к жизни, от земли к небу, что выражено в Пасхальном каноне Иоанна Дамаскина: «Пасха, Господня Пасха! От смерти бо к жизни, и от земли к небеси» [15]). Во времена гонений, обрушившихся на родную землю, среди бед и страданий поэт находит персонажей, которые по-прежнему хранят в своих сердцах заветы Святой Руси. Стихотворение, начатое мотивом неизлечимой боли, сменяется мотивом грядущей борьбы — так возрождается древняя русская патриотическая традиция.

Далее в журнале за подписью Зеньковский размещена проблемно-публицистическая статья под названием «Молодежь и контрреволюция», где центральная проблема вновь сформулирована в форме вопроса: «Почему русская учащаяся молодежь <…> примкнула к контрреволюции?» [24, с. 9]. Эта статья, пожалуй, одна из первых журналистских работ, где предпринята попытка осознать роль и значение участия молодежи в русской революции. Автор, используя свой личный юношеский опыт, а также наблюдения за поступками и реакциями сверстников, анализирует и интерпретирует не только события, но в первую очередь чувства, настроения, ощущения, бытовавшие в молодежной среде в революционное десятилетие.

Разделяя широко распространенное в начале XX в. суждение о стихийной революционности русской учащейся молодежи, Савин называет ее «авангардом революции», «рассадником социализма». Юношеский радикализм, оппозиционность режиму, обостренное стремление принести общественную пользу, идеи «сближения с народом», массовое «хождение в народ» для просвещения и «якобинской агитации» крестьянства, мыслимого в качестве основной движущей силы в грядущей революции и пр. — весьма характерны для русской молодежи, начиная с эпохи народничества, идеология которого доминировала в освободительном движении более полувека. По словам Н.А. Бердяева, «народничество всегда имело особое обаяние для души русского интеллигента», лишь «марксизм нанес непо-

правимые удары старому народническому сознанию, сформировав на его обломках шеренги своих сторонников» [8, с. 134, 141]. Книги и статьи народников, а затем социалистов и марксистов становились непременным атрибутом «образования» русской молодежи предреволюционного периода, как и ее участие во всевозможных «протестных» акциях, начиная от элементарной грубости учителям и кончая участием в митингах, собраниях и демонстрациях.

Многие современники Савина оставили эго-документы, где так или иначе отражены элементы либерализации, политизации, революционизации учащейся молодежи. Кратко отмечу некоторые факты, касающиеся интересов и настроений, бытовавших среди гимназистов — будущих русских писателей.

Так, Валерий Брюсов (1873–1924), говоря о домашнем воспитании, подчеркивал, что его родители — люди 60-х гг., «переживали сильнейшее влияние идей своего времени», читали «Маркса и Бокля, Дарвина и Молешотта» и пр., поэтому трехлетний Валерий уже знал имя Дарвина и в «комической форме проповедовал <…> его учение» во дворе, в восемь «прочел впервые Добролюбова и Писарева», в пятом классе гимназии издавал рукописную газету где «поместил статью “Народ и свобода”», ожесточенно нападал «на порядки гимназии, обличал надзирателя в глупых шутках, учителей в несправедливостях» и пр. [10, с. 186, 164, 187, 165, 216].

Александр Блок (1880–1921) не без иронии вспоминал свой «буйный» гимназический «класс», где были «отчаянные революционеры: один, с шишковатым лбом, молчаливый, читал Помяловского. Другой, черногорец с сильными кулаками и дерзкими глазами, грубил всем учителям» [9, с. 42].

Осип Мандельштам (1891–1938), будучи учеником престижного Тенишевского училища, наблюдал, как в русскую школу врывалась жизнь «с неожиданными интересами и буйными умственными забавами», где гимназисты читали «Чернова, Михайловского, <…> “Исторические письма” Лаврова. Все, что было мироощущением, жадно впитывалось — <…> Каутский, Маркс, Плеханов»; сам же гимназист, по признанию, «пришел в класс совершенно готовым и законченным марксистом» [18, с. 86, 86–87, 89].

Илья Эренбург (1891–1967) пристрастился к «политике и классовой борьбе» в гимназии»: «Шел бурный пятый год. Богословская аудитория университета превратилась в зал для митингов. Я часто туда убегал. Рядом со студентами сидели рабочие. Мы пели “Марсельезу” и “Варшавянку”. Курсистки раздавали прокламации», «я уже читал статьи Ленина» [33, с. 69, 71]. Аналогичных свиде-

тельств сохранилось множество. Савин и сам переживал подобные настроения.

Однако результаты Октябрьской революции оказались весьма далекими от ожидаемых, что вызвало огромное эмоциональное напряжение в русском обществе. С одной стороны, жила надежда на обновление социально-государственного организма страны, с другой — возникло безысходное отчаяние, обусловленное тотальным разрушением традиционных устоев и ценностей, безудержной ожесточенностью воюющих сторон, массовыми репрессиями властей, менявшихся с калейдоскопической пестротой. И тогда часть русской молодежи, к которой относил себя Савин, «не только отошла в сторону и умыла руки, но даже резко порвала с былыми традициями и в своей наиболее действенной части примкнула к Белому движению» [24, с. 9]. Чем обусловлен этот выбор? Ответ определялся «сущностью революционного процесса в России» так, как его понимал автор. В статье Савин зафиксировал неоднородность в восприятии и распространении социалистических и собственно революционных идей среди юношества. В целях конкретизации своей позиции он предложил, «отбросив всякую демагогию, внимательно проследить те этапы, которые пришлось пройти русской молодежи за последние годы» [24, с. 9]. Далее, основываясь на наблюдениях Савина, выделим 5 этапов трансформации в развитии молодежного движения 1910-х гг.

1 этап (с начала 1910 гг. до начала войны 1914 г.) — широкое распространение социалистических воззрений среди студенчества и учащихся старших классов. Юноши и девушки активно обсуждают вопросы социальной справедливости, идеи свободы, всеобщего равенства, проблемы народной власти, общинности и коллективизма и пр. Социалистическая агитация приносила «пышные плоды». Молодые люди, следуя «указаниям искушенных в борьбе вождей, самоотверженно конспирировали, устраивали забастовки, сражались с полицией» и, таким образом, способствовали «разрушению русской государственности», оплачивая свой «незрелый энтузиазм административными карами, ссылкой в места столь и не столь отдаленные и каторгой» [24, с. 9]. Революционизация воспринималась молодежью как явление прогрессивное.

2 этап (начало войны 1914 г.) — в обществе актуализировались такие понятия, как «национализм, державность, исторические задачи, православие»; русская молодежь — «всегдашний внутренний враг и оппозиционер царского режима», показала, что «в годину тяжких испытаний никаким другим идеям, кроме идей патриотизма, нет места,

и пошла на фронт <…> для защиты родины от могущественного и искусного противника» [24, с. 10]. Повсеместно утвердился патриотизм. Главное на этом этапе — любовь к отечеству, преданность своим корням, своему народу и даже верноподданность.

3 этап (октябрь 1917 г.) — в революционные «медовые дни “великой, бескровной”» всюду звучали слова, в святость которых молодые люди привыкли верить с детства: «свобода, равенство, братство, земля и воля, вся власть трудящимся, самоопределение»; студенты и курсистки, укрепляя «завоевания революции, руководили рабочими и солдатскими митингами, доблестно принимали бразды правления в бесчисленных комитетах, советах, союзах и до хрипоты, до потери сознания пели “Марсельезу” и “Вы жертвою пали”» [24, с. 10]. Апофеоз революционности.

4 этап (конец 1917 г.) — перерождение революционности во вседозволенность. После свершившейся революции приветствовалось все «новое». Вместо «полицейского режима», т. е. обязательного посещения уроков, вводилась «свободная дисциплина», дававшая волю разного рода бесчинствам: «в 17-ом году считалось высшим шиком в классе во время урока, читать порнографическую литературу, набивать папиросы и играть в карты, а ученицы женской гимназии приносили на большую перемену спирт!» [24, с. 11]. Школа стремительно превращалась в «комсомольский кабак». На этом этапе господствуют настроения разгульно-иронические.

5 этап (1918–1919 гг.) — глубокое разочарование в революции, переходящее в антипатию. «Почему же так скоро нам до рвоты опротивели митинги, комитеты, “Марсельеза”, карты на уроках…?». Даже самым юным стало очевидно, что в стране расцвела «бесконечная демагогия», на непрекращающихся митингах «политические нарциссы» разжигали народ «неисполнимыми обещаниями», а в это время все население «туже и безнадежней затягивала петля нужды, безработицы, озверения». Жизненность революции, по мнению Савина, должна проявляться в повседневной работе «по приведению в порядок в корне расшатанного государственного аппарата. А дела не было» [24, с. 11]. В результате молодежь, «голодная и раздетая», ожидая «всеобщего блага», увидела «советский бедлам». Отсюда настроения глубочайшей неудовлетворенности результатами революции, ее отрицание и, как следствие, уход в контрреволюцию — в Белое движение, поставившее себе целью освобождение России от большевиков.

Таковым Савин видел революционный процесс в России. Ретроспективное осмысление ближайшей истории страны, собственного

участия в ней, стремление уяснить и выразить правду об эпохе и человеке, напоминание о необходимости служения отечеству и народу становятся ключевыми позициями Савина-публициста. Он убежден в том, что новый журнал призван и готов «открыть свои и чужие глаза» на ситуацию в России, сыграть мобилизационную роль: «спаять в железный кулак все разрозненные силы… все возможности и кровью купленный опыт», а также выполнить агитационную функцию: «раздавить <…> большевицкий клоповник» [24, с. 12].

Собственный, «кровью купленный опыт» воплощен в рассказе «Джанкой» [23, с. 14–17]. Проза Савина, как и поэзия, автобиографична [2, с. 19–20; 6, с. 56], таков и этот рассказ. Автор описывает, как в последние дни обороны Крыма он заболел тифом, был отправлен в железнодорожный лазарет в городе Джанкое, который вскоре был взят красными. Все пережитое описано в пяти очерках, объединенных в цикл «Плен» (1920). В «Предисловии» к циклу автор трезво оценивал свою ситуацию: «Надеяться на пощаду со стороны советской власти я ни в какой степени не мог: кроме меня, в Белой армии служили еще четыре моих брата — младший из них, как оказалось впоследствии, был убит в бою с красными под Ореховом в июле 1920 г., второй пал в бою под ст. Егорлыцкой в феврале 1920 г., двое старших были расстреляны в Симферополе в ноябре 1920 г. Идти пешком к югу, совершенно больной, я не мог: лазарет в целом почему-то эвакуирован не был» [27]. Савин пережил «фильтрацию», включавшую «краткий допрос, долгое истязание, голодовку, заполнение анкет и распределение опрошенных и избитых по трем направлениям: в ряды Красной армии, преимущественно пехоты, в Мелитополь — для дальнейшего выяснения личности <…> и на полотно железной дороги — под расстрел» [27]. От верной смерти спасла медсестра, которая сожгла его фуражку и документы, поскольку, как она считала, опытный глаз красноармейца «сразу заметит “буржуя”», и судьба юноши будет решена. «Вы еще нужны семье и, — она осторожно оглянулась кругом, — Белой России. Идите, бедный мой мальчик» [27]. Опыт, «купленный кровью», и прощальное напутствие определили смысл дальнейшего бытия — служение Белой России.

Савин выступал в периодике и как литературный критик, его перу принадлежат литературные этюды, портреты, пародии, памфлеты, сказки, фельетоны, обзоры и рецензии.

На страницах 18–19 в разделе «Библиография» размещены 3 рецензии. В первой из них «“Галлиполи” № 2 Рец.» [29, с. 18] дан обзор 2-го номера газеты «Галлиполи», которая издавалась «Обществом галлиполийцев», организованным офицерами 1-го армейского кор-

пуса Русской армии генерала П.Н. Врангеля. После крымской эвакуации 1920 г. корпус был размещен на пустынном морском берегу, недалеко от турецкого городка Галлиполи. Русские воины оказались в тяжелейших условиях: на первых порах не было еды, воды, жилья, одежды, однако, они сумели сохранить боевой дух, веру, культуру. Савин связывал с Галлиполи «просветленную Белую Мечту», к галлиполийцам обращался и в стихотворении «Огневыми цветами…» (1923): «И вернетесь вы, где бы вы ни были, // Под знамена… И камни Галлиполи // Отнесете в Москву, как скрижаль» [27].

Вторая рецензия [31, с. 18–19] посвящена стихотворному сборнику Владимира Пиотровского (В.Л. Корвин-Пиотровский, 1891–1966) «Полынь и Звезды» [21]. Обращает на себя внимание тот факт, что между Савиным и Пиотровским имеются общие биографические черты (участие в Гражданской войне на стороне белых, тиф, красный плен, эвакуация [16, с. 217], объединяющая обоих литературно-публицистическая и журналистская деятельность [1, с. 388–389]), а также тематическая близость в творчестве. Пиотровский, как и Савин, пишет о родине, о времени, о себе, связывает свою судьбу с участью тысяч русских людей, оказавшихся в изгнании, ищет поддержку в вере, возносит мысль свою к Богу: «Не знаю я. Но, может быть, не даром // Пути мои запутались в дыму, // И жизнь моя отмечена пожаром, // И мысль моя возносится к Нему [17, с. 25]. Оба поэта говорят «о бесконечно важном», остро чувствуют «скорбь о родине» [3, с. 329], обоим присущи «молитвенный жар», «жажда искупления», упование на Господа.

В отличие от первых двух рецензий, посвященных, по сути, соратникам по борьбе и мирочувствованию, в третьей [30, с. 19] внимание Савина сконцентрировано на японских новеллах о любви, опубликованных немецким импрессионистом — художником и поэтом Максом Даутендеем (1867–1918) [13]. «Восемь ликов озера Бива» — это изображение экзотической, мистической Японии. Есть в новеллах и отзвуки исторических событий (мимо которых не прошел Иван Савин): покушение на цесаревича Николая и Русско-японская война. В новелле «Осенний месяц всходит над Ишиямой» содержится описание фантастических «русских», напоминающих карикатуры периода Русско-японской войны: «У русских ниже колен пушечные дула; когда они подымают ноги, то могут стрелять из них. <…> в то время, как их ноги ходят и стреляют, у большинства из них в руках еда и питье, которыми каждый набивает и заливает свою глотку. Благодаря этому они всегда сильны, никогда не ослабевают и остаются непобедимыми» [13, с. 161–162]. Однако хитроум-

ным японцам удалось заманить «тупых русских» в ловушку, где все и погибли. Савин соотносит созданных Даутендеем «русских» с отвратительными «коммунистическими башибузуками», судьба которых исторически предрешена.

«Дни нашей жизни» — это творческий авторский проект, цель которого в различных формах, публицистических и художественных, выразить Белую идею: *антибольшевизм есть духовная доминанта русской эмиграции*, и только она способна сподвигнуть все силы соотечественников к консолидации ради спасения отечества. Эта направленность пронизывает первый номер журнала.

Савин прожил очень короткую жизнь, но «по своей духовной и полной слиянности с Россией, <…> являл собой яркий пример и образец русского патриота, болевшего горем и страданиями свой страны, глубоко ненавидящего большевизм, непримиримо с ним боровшегося в печати, искренне <…> веровавшего в российское воскресение, в победу идей правды и человечности» [20, с. 2].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Венцлова Т.* Собеседники на пиру. Литературоведческие работы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 624 с.
2. *Крошнева М.Е.* Творческая судьба Ивана Савина (1899–1927): автореф. дис. канд. филол. наук. Ульяновск: УлГТУ, 2005. 24 с.
3. *Мочульский К.В.* Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты. Томск: Водолей, 1999. 416 с.
4. *Нефагина Г.Л.* Параллели и пересечения. Русская литература во времени и пространстве. Минск: Четыре четверти, 2017. 458 с.
5. *Хямяляйнен Э.* Иван Савин: из истории публикаций // Religare. Россия в красках. URL: http://ricolor.org/europe/finlandia/fr/cul/1/2/ (дата обращения: 11.05.2025).
6. *Hattuniemi J.* Гневная любовь: Острые статьи, фельетоны и очерки Ивана Савина в русскоязычной прессе Хельсинки в 1922–1927 гг.: магистер. дис. Helsingin Yliopisto, 2024. 74 с.

Источники

7. *Белавина Н.С.* Памяти Ивана Савина // Новое русское слово. 1977. № 23316. 23 июля. С. 3.

8. *Бердяев Н.А.* Собр. соч.: в 4 т. Париж: YMCA-PRESS, 1990. Т. 4. 598 с.
9. *Блок А.А.* Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Худож. лит., 1962. Т. 6: Проза. 1918–1921. 556 с.
10. *Брюсов В.Я.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 414 с.
11. *Бунин И.А.* Наш поэт // Возрождение. 1927. № 793. 4 авг. С. 3.
12. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1979. Т. 2: И–О. 779 с.
13. *Даутендей М.* Восемь ликов озера Бива. японские новеллы о любви / пер. с нем. Евгения Раича. Берлин: Изд. С. Эфрон, [1921]. 224 с.
14. *Ильин И.А.* Наши задачи: в 2 т. Париж: Изд. Рус. Обще-Воин. Союза, 1956. Т. 1: Статьи 1948–1954 гг. 346 с.
15. *Иоанн Дамаскин*. Пасхальный канон // Азбука веры. URL: https://ispowed-prichastie.ru/wp-content/uploads/2017/04 (дата обращения: 10.04.2024).
16. *Корвин-Пиотровский Вл.* Автобиографическая справка // *Корвин-Пиотровский Вл.* Поздний гость. Стихи, поэмы, драматические поэмы: в 2 т. Вашингтон: Victor Kamkin, Inc., 1969. Т. 2. С. 217.
17. *Корвин-Пиотровский В*. Поздний гость: Стихотворения и поэмы М.: Водолей, 2012. 680 с.
18. *Мандельштам О.Э.* Собр. соч.: в 4 тт. М.: Терра-Terra, 1991. Т. 2: Проза. 730 с.
19. [Объявление] // Русские вести. 1923. № 243. 19 апр. С. 4.
20. *Пильский П.М.* Иван Савин // Сегодня. 1927. № 155. 16 июля. С. 2.
21. *Пиотровский Вл*. Полынь и Звезды. Берлин: Книгоизд. писателей, 1923. 68 с.
22. *Савин И.И.* Возмездие («Войти тихонько в Божий терем»). Стихотворение // Русские вести. 1922. № 110. 29 окт. С. 3.
23. *Савин И.И.* Джанкой // Дни нашей жизни. 1923. № 1. 15 мая. С. 14–17.
24. *Савин И.И.* [*Зеньковский*]. Молодежь и контрреволюция // Дни нашей жизни. 1923. № 1. 15 мая. С. 9–12.
25. [*Савин И.И.*]. [«Май 1923 года…»] // Дни нашей жизни. 1923. № 1. 15 мая. С. 1.
26. *Савин И.И.* Наша задача // Новые русские вести. 1924. № 301. 16 янв. С. 2–3.
27. *Савин И.И.* Стихотворения. Избранная проза. URL: https://www.rulit.me/books/stihotvoreniya-izbrannaya-proza-read-214411-11.html (дата обращения 01.05.2025).
28. *Савин И.И.* Только одна жизнь. 1922–1927. Отклики из статей и рецензий. Нью-Йорк: [Б. и.], 1988. 230 с.
29. *Савин И.И.* [-Ъ-]. [Рец. на:] Галлиполи, № 2 // Дни нашей жизни. 1923. № 1. 15 мая. С. 18.

30. *Савин И.И.* [-Ъ-]. [Рец. на:] Макс Даутендей. Восемь ликов озера Бива // Дни нашей жизни. 1923. № 1. 15 мая. С. 19.
31. *Савин И.И.* [-Ъ-]. [Рец. на:] Пиотровский Вл. Полынь и Звезды // Дни нашей жизни. 1923. № 1. 15 мая. С.18–19.
32. *Савин И.И.* Я — Иван, не помнящий родства // Дни нашей жизни. 1923. № 1. 15 мая. С. 8.
33. *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь: Воспоминания: в 3 кн. М.: Сов. писатель, 1990. Кн. 1. 640 с.

REFERENCES

1. Venclova, T. *Sobesedniki na piru. Literaturovedcheskie raboty* [*Interlocutors at a Feast. Literary Works*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 624 p. (In Russian)
2. Kroshneva, M.E. *Tvorcheskaia sud'ba Ivana Savina (1899–1927)* [*The creative destiny of Ivan Savin (1899–1927)*], PhD summary. Ulianovsk, Izdatel'stvo Ulianovskogo Gosudarstvennogo Tehnicheskogo Universiteta Publ., 2005. 24 p. (In Russian)
3. Mochul'skij, K.V. *Krizis voobrazhenija. Stat'i. Jesse. Portrety* [*Crisis of Imagination. Articles. Essay. Portraits*]. Tomsk, Vodolei Publ., 1999. 416 p. (In Russian)
4. Nefagina, G.L. *Paralleli i peresechenia. Russkaia literatura vo vremeni i prostranstve* [*Parallels and Intersections. Russian Literature in Time and Space*]. Minsk, Chetyre chetverti Publ., 2017. 458 p. (In Russian)
5. Hjamjaljajnen, Je. Ivan Savin: iz istorii publikacii [Ivan Savin: from the History of Publications]. *Religare. Rossiia v kraskah*. Available at: http://ricolor.org/europe/finlandia/fr/cul/1/2/ (Accessed 11.05.2025). (In Russian)
6. Hattuniemi, J. *Gnevnaja ljubov': Ostrye stat'i, fel'etony i ocherki Ivana Savina v russkoiazychnoi presse Hel'sinki v 1922–1927 gg.* [*Angry Love: Poignant Articles, Feuilletons and Eessays by Ivan Savin in the Russian-language Press of Helsinki in 1922–1927*], Master's thesis. Helsinki: Helsingin Yliopisto, 2024. 74 p. (In Russian)

Дата поступления статьи: 12 июня 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 10 января 2025 г.
Дата публикации: 29 декабря 2025 г.

Received: June 12, 2024
Approved*:* January 10, 2025
Date of publication: December 29, 2025

Научная статья

УДК 821.054.7.0
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-365-384
https://elibrary.ru/GVMXLK

ИЗ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ: LE STUDIO FRANCO-RUSSE И ДИСКУРС О ДОСТОЕВСКОМ

© 2025 г. М. Цимборска-Лебода

Аннотация: Предметом исследования является корпус текстов — стенограмм выступлений на заседаниях Le Studio Franco-Russe, Франко-русской студии в Париже (1929–1931). Рассматривается вопрос о сотрудничестве и творческом диалоге/встрече представителей русской эмиграции (К.И. Зайцев, Б.Ю. Поплавский, Б.П. Вышеславцев, М.М. Федотов, В.Б. Фохт, Н.Н. Берберова и др.) и французской интеллектуальной элиты (J.-P. Maxence, L. Gillet, R. Lalou, S. Fumet, B. Crémieux и др.). Выбирается и подвергается интерпретации «сюжет о Достоевском» — восприятие и способы чтения/понимания «феномена Достоевского» русскими и французскими интеллектуалами на заседаниях Студии, осознание и осмысление активной культурной роли Достоевского (отчасти пайдевтической) и его персонажей — для человека XX в., испытывающего кризис ценностей. Используется контекстуальный подход и бахтинская идея предвосхищения будущего контекста; привлекаются истолкования основных/ключевых формул — завещаний Достоевского («догмат» о виновности всех перед всеми, «красота спасет мир» и др.) в гуманистической мысли XX в., в их соотнесении с концептуализацией и обновлением этих топосов в дебатах участников Le Studio Franco-Russe.

Ключевые слова: Le Studio Franco-Russe, Достоевский, стиль и обновление восприятия, Ж. Маритен, J.-P. Maxence, Б. Вышеславцев, Э. Левинас, П. Рикер, В. Зеньковский, И. Бродский, красота, христианство.

Информация об авторе: Мария Цимборска-Лебода — доктор филологических наук, ординарный профессор, Университет Марии Кюри-Склодовской, пл. М. Кюри-Склодовской, д. 5, 20-031 г. Люблин, Polska.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-8666-3563
E-mail: mcymborska-leboda@o2.pl

Для цитирования: *Цимборска-Лебода М.* Из интеллектуальной жизни русской эмиграции: Le Studio franco-russe и дискурс о Достоевском // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Вып. 3 / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 365–384.
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-365-384

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

FROM THE INTELLECTUAL LIFE OF RUSSIAN EMIGRATION: LE STUDIO FRANCO-RUSSE AND A DISCOURSE ON DOSTOEVSKY

© 2025. M. Cymborska-Leboda

Abstract: The starting point for the analysis is text corpus/stenographic record of the speeches given at the meetings of Le Studio Franco-Russe in Paris (1929-1931). The problem of collaboration/dialogue and creative meeting of representatives of Russian emigration (K. Zaitsev, B. Poplavskiy, B. Vysheslavtsev, M. Fedotov, V. de Vogt, N. Berberova et al.) and French intellectual elite (J.-P. Maxence, R. Lalou, L. Gillet, S. Fumet et al.) is discussed. The interpretation of Russian and French intellectualls' reception and reading/understanding of the "phenomenon of Dostoevsky," their approaches to cultural and paideitic role of Dostoevsky and his model characters for the 20th century man experiencing the condition of crisis of values are given. The article covers this topic in the context of the renowned studies of Dostoevsky's most famous formulas (the "dogma" of everyone's responsibility for everything, "beauty will save the world," "all is permitted") present in the 20th century humanistic thought and taking on "applied sense;" formulas that can be correlated with their conceptualization in intellectual debates within the French-Russian Studio.

Keywords: Le Studio Franco-Russe, Dostoevsky, perception and interpretation styles, J. Maritain, J.-P. Maxence, B. Vysheslavtsev, Vyach. Ivanov, E. Lévinas, P. Ricoeur, fiction and its real-life application, Christian paideia.

Information about author: Maria Cymborska-Leboda, Doctor Hab. in Humanities, Professor, Maria Curie-Sklodowska University, M. Curie-Skłodowskiej Sq., 5, 20-031 Lublin, Poland.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-8666-3563
E-mail: mcymborska-leboda@o2.pl

For citation: Cymborska-Leboda, M. “From the Intellectual Life of the Russian Emigration: Le Studio Franco-Russe and the Discourse on Dostoevsky.” *Emigrantica*. Issue 3, ed.-comp. E.R. Ponomarev, acad. ed. E.R. Ponomarev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 365–384. (In Russian)
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-365-384

Но разве Россия [эта] сейчас жива где-либо,
помимо рассеянных по свету эмигрантских кружков?
Э. Курциус [25, с. 656]

Возникновение Le Studio Franco-Russe, Франко-русской студии в Париже, было, несомненно, культурным событием в интеллектуальной жизни русской эмиграции первой волны, в ее творческой встрече с французской культурной элитой. Деятельность Студии — это 1929–1931 гг. Материалом, отражающим эту деятельность, мы обязаны Леониду Ливаку, главному издателю антологии текстов (Торонто, 2005) — стенограмм выступлений, снабдившему ее вводной статьей, списком участников Студии, а также информацией о них [16, p. 7–44; 587–612]. Идеей Студии было осуществление французско-русского культурного диалога, а сама эта идея прозвучала уже в 1925 г. в редакционной статье Николая Бердяева и Бориса Вышеславцева, открывающей первый номер журнала «Путь» [18].

Организацию Франко-русской студии взял на себя Всеволод Фохт. Студия провела 14 заседаний: первое имело место 29 октября 1929 г., последнее — 29 апреля 1931 г. На каждом заседании читались на французском языке два доклада, авторами которых были видные представители русской и французской интеллектуальной элиты. Каждый из докладов сопровождался многочисленными дебатами, которые благодаря записи запечатлены в антологии, под

редакцией Жервез Таси [33]. Не пытаясь подробно обозначить тематическое богатство и примечательность проблем, обсуждаемых на очередных заседаниях Студии, отметим лишь вкратце, что они посвящались вопросам русской и французской литературы второй половины XIX в. и первой половины XX в., взаимодействию культур и самых видных их представителей (Толстой, Достоевский, Proust, Péguy, Valéry), вопросов развития литературных направлений (символизм) и жанров (роман, в том числе советской эпохи), а также проблем, касающихся французской и русской философии.

Задачей этой статьи не является обзор тематики и проблемного содержания очередных выступлений на заседаниях Франко-русской студии, что было бы, конечно, невозможным. Я выбираю один сюжет, связанный с докладами о Достоевском и дебатами вокруг выступлений о нем. Творчеству Достоевского было посвящено третье заседание студии (18 декабря 1929 г.). В качестве докладчиков выступили Кирилл Зайцев с докладом «Проблема Достоевского» и Рене Лалу (René Lalou) с докладом «Достоевский и Запад». Однако следует акцентировать сразу: как культурологема, значащее культурное имя, Достоевский появляется в докладах и в дебатах почти на всех заседаниях студии. Так, например, на пятом заседании в докладе Бориса Вышеславцева о Прусте; на шестом заседании в дискуссии вокруг докладов об Андре Жиде; на двенадцатом заседании в докладах о философии Декарта, о ее культурном воздействии (в выступлении Жака Маритена); на седьмом в связи с докладом о положении русского и французского романа после 1918 г.; а также на последнем (четырнадцатом) заседании в докладах о духовном возрождении во Франции (Станислава Фюме) и в России (Георгия Федотова).

Моим намерением не является обзор, зачастую схематизирующий, названных, а также неназванных заседаний и выступлений, в которых появляется имя Достоевского и отсылки к нему. Цель исследования — предложить истолкование выбранных моментов выступлений, в которых русский писатель воспринимается как знаковая и значащая фигура для современного человека и культуры XX в.: как «смыслодаритель» (Р. Барт), выразитель фундаментальных понятий и ценностей, которые были востребованы современной культурой. Ибо, думается, тут существенны были три фактора.

Во-первых, историческое время и ситуация русской эмиграции, внутри которой воспринимался Достоевский. Во-вторых, субъектность, идеологическая позиция и опыт (читательский и жизненный) участников дебатов во Франко-русской студии; в-третьих, стиль восприятия и методологическая установка докладчиков и дискутантов.

Касательно русских участников, значимость двух названных факторов подтверждают записи в дневнике Бориса Поплавского того времени, указывающие на ситуацию, «которая давит нас…», на чувство «грандиозной исторической вины», «преемственности первородного национального греха», «наследственной вины» [31, с. 407].

О третьем факторе будет сказано ниже. Пока же, снимая «запрет на интертекстуальность» [6, с. 182], привлечем эго-документ другого, французского участника Студии — запись тех же 1930-х гг. знаменитого французского писателя Жака Маритена, связанного с русской диаспорой (его статья «Метафизика и мистика» появилась во 2 номере журнала «Путь») и русской культурой. Запись в его «Carnet de Notes» («Записных книжках») примечательна, особенно если ее читать в свете аксиологической и метафизической установки[1], выраженной в «путейской» статье Маритена. Ибо подобная ценностная ориентация мыслителя очевидна и в «Carnet».

Размышляя о положении современной Церкви, о состоянии христианства и возможностях устроения/преображения социальной жизни, Маритен, как автор книг «L'Art et Scolastique» («Искусство и схоластика») и «Primauté du spirituel» («Первенство духовного»), как представитель «религиозно-философского ренессанса» во Франции, формулирует важную мысль о значении искусства и благотворительной роли некоторых писателей и мыслителей. В ряд таких «благотворителей» попадают Шатобриан, Паскаль, Жозеф де Местр, Шарль Пеги, Жорж Бернанос — и Достоевский. Ибо, с точки зрения философа, они сделали для человечества, «для христианской веры, культуры и для человеческих душ» гораздо более, чем большинство общественных учреждений. И Маритен констатирует, в связи с этим: «Кажется, что некоторые поэты и некоторые великие писатели появляются в мире словно голос, с помощью которого в этот мир внедряется *профетический смысл*[2] и его воздействие на верующих (le peuple fidèle), значение которого столь глубоко сознавал Бердяев» [36, p. 246–247].

Взгляд Маритена примечателен и созвучен со стилем восприятия Достоевского в Le Studio Franco-Russe, который можно выразить бартианской формулой: писатель — это «смыслодаритель» [3, с. 80]. Эксплицитно эта роль писателя прослеживается в итоговом выступлении — на 14 заседании Студии — Георгия Федотова. Так,

---

[1] Метафизика, подчеркивал Маритен, возвращает человеку “во всей полноте бытия подлинные ценности и их иерархию” [29, с. 91].

[2] Здесь и далее курсив мой — М. Ц.-Л.

по его мнению, «это именно для XX столетия Достоевский становится пророком духа, углубляясь в духовные тайны-бездны страдания и греха, обнажающие человеческую природу в ее последней глубине» [33, p. 545]. И не случайно — на 7 заседании (29 апреля 1930 г.), посвященном положению романа как жанровой формы после 1918 года, — католический патер, Léon Gillet (Лев Жийе), теолог, в 1928 г. присоединившийся к Православной церкви[3], назвал роман Достоевского «духовным» [33, p. 237], подчеркнув этим как собственное значение романа, так и историческую трагедию русских эмигрантов. Ту, в которой, согласно Борису Зайцеву и приводимым словам Надежды Тэффи, «была расстреляна Душа» («On a fusillé l'âme»), а все индивидуально-психическое перестало быть ценностью [33, p. 234].

Переходя к третьему заседанию Студии, специально посвященному Достоевскому (18 декабря 1929 г.), привлечем мнения не только представителей русской эмиграции, но и видных французских интеллектуалов. Причем для нас важно не изложение этих взглядов, важно то, как отраженная в них теоретическая и методологическая позиция определяет способ прочтения (lecture) Достоевского и какая «мыслительная культура» прослеживается в этом прочтении у русских и нерусских участников Студии. Ибо Достоевский читается французскими участниками в основном контекстуально: посредством параллелизмов, к примеру, через соотнесение с такими именами, как Паскаль и Ницше, некоей общностью их биографии («Ce fures trois malades» [33, p. 116]). Это с одной стороны. С другой же — что особо значимо — через соотнесение с Полем Клоделем в выступлении Жака Мадоля; историка и журналиста из круга Маритена, и Дю Боса, участника встреч в Понтиньи[4], автора этюда «Le christianisme de Dostoievski» (1935), считавшего Достоевского одним из своих учителей, наряду с Эсхилом и Данте [33, p. 116].

---

[3] О переходе Л. Жийе в православие см. подробнее в работах Л. Ливака [16; 17], в воспоминаниях Матери Марии (Монахини). Этот переход и религиозные дискуссии, к ним отсылающие, — тема для отдельного исследования, особенно если их рассматривать в более широком контексте, соотнося с общей ситуацией православной Церкви в Париже, полемикой в среде русской эмиграции (Бердяев и др.), связанной с известным указом против о. Сергия Булгакова и обвинением его в ереси.

[4] В Понтиньи — в имении, принадлежащем Дежардену — ежегодно в сентябре устраивались знаменитые международные декады с докладами на философские, литературные и социально-политические темы. В них участвовали видные представители французской и иностранной интеллектуальной элиты: Дю Бос, А. Жид, Моруа, Мориак, Роже Мартен дю Гар, М. Шеллер, Э. Курциус, М. Бубер. Об атмосфере декад вспоминают М. Бубер [20, с. 162] и Н. Бердяев (в «Самопознании») [11, с. 457–458].

Присоединяясь к взглядам Станислава Фюме и Кирилла Зайцева, в том числе о раздвоенности [33, p. 95] и двуличии Достоевского («le Satan converti et prosterne devant l'image du Christ»), Жак Мадоль отмечал: Клоделя привлекала в Достоевском его жажда Бога: «le désir de Dieu» [33, p. 116].

Остановим внимание на том, какой резонанс вызвали доклады К. Зайцева и Рене Лалу и какие порою скандальные мнения они провоцировали в дебатах. Так, своеобразным скандалом (т. е. поведением, выходящим за пределы французского savoir vivre и научной дискуссии по существу) на третьем заседании (впрочем, не только на этом) стало выступление Владимира Познера, автора книги «Panorama de la littérature russe moderne», впоследствии члена Французской компартии. Его речь была спровоцирована докладом Зайцева, отмечавшего исключительное значение «романной метафизики» Достоевского, соизмеряемой с произведениями таких философов, как Платон, Паскаль, Ницше.

На первый взгляд, полемика Познера с подобным восприятием Достоевского сводилась будто бы к его защите, как собственно писателя-романиста. По сути же, острие скандальной критики Познера касалось более существенного вопроса о свободе выбора самого предмета исследований и свободе интерпретации. «Настало время, — утверждал Познер, — провозгласить разделение Церкви и литературы. Зачем их соединять? Литературная критика не является предметом для рассуждений на философские темы, связанные с конкретным произведением» [33, p. 112].

Профессиональный и элегантный отпор этой точке зрения дал великолепный спорщик франко-русских заседаний — философ Жан Максанс: «Когда мы провозглашаем раздел (divorce) между духовностью и литературой, мы видим лишь кадр картины/произведения искусства. Нас же интересует его смысл, целостность смысла» [33, p. 113].

Согласно философу, такой подход ни в коем случае не исключает интереса к писательской технике Достоевского. По мнению Максанса, эстетика слова и вопросы духа (духовности) у Достоевского взаимосвязаны. Отсюда, по мысли философа, проистекает то, что привлекает французских писателей в Достоевском — это духовный и человеческий аспект; в его же «невообразимой художественной технике» — отражение пережитого человеческого опыта [33, p. 112].

Знаменательно в этом контексте методологическое credo Максанса: «Не существует раздела между литературой и человеком, между писателем и человеком. Достоевский подтверждает это луч-

ше других; есть между ними сверхглубокое единство». И далее: «Как бы ни подходить к нему, когда мы прикасаемся к гению, мы обнаруживаем сердце» [33, p. 113].

Позицию Максанса в его споре с Познером поддержал и теолог Леон Жийе: «Нельзя понять Достоевского без понимания, что он адресует миру послание/весть Бога. Нельзя понять Достоевского вне понимания его идеи о трансформации мира в целом». По словам критика, «Кана Галилейская в “Братьях Карамазовых”, претворение воды в вино Христом, выражает последнюю мысль Достоевского» [33, p. 114].

Идея расширить исследовательское поле литературной критики, определяемое онтологией произведений Достоевского, здесь очевидна и примечательна. И именно такой подход к Достоевскому, не замкнутый, а открывающийся на гетерономные, смежные области защищал в 1930 гг. Вяч. Иванов в письме Альфреду Бему, пражскому стороннику «околоструктуралистской позиции», выступая против «сужения границ анализа», ради возможности конструировать мировоззрение писателя, исходя не исключительно из биографической эмпирики [25, с. 439].

Сознавая важность этой аналогии и методологической установки, привлечем еще одно существенное положение из выступления Жийе, ибо оно касается кардинального вопроса: «литературное произведение — потребитель», «художественный вымысел — жизнь читателя» и бросает свет на восприятие некоторых персонажей Достоевского: «Когда речь идет об Алеше Карамазове, — отмечал критик, — то это не только фигура романа, не только фикциональный персонаж и предлагаемый идеал. Он является для них <читателей. — *М. Ц.-Л.*>, я хочу сказать для нас, способом жизни (un moyen de vie)» [33, p. 114].

Продолжая эту мысль, на другом (седьмом) заседании, Жийе утверждал: «Я знал в Париже Алеш Карамазовых, я встречал старцев Зосим (Je connais á Paris des Alocha Karamazov, je connais des starets Zosima) <…>» [33, p. 237].

Тем самым как бы предваряя эпистемологическую и методологическую позицию Поля Рикера (ученика Габриэля Марселя и его персоналистской, «конкретной» философии; [30]), он указывал на связь между литературой и жизнью; говоря же словами автора «Du texte à l’action», — на соотношение вымысла (фикции) и реальности — «миром текста» и «миром действия»; соотношение, в котором вымысел наделен способностью трансфигурировать (переделывать) реальность [9, с. 76–77; 37, p. 76], вторгаться в нее, осуществлять в

ней заданный в тексте смысл[5]. То есть, если применить язык философа ради осмысления статуса вышеназванных героев Достоевского, художественная фикция и мастерство писателя позволяют «показать новые возможности бытия-в-мире», открываемые в «бытии повседневном»; однако модальность касается не данного бытия («de l'être-donné»), но потенциального (предлагаемого) бытия, «du pouvoir-être» [37, p. 74]. Примечательно, что именно на эту способность художественной фикции обратил внимание один из участников заседаний Студии, критик и теоретик искусства Владимир Вейдле, отмечая, что в поэтическом вымысле «таинственно познается не преходящее бывание, а образ подлинного бытия» [21, с. 30]. При этом знаменательно, как подчеркивалось в дебатах, образ подлинного бытия был для Достоевского тесно связан с фигурой Христа, с трактовкой христианства и христианских ценностей.

Затрагивая вопрос о воздействии Достоевского на французских писателей, участники Студии подчеркивали, что эти писатели — особенно Андре Жид — недооценивали значения христианства в мировоззрении Достоевского [33, p. 76–77]. Впрочем, о границах понимания иноязычного писателя, Достоевского в частности, Жан Максанс говорил уже на втором заседании Студии, освещая вопрос о воздействии русской литературы на французских писателей [33, p. 73].

Для выявления роли Достоевского в дебатах Франко-русской студии особое значение имеет доклад Бориса Вышеславцева «Пруст и объективная Трагедия» («Proust et la Tragédie objéctive»), прочитанный на пятом заседании (25 февраля 1930 г.). Этот доклад заслуживает внимания, поскольку русский мыслитель предлагает в нем опыт не сопоставления (опасного, по мнению одной из участниц дебатов) Пруста и Достоевского, а мотивированного соотнесения их мировоззрений и эстетик. Уточняя, Вышеславцев истолковывает Пруста сквозь призму Достоевского. Достоевский делается мерилом оценок и точкой отсчета в понимании Пруста.

Однако в этом сказывается отнюдь не субъективистская стратегия философа, а особая установка его мышления, отмеченного пережитым историческим опытом, говоря его словами, «шоком революции» [33, p. 171]. Отсюда акцентирование основного различия между Достоевским и Прустом. Творчество первого прикасается трагедийности человеческого существования, творчество второго — нет.

Исходным моментом соотнесения Пруста с Достоевским служит

---

[5] Мир текста, согласно Рикеру, надлежащий быть вскрытым в акте интерпретации, это “proposition du monde” [34, p. 71].

Вышеславцеву знаменитая формула — «Tous sont resposables de tout et tous sont coupables pour tous»: «Все ответственны за все и все виноваты перед всеми» [33, p. 168][6], которую впоследствии использует Левинас[7], делая ее основанием своей этики ответственности (отзвук этой идеи мы находим и в дневниках Поплавского, и в его выступлении на третьем заседании Студии). Для Вышеславцева же эта формула есть свидетельство вовлеченности бытия единичного человека в бытие других людей, их взаимосвязи и соучастия в испытании трагедийности жизни и в общей, «единоличной» (как говорит Достоевский) причастности трагической вине. Этого экзистенциального опыта, по Вышеславцеву, лишено творчество Пруста. Выступление Жана Максанса в дебатах с его отсылкой к книге B. Crémieux «Le XX siècle…» (1924), в сущности, подтверждало позицию Вышеславцева.

Существенным представляется также второй момент доклада и интерпретации Вышеславцева; он связан с категорией подлинного человеческого «я», которая, по мнению докладчика, присутствует у Достоевского и отсутствует у Пруста. Это подлинное человеческое «я» Вышеславцев определяет библейским термином — *homo cordis absconditus*[8], потаенный человек сердца, почивающий в его духовном центре [33, p. 170].

«Философы, писатели, — утверждает Вышеславцев, — всегда искали и ищут этот потаенный центр, находя в нем источник духовной жизни человека, познания и бессмертия» [33, p. 169].

Согласно Вышеславцеву, Пруст не видит и не верит в существование *absconditus cordis homo*, останавливаясь — создавая свои чудесные образы, — на поверхности души. Иначе Достоевский: «Сквозь изменчивое течение внутренней жизни человека и видимые свойства оформленных характеров, он сумел прекрасно опознать и нам показать невидимое подлинное *я* — мистическую вершину души.

---

[6] Вышеславцев апеллирует к культурной памяти читателя, отчасти перефразируя высказывание из IV и VI книг романа «Братья Карамазовы», акцентируя известную мысль («догмат») Достоевского, в сокращенной форме присутствующей у Иванова, Левинаса и др. ср.: «Ибо знайте, милые, что каждый единый из нас виновен за всех и за вся на земле несомненно, не только по общей мировой вине, а единолично каждый за всех людей и за всякого человека на сей земле», а также «…всякий из нас перед всеми и за все виноват, а я более всех»; «воистину всякий перед всеми и за все виноват» [23, с. 149, 262].

[7] Подробнее см. [13].

[8] Сокровенный сердца человек (*лат.*). Эта категория, использованная в I послании апостола Петра (1-ое Петра, 3: 3–4), в интерпретации Вышеславцева определяет «глубочайший центр» личности, ее метафизическое начало, «таинственную глубину», «самость». Подробнее см.: [14, с. 20–22].

И это в столкновении с Богом, когда это “я” становится очевидным» [33, p. 169].

Основное достижение Достоевского, по Вышеславцеву, сказывается в представлении об уникальности человеческой личности и глубинном аспекте ее бытия, о наличии личностного ядра человека. Иначе у Пруста: где, по мнению философа, бытие индивидуальности — это «простая коллекция моментов»[9].

Контекстом, проясняющим эту точку зрения, думается, может служить высказывание критика, поэта, дантолога Ильи Голенищева-Кутузова:

«Если божественное “я” вынуть из человека, остаются лишь прустовские душевные состояния, фрейдовские комплексы, которые лавинами низвергаются в пустоту небытия <…>. Основной проблемой современной литературы является поэтому связь душевных состояний с незыблемым принципом нашего бытия. Уже порождается индивидуализм без “я”, как уже существует психология без души. Не “поиск утраченного времени”, но поиск затерянного “я” вскоре станут стимулом творчества» [22, с. 211].

Взгляд русского критика, созвучный с мнением Вышеславцева, бросает дополнительный свет на подспудную интенцию его выступления во Франко-русской студии. Тут есть еще одна перекличка, отсылающая к прустовскому концепту «поисков утраченного времени», хотя у Вышеславцева комментарий с ним связанный — другой: «Нет для нашего поколения <эмигрантов. — *М. Ц.-Л.*> соблазна более сильного, чем продолжать оставаться в поиске утраченного времени» [33, p. 171].

Это высказывание можно считать существенным идеологическим контекстом истолкования Достоевского в докладе философа и присущей ему персоналистской установки, которая ставит Вышеславцева в ряд других русских мыслителей, создателей философской персонологии.

Значение и роль Достоевского в деле формирования русской философской персонологии сознавали, очевидно, и французские мыслители. На шестом заседании Франко-русской студии Жан Максанс, поднимая вопрос о гуманизме вне «события Бога» у Андре Жида, предостерегал от его последствий: «стерилизации» личности, избавленной от Божественного. Опираясь на слова Поля Клоделя,

---

[9] С этой точкой зрения, «защищая» Пруста в дебатах, не соглашалась Марина Цветаева [33, p. 181–182], отмечая, что Пруст указывает не «поверхность вещей», а «*страдание* вещей».

Максанс говорил: “Кто отрицает Бытие — а через Бытие Клодель понимал Бога — тот отрицает свое собственное существование[10] [33, p. 212].

Выступление Максанса имело место 25 марта 1930 г., а несколько раньше, т. е. 25 февраля того же года, подобное предостережение прозвучало в качестве заключительного слова именно у Вышеславцева: «Я думаю, что ритм Истории изменился не только для нас, русских, но также для вас <французов. — *М. Ц.-Л.*>, и возможно всего мира <…>. Идут трагические столкновения во всех областях. Возникает нужда в душах более религиозных, более героических, более атлетических, обращенных к будущему, к вечности» [33, p. 171].

О востребованности нового типа душ в эпоху кризиса ценностей, о заботе об Anima и опасности провозглашаемого коллективизма как идеала будущего массового человека писал в эти годы Вяч. Иванов, автор изданной на немецком языке книги «Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика», а также в статье 1934 г. «Размышления об установках современного духа» [см.: 13].

***

«Нам нужен Достоевский <…>» — слова, которые Хорхе Семпрун высказывает в книге «L’Écriture ou La Vie» («Письмо или Жизнь») и цитирует Поль Рикер в своих последних записях [40, с. 60], — могли бы стать итогом предложенного здесь исследования одного сюжета из интеллектуальной жизни русской эмиграции в Париже в ее творческой встрече с французской культурной элитой. Между тем процитированное высказывание у обоих авторов используется в общей экспрессивной интенции: чтобы выразить жестокость Зла и удел человека в нем — нужен гений Достоевского. Этот писательский гений изначально прикоснулся сфере Зла[11], поэтому всякое, особенно в XX в., желание описать этот опыт, причастность Злу и экзистенциальную ситуацию человека справиться с ним, думается, без отсылки к Достоевскому — его знаменитым кодовым формулам, обойтись не может. Не только русская эмигрантская мысль, возникшая на достижениях дореволюционной литературы [2, с. 479–486; 8, с. 92], но и европейская гуманистическая рефлексия XX в. впитывают в себя, в свой интеллектуальный горизонт ключевые формулы/завещания Достоевского. Говоря словами великого поклонника и истолковате-

[10] О проблеме русские писатели и Клодель см. [5; 10].

[11] Это особо подчеркивает Вяч. Иванов [26, с. 99], отчасти М.М. Бахтин и почти все участники заседаний в Le Studio Franco-Russe.

ля творчества русского классика, Э. Левинаса, Достоевский входит в круг тех «noms propres», собственных имен (культурологем), которые, вдохновляя, помогают говорить [35, p. 9], исполняя функцию «смыслодателей». В книге «О Морисе Бланшо» находим знаменательные слова: «вот мир <…>, достигающий целостности в своем безразличии по отношению к ценностям (добро стоит зла и наоборот), мир, обретающий целостность в безразличии “все дозволено” Достоевского» [28, с. 56][12].

Свою этику (как «первую философию» и мышление об ответственности за Другого) Левинас, как мы знаем, строит с оглядкой на Достоевского [15; 35, p. 18] и на то, что ему, по определению Вяч. Иванова, открылось как «опыт проникновения» [27, с. 52], как «внутренний опыт ответственности всех за всех и вины каждого пред всеми за всех и за все, — вины и, стало быть, благодатной помощи» [26, с. 99].

Поэтому целесообразно в завершение статьи, дополняя вышесказанное, с учетом бахтинской идеи большого времени и предвосхищения будущего/далекого контекста, растущего, незавершенного [4, с. 350–372], а также методологической подсказки Сергея Хоружия [12, с. 23], назвать и другие примеры актуализации и реконтекстуализации формул Достоевского. Они связаны с толкованием положительных персонажей Достоевского (о некоторых из этих персонажей речь шла в дебатах Студии) и их глубинного смысла, а именно фигуры князя Мышкина. Как символическая фигура и знаковое имя Мышкин попадает в поле рефлексии двух знаменитых философов XX в. — Карла Ясперса и Поля Рикера.

Имя героя Достоевского появляется у Ясперса в связи с исследованием проблемы «Ницше и христианство» и ницшевским уподоблением Христа князю Мышкину; в итоге — с отказом философа придавать Иисусу значение героя или гения. Согласно Ницше, «…c’est un tout autre mot qui serait plutôt à sa place ici, le mot idiot» («Это иное слово было бы здесь на месте, слово *idiot*»). Ясперс считает, что Ницше употребил это слово в значении, которое применил

[12] Целесообразно и продуктивно соотнести слова (диагноз) Левинаса с отсылкой к идее «вседозволенности» Достоевского в размышлениях Сергея Аверинцева о «кодовых словах современности», либеральных ценностях, секуляризации современного мира, опровергающего традиционные аксиологические установки. Знаменательна при этом частотность обращения ученого к Достоевскому и прочитывание/осмысление культурной ситуации и идеологии Восточной и Западной Европы XX–XXI вв. через призму концептуальных понятий в творчестве писателя [1, с. 396–397].

Достоевский по отношению к князю Мышкину [32, p. 297], хотя — добавим — в романе оно многозначно и поливалентно.

Иначе, более сложно и глубоко, дело обстоит в книге Рикера «Parcours de la reconnaissance» («Пути признательности»), где отсылка к кн. Мышкину оказывается релевантной в рассуждениях о категории *agapé*[13]. Ибо Мышкин предстает здесь как агапический человек, *l'homme de l'agapé*, Достоевский же — как изобретатель нового типа героя. Значимость этого изобретения и ценностный ранг фигуры Мышкина, не всегда представленный в переводе [38], проясняет следующее высказывание: «Dostoïevski a donné à ce innocent la figure inoubliable de *l'Idiot*. Non que le prince Mychkine soit ce qu'on appelle ordinairement un idiot. Il a une intelligence stupéfiante <…>. Mais il n'arbitre pas selon la règle de justice <…>» («Достоевский одарил этого невинного незабывалой фигурой *Идиота*. Не то чтобы князь Мышкин был тем, кто обычно называется идиотом. Он обладает интеллигенцией дурацкой <…> Но он не действует по юридическому принципу») [39, p. 349].

Согласно Рикеру, Мышкин мыслит и действует по правилам щедрой любви, *agapé*, чуждым обыденному и расчетливому миру (*le monde du calcul*). Вспомним ради подтверждения трогательные слова героя о счастье, испытываемом человеком при встрече с деревом, цитируемые Зеньковским; они отражают мировидение агапического героя: «Я не понимаю, говорит князь Мышкин, как можно проходить мимо дерева и не быть счастливым, что видишь его» [24, с. 41].

Третий показательный пример присутствия Достоевского в гуманистике XX в. в качестве смыслодарителя — формула «Красота спасет мир». Она использована в Нобелевской лекции Иосифа Бродского в контексте рассуждений о первенстве эстетического чувства/опыта перед этическим [19, с. 246]. Очевидно, Бродский акцентирует высший ценностный ранг *эстетического* в иерархии ценностей, но при этом он указывает на их глубинное соотношение, отмечая: «эстетика — мать этики» [19, с. 247]. Эстетический опыт формирует личность и ее неповторимость, развивает в человеке потребность свободы. Эстетическая реальность «уточняет» для человека реальность этическую [19, с. 245]. Поэт проясняет и обогащает семантический объем формулы Достоевского, учитывая новый исторический опыт

[13] В отличие от любви — эроса, категория *agape* определяет суть христианской любви, любви — жалости. Как известно, эту категорию концептуализируют Нюгрен, Н. Бердяев, С. Булгаков, Вяч. Иванов, и, конечно, Рикер, который обогащает это осмысление.

Зла — сталинских преступлений и жертв, выявляет ее «прикладной смысл» [19, с. 245]. Можно ли в связи с этим заключить, что его концептуализация противоречит взгляду Василия Зеньковского или же просто не согласуется с ним? Или же, вскрывая ее потенции, скорее его дополняет, возводя на новый уровень значение знаменитой фразы?

По мнению Зеньковского, «в формуле о спасении мира через красоту дана не апология искусства, а дана *религиозная идея* — спасения мира через святость, через восстановление образа Божия в нас» [24, с. 49]. Согласно Зеньковскому, «спасение приходит не извне, а от самой сущности человека, если она "святится", т. е. сбрасывает силу греха» [24, с. 47]. Несомненно, Зеньковский толкует Достоевского посредством религиозных понятий (грех, «святыня души», сила св. Духа и др.), Бродский — эстетико-этических. Но у них обоих начало эстетическое трактуется как целостное, внутренне соединенное с моральной (у Бродского) и религиозной сферой человеческой жизни (у Зеньковского) [24, с. 49]. Оба мыслителя говорят различными словами о сущности человека, о возможностях ее преобразования/преображения — рискнем сказать — на пайдевтическом пути (см. Поучения Зосимы о восстановлении благолепного образа человека). Знаменательно, что в своей интерпретации идеи спасения и «загадки» красоты, ссылаясь на известные слова кн. Мышкина и утопичность его мышления, Зеньковский в качестве поясняющего комментария и контекста использует полифонический «роман великого христианского писателя "Братья Карамазовы"», который цитируемый Андре Мальро называл «пятым Евангелием» [10, с. 53].

Ставя акцент на *пророческом* слове Достоевского, связанном с Евангелием, и ценностной установке, соотнесенной с символикой Каны Галилейской, вышеупомянутые участники дебатов в Le Studio Franco-Russe этот пайдевтический смысл (в раннехристианском его понимании, *imitatio Christi* [7]) прозревали. Они осознавали, что такой смысл, одновременно универсальный и *ответный* (Бахтин), задан семантической открытостью произведений писателя, подсказывающей новые измерения гуманистической мысли. Ведь именно это, «инициативную силу» творений Достоевского, обнаруживали примерно в то же историческое время уже упоминаемые видные интерпретаторы его творчества: Вяч. Иванов и Зеньковский. Последний отмечал, что «Достоевский умер, не досказав того, что ему открылось. А нам можно досказать его мысли до конца лишь в том случае, если мы поймем диалектику исканий Достоевского, поймем почему красота стала для него "загадкой"» [24, с. 60].

Доклады и дебаты во Франко-русской студии[14], о которых речь шла выше, думается, внесли важный вклад в процесс «досказывания» и творческого понимания мировоззренческих построений и открытий Достоевского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Аверинцев С.* Духовность Восточной Европы и ее вклад в формирование новой европейской идентичности // Человеческая целостность и встреча культур. Киев: Дух і літера, 2007. 408 с.
2. *Багно В.* “Легенда о Великом Инквизиторе” в эмигрантском дискурсе // Consortium omnis vitae. Сб. статей к 70-летию проф. Ф.П. Федорова. Daugavpils: Saule, 2009. С. 479–486.
3. *Барт Р.* Ролан Барт о Ролане Барте. М.: Ad Marginem Пресс. 2014. 223 с.
4. *Бахтин М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 444 с.
5. *Гальцова Е.* Достоевский в автобиографических произведениях и переписке Поля Клоделя // Наваждения: К истории «русской идеи» во французской литературе XX века. М.: Наука, 2005. С. 76–113.
6. Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. М.: РИК, Культура, 1993. 199 с.
7. *Иегер В.* Раннее Христианство и греческая пайдейя / пер. и вступ. ст. О.В. Алиевой. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2014. 215 с.
8. *Полонский В.* Хилиастическая трансформация новозаветной образности в поздней историософии Д.С. Мережковского // Вечные сюжеты и образы. М.: Индрик, 2018. С. 400–421.
9. *Рикёр П.* Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М.: Academia, 1995. 159 с.
10. *Сливинская О.* Библия в жизни и творчестве Андре Мальро // Поэт и Библия. Le poète et la Bible. СПб: СПбГУ, 2006. С. 51–56.
11. *Токарев Д.В.* «Русская душа» и “ésprit français”: обсуждение художественных и идеологических проблем на заседаниях Франко-русской студии в Париже (1929–1931) // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб.: Пушкинский Дом; Петрополис, 2010. С. 457–478.

[14] К сожалению, уже на этапе издательской редакции настоящей работы я узнала (благодарю Е.Р. Пономарева за эту указку) о существовании статьи моего уважаемого коллеги Д. Токарева, посвященной «обсуждениям» художественных и идеологических проблем на заседаниях Франко-русской студии [см.: 11].

12. *Хоружий С.* Наследие Владимира Соловьева сто лет спустя / ред. Борисова И., Козырев А. // Соловьевский сборник. М.: Феноменология-Герменевтика. 2001. С. 1–28.
13. *Цимборска-Лебода М.* «Забота об Anima» — Вячеслав Иванов как соучастник диалога с современностью // Загадка модернизма: Вячеслав Иванов. / отв. ред. Н. Сегал-Рудник. М.: Водолей, 2021. С. 198–214.
14. *Цимборска-Лебода М.* Homo cordis absconditus. «Текст сердца» и фигура сердца в русской философии и литературе XX века (введение в тему) // "Życie serca". Duch-dusza-ciało i relacja Ja-Ty w literaturze i kulturze rosyjskiej XX–XXI wieku / red. M. Cymborska-Leboda i współp. Lublin: Wyd. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2012. С. 15–30.
15. *Цимборска-Лебода М.* Философия как палимпсест. Эммануэль Левинас и Достоевский // Przegląd Rusycystyczny. 2023. № 2 (182). С. 29–52. DOI: 10.31261/pr.15340
16. *Livak L.* Introduction; Les participants du Studio // Le Studio Franco-Russe 1929–1931 / Textes réunis et présentés par L. Livak, sous la réd. de G. Tassis. Toronto: Toronto Slavic Library, 2005. Vol 1. 623 p.
17. *Livak L.* L'Histoire culturelle de l'émigration russe en France. Paris: Institut des Études Slaves, 2022. 364 p.

Источники

18. *Бердяев Н., Вышеславцев Б.* Духовные задачи русской эмиграции // Путь. 1925. № 1. С. 8–10.
19. *Бродский И.* Нобелевская лекция // Поклониться тени. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 240–255.
20. *Бубер М.* Два образа веры. М.: АСТ, 1999. 590 с.
21. *Вейдле В.* «Над вымыслом слезами обольюсь…» // Числа. 1934. Кн. 10. С. 228–230.
22. *Голенищев-Кутузов И.* От Рильке до Волошина. М.: Русский путь, 2005. 327 с.
23. *Достоевский Ф.* Братья Карамазовы. Кн. I–X. // *Достоевский Ф.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Художественные произведения. М.: Наука, 1976. Т. 14. 511 с.
24. *Зеньковский В.* Проблема красоты в миросозерцании Достоевского // Путь. 1933. № 37. С. 36–60.
25. *Иванов Вяч.* Pro et Contra. Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. Спб.: Изд. Русской христианской гум. академии. 2016. Т. 2. 959 с.
26. *Иванов Вяч.* Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика / отв. ред. А. Шишкин, О. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2021. 475 с.

27. *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. Т. 3. 896 с.
28. *Левинас Э.* О Морисе Бланшо / сост. и пер. В. Лапицкий. СПб: Machina, 2009. 115 с.
29. *Маритен Ж.* Метафизика и мистика // Путь. 1926. № 2. С. 88–100.
30. *Марсель Г.* Опыт конкретной философии / пер. В.П. Большакова, В.П. Визгина; общ. ред., послесл. и примеч. В.П. Визгина. М.: Республика, 2004. 224 с.
31. *Поплавский Б.* Собр. соч.: в 3 т. / сост., коммент., подг. текста А. Богословского, Е. Менегальдо. М.: Русский путь; Согласие, 2009. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма. 623 с.
32. *Jaspers K*. Nietzsche et le christianisme, suivi de Raison et existence / trad. par J. Hersch et R. Givord. Paris: Fayard, 2003. 332 p.
33. Le Studio Franco-Russe 1929–1931 / Textes réunis et présentés par L. Livak, sous la réd. de G. Tassis. Toronto: Toronto Slavic Library, 2005. Vol. 1. 623 p.
34. *Lévinas E*. Hors sujet. / Paris: Fata Morgana, 1976. 220 p.
35. *Lévinas E*. Noms propres. Paris: Fata Morgana, 1997. 154 p.
36. *Maritain J.* Carnet de Notes. Paris: Desclée de Brouwer, 1965. 445 p.
37. *Ricoeur P.* Cinq études herméneutiques. Genève: Labor et fides, 2013. 140 p.
38. *Ricoeur P.* Drogi rozpoznania / przeł. Y. Margański Kraków: Znak, 2004. 270 s.
39. *Ricoeur P.* Parcours de la reconnaissance. Trois études. Paris: Gallimard, 2005. 431 p.
40. *Ricoeur P.* Żyć aż do śmierci oraz Fragmenty / przeł. A. Turczyn. Kraków: Universitas, 2008. 148 s.

REFERENCES

1. Averintsev, S. “Dukhovnost’ Vostochnoi Evropy i ee vklad v formirovanie novoi evropeiskoi identichnosti” [“Spirituality of Eastern Europe and its Contribution in the Formation of New European Identity”]. *Chelovecheskaia tselostnost’ i vstrecha kul’tur* [*Human Integrity and Meeting of Cultures*]. Kyiv, Dukh i litera Publ., 2007. 408 p. (In Russian)
2. Bagno, V. “‘Legenda o Velikom Inkvizitore’ v emigrantskom diskurse” [“‘The Legend of Grand Inquisitor’ in Émigré Discourse”]. *Consortium omnis vitae. Sbornik statei k 70-letiiu professora F.P. Fedorova* [*Consortium omnis vitae. Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Professor F.P. Fedorov*]. Daugavpils, Saule Publ., 2009, pp. 479–486. (In Russian)
3. Bart, R. *Rolan Bart o Rolane Barte* [*Roland Barthes on Roland Barthes*]. Moscow, Ad Marginem Press, 2014. 223 p. (In Russian)

4. Bakhtin, M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [*The Aesthetics of Verbal Art*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 444 p. (In Russian)
5. Gal'tsova, E. "Dostoevskii v avtobiograficheskikh proizvedeniiakh i perepiske Polia Klodelia" ["Dostoevsky in Autobiographical Works and in Paul Claudel's Correspondence"]. *Navazhdeniia: K istorii "russkoi idei" vo frantsuzskoi literature XX veka* [*Dellusions: Towards the History of the "Russian Idea" in French Literature of the 20th Century*]. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 76–113. (In Russian)
6. *Zhak Derrida v Moskve: dekonstruktsiia puteshestviia* [*Jacques Derrida in Moscow: Deconstruction of a Journey*]. Moscow, RIK Publ., Kultura Publ., 1993. 199 p. (In Russian)
7. Ieger, V. *Rannee Khristianstvo i grecheskaia paideiia* [*Early Christianity and Greek Paideia*], trans. and foreword by O.V. Aliyeva. Moscow, Greko-Latinskiy kabinet Yu.A. Shchilina Publ., 2014. 215 p. (In Russian)
8. Polonskii, V. "Khiliasticheskaia transformatsiia novozavetnoi obraznosti v pozdnei istoriosofii D.S. Merezhkovskogo" ["Chiliastic Transformation of the New Testament Imagery in D.S. Merezhkovsky's Late Historiosophy"]. *Vechnye siuzhety i obrazy* [*Eternal Plots and Images*]. Moscow, Indrik Publ., 2018, pp. 400–421. (In Russian)
9. Riker, P. *Germenevtika. Etika. Politika. Moskovskie lektsii i interv'iu* [*Hermenutics. Ethics. Politics. Moscow's Lectures and an Interview*]. Moscow, Academia Publ., 1995. 159 p. (In Russian)
10. Slivinskaia, O. " Bibliia v zhizni i tvorchestve Andre Mal'ro" ["The Bible in the Life and Works of André Malraux"]. *Poet i Bibliia. Le poète et la Bible.* [*The Poet and the Bible. Le poète et la Bible*]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2006, pp. 51–56. (In Russian)
11. Tokarev, D. "'Russkaia dusha' i 'ésprit français': obsuzhdenie khudozhestvennykh i ideologicheskikh problem na zasedaniiakh Franco-russkoi studii v Parizhe (1929–1931)" ['The Russian Soul' and 'Esprit Français': A Discussion of Artistic and Ideological Issues at the Meetings of the Franco-Russian Studio in Paris (1929–1931)"]. *K istorii idei na Zapade: "Russkaia ideia"* [*On the History of Ideas in the West: "The Russian Idea"*]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ.; Petropolis Publ., 2010, pp. 457–478. (In Russian)
12. Khoruzhii, S. " Nasledie Vladimira Solov'eva sto let spustia" ["Vladimir Solovyov's Heritage after 70 Years"], eds by Borissova I., Kozyrev A. *Solov'evskii sbornik* [*Solovyov's Collection*]. Moscow, Phenomenology — Hermeneutics Publ., 2001, pp. 1–28. (In Russian)
13. Tsimborska-Leboda M. "'Zabota ob Anima' — Viacheslav Ivanov kak souchastnik dialoga s sovremennost'iu" ["'Caring for Anima' — Vyacheslav Ivanov as a Co-Participant in the Dialogue with Contemporary Times"]. *Zagadka Modernizma: Viacheslav Ivanov* [*The Enigma of Modernism: Viacheslav*

Ivanov], ed. by N. Segal-Rudnik. Moscow, Vodoley Publ., 2021, pp. 198–214. (In Russian)
14. Tsimborska-Leboda, M. “Homo cordis absconditus. ‘Tekst serdtsa’ i figura serdtsa v russkoi filosofii i literature XX veka (vvedenie v temu) [“Homo cordis absconditus. ‘The Text of the Heart’ and the Figure of the Heart in Russian Philosophy and Literature of the 20th Century (Introduction to the Topic)”]. *“Życie serca”. Duch — dusza — ciało. Relacja z ‘Ja-Ty’ w literaturze i kulturze rosyjskiej XX wieku* [*“The Life of the Heart”. Spirit — Soul — Body. Relation ‘I — Thou’ in Russian Literature and Culture of the 20th Century*], ed. by M. Cymborska-Leboda et al. Lublin, Maria Curie-Sklodowska University Publ., 2012, pp. 15–30. (In Russian)
15. Tsimborska-Leboda, M. “Filosofiia kak palimpsest. Emmanuel’ Levinas i Dostoevskii” [“Philosophy as Palimpsest. Emmanuel Levinas and Dostoevsky”]. *Przegląd Rusycystyczny*, no.2 (182), 2023, pp. 29–52. DOI: 10.31261/pr.15340 (In Russian)
16. Livak, L., *Introduction; Les participants du Studio. Le Studio Franco-Russe 1929–1931. Vol. 1.*, textes réunis et présentés par L. Livak, sous la réd. de G. Tassis. Toronto, Toronto Slavic Library Publ., 2005. 623 p. (In French)
17. Livak, L. L’ Histoire culturelle de l’émigration russe en France. Paris, Institut des Études Slaves, 2022. 364 p. (In French)

Дата поступления статьи: 14 апреля 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 17 июля 2024 г.
Дата публикации: 29 декабря 2025 г.

Received: April 14, 2024
Approved after reviewing: July 17, 2024
Date of publication: December 29, 2025

Научная статья

УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-385-427
https://elibrary.ru/GWFGNG

КНИГА КОНЦЕРТНОГО ЗАЛА РУССКОГО ДОМА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ

© 2025 г. И.Н. Антанасиевич

Аннотация: Книга концертного зала Русского дома в Белграде, переданная Архивом Югославии к 80-летию учреждения, представляет ценный источник по истории русской эмиграции. В статье предпринята попытка комплексного анализа этого документа, выходящего за рамки традиционного описания событий. Исследование показывает, что для его полноценного изучения недостаточно стандартных методов каталогизации — требуется разработка новых аналитических подходов. Особую ценность книге придает ее двойственная природа: это одновременно административный регистр мероприятий и уникальное свидетельство процессов культурного самоопределения эмиграции. Анализ структуры и содержания позволяет проследить механизмы формирования «зарубежной России» в миниатюре — от стратегий институционального выживания до индивидуальных практик сохранения идентичности. Документ отражает не только официальную деятельность Русского дома как центра диаспоры, но и живую ткань культурной жизни эмигрантского сообщества. Такой многоуровневый анализ источника открывает новые перспективы в изучении истории русской эмиграции, демонстрируя, как через призму локального документа можно исследовать глобальные процессы культурной адаптации и сохранения национальной идентичности в изгнании.

Ключевые слова: Русский дом, Книга концертного зала, история русской эмиграции в Белграде, русские эмигрантские учреждения в Белграде.

Информация об авторе: Ирина Николаевна Антанасиевич — доктор филологических наук, ординарный профессор, Университет в Белграде, Студенческая пл., д. 3, 11000 г. Белград, Сербия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0709-6768
E-mail: antiira@mail.ru

Для цитирования: *Антанасиевич И.Н.* Книга концертного зала Русского дома как исторический документ // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Вып. 3 / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 385–427.
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-385-427

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

THE GUEST BOOK OF THE RUSSIAN HOUSE CONCERT HALL AS A HISTORICAL DOCUMENT

© 2025. Irina N. Antanasievich

Abstract: The Concert Hall Book of Belgrade's Russian House, transferred by the Archives of Yugoslavia to mark the institution's 80th anniversary, represents a valuable source on the history of Russian emigration. This article attempts a comprehensive analysis of this document that goes beyond traditional event chronicling. The study demonstrates that standard cataloging methods prove insufficient for its complete examination — requiring the development of new analytical approaches. The book derives particular significance from its dual nature: it serves simultaneously as an administrative register of events and a unique testimony to emigres' cultural self-determination processes. Analyzing its structure and content reveals the mechanisms of creating a miniature "Russia Abroad" — from institutional survival strategies to individual identity preservation practices. The document reflects not only the Russian House's official activities as a diaspora center but also the living fabric of emigrant cultural life. Such multilayered analysis of the source opens new perspectives in studying Russian emigration history, demonstrating how a local document can illuminate global processes of cultural adaptation and national identity preservation in exile.

Keywords: The Russian House, Concert Hall Guest Book, history of the Russian emigration in Belgrade, Russian émigré institutions in Belgrade.

Information about author: Irina N. Antanasievich, DSc in Philology, Professor, University of Belgrade, Student Sq., 3, 11000 Belgrade, Republic of Serbia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0709-6768
E-mail: antiira@mail.ru

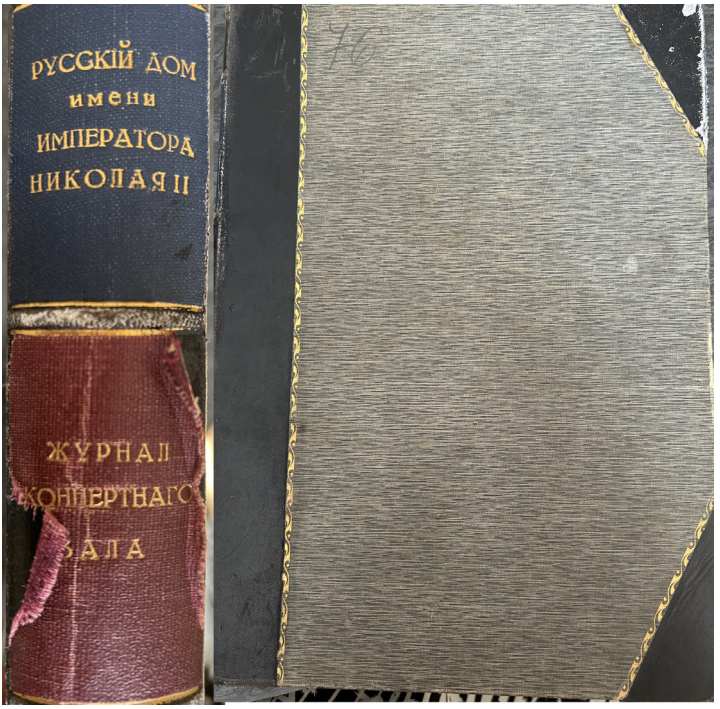
For citation: Antanasievich, I. "The Guest Book of the Russian House Concert Hall as a Historical Document." *Emigrantica*. Issue 3, ed.-comp. E.R. Ponomarev, acad. ed. E.R. Ponomarev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 385–427. (In Russian)
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-385-427

Книга концертного зала[1], переданная Архивом Югославии Русскому дому в Белграде в честь его восьмидесятилетия, представляет собой реестр, в который внесен перечень мероприятий, проводившихся на сцене концертного зала Русского дома имени Императора Николая II с 9 апреля 1933 г. (дня открытия Русского дома в Белграде) до 28 октября 1936 г. Кроме того, в Книге расписывались почетные гости. Это единственная сохранившаяся книга такого рода. Особенности формата Книги делают ее ценным историческим источником, который интересен как сам по себе, так и в корреляции с другими источниками (архивные документы и пресса того времени). Настоящая попытка предварительного осмысления этого документа может заполнить некоторые существующие ныне лакуны, касающиеся жизни русской эмиграции в Белграде, а также добавить существенные детали к уже известным сведениям.

О самой Книге косвенно упоминается в брошюре Издательской комиссии в Белграде, приуроченной ко дню открытия Русского дома [22] и в исследованиях, связанных с открытием и деятельностью Русского дома в Белграде (перечень по хронологии): [1; 2; 4; 5; 7; 8; 9; 10; 12; 14; 15], но сама по себе она как документ эпохи до сих пор не изучалась.

Книга открывается фотографиями концертного зала, что дает

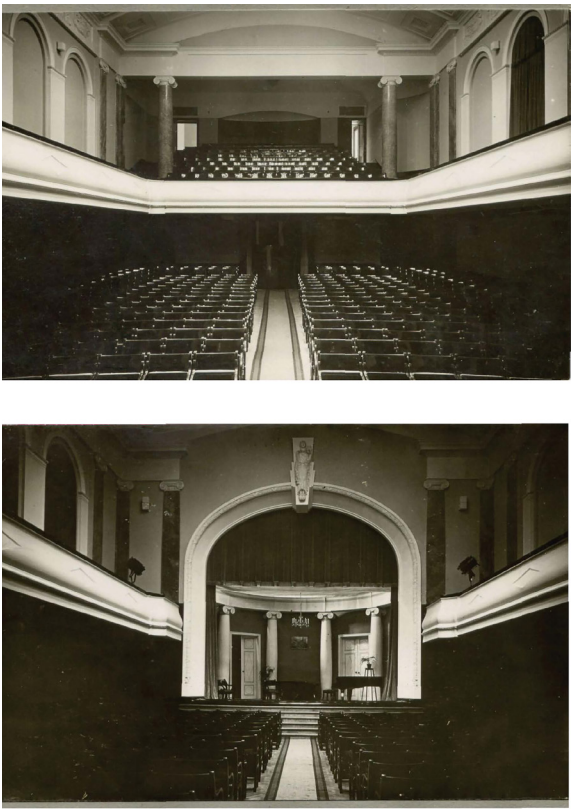
[1] Документ хранится в Русском доме и не имеет архивной описи. В дальнейшем: Книга; ссылки на документ: [Книга].



Илл. 1. Обложка и форзац Книги концертного зала [Книга]

нам представление о том, как он выглядел в момент постройки. Эти фотографии появляются позже и в брошюре Издательской комиссии: по ним мы можем понять, как выглядел концертный зал в период до Второй мировой войны. Нынешний вид зала является результатом перестройки Русского дома в период 1947–1948 гг. (проект изменений фасада и интерьеров Русского Дома подписан Григорием Самойловым и хранится в архиве Музея науки и техники в Белграде).

Изначально получивший название Русского общедоступного театра (с залом на 750 мест), концертный зал иногда рассматривался как автономная часть Русского дома, о чем свидетельствует и статья в газете «Политика» (22 апреля 1933 г.), которая посвящена открытию концертного зала (19 апреля, через 10 дней после открытия Русского дома), где говорится, что Белград получил прекрасный концертный зал с чудесной акустикой, которого городу так не хватало [30, с. 11].



Илл. 2. Фотографии концертного зала из Книги [Книга]

Тем не менее первые страницы Книги скорее представляют собой не перечень мероприятий, а памятную книгу (позже формат изменится) и открываются записью, свидетельствующей о начале работы Русского дома: «9 апреля 1933 года в 11 часов 30 минут утра[2]. Освящение и открытие Русского дома в Высочайшем присутствии Ее Величества Королевы Марии, их Королевских высочеств — Князя Павла, Княгини Ольги, принцесс Марины и Елизаветы»[3]. Внизу

[2] Далее формат записей обязательно будет содержать информацию о дате, дне недели и времени проведения события.

[3] Здесь и далее сохраняется стиль оригинала, который дан в современном правописании.

записи стоят подписи членов Русского культурного комитета: А. Белич[4], В. Штрандман[5], Б. Орешков[6]. Далее информация на странице повторяет программу открытия Русского дома, которая вклеена в Книгу и предваряет собой первую запись: молебен (протоиерей П. Беловидов[7]), выступления женского и мужского хоров Первой русско-сербской гимназии и Объединенного хора под управлением И. Слатина[8], а также торжественные речи от представителей тех организаций, которые позже станут частью Русского дома (переедут в него): Русский научный институт — выступление Ф. Тарановского,[9] Русская публичная библиотека — выступление В. Брянского[10], Союз писателей и журналистов — выступление А. Ксюнина[11], Русское музыкальное общество — выступление В. Бельского[12], Союз русских художников — выступление В. Баумгартена, автора архитектурного проекта Русского дома[13], Русский сокол — выступление В. Пронина[14]. Все выступавшие поставили свои подписи на странице.

При открытии Русского дома в числе присутствующих гостей, кроме упомянутых в записи членов Королевского дома Карагеоргиевичей, корреспонденты белградских газет [28, с. 3; 29, с. 7] называют министра иностранных дел Боголюба Ефтича, министра просвещения Раденко Станковича, послов США и Чехословакии,

---

[4] Александр Белич (1876–1960) — председатель Русского культурного комитета (серб. *Руски културни одбор*) в Белграде и председатель Государственной (Державной) комиссии по делам русских беженцев.

[5] Василий Николаевич Штрандман (Штрандтман; 1873–1963) — член Русского культурного комитета, делегат Нансеновского комитета по делам беженцев, член Государственной (Державной) комиссии по делам русских беженцев.

[6] Борис Михайлович Орешков (1881–1971) — секретарь Русского культурного комитета и Государственной (Державной) комиссии по делам русских беженцев, первый директор Русского дома им. Императора Николая II в Белграде.

[7] Петр Иванович Беловидов (1869–1940) — протоиерей Русской церкви Святой Троицы в Белграде.

[8] Илья Ильич Слатин (1888–19??) — пианист, дирижер, хоровик, композитор, педагог.

[9] Федор Васильевич Тарановский (1875–1936) — директор Русского научного института в Белграде, член Сербской королевской академии наук.

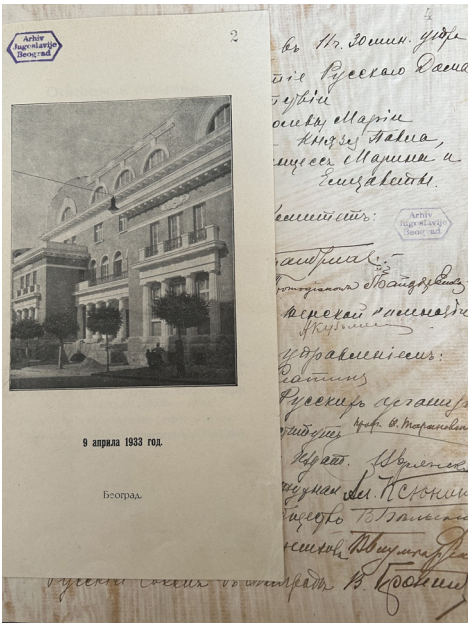
[10] Виктор Диодорович Брянский (1868–1944) — директор Русской публичной библиотеки, первый директор библиотеки Русского дома.

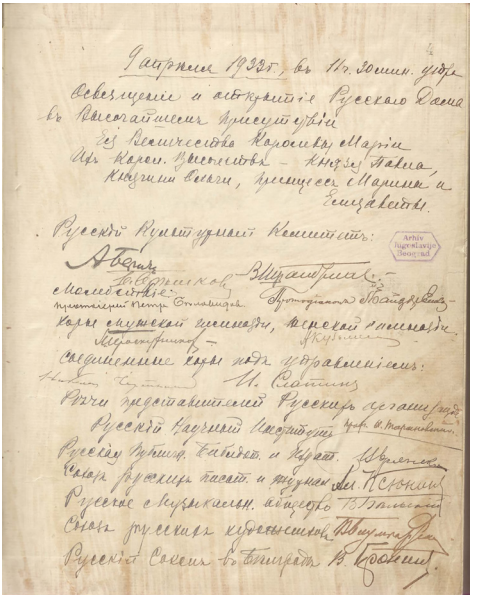
[11] Алексей Иванович Ксюнин (1880 или 1882–1938) — журналист, общественный деятель.

[12] Владимир Иванович Бельский (1866–1946) — поэт, либреттист.

[13] Василий Федорович (Вильгельм Вильгельмович) фон Баумгартен (1879–1962) — архитектор, военный инженер

[14] Василий Михайлович Пронин (1882–1965) — полковник, военный журналист, издатель.





Илл. 3–4. Первая запись в Книге концертного зала [Книга]

представителя сербского Патриарха протоиерея Стевана Димитриевича, представителей министра внутренних дел и министра социальной политики и народного здравоохранения, представительниц Белградского женского общества и Народного женского союза, но их подписей в Книге нет.

И в дальнейшем в Книге будут по большей части появляться подписи русских деятелей (политиков, артистов, представителей общественности), а подписи сербских гостей и участников какого-либо события будут скорее исключением из правил. Кроме того, в записи не упомянут Русский хор под управлением Н. Черепнина[15], хотя он обозначен в программе. Подобное расхождение записей в Книге со сведениями о мероприятиях в прессе или архивных документах будет частым, и поэтому исследование Книги должно быть дополнено сведениями из других источников.

Первым публичным мероприятием, непосредственно открывшим для публики концертный зал Русского дома, был концерт 19 апреля — сольное выступление пианиста Н.А. Орлова (1892–1964), о котором упоминала газета «Политика» [30, с. 11]. Концерт был продолжением торжеств, посвященных открытию Русского дома, о чем свидетельствует подпись исполнителя с припиской: «На память об открытии Русского дома» [Книга]. А важность события подчеркивалось не только выступлением очень популярного пианиста, гастролировавшего в то время в Белграде, но и присутствием важных гостей, до этого участвовавших в церемонии открытия, — представителей Королевской семьи Карагеоргиевичей: князя Павла, княгини Ольги, принцесс Марины и Елизаветы.

И в дальнейшем королевская семья будет оказывать покровительство мероприятиям в Русском доме. Так, 14 апреля 1934 г. под покровительством королевы Марии прошел спектакль русской начальной школы «В царстве сказки» (в пользу Российского общества Красного креста) «с высочайшим присутствием престолонаследника Петра, принцев Томислава и Андрея, их Королевского высочества Княгини Ольги и принцев Александра и Николая» [Книга], т. е, как мы видим, дети королевского дома посещали детские спектакли, причем, спектакль по произведениям Веры Булич играли на русском языке.

Запись от 19 мая 1934 г. свидетельствует, что «под высоким покровительством его высочества принца Павла» состоялся спектакль Русского музыкального общества «Жизнь за царя», посвященный

[15] Николай Николаевич Черепнин (1873–1945) — композитор, дирижер и педагог, ученик Н.А. Римского-Корсакова.

столетнему юбилею М.И. Глинки. На премьере спектакля ожидалось присутствие князя Павла (о чем свидетельствует документ из Архива Югославии: просьба на имя Маршала Королевского двора Александра Р. Димитриевча с подписями В. Бельского и И. Слатина[16]), но, несмотря на положительный ответ, князь Павел, по всей видимости, не присутствовал ни на премьере, ни на втором спектакле 16 июля 1934 г.[17]

В 1936 г. дважды проводились спектакли под Высочайшим покровительством королевы Югославии Марии. 29 марта Общество помощи бывших воспитанниц Харьковского института и Общество русских студенток в Белграде устраивало театральное представление «Лики русских женщин. 1820–1840», в котором приняла участие знаменитая русская актриса М.А. Ведринская[18]. 16 мая состоялся концерт в пользу учреждений Российского Красного креста, на нем выступали русские артисты Национального театра в Белграде и присутствовал В. Штрандман в качестве члена Государственной комиссии по делам русских беженцев.

Убийство короля Александра в Марселе 9 октября 1934 г. русская эмиграция восприняла как огромную потерю, что отражается и в записях Книги: в преддверии сорокового дня со дня гибели короля (17 ноября) состоялось «Скорбное собрание Объединенной русской эмиграции, посвященное светлой памяти Блаженнопочившего убиенного короля-витезя Александра I Объединителя» на котором присутствовали все важные деятели русской эмиграции, а 21 ноября проходит «Траурное собрание Русского сокольства, посвященное светлой памяти в Бозе почившего убиенного короля-витязя Александра I Объединителя» [Книга].

В приведенных формулах повторяются два несовместимых в русском языке эпитета: блаженнопочивший (в Бозе почивший), т. е. отошедший тихо, без мук, как правило, в преклонном возрасте, — и убиенный. По нашему мнению, это можно рассматривать и как свидетельство эмоционального потрясения, и как результат влияния

---

[16] Архив Југославије. Ф. 66 (Министарство просвете). Ед. хр. 202. Л. 325.

[17] Королевская семья будет покровительствовать мероприятиям в Русском доме и далее: например, в Архиве Югославии сохранился документ на имя Милана Антича, маршала Королевского двора, с просьбой внести имя Петра II в качестве покровителя Всеславянского концерта 11 апреля 1937 г. (Архив Југославије. Фонд 66 (Министарство просвете). Ед. хр. 202. Л. 387. Примеры легко умножить.

[18] Мария Андреевна Ведринская (1877–1948) — артистка Театра В.Ф. Комиссаржевской (1904–1906), затем Императорского Александринского театра (1906–1924). В эмиграции актриса Рижского русского театра (1924–1944).

ОБЪЕДИНЕННАЯ
РУССКАЯ ЭМИГРАЦІЯ
имѣетъ честь просить Васъ пожаловать
на
панихиду
по Благочестивѣйшемъ Усопшемъ
Королѣ Витязѣ
Александрѣ I Объединителѣ,
которая состоится
въ Бѣлградѣ
въ Юбилей Его мученической кончины,
въ субботу 17-го ноября 1934 г. въ 16 часовъ
въ русской церкви
и за
траурное засѣданіе
посвященное Его свѣтлой памяти,
имѣющее состояться
въ тотъ же день 17 ноября въ 20 час. 15 мин.
въ Русскомъ Домѣ Императора НИКОЛАЯ II
въ Бѣлградѣ, по ул. Кор. Наталіи 33.

Въ вѣчную благодарность
Просвѣтленному Королю Югославіи
АЛЕКСАНДРУ I
защитнику русскихъ.

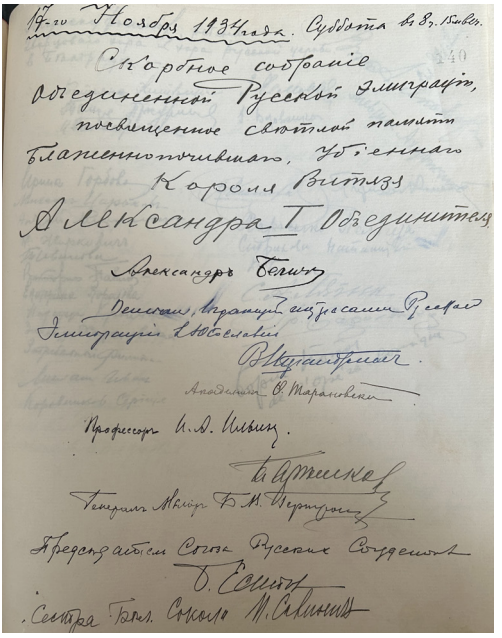
Русскій Домъ Императора НИКОЛАЯ II

создань по иниціативѣ Короля АЛЕКСАНДРА I
23 іюня 1921 г. — 9 апрѣля 1931 г.
въ Бѣлградѣ.

Возлюбленный Король-Рыцарь АЛЕКСАНДРЪ I — Объединитель
1 Дек. 1888 — 9 Окт. 1934.

ТРАУРНОЕ СОБРАНІЕ

1. Вступительное слово Председателя Собранія
В. М. Шаховскаго
2. Молитва всѣ. хоръ
3. Рѣчи
Академикъ профессоръ *А. И. Бѣлимъ*
Академикъ *И. А. Ильинъ* (Берлинъ)
Профессоръ *М. А. Ильинъ* (Берлинъ)
Генералъ *А. А. Гирсгольтъ*
Генералъ *Г. А. Жебровъ*, атаманъ Терскаго Казачьяго Войска
Сотникъ *А. П. Бобковъ*
Сестра-сотникъ *И. М. Семенко*
Академикъ профессоръ *Ф. А. Гарковскій*
4. **МОЛИТВЕННЫЕ ПѢСНОПѢНІЯ**
въ исполненіи Дворцовой капеллы при участіи Хомства Русскихъ хоровъ въ Бѣлградѣ и единственнаго артистическаго хора подъ управленіемъ
П. Г. Преображенскаго
Похвала Спасу — Кастальскій
Ну Царствіи Твоемъ — муз. Павлинова
Пѣснь отступленія — муз. Кастальскаго
Пѣснь и радуйся — муз. Лядова
Заступница добрая — муз. Лядова
Вѣчная память — муз. Чесноковъ



17-го Ноября 1934 года. Суббота въ 8 ч. 15 мин. веч.
Скорбное собраніе
Объединенной Русской Эмиграціи,
посвященное свѣтлой памяти
благочестивѣйшаго, убіеннаго
Короля Витязя
Александра I Объединителя
Александръ Бѣлимъ
Дѣтскимъ, трогательнымъ воспоминаніемъ Русской
Эмиграціи Любезнаго
Профессоръ И. А. Ильинъ.
Генералъ Маіоръ Б. Н. Нерадовскій
Предсѣдатель Совѣта Русскихъ Сокольскихъ
Сестра Бѣлая Сокола М. Семенко

Илл. 5–6. Программа траурного собрания в Русском доме 17 ноября 1934 г. и запись в Книге [Книга]

сербского языка, где эти эпитеты совместимы[19]. Под влиянием сербской прессы сербиризуется устоявшееся в среде эмиграции выражение король-рыцарь по отношению к королю Александру, активно применявшееся еще при жизни короля Александра. Вместо этого все чаще начинает использоваться русское слово «витязь», которое созвучно сербскому «витез», в итоге оно вытесняет слово «рыцарь». Кроме того, к имени короля добавляется обязательное определение «Объединитель» (или ингода по-сербски, но в русской орфографии: «Уединитель»).

Вообще сербский язык, особенно в записи важных событий, активно используется в Книге: например, запись от 10 марта 1935 г. сообщает, что прошла «Свечана комеморација мучки убијеном Краљу Александру I Ујединитељу» и что «певачко друштво “Милошевац” исполнило кантату “Чувајте Југославию”» («Торжественная панихида по коварно убитому королю Александру I Объединителю», «певческое общество “Милошевац” исполнило кантату “Храните Югославию”». — пер. *И.А.*).

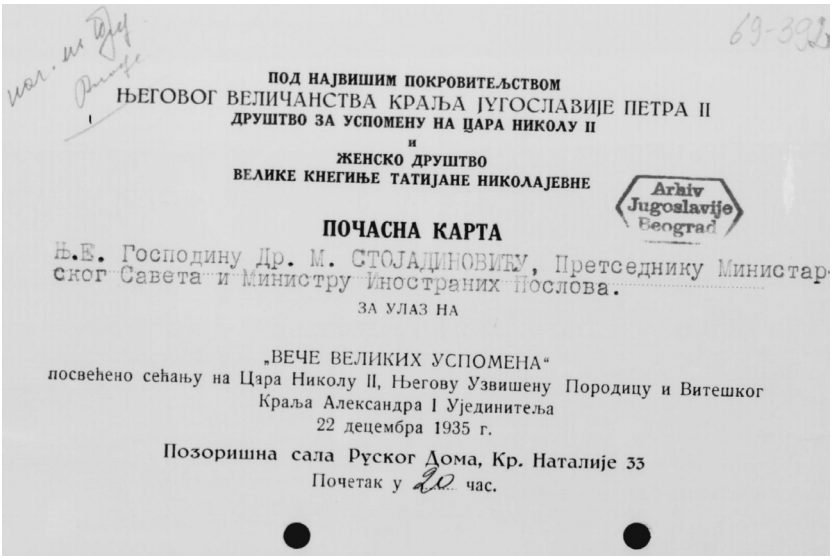
Отдельно отмечаются поминальные полгода со дня смерти короля: 9 апреля 1935 г. состоялось Торжественное траурное собрание общества Русский сокол «в полугодовой день мученической кончины Короля-витязя Александра I Объединителя» [Книга]. Память о короле Александре определяет и в дальнейшем ряд мероприятий: например, 5 апреля 1936 г. состоялся Духовный концерт Объединенного русского хора под управлением П.Г. Проскурникова[20] в пользу «Фонда по созданию Амбулаторной больницы — Памятника Королю-рыцарю Александру I Объединителю» (речь идет о больнице в городе Приедор) [Книга; 27, с. 8].

Память о «Короле-витязе», который для русской эмиграции стал не просто монархом принявшей их страны, но и защитником, некой заменой «Царя-батюшки», начинает совмещаться с памятью убиенного русского императора: так, 22 декабря 1935 г. под покровительством нового короля Югославии Петра II Общество памяти Императора Николая II и Общество памяти великой княжны Татьяны Николаевны провели «Вечер великих воспоминаний, посвященней <так в оригинале. Отметим и влияние сербской грамматики на текст записей в книге. — *И.А.*> Императору и его Августейшей семье и Королю-витезю Александру I Обьединителю».

---

[19] См., напр., заголовок газеты «Правда» (Белград) от 17 октября 1934 г.: «Дипломатски кор одаје пошту Блаженопочившему Краљу».

[20] Павел Григорьевич Проскурников (впоследствии архимандрит Петр; 1890–1973) — регент церковного хора при сербском храме Вознесения в Земуне и в русском храме Св. Троицы.



ПОД НАЈВИШИМ ПОКРОВИТЕЉСТВОМ
ЊЕГОВОГ ВЕЛИЧАНСТВА КРАЉА ЈУГОСЛАВИЈЕ ПЕТРА II
ДРУШТВО ЗА УСПОМЕНУ НА ЦАРА НИКОЛУ II
и
ЖЕНСКО ДРУШТВО
ВЕЛИКЕ КНЕГИЊЕ ТАТИЈАНЕ НИКОЛАЈЕВНЕ

Arhiv Jugoslavije Beograd

ПОЧАСНА КАРТА

Њ.Е. Господину Др. М. СТОЈАДИНОВИЋУ, Претседнику Министарског Савета и Министру Иностраних Послова.

ЗА УЛАЗ НА

„ВЕЧЕ ВЕЛИКИХ УСПОМЕНА"
посвећено сећању на Цара Николу II, Његову Узвишену Породицу и Витешког Краља Александра I Ујединитеља
22 децембра 1935 г.
Позоришна сала Руског Дома, Кр. Наталије 33
Почетак у 20 час.

Илл. 7. Почетный билет на имя премьер-министра Королевства Югославия (Архив Југославије, фонд министарства вере. Ф. 69. Ед. хр. 392)

Регулярно в день убийства государя Императора Николая II и его семьи устраивались траурные собрания. Устроителем, судя по подписям, было Общество русских офицеров Генштаба 4-го отдела РОВСа. Впрочем, торжества памяти Императора не обязательно были связаны с какой-либо датой и могли проводиться в рамках некого общего скорбного поминовения, как, например, «Торжественное собрание 1917–1936 памяти Государя Императора Николая II, адмирала А.В .Колчака, генералов П.Н. Врангеля и А.П. Кутепова» 15 марта 1936 г. Устроителями таких собраний обычно выступает Общество монархистов-легитимистов, которое является и организатором поминовений всех других членов императорского дома: например, 2 апреля 1936 г. они устраивают «торжественное Траурное собрание, посвященное памяти в Бозе почившей Августейшей супруги Главы Императорского дома Виктории Федоровны[21]» [Книга].

[21] Виктория Федоровна (при рождении Виктория Мелита, герцогиня Саксен-Кобург-Готская; 1876–1936) — императрица в изгнании, жена императора в изгнании Кирилла Владимировича — скончалась 2 марта 1936 г. Торжественное собрание было организовано спустя месяц после ее кончины.

Вообще, исследуя Книгу, интересно наблюдать, как формируется календарь русской эмиграции: как вычленяются и символически оформляются памятные для эмиграции дни и события. И хотя датировка книги включает в себя период с 1933 по 1936 гг., — время, когда список памятных дней уже сформировался и устоялся, — но тем не менее некоторые моменты формирования традиции отчетливо видны.

Так, например, довольно изменчивы и дата и название праздника, который пытается ввести Русская православная церковь за границей «в чествование русских иерархов Зарубежной церкви (установление понятия Первоиерархов РПЦЗ): в 1933 г. это 23 июля, праздник именуется «День церковно-общественного единения», а в 1934 г. он празднуется уже 9 сентября и имеет название «Торжественное собрание Русских общественных организации в Чествование Собора Иерархов Зарубежной церкви». Задуманный как праздник единения представителей церкви и общественных организаций, он собирает действительно самых значительных представителей как церкви (подписи Митрополита Киевского и Галицкого Антония (Храповицкого)[22], важнейших архиепископов, включая архиепископа Анастасия (Грибановского)[23], иеромонахов (среди них следует выделить подпись Йована Максимовича[24]) и прочих представителей церкви, так и общественных организаций: присутствуют «Представители Его Императорского величества Кирилла», представители Государственной комиссии по делам русских беженцев, Общества русских офицеров Генштаба Русского Трудового-христианского движения и т. д., включая представителей Всероссийской фашистской партии и Союза младороссов.

Следует заметить, что деятельность сторонников императора в изгнании Кирилла Владимировича была довольно активна в королевстве и поддерживалась как монархическими, так и церковными кругами. Например, на памятнике Русской славы на Новом кладбище в Белграде, строительство которого начато в 1934 г. в озна-

---

[22] Митрополит Антоний (Алексей Павлович Храповицкий) (1863–1936) — первый председатель Архиерейского синода РПЦЗ.

[23] Митрополит Анастасий (Александр Алексеевич Грибановский (1873–1965) — тогда архиепископ; второй, после митрополита Антония, председатель Архиерейского синода РПЦЗ.

[24] Архиепископ Иоанн, Святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский чудотворец (Михаил Борисович Максимович; 1896–1966) — в описываемое время иеромонах Мильковского монастыря (Браничевская епархия Сербской православной церкви).

менование двадцатилетия Первой мировой войны, на постаменте выбита надпись «Его Императорское величество Кирилл», которая соседствует с надписью, где приведены имена правящей югославской королевской четы: короля Александра и королевы Марии, а в Книге есть запись, свидетельствующая о том, что 3 февраля 1935 г. «под покровительством его светлости Патриарха Сербского Варнавы состоялся Духовный концерт в пользу Общества по постройке Памятника русским воинам в Белграде» [Книга], на котором, кроме представителей русских общественных организаций и церковных кругов, присутствовали и представители Городского управления Белграда.

Сам же Патриарх Сербский Варнава несколько раз посещал Русский дом, о чем свидетельствуют записи в Книге. Так, 13 октября 1935 г. он оставил свою подпись, посетив Тожественное собрание «в чествование пятидесятилетия священнослужения Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого» [Книга]. Кроме патриарха и юбиляра, свои подписи оставили представители всех конфессий королевства, архиепископы, представители парламента, посланники его величества короля Югославии, представители университета, включая декана Богословско-православного факультета и др. Здесь же находятся и подписи Комитета по чествованию, который возглавлял Н. Рклицкий[25].

Не менее торжественно 18 октября 1936 г. было отмечено и пятидесятилетие священнослужения архиепископа Гермогена[26], «Архипастыря Донской армии», на котором также присутствовал Патриарх Сербский Варнава.

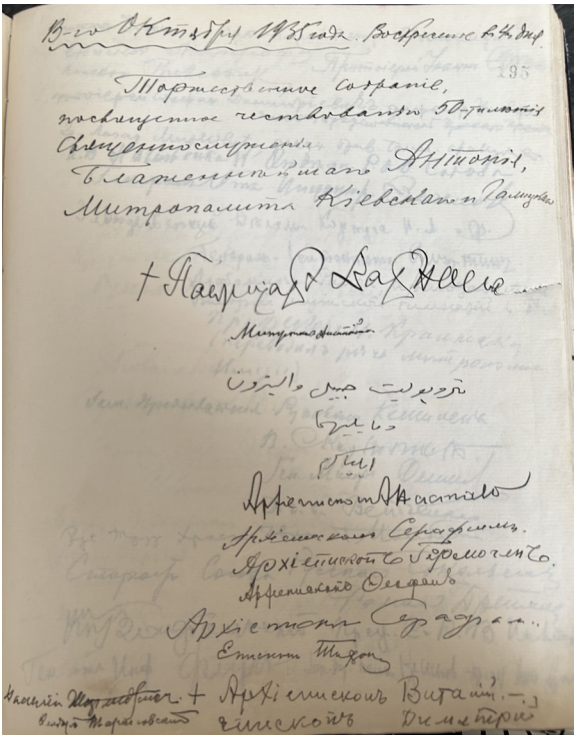
Присутствовал Патриарх Сербский и на Траурном собрании, «посвященном светлой памяти в Бозе почившего Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого» [Книга], на котором, кроме иерархов РПЦЗ, присутствовали сербские митрополиты и епископы (включая митрополита Загребского Досифея, позднее канонизированного Сербской православной церковью) и митрополита Рашко-Призренского Серафима.

Все эти события также активно освещалось как в русской, так и сербской прессе.

---

[25] Николай Павлович Рклицкий (впоследствии архиепископ Никон; 1892–1976) — в 1930-е гг. журналист, редактор газеты «Царский вестник».

[26] Гермоген (Григорий Иванович Максимов, 1861–1945) — член Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей, основатель Братства Русской правды.

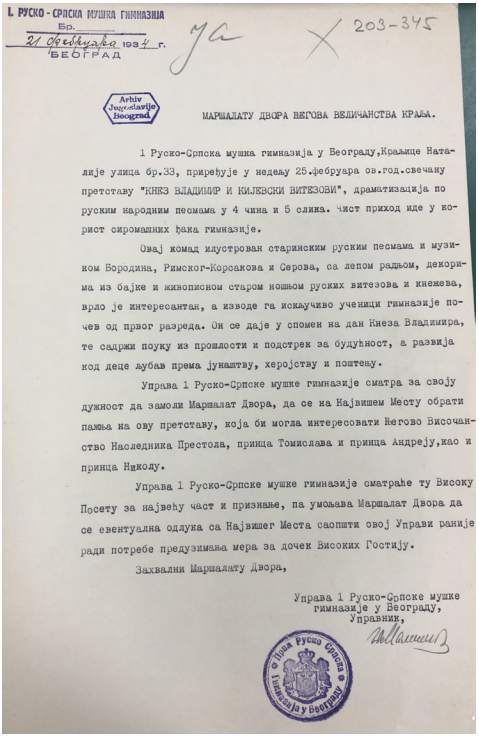


Илл. 8. Подпись патриарха Варнавы в Книге [Книга]

В рамках формирования календаря русской эмиграции делается попытка установить и День Русской славы, для которого в 1934 г. выбрана дата начала Первой мировой войны, а в 1936 г., судя по записям Книги, День Русской славы смыкается с «Днем Святого равноапостольного кн. Владимира, просветителя Руси и основоположника русской культуры» (28 июля) [Книга]. Интересно, что для Дня русской славы 1934 г. выбрана «сербская» дата начала Первой мировой войны — 28 июля (день, когда Австрия объявила войну Сербии), а не 1 августа, когда в войну вступила Россия.

Желание жить единой жизнью со страной, их приютившей, видно и в том, что учениками начальной школы и Первой русско-сербской мужской и женской гимназиями регулярно отмечаются два важных для сербов праздника: 27 января — День святого Саввы или Савиндан, школьный праздник в честь первого сербского просвети-

теля-архиепископа, и 28 июня — Видовдан, День поминовения всех святых мучеников сербских и День памяти битвы на Косовом поле. Записи в Книге дают нам представление о серьезности и массовости празднований, которые представляли собой ряд мероприятий, начинавшихся рано утром в 9–10 часов и продолжавшихся весь день. Интересно и то, что страницы в книге, посвященные этим мероприятиям, прежде всего содержат подписи учеников, а только потом преподавателей и гостей праздника. В Книге есть записи (25 февраля 1934 г.) и о постановке силами учащихся Первой русско-сербской гимназии спектакля «Князь Владимир. Киевские богатыри: Драматизация по русским народным былинам», который вызвал такой интерес, что его еще раз повторили 25 марта. На премьере присутствовали члены королевского дома: маленькие принцы Томислав, Андрей и Никола.



I. РУСКО-СРПСКА МУШКА ГИМНАЗИЈА
Бр.
21 Фебруара 1934 г.
БЕОГРАД

203-345

Arhiv Jugoslavije Beograd

МАРШАЛАТУ ДВОРА НЕГОВА ВЕЛИЧАНСТВА КРАЉА.

1 Руско-Српска мушка гимназија у Београду, Краљице Наталије улица бр.33, приређује у недељу 25.фебруара ов.год.свечану претставу "КНЕЗ ВЛАДИМИР И КИЈЕВСКИ ВИТЕЗОВИ", драматизација по руским народним песмама у 4 чина и 5 слика. Чист приход иде у корист сиромашних ђака гимназије.

Овај комад илустрован старинским руским песмама и музиком Бородина, Римског-Корсакова и Серова, са лепом радњом, декорима из бајке и живописном старом кошњом руских витезова и кнежева, врло је интересантан, а изводе га искључиво ученици гимназије почев од првог разреда. Он се даје у спомен на дан Кнеза Владимира, те садржи поуку из прошлости и подстрек за будућност, а развија код деце љубав према јунаштву, херојству и поштењу.

Управа 1 Руско-Српске мушке гимназије сматра за своју дужност да замоли Маршалат Двора, да се на Највишем Месту обрати пажња на ову претставу, која би могла интересовати Његово Височанство Наследника Престола, принца Томислава и принца Андреју, као и принца Николу.

Управа 1 Руско-Српске мушке гимназије сматраће ту Високу Посету за највећу част и признање, па умољава Маршалат Двора да се евентуална одлука са Највишег Места саопшти овој Управи раније ради потребе предузимања мера за дочек Високих Гостију.

Захвални Маршалату Двора,

Управа 1 Руско-Српске мушке гимназије у Београду,
Управник,

1 Руско Српска Гимназија у Београду

Илл. 9. Документ из Архива Югославии, подписанный директором гимназии с приглашением принцев на премьеру спектакля (Архив Југославије, фонд министарства просвете. Ф. 66. Ед. хр. 203–345)

Открывались подобные праздники, как и многие другие мероприятия, молебном, который проводился прямо на сцене концертного зала (зал таким образом превращался в часовню).

И в этих торжествах видна попытка создать некий связующий дискурс с прямыми параллелями, которые были бы понятны и русским, и сербам. Так празднование дня св. Саввы в 1936 г. идет в сочетании с празднованием Дня св. Владимира (несмотря на то что день св. Саввы — 27 января, а день св. Владимира — 28 июля). Регулярно отмечаются на сцене концертного зала и Дни русской культуры, приуроченные ко дню рождения Пушкина. Они предваряются молебном с участием хора, а затем следует или «торжественное заседание с художественными иллюстрациями» (10 июня 1934 г.) или лекции (9 июня 1935 г. — выступления П.Б. Струве «Два рубежа в истории русской культуры, 1800 и 1900 годы» и Е.А. Ляцкого[27] «Тургенев и Гончаров»; 7 июня 1936 г. — выступления А.Л. Погодина[28] «Нравственные идеалы русской литературы XX века» и М.П. Чубинского[29] «Значение русской культуры в прошлом и настоящем»). Дни русской культуры имели «музыкально-литературно-драматическое отделение», в их организации принимали участие все учреждения культуры, размещенные в Русском доме (например, в 1936 г. Дни русской культуры сопровождаются показательным концертом камерного оркестра Русского музыкального общества, исполнившим произведения А.К. Глазунова в честь юбилея композитора) [Книга].

Активное участие во всех этих торжествах принимала и труппа Русского общедоступного театра, открытие которого состоялось 7 октября 1933 г. премьерой пьесы А.Н. Островского «Доходное место». На самом деле, это было уже второе открытие театра, поскольку еще в 1930 г. «Царский вестник» сообщал, что 2 февраля в помещении Русского офицерского собрания пьесой Г. Ибсена «Привидения» открылся Русский общедоступный драматический театр под управлением А.Ф. Черепова[30]. Театр предпочитал считать началом своей деятельности октябрь 1933 г. С 1934 г. театральный сезон

---

[27] Евгений Александрович Ляцкий (1868–1942) — литературовед, писатель, почетный член Союза русских писателей и журналистов в Югославии

[28] Александр Львович Погодин (1872–1947) — историк, филолог, профессор Белградского университета.

[29] Михаил Павлович Чубинский (1871- 1943) — русский и югославский правовед и публицист, профессор Белградского университета, инициатор создания Института криминалистики в Белграде.

[30] Александр Филиппович Черепов (1892–1946) — филолог, актер, режиссер, педагог.

в нем всегда начинался в октябре. Как шутил русский сатирический журнал «Бух!» [3]:

> Время пахнет октябрем,
> Оживает Русский дом.
> И актеры и актрисы
> Начинают грызть кулисы [18, с. 4.].

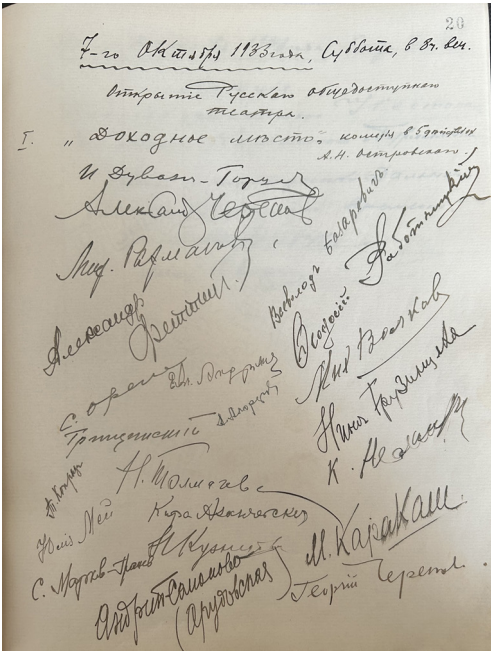
Руководителями театра были А. Черепов и И. Дуван-Торцов[31], они ставят свои подписи под каждым спектаклем театра, который записывается в Книгу. Труппа была довольно большой (около тридцати человек) и сравнительно постоянной [13, с. 134]. Книга фиксирует как премьеры, так и следующие за премьерой представления, которые, к слову сказать, были редкими, ведь недаром Русский общедоступный театр называли «театром премьер»: начиная с октября 1933 г. премьеры проходят сначала каждые две недели, затем срок уменьшается до семи-десяти дней, а в некоторые месяцы разрыв между премьерами был еще меньше.

Столь активная деятельность труппы достойна удивления, поскольку театр успевал не только ставить пьесы (иногда требующие сложных декораций и костюмов), но и активно рекламировать свою деятельность: не только в газетах — сербских и русских, — но и выпуская собственные программки (обильно снабженные коммерческой рекламой) и афиши. Конечно, в среде русской эмиграции звучали критические замечания по поводу невысокого уровня некоторых спектаклей, но публика активно их посещала (чем, собственно, и вызвана частая сменяемость репертуара: публика была немногочисленной, и повторы спектаклей были театру невыгодны, о чем говорил и сам Черепов) [13, с. 133].

Что же касается репертуара, то кроме русской и зарубежной классики (А. Островский, А. Дюма, Л. Толстой, А. Чехов, Н. Гоголь, К. Гольдони, О. Уайльд, Ф. Шиллер, Г. Ибсен) он включал произведения современных авторов: Л. Андреева, Г. Ге, С. Найденова, Ю. Беляева, А.Н. Толстого, Д. Аверкиева, А. Косоротова, М. Арцыбашева, Т. Шепкиной-Куперник, И. Сургучева, А. Южина-Сумбатова, в том числе зарубежных: Г. Гауптмана, Г. Кадельбурга, В. Мейер-Ферстера. Часть репертуара включала пьесы, которые были популярны в России до революции: «Первая муха» В. Александрова (Крылова), «Дядюшкина квартира» И. Мясницкого, «В старые годы» И. Шпа-

[31] Исаак Эзрович Дуван-Торцов (1873–1939) — актер и режиссер.

Илл. 10. Театральная программка Русского общедоступного театра (личный архив автора)



Илл. 11. Запись об открытии театра [Книга]

жинского и пр. 1 марта 1936 г. праздновалось 75-летие со дня рождения известного куплетиста и композитора В. Валентинова (Соболевского): была поставлена его оперетта «В волнах страстей».

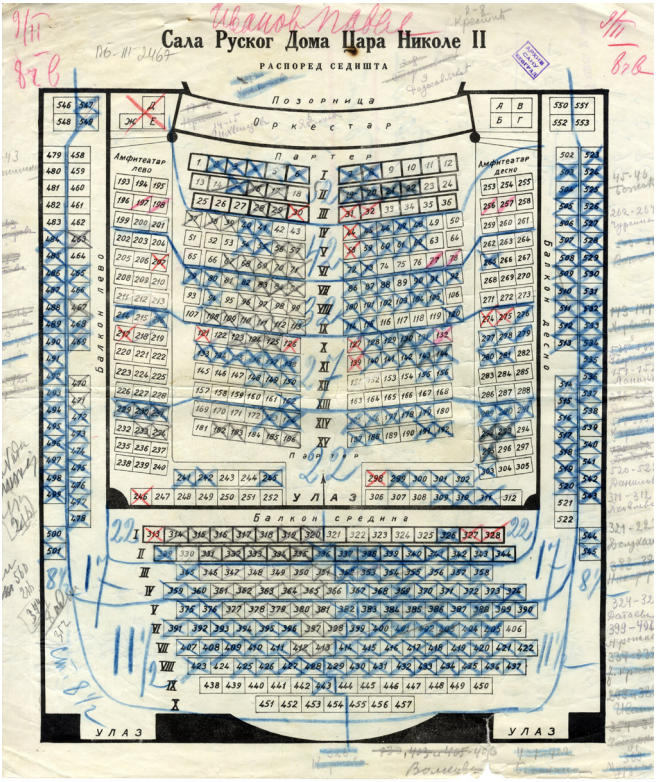
При таком разнообразии репертуара неудивительно, что Русский общедоступный театр повторял уже полюбившиеся белградскому зрителю пьесы: например, пьеса Ю. Беляева «Псиша» была поставлена в декабре 1926 г. Белградским русским художественно-драматическим обществом, пьеса А. Косоротова «Мечта любви» — этим же коллективом на месяц раньше. Русский театр «Комедия» в зале Русского офицерского собрания ставил–«Касатку» А.Н. Толстого и «Темное пятно» Кадебурга. Выбор репертуара зависел от зрителя, от возможностей труппы, у которой были свои домашние заготовки и любимые или легко играемые спектакли, а также от режиссера, который иногда шел на поводу у публики, а иногда осуществлял свои личные проекты. Так, 4 ноября 1933 г. в Русском доме прошел спектакль «Василиса Мелентьева», вызвавший много споров, в том числе и идеологического характера (иногда ее называли идеалом черносотенной пьесы). Но дело обстояло проще. Этот спектакль был создан после постановки драмы А.К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного», принесшей Черепову известность (Черепов поставил «Смерть Иоанна Грозного» в Белградском «Манеже», а потом в Национальном театре в 1929 г., он сам исполнял роль Ивана Грозного). Спектакль имел небывалый успех у публики. Постановка «Василисы Мелентьевой» в Русском доме, где Черепов снова выступил как режиссер и исполнитель роли царя Ивана, должна была повторить успех.

В репертуаре Русского общедоступного театра были и пьесы украинских авторов, например, пьеса Т.Г. Шевченко «Назар Стодоля (с пением и танцами)». Вообще музыкальные спектакли и оперетты (несмотря на то что Русский общедоступный театр позиционировал себя как драматический) ставились довольно часто, иногда сопровождались оригинальной музыкальной аранжировкой. Так, например, для известного водевиля Д. Ланского «Лев Гурыч Синичкин»[32] музыку пишет О. Миклашевский[33], который участвует в спектакле и в качестве актера, и в качестве помощника режиссера; он же во время гастролей М. Ведринской выступит как автор музыки к пьесе Анри Батайля «Обнаженная».

Особенностью многих представлений Русского общедоступного

[32] Перевод французского водевиля М. Теолона и Ж. Баяра «Отец дебютантки».

[33] Олег Петрович Миклашевский (1903–1992) — актер, помощник режиссера, а затем (после отъезда А. Черепова) главный режиссер Русского общедоступного театра.



Илл. 12. Схема заполненности зала Русского дома во время спектакля «Свадьба Кречинского», 9 февраля 1934 г. (Архив САНУ, фонд Александра Белића: АВ-III-2467-002-1)

театра будут и предваряющие спектакль лекции в исполнении известных ученых, членов Русского научного института в Белграде. Так, например, 24 ноября 1934 г. спектакль «Вишневый сад», поставленный к 30-летию со дня смерти Чехова, начинается лекцией А.Л. Погодина. Он часто читает лекции перед спектаклями, кроме него лекторами выступают А. Николаева[34], Б. Велихов[35] и др.

[34] Александра Евграфовна Жернакова-Николаева (?–1951) — писатель, филолог, член Союза русских писателей и журналистов в Югославии.

[35] Борис Александрович Велихов (1876–1944) — член Союза русских инженеров, инженер путей сообщения.

Отдельным событием 1934 г. стало чествование в Русском доме сербского драматурга и писателя академика Бранислава Нушича в связи с 70-летием, которое широко отмечалось в Югославии. На сцене концертного зала силами Русского общедоступного театра была поставлена комедия «Опечаленная семья» (серб. «Ожалошћена породица»), на которой присутствовал сам юбиляр. Это была премьера русского перевода пьесы под названием «С душевным прискорбием — Наследники» [21, с. 5]. Переводчик комедии в записях Книги обозначен только буквой Б. Это был Борис Михайлович Орешков (1881–1971), первый директор Русского дома, который удивительно редко появляется в Книге. И на этой премьере вступительное слово перед спектаклем произносит А. Погодин. Сама премьера активно освещается в сербской прессе и становится темой для ряда карикатур в журнале «Бух!», где Орешкову пеняют за то, что он выплатил себе чрезмерный гонорар за перевод.

Илл. 13. Карикатура в журнале «Бух!» ([23, с. 8][36])

Это был не единственный юбилей сербских театральных деятелей на сцене концертного зала. Например, 10 декабря 1933 г. в честь 25-летия деятельности сербского актера и тогдашнего председателя

[36] Рисунок Николая Ивановича Тищенко (1906–1990?) — карикатуриста, художника комиксов.

Сербского артистического Общества Стояна Живановича был поставлен спектакль «Хасанагиница», который тоже активно освещался в сербской прессе.

На сцене Русского дома (с 21 по 27 октября 1936 г.) проходят гастроли весьма известной болгарской опереточной певицы Мими Балканской, примадонны театра «Одеон» в Софии. В мае этого года она провела яркие гастроли в Национальном театре в Белграде, а в октябре решила повторить гастроли на сцене Русского дома (посещаемость была такой высокой, что оперетту «Мадмуазель Нитуш» давали трижды, а оперетту «Сильва» — четыре раза). Интересно, что для Русского дома выбор делается только в пользу зарубежных оперетт, а вот популярная на всех Балканах «Коштана» не включена в репертуар гастролей, хотя именно она и сделала певицу знаменитой.

Русский общедоступный театр являлся организатором еще ряда гастролей. Первыми, кто играл на сцене концертного зала после его открытия, была театральная труппа Е.А. Полевицкой, которая сделала сцену Русского дома главной площадкой гастролей в Белграде. Они проходили с 27 апреля по 14 мая 1933 г., включали четырнадцать спектаклей, десять из них игрались на сцене Русского дома (впрочем, это был привычный репертуар Полевицкой, который сформировался еще в дореволюционной России). Организаторами гастролей выступили А. Черепов и И. Дуван-Торцов, последний был хорошо знаком с Полевицкой.

23 февраля 1934 г. на сцене Русского дома был дан «Вечер известной артистки МХТ М. Крыжановской»[37].

А. Черепов умело использовал театральные гастроли, включая гастролеров в свои собственные или общетеатральные бенефисы, что повышало посещаемость и увеличивало популярность театра. Кроме гастролей Полевицкой, следует упомянуть гастроли Л.В. Мансветовой[38] к годовщине Русского дома (с 9 по 18 апреля 1934 г.), которые прошли в рамках гастролей в Белграде Драматического театра из Сараево, членом труппы которого она в то время была. А также гастроли М.А. Ведринской (с мая по ноябрь 1935 г.), хорошо знакомой А. Черепову по совместной работе в рижском Русском драматическом театре (в афишах она значится в своем дореволюционном статусе — ведущая актриса Александринского театра). Иногда гастроли включали и различные виды просветительской

[37] Мария Алексеевна Крыжановская (1891–1979) — актриса МХТ, участница «качаловской» группы МХТ, затем Пражской группы МХТ.

[38] Лидия Васильевна Мансветова (1896–1966) — актриса, режиссер.

деятельности: так, в Книге есть запись о проведении в концертном зале «Литературного утра для женской русско-сербской гимназии», организованного Русским общедоступным театром и с участием М. Ведринской.

В 1936 г. на сцене концертного зала Русского дома начинает ставить свои спектакли Театр русской драмы под управлением Ю. Ракитиной[39]. Это была попытка объединить две крупные русские белградские театральные труппы, которые постоянно враждовали между собой. Премьера спектакля «На всякого мудреца довольно простоты» проходит 5 апреля 1936 г., 5 апреля играют спектакль «Смена», который вызывает восторг публики и повторяется 19 апреля. Спектакль этот поставлен по пьесе генерала П.Н. Краснова, его сценической адаптацией занимался Н. Рыбинский[40], который принял участие в постановке и как артист. Выбор пьесы Краснова (в прошлом генерала от кавалерии, атамана Всевеликого войска Донского), одного из основателей «Братства русской правды», был очень значим, поскольку причины споров между «черносотенной и монархической» труппой А. Черепова и «просоветской и большевистской» труппой Ю. Ракитиной лежали как раз в области идеологии, что неоднократно подчеркивалось [11].

«Русская культура в Белграде между русскими на самой низшей ступени. Так, образовавшаяся вторая группа любителей под громким названием “Русский театр” состоит вся из халтурщиков и дает пьесы вроде “Кина”, “Барышни с фиалками” и “Василисы Мелентьевой”. Во главе этого предприятия стоит, наверное, Вам известный Дуван-Торцов, который в своей программе объявил, что будет избегать новые пьесы и советских авторов. Нас считают большевиками и пьесу Мережковского приняли бранью. Белграду по вкусу “Шпанская мушка”, “Дорога в ад”, “Девушка с мышкой” или произведения из Ростова и Новочеркасска…», — писал Н.Н. Евреинову Ю.Л. Ракитин[41], муж Юлии Ракитиной [20, с. 254]. Но записи в Книге свидетельствуют, что труппа Ю. Ракитиной не чуждалась и репертуара, лежащего в иной, высмеиваемой ею, идеологической плоскости.

---

[39] Юлия Валентиновна Ракитина (ур. Шацкая; 1892–1977) — актриса, режиссер, педагог.

[40] Николай Захарович (Захарьевич) Рыбинский (1887–1955) — участник Белого движения, театральный журналист, а также драматург, актер, режиссер.

[41] Юрий Львович Ракитин (наст. имя Георгий Леонтьевич Ионин) (1882–1952) — режиссер, актер, педагог. В предреволюционное десятилетие служил в Александринском театре в Петербурге, в эмиграции — в Национальном театре в Белграде, ставил спектакли для Театра русской драмы Ю.В. Ракитиной.

На открытии нового сезона — 4 октября 1936 г. — совместная труппа показала «Вишневый сад». Кроме того, в эту совместную труппу вошли известные актеры МХТ, члены сначала «Качаловской», а затем «Пражской группы»: супружеская чета В. Греч[42] и П. Павлов[43], которые с мая 1936 г. давали на сцене концертного зала Русского дома «гастроли, затянувшиеся на несколько лет, вплоть до 1942 года» [6, с. 105]. Гастроли четы Греч – Павлов на сцене концертного зала Русского дома начинаются 30 мая не спектаклем, а бенефисом «Вечер юмора», в котором разыгрываются сценки из произведений А.Т. Аверченко и А.П. Чехова, а в октябре они становятся членами новой совместной труппы Русского общедоступного театра. И хотя принято считать, что «монархический» Белград их принял нерадушно из-за слухов о том, что они подали документы на возвращение в Советскую Россию (см., напр., «…в Белграде досужие беженские политиканы протестуют против выступления ”возвращенцев“ в Русском доме, носящего имя Николая II…» [20, с. 566–567], но подписи в Книге записей свидетельствует о том, что их спектакли активно посещались. Более того, никаких препятствий их гастролям не зафиксировано, никаких манифестаций со стороны публики не было ни во время их выступлений в Русском доме, ни во время их спектаклей в Национальном театре Белграда.

Были попытки предоставить площадку Русского дома и другим русским театральным труппам. 24 мая 1936 г. «Руско повлашчено позориште под управом М. Манглера» (Русский привилегированный театр М. Манглера[44]) [Книга] — запись в Книге по-сербски — представил оперетту «Гейша», но это единственный случай выступления театральной труппы со стороны. Другие русские театральные группы выступали на сцене Русского дома лишь в рамках антрепризных спектаклей.

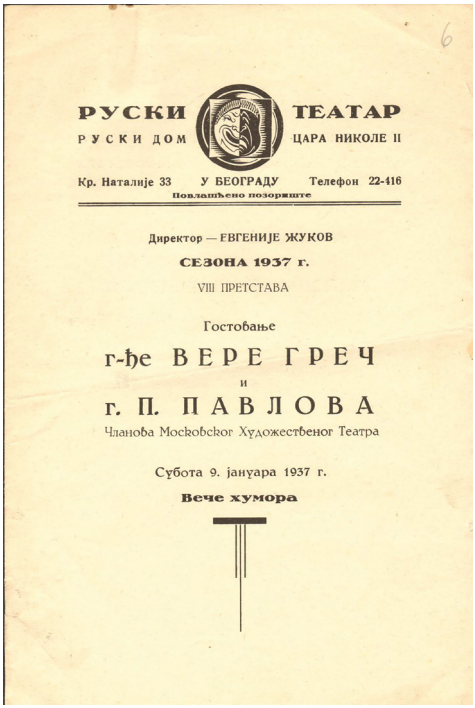
Кроме театральных гастролей, в Книге есть записи и о гастрольных концертах, первым из которых 12 ноября 1933 г. был концерт Владимира Босанько — певца, успешно гастролировавшего в это время в Белграде, специально приглашенного для сольного выступления директором Русского дома Б. Орешковым.

---

[42] Вера Мильтиадовна Греч (наст. фамилия Кокинаки; 1893–1974) — актриса МХТ, в составе Пражской труппы театра, в дальнейшем руководитель нескольких русских зарубежных театров во Франции.

[43] Поликарп Арсениевич Павлов (1885–1974) — артист, с 1908 г. служил в МХТ, с 1922 г. в эмиграции; организатор и руководитель разных русских театральных групп (во Франции и США). Муж В.М. Греч.

[44] Михаил Михайлович Манглер (1874–?) — чиновник, театрал-любитель.


РУСКИ ТЕАТАР
РУСКИ ДОМ ЦАРА НИКОЛЕ II
Кр. Наталије 33 У БЕОГРАДУ Телефон 22-416
Повлашћено позориште
Директор — ЕВГЕНИЈЕ ЖУКОВ
СЕЗОНА 1937 г.
VIII ПРЕТСТАВА
Гостовање
г-ђе ВЕРЕ ГРЕЧ
и
г. П. ПАВЛОВА
Чланова Московског Художественог Театра
Субота 9. јануара 1937 г.
Вече хумора

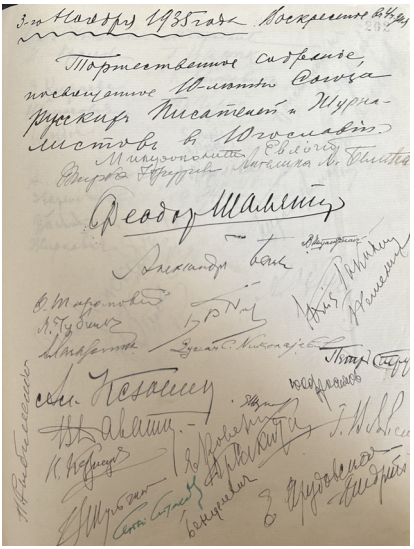
Илл. 14. Программа «Вечера смеха» — начало гастролей В. Греч и П. Павлова.

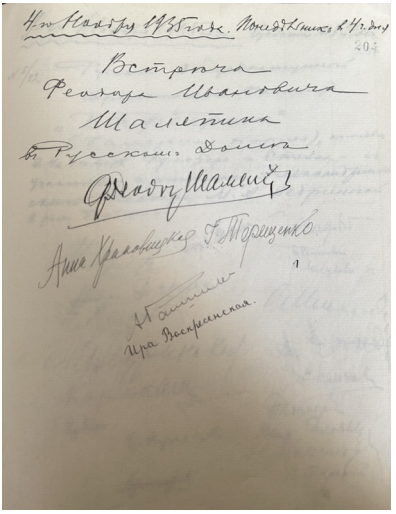
Выступал на сцене Русского дома хор Донских казаков под управлением С.А. Жарова[45], очень популярный не только у русских эмигрантов, но и в целом в Сербии (после гастролей в королевстве в 1928–1929 гг. Жаров был награжден орденом Святого Саввы 4-й степени). Хор дал концерт 11 марта 1934 г., в пользу, как свидетельствует запись в Книге, учащихся русских учебных заведений.

Пока нет ответа на вопрос, выступал ли на сцене Русского дома Ф.И. Шаляпин. Согласно записям в Книге, он дважды (два дня подряд) посещал Русский дом. Так, 3 ноября 1935 г. его автограф стоит среди подписей гостей Торжественного собрания, посвященного десятилетию Союза русских писателей и журналистов Югославии, на котором присутствовали также Ангелина и Александр Белич, митро-

[45] Сергей Алексеевич Жаров (1896–1985) — основатель хора Донских казаков. В создании хора принимал активное участие дипломат А.М. Петряев.

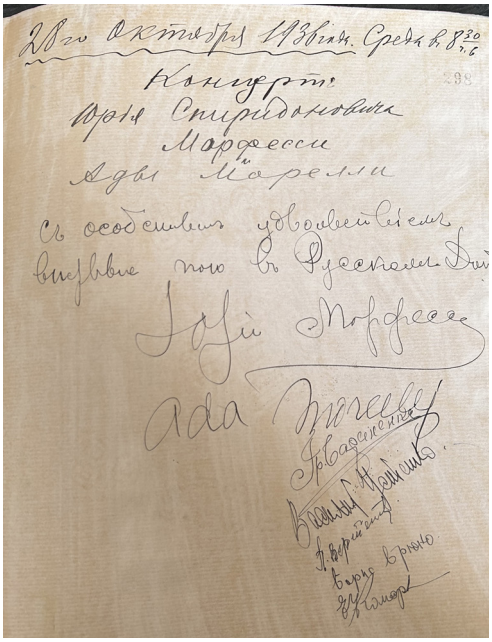
полит Евлогий, председатель союза Ксюнин, известный сербский публицист и председатель югославского Союза журналистов Душан С. Николаевич, общественные деятели эмиграции, включая П.Б. Струве и В.В. Шульгина. А 4 ноября в Книге записана «Встреча Ф. Шаляпина в Русском доме», причем неясно, какого характера была эта встреча: выступление, концерт певца или концерт в его честь, торжественный прием или нечто иное (выступления Шаляпина в Национальном театре Белграда состоялись 2 и 5 ноября). Подписей под записью очень мало, всего пять: кроме подписи самого певца, стоят подписи преподавателя Русско-сербской гимназии и актрисы Русского общедоступного театра А. Храповицкой (1899–1979) и девятилетней девочки Иры Воскресенской (судя по регистрационным карточкам русской эмиграции, хранящимся в Историческом архиве Белграда, дочери Варвары Воскресенской, домохозяйки); определить авторов двух других автографов мы пока затрудняемся.





Илл. 15–16. Записи в Книге, сделанные Ф. Шаляпиным [Книга]

Последней записью в книге стоит запись за 28 октября 1936 г., в которой сообщается, что на сцене Русского дома состоялся «Концерт Юрия Спиридоновича Морфесси и Ады Морелли». Морфесси оставил, кроме подписи, и свои впечатления: «С особенным удовольствием. Впервые в Русском доме» [Книга].



Илл. 17. Запись в Книге, сделанная Ю. Морфесси [Книга]

Но концертная деятельность не ограничивалась гастролями. На сцене выступали известные артисты и коллективы тогдашнего Белграда: 4 июня 1933 г. состоялся концерт в честь Союзов инженеров — Всеславянского, Югославского и Русского — с участием известных в Югославии оперных певиц Е. Поповой[46] и Е. Вальяни[47]. Это событие отмечено и в сербской прессе [24, с. 13]. 8 ноября 1933 г. они же

[46] Елизавета Ивановна Попова (1891–1967) — оперная певица (сопрано). В 1910-х гг. солистка Мариинского театра в Петербурге. С 1921 г. в эмиграции в Белграде, примадонна Национального театра. В 1944 г. вернулась в СССР.

[47] Евгения Дмитриевна Вальяни (1901–1962) — оперная певица (меццо-сопрано). Училась в Риме в Академии Санта Чечилия. Начинала карьеру в России. С 1921 г. солистка Национального театра в Белграде.

ставят драму «Новые цыганские романсы в лицах» (в пользу Комитета помощи русской молодежи), а 1 июля 1933 г. Е. Вальяни дала сольный концерт.

14 апреля 1935 г. прошел духовный концерт Русского хора под управлением А.Н. Кузьменко[48](коллектив пользовался в Сербии огромной популярностью, нередко вместе с хором выступал и оркестр балалаечников), посвященный памяти М.М. Ипполитова-Иванова. Судя по записи в Книге, «Всенощное бдение» этого композитора было впервые исполнено за границей. Вступительное слово перед концертом произнес М. Георгиевский[49]. Еще один концерт хора прошел в концертном зале 25 марта 1936 г.

18 марта 1935 г. состоялся концерт известных артистов Национального театра в Белграде Ольги Николаевны Ольдекоп[50] и Жарко Цвийича (в том же году он был партнером Шаляпина на сцене Национального театра).

Практически все подобные представления были благотворительными: например, 1 декабря 1933 г. проходит Концерт русских и сербских композиторов в пользу Общества помощи воспитанницам Харьковского института, а 8 марта 1934 г. устраивается Исторический литературно-вокальный вечер «Концы и начала» в пользу комитета Великой княжны Татьяны Николаевны (предваряющую лекцию читает А. Соловьев[51]).

Выступали в концертном зале и театральные коллективы тех культурных учреждений, которые входили в состав Русского дома: Первая русско-сербская мужская и женская гимназии, Русская начальная школа, Русское музыкальное общество. Например, 7 ноября 1933 г. проходит концерт Первого камерного оркестра Русско-

---

[48] Андрей Николаевич Кузьменко (?–1962) — хормейстер, композитор, основатель оркестра балалаечников в Белграде.

[49] Михаил Александрович Георгиевский (1888–1950) — приват-доцент Петроградского университета (1918–1919), затем работал в правительстве А.И. Деникина на юге России, с 1919 г. в эмиграции в Югославии. Профессор Белградского университета (1920–1929), затем преподаватель древних языков в Первой русско-сербской гимназии. Один из лидеров Национально-трудового союза нового поколения (НТСНП) в 1930–1941 гг. В 1944 г. при попытке выехать в Венгрию арестован югославскими партизанами и передан СМЕРШ. Отправлен в СССР и там расстрелян.

[50] Ольга Николаевна Ольдекоп (1905 или 1906–1946) — оперная певица, солистка Национального театра в Белграде.

[51] Александр Васильевич Соловьев (1890–1971) — историк славянского и византийского права, археолог, византолог. Выпускник Варшавского университета, в годы Гражданской войны преподавал в Ростове-на-Дону, с 1920 г. в эмиграции в Югославии, профессор Белградского университета.

го музыкального общества в Югославии по случаю 40-летия со дня смерти П.И. Чайковского. 10 декабря оркестр дает второй концерт, посвященный современным композиторам. Русское музыкальное общество регулярно устраивало и свои отчетные концерты.

Регулярно в Русском доме представляли свои работы театральные кружки Русской начальной школы и Первой русско-сербской гимназии. Иногда они были приурочены к праздникам (дню св. Саввы, Видовдану, Дню Русской Славы или Новому году), иногда к юбилейным датам: например, силами учеников Первой русско-сербской гимназии 18 марта 1934 г. был поставлен спектакль «Женитьба» (к 125-летию со дня рождения Н.В. Гоголя), 16 февраля 1935 г. «по случаю исполнившихся 100 лет со времени постановки на сцене Русского театра» был поставлен «Ревизор» [Книга]. Эти постановки, ученические и любительские, были оформлены и организованы вполне профессионально (имели свои афиши, отзывы в прессе и пр. [25, с. 5]).

На сцене Русского дома шли экзаменационные представления: как драматические (3 декабря 1934 г. Сценически-художественный кружок представил спектакль «Волшебная сказка» по пьесе И.К. Потапенко), так и музыкальные (26 апреля 1936 г. прошел концерт учеников Н. Мисочко[52] — профессора Музыкальной школы в Белграде). Известная сербская хореографическая школа Маге Магазинович поставила 22 апреля 1934 г. в Русском доме выпускной балет на музыку Шопена «Зеленая флейта».

Устраивались и экспериментальные концерты: так, 25 октября 1936 г. проводится вечер, который записан как «Матине[53] из эуритмичке уметности — видлива музика и поезија» (Матинэ из эвритмического искусства — видимая музыка и поэзия). Речь идет об искусстве художественного движения, созданного Рудольфом Штейнером в начале XX в. Школу, которая объединяла музыку, танец, декламацию и духовные практики, основали в Белграде русские эмигранты Н. Тургенева и Ю. Пушендорф (сведения из сербской газеты «Время» за 17 мая 1928 г. [26, с. 8]).

Даже далекие от театра союзы организовывают на сцене Русского дома свои представления: 5 мая 1936 г. провели свой выпускной концерт слушатели Зарубежных высших курсов генерала Н. Головина, а 1 декабря 1935 г. прошел любительский спектакль Русской колонии в Белграде «Лесные тайны» по пьесе Е.Н. Чирикова.

---

[52] Нина Дмитриевна Мисочко-Егорова (1888–1969) — пианистка, педагог, преподаватель Музыкальной школы в Белграде.

[53] От *фр.* matinée — утреннее или дневное представление.

Активно выступают на сцене концертного зала известные югославские общества: Просветно друштво из Белграда и Общество словенцев в Белграде «Иван Цанкар», театральная студия Интерната из Загреба. Они ставят свои спектакли, отмечают торжественные дни, праздники, устраивают встречи и литературные вечера в честь писателей Ивана Цанкара, Янеза Кречека, Отона Жупанчича, Франца Финжгара и др.

21 и 22 мая 1934 г. в Русском доме выступил известный в то время сербский поэт Миладин К. Николич (Расински), который провел публичные лекции с собственной интерпретацией «русских и югославских лирических произведений».

В концертном зале проводилось много литературных вечеров. Сразу после открытия прошел в модном тогда формате «показательного судебного процесса» литературный вечер по произведению Л.Н. Толстого «Крейцерова соната». В суде над Василием Позднышевым принимают участие такие известные деятели русской эмиграции как журналист А. Ксюнин, юрист и бывший сенатор С. Трегубов[54], психиатр Н. Краинский[55].

Для учащихся гимназий устраиваются поэтические вечера-лекции, где выступают известные актеры и читают лекции известные ученые: 23 ноября 1934 г. состоялась лекция профессора Е. Ляцкого «Пушкин и любовь печальная» в сопровождении музыкальных импровизаций на стихи Пушкина, 4 декабря его же лекция «Любовь и небо в поэзии Лермонтова». 4 декабря 1935 г. лекцию об украинской комедии, предваряя дивертисмент из пьесы И.П. Котляревского «Наталка Полтавка», прочитал М. Георгиевский.

Интересную по форме лекцию на тему «Жизнь и работа бывшего Крымского кадетского корпуса с музыкальными параллелями» при участии Михаила Б. Йовановича, члена балетной труппы Национального театра, прочитал 10 апреля 1935 г. В. Даватц[56].

---

[54] Сергей Николаевич Трегубов (1866–1945) — юрист, с 1916 г. сенатор, участник Белого движения на юге России, после эвакуации Крыма в эмиграции в Белграде, профессор уголовного права Белградского университета.

[55] Николай Васильевич Краинский (1869–1951) — психиатр, психофизиолог, директор нескольких психиатрических больниц в Российской империи, во время Первой мировой войны военный врач, по окончании Гражданской войны эвакуирован на о. Лемнос, затем жил в Загребе и Белграде. Профессор экспериментальной психологии юридического факультета Белградского университета. В 1947 г. вернулся в СССР.

[56] Владимир Христианович Даватц (1883–1944) — публицист и общественный деятель, преподаватель математики. В 1919 г. поступил добровольцем в Вооруженные силы Юга России рядовым. Эвакуирован в Галлиполи, переехал в Болгарию, затем в Белград. В Сербии соратник П.Н. Врангеля.

Союз русских писателей и журналистов Югославии устаивает 10 декабря 1935 г. вечер памяти Л. Толстого по случаю 25-летия его смерти: среди участников важные представители русской эмиграции в Белграде, за драматическую сторону вечера отвечали супруги Ракитины.

Активно использовало концертный зал общество «Русский сокол», что вполне объяснимо, поскольку председателем общества был первый директор Русского дома Б. Орешков: русские «сокола» регулярно устраивали торжественные собрания и «академии» с показательными выступлениями при активном участии общества «Сербские соколы» (один из председателей «Сербских соколов» архитектор М. Корунович входил и в состав «Русских соколов»). В Русский дом приезжают в гости сокольские общества Белграда, Загреба и Любляны.

Женским отделением «Русских соколов» занималась О. Шидловская, знаменитая кавалерист-девица Первой мировой войны, получившая Георгиевский крест[57]: в Книге есть запись о «ритмически-гимнастическом матине» [Книга], который она проводила 3 декабря 1934 г.

Все важнейшие русские эмигрантские общества проводят торжественные заседания в концертном зале: Русский научный институт в Белграде 25 марта 1934 г. чествует память А.С. Попова, «создателя радио к 75-летию со дня рождения», 26 мая 1936 г. — память физиолога И.П. Павлова; 14 октября 1935 г. широко празднуется пятнадцатилетие Первой Русско-сербской гимназии; 11 декабря 1935 г. состоялось торжественное заседание, посвященное памяти П.И. Чайковского и А.Н. Апухтина «по случаю столетия училища Правоведения» в организации Русского музыкального общества.

В Книге много записей о заседаниях Национального трудового союза нового поколения (серии открытых собраний и лекций на темы «Новое поколение в России и за рубежом», «Новый человек», «За Россию», «Лицом к России», «К вопросу об экономической программе национальной России» читали М. Георгиевский, В. Байдалаков[58], А. Неймирок[59] А. Билимович[60]), а также о заседаниях Белград-

---

[57] Ольга Сергеевна Шидловская (1898–1959) в июле 1915 г. была зачислена в 4-й гусарский Мариупольский полк добровольцем под именем Олега Сергеевича Шидловского. Воевала до 30 ноября 1917 г., дослужилась до звания старшего унтер-офицера. Жила в Ялте, в Гражданской войне не участвовала. С 1921 г. в эмиграции в Югославии. В 1950 г. переехала в Аргентину.

[58] Виктор Михайлович Байдалаков (1900–1967) — в 1934–1955 гг. председатель Совета Национального трудового союза нового поколения.

[59] Александр Николаевич Неймирок (1911–1973) — поэт и лесной инженер, активный член НТСНП со дня его основания.

[60] Александр Дмитриевич Билимович (1876–1963) — профессор политической экономии. Участник «Особого совещания» А.И. Деникина, с 1920 г. в эмиграции в

ского общества инженеров армии и флота (доклады «Современное юридическое положение России» и «Дальневосточная проблема» Б. Гершельмана[61] и Б. Штейфона[62]) [Книга].

Проводились собрания Русского археологического общества, в котором, наряду с докладами серьезных исследователей (проф. А. Соловьев[63]), читались и доклады типа «Новейшие открытия и изыскания по поводу гибели материка Атлантида с ее высокой культурой», «Происхождение первой части Моисеевой книги Бытия по данным современных изысканий», «Мистика знаков Зодиака и предсказания о судьбах человечества» (доклады члена Археологического общества из Рио-де Жанейро А.П. Брагина).

Проводятся траурные собрания: 12 июня 1936 г. в память генерала Б.В. Адамовича[64], а 4 октября того же года Союз русских писателей и журналистов Югославии устраивает собрание, «посвященное памяти старейшего писателя Союза» В.И. Немировича-Данченко.

Лекции приезжих знаменитостей были столь же популярны, как и концерты гастролирующих артистов. Они анонсировались и рецензировались в русскоязычной прессе, некоторые выступления вызывали оживленные дискуссии.

С лекциями выступали приезжающие в Белград деятели русской эмиграции: с 4 октября по 17 декабря 1933 г. цикл лекций прочитал Нестор[65], митрополит Кировоградский и Николаевский (в Книге заявлен как епископ Камчатский и Петропавловский, а в записи к лекции за 17 декабря добавлено: «и Сеульский»). Его радушно приняли представители Сербской православной церкви и королевская

Югославии, профессор Люблянского университета. Инициатор создания «Комитета Содействия» Национально-трудовому союзу нового поколения.

[61] Борис Робертович Гершельман (1881–1957) — юрист, выпускник Московского университета, в годы Гражданской войны организатор подпольного сопротивления советской власти. В эмиграции в Югославии, заведующий идеологическим отделом Главного Совета Русского трудового христианского движения в Югославии.

[62] Борис Александрович Штейфон (1881–1945) — полковник Генерального штаба, участник Первой мировой войны, в Белой армии в звании генерал-лейтенанта. Комендант лагеря в Галлиполи. С 1922 г. в Югославии. В годы Второй мировой войны начальника штаба, а затем командир Русского охранного корпуса.

[63] Александр Васильевич Соловьев (1890–1971) — историк славянского и византийского права, славист, археолог, византолог и балкановед.

[64] Борис Викторович Адамович (1870–1936) — генерал, педагог, писатель. Директор Первого русского великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса, находившегося в городе Бела-Црква.

[65] Митрополит Нестор (Николай Александрович Анисимов; 1885–1962) — епископ Русской православной церкви, митрополит Кировоградский и Николаевский.

семья (именно он позже, после смерти короля Александра, станет инициатором строительства в Харбине в 1936 г. часовни-памятника императору Николаю II и югославскому королю Александру I)[66].

Цикл лекций по социологии войны прочитал генерал, историк и исследователь военного дела Н.Н. Головин[67], основатель Зарубежных высших военно-научных курсов в Париже. Лекции по военной истории читал генерал В. Гурко[68], в свое время командующий войсками Западного фронта. С лекциями о состоянии дел в Советском Союзе («Тюрьма и ссылки в СССР» и «Молодежь в СССР») выступает Т.В. Чернавина — художница и писатель, прошедшая ГУЛАГ, но выбравшаяся из СССР в Великобританию.

Особое внимание русского Белграда вызвал в 1934 г. цикл лекций философа И.А. Ильина, директора Русского научного института в Берлине. Первые две лекции («Русский национальный характер» и «Творческая идея нашего будущего: как восстановить и укрепить Россию») он прочел 4 и 8 октября 1934 г. Третью лекцию «Идея монархии» он должен был читать 11 октября, но по случаю национального траура по убитому в Марселе королю Александру, лекция была отложена. Ильин прочитал ее лишь 26 октября, причем его выступление превратилось, некоторым образом, в первое траурное собрание по поводу гибели короля (вступительное слово перед лекцией от лица общественности произнес А. Ксюнин в память о «блаженопочившем Короле-рыцаре Александре I Объединителе» [Книга]). На лекции присутствовали все важные представители русской эмиграции в Югославии.

Не меньший интерес у публики вызвал А.И. Деникин, посетивший Белград в конце 1934 г. В концертном зале Русского дома он прочитал целую серию лекций (с 4 по 9 декабря) на темы: «Россия и Сербия не ответственны за мировую войну», «Пути противобольшевисткого движения в прошлом», «Международное положение, Россия и эмиграция» [Книга].

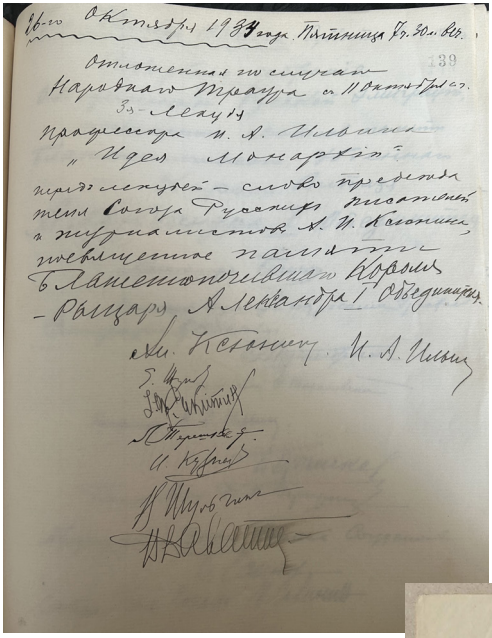
В октябре 1936 г. с циклом выступлений приезжают Иван и Борис Солоневичи. Записи о их лекциях детальны и сами по себе могут дать представление о выступлениях:

---

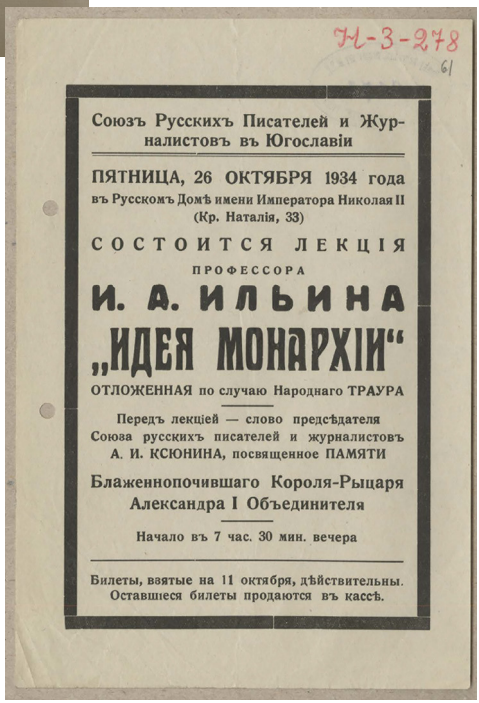
[66] Автором первого проекта часовни был Н.К. Рерих, но этот проект не сохранился. Часовня была построена по проекту М.М. Осколкова.

[67] Николай Николаевич Головин (1875–1944) — генерал-лейтенант Генерального штаба Российской императорской армии, военный историк и педагог.

[68] Василий Иосифович Гурко (Ромейко-Гурко; 1864–1937) — генерал от кавалерии, историк, писатель.



Илл. 18. Запись в Книге с автографом И.А. Ильина [Книга]



Н-3-278

61

Союзъ Русскихъ Писателей и Журналистовъ въ Югославіи

ПЯТНИЦА, 26 ОКТЯБРЯ 1934 года

въ Русскомъ Домѣ имени Императора Николая II (Кр. Наталія, 33)

СОСТОИТСЯ ЛЕКЦІЯ

ПРОФЕССОРА

И. А. ИЛЬИНА

„ИДЕЯ МОНАРХІИ“

ОТЛОЖЕННАЯ по случаю Народнаго ТРАУРА

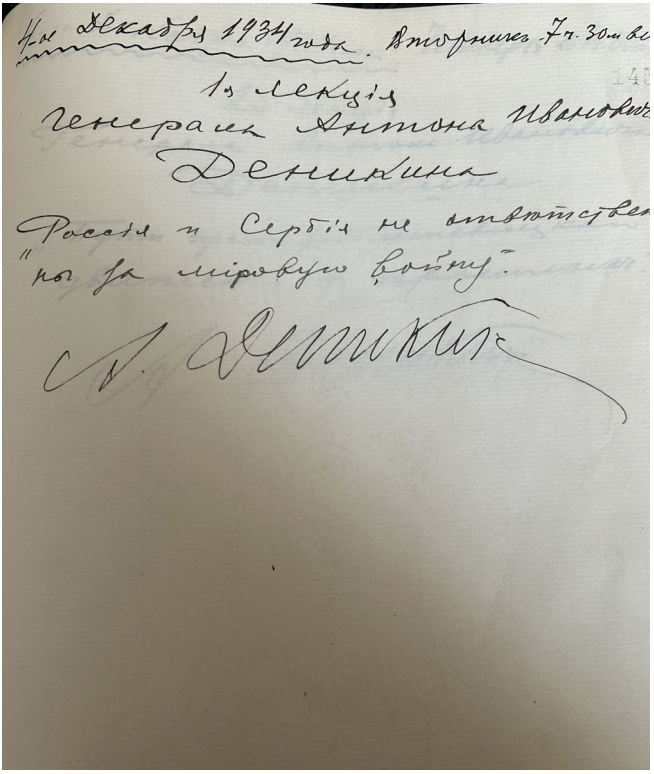
Передъ лекціей — слово предсѣдателя Союза русскихъ писателей и журналистовъ А. И. КСЮНИНА, посвященное ПАМЯТИ

Блаженнопочившаго Короля-Рыцаря Александра I Объединителя

Начало въ 7 час. 30 мин. вечера

Билеты, взятые на 11 октября, дѣйствительны. Оставшеся билеты продаются въ кассѣ.

Илл. 19. Объявление о лекции (архив ДРЗ Н-3-278).



Илл. 20. Запись в Книге с автографом А. Деникина [Книга]

11 октября. «Современная Россия» 1 часть а) «На чем держится Советская власть (борьба власти со страной и страны с властью) б) наши победы 1932, 1933, 1934…;

13 октября. 2 часть а) Экономика С.С.С.Р (колхозы, совхозы, управление, строительство, пятиминутка) б) Красная Армия (милитаризация страны, Осоавиахим, учеба, быт, боевые качества армии);

15 октября. 3 часть а) Советский быт б) Террор;

16 октября. 4 часть а) Советская молодежь б) Концлагеря;

19 октября. «Рассказ о России» ученикам гимназии и тогда же,

19 октября. 5 часть: а) Советская интеллигенция (наука, культура, внутренняя эмиграция) б) История непокорившейся молодежи (сокол, скауты, террористическая организация молодежи в концлагере)

20 октября 6 часть а) национальный еврейский вопрос. Перспективы развития Национальной России б) беспризорники… [Книга]

Все эти лекции широко освещаются в прессе, как сербской, так и русской. Но самым, наверное, обсуждаемым был доклад П.Б. Струве «Современное международное положение и национальные русские интересы», который состоялся 5 марта 1934 г. в рамках публичного собрания Союза писателей и журналистов во время которого разгорелся скандал между докладчиком и Ильей Ильичем Толстым, внуком Л.Н. Толстого, лидером движения «Молодая Россия». Суть этого спора уже была описана в научной литературе:

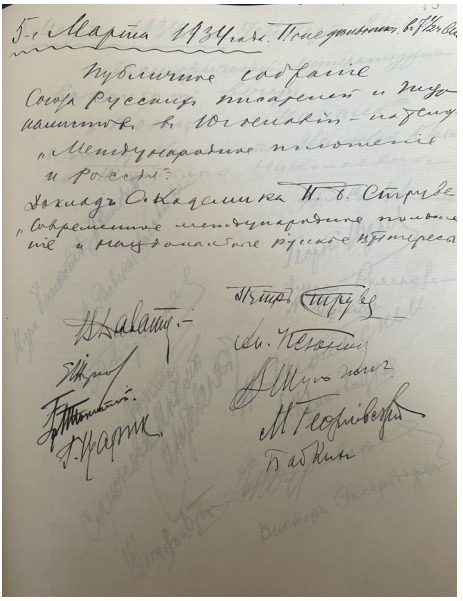
> Русское общество с его различными организациями и структурами делилось на два ярко выраженных крупных лагеря — «пораженцев» и «оборонцев». Первые видели возможность свержения большевизма и, соответственно, освобождения страны в интервенции. Вторые защищали тезис о том, что какая бы ни была власть, но Родину необходимо защищать. Наиболее последовательными сторонниками лозунга «Ни пяди русской земли» выступали младороссы. Политическая программа «Союза младороссов» с их коронным лозунгом «Ни белые, ни красные, но русские» представляла собой смесь монархизма с социализмом, круто замешанном на итальянском фашизме. С именем И.И. Толстого — активного деятеля в «Союзе младороссов», где он был политруком, что страшно шокировало многих эмигрантов — связана обошедшая страницы многих зарубежных изданий жесткая полемика с «пораженцами». Диспут был связан с событиями на КВЖД и угрозами СССР со стороны Японии. Собрание происходило 5 марта 1934 г. в Русском доме. Основной доклад делал бывший марксист и бывший ленинский соратник, автор программы РСДРП П.Б. Струве, призывавший эмиграцию быть вместе с Японией. Толстой же заявлял, что эмиграция, во всяком случае молодая, не будет на стороне врагов России. Известный В.В. Шульгин предлагал залу поразмыслить о возможности ассимиляции немцев русскими, проводя параллель с норманнами. Фактически диспут получился с элементами скандала [6, с. 50–51].

Детально описывается этот скандал и в № 16 журнала «Бух!» в поэтической рецензии Жоржа Савулькина (псевдоним поэта Г. Герасимова[69]), данной от имени героя-маски: сербского студента Пети Абрикосова[70] [19, с. 5.; см. илл. 22].

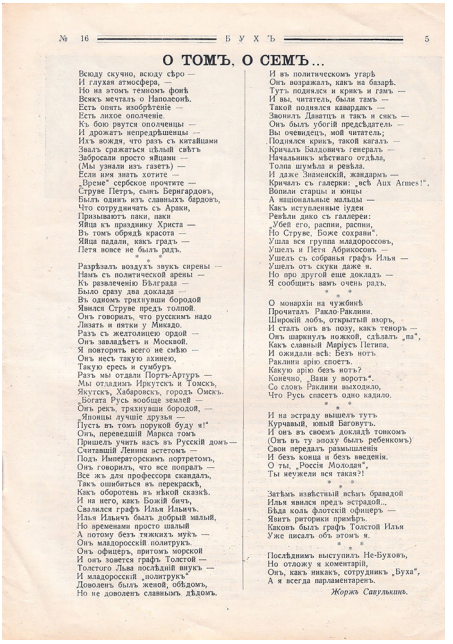
---

[69] Георгий Александрович Герасимов (1990–1943?) — поэт, журналист.

[70] В создании образа Пети Абрикосова как обобщенного русского студента-эмигранта приняли участие А.М. Ренников (Селитренников), Г.А. Герасимов, Н.М. Февр и Дон Аминадо (А.П. Шполянский).



Илл. 21. Запись о докладе П.Б. Струве в Книге [Книга]



№ 16 БУХЪ 5

О ТОМЪ, О СЕМЪ...

Всюду скучно, всюду сѣро —
И глухая атмосфера, —
Но на этомъ темномъ фонѣ
Всякъ мечталъ о Наполеонѣ.
Есть опять изобрѣтенiе —
Есть лихое ополченiе —
Къ бою рвутся ополченцы —
И дрожатъ непредвѣщенцы —
Ихъ вождя, что разъ съ китайцами
Звалъ сражаться цѣлый свѣтъ
Забросали просто яйцами —
(Мы узнали изъ газеты) —
Если имя знать хотите —
„Время" сербское прочтите —
Струве Петръ, сынъ Бернгардовъ,
Былъ одинъ изъ славныхъ бардовъ,
Что сотрудничать съ Аракчи,
Призывалъ пахи, паки
Яйца къ праздинку Христа —
Въ томъ обрядѣ красота —
Яйца падали, какъ градъ —
Петя вовсе не былъ радъ.

* * *

Разрѣзалъ воздухъ звукъ сирены —
Низъ съ политической арены —
Къ развлеченiю Бѣлграда —
Было сразу два доклада —
Въ одномъ тряхнувши бородой
Явился Струве предъ толпой.
Онъ говорилъ, что русскимъ надо
Лизать и пяткы у Микадо.
Разъ съ желтолицею ордой —
Онъ завладѣетъ и Москвой.
Я повторять всего не смѣю —
Онъ несъ такую азиню,
Такую сресь и сумбуръ,
Разъ мы отдали Портъ-Артуръ —
Мы отгадали Иркутскъ и Томскъ,
Якутскъ, Хабаровскъ, городъ Омскъ.
„Богата Русь вообще землей —
Онъ рекъ, тряхнувши бородой, —
„Японцы лучше друзья —
Пусть въ томъ порукой буду я!"
Онъ, переведшiй Маркса томъ
Пришелъ учить насъ въ Русскiй домъ —
Считавшiй Ленiи эстетомъ —
Подъ Императорскимъ портретомъ,
Онъ говорилъ, что все поправъ —
Все жъ для профессора скандалъ,
Такъ ошибиться въ перекраскѣ,
Какъ оборотень въ кѣмой сказкѣ.
И на него, какъ Божiй бичъ,
Свалился графъ Илья Ильичъ.
Илья Ильичъ былъ добрый малый,
Но временами просто шалый
А потому бетъ тяжкихъ мукъ —
Онъ мадорросскiй политрукъ.
Онъ офицеръ, врагомъ морской
И онъ зовется графъ Толстой —
Толстого Льва послѣдiй внукъ —
И мадорросскiй „политрукъ"
Доволенъ былъ женой, обѣдомъ,
Но не доволенъ славянизмъ дѣдомъ.

И въ политическомъ угарѣ
Онъ возражалъ, какъ на базарѣ.
Тутъ подымался и кричъ и гамъ —
И вы, читатель, были тамъ —
Такой поднялся кавардакъ —
Звонилъ Давитсъ и такъ и сякъ —
Онъ былъ убогiй предсѣдатель —
Вы очевидецъ, мой читатель;
Поднялся крикъ, такой кагалъ —
Кричалъ Балдовичъ генералъ —
Начальникъ эстетаго отдѣла,
Толпа шумѣла и ревѣла.
И даже Знаменскiй, жандармъ —
Кричалъ съ галерки: „всѣ Aux Armes!".
Вопили старцы и юнцы
А національные малцы —
Какъ иступлененые іуден
Ревѣли дико съ галлереи:
„Убей его, распни, распни,
Но Струве, Боже сохрани".
Ушла вся группа мадорроссовъ,
Ушелъ и Петя Абрикосовъ
Ушелъ съ собранья графъ Илья —
Ушелъ отъ скуки даже я.
Но про другой еще докладъ —
Я сообщить вамъ очень радъ.

* * *

О монархiи на чужбинѣ
Прочиталъ Рякло-Рякинин.
Широкiй лобъ, открытый взоръ,
И сталъ онъ въ позу, какъ теноръ —
Онъ шаркнулъ ножкой, сдѣлалъ „па",
Какъ славный Марiусъ Петипа.
И ожидали всѣ: Безъ ногъ.
Рякинъ арiю споетъ.
Какую арiю безъ ногъ?
Конечно, „Вани у воротъ".
Со словъ Рякинин выходило,
Что Русь спѣетъ одно кадило.

* * *

И на эстраду вышелъ тутъ
Курчавый, юный Багоутъ.
И онъ въ своемъ докладѣ тонкомъ
(Онъ въ ту эпоху былъ ребенкомъ)
Свои передалъ размышленiя
И безъ конца и безъ введенiя.
О ты, „Россiя Молодая",
Ты неужели вся такая?!

* * *

Затѣмъ извѣстный якъ бравадой
Илья явился предъ эстрадой..
Бѣда коль фалтсей офицеръ —
Явить риторики примѣръ.
Каковъ былъ графъ Толстой Илья
Уже писалъ объ этомъ я.

* * *

Послѣднимъ выступилъ Не-Буховъ,
Но отложу я комментарiй,
Онъ, какъ никакъ, сотрудникъ „Буха",
А я всегда парламентарекъ.

Жоржъ Савульшiю.

Илл. 22. Поэтическая рецензия из журнала «Бух!» [19, с. 5.].

Илл. 23–24. Карикатуры в журнале «Бух!» на П.Б. Струве и на лекции в Русском доме [16, с. 6.; 17, с. 8.].

Данный обзор Книги концертного зала Русского дома, конечно, неполный, и сама Книга требует более тщательного и внимательного изучения, а возможно, и переиздания с комментариями и примечаниями, поскольку является ценным документом, живым свидетельством времени. Полный ее анализ, особенно в сопоставлении с прессой (как русской, так и сербской), может дать яркую картину важных событий из жизни русской эмиграции Югославии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Антанасиевич И*. Русский дом в Белграде. Белград: Архив Алтера, 2018. 77 с.
2. *Антанасиевич И*. Русский дом в Белграде: история и память (к девяностолетию со дня открытия). Белград: Русский Дом, 2023. 244 с.
3. *Антанасиевич И.* Русский дом на страницах белградского эмигрантского сатирического журнала «Бух» // Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении: Международный научный симпозиум (Белград, 1–2 июня 2011 г.): Доклады. Београд: Славистическое общество Сербии, 2012. С. 247–254.
4. *Антанасиевич И.*, *Чурич Б*. Русский дом в Белграде: история строительства и первоначальная структура // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXVIII Международной научной конференции. Москва: Аквилон, 2016. С. 108–113.
5. *Арсеньев А.Б*. Русский Дом в Белграде после 1941 г. // Русија и Србија на прелому векова: српске теме Андреја Шемјакина. Београд: Графо сан, 2020. С. 333–336. DOI: 10.31212/zradova.17.rusijaisrbija.ars.333-336
6. *Косик В.И*. Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде (1920–1950-е годы). М.: Ин-т славяноведения РАН, 2007. Ч. 1. 288 с.
7. *Ураков М.А*. Шестьдесят лет Русскому дому в Белграде // Славяноведение. 1994. № 4. С. 59–61.
8. *Чурич Б*. Русский дом в Белграде: по поводу 75-летия работы Дома // Изучавање словенских језика, књижевности и култура као инословенских и страних: зборник реферата: међународни симпозијум. Београд: Славистичко друштво Србије, 2008. С. 367–373.
9. *Чурич Б*. Храм русской культуры в Белграде // Этносфера. 2009. № 5. С. 20–22.
10. *Ђурић О*. Шездесет година Руског дома императора Николаја II у Београду (1933–1993) // Руска емиграција у српској култури XX века: зборник радова. Београд: Филолошки факултет, Катедра за славистику и Центр за научни рад, 1994. Т. 1. С. 123–129.
11. *Жељски Т*. Лична позорница Јурија Ракитина. Београд: Архив Српске православне цркве; Руски научни институт, 2024. 227 с.
12. *Максимовић М*. Руски дом // Летопис Матице српске. 2021. Књ. 507, № 3 (март). С. 246–253.

13. *Марковић О.*, *Чолић Д.* Александар Черепов и «Руско Драмско Позориште за Народ» // Руска емиграција у српској култури XX века: зборник радова. Београд: Филолошки факултет у Београду, 1994. Т. II. С. 129–138.
14. *Просен М.* 75 година Руског дома у Београду // Наслеђе = Heritage. 2008. Бр. 9. С. 211–220.
15. *Станковић Б.* Руски дом и Славистичко друштво Србије // Славистика. 2003. Књ. 7. С. 342–346.

Источники

16. [*Б.п.*]. Истязание памяти генерала Кутепова: [карикатура] // Бух!. 1933. № 13. С. 6.
17. [*Б.п.*]. «Но есть и активная…»: [карикатура] // Бух!. 1934. № 16. С. 8.
18. [*Б.п.*]. Новые русские частушки // Бух!. 1934. № 20. С. 4.
19. *Герасимов Г.* [*Жорж Савулькин*]. О том, о сем… // Бух!.1934. № 16. С. 5.
20. Из двух углов. Переписка Николая Евреинова с Юрием и Юлией Ракитиными 1928–1938 / публ., вступит. ст. и примеч. В.В. Ивановой // Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра XX века. М.: Изд. «Артист. Режиссер. Театр», 2004. Вып. 3. С. 243–278.
21. *Миклашевский О.* Русский общедоступный театр в Белграде // Новое русское слово. 1982. № 25824. 18 мая. С. 5.
22. Русский дом им. императора Николая II в Белграде: Открытие 9 апр. 1933 г. Белград: [Б. и.], 1933. 45 с.
23. *Тищенко Н.И.* «Ожалошћена породица» в Русском Доме. Неожалошћена породица тоже в Русском Доме // Бух!. 1934. № 22. С. 8.
24. [*Аноним*]. Београдски живот // Правда. 1933. 10 июня. С. 13.
25. [*Аноним*]. Београдски живот // Правда. 1934. 6 мая. С. 5.
26. [*Аноним*]. Еуритмичка представа // Време. 1928. 17 мая. С. 8.
27. [*Аноним*]. Модерна болница у спомен Краља Александра Првог подићи ће се у Приједору // Време. 1936. 28 декабря. С. 8.
28. [*Аноним*]. Њ.В. Краљица, Њ.Кр. Вис. Кнез Павле и Кнегиња Олга на освећењу Руског дома Цара Николе Другог // Правда. 1933. 10 април. С. 3.
29. [*Аноним*]. Освећење Руског дома Цара Николе II у присуству Њ.В. Краљице, Кнеза Павла, Кнегиње Олге и Принцеза Марине и Јелисавете // Политика. 1933. 10 април. С. 7.
30. *Др. М.М.* Отварање концертне дворане Дома Руске Културе. Концерт г. Орлова // Политика. 1933. 22 април. С. 11.

REFERENCES

1. Antanasievich, I. *Russkii dom v Belgrade* [*The Russian House in Belgrade*]. Belgrade, Arkhiv Altera Publ., 2018. 77 p. (In Russian)
2. Antanasievich, I. *Russkii dom v Belgrade: istoriia i pamiat' (k devianostoletiiu so dnia otkrytiia)* [*The Russian House in Belgrade: History and Memory (On the 90th Anniversary of Its Opening)*]. Belgrade, Russkii Dom Publ., 2023. 244 p. (In Russian)
3. Antanasievich, I. "Russkii dom na stranitsakh belgradskogo emigrantskogo satiricheskogo zhurnala 'Buh!'" ["The Russian House on the Pages of the Belgrade Émigré Satirical Magazine 'Buh!'"]. *Russkaia diaspora i izuchenie russkogo iazyka i russkoi kul'tury v inoslavianskom i inostrannom okruzhenii: Mezhdunarodnyi nauchnyi simpozium (Belgrad, 1–2 iiunia 2011 g.): Doklady* [*Russian Diaspora and the Study of the Russian Language and Russian Culture in Non-Slavic and Foreign Environments: International Scientific Symposium (Belgrade, June 1–2, 2011): Reports*]. Belgrade, Slavic Society of Serbia Publ., 2012, pp. 247–254. (In Russian)
4. Antanasievich, I., Churich, B. "Russkii dom v Belgrade: istoriia stroitel'stva i pervonachal'naia struktura" ["The Russian House in Belgrade: Construction History and Initial Structure"]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii: Materialy XXVIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [*Auxiliary Historical Disciplines in Modern Scientific Knowledge: Materials of the XXVIII International Scientific Conference*]. Moscow, Akvilon Publ., 2016, pp. 108–113. (In Russian)
5. Arsen'ev, A.B. "Russkii Dom v Belgrade posle 1941 g." ["The Russian House in Belgrade after 1941"]. *Rusija i Srbija na prelumu vekova: srpske teme Andreja Shemiakina* [*Russia and Serbia at the Turn of the Century: Serbian Themes of Andrei Shemiakin*]. Belgrade, Grafo san Publ., 2020, pp. 333–336. DOI: 10.31212/zradova.17.rusijaisrbija.ars.333-336 (In Russian)
6. Kosik, V.I. "*Chto mne do vas, mostovye Belgrada? Ocherki o russkoi emigratsii v Belgrade (1920–1950-e gody). Chast' 1*" [*What Are Your Streets to Me, Belgrade? Essays on Russian Emigration in Belgrade (1920s–1950s). Part 1*]. Moscow, Institut slavianovedeniia RAS Publ., 2007. 288 p. (In Russian)
7. Urakov, M.A. "Shest'desiat let Russkomu domu v Belgrade" ["Sixty Years of the Russian House in Belgrade"]. *Slavianovedenie*, no. 4, 1994, pp. 59–61. (In Russian)
8. Churich, B. "Russkii dom v Belgrade: po povodu 75-letiia raboty Doma" ["The Russian House in Belgrade: on the 75th Anniversary of Its Work"]. *Izučavanje slovenskih jezika, književnosti i kultura kao inoslovenskih i stranih: zbornik referata: međunarodni simpozijum* [*The Study of Slavic Languages,*

Literatures, and Cultures as Non-Slavic and Foreign: Collection of Reports: International Symposium]. Belgrade, Slavic Society of Serbia Publ., 2008, pp. 367–373. (In Russian)
9. Churich, B. "Khram russkoi kul'tury v Belgrade" ["The Temple of Russian Culture in Belgrade"]. *Etnosfera*, no. 5, 2009, pp. 20–22. (In Russian)
10. Đurić, O. "Šezdeset godina Ruskog doma imperatora Nikolaja II u Beogradu (1933–1993)" ["Sixty Years of the Russian House of Emperor Nicholas II in Belgrade (1933–1993)"]. *Ruska emigracija u srpskoj kulturi XX veka: zbornik radova.* [*Russian Emigration in Serbian Culture of the 20th Century: Collection of Papers*], vol. 1. Belgrade, Faculty of Philology, Department of Slavic Studies and Center for Scientific Work Publ., 1994, pp. 123–129. (In Serbian)
11. Željski, T. *Lična pozornica Jurija Rakitina* [*The Personal Stage of Yuri Rakitin*]. Belgrade, Arhiv Srpske pravoslavne crkve; Ruski naučni institute Publ., 2024. 227 p. (In Serbian)
12. Maksimović, M. "Ruski dom" ["The Russian House"]. *Letopis Matice Srpske*, book 507, no. 3 (March), 2021, pp. 246–253. (In Serbian)
13. Marković, O., Čolić, D. "Aleksandar Čerepov i 'Rusko Dramsko Pozorište za Narod'" ["Alexander Cherepov and the 'Russian Folk Drama Theater'"]. *Ruska emigracija u srpskoj kulturi XX veka: zbornik radova.* [*Russian Emigration in Serbian Culture of the 20th Century: Collection of Papers*], vol. 2. Belgrade: Filološki fakultet u Beogradu Publ., 1994, pp. 129–138. (In Serbian)
14. Prosen, M. "75 godina Ruskogo doma u Beogradu" ["75 Years of the Russian House in Belgrade"]. *Nasleđe*, no. 9, 2008, pp. 211–220. (In Serbian)
15. Stanković, B. "Ruski dom i Slavističko društvo Srbije" ["The Russian House and the Serbian Slavonic Society"]. *Slavistika*, book 7, 2003, pp. 342–346. (In Serbian)

Дата поступления статьи: 30 октября 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 17 февраля 2025 г.
Дата публикации: 29 декабря 2025 г.

Received: October 30, 2024
Approved after reviewing: February 17, 2025
Date of publication: December 29, 2025

Научная публикация архивных материалов

УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-428-479
https://elibrary.ru/GXPRNQ

«ВОЕННОПЛЕННЫЙ В ОТПУСКУ» (ПИСЬМА В.Б. СОСИНСКОГО Т.А. ОСОРГИНОЙ). ЧАСТЬ 1-я (1943–1945)[1]

© 2025 г. В.И. Хазан

Аннотация: Предпринятая публикация писем прозаика и литературного критика В.Б. Сосинского (1900–1987) к библиографу и историку русского масонства Т.А. Осоргиной (1904–1995), вдове известного писателя, публициста и видного масонского деятеля М.А. Осоргина (1878–1942), является частью большой работы, знакомящей с довольно крупным массивом переписки между двумя этими корреспондентами. В данном случае она ограничена сравнительно небольшим по времени эпизодом из эпохи Второй мировой войны (1943–1945), когда Сосинский, вернувшийся из немецкого плена к своей семье на остров Олерон, встал в ряды борцов за освобождение Франции от нацистов. Публикуемые письма содержат немало информации, расширяющей представления о жизни русской эмиграции в военные годы: в них рассказывается о жизни на Олероне, оккупированном немцами, на котором действовала подпольная организация, связанная с охранявшими остров русскими солдатами армии ген. Власова (в эту организацию входил сам автор писем и его свояк, эмигрантский поэт и прозаик В.Л. Андреев); обсуждаются судьбы тех, кто составлял до войны масонское братство (членов ложи «Северная Звезда»), включая ее руководителя М. Осоргина, самого Сосинского, а также С. Луцкого, А. Каффи и др.; выясняются любопытные эпизоды в биографии Сосинского: так, находясь в немецком плену, он оказался задействован как декоратор фильма «Münchhausen», о чем со-

[1] Подготовка текста, публикация, вступительная заметка и комментарии В.И. Хазана. За помощь в подготовке этой публикации к печати приношу искреннюю благодарность А.В. Сосинскому, сыну ее главного героя и автора писем.

общается в одном из писем. Обнаруживаемые в письмах факты вплетаются в хронику полного исторических загадок бурного XX в.

Ключевые слова: Вторая мировая война, быт на острове Олероне, масонское братство, духовное наследие М. Осоргина-масона.

Информация об авторе: Владимир Ильич Хазан — PhD, профессор, Еврейский университет в Иерусалиме, Маунт Скопус, 91905 Иерусалим, Израиль.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7937-5790
E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com

Для цитирования: *Хазан В.И.* «Военнопленный в отпуску» (письма В.Б. Сосинского Т.А. Осоргиной). Часть 1-я (1943–1945) // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Вып. 3 / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 428–479.
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-428-479

Scientific Publication of Archival Materials

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

“THE PRISONER OF WAR ON LEAVE” (LETTERS FROM V.B. SOSINSKII TO T.A. OSORGINA). PART 1 (1943–1945)[2]

© 2025. Vladimir I. Khazan

Abstract: The undertaken publication of letters from the prose writer and literary critic V.B. Sosinsky (1900–1987) to the bibliographer and historian of Russian Freemasonry T.A. Osorgina (1904–1995), the widow of the famous author,

[2] Preparation of the text, publication, introductory note and comments by V.I. Khazan. For assistance in preparing this publication for printing, I express my sincere gratitude to A.V. Sosinskii, the son of its main character and the author of the letters.

publicist and prominent Masonic figure M.A. Osorgin (1878–1942), is part of a large work introducing a fairly wide-reaching epistolary body between the two correspondents. In this case, it is limited to a relatively short episode from World War II (1943 –1945), when Sosinsky, who returned from German captivity to his family on the island of Olèron, joined fighters for the liberation of France from the Nazis. The publication contains some interesting information about the lives of Russian émigrés during World War II. They tell us about life on Oleron, occupied by Germans, where an underground organization operated, connected with the Russian soldiers of the Russian Liberation Army (ROA), who guarded the island (this organization included the author of the letters himself and his brother-in-law, the emigrant poet and novelist V.L. Andreev); here is discussed the destiny of those who formed the Masonic brotherhood before the war (members of the North Star Lodge), including its leader M. Osorgin, Sosinsky himself, as well as S. Lutsky, A. Caffi, etc.; curious episodes in Sosinsky's biography are revealed: for example, while in German captivity, he was involved as a set designer for the film *Münchhausen*, as reported in one of the letters. The facts found in the letters are woven into a chronicle full of historical mysteries of the turbulent XX century.

Key words: World War II, everyday life on Olèron island, Masonic brotherhood, M. Osorgin's Masonic heritage.

Information about the author: Vladimir I. Khazan, PhD, Professor, The Hebrew University of Jerusalem, Mount Scopus, 91905 Jerusalem, Israel.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7937-5790
E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com

For citation: Khazan, V.I. "'The Prisoner of War on Leave' (Letters from V.B. Sosinsky to T.A. Osorgina). Part 1 (1943–1945)." *Emigrantica*. Issue 3, ed.-comp. E.R. Ponomarev, acad. ed. E.R. Ponomarev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 428–479. (In Russian)
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-428-479

Жизнь и судьба писателя, литературного критика и мемуариста Владимира (Бронислава) Брониславовича Сосинского (1900–1987) поистине достойны пера романиста[3]. Эмигрировав на Запад

[3] О мультипликации его имен и фамилий: Бронислав (Bruno) Владимир Рейнгольд Сосинский-Семихат, см.: [13, с. 219–220]. Сосинский и публикуемые ниже письма подписывает по-разному: в одних случаях Б<ронислав> С<осинский>, в других — В<олодя>.

в 1920 г. вместе с эвакуировавшейся Белой гвардией, он через сорок изгнаннических лет вернулся на родину. На чужбине полной мерой хлебнул предназначенную всякому беженцу чашу испытаний — поменял разные города и страны и перепробовал десятки видов деятельности, побывал в массе переделок и повидал немало горя и нужды; работал «хамалом» (портовым грузчиком) и слесарем-прокатчиком на автомобильном заводе «Рено», служил в известном фотоателье П. Шумова [76] и был картографом в Hachette (французское акционерное общество по изданию, распространению книг и периодической печати); секретарствовал в журнале «Воля России» и был автором обложки журнала «Числа»; писал рассказы и рецензии и возглавлял Франко-славянскую типографию; являлся автором и организатором многих инициатив в кругу эмигрантских поэтов и писателей[4] и был членом масонской ложи; в годы Второй мировой войны участвовал в качестве добровольца в битве за Францию и прошел немецкий плен, являлся подпольщиком-резистантом на острове Олерон, а в послевоенные годы служил в переводческо-стенографическом отделе ООН… Он не только встречался, но близко сходился и дружил со многими известными историческими деятелями XX в., и из оставленных им мемуарных новелл, объединенных общим названием «Конурка», — частью опубликованных[5], а частью ожидающих своего издательского часа — можно было бы приготовить несколько увлекательных книжных томов, в которых оказался бы запечатлен быт, нравы, события и разнообразные портреты известных людей русской эмиграции между двумя мировыми войнами. Что же касается его гигантского эпистолярного наследия, то оно, относительно неплохо сохранившееся, позволяет глубже, полнее и выразительнее представить не только собственную биографическую историю Сосинского и тот разнообразный людской калейдоскоп, что составлял его родственный, дружеский, приятельский круг и близкую житейскую среду, но и целые полотна «большого времени», увеличивающие масштаб от частного к общему и дающие возможность судить о широком — едва ли не эпохальном — историческом контексте[6].

---

[4] Которые не всегда доводились до воплощения, как, скажем, так и не увидевший свет сборник в честь Б. Поплавского, см. об этом в письме Г. Адамовича Сосинскому (РГАЛИ. Ф. 2505. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 5–5 об).

[5] См.: [49; 75; 77; 78].

[6] См. несколько уже опубликованных эпистолярных корпусов Сосинского и к нему: [11; 13; 46; 47, с. 11–22; 51, с. 257–308] и др.

Одной из многолетних корреспонденток Сосинского была Татьяна Алексеевна Осоргина (урожд. Бакунина[7]; 1904–1995), третья жена его наставника, учителя и ближайшего друга по масонскому братству, писателя и журналиста, литературного критика и общественного деятеля Михаила Андреевича Осоргина (наст. фамилия Ильин; 1878–1942). Историк масонства, библиотекарь и библиограф, Бакунина-Осоргина родилась в семье врачей — Алексея Ильича Бакунина (1874–1945), который в течение краткого периода (1907) являлся членом II Государственной думы от партии кадетов, и Эмилии Николаевны (урожд. Лопатина; 1875–1960), заслужившей за свою доблестную деятельность в годы Второй мировой войны Военный крест от французского правительства (1946). В российские годы Бакунина училась на историческом факультете Московского университета, свои воспоминания о котором опубликовала позднее, находясь в эмиграции, под псевдонимом Алексеева [38], см. также ее некрологический очерк об А.А. Кизиветтере, лекции которого она слушала в том же университете [41]. М.А. Осоргин познакомился с ней летом 1922 г., незадолго до своего выдворения из России на знаменитом «философском пароходе»: зная отца Татьяны Алексеевны со студенческих лет, он скрывался от преследования большевистских властей в частной клинике Бакуниных. Через некоторое время клиника была закрыта, поскольку, кроме Осоргина, она служила убежищем и для других опальных фигур, оказавшихся вне закона, например, бывшего патриарха Московского и всея Руси Тихона (в миру Василий Иванович Беллавин; 1865–1925), см. о нем в воспоминаниях матери Татьяны Алексеевны, Э.Н. Бакуниной [43]. Это послужило последней каплей для принятия семейного решения покинуть Россию. Весной 1926 г. Бакунины через Берлин прибыли в Италию и поселились в рыбацкой деревушке Кави-ди-Лаванья, где их встретил Осоргин. Его обручение с Татьяной Алексеевной, которая была младше жениха на 26 лет, произошло — вопреки многим утверждениям на сей счет — до расторжения последним своего брака со второй женой, Рахелью Григорьевной Осоргиной (урожд. Гинцберг; 1885–1957), ни о чем таком даже не подозревавшей и узнавшей о новой спутнице мужа намного позже свершившегося факта[8]. В октябре того же года молодожены вместе с родителями

[7] Одна из современных исследовательниц — по совершенно неведомым основаниям — утверждает, что ее девичья фамилия была Лаврова, см.: [1, с. 25].

[8] Та благостная картина, которая нарисована в биографическом очерке Т. Бакуниной, мало соответствует реальной действительности: «К тому времени <приезда

невесты перебрались в Париж. Защитив в Сорбонне диссертацию, начатую еще в России [81], Татьяна Алексеевна, под несомненным влиянием мужа-масона, заинтересовалась историей русского масонства, результатом чего явились три ее известные книги на эту тему: [40; 42; 82].

Накануне оккупации немцами Парижа Михаил Андреевич, Татьяна Алексеевна и ее родители бежали на юг и поселились в деревне Шабри, расположенной в департаменте Эндр — на западе центральной части Франции. По Компьенскому соглашению, линия раздела на оккупированную и неоккупированную зоны проходила по притоку Лауры, реке Шер, на которой и расположена Шабри, оказавшаяся в относительно безопасной «свободной зоне». Был в самом начале момент, когда супруги попытались вернуться обратно в Париж, однако из этого ничего не вышло, и впредь они судьбы уже более не испытывали. В письме от 27 июля 1940 г., адресованном своему приятелю, секретарю парижских «Последних новостей» А.А. Полякову, Осоргин так описывал первые дни их «жития» в Шабри:

> Дорогой Ал<ександр> Абр<амович>, я только на днях в Париже узнал Ваш адрес. Сейчас я опять в неоккуп<ированной> зоне, где и останусь.
>
> Краткое описание жития. Бежали вчетвером (т. е. и Бакунины) 11-го <июня> прямо сюда, в Chabris, т. к. нас осыпали бомбами. Конечно, только с ручным багажом. Дорогой убиты не были. Остались живы и здесь, когда городок Chabris был взят с бою; мы, под огнем, спаслись в лесочке[9]. 10 дней были под немцами, затем, по перемирию, граница прошла по реке Шэр, а наш городок, на ней стоящий, стал «неоккупированным».
>
> Решили вернуться, п<отому> ч<то> жить было не на что. Это было сложно и тянулось долго. Одним словом, полу-ушли, полу-уехали домой. В Париже узнали, что моя квартира очищена от бумаг

Бакуниных в Италию> Михаил Андреевич развелся со своей второй женой Рахилью Григорьевной, дочерью видного еврейского философа и публициста Ашера Гирша Гинцберга, печатавшего свои трактаты под псевдонимом Ахад ха-Ам <…>» [9, с. 42]. О действительных перипетиях этой истории, в которой и сам Осоргин, и Татьяна Алексеевна, и ее родители показали себя далеко не с лучшей стороны, разрушив семью и действуя при этом не самыми моральными методами, см. в кн.: [29].

[9] О том, как жители Шабри спасались от артобстрелов в лесу, примыкающем к этой деревне, см. в книге Осоргина «В тихом местечке Франции» (1946) и воспоминаниях Н.А. Кривошеиной, упоминающей в них и Осоргиных [55, с. 118–126].

> трижды и запечатана[10]. И мы с Таней, уже без всяких вещей, даже без перемены белья, вернулись в Chabris, перейдя границу правдами и неправдами. Здесь у нас есть комнаты с соломенными тюфяками и приветливые друзья: можем остаться [57, с. 426–427].

Михаил Андреевич прожил в Шабри до конца своих дней (его не стало 27 ноября 1942 г.) и похоронен на местном кладбище, а Татьяна Алексеевна после смерти мужа перебралась в Сен-Женевьев-де-Буа (Sainte-Geneviève-des-Bois), где на участке земли, когда-то им приобретенном[11], в небольшом деревянном домике жили ее родители. Публикуемые ниже письма Сосинского адресованы ей в Сен-Женевьев-де-Буа.

По завершении Второй мировой войны Осоргина преподавала русский язык в École Normale Supérieure de Saint Cloud, служила в Département des périodiques russes de la Bibliothèque nationale de France и в Bibliothèque de documentation internationale contemporaine (Nanterre), а также входила в состав членов парижского Institute d'études slaves и являлась членом административного совета Bibliothèque russe Tourguénev à Paris. Она принимала участие в подготовке и издании чрезвычайно ценных библиографических справочников (см.: [19; 20; 21; 24; 25; 26; 32] и др.), являющихся базовыми для изучения литературного наследия как отдельных писателей-эмигрантов, которым они посвящены, так и для русской зарубежной литературы XX в. в целом. Об Осоргиной см.: [5; 7 (по указателю); 8 (по указателю); 9; 15; 16; 17; 23; 54].

Письма Сосинского Осоргиной пронизывает сквозная тема высочайшей преданности ей и ее покойному мужу, которая выковывалась в годы масонского братства: Михаил Андреевич являл для него непререкаемый авторитет друга-учителя, наставника, в известном смысле человеческий и творческий идеал, который не померк и в последующие годы. Нелишне будет напомнить, что после возвращения из эмиграции в 1960 г. Владимир Брониславович предпринимал титанические усилия познакомить советского читателя с литературным наследием Осоргина (в равной мере это касалось

---

[10] Ср. в письме П.Н. Милюкова Осоргину от 2 августа 1940 г.: «Дорогой Михаил Андреевич! С сокрушением душевным узнал о Вашем возвращении из Парижа и о судьбе Вашего архива и бумаг» [39, с. 529].

[11] На эту покупку были потрачены деньги, которые Осоргин получил за издание в США своего романа «Сивцев Вражек» (1928), переведенного на английский язык как «Quiet Street» (1930) и ставшего в американской читательской среде настоящим бестселлером.

и других близких ему по духу писателей-эмигрантов — А.М. Ремизова, например): не его вина, что идеологические слуги режима неусыпно стояли на страже суровых запретов и зорко следили за тем, чтобы «Каинова печать» на челе отверженных оставалась бы несмываемой. Все-таки что-то удавалось пробивать, апеллируя к политической безобидности осоргинских текстов, таких, скажем, как серия его книговедческих очерков «Заметки старого книгоеда». Благодаря Сосинскому четыре из них были републикованы в библиографических советских изданиях 70-х гг., см.: [59 (вступительная статья Сосинского: с. 244–45); 61; 62; 63]. Получив от него все эти, пробившиеся в советскую печать очерки покойного мужа, Осоргина писала в ответном письме от 3 декабря 1973 г.:

> К этому письму прикладываю записочку, которой поручаю Вам, и только Вам, ведение дел по печатанию. Если нужно мою подпись заверить, могу сделать доверенность по-французски и заверить подпись в мэрии; это единственное место, которому я подведомственна[12].

В данную публикацию, представляющую 1-ю часть задуманной большой работы (сохранившаяся переписка между Сосинским и Осоргиной насчитывает более двух сотен писем), включены исключительно его послания к ней[13]. Они охватывают сравнительно короткий период — чуть более полутора лет: первое письмо датируется 20 мая 1943 г., т. е. было написано примерно месяц спустя, после того как его автор, «военнопленный в отпуску» (так Сосинский определял свой социальный статус, см. почтовую карточку № 2, от 26 мая 1943 г.), освободившись из немецкого лагеря и пробыв некоторое время в Париже, вернулся к жене и сыну, которых оставил, став бойцом 4-го Маршевого полка иностранцев-добровольцев, а завершает подборку его сообщение о высылке с острова Олерона на континент в начале 1945 г. Это своего рода «единство времени» поддерживается двумя другими «классическими единствами» — места (все публикуемые ниже письма, исключая первое и последнее, написаны с острова Олерон) и действия (они выстроены примерно по единой событийной канве: посвящены описанию трудного трудового быта в годы немецкой оккупации Франции). Бдительно

---

[12] РГАЛИ. Ф. 2505. П. 2. Ед. хр. 19. Л. 29.

[13] Обратных писем этого времени обнаружить не удалось: скорей всего, они не сохранились.

сохраняя конспирацию, Сосинский естественным образом обходит в письмах к Осоргиной полным молчанием свою и Вадима Андреева деятельность как «резистантов» — самую, конечно, интересную и общественно значимую часть их жизни на Олероне в эти годы.

Двадцать лет спустя, после окончания Второй мировой войны, в Советском Союзе была издана книга о русских солдатах из армии ген. Власова, которые, стремясь смыть позор своего предательства кровью, приняли участие в деятельности антигитлеровского Сопротивления на острове Олерон [35]. Сосинский пытался сделать все от него зависящее, чтобы облегчить участь тех из них, кто вернулся на родину, был арестован и брошен в сталинские лагеря. Письма ему бывших власовцев, сохранившиеся в семейном архиве, ждут своего издательского часа, как ждет его и подробное описание деятельности Сосинского и Андреева в качестве бойцов 158 полка FFI (Les Forces franşaises de l'intérieur) — внутренних войск «Свободной Франции», подлинных героев олеронского подполья, носившего название Réseau Armagnac[14].

Публикуемые письма содержат немало информации, расширяющей наши представления о жизни русской эмиграции в годы Второй мировой войны. Так, например, в «романной» биографии Сосинского ко многому тому, что мы о ней знаем, раскрывается еще один совершенно удивительный факт: находясь в немецком плену, он оказался задействован как декоратор фильма «Münchhausen», о чем сообщается в п. 9, от 18–24 февраля 1944 г. Да и сама история «военнопленного в отпуску» вплетается причудливой нитью и в биографию самого Сосинского, и — в широком смысле — в хронику полного исторических загадок XX в. По крайней мере, публикуемый ниже материал однозначно корректирует утверждение исследователя о том, будто бы Сосинскому удалось из лагеря бежать (см.: [3, с. 366]).

Несколько слов о постоянно упоминаемом в письмах семейном клане Черновых-Андреевых-Сосинских-Резниковых, шутливо названном современницей конгломератом наподобие GmbH (немецкий эквивалент англоязычного Limited Liability Company)[15]. История о том, как три друга, «три мушкетера» — поэт, прозаик, литератур-

---

[14] Известную информацию об этом содержит книга воспоминаний дочери Вадима Андреева, Ольги Карлайл [37] — ее относительно недавний русский перевод используется в настоящей публикации (1-е, англоязычное, изд. — 1979); о самой О.В. Андреевой-Карлайл см. прим. 2 к п. 1, от 20 мая 1943 г.

[15] См. письмо С. Прегель А. Бахраху от 20 ноября 1951 г. [73, с. 82].

ный критик, мемуарист Вадим Леонидович Андреев (1902/1903–1976), сын известного русского писателя Л.Н. Андреева, поэт, литератор и издатель Даниил (Дода) Георгиевич Резников (1904–1970) и Сосинский, дружно женились на трех сестрах Черновых («чернушках», как прозвал их А.М. Ремизов, и это имя закрепилось в семейном быту) — близняшках Ольге и Наталье и их единоутробной сестре Ариадне, описана многократно и по различным поводам. Художница Ольга Викторовна (Митрофановна; урожд. Федорова; 1903–1979) и литератор, переводчик, мемуарист Наталья Викторовна (Митрофановна; урожд. Федорова; 1903–1992), дочери О.Е. Колбасиной-Черновой (см. о ней прим. 2 к п. 10 от 17 апреля 1944) от ее первого брака с художником М.С. Федоровым[16], удочеренные известным политическим деятелем, публицистом, одним из основателей и идеологов эсеровской партии, первым и последним председателем российского Учредительного собрания Виктором Михайловичем Черновым (1873–1952)[17], стали соответственного женами Андреева и Резникова. Сосинский женился на Ариадне (1908–1974), сестре Ольги и Натальи, родной дочери Чернова. Каждая из трех супружеских пар имела по два ребенка: Ольга и Александр у Андреевых, Андрей и Егор у Резниковых, Алексей и Сергей у Сосинских (см. о них в соответствующих примечаниях к письмам).

Письма приводятся по автографам, хранящимся в собрании Осоргиной в BDIC. F Δ res 841 (5) (5).

---

[16] См. о нем: [14].

[17] Строго говоря, Ольга и Наталья официально не были зарегистрированы как Черновы, поскольку брак В.М. Чернова с их матерью О.Е. Колбасиной остался неоформленным.

1

Ла-Рошель — Сент-Женевьев-де-Буа
20 мая 1943 г.

La Rachelle, le 20 mai 1943

Пишу Вам это письмецо, дорогая Татьяна Алексеевна, в крошечном матросском кафе, но более шумном, чем многолюдная ярмарка. В наш «губернский город»[1] я привез Олечку[2] для экзамена в лицее — и пользуюсь своим одиночеством, чтоб поговорить с Вами. Ваше письмо от 10-го мая — первое большое письмо ко мне, первое русское письмо[3] — я прочел не один раз — и перечитал только что наново… Несмотря на обилие тяжких фактов (да, да, Вы правы — в ссылках, тюрьмах, в плену больше всего нужны факты), несмотря на горечь, которой проникнута каждая Ваша строка — оно, Ваше удивительное письмо, радует меня именно тем, что дает как раз то, что мне нужно, что мне дорого, что вызывает во мне уйму мыслей, чувств и ассоциаций. Как приятно знать, что Вы видите меня так же ясно и углубленно, как это умел видеть М<ихаил> А<ндреевич Осоргин>. И я воспринимаю это письмо как написанное Вами обоими. Кто-то из современных писателей говорил, что гораздо легче проникнуть и понять философскую или иную проблему, чем изучить душу друга или жены. Вот почему меня так удивляет, что Вы так хорошо знаете Вашего «Соц'а»[4], Вашего Володю. И что Ваша пишущая машинка печатает именно те слова — и в том тоне, которые мне наиболее дороги. Спасибо, дорогая Татьяна Алексеевна, в течение всего моего плена Вы неизменно и всячески поддерживали меня[5], и даже теперь, когда я «на свободе», Вы продолжаете меня радовать каждым Вашим словом — единственное мое утешение в нашей общей огромной потере[6].

О как я понимаю то чувство боли (которое Вы называете злобой), которое не в силах был преодолеть М<ихаил> А<ндреевич> до последнего дня, и которое, только оно, движет Вас вперед теперь, и которое я мечтаю продлить в Вас с течением времени, — и как бы мне хотелось, чтобы и после, когда наша эпоха, наконец, устроится, когда жизнь примет нормальные формы, — чтобы Вы нашли в нашей общей дружбе ту опору, которая дала бы Вам возможность жить дальше!

———————

Вернувшись в St. Denis, я пересмотрю мои записи (есть один изумительный сон о М<ихаиле> А<ндреевиче>[7]) — я начну постепенно делиться подробностями моей жизни, как делился бы с М<ихаилом> А<ндреевичем>… В зеркалах кафе и витринах — снова французских — я замечаю более ясно, как я поседел за эти годы, как углубились морщины на лбу… Вы с трудом меня узнаете, дорогая Татьяна Алексеевна, было тяжело, временами казалось — не доживу, и вот, как видите, дожил — и дожил до действительно большого счастья. Эти первые дни на острове — среди любимой детворы, под лаской женщин, под вниманием Вадима <Андреева> — иначе и не назовешь! Но об этом когда-нибудь после.

Две вещи я принимаю с радостью и жду: фотографию М<ихаила> А<ндреевича> и костюм, который мне будет действительно носить приятно.

Вернулась с экзамена Олечка Андреева. Кажется, не очень благополучно, судя по слезам[8]! Но официального результата еще нет. Вместо большого письма — все скомкал. Но пошлю и так, ибо Вы просили поскорее дать знать о летнем костюме.

Крепко целую Вас.

Очень скоро напишу Вам снова.

Ваш В<олодя>

P.S. Мне стыдно просить еще кое-что после всех бесчисленных потерь в «вещицах», которым подвергла Вас судьба в последние годы. Мне хотелось бы просить хотя бы несколько страниц М<ихаила> А<ндреевича>. Если у Вас нет отдельных книг — я был бы рад получить хотя бы какой-нибудь старый журнал с его вещью. Если иначе нельзя — с обязательством вернуть.

[1] Так, в шутку, Сосинский называет портовый город на побережье Бискайского залива, который отделяли от Сен-Дени (St. Denis), городка на северной оконечности Олерона, где в то время находилась резиденция семейного клана Сосинских и Ко, чуть более 20 км на юг.

[2] Олечка — Ольга Вадимовна Карлайл (Andreyev-Carlisle; урожд. Андреева; 1930), дочь Вадима и Ольги Андреевых (см. о них выше, во вступительной заметке), в будущем писательница, журналист, переводчица и художница, автор книг «Voices in the Snow: Encounters with Russian Writers» (1962), «Poets on Street Corners: Portraits of Fifteen Russian Poets» (1968), «Modern Russian Poetry» (transl. and ed. by O. Andreyev and Rose Styron; 1972), «Solzhenitzyn and the Secret Circle» (1978), «Island in Time: A Memoir of Childhood, Daily Life

During the Nazi Occupation» (1979), «Under a New Sky: A Reunion with Russia» (1993), роман «The Idealists» (в соавторстве со своим мужем Henry Carlisle, 1999) «Far from Russia» (2000) и др. Чтобы избежать путаницы, близкие Андреевым люди разделяли в своих письмах мать и дочь на Олю Большую и Олю Маленькую, см., например, в письмах Сосинского В.М. Чернову от 26 ноября 1932 г.: «<…> Оля маленькая — чувствительная и нежная девочка, хлопотунья и умница <…>» (ГАРФ. Ф. Р-5847. Оп. 2. Д. 114. Л. 128 об.), или Даниил Андреев, младший брат Вадима (см.: [48]), или в письме Н.И. Столяровой к О.В. Андреевой: «Милая Оля (большая!) Не зная, где Оля-маленькая, шлю через Вас ей письмо, как договорились» (HIA. Olga Carlisle Papers. Box 61). В один из своих приездов в Москву О.В. Андреева-Карлайл познакомилась и подружилась с Н.Я. Мандельштам, с которой состояла в переписке, см.: [58].

[3] Т. е. первое письмо, полученное Сосинским после возвращения из немецкого плена от кого-либо из числа его русских друзей-корреспондентов.

[4] В семейном клане Черновых-Андреевых-Сосинских-Резниковых были в ходу многочисленные семейные прозвища, шутливые клички, изобретательные алиасы (многие из них принадлежали близкому к ним А.М. Ремизову). По мнению сына Сосинского, Алексея Владимировича, фамилию «Социн» придумал для его отца Вадим Андреев (вероятно, игровое искажение от Сосин<ский>), которая, однако, в семейно-дружеском обиходе не прижилась. Судя по всему, «Соц» и есть здесь сокращенный вариант «Социна».

[5] О том, что Осоргины поддерживали Сосинского в лагере, регулярно отправляя ему продовольственные и вещевые посылки, существует множество свидетельств, см., например, письмо Ариадны Сосинской к Осоргиной от 28 января 1942 г.: «От мужа я получаю письма с некоторым опозданием — последнее было от 21/XII <1941>. У него все хорошо, их лагерь стал теперь свободным: они имеют право, вне рабочих часов, ездить в город, выходить, гулять одни. Представляю себе, как радует их эта свобода после долгих месяцев сиденья за колючей проволокой. Перед Рождеством он получил две Ваши посылки. Я спросила его о вещах, Вами посланных, и жду ответа. Спасибо Вам и Луцкому за все. Мой муж и группа его товарищей по субботам готовят себе еду сами; в последней посылке я послала ему макарон и фасоли» (BDIC. F Δ res 841 (5) (5)). См. также относящиеся к военному времени письма Осоргину еще одного члена масонского братства — упомянутого в письме Ариадны Викторовны С.А. Луцкого, в кн.: [56, с. 247–277]. Семен Абрамович Луцкий (1891–1977), инженер, поэт, член масонской ложи «Северная звезда»; ближайший друг Осоргиных и Сосинского. См. о нем в кн.: [4; 12; 28 (index); 44; 56]. Луцкий, находившийся во время нацистской оккупации Франции в неоккупированной зоне — в Лионе и Гренобле, оказывал помощь всем, кому и чем только мог. Ср. в письме Осор-

гина масону П.С. Иванову в Париж (январь 1942 г.): «Иногда пишет Сема <Луцкий>. Он много работает, и сверхурочно, и все, что остается от содержания семьи, отдает. <…> С ним теперь делим расходы и по ежемесячным посылкам Сос<инскому> в его германский лагерь, — самое наше большое удовольствие, как ни трудно добывать сладости и всякие консервы, все то, чего сами для себя не видим. Отлично выходят посылки, пятикиловые» [67, с. 324].

[6] Т. е. в потере М.А. Осоргина.

[7] См. п. 3, от 13 июня 1943 г.

[8] См. п. 4, от 2 июля 1943 г., где он пишет, что «Олечка, несмотря на слезы, в Le Rochelle (она была слишком скромной), экзамен выдержала — и очень хорошо».

2

о. Олерон — Сент-Женевьев-де-Буа

26 мая 1943 г.[1]

Expéditeur
M-r Bruno Sossinsky
Rue du Pact
St. Denis d'Oleron
(Charente Mar<iti>me)

Madame T.A. Occorguine
165, Route de Corbeil
Geneviève des Bois
(S. et O.)
26.5.<19>43

Дорогая Татьяна Алексеевна,

по возвращении из La Rochelle я получил Вашу обеспокоенную открытку. Надеюсь, что Вы уже получили мое письмо оттуда и уже знаете, что Ваши письма дошли благополучно. Что касается «отпуска из плена» — то это лишь официальная формула из наших документов, т. к. по relève[2] нас не освобождают окончательно, и мы продолжаем числиться военнопленными в отпуску; на самом же деле нужны какие-либо сверхординарные события, чтобы нас снова вытребовали туда — и мы практически считаем наше освобождение окончатель-

ным… К моим просьбам, которыми я закончил свое прошлое письмо — мне хочется присоединить еще одну: конечно, это не спешно, и когда у Вас найдется время — в пределах возможного — прислать нам некоторые отрывки из речи М<ихаила> А<ндреевича> 2 июня 1932 г.[3]. И еще последнее: к карточкам М<ихаила> А<ндреевича> не могли ли бы Вы приложить и свою, хотя бы любительскую?

Сердечно Ваш Б. С<осинский>

[1] Почтовая карточка.

[2] Relève (*фр.*) — освобождение.

[3] Имеется в виду Речь Бр∴ Оратора 2 июня 5932 (2.VI.1932), произнесенная Осоргиным на церемонии посвящения в масонскую ложу «Северная Звезда» Вадима Андреева, Гайто Газданова, Виктора Маршака и Сосинского (текст речи см. в кн: [8, с. 199–207]).

3

о. Олерон — Сент-Женевьев-де-Буа
13 июня 1943 г.

Дорогая Татьяна Алексеевна,

ранним утром я работал в поле (любимая моя теперь работа: это переворачивать землю: так медленно, спокойно думается и вспоминается, и на сердце — тихо, я полюбил это одиночество за физической работой, как паузу в нашем семейном счастье, в которую можно сильнее ощутить часы общей радости), и так, как каждое утро, я копал землю — и вдруг голос Вадима: «Володя, Тебе несут посылку». Подымаю голову: жена станционного смотрителя тащит мне прямо в поле огромную посылку, сразу, помню, у нас двоих одна и та же мысль: посылка от Вас.

Ну, конечно, бросили работу — пошли домой: впереди несутся наши пятилетки, наши три мушкетера[1]: «Во-ло-дя получил по-сылку!» — гремит по улицам до самого нашего дома. Ведь у нас все переживается с подъемом, с криком, даже когда пойман краб средней величины, — а тут посылка!

———

Любимая Татьяна Алексеевна! Очень меня и Вадима, и всю нашу семью взволновала Ваша посылка. Я хотел поделиться с Вадимом

пополам, но Вадим принял раздел лишь в фотографиях и книгах, все остальные вещи пошли мне. Как хорошо, что Вы прислали не одну-две фотографии, а целую коллекцию, не одну-две книги, а целую библиотеку М<ихаила> А<ндреевича>… У меня есть рамочка — и теперь М<ихаил> А<ндреевич> до конца моих дней будет смотреть на меня со стены за моей писательской работой (а я твердо решил быть писателем). Вадим перечитывает «Сивцев Вражек», я — «Повесть о сестре»[2], ибо помню, что она была любимой у М<ихаила> А<ндреевича>, и еще потому — это по секрету — всю мою жизнь я берег одну тему и только теперь приступил к ней (в последние дни плена) — о сестре моей Анне[3]…

Мне же теперь принадлежит портсигар М<ихаила> А<ндреевича>, и я каждое утро верчу папироски из Вадимого табаку и уношу их в этом портсигаре на работу (где на ветру, у берега моря, трудно вертеть) и всякий раз, закуривая, думаю о М<ихаиле> А<ндреевиче>. И часто это бывает на том же поле, где Вадим поставил камень-памятку — в час, когда он узнал о смерти, и где он тогда рыл землю… Ни Вадим, ни я точно не помним *этот* костюм на М<ихаиле> А<ндреевиче>, но ощутили родное — я был очень взволнован, когда его примерял (он сидит вполне хорошо, лишь надо укоротить брюки), опустил руку в карман пиджака и вытащил… пару перчаток под цвет костюму. Случайность ли это? Или Вы вложили сознательно?

Ваше письмо от 25-го мая я получил за несколько дней до посылки… Вы пишете о том, что М<ихаил> А<ндреевич> очень переменился за последний год. В моих воспоминаниях я вижу его всегда очень молодым — лишь с легкой тенью усталости на лице. В своих записях прошлого года (и как раз именно в конце мая) я рассказал очень любопытный сон. Все подробности его, интересные для характеристики М<ихаила> А<ндреевича> и моего к нему отношения, я передам Вам при случае. Сейчас ограничусь лишь маленьким отрывком.

«М<ихаил> А<ндреевич>, молодой, красивый, в летнем костюме, оживленно беседует с нами в одном из зал парижского Palace de Justice (после одного процесса, им блестяще выигранного, по-видимому, относящегося к Вашей эпопее начала июля 1941 г.). Помните, М<ихаил> А<ндреевич>, говорю я, на вас все ворчали, писали вам негодующие письма. Помните, вы обижали почтенных генералов, счастливый мир старосветских помещиков… вот — в ваших

статьях то здесь, то там высовывался кумачовый кончик платка — вот что значит правда! Правда режет глаза, и правда в конце концов торжествует. — И, повысив голос, добавил взволнованно: «Не час ли это победы нашей правды?!» — М<ихаил> А<ндреевич>, грустно улыбаясь, ответил: «Да… но почему *нашей* правды? Правда должна быть всеобщей»[4].

———

Скоро уже будет два месяца, что я вернулся домой. Они прошли, как два дня! Втянулся в работу с Вадимом — ту, что так любил М<ихаил> А<ндреевич> еще в те дни, когда я был в Château du Puch de Gensac (помню его прекрасное письмо на мое того времени)[5]. Здоровею с каждым днем, даже молодею, и все время уходит на землю, на океан, на детвору, еще не мог до сих пор заняться чем-нибудь другим — лето у нас жаркое, сияющее.

Единственное, что еще жду от Вас, дорогая Татьяна Алексеевна, кроме писем, это Вашу карточку — на этом очень и очень настаиваю. Спасибо за все, спасибо за бесконечное внимание, которое Вы мне всегда уделяли и продолжаете уделять.

Крепко целую Ваши руки. Поклон Вам.

Ваш любящий Вас Б. С<осинский>

[1] Имеются в виду три сына каждой из перечисленных выше семейных пар — двоюродные братья-сверстники: Саша (Александр Вадимович) Андреев (1937–2016), Алеша (Алексей Владимирович/Брониславович) Сосинский (1937) и Егор (Егор Данилович) Резников (1938). Сосинский переносит на сыновей полушутливый титул «трех мушкетеров», который носили их отцы.

[2] Т.е. [70] и [68].

[3] Сосинский был младшим в семье — мать, Анна Шёнберг, умерла при его родах. Кроме него в семье было еще трое детей: старший из них, Константин, погиб в годы Первой мировой войны, сестра Анна, о которой идет речь, умерла от туберкулеза в 1919 г. в Бердянске, и Евгений, которого А. Ремизов, склонный к карнавальным забавам, в том числе и ономастическим, перекрестил в Комарова (1895–1958). (Ср. в Дневнике В. Сосинского: «Для того, чтоб братьев не путали, Алексей Ремизов перекрестил моего Евгения на Комарова» (РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 25. Ед. хр. 591. Л. 368). Год рождения указан здесь по бумагам из семейного архива Сосинских; в биографическом словаре «Российское зарубежье во Франции, 1919–2000» значится 1892 г., см.: [2, с. 719]. Странную ошибку допускает Е.Р. Обатнина, автор замечательного исследования об Обезьяньей Великой и Вольной Палате, определяя

Е. Комарова не как брата Сосинского, к тому же старшего, а как его сына [6, с. 360]. Впоследствии отец, Бронислав Эдуардович (1867–1937), женился во второй раз — на Эмме Августовне Семихат (урожд. Ассмани; 1873–1947), которая имела сына Бориса, ставшего сводным братом Владимира Брониславовича.

[4] Ср. дневниковую запись Сосинского, датированную 20 мая 1942 г.: «Сегодняшний сон, из которого запомнился лишь конец. Судя по атмосфере, происходит это в Париже, оккупированном… Красной армией, в дни, когда работа ГПУ развернулась вовсю. М<ихаил> А<ндреевич>, молодой, в летнем костюме, беседует в одном из зал Palais de Justice со мною и с кем-то третьим, лицо которого расплывается в памяти, но, судя по всему, очень уважаемым нами. Разговор происходит после длительных допросов, от которых М<ихаил> А<ндреевич> благополучно отделался. — Один из тузов даже сказал мне комплимент: “Вы были крайним из самых крайне левых…”. И мне показалось, что здесь, в самом факте передачи этих слов чекиста и в неловкой улыбке М<ихаила> А<ндреевича>, сопровождавших их, было нечто от заочного прислуживания им (это промелькнувшее в мыслях выражение запомнилось точно). И я поспешил напомнить себе и моим собеседникам время, когда это было. — Помните, М<ихаил> А<ндреевич>, на вас все ворчали, писали вам негодующие письма. Помните, все обижали почтенных генералов, счастливый мир старосветских помещиков… в ваших статьях то здесь, то там высовывался кумачовый кончик платка — вот что значит правда! Правда режет глаза, и правда в конце концов торжествует. И, протянув руки обоим собеседникам, я закончил: — Не час ли это победы нашей правды?! М<ихаил> А<ндреевич>, оценивший мой жест, грустно улыбаясь, ответил: — Да… но почему нашей правды? Правда должна быть всеобщей» (РО ИРЛИ. Р I. Оп. 25. Ед. хр. 588. Тетрадь 25 и 26. 1941–1942 гг. с. 75–76).

[5] Лето 1939 г. Сосинские провели в городке Пелегрю (Pellegrue) в департаменте Жиронда (Geronde), на юго-западе Франции, известном, кроме прочего, своим средневековым замком Le château du Puch de Gensac. Супруги отправились туда, взяв полуторагодовалого Алешу. По-видимому, с наступлением осени Ариадна Викторовна с ребенком вернулись домой в Plessis-Robinson, а Сосинский остался там и, чтобы заработать немного денег, предложил свои услуги в качестве садовника (именно туда и пришло сообщение о его зачислении в Иностранный легион). В письме, написанном из Пелегрю 28 июля 1939 г. и адресованном всему фамильному клану (оно начинается с обращения «Милые дети, девочки и старики»), Сосинский так описывал замок Puch de Gensac: «замок расположен на краю длинного холма, отвесно, под прямым углом падающего широкую долину (что совершенно не видно на открытке, вообще ничего от замка не передающей). Вокруг

необычайно изящно изогнутые холмы, обступающие эту самую долину — покрытую и покрытые виноградниками, пшеничными полями и маисом… Эти последние чередуются с небольшими рощицами, прудами (река Дордонь далеко — клм <sic> 15!), фермами и, конечно, главное — «изюминка» нашего пейзажа — кипарисами! Замок в превосходном состоянии — привести его в такой вид стоило немало денег. Все это (я говорю про башни и внешние стены) большого калибра — очень интересно и требует изучения не меньшего, чем Ваше Cluny <вероятно, город Клюни в Верхней Бургундии>. Но сады и огороды в порядочно запущенном виде — и мне хватило бы работы на целый год, если бы я даже и был садовником. <…> В хорошем состоянии лишь бассейны с форелью, где хитроумная водная система служит предметом наших ежедневных ссор с Бытей <домашнее имя первенца Сосинских Алеши>, которого с этого места никуда в другое не переманишь» (Архив ДРЗ. Ф. 108. Оп. 1. Ед. хр. 21).

4

о. Олерон — Сент-Женевьев-де-Буа
2 июля 1943 г.

Île d'Oléron
le 2 Juillet 1943

Дорогая Татьяна Алексеевна,

я получил Ваше письмо с двумя фотографиями пару дней спустя, как отправил свое. Они разминулись, я хотел Вам тотчас же написать под свежим впечатлением, но начались две недели нашей лесной жизни — по сбору сосновых шишек (уже готовимся к зиме) и, несмотря на наслаждение от этой жизни — возвращался домой поздно и усталым…

Очень Вам благодарен за то, «что мне ни в чем нет отказа». На фотографии Вы точно такая, какой я привык Вас видеть — *там* и *тогда* (Боже, какой далекой кажется мне эта эпоха!) — она с такой необыкновенной силой воскресла во мне — наши понедельники, в которых Вы, отсутствуя, несомненно присутствовали (вспоминаю, мы говорили об этом когда-то с Гайто — кстати, давно ли Вы его видели? и что о нем слышали?[1]). Мих<аил> Андр<еевич> на фотографии с Кутей[2] — таким я его не помню, — конечно, по фотографии судить о нем трудно, но кажется он мне здесь ужасно как постаревшим (даже — в позе).

…Иногда по вечерам я читаю вслух некоторые из моих тамошних записей. Все время думал о тех больших письмах Вам, в которых использую эти странички — увы, это совершенно невозможно — придется еще повременить. Обещаю Вам помочь Вам в розысках тех вещей М<ихаила> А<ндреевича>, которые были отданы кому-то для чтения. У меня сохранились парижские дневники — с их помощью я могу Вам кое в чем услужить. Просматривая их недавно, я, между прочим, наткнулся на такую запись (в марте 1939 г.) о наших беседах, в которых я привожу свои слова: «Чрезвычайно украшает речь оратора прямое обращение лично к каждому из новичков. Так, например, для меня это одно из лучших воспоминаний»[3].

Письмо мое сегодня будет коротким — могу ответить лишь на Ваше последнее и сегодня же отправить. Я не совсем понял, куда Вы хотите ехать в ноябре и где Вы провели недавно полтора дня — Вы говорите о Chabris? Как же Вы будете там жить одна-одинешенька[4]?

Олечка, несмотря на слезы, в Le Rochelle (она была слишком скромной), экзамен выдержала — и очень хорошо[5]. Это был конкурс на стипендию — прошли очень немногие — и об этом своем успехе она с гордостью узнала… по местным газетам. Вадим просит Вас извинить за молчание — у него сейчас боевые дни: после лесной кампании была здесь засуха — приходилось выливать за полдня более 300 леек, а сейчас, наконец, пошел долгожданный дождь, и он спешит с пересадками. Мы скоро будем есть томаты, а пока есть картошка и фасоль (огурцы и кабачки — Вадим садовод хоть куда!).

От Семы <Луцкого> мы тоже получили открытку из Гренобля, где он со своей дочерью[6]. Что нас очень беспокоит — это *двухмесячное* молчание Каффи[7]! Я послал ему письмо, Вадим — и вот никакого ответа. Когда Вы от него получили последнее письмо?

14-го июля я еду в Royan, куда должен представляться каждые три месяца — заеду в La Rochelle, чтоб выхлопотать третьему из мушкетеров, Д. Резникову, разрешение на въезд сюда для недельного отпуска[2]. Пока я все еще отдыхаю, лишь помогая по хозяйству Вадиму, — на работу буду устраиваться в октябре месяце — и не решил вопроса (решит за меня судьба), остаться ли здесь или перееду в Париж.

Читаем по вечерам Достоевского и М<ихаила> А<ндреевича>. С большим интересом прочел Ваш Introduction (теперь французскую грамоту я одолел вполне), а в те дни, признаться, был еще слаб.

Еще раз спасибо за все, что Вы делали и делаете для меня.

Целую Ваши руки.

Любящий Вас

Б. С<осинский>

[1] Имеется в виду Гайто (Георгий Иванович) Газданов (1903–1971), писатель-эмигрант, масон; близкий друг Сосинского и Осоргиных. Его письма первому и переписку со вторыми см.: [47, с. 11–23, с. 57–64] соответственно.
См. дневниковую запись Сосинского, датированную 20 марта 1939 г.: «Чтобы стать большим писателем, нужно проделать гигантскую работу. Газданов (я беру его, ибо так мне кажется, в эмигрантской литературе он занял мое место) разменялся по всем линиям: растряс себя изнутри, растряс и печатно — ничего лучшего в своей жизни того, что он написал, он уже не напишет, это будет десятилетиями одно и то же…» (РО ИРЛИ. Р I. Оп. 25. Ед. хр. 585. Тетрадь 6. 1939. С. 12). Сосинский познакомился с Газдановым в 1923 г., когда оба учились в Шуменской гимназии (Болгария), см. п. 9, от 18–24 февраля 1944 г., в котором говорится: «<…> а наша дружба с Газдановым <…> старше 20 л<ет>…». В более поздние годы он называл себя «литературным крестным отцом» Газданова [3, с. 377], чей рассказ «Повесть о трех неудачах», с которого сам автор вел начало своего писательского пути, был опубликован в февральской книжке «Воли России» за 1927 г. — в том самом, где секретарствовал Сосинский.
[2] Возможно, имя собаки.
[3] Сосинский цитирует свою дневниковую запись от 22 марта 1939 г. В оригинале: «“Чрезвычайно украшает речь оратора прямое обращение лично к каждому из неофитов. Так, напр<имер>, для меня это одно из лучших воспоминаний”. На это откликнулись и Осоргин, и Вольфин, и Переверзев» (РО ИРЛИ. Р I. Оп. 25. Ед. хр. 585. Тетрадь 6. 1939. С. 15).
[4] Скорей всего, Татьяна Алексеевна писала Сосинскому о том, что планирует отправиться в Шабри на годовщину смерти мужа, которого не стало 27 ноября.
[5] См. п. 1 от 20 мая 1943 г.
[6] О Семене Луцком см. выше; дочь — Ада Луцкая (в замуж. Бэнишу-Луцкая; 1923–2016), художница; внучатая племянница (по матери) Льва Шестова. О семье ее матери (жены С. Луцкого), художнице Сильвии (Люси) Луцкой (урожд. Мандельберг; 1894–1940) и семье самой Ады см. в кн.: [28, pp. 887–929].
[7] Андрей Иванович Каффи (Andrea Caffi; 1887–1955) — публицист, специалист по истории и культуре Византии, знаток греческой культуры, поклонник философии Платона. Масон, член ложи «Северные братья» (1933–1939), посвящен 2 февраля 1933 г. по рекомендации А. Альперина, М. Тер-Погосяна и М. Осоргина, см.: [8, с. 103]. Родился в Санкт-Петербурге в семье итальянца, костюмера императорских театров. Участник революционного движения в России, за что несколько раз арестовывался (член РСДРП (меньшевик) с 1903 г.). В 1903 г. был выслан из России и жил в Берлине, окончил философский факультет Берлинского университета и защитил там доктор-

скую диссертацию. Из Берлина переехал в Париж. В годы Первой мировой войны вступил в ряды Иностранного легиона, был ранен. В 1916 г. стал корреспондентом итальянской газеты «Corriere della Serra». Служил в штабе 4-й итальянской армии. По окончании войны поселился в Турции, после чего вернулся в Россию, где жил в 1920–1923 гг., работал в Бюро Коминтерна как редактор специального бюллетеня. В 1923 г. вернулся в Италию, влившись в волну антифашистского движения. С 1926 г. жил в Германии, затем в Париже. После оккупации нацистами Парижа бежал на юг Франции и в годы Второй мировой войны находился в Тулузе, откуда и вел переписку с друзьями, включая Сосинского, Андреева, Осоргиных и пр. См. о нем: [10, с. 197–203; 22] и др.

[8] Даниил Резников (см. о нем выше, во вступительной заметке) в начале *drôte du guerre* («смешной войны») был мобилизован во французскую армию и воевал на северо-востоке Франции. Был ранен в ногу, но плена избежал, выскочив, по счастью, из немецкого окружения. Ему повезло больше, чем Сосинскому: с помощью французских монахинь Резников оказался в санитарном поезде, доставившем его в неоккупированную юго-западную зону Франции, неподалеку от Биаррица, и некоторое время он провел в госпитале, а оттуда перебрался в Париж. Его жена Наталья, которая с двумя сыновьями, Андреем и Егором, первоначально жила в Сен-Дени вместе с остальным семейным кланом, впоследствии оставила остров Олерон и перебралась на континент в город Ниор, см. в следующем письме: «С отъездом семьи Резниковых нас осталось восемь…».

5

о. Олерон — Сент-Женевьев-де-Буа
24 августа 1943 г.

Île d'Oléron, le 2 Août 1943

Дорогая Татьяна Алексеевна,

я уже начинал беспокоиться — я был уже и ранее напуган сопровождающей Вас в последнее время потерей вещей — думал уже, что и на этот раз случилась беда, как вдруг вчера после обеда пришла, наконец, Ваша посылочка. Тяжесть с сердца долой — хочу и Вас успокоить, поэтому тороплюсь с письмом.

Большое спасибо за конверты — у нас на острове их совсем нельзя достать: видите, в каком посылаю это письмецо (оно было заготовлено за несколько дней, поэтому не меняю его на Ваш) — дал

Вадиму 25 и половину оставил себе; галстук взял себе бархатный, из всех материй я больше люблю бархат (ах, я забыл, что Вы не любите женские разговоры о тряпках!), Вадиму дал — в крапинках…

Возвращаюсь к Вашему письму… Не жалейте, что не услышали моих рассказов под свежим впечатлением. Во мне «многое не сотрется» — Вы увидите, как это просто: я раскрою перед Вами ту или иную тетрадку и прочту Вам из моего дневника. Я много писал, и хоть потерял многое из написанного, все-таки кое-что сохранилось. Я был недавно в Niort[1] — отвозил Резникову его сына Андрюшу — и провел с ним два дня. Никогда я в своей жизни так много не говорил — до физической усталости: последнюю ночь не спали ни одной минуты — так до утреннего поезда. А был я без своих тетрадок — так что не огорчайтесь, милая Татьяна Алексеевна, и — это еще за нами!

В Париж я не тороплюсь, хотя и наклевывается там интересная работа. С отъездом семьи Резниковых нас осталось восемь, и мы с Вадимом твердо решили не разлучаться и остров пока не покидать. Чтоб продержаться зиму — в смысле картофеля, маиса и овощей — у нас благополучно, и т.к. не будет хватать лишь звонкой монеты (для хлеба, жиров, молока), я решил найти какую-нибудь работу на острове. И вот с 1 сентября мои каникулы кончаются, и я вступаю — пока лишь временно, на два-три месяца — на должность некоего «титулярного советника» в местной мэрии[2]!

Это лишь начало моей новой чиновничьей карьеры — может быть, здесь мне больше повезет, чем в типографиях, о которых у меня самые горькие воспоминания[3]. Мне ведь лучше служить, чем самому вести дело — и в Париже, например, я буду служить в кинематографических студиях, в которых я успешно разворачивался в Берлине[4]. Мне хотелось бы — еще до реализации больших проектов, о которых мы все теперь думаем, — укрепить свое положение во Франции, хотя бы в материальном отношении. Пора. Мне 21-го сего месяца исполнилось 43 года, шутка ли сказать. По счастью, за последние три года я выносил одну хорошую идею моего первого романа и многое уже сделал (в смысле собрания материалов, общего плана и отдельных сцен), так что, хотя и поздно, но я стал верить в себя как писателя, а писать в день я могу лишь 2–3 часа, что мне хватит при любой службе[5].

Я получил недавно прекрасное письмо от Каффи[6] — не могу себя удержать от радости поделиться с Вами хотя бы его двумя-тремя фразами. Дело в том, что огромное его письмо — в ответ на мое первое по возвращении сюда — до меня не дошло, и это для меня большая потеря.

Трудно повторить все, что в прошлом письме писал Вам о нашем М<ихаиле> А<ндреевиче> (в самом деле, только потеряв его, я понял, сколько был к нему привязан), и рассказ о внешних злоключениях, по себе не столь занимательный, тоже, кажется, лучше отложить до столь желанной встречи. Оправдаться хотелось бы в том, что причиняет неисцелимую, по-видимому, мою безрадостность. В самом деле, довольно давно я поддался малодушию, со склонностью, все более преобладающей, к одиночеству и *не*-деланию: «не стоит», «все равно не выйдет», «вероятно, ошибаюсь», «другие лучше меня сделают» — все эти жалкие прикрытия-отступления или просто лености учащались за последние двадцать лет. <…>

<…> как бы Вы и другие, мне ставшие очень дорогими, друзья не преувеличивали оценку моих «возможностей», как бы сам я ни старался обманывать себя, когда занавес опустился, т.е. когда года полтора тому назад я здесь остался один и при радикальной ликвидации четко предстало, что собственно уже два десятилетия я скитался как выбитый из строя и больше прикидывался участвующим в жизни, чем способен был действительно жить, — конечно, глупо было бы эгоцентрично раздувать всю эту историю до трагедии: тут судьба целого поколения, а также явление еще более общее (удачный переход от юности к зрелому возрасту удается лишь меньшинству действительно живых людей; у большинства все замазывается приличной долей опошления под штукатуркой солидного, профессионального, освященного условностями положения в семейно-собственническом государственном «строе»). Но в ответ на Вашу искренность хотелось ответить не менее прямым признанием. Могу ли я, таков, как я есть, быть какой-либо, хоть минимальной, «пользою» или «отрадою» для тех, кого люблю и высоко ценю, — вопрос, кот<орый> не мне решать. Еще тяготит отчасти совесть, но больше, признаюсь, согревает то, что всегда, с тех пор как себя помню, всегда люди (именно те, кот<орые> для меня многое значили) относились ко мне бесконечно лучше, чем я заслуживал, и изумительно терпеливо (больше, чем терпеливо) выносили мои недочеты. В этом отношении моя судьба была положительно счастливой, и потому, *в конце концов, я утверждаю, что мир, и в особенности человек, есть добро.*

Вадим и я, мы благодарим Вас, дорогая Татьяна Алексеевна, за присылку речи М<ихаила> А<ндреевича>, которая воскресила перед нами одни из самых дорогих минут нашей жизни[7]. Пожалели лишь только, что есть в ней пропуски — из личных обращений, о кот<орых> я писал в дневнике[8], — по счастью, это еще живо в на-

шей памяти. Не забудьте написать мне, как у Вас закончилось дело с издателем.

Время бежать на почту.

Целую Ваши руки — еще раз: спасибо.

Любящий Вас

В<олодя>

[1] Ниор (Niort) — город на западе Франции в департаменте Дё-Севр (Deux-Sèvres).

[2] См. в следующем письме: «…открывшаяся было вакация в местной мэрии была отклонена префектурой в виду моего нефранц<узского> происхождения».

[3] На протяжении ряда лет Сосинский был сначала секретарем, а затем директором Imprimerie Franco-Slave (32, rue de Menilmontant, Paris XX-ème). Место, где располагалась типография, он описал в письме Б.А. Слуцкому от апреля 1972 г. [3, с. 369], а о своей работе печатником рассказал в воспоминаниях «Франко-Славянская типография» [77, с. 103–107]; упомянута она также и в его воспоминаниях «А был ли другой Сергей Яковлевич?» [77, с. 109–119] и «Владимир Лебедев» [77, с. 191–194]. См. в этой связи любопытное обращение к Сосинскому как директору типографии его тестя В.М. Чернова, совершавшего зимой-весной 1935 г. лекционное турне по Палестине и просившего о допечатке и пересылке тиража его книги «Рождение революционной России» (1934) для продажи-распространения среди еврейских рабочих [27 (index)]; см. еще в письме М. Слонима к Р. Чеквер (письмо не датировано, но поскольку в нем идет речь о коллективной книге эмигрантских поэтов «Эстафета», оно относится к 1948 г.), в котором говорится о недостатках обложки и предлагается показать ее Сосинскому как специалисту по типографскому делу (BAR. MS R. Checkver Coll. Box 2).

[4] Речь идет о подготовке декораций для немецкой киностудии UFA, которыми Сосинский занимался, находясь в Потсдамской лагере военнопленных, см. прим. 6 к п. 9, от 18–24 февраля 1944 г.

[5] Сосинский имеет в виду свой роман «Битва за Францию», который в полном виде не опубликован по сей день; отрывок из него см. в кн.: [77, с. 209–227]. Несмотря на то что к битве за издание «Битвы за Францию» в Советском Союзе были подключены мощные силы в виде, скажем, К.М. Симонова, идеологическая машина оказалась непобедимой: внутренние рецензенты издательства «Советский писатель» обладали сверхчувствительным нюхом не только на «чужое» слово, но и на «чужие» оттенки в интонации, непривычный порядок слов, неканонизированные детали батальных описаний, и это несмотря на то, что в 1960–70-ые гг. понятие «окопной правды», казалось бы, было в советской литературе почти что узаконенным.

[6] См. прим. 7 к предыдущему письму.
[7] См. прим. 3 к п. 2, от 26 мая 1943 г.
[8] См. прим 3 к предыдущему письму.

6

о. Олерон — Сент-Женевьев-де-Буа
20 ноября 1943 г.

Île d'Oléron, le 20 Nov<embre> 1943

Дорогая Татьяна Алексеевна,

наконец, после столь долго перерыва я снова за письмом к Вам — именно то, о чем я часто думал в это хлопотливое время. Полон сейчас радости, что, наконец, снова могу побеседовать с Вами — для чего воспользовался ураганом в океане, ветрами и холодом, заставившими нас с Вадимом остаться дома вместо поездки в далекий лес за топливом на зиму. Кончается моя последняя неделя, что я могу еще помочь нашим по хозяйству — с понедельника я иду на службу в качестве бухгалтера в одно большое предприятие — фабрику… коньяка[1]!..

Но прежде всего, Татьяна Алексеевна, я побуду с Вами в молчании по поводу наступающей годовщины[2]… Не знаю, как сложится наша жизнь в будущем, но я очень хотел бы из года в год этот день проводить в кругу наших общих друзей — в воспоминаниях и беседах, посвященных М<ихаилу> А<ндреевичу>. В этом году это не удалось, но каждый из нас — по разным углам — кто в одиночестве, кто вдвоем (как я с Вадимом). Вы же, наверное, будете *там* и, наверное, одна — мы все будем думать о нашем прекрасном учителе. Уверен, что 1944-ой год принесет нам радость общей встречи и высокое чувство общей печали на первых поминках, которые мы справим сообща. Ваше сердце, милая Татьяна Алексеевна, бережет сама эпоха: Вы видите, война не кончается. Но когда она кончится, уже не эпоха, а мы займемся Вами, наш дорогой друг… Помолчим еще. За окном шумит наша старая сосна — ветер приносит с берега задушевную песнь пенистых волн — осень. В такое время, год тому назад, М<ихаил> А<ндреевич> покинул нас. Я узнал об этом значительно позже — в середине января, и этот день помню хорошо: «из всех потерь эта самая тяжелая», — записал я тогда и много дней ходил угрюмый, шагал из угла в угол нашего огромного барака, и товарищи мои за ужином, за картами, за шахматами (которые так лю-

бил М<ихаил> А<ндреевич> и которым я обучил в плену добрую сотню моих учеников) изредка бросали на меня осторожные взгляды, зная, что я потерял в своей жизни нечто большое и что я имею право — к тяжести тюрьмы — взвалить на себя и эту тяжесть…

Все эти последние месяцы — с момента, когда кончились мои каникулы, дорогая Татьяна Алексеевна (позвольте мне обратиться к текущим делам, что разрешает нам наша старинная традиция), я направлял все свои усилия к тому, чтобы остаться на зиму на острове. После vendange[3], который длился сентябрь месяц и начало октября, я работал несколько дней на ферме (сбор картошки и свеклы), потом две недели на земляных работах — все это мне воочию показало, как я окреп за эти полгода физически, как оставленное в плену быстро наверстывается и что я, наконец, достиг полной крепости тела и духа! Одновременно с этим я искал интеллигентной работы (открывшаяся было вакация в местной мэрии была отклонена префектурой в виду моего нефранц<узского> происхождения), были и другие возможности, которые, наконец, разрешились на днях. Ехать в Париж, особенно с Ариадной и Алексеем, мне никак не хотелось — вот почему мы все очень довольны этим, что вопрос окончательно выяснился, и мы остаемся на острове.

Ваше письмо от 16.9 оказалось вполне читаемым — я великолепно разбираю Ваш почерк, поэтому помните, что для меня машинка не обязательна и, кроме того, я живее Вас ощущаю (и как-то по-новому), читая Ваши строки от руки… То, что Вы пишете о нашем несравненном Каффи, глубоко справедливо — и в этом одно из самых его сильных очарований… Письмо Ваше было написано уже так давно, что мои вопросы будут устарелыми, — наверное, новый ряд событий в жизни наших друзей оставит далеко позади мое любопытство. Был ли у Вас в то воскресенье Емельянов, который меня всегда интересовал[4]? Я не помню Ионфады <?>[5], кот<орый> пишет Вам тяжелые письма из Ниццы и кот<орого> будто бы мы должны знать, — что с ним?

У нас сейчас неожиданно сильные холода — мы не топим во всех комнатах, и я сверху перебрался сейчас на кухню, где потеплее. Из школы вернулись дети (это целая эпопея!), их шум и час отхода почты заставляет меня торопиться.

Есть у меня одна просьба, с которой я все не хотел Вас беспокоить, чтобы не делать Вам лишних хлопот. Моя новая служба находится в 12 км от дома, я буду ездить туда на велосипеде; ранним утром бывают здесь пронзительные ветра — вот почему моя прошлая идея обойтись зиму (как Вадим) без пальто — не совсем исполнима. Если

бы Вы, неутомимая Татьяна Алексеевна, средь наших общих друзей сделали клич, имея в виду, что здесь, в деревне, все одеваются просто и что для города показалось бы неприемлемым, здесь вполне носимо. Лишь бы что-нибудь потеплее. Если Вам не удастся что-нибудь достать — я, наверное, смог бы в Le Rochelle и в Maison des Prisonnier достать военную шинель, но мне это почему-то не нравится!..

Ну вот на сегодня, кажется, все. К первой половине письма целиком присоединяется Вадим. Все наши шлют Вам сердечный привет.

Целую Ваши руки.

Ваш Б. С<сосинский>

[1] О. Андреева-Карлайл в своих воспоминаниях пишет: «Володя стал искать на острове какую-нибудь работу, которая была бы ему по силам. В конце концов — скорее всего, благодаря тому, что у него был Военный крест, — его взяли на должность бухгалтера в Винный кооператив, общественную винодельню, производившую самый известный продукт региона — коньяк. Винный кооператив занимал большое полуразвалившееся здание на южной окраине Сен-Пьера. После этого, в начале 1944 года, семья Сосинских (Володя, Ариадна и Алеша) перебралась от нас на старую мельницу рядом с шоссе, поближе к кооперативу» [37, с. 185]. За проявленное «в битве за Францию» мужество Сосинский был награжден Военным крестом с мечами.

[2] См. прим. 4 к п. 4, от 2 июля 1943 г.

[3] Vendange (*фр.*) — урожай; здесь: сбора урожая.

[4] Виктор Николаевич Емельянов (1899–1963) — писатель-эмигрант, автор широко известного в русской зарубежной литературе романа «Свидание Джима» (отд. изд. 1939; 2-е изд. 1964).

[5] Неидентифицированное лицо.

7

о. Олерон — Сент-Женевьев-де-Буа
10 декабря 1943 г.

Île d'Oléron,
le 10 Déc<embre> 1943

Дорогая Татьяна Алексеевна,

пишу Вам эти несколько строк на службе, в обеденный перерыв, и поэтому прошу еще не считать ответом на Ваше огромное и такое волнующее письмо от 5-го с<его> м<есяца>. Спешу лишь

ответить на деловую часть письма, как Вы того просите, обратной почтой.

Пальто пришлось на меня — точно шитое на заказ, оно такое нарядное, что я еще не решился надеть его на работу. Проект куртки вполне одобряем, и наши дамы сделают все, что нужно. С радостью принимаю и чулки, и кальсоны, и, Бога ради, не обижайте меня, думая, что надеванное М<ихаилом> А<ндреевичем> будет мне неприятно надеть. И вообще, дорогая Татьяна Алексеевна, не стесняйтесь с нами (пора!), как мы постеснялись в свое время тревожить Вас с пальто. За что нужно нас не награждать, а наказать —воистину пора нашей большой дружбе не считаться со всеми этими условностями! На этом особенно настаивает Ваше последнее письмо, в котором я вижу, как мы крепко и как хорошо связаны друг с другом и как Вы внимательно относитесь к малейшей нашей прихоти.

Сейчас, недели две как было тепло, сегодня утром выпал у нас первый снег! (Конечно, сразу растаял.) Ваше пальто послано вовремя. Вадим более мерзляк, чем я, проведший на севере три зимы! Он тоже очень рад Вашим предложениям. Он просит написать новый адрес Саши (по старому Саша не ответил)[1].

Перед праздниками еще напишу Вам и поэтому кончаю на полуслове.

Спасибо за все.

В<олодя>

[1] По-видимому, имеется в виду Александр Иоакимович (Акимович) Позняк (1889 – после 1974), член масонской ложи «Северная звезда» с 4 апреля 1935 г. до ее закрытия. Инженер-химик, член правления Общества русских химиков во Франции.

8

о. Олерон — Сент-Женевьев-де-Буа
15 января 1944 г.

Île d'Oléron,
le 15 Janvier 1944

Дорогая Татьяна Алексеевна,

в моем новом быте я приспособился писать письма в обеденный перерыв, около огромной печи, в которой скромное восьмиградус-

ное вино превращается в крепкий восемьдесятиградусный <sic> спирт! В этом диком огне я пеку картошку или, рассыпав на полу горящие уголья, согреваю свою кастрюльку с супом, приготовленным дома. Здесь мне очень уютно, особенно когда дождь на дворе, когда завывают наши океанские ветра…

Ваше огромное письмо от 6-го декабря, адресованное нам обоим, очень взволновало меня, и несмотря на то, что после него было еще одно письмецо от Вас, мне хочется сегодня откликнуться на предыдущее. Есть несколько мыслей, на которые до времени я ничего не скажу — не словами нужно отвечать на них, а поступками, самой жизнью. Я их решил пока что лишь запомнить, чтобы через много лет — при встрече с Вами — к ним апеллировать. Сегодня я хотел бы выступить защитником наших друзей и их настоящего поведения. Быть может, мне со стороны и после трех лет одиноких размышлений эта часть их души видится яснее… Меня поразила одна лишь Ваша фраза о них — «оно (т.е. разъединение) никого даже как будто не огорчает». Этому я никак не могу поверить. Конечно, в том «океане беспредельного людского горя», о котором Вы говорите, не трудно растерять многое, но я абсолютно уверен: в одиночестве или ворочаясь в постели в часы бессонные, конечно, не на людях, не во встречах, — те, с которыми я переживал вместе за одним столом лучшие мгновения нашей жизни, не раз вспомнят об этом времени, и я слышу издалека не только «огорчение», которое Вы тщетно ищете, а гораздо бóльшее — я слышу биение родных мне сердец именно в те часы, когда они бьются для других. Хотя я и неисправимый лирик и энтузиаст, я все же боюсь слов, особенно изображенных на бумаге, но поверьте мне, дорогая Татьяна Алексеевна, мое чутье меня не обманывает. Я счастлив сообщить Вам, что в этом Вы ошибаетесь.

С Оболенским у меня то же горе, что и у Вас. Он очень требовательный в дружбе — я не мог ему уделить достаточно времени и был обруган им, как редко меня ругали в письмах (!). А сейчас я, в праздники, написал, наконец, ему огромное послание, и он молчит вот уже три недели[1].

Соблазненный Вашим указанием на встречу Памфила с медведем, я прочел эту сцену — действительно, прекрасно[2]. Думаете ли Вы сделать еще что-нибудь в этом роде? Когда у меня будет время, я Вам пришлю несколько рассказов моего сына, который каждый день печет их по два-три, и порою удивительные. Как я рад, что несмотря на посещение коммунальной школы он продолжает жить в мире русской сказки.

Жизнь на острове мне по-прежнему радостна. Конечно, много времени уходит на службу и поездки, но какие прекрасные вечера и воскресенья мы проводим в домике на rue du Port[3]. Продолжаю писать, хотя и медленно, Вадим тоже — по вечерам читаем вслух.

Очень меня тронул рассказ о Емельянове — прекрасный человек[4]… В том, что Вы прислали недавно, мне тепло и приятно: действительно, таких нынче не бывает[5].

Целую Ваши руки.

Б. С<осинский>

[1] Поэт, прозаик, общественный деятель князь Николай Николаевич Оболенский (1905–1993), который был взводным Сосинского, когда оба сражались против гитлеровцев в Иностранном легионе, является и одним из персонажей упомянутого выше романа «Битва за Францию». Более того, Сосинский предпослал своему роману следующее посвящение: «Моему взводному, герою битвы под Сант-Менульдом в Арденнах, Рюриковичу и сенсирцу, лейтенанту Николаю Николаевичу Оболенскому» (Оболенский был выпускником военного училища Сен-Сир (École spéciale militaire de Saint-Cyr), готовившего офицеров для французской армии). В ответ на письмо, в котором он ознакомил своего боевого товарища с этим посвящением, тот писал (15 января 1979 г.): «Никакого геройства я в сражении под Сент-Менульдом (“битва” — это совсем другой размах: Куликова битва, Курская битва в минувшую войну) не проявил. Спасибо за желание, которое меня искренне трогает, посвятить мне книгу, но только так:

“Моему взводному другу и соратнику
Николаю Николаевичу Оболенскому в память
его ранения в сражении под Сент-Менульдом в Арденнах”»
(РГАЛИ. Ф. 1814, оп. 9, ед. хр. 2248. л. 30–30 об.).

По занятной исторической иронии, К.М. Симонов, который, как говорилось выше (см. прим. 5 к п. 5, от 24 августа 1943 г.), прилагал значительные усилия, чтобы этот роман издать, приходился Оболенскому кузеном по линии матери. В одном из своих писем, которое через Сосинского было передано Симонову, Оболенский писал, что «будучи 10-летним мальчиком в Петербурге, тогда Петрограде», играл с годовалым Симоновым, сидевшим у него на коленях (РГАЛИ. Ф. 1814, оп. 9, ед. хр. 2248. л. 4.).

Осоргина была близко знакома с Оболенским; его письма к ней 1943–1944 гг. отложились в BDIC. F Δ res 841 (3). В одном из них, от 12 ноября 1943 г.,

Оболенский писал: «Получил два дня тому назад письмо от Соссинского <sic>, спрашивающего, нельзя ли устроиться в наших краях. Надеюсь, что это удастся сделать, и тем самым я приобрету общество Б<ронислава> Б<ронилановича>, которого искренне люблю». Оболенский в ту пору жил в городке Malemort-sur-Corrèze, расположенном в центральной части Франции.

[2] Речь идет о сцене встречи Памфила с медведем из романа А. Дюма «Капитан Памфил» («Le Capitaine Pamphile», 1839).

[3] Именно на rue de Port в Сен-Дени был арендован дом, в котором после прибытия на остров поселился весь семейный клан, исключая Сосинского и Резникова, находившихся в то время на фронте. Постепенно там осталась только семья Андреевых, и лишь по воскресеньям приезжали Сосинские, которые из-за найденной Владимиром Брониславовичем работы в коньячном кооперативе, переселились в Сен-Пьер (расстояние между Сен-Дени и Сен-Пьером Сосинский указывает в следующем письме — 13 км), см. в п. 10, от 17 апреля 1944 г.: «<…> я переехал с А<ариадной> В<икторовной> и Алешей в St. Pierre — на место моей службы, Вадим с Ольгой Викт<оровной> и детьми остались в Saint-Denis».

[4] См. прим. 4 к п. 6, от 20 ноября 1943 г.

[5] По всей видимости, речь идет о куртке Осоргина, которую Татьяна Алексеевна прислала Сосинскому, см. предыдущее письмо.

9

о. Олерон — Сент-Женевьев-де-Буа
18–24 февраля 1944 г.

Île d'Oléron,
le 18 Février 1944

Дорогая Татьяна Алексеевна,

Ваше письмецо, начатое в обеденный перерыв и законченное, как Вы этого ни боялись, в поезде! — я получил одновременно с письмом от Д. Резникова. Вот почему я решаюсь привести Вам довольно большой отрывок из его письма, который, я чувствую, должен Вас заинтересовать. Одновременно с третьим лицом Вы узнаете ближе Доду — третьего в нашей троице, вызванной к жизни более двадцати лет тому назад.

> …Сегодня ко мне придет Емельянов (он разыскал меня через Т.А. Осоргину). Он изрядно осунулся и сильно обносился. Вид у него

отчаянный. Он работает все на том же заводе типографских красок, зарабатывает мало и полуголодный. Я очень рад этой встрече. Меня с ним связывает почти детство, а кроме того, он прекрасной души человек.

У Емельянова в жизни было два события: девушка в Ялте, которую он любил издали и которая ему симпатизировала, но гуляла с другими. Потом девушка вышла замуж, и Бог знает, где и как растит детей и стареет. Но Виктор все ждет ее, надеется на встречу, где все «объяснится» и она «поймет». Ни время (вот уже 26 лет), ни пространство (она в России), ни отсутствие связи и сведений — ничто не поколебало в нем надежды. У него на стене, в грязной комнате отеля, населенного арабами, висит ее портрет — злой и холодный — и он ждет.

Второе событие — книга «Джим». Виктор в первые же минуты нашей встречи заговорил о книге, об ее «истории»: Адамович, Ходасевич, Закович… — кто что сказал и почему[1]. Рецензии, отзывы знакомых — как все началось и чем кончилось: длинная цепь страстей, которую я слушаю — в который раз! — с грустью и сочувствием, как сочувствуют больному.

Конечно, и девушка, и книжка — две мании, вполне сумасшедшие, но без них он бы пропал, а с ними он не только прожил двадцать лет заводов, но и сохранил в себе всю чистоту и наивность сердца — наследство нищей матери.

Виктор — незаконный сын то ли купца, то ли приказчика в Сибири. Отец прижил сына и, оставив мать, женился, обзавелся семьей (было много детей), нисколько не заботясь о судьбе оставленной им женщины и ее сына. Мать, портниха, скромная, полуграмотная и прекрасная женщина, воспитывала и учила (окончил гимназию) сына на свои скудные средства. Она умерла в Ялте от болезни, в большой нужде.

Каждый раз, когда Виктор рассказывает мне историю его матери, доходя до места о женитьбе отца и его семье, он добавляет: «Но любил-то он только мою мать». Он знает, что это не так, но твердо верит в эту легенду, то ли созданную им, то ли рассказанную ему матерью. …«Но любил-то он мою мать», — говорит он, и на лице у него робкая, мерцающая улыбка, как сиянье лампады…

24-ое февраля 1944

Пишу, как полагается, в обеденный перерыв. По этой линии у меня с некоторых пор перемена: три раза в неделю (поскольку Ариадне трудновато при нынешних условиях давать мне ежедневно с собою холодные обеды) я обедаю здесь, в St. Pierre (неофициаль-

ная столица острова, в 13 км. от St. Denis), у одной изумительной парочки стариков, которых я окрестил, и, кажется, удачно, старосветскими помещиками (и которые, несомненно, вызвали бы восторг в душе М<ихаила> А<ндреевича>). Это бывшие миллионеры из Лиможа, потерявшие все свое богатство в эпоху Стависского[2] и уединившиеся на остров — в дом Pierre Loti. В богатой библиотеке (вернее, в остатках их библиотеки) я разыскал книги, которые Вас очень бы заинтересовали. Их сейчас читает Вадим, и я поговорю о них при случае. Они остались у моих «помещиков» от деда и отца, который был одновременно мэром Лиможа.

Жизнь моя, кроме моих обычных литературных увлечений, украсилась новой страстью, которая напомнила бы М<ихаилу> А<ндреевичу> голодную Москву 20-ых годов[3]. Ариадна ждет ребенка (в июне)[4], и я решил подарить миру нового гражданина хорошего здоровья: мотаюсь по фермам, рождаю тысячи комбинаций по добыче жировых веществ для будущей матери. Это целая эпопея, и, несмотря на частые неудачи, она меня увлекает и красит жизнь новыми красками, зачастую героическими.

Дорогая Татьяна Алексеевна, Ваши письма Вы можете писать даже в поезде — настало время сказать Вам, что они для меня и Вадима всегда большая радость. Не только потому, что они всегда в пределах излюбленной нам темы, не только потому, что они дают нам новости о наших общих друзьях, которые стали нам особенно дороги в это время, но и потому, что они — эти строки — согреты дыханием нашей любимой, «понедельничьей»[5] (отсутствующей, но неизменно присутствующей) Т<атьяны> А<лексеевны>. Простите, не сердитесь, это у меня вырвалось невольно — я знаю, что такие фразы Вы не любите.

Над фильмом Мюнхгаузена я работал около года, воспользуйтесь случаем — посмотрите его: фильм не Бог знает какой, но в декорациях стамбульского гарема и стилизованного под Москву екатерининского Петербурга Вы найдете много моих рисунков, конечно, скраденных с различных книг, которыми была богата библиотека «Ufa»[6].

Очень меня интересует, что такое сболтнул Вам Гайто. Вадим утверждает (а наша дружба с Газдановым, как и с Д. Резниковым, старше 20 л<ет>), что мы не знаем настолько Гайто — он однажды видел его настоящим человеком — не «трудно ему жить с этим», а вернее, он спасается этим!

Любящий Вас,

Б. С<осинский>

Ольга Викторовна <Андреева> готовит Вам посылку с материалом для посылок Вашим крестникам (картонки, бумага, веревки…).

[1] Из перечисленной троицы, подобранной, как видно, для «музыкального» созвучия — на «ич», печатная рецензия на «Свидание Джима» принадлежала одному только Г. Адамовичу [34]; другими рецензентами, откликнувшимися на роман Емельянова, были: В. Вейдле [45], П. Пильский [71] и В. Андреев, под псевдонимом Х. Попов [36]; на 2-е издание романа, стараниями вдовы автора, поэтессы О. Можайской, вышедшее уже после его смерти, откликнулись О. Кожевникова [50] и Арк. Слизкой [74]. В. Андреев хотел подписать свою коротенькую рецензию еврейской фамилией Рабинович, однако секретарь журнала М. Вишняк запротестовал. В ответ ему В. Андреев 24 марта 1939 г. писал: «Дорогой Марк Вениаминович, жалко, что Вы не согласны на Рабиновича. Что же мне пришлось бы делать, если бы и вправду я был Рабиновичем? Если Вы решительно находите этот псевдоним неудобным, то подпишите мою рецензию Х. Попов (перевод с еврейского, а Х. — Христофор, имя что ни на есть арийское» (цит. по: [18, с. 334]).
[2] Сергей Александрович Ставицкий (Стависский; Serge-Alexandre Stavisky 1886<?>– 1934; по официальной версии, покончил жизнь самоубийством [Фото трупа приведено в кн.: 30, с. 22–23]), русский эмигрант во Франции, еврей по происхождению; его финансовые махинации, совершаемые под покровительством высших государственных чиновников, вызвали грандиозный скандал во французском обществе, усилили в нем шовинистические, антиэмигрантские настроения (об обстановке в правительственных кругах вокруг дела Ставицкого см. в кн.: [80]. Делом Ставицкого воспользовались фашистские элементы (группа «Огненный крест», возглавляемая полковником де ла Рокком), намеревавшиеся, под маской народного гнева, свергнуть правительство Э. Деладье. Неудавшийся путч привел ко всеобщей забастовке, которая проходила в Париже 6, 7 и 9 февраля 1934 г., в ходе нее социалисты, объединившись с коммунистами, создали единый фронт, см., например, в письме Б. Зайцева И. Бунину из Парижа от 15 февраля 1934 г.: «У нас тут всякие политические треволнения. Понедельник, день забастовки, провели мы грустно. Мрачное настроение. Недалеко коммунисты соорудили баррикаду. Было столкновение, одного токаря с Растеряевой улицы убили <Так Бунин — по фонетическому созвучию с циклом очерков Г. Успенского «Нравы Растеряевой улицы» — именовал rue Thiers (Тьер), на которой с 1932 по 1934 гг. жили Зайцевы>. Вечером проносились автокары с полицией — типы на перекрестках улюлюкали и выли, равно и из домов кое-где выкликали. Прошла на рысях кавалерия… Невесело. Париж совсем мертвый…» [72, с. 133].

Вероятный намек на эти события содержится и в романе Б. Поплавского «Домой с небес» (гл. 9); см. также романы Н.Н. Брешко-Брешковского «Стависский» (1934), печатавшийся в виде приложения к журналу «Иллюстрированная Россия», и — много лет спустя — «Stavisky. L'homme que j'al connu» (1974) французского писателя (из семьи русского эмигранта) Ж. Кесселя.

[3] Должно быть, Сосинский имеет в виду свою библиофильскую страсть, напомнившую ему рассказы Осоргина о созданной им в сентябре 1918 г., вместе с несколькими друзьями-литераторами (П. Муратов, Б. Зайцев, В. Ходасевич, Б. Грифцов, Н. Минаев и др.), московской книжной Лавке писателей, в которой продавались рукописные книги (сам Осоргин многократно писал о Лавке, см.: [60; 64; 65; 66; 69]; она же упомянута в его романе «Сивцев Вражек»). В некоторых исследованиях московская Книжная лавка даже ассоциируется с деятельностью исключительно одного Осоргина, см. применяемое к ней выражение «Osorgin's Writers' Bookshop» [31].

[4] Второй сын Сосинских, Сергей (1944–2004), родился 5 августа.

[5] Масонские агапы (братские застолья) в «Северной звезде» проходили по понедельникам.

[6] Лента «Münchhausen» (1943), заказанная министерством пропаганды Третьего рейха по случаю 25-й годовщины киностудии UFA, снималась в павильонах Бабельсберга (район Потсдама, неподалеку от того места, где находился лагерь Сосинского). Фильм был поставлен немецким режиссером венгерского происхождения Йозефом фон Баки (Josef von Báky) по знаменитой «Истории барона Мюнхгаузена» (1786) немецкого писателя, поэта и историка Рудольфа Эриха Распе (Rudolf Erich Raspe), переработанной Готфридом Августом Бюргером (Gottfried August Bürger); сценарий написал немецкий писатель, поэт и сценарист Эмиль Эрих Кёстнер (Emil Erich Kästner), имя которого из-за его критического отношения к нацистскому режиму в титрах указано не было. Любопытно, что декорациями к «Münchhausen» занимался уже не просто оппозиционер гитлеровского «нового порядка», но русский эмигрант, с оружием в руках сражавшийся с ним и расплатившийся за эту борьбу немецким концлагерем.

10

о. Олерон (Сен-Пьер) — Сент-Женевьев-де-Буа
17 апреля 1944 г.

Saint-Pierre d'Oléron,
le 17 Avril 1944

Дорогая Татьяна Алексеевна,

давно не было от Вас весточки, а у нас был целый ряд событий, который помешал мне писать Вам более регулярно.

С легким опозданием — даже если апеллировать к тому и другому календарю,

Христос воскресе,

дорогая Татьяна Алексеевна!

Как, с кем и где Вы встретили Пасху? У нас был настоящий праздник — ведь это наша двадцатая совместная пасха — Пасха трех объединенных семей. Увы! — одна из трех уже давно в Niort (и Париже!)[1], а вот теперь и последние две — не на далёко — но тоже разъехались: я переехал с А<риадной> В<икторовной> и Алешей в St. Pierre — на место моей службы, Вадим с Ольгой Викт<оровной> и детьми остались в Saint-Denis. Ольга Елисеевна[2] — между двух стульев: три дня с нами, три дня в St. Denis, каждое воскресенье или мы, или они — во всяком случае, вместе.

Это грустно, но иначе не выходило.

А тут новые события — эвакуация (пока лишь частичная) двух наших островов, пока лишь детей и стариков. Алеша <Сосинский> и Саша <Андреев> по возрасту подпадают под это, на этот раз серьезное распоряжение. Эвакуация уже началась, и мы решили Ольгу Елисеевну с Сашей и Ариадну с Алешей отправить в Niort к Наташе <Резниковой>[3]. Будем ждать до последнего дня, ибо для меня новая разлука совсем не радостная вещь, и я решил, как только окрепну материально, последовать за своими в Niort. С Андреевыми вопрос пока еще не разрешен… Во всяком случае, как это ни грустно, мы накануне новых перемен в нашей жизни…

Устроились мы в Saint-Pierre очень удачно: живем в старинной мельнице без крыльев — не в самой мельнице (где находится лишь детский cabinet de travail[4] моего сына, от которого он в перманентном восторге), а в двух одноэтажных домиках, где мой кабинет в нормандском стиле занимает чуть ли не 50 кв. м.[5]. Из соседних ферм получаем молоко и яйца, и наши «аввакумовские» две курочки но-

сят регулярно по два яичка в день[6]. Я добился за это время того, что так трудно теперь: хорошего питания для будущей матери.

И вот все усилия сводятся к тому, что нам нужно снова разлучаться.

Отметьте мой новый (по-видимому, временный) адрес, но можете писать и по старому для Вадима:

B. Sossinsky
Moulin du Coivre
Saint-Pierre d'Oléron
(Charente Maritime)

Что нового у Вас? Что нового у наших общих друзей? Давно ни от кого ничего не было.

Крепко обнимаю Вас.
Любящий Вас

Б. Сосинский

[1] Т.е. семья Резниковых.

[2] Ольга Елисеевна Колбасина-Чернова (урожд. Колбасина; 1885–1964), писательница, журналистка, общественный деятель. Ее отец, писатель, литературный критик, историк литературы Елисей Яковлевич Колбасин (1832–1885), был дружен с И.С. Тургеневым (брат Е.Я. Колбасина Дмитрий Яковлевич послужил прототипом образа Кирсанова в романе «Отцы и дети»), Н.А. Некрасовым (воспоминания Е.Я. Колбасина о Н.А. Некрасове см.: РГАЛИ. Ф. 2505, оп. 1, ед. хр. 29) и молодым Л.Н. Толстым. В эмиграции печаталась в журнале Воля России, см., например, ее рассказы «На Волге» (1923, № 8, 9), «Яблоня» (1926, № 11), «Отлив» (1928, № 12), некролог «Памяти С.В. Макарова» (1924, № 3), рижских «Перезвонах». Входила в литературное объединение «Кочевье» (15 февраля 1929 г. состоялся ее творческий вечер). Автор книг «Воспоминания о советских тюрьмах» (Париж, 1922); «New Horizons: Reminiscences of the Russian Revolution» (London, 1936). Была одним из близких друзей М. Цветаевой, с которой познакомилась и подружилась в Чехии (1923), см. цветаевские письма к ней и ее дочерям — Ариадне и Наталье, в кн.: [79, с. 682–782]; оставила воспоминания о М. Цветаевой [52; 53]. Жившая в Париже, Колбасина-Чернова скончалась в Москве 9 октября 1964 г. от раковой болезни. Перед смертью она выразила желание «умереть на Родине». В Москву, где жила ее младшая дочь Ариадна, ее привезла другая дочь, Наталья Резникова, и примерно через месяц Ольга Елисеевна умерла на квартире Сосинских на 13-ой Парковой улице.

[3] В результате Ольга Елисеевна с Сашей, сыном Андреевых, отправилась в Ниор, а Ариадна с Алешей остались в Сен-Пьере, см. следующее письмо.

[4] Cabinet de travail (*фр.*) — рабочий офис.

[5] Ср. в воспоминаниях Андреевой-Карлайл: «Мельница Куавр, построенная еще в XIX веке, превосходно сохранилась. Каркасы огромных крыльев вздымались высоко в небо. Сделанные когда-то умелыми руками старых мастеров внутренние деревянные конструкции, жернов, лестницы и колеса были в отличном состоянии. Саму мельницу теперь использовали как склад, а Сосинские жили на ферме мельника — в простеньком домике с земляными полами, сохранившем, однако, своеобразное обаяние. Во дворе был колодец с изящной треногой из кованого железа. В переезде Сосинских на мельницу было одно преимущество, о котором взрослые открыто не говорили. В Сен-Пьере было больше возможностей тайно общаться с Сопротивлением с континента. На мельницу легко можно было пройти незамеченным. И хотя она стояла рядом с шоссе, мельница была расположена так, что если смотреть с дороги, то за колодцем, самой мельницей и домиком нельзя было увидеть ничего, что происходило во дворе» [37, с. 184–185].

[6] Аллюзия на знаменитый фрагмент о курочке из «Жития протопопа Аввакума, им самим написанное»: «Курочка у нас была черненька, по два яичка на всякий день приносила, Бог так устраивал ребяткам на пищу. По грехам нашим, в то время, везя на нарте, задавили ее. Не курочка, а чудо была, по два яичка на день давала» [33, с. 78].

11

о. Олерон (Сен-Пьер) — Сент-Женевьев-де-Буа
30 мая 1944 г.

30-ое мая <1944>[1]

Дорогая Татьяна Алексеевна,

пользуюсь автомобильным «паном»[2], чтоб написать Вам несколько слов. Лежу в придорожной канаве — при закате солнца; рядом со мною шофер чинит шину: починив одну дыру, обнаружил новую — по-видимому, придется нам заночевать вне дома. Уже несколько дней как я хотел Вам писать, но все не находил спокойной минутки — было много работы, и только этот вынужденный отдых выполнил мое желание.

Итак, дорогая Татьяна Алексеевна, *мы решили с Адей оставаться на острове*, пока моего Алешу не гонят власти. Рожать (недели через две) Ариадна будет в местном госпитале. В Niort мы не едем. Я не знаю, можно ли из Парижа посылать нынче посылки, но если это возможно, и Вы сами можете передвигаться, и если будет время —

соберите, что найдете для обмундирования будущего гражданина. Всякая тряпочка пригодится. Делайте это, не спеша — я Вас и раньше не торопил, так как не знал, будет ли Ариадна в Niort или здесь. Теперь — я думаю, уже окончательно — до осени мы пробудем здесь. Ежели заставят уехать Алешу — мы его одного отправим к Ольге Елисеевне и Саше в Niort. Я хочу в последний раз «повандан-жировать»[3] на острове…

Писание письма отвлекла лесная драма: ястреб на наших глазах — ибо здесь царит такая тишина, такое безлюдье — расправился с какой-то пичугой. Мы, как дети, обстреляли хищника камнями…

Темнеет…

Получили ли Вы мое письмо, где я писал о наших контактах[4]. С почтой сейчас беда, и лучше писать меньше, но чаще — больше шансов не оборвать связи. Что я и буду делать в дальнейшем.

В целом у нас все благополучно — боремся и существуем… А у Вас?

Целую Ваши руки.

Б. С<осинский>

[1] Год определяется по содержанию: в письме говорится о близящихся родах Ариадны Викторовны, см. прим. 4 к п. 9, от 18–24 февраля 1944 г. 1943 год, который, по всей видимости, добавлен рукой Осоргиной, обрабатывавшей в более поздние времена свой архив, не верен.

[2] Pan (*фр.*) — прокол колеса в автомобиле.

[3] От *фр.* vendange — собирать урожай (см. прим. 3 к п. 6, от 20 ноября 1943 г.).

[4] Т. е. предыдущее письмо, в котором был сообщен новый адрес Сосинских.

12

о. Олерон (Сен-Пьер) — Сент-Женевьев-де-Буа
11–15 июня 1944 г.

Saint-Pierre d'Oléron,
le 11 Juin 1944

Дорогая Татьяна Алексеевна,

передо мной два Ваших письма — одно огромное, от 19.4 и второе поменьше, от 16-го с<его> м<есяца>. Не знаю, как у Вас те-

перь с Маклаковым[1], но я овладел Вашей рукою вполне и совсем не мучаюсь: Вадиму читал Ваши страницы, никого не приглашая на консультацию. Может быть, я оказался очень способным в палеологии, а может быть, Вы слегка клевещете на себя. Одним словом, я нынче так напрактиковался, что предпочитаю Вас Вашей пишущей машинке! Примите это к сведению.

Пишу Вам из St. Denis, где часто провожу воскресенья старинных времен: загораю на солнце, купаюсь, вожусь с детворой — собираем моллюсков. Когда я приехал на остров — было нас двенадцать, с отъездом в Niort Резниковых стало восемь, а сейчас нас всего шестеро. 6-го июня, как раз в этот день, уехали Ольга Елисеевна и Саша, и в день приезда в Niort наши бедные беженцы попали под сильную бомбардировку (на острове за четыре года не было ни одной — вот вам и эвакуация!) Самое грустное в этой авантюре, очень схожей с теми, которые выпали на Вашу долю, это потеря трех чемоданов О<льги> Е<лисеевны>, которые были сданы в багаж в Рошфоре. Причем, если они прибыли в Niort, эти чемоданы — наверняка их больше нет, ибо вокзал разрушен до основания, одна лишь надежда, что они остались в Рошфоре. Но пока о них ни слуху, ни духу. Квартира, которую Наташа сняла для нас около того же вокзала (!), заплатив 600 фр<анков>, разрушена или, точнее, окружена развалами, и доступа к ней нет. И я теперь не знаю, как быть с Адей (на последнем месяце) и Алешей (тоже подлежащим эвакуации), которые должны были следовать за О<льгой> Е<лисеевной> и Сашей. Весь Niort в часы алертов[2] уходит в поля и леса — такая жизнь для Ариадны Викторовны не вполне удобна, и я снова возобновляю хлопоты в мэрии, чтоб они оставались здесь, где действительно царит полное спокойствие и где мы с Вадимом хорошо наладили дело ravitaillement'a[3].

Вот приблизительно все о наших семейных делах. Это письмо свое я предполагал посвятить совсем другому; под влиянием хлопотливых сегодняшних дней мне придется слегка сократить эту часть, но оставить ее вовсе мне не хочется. Недавно — в библиотеке моих старосветских помещиков (не помню, писал ли я Вам об одном из моих сослуживцев, семидесятилетнем Дон-Кихоте из Лиможа, потерявшем все свое состояние и ныне работающем в качестве простого работника у нас в кооперативе?)[4] — я обнаружил несколько интересных книг. Две-три мне хотелось бы приобрести. Могли ли бы справиться, например, о книге F.-T.-B. Clavel'я, изданной в 1843 г. (чудесные гравюры, кот<орые> порадовали бы, несомненно, М<ихаила> А<ндреевича>), сколько мне нужно было бы за нее за-

платить[5]? Пока я приобрел — с мыслью при встрече с Вами, дорогая Татьяна Алексеевна, поднести ее Вам — старинное издание в Филадельфии (1787 г.) с дивным «Épître aux Dames» <…>[6].

15-ое июня

Дорогая Татьяна Алексеевна, год тому назад мое возвращение из плена разбудило почти всех моих друзей, которых я застал еще в живых. Было много писем, незабвенных для меня слов дружбы и любви. Прошел год, и мы как заключены от всего мира глухой стеной молчания, которая проходит по берегу нашего острова. Через эту стену проходят лишь письма от Вас, дорогая Татьяна Алексеевна, и они в большой своей части посвящены жизни тех, которые давно перестали писать нам. В это воскресенье Вадим мне прочел Ваше последнее письмо. Вы не можете себе представить — и я не устаю это повторять Вам — как важны для нас Ваши письма! А Вы?… позволяете срываться с пера таким печальным словам: «Присутствовать там, где лучше исчезнуть»… Но не буду сердиться — у меня еще осталось несколько деловых замечаний. Вадим умоляет адрес Саши <Позняка>[7]. Я прошу, конечно, в пределах возможного, кликнуть клич насчет обмундирования — и если что будет, дайте знать; я Вам сообщу дополнительно, будет ли Ариадна Викторовна здесь или в Niort (где есть клиника, а тут ничего нет). Материально — от раздела нашего — ни Вадим, ни я не пострадали — касса наша по-прежнему общая (я делаю деньги, он — овощи), прибавились лишь расходы по поездкам друг к другу и стоимость еще одной квартиры в Moulin du Coivre.

Целую Ваши руки.

Любящий Вас

Б. С<осинский>

[1] Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957), адвокат, политический деятель (член II-й, III-й и IV-й Государственной думы), посол Временного правительства во Франции — от этой должности был отстранен захватившими власть в стране большевиками. В эмиграции, как пишет Сосинский, его называли «президентом Зарубежной России» [77, с. 180]: он являлся главой комитета по делам беженцев из России. Сосинский хорошо знал Маклакова по масонской ложе «Северная звезда» и, вероятно, не понаслышке был знаком с его малоразборчивым почерком, что он и имеет в виду.

[2] От alert (*англ.*), alerte (*фр.*) — сигнал воздушной тревоги; состояние повышенной боевой готовности.

[3] Ravitaillement (*фр.*) — снабжение.
[4] См. п. 9, от 18–24 февраля 1944 г.
[5] Речь идет о книге по истории масонства: F.-T.-B. Clavel. *Histoire pittoresque de la franc-maçonnerie et des sociétés secrètes anciennes et modernes* (1843).
[6] Сосинский говорит о старинной книге — серии стихотворений «Épître aux Dames» (Послание дамам), принадлежащей перу французской писательницы, поэтессы, драматурга, хозяйки литературного салона Констанции-Марии Сальм-Дик (иначе: Констанция де Сальм; Constance Marie de Théis или Constance Marie von Salm-Dyck; в замуж. Пипле де Лери (Pipelet de Leury); 1767–1845).
[7] См. прим. к п. 7, от 10 декабря 1943 г.

13
Ниор — Сент-Женевьев-де-Буа
17 января 1945 г.[1]

Mme Adolphe
pour Mr Sossinsky
7, rue Victor Hugo
Niort
(Deux-Sèvres)

Mme T.A. Ossorguine
165, Route de Corbeil
Ste-Geneviève-des-Bois
(S. et O.)

Niort, le 17 Janvier 1945

Дорогая Татьяна Алексеевна,

Вот уже три дня как я в Niort — выслан немецкими властями с острова со всей семьей. Вадим был арестован, просидел месяц[2] и сейчас тоже выслан ими со всей семьей и находится где-то у испанской границы[3]. Жду от него вестей. Все мы здоровы, с нами Чернова[4] и новый пятимесячный гражданин Сережа[5]. После поездки по фронту завершил то, чем я занимался в течение последних 8 месяцев[6], еду в Париж, где буду дней через десять.

Крепко обнимаю Вас.

Володя

[1] Почтовая карточка.
[2] Вадим Андреев и вместе с ним еще несколько французов, жителей Олерона, были арестованы по подозрению в антинемецких настроениях, однако

никаких конкретных обвинений им предъявлено не было, ничего не дал и обыск, устроенный в доме Андреевых. Ольга Вадимовна в своих воспоминаниях впоследствии так описала арест отца, который произошел 14 декабря 1944 г.: «В ту же ночь за отцом пришли пятеро солдат, вооруженных винтовками со штыками. Когда я вышла из гостиной, где спала, его уже не было, но в столовой еще стоял запах кожи и машинного масла. Я не слышала ни стука в кухонную дверь, ни криков. Солдаты окликнули его из сада и сказали, что он арестован. Одеваясь и одновременно пытаясь утешить маму, он рассказал, что прямо перед тем, как его разбудили, ему снился сон, будто он чинит подошву своего сапога — в эти годы на Олероне он всегда что-то чинил — и он проснулся ровно в тот момент, когда стук его молотка, который он слышал во сне, превратился в стук в дверь на первом этаже» [37, с. 213].

[3] Андреевы в это время находились в небольшом городке Сен-Север (Saint-Sever) на юго-западе Франции, неподалеку от испанской границы.

[4] Т.е. Ольга Елисеевна, мать Ариадны Сосинской.

[5] См. прим. 4 к п. 9, от 18–24 февраля 1944 г.

[6] См. прим. 5 к п. 5, от 24 августа 1943 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Волошина В.Ю.* Русский парижанин: французский период в жизни М.А. Осоргина // Люди и судьбы Русского Зарубежья. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2016. Вып. 3. С. 13–26.
2. Комаров Евгений Брониславович // Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: в 3 т. М.: Наука, 2008. Т. 1: А–К. С. 719–720.
3. *Кручинина Л.А.* Журнал «Воля России» в письмах В.Б. Сосинского Б.А. Слуцкому // Встречи с прошлым. 2004. М.: РОССПЭН. Вып. 10. С. 363–396.
4. *Ласунский О.Г.* Из творческого наследия Семена Луцкого // Евреи в культуре Русского Зарубежья: статьи, публикации, мемуары и эссе. Иерусалим: [Б.и.], 1996. Т. V / сост. и изд. М. Пархомовский. С. 77–86.
5. *Назарова Л.Н.* Татьяна Алексеевна Осоргина (1904–1995) // Русская литература. 1996. № 4. С. 174–176.
6. *Обатнина Е.Р.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 382 с.
7. *Поликовская Л.В.* Жизнь Михаила Осоргина, или Строительство собственного храма. СПб.: Крига; Победа, 2014. 446 с.

8. *Серков А.И.* М.А. Осоргин и его масонское наследие. М.: Ганга, 2018. 616 с.
9. *Сысоев В.И.* Татьяна Алексеевна Бакунина-Осоргина: иллюстрированный биографический очерк. Тверь: Престо, 2005. 125 с.
10. *Талалай М.Г.* Андрей Иванович Каффи: сопротивление большевизму и нацифашизму // Нансеновские чтения, 2009. СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2010. С. 197–203.
11. *Хазан В.И., Васильева М.А.* «Ничего кроме споров, из наших писем не выйдет»: переписка В. Варшавского и В. Сосинского // Новый журнал. 2022. № 309. С. 275–307.
12. *Хазан В.И. Два фрагмента из истории русских масонов-эмигрантов в Париже // Евреи России — иммигранты Франции.* Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, *2000. С. 307–377.*
13. *Хазан В.И.* «Шикарный европейский солдат»: Владимир Сосинский в годы войны // Новый журнал. 2022. № 307. С. 216–80.
14. Художник Митрофан Федоров, 1870–1941 / сост. М.С. Шендорова, Л.Е. Шендорова. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2013. 301 с.
15. *Шаховской Д.М.* Татьяна Алексеевна Бакунина-Осоргина // Из глубины времен (Санкт-Петербург). 1998. № 10. С. 196–208.
16. *Шаховской Д.М.* Татьяна Алексеевна Бакунина-Осоргина // Русская общественная библиотека им. И.С. Тургенева — перекресток духовной жизни России и Франции. 2-е изд-е, испр. СПб.: Знаменитые универсанты, 2014. С. 89–96.
17. *Шаховской Д.М.* Татьяна Алексеевна Бакунина-Осоргина // Русское зарубежье: история и современность. М.: РАН, 2014. Вып. 3. С. 207–216.
18. *Шруба М.* Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945). М.: Новое литературное обозрение, 2018. 1059 с.
19. *Bakounine T.* P. Bourychkine: Bibliographie sur la Franc-Maçonnerie en Russie / Préface de P. Portal. Paris; La Haye: Mouton, 1967. 179 p.
20. *Bakounine T.* [*Ossorguine-Bakounine T.*] L'émigration russe en Europe: Catalogue collectif des périodiques en langue russe, 1855–1940. Paris: Institut d'études slaves, 1976. 476 p.
21. *Barmache N., Fiene D. M., Ossorguine T.* Bibliographie des œuvres de Michel Ossorguine. Paris: Institut d'études slaves, 1973. XVI, 211 p.
22. *Bresciani M.* La rivoluzione perduta. Andrea Caffi nell'Europa del Novecento. Bologna: Il Mulino, 2009. 310 p.
23. *Comtet R.* Tatiana Alekseïevna Bakounine-Ossorguine (1904–1995) // Slavica Occitania (Toulouse). 2007. № 24. P. 11–13.
24. *Cristesco D., Cristesco H.* Bibliographie des œuvres de Marc Aldanov / Sous

la direction de T. Ossorguine; Intrtoduction de Marc Slonim. Paris: Institut d'études slaves, 1976. XIII, 87 p.
25. *Frank V.* Bibliographie des œuvres de Simon Frank / Sous la direction de T. Ossorguine-Bakounine; Introduction de Rene le Senne. Paris: Institut d'etudes slaves. 1980. 108 p.
26. *Gladkova T., Ossorguine T.* L'Émigration russe: Revues et recueils, 1920–1980: Index general des articles / Ouvrage édité sous la direction de Tatiana Gladkova et Tatiana Ossorguine; Préface de Marc Raeff. Paris: Institut d'études slaves, 1988. XXII, 661 p.
27. *Khazan V*. Eretz Israel and the Russian Émigrés in Europe: Contacts, Connections, Communications, Interactions (1919–1939). Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2020. Vol. 2: Heavy Burden of Responsibility for the Country. Part 1: Russian Political Émigrés and Eretz Israel. 661 p.
28. *Khazan V*., *Janzen V*. Eretz Israel and the Russian Émigrés in Europe: Contacts, Connections, Communications, Interactions (1919–1939). Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2021. Vol. 1: Russian Philosophy in Exile and Eretz Israel. Part 2: «The Marvelous Land of Palestine»: Around Lev Shestov's Visit to Eretz Israel in 1936. 1008 p.
29. *Khazan V., Weissblei G*. Eretz Israel and the Russian Émigrés in Europe: Contacts, Connections, Communications, Interactions (1919–1939). Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2022. Vol. 3: «As a Seal upon Thy Heart»: The Life and Fate of Rachel Ginzberg, Daughter of Ahad Ha'am. 884 p.
30. *Knapp W*. France: Partial Eclipse — From the Stavisky Riots to the Nazi Conquest. London: McDonald and Co, 1972. 152 p.
31. *Read C.* Culture and Power in Revolutionary Russia: The Intelligentsia and the Transition from Tsarism to Communism. New York: St. Martin's Press, 1990. XII, 266 p.
32. *Sinany H., Ossorguine T*. Bibliographie des œuvres de Alexis Remizov / Établie par Hélène Sinany; Sous la direction de T. Ossorguine. Paris: Institut d'études slaves, 1978. 255 p.

Источники

33. *Аввакум (протопоп)*. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / вступ. статья В.Е. Гусева, подгот. текста и коммент. Н.К. Гудзия и др. М.: Гослитиздат, 1960. 479 с.
34. *Адамович Г.* [Рец. на:] Емельянов В. «Свидание Джима» // Последние новости. 1939. № 6513. 26 янв. С. 3.
35. *Андреев В.Л., Прокша Л.Я., Сосинский В.Б.* Герои Олерона. Минск: Беларусь, 1965. 105 с.

36. *Андреев В.* [*Х. Попов*]. [Рец. на:] В. Емельянов. «Свидание Джима». Роман. — «Дом Книги», Париж, 1939 // Русские записки. 1939. № 16. С. 200.
37. *Андреева-Карлайл О.В.* Остров на всю жизнь: воспоминания детства. Олерон во время нацистской оккупации / пер. Л.Е. Шендеровой-Фок; послесл. Н.А. Громовой. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2021. 281 с.
38. *Бакунина Т.А.* [*Алексеева Т.*]. 4 года в Московском университете // 1933. № 2151. 11 февр. С. 2–3.
39. *Бакунина Т.А.* [*Осоргина-Бакунина Т.А.*] Письма П.Н. Милюкова М.А. Осоргину 1940–1942 годов / вступ. ст. С. Брейар // Новый журнал. 1988. № 172/173. С. 527–552.
40. *Бакунина Т.А.* Знаменитые русские масоны. Париж: Свеча, 1935. 94 с.
41. *Бакунина Т.А.* Памяти А.А. Кизеветтера // Последние новости. 1933. № 4318. 17 янв. С. 2.
42. *Бакунина Т.А.* Русские вольные каменщики / Обложка Ф. Рожанковского. Париж: Свеча, 1934. 47 с.
43. *Бакунина Э.Н.* Последние дни патриарха Тихона // Последние новости. 1930. № 3462. 14 сент. С. 2–3.
44. *Бэнишу-Луцкая А.* Служение и Одиночество (Поэт Семен Луцкий) // Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Иерусалим: [Б.и.], 1995. Т. IV / сост. и изд. М. Пархомовский. С. 262–272.
45. *Вейдле В.* [Рец. на:] В. Емельянов. «Свидание Джима». Париж, 1938 // Современные записки. 1939. № 68. С. 479.
46. *Вульфина Л.* Ф.С. Рожанковский и В.Б. Сосинский: Переписка 1957–1967 гг. // Новый журнал. 2019. № 294. С. 149–177.
47. *Газданов Г.* Собрание сочинений в 5 т. Т. 5: Письма, полемика, современники о Газданове. М.: Эллис Лак, 2009. 733 с.
48. Даниил и Вадим Андреевы: братья знакомятся. Письма Д. Андреева родным / публ., вступ. ст., прим. О. Андреевой-Карлайл и А. Богданова // Звезда. 1997. № 4. С. 152–164.
49. *Дувакин В.Д.* Беседы с Ариадной и Владимиром Сосинскими. Воспоминания о Ремизове, Махно, Цветаевой и других / коммент. В.В. Радзишевского. М.: Common place; Устная история, 2020. 318 с.
50. *Кожевникова О.* [Рец. на:] В. Емельянов. «Свидание Джима» // Русские новости. 1965. № 1022. 12 янв. С. 3.
51. *Козловская Г.Л.* Шахерезада: Тысяча и одно воспоминание. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2015. 555 с.
52. *Колбасина-Чернова О.Е.* Марина Цветаева // Воспоминания о Марине Цветаевой / сост. Л.А. Мнухин, Л.М. Турчинский. М.: Сов. писатель, 1992. С. 292–298.

53. *Колбасина-Чернова О.Е.* О Марине Цветаевой // Мосты. 1970. №. 15, С. 311–317.
54. *Корляков А.* «Разматывая нить воспоминаний»: Одна из последних бесед с Татьяной Алексеевной Осоргиной // Русская мысль. № 4087. 20–26 июля. С. 12.
55. *Кривошеина Н.А.* Четыре трети нашей жизни. Париж: YMCA-Press, 1984. 282 с.
56. *Луцкий С.А.* Сочинения / подгот. текста, сост., вступ. ст. и коммент. В. Хазана. Stanford: The Dep. of Slavic lang. a. lit. Stanford univ., 2002. 434 с. (Stanford Slavic studies; Vol. 23).
57. «Мы можем быть только летописцами…»: Письма М. Осоргина А. Полякову (1940–1942) / публ. О. Демидовой // Диаспора: Новые материалы. Париж: Athenaeum; СПб.: Феникс, 2001. Вып. 1. С. 422–476.
58. *Нерлер П.* Ольга Карлайл и Н.Я. Мандельштам; Ольга Андреева // Новый журнал. № 275. С. 186–192.
59. *Осоргин М.А.* Возлюбленной (Похвальное слово) // Альманах Библиофила. 1973. Вып. 1. М.: Книга. С. 244–252.
60. *Осоргин М.А.* Встречи: как мы торговали // Последние новости. 1933. № 4652. 17 дек. С. 5.
61. *Осоргин М.А.* Заметки старого книгоеда // В мире книг. 1973. № 5. С. 87–90.
62. *Осоргин М.А.* Заметки старого книгоеда // В мире книг. 1973. № 8. С. 90–93.
63. *Осоргин М.А.* Заметки старого книгоеда // В мире книг. 1973. № 10. С. 85–88.
64. *Осоргин М.А.* Книжная лавка писателей // Временник Общества друзей русской книги. Париж: Русское книгоиздатедьство «Я. Поволоцкий и К», 1928. Т. 1. С. 19–32.
65. *Осоргин М.А.* Книжная лавка писателей // Новая русская книга. 1923. № 3/4. С. 38–40.
66. *Осоргин М.А.* О Борисе Зайцеве // Последние новости. 1926. № 2087. 9 дек. С. 3.
67. *Осоргин М.А.* Письма и статьи Михаила Осоргина / публ., вступ. ст. и коммент. Т.А. Осоргиной-Бакуниной // Cahiers du monde russe et soviétique. 1984. Vol. XXV, № 2/3. P. 295–332.
68. *Осоргин М.А.* Повесть о сестре. Париж: Современные записки, 1931. 187 с.
69. *Осоргин М.А.* Рукописные книги Московской лавки писателей 1919–1921 // Временник Общества друзей русской книги. Париж: Русское книгоиздатедьство «Я. Поволоцкий и К», 1932. Т. 3. С. 49–60.

70. *Осоргин М.А.* Сивцев Вражек. Париж: Изд-во магазина «Москва», 1928. 312 с.
71. *Пильский П.* Любовь собаки Джима и ее господина [Рец. на:] Роман В. Емельянова «Свидание Джима». Изд-во «Дом Книги». Париж, 1939 // Сегодня. 1939. № 31. 31 янв. С. 8.
72. Письма Зайцева к И.А. и В.Н. Буниным / публ. Милицы Грин // Новый журнал. 1982. № 149. С. 127–149.
73. *Прегель С.Ю.* Разговор с памятью: Поэзия, проза, очерки и статьи: в 2 т. М.: Водолей, 2017. Т. 2 / сост. В. Хазана. 744 с.
74. *Слизкой А.* [Рец. на:] В. Емельянов. «Свидание Джима» // Грани. 1965. № 58. С. 239–241.
75. *Сосинский В.Б.* Конурка (Об Алексее Ремизове, Александре Алехине, братьях Модильяни и других) // Вопросы литературы. 1991. № 6. С. 167–207.
76. *Сосинский В.Б.* Портретная галерея Шумова // Голос Родины. 1972. № 35. Апрель. С. 5.
77. *Сосинский В.Б.* Рассказы и публицистика / сост. и прим. А.Б. Сосинского; вступ. ст. С.Б. Сосинского. М.: Российский Архив, 2002. 430 с.
78. *Сосинский В.Б.* Франко-славянская типография / предисл. и публ. Виктора Леонидова // Новая юность. 2000. № 6 (45). С. 175–179.
79. *Цветаева М.И.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 6: Письма. 805 с.
80. *Эррио Э.* Из прошлого: между двумя войнами. 1914–1936. М.: Изд-во Ин-та международных отношений, 1958. 772 с.
81. *Bakounine T.* Le domaine des princes Kourakine dans le gouvernement de Saratov. Aperçu sur l'histoire de l'économie privée pendant la période du servage au XIXe siècle, thèse pour le doctorat d'université, Paris, Les Presses modernes, 1929. 142 p.
82. *Bakounine T.* Répertoire biographique des francs-maçons russes (XVIIIe et XIXe siècles). Bruxelles: Petropolis, 1940. 256 p.

REFERENCES

1. Voloshina, V.Iu. "Russkii parizhanin: frantsuzskii period v zhizni M.A. Osorgina" ["Russian Parisian: the French Period in the Life of M.A. Osorgin"]. *Liudi i sud'by Russkogo Zarubezh'ia* [*People and Destinies of the Russian Diaspora*], Issue 3. Moscow, Institute of General History Publ., RAS Publ., 2016, pp. 13–26. (In Russian)
2. "Komarov Evgenii Bronislavovich" ["Komarov Evgenii Bronislavovich"]. *Rossiiskoe zarubezh'e vo Frantsii, 1919–2000: v 3 t.* [*Russian Diaspora in France, 1919–2000, in 3 vol.*], vol. 1: A–K. Moscow, Nauka Publ., 2008, pp. 719–720. (In Russian)

3. Kruchinina, L.A. “Zhurnal ‘Volia Rossii’ v pis’makh V.B. Sosinskogo B.A. Slutskomu” [“The ‘Volia Rossii’ Magazine in the Letters of V.B. Sosinskii to B.A. Slutskii”]. *Vstrechi s proshlym* [*Meetings with the Past*], issue 10. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, pp. 363–396. (In Russian)
4. Lasunskii, O.G. “Iz tvorcheskogo naslediia Semena Lutskogo” [“From the Creative Heritage of Semen Lutskii”]. *Evrei v kul’ture Russkogo Zarubezh’ia: ctat’i, publikatsii, memuary i esse T. V* [*Jews in the Culture of the Russian Diaspora: Articles, Publications, Memoirs and Essays*], vol. 5, comp. and publ. by M. Parkhomovskii. Jerusalem: [S.n.], 1996, pp. 77–86. (In Russian)
5. Nazarova, L.N. “Tat’iana Alekseevna Osorgina (1904–1995)” [“Tat’iana Alekseevna Osorgina (1904–1995)”]. *Russkaia literatura*, no. 4, 1996, pp. 174–176. (In Russian)
6. Obatnina, E.R. *Tsar’ Asyka i ego poddannye: Obez’ian’ia Velikaia i Vol’naia Palata A.M. Remizova v litsakh i dokumentakh* [*King Asyka and His Subjects: The Great and Free Chamber of A.M. Remizov’s Monkeys in Persons and Documents*]. St. Petersburg, Izdatelstvo Ivana Limbakha Publ., 2001. 382 p. (In Russian)
7. Polikovskaia, L.V. *Zhizn’ Mikhaila Osorgina, ili Stroitel’stvo sobstvennogo khrama* [*The Life of Mikhail Osorgin, or Construction of His own Temple*]. St. Petersburg, Kriga Publ., Pobeda Publ., 2014. 446 p. (In Russian)
8. Serkov, A.I. M.A. *Osorgin i ego masonskoe nasledie* [*Osorgin and His Masonic Heritage*]. Moscow, Ganga Publ, 2018. 616 p. (In Russian)
9. Sysoev, V.I. Tat’iana Alekseevna Bakunina-Osorgina: illiustrirovannyi biograficheskii ocherk [Tat’iana Alekseevna Bakunina-Osorgina: Illustrated Biographical Essay]. Tver’, Presto Publ., 2005. 125 p. (In Russian)
10. Talalai M.G. “Andrei Ivanovich Kaffi: soprotivlenie bol’shevizmu i natsifashizmu” [“Andrei Ivanovich Caffi: Resistance to Bolshevism and Nazi-Fascism”]. *Nansenovskie chteniia, 2009* [*Nansen Readings, 2009*]. St. Petersburg, ROO IKTs “Russkaia emigratsiia” Publ., 2010, pp. 197–203. (In Russian)
11. Khazan, V.I., and M.A. Vasil’eva “‘Nichego krome sporov, iz nashikh pisem ne vyidet’: perepiska V. Varshavskogo i V. Sosinskogo” [“‘Nothing but Disputes Will Come of our Letters’: Correspondence between V. Varshavskii and V. Sosinskii”]. *Novyi zhurnal*, no. 309, 2022, pp. 275–307. (In Russian)
12. Khazan, V.I. “Dva fragmenta iz istorii russkikh masonov-emigrantov v Parizhe” [“Two Fragments From the History of Russian Freemason Emigrés in Paris”]. *Evrei Rossii — immigranty Frantsii* [*Jews of Russia — immigrants of France*]. Jerusalem, Gesharim Publ.; Moscow, Mosty kul’tury Publ., 2000, pp. 307–377. (In Russian)
13. Khazan, V.I. “‘Shikarnyi evropeiskii soldat’: Vladimir Sosinskii v gody voiny”

["'A Chic European Soldier': Vladimir Sosinskii During the War Years]. *Novyi zhurnal*, no. 307, 2022, pp. 216–80. (In Russian)

14. *Khudozhnik Mitrofan Fedorov, 1870–1941* [*Artist Mitrofan Fedorov, 1870–1941*], comp. by M.S. Shendorova, L.E. Shendorova. Voronezh: Tsentr dukhovnogo vozrozhdeniia Chernozemnogo kraia Publ., 2013. 301 p. (In Russian)
15. Shakhovskoi, D.M. "Tat'iana Alekseevna Bakunina-Osorgina" ["Tat'iana Alekseevna Bakunina-Osorgina"]. *Iz glubiny vremen* (Saint Petersburg), no. 10, 1998, pp. 196–208. (In Russian)
16. Shakhovskoi, D.M. "Tat'iana Alekseevna Bakunina-Osorgina" ["Tat'iana Alekseevna Bakunina-Osorgina"]. *Russkaia obshchestvennaia biblioteka im. I.S. Turgeneva — perekrestok dukhovnoi zhizni Rossii i Frantsii* [*Russian Public Library named after I.S. Turgenev — the Crossroads of Spiritual Life of Russia and France*], 2nd ed. St. Peterburg: Znamenitye universanty Publ., 2014, pp. 89–96. (In Russian)
17. Shakhovskoi, D.M. "Tat'iana Alekseevna Bakunina-Osorgina" ["Tat'iana Alekseevna Bakunina-Osorgina"]. *Russkoe zarubezh'e: istoriia i sovremennost'* [*Russian Abroad: History and Modernity*], Issue 3. Moscow, RAS Publ., 2014, pp. 207–216. (In Russian)
18. Shruba, M. *Slovar' psevdonimov russkogo zarubezh'ia v Evrope (1917–1945)* [*Dictionary of Pseudonyms of the Russian Abroad in Europe (1917–1945)*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 1059 p. (In Russian)
19. Bakounine, T.P. *Bourychkine: Bibliographie sur la Franc-Maçonnerie en Russie*, préface de P. Portal. Paris, La Haye, Mouton, 1967. 179 p. (In French)
20. Bakounine, T. [Ossorguine-Bakounine T.] *L'émigration russe en Europe: Catalogue collectif des périodiques en langue russe, 1855–1940*. Paris, Institut d'études slaves, 1976. 476 p. (In French)
21. Barmache, N., Fiene D.M., et T. Ossorguine *Bibliographie des œuvres de Michel Ossorguine*. Paris, Institut d'études slaves, 1973. XVI, 211 p. (In French)
22. Bresciani, M. *La rivoluzione perduta. Andrea Caffi nell'Europa del Novecento*. Bologna, Il Mulino, 2009. 310 p. (In Italian)
23. Comtet, R. "Tatiana Alekseïevna Bakounine-Ossorguine (1904–1995)". *Slavica Occitania* (Toulouse), no. 24, 2007, pp. 11–13. (In French)
24. Cristesco, D., et H. Cristesco. *Bibliographie des œuvres de Marc Aldanov*, sous la direction de T. Ossorguine; intrtoduction de Marc Slonim. Paris, Institut d'études slaves, 1976. XIII, 87 p. (In French)
25. Frank, V. *Bibliographie des œuvres de Simon Frank*, sous la direction de T. Ossorguine-Bakounine, introduction de Rene le Senne. Paris, Institut d'etudes slaves, 1980. 108 p. (In French)
26. Gladkova, T., et T. Ossorguine. *L'Émigration russe: Revues et recueils, 1920–1980: Index general des articles*, ouvrage édité sous la direction de Tatiana

Gladkova et Tatiana Ossorguine, préface de Marc Raeff. Paris, Institut d'études slaves, 1988. XXII, 661 p. (In French)
27. Khazan, V. *Eretz Israel and the Russian Émigrés in Europe: Contacts, Connections, Communications, Interactions (1919–1939). Vol. 2: Heavy Burden of Responsibility for the Country. Part 1: Russian Political Émigrés and Eretz Israel*. Jerusalem, The Hebrew University of Jerusalem, 2020. 661 p. (In English)
28. Khazan, V., and V. Janzen. *Eretz Israel and the Russian Émigrés in Europe: Contacts, Connections, Communications, Interactions (1919–1939). Vol. 1: Russian Philosophy in Exile and Eretz Israel. Part 2: "The Marvelous Land of Palestine": Around Lev Shestov's Visit to Eretz Israel in 1936*. Jerusalem, The Hebrew University of Jerusalem, 2021. 1008 p. (In English)
29. Khazan, V., and G. Weissblei. *Eretz Israel and the Russian Émigrés in Europe: Contacts, Connections, Communications, Interactions (1919–1939). Vol. 3: "As a Seal upon Thy Heart": The Life and Fate of Rachel Ginzberg, Daughter of Ahad Ha'am*. Jerusalem, The Hebrew University of Jerusalem, 2022. 884 p. (In English)
30. Knapp, W. *France: Partial Eclipse — From the Stavisky Riots to the Nazi Conquest*. London: McDonald and Co, 1972. 152 p. (In English)
31. Read, C. *Culture and Power in Revolutionary Russia: The Intelligentsia and the Transition from Tsarism to Communism*. New York, St. Martin's Press, 1990. XII, 266 p. (In English)
32. Sinany, H., et T. Ossorguine. *Bibliographie des œuvres de Alexis Remizov*, Établie par Hélène Sinany; sous la direction de T. Ossorguine. Paris, Institut d'études slaves, 1978. 255 p. (In French)

Дата поступления статьи: 5 июня 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 17 января 2025 г.
Дата публикации: 29 декабря 2025 г.

Received: June 5, 2024
Approved*:* January 17, 2025
Date of publication: December 29, 2025

Научная статья

УДК 821.054.7.0
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-480-507
https://elibrary.ru/HAATDN

«АНТОЛОГИСТ» ЮРИЙ ТЕРАПИАНО В ПИСЬМАХ К ЕЛЕНЕ РУБИСОВОЙ

© 2025 г. И.М. Невзорова

Аннотация: Статья посвящена исследованию эпистолярного наследия Юрия Терапиано (1892–1980) — поэта, критика, историка религий, масона и последователя йоги — и его переписки с художницей, литератором и масоном Еленой Рубисовой (1897–1988). Корпус писем охватывает период с 1938 по 1978 гг., когда семья Рубисовых находилась в США, Франции или путешествовала по Европе и Азии. Материал разделен на два ключевых блока: довоенные письма (август 1938 – июнь 1940) и послевоенные (декабрь 1944 – июнь 1978). В них Терапиано раскрывает «внутренние» причины войны, философию духовного пробуждения, судьбы послевоенной русской эмигрантской литературы и миссию сохранения памяти о собратьях по творческому цеху. Письма, насыщенные упоминаниями как известных, так и малоизученных деятелей культуры, отличаются глубиной, смысловой плотностью и искренностью и отражают диалог двух людей, связанных общими духовными исканиями. Особое внимание уделено фрагментам, где Терапиано анализирует кризис европейского духа, роль эмиграции в Сопротивлении и синтез восточных и христианских традиций в своем творчестве. Впервые публикуемые стихи и комментарии автора дополняют портрет «антологиста» как мыслителя, чьи идеи остаются актуальными для изучения русской диаспоры XX века.

Ключевые слова: Юрий Терапиано, Елена Рубисова, Вторая мировая война, Сопротивление, эпистолярное наследие, русская эмиграция во Франции и США, живая этика, Рерих, масоны, Союз русских писателей и поэтов в Париже.

Информация об авторе: Ирина Михайловна Невзорова — независимый исследователь, г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0007-1440-2894
E-mail: irinanev@mail.ru

Для цитирования: *Невзорова И.М.* «Антологист» Юрий Терапиано в письмах к Елене Рубисовой // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Вып. 3 / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 480–507.
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-480-507

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

“ANTHOLOGIST” YURI TERAPIANO IN LETTERS TO ELENA RUBISOVA

© 2025. Irina M. Nevzorova

Abstract: This article explores the epistolary legacy of Yuri Terapiano (1892–1980) — a poet, critic, historian of religions, Freemason, and practitioner of yoga — and his correspondence with artist, writer, and fellow Freemason Elena Rubisova (1897–1988). The letters span from 1938 to 1978, a period when the Rubisov family resided in the U.S., lived in France, or traveled across Europe and Asia. The corpus is divided into two key periods: pre-war letters (August 1938 – June 1940) and post-war letters (December 1944 – June 1978). In these writings, Terapiano reflects on the “inner” causes of war, philosophies of spiritual awakening, the fate of post-war Russian émigré literature, and the imperative to preserve the memory of his fellow artists. The correspondence, rich in references to both prominent and lesser-known cultural figures, stands out for its depth, intellectual density, and sincerity, capturing a dialogue between two individuals united by shared spiritual quests. Special attention is given to fragments where Terapiano analyzes the crisis of the European spirit, the role of émigrés in the

Resistance, and the synthesis of Eastern and Christian traditions in his work. The article also features previously unpublished poems and the author's commentary, offering new insights into Terapiano as a thinker whose ideas remain relevant for studies of the 20th-century Russian diaspora.

Keywords: Iurii Terapiano, Elena Rubisova, World War II, Resistance, epistolary heritage, Russian emigration in France and the USA, living ethics, Roerich, Freemasons, Union of Russian Writers and Poets in Paris.

Information about the author: Irina M. Nevzorova, Independent Researcher. Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0007-1440-2894
E-mail: irinanev@mail.ru

For citation: Nevzorova, I. "'Anthologist' Yuri Terapiano in Letters to Elena Rubisova." *Emigrantica*. Issue 3, ed.-comp. E.R. Ponomarev, acad. ed. E.R. Ponomarev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 480–507. (In Russian)
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-480-507

«Антологист добрых дел» — так назвал свою статью о Терапиано поэт Евгений Евтушенко [9]. Терапиано был не только составителем антологии поэзии русского зарубежья «Муза Диаспоры» (1960) и автором собраний десятков текстов о своих современниках (антологий), но также инициатором созидательных, «добрых» начинаний, столь ценных в изгнании.

Знакомство автора статьи с творчеством Юрия Терапиано началось в 1994 г., с началом работы над составлением хроники жизни русской эмиграции во Франции [11]), и продолжилось после встречи с его двоюродным племянником — В.А. Миляновским[1]. Результатом работы стала книга и несколько статей, посвященных «антологисту» [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 16].

Письма Ю.К. Терапиано к Е.Ф. Рубисовой стали мотивацией к тому, чтобы вновь обратиться к исследованию «внутреннего портрета» антологиста. Письма были предоставлены востоковедом

[1] Миляновский Владислав Анатольевич (1935, Керчь — 2023, Керчь) — морской офицер, педагог, литератор, хранитель семейного архива Торопьяно́.

В.А. Росовым[2] с разрешения сына Е.Ф. Рубисовой — Георгия Георгиевича[3] (с целью их расшифровки, комментирования и в дальнейшем — публикации).

Юрий Константинович Терапиано (наст. фамилия Торопьянó; 1892, Керчь — 1980, Ганьи, Франция) — юрист по образованию, поэт, литературный критик, мемуарист, писатель-эзотерик. Терапиано родился в семье статского советника, старшего врача Керчь-Еникальского карантина, Константина Васильевича Торопьянó и дочери действительного статского советника, генерал-майора медицинской службы, помощницы попечительницы Мариинского детского приюта в Керчи — Елены Андреевны Савицкой.

В 1911 г. Терапиано окончил Александровскую гимназию в Керчи и поступил на юридический факультет Университета Святого Владимира в Киеве, который окончил в 1916 г. В 1914 г. был посвящен в мартинистскую ложу «Нарцисс». После окончания университета призван на военную службу, в 1917 г. окончил школу прапорщиков и отправлен в действующую армию. В 1919 г. в Киеве женился на Ирине Николаевне Новоселовой[4]. Участник Первой мировой войны (инвалид[5]) и ВСЮР.

16 ноября 1920 г. на последнем корабле, уходящем из Керчи, Юрий Терапиано покинул Россию, забрав свою сестру[6] и племянника[7]. Два года жил в Константинополе, где изучал восточную филосо-

---

[2] Росов Владимир Андреевич (р. 1954) — востоковед, кандидат философских наук, доктор исторических наук, заведующий отделом наследия Рерихов Государственного музея Востока, главный редактор журналов «Ариаварта» и «Вестник Ариаварты».

[3] Рубисов Георгий Георгиевич (1933, Париж — 2020, Хейвард, шт. Калифорния) — доктор естественных наук, специалист по металлургии, предприниматель (винодел), литератор, издатель, хранитель семейного архива. Вместе с отцом работал в швейцарской компании «Георг Фишер» (производство труб из меди, полиэтилена и пр.), по работе бывал во многих странах, в том числе в СССР.

[4] Терапиано Ирина Николаевна (урожд. Новоселова; 1890, Москва (?) — 1973, Ганьи, под Парижем) — жена Ю.К. Терапиано. В 1920 г. в составе армейского лазарета эвакуировалась на Кипр. Позднее воссоединилась с мужем и жила в Медоне, служила горничной во французской семье. Член ложи «Аврора» (в 1929 г. помощник секретаря, в 1930 г. секретарь).

[5] Терапиано был ранен в область паха, и всю жизнь ходил с тростью. Однако в 1939 г. при мобилизации во Французскую армию его признали «годным к трудовой повинности» (письмо к Е. Рубисовой от 5 февраля 1940 г.).

[6] Торопьянó Елизавета Константиновна (в браке Лупакова; 1890, Керчь — 1964, Франция). В эмиграции жила под девичьей фамилией своей матери — Савицкая. Член ложи «Аврора» (к 1944 г. достигла 30-й степени).

[7] Лупаков Константин Леонидович (ок. 1908 — 1963, Париж) — сын Е.К. Лупаковой, переводчик, сценарист. В эмиграции жил под именем Констан Дескье, домашнее

фию и религию, там же познакомился с членами «Общества вращающихся дервишей», учение которых вспоминал на протяжении всей жизни, и вошел в поэтический кружок, образованный при YMCA.

В 1922 г. переехал во Францию, где воссоединился с женой, жил в Медоне (предместье Парижа). Зарабатывал на жизнь, служа в институте «Биотерапия»[8] (клерком, курьером, писарем, упаковщиком).

В 1925 г. Терапиано стал одним из основателей и председателем Союза молодых поэтов в Париже. Он автор шести поэтических сборников: «Лучший звук» (Мюнхен, 1926), «Бессонница» (Берлин, 1935), «На ветру» (Париж, 1938), «Странствие земное» (Париж, 1951), «Избранные стихи» (Вашингтон, 1963), «Паруса» (Вашингтон, 1965); составитель антологии поэзии русского зарубежья «Муза диаспоры» (1960); автор десятков критических статей, воспоминаний и некрологов о своих собратьях по ремеслу, малая часть которых вошла в книги: «Встречи: 1926–1971» (1953), «Литературная жизнь русского Парижа за полвека: 1924–1974» (1987), «Мой путь в Йерусалим: Стихи. Очерки о поэтах» (2011). Так, Марине Цветаевой он посвятил пять статей [3].

Терапиано редактировал и принимал деятельное участие в журналах и альманахах «Новый дом», «Новый корабль», «Числа», «Круг», «Звено», «Перекресток», «Новоселье» и пр.; был членом Союза русских писателей и журналистов в Париже, постоянным участником собраний «Зеленая лампа», литературным критиком газеты «Русская мысль» и «Новое Русское Слово» и пр.

Наконец, Терапиано оставил три книги и множество статей по эзотерике, написанных в духе масонства, зороастрийства, агни-йоги, индуизма, буддизма, а также Ветхого и Нового Завета (как общеизвестных, так и неопубликованных). Полное собрание сочинений Юрия Терапиано еще впереди.

В 1920-е гг. супруги Терапиано посещают Кружок гармоничного развития «Живая этика», организованный философом-мистиком Г.И. Гурджиевым с целью популяризации рериховского учения об «агни-йоге». Там они и знакомятся с четой Рубисовых.

Елена Федоровна Рубисова (Рубиссова, урожд. Гейтман; 1897, СПб. — 1988, Париж) — художница, литератор, переводчик, специалист по искусству Востока. В 1920 г. эмигрировала в Германию, где

прозвище Кот. Постоянный переводчик на английский язык статей и книг Ю. Терапиано.

[8] Франко-русское фармацевтическое предприятие «Биотерапия» (Institut de Biothe

изучала творчество Н.К. Рериха, училась в Берлинской Академии художеств. В 1921 г. встретилась со своим будущим мужем Г.А. Рубисовым[9]. Супруги переехали в Париж, где Елена Федоровна занималась книжной иллюстрацией, живописью, экслибрисом. В 1926 г. и 1927 г. участвовала в Осеннем салоне [11, т. 1, с. 280, 385], в 1931–1935 гг. в Салоне независимых [11, т. 2, с. 5, 141, 269, 374, 525]. 4 декабря 1931 г. состоялся вернисаж персональной выставки Рубисовой в Галерее Владимира Гиршмана[10] [11, т. 2, с. 244]. Жертвовала свои работы для благотворительных лотерей [11, т. 2, с. 508]).

В августе 1938 г. Рубисовы, спасаясь от разгорающегося в Европе пожара войны, заблаговременно покинули Францию, отплыв в Америку на океанском лайнере «Париж».

Письма Ю. Терапиано к Е. Рубисовой охватывают период с 1938 по 1978 гг. Сохранилось 99 почтовых отправлений. Кроме писем Терапиано, среди них два вложенных письма — его жены и сестры, и письмо Аглаи Шиманской (последнее). Иногда одна корреспонденция включает в себя письмо с продолжением, написанное в течение нескольких дней.

Первая серия писем (август 1938 г. – июнь 1940 г.) относится к предвоенному периоду. Из письма от 30 августа 1938 г. следует, что на первые свои письма от 16 и 22 августа 1938 г. (не сохранились), посланные на борт лайнера «Париж», Терапиано ответа не получил. 18 сентября 1938 г. он пишет: «Милая Елена Федоровна. Наконец, получил ответное письмо, и, таким образом, переписка из двух углов мира установилась» (семейный архив Рубисовых).

Спектр вопросов, обсуждаемых в письмах к Рубисовой, весьма широк. Согласно терминологии самого Терапиано, это проблемы «внутреннего» и «внешнего» мира, посвященные, соответственно, «тонкой» и «плотной» материи.

Переписка с Рубисовой отличается глубиной и искренностью, так как происходит внутри сообщества братьев и сестер: Ю. Терапиано, его родные и большая часть упоминаемых в письмах лиц являются масонами (и одновременно — йогами). Добавим, что Рубисова, писавшая в то время стихи, выступала в Союзе молодых поэтов в Париже, председателем коего был Терапиано, и состояла в ложе «Аврора», которую посещали его жена и сестра. Таким образом, было достаточно общих интересов, чтобы завязалась дружба семьями.

---

[9] Рубисов Георгий Алексеевич (1897, Черниговская губ. — 1980, Париж) — инженер, писатель, переводчик, композитор, коллекционер, благотворитель.

[10] Galerie V. Girshman, Paris, 376, rue St-Honore

Терапиано и Рубисову объединял один путь «просветления»: агни-йога. Принято считать, что учение о «живой этике» («агни-йога») — религиозно-философское учение, объединяющее западную оккультно-теософскую традицию и восточный эзотеризм — возникло в процессе бесед Николая и Елены Рерихов с «Великим учителем». Согласно учению, люди не могут воспринимать реальность в своем нынешнем состоянии, так как находятся в состоянии гипнотического «сна наяву» — «мертвы». Но человек может «проснуться» и стать тем, кем должно быть человеческое существо. Учение ставит своей целью эволюцию человечества ко все более высоким формам бытия, во имя общего блага и мировой гармонии, путем внутреннего преображения каждого человека, раскрытия его внутренних способностей, при овладении космической энергией (агни), а путь к достижению цели — определенный образ жизни (йога).

Подчеркнем, что Рубисова не просто попутчица (ученица) Терапиано на пути «просветления» путем агни-йоги, но помощница — организатор издания его трудов духовного содержания. В переписке постоянно слышатся отголоски уже опубликованных и будущих трудов Терапиано.

В первых же письмах Терапиано открывает «тайну» эмигранта, вынужденного жить в чуждой, «абстрактной» для него среде:

> Чем абстрактнее среда, тем ближе человек к центру всех явлений в мире, к Богу (письмо от 18 сентября 1938 г.) (семейный архив Рубисовых).

Это объясняет столь мощное развитие в эмиграции религиозной мысли и творчества, а главное — формирование церковных общин сразу по возникновении «русского очага».

***

Особенности переписки определяют и трудности подготовки к изданию писем — расшифровка терминов, сокращений, многоточий и пр. Среди героев писем, кроме свода литературных имен, — духовные наставники и единомышленники Терапиано (масоны, гуру, йоги и пр.). Часть из них, обозначенных одной или двумя буквами, не удалось идентифицировать.

По примеру традиционной формы записи индийских текстов каждое письмо Терапиано представляет собой один длинный абзац. Возможно, это сделано не только в знак поклонения индуизму, но и с целью затруднить наглядность письма (защита от случайных

чужих глаз). Письма имеют большую информационную плотность и требуют работы грамотного текстолога, причем — специалиста в области эмигрантики и эзотерики.

Предвоенные письма полны тревоги, ожидания грядущей войны; они передают пульс дня. По характеру, содержанию и привязке к внешним событиям они носят дневниковый характер. Строки о внешней стороне войны обычно начинаются словами: «Вы знаете из газет, что…»

> Из газет Вы знаете, в каком неопределенном положении живет сейчас Европа по милости немцев; все гадают — будет или не будет война, каждый час — новые известия и, в общем — полная неопределенность. Ин-ш-Алла[11]! (письмо от 18 сентября 1938 г.).
>
> Сегодня в первый раз выйду в свет — на доклад Керенского “будет ли война?” в “Круг”. Не знаю, что скажет Керенский, но мне кажется, и сам Гитлер сейчас еще не знает наверное, будет ли. Атмосфера европейская, конечно, очень напряженная (Вы читали про Албанию), все государства принимают меры, а чем эти меры кончатся – Ин-ш-Алла! (письмо от 13 апреля 1939 г.).
>
> Вопрос «piece or war»[12] до сих пор остается открытым. Большинство не верит в возможность войны (письмо от 24 апреля 1939 г.).
>
> «Воздух» парижской литературной жизни отравлен — постоянной горячкой внешних событий и трудностью жизни, все почти ничего не пишут… У нас каждый день — как на бирже во время кризиса. Правда, восприимчивость притупилась, все привыкли к мысли о войне… Живешь буквально сегодняшним днем — и так вся Европа вот уже почти год» (письмо от 9 июля 1939 г.).
>
> Англичане сейчас пишут, приглашая кого-либо на лето, или говоря о будущем: I.H.P.[13] — Если Гитлер позволит. Итак, I.H.P., надеюсь видеть Вас и Г.А. в Париже в конце лета (письмо от 16 июля 1939 г.).

Терапиано как философ-эзотерик переводит военную тему из внешней области — во внутреннюю: «Война есть крайняя степень падения человечества» (семейный архив Рубисовых). Он принимает войну как бич Божий, веря в Его награду и кару. Терапиано продолжает ключевую предвоенную тему *кризиса европейского духа*, послужившего главной причиной мирового экономического кризиса, приведшего, в свою очередь, к войне.

---

[11] Как пожелает Аллах (*араб.*).

[12] Война или мир (*англ.*).

[13] If Hitler permits — Если Гитлер позволит (*англ.*).

Подобно К.В. Мочульскому, Г.П. Федотову и В.В. Вейдле, Терапиано истолковывал кризис европейского духа в религиозном смысле и выход из него видел в преодолении обезбоживания («секулярного гуманизма») мировоззрения и современной культуры. В 1936 г. в статье «Сопротивление смерти» Терапиано писал:

> Лишенная точки опоры в высшем бытии, жизнь утратила смысл, человек оказался в безвыходном, лично для него рушащемся в момент смерти мире… Разорвав с Богом, человек, незаметно для себя, восстановил власть смерти…. Только любовь, раненная, уязвленная смертью, пытается еще сопротивляться [17, с. 144].

В письма к Рубисовой нередко вложены свежие, насущные стихи Терапиано:

Мир погиб, а я еще не смею
Вечную утрату оценить.
Верности алтарь еще темнеет,
Римских стен еще сияет нить.

Далеко за темными морями
Дивный сад, нетронутый, цветет,
Высоко над синими горами
Крест Незримый в облаках встает.

Может быть, судьбы слепая сила
В Мудрости, которой нет во мне,
Этот хрупкий мир приговорила
К разрушенью, к гибели, к войне.

Но еще сегодня – слишком много
Тишины и счастья у меня –
Может быть, у самого порога
Завтрашнего рокового дня.

Ю. Терапиано. 24.07.1938 (семейный архив Рубисовых).

Одну из причин внутреннего конфликта человека (кризиса духа), толкающего его к агрессии, Терапиано видит в несоответствии перезагруженного *интеллекта* и примитивного, варварского

чувствования, в подмене высших понятий о любви и милосердии — законами и моралью, придуманными теми же несовершенными людьми. Это его ответ на вопрос Рубисовой — «Что сейчас нужно в просветительском смысле людям?» — ее письмо от 31 июля 1939 г.

В письмах Терапиано продолжает развивать мысль о достижении мировой гармонии и о личном единении с ней, что является, согласно учению о «живой этике», целью жизни всякого разумного человека, в этом «полнота жизни».

Достижима ли внутренняя гармония там, где теперь Рубисовы, в Америке? Вот мнение Терапиано:

> Как я и думал, американский климат и общий ambiance[14] трудно приемлем для европейской души, любящей свет и прозрачное небо больше, чем странную смесь жары, тумана, небоскребов, огней, сирен и джентльменов с голубыми глазами… У меня всегда было по отношению к Америке какое-то подсознательное возмущение — *конфликт культуры с цивилизацией*[15]. Поэтому в 20-м году я отказался от предложения ехать туда… Мне кажется, что ритм Америки можно переносить, только двигаясь, действуя (письмо от 30 августа 1938 г.) (семейный архив Рубисовых).

В своих письмах Рубисова призывает Терапиано активно учить английский язык, чтобы последовать их примеру. Терапиано язык учит, хотя без энтузиазма, но покидать Францию не намерен.

> Учебник английского языка зубрю с отвращением… Увы, я не Милюков, который поехал читать лекции в Америке и позондировать почву о переводе «Последних Новостей» в Нью-Йорк. В Шотландии я мог бы еще писать стихи и книгу, а в Америке — и того нельзя будет делать… Есть энергия, есть известное содержание, легко можно было бы найти форму, чтобы это содержание передать — но кому?! (письмо от 12 октября 1938 г.) (семейный архив Рубисовых).

Когда Рубисова беспокоится о «примитивном» образовании в Америке сына Георгия и о его «американизации», Терапиано отвечает:

> Что касается его американизации — на первых порах мне это не кажется очень страшным… М.б. старо-европейское, с детских лет

[14] Атмосфера (*фр.*).

[15] Здесь и далее курсив автора.

> влияющее на воображение и нервную систему воспитание, скорее даже вредно. Лучше на первых порах — *примитив*. Впрочем, я не знаю, как поставлено преподавание в Америке (письмо от 24 апреля 1939 г.) (семейный архив Рубисовых).

Из «внешних» событий письма Терапиано содержат обзор литературной жизни и литературную критику, сведения о здоровье и финансовых проблемах родных и друзей, и даже штрихи из жизни любимой собаки Терапиано. При этом изящный, лаконичный юмор не изменяет ему и в драматичных ситуациях.

> Сегодня был у Мережковских русский профессор из Сан-Франциско… Я немного с ним поговорил — и немного почувствовал «Америку». Думаю, что очень трудно было бы найти общее с местными (т. е. нам с тамошними) людьми. Бердяев там — великий философ, а когда Мережковский сказал, что Бердяев просто болтун — профессор съежился и пересел поближе к Б. Зайцеву, с которым завел беседу о монастырях на Валааме (письмо от 9 июля 1939 г.) (семейный архив Рубисовых).

Терапиано посвящает Рубисову в процесс написания своей новой книги. При этом он полемизирует с Л.Н. Толстым, размышляющим о преображении человека, потерявшего связь с Небом. Речь идет о повести «Самсара»[16]. В основу сюжетной линии автор положил сон из романа Л.Н. Толстого о «странствиях двух любящих душ после смерти».

> Написать книгу — это перемениться… Я прочел наново «Войну и Мир». Толстой — не «мой» писатель, но <есть> три замечательных места: письмо Баздеева Пьеру о «расширенной жизни»; сон Пьера, где Баздеев ему говорит о «восторженных странствиях двух любящих душ после смерти», и смерть князя Андрея Болконского (письмо от 15 мая 1939 г.).
>
> «Один — на один» человек совершенно бессилен изменить самого себя… Нет ни одного человека до конца плохого… Человек шире и полнее людских о нем представлений. Это чувствовал Толстой (письмо от 20 июля 1939 г.).
>
> Чему мог учить Толстой — для которого мораль = закон было

[16] *Терапиано Ю.К.* Самсара / публ. и вступ. ст. В.А. Росова. М.: Дельфис, 2015. 187 с.

> главным в христианстве, а слияние человека с Богом, две воли воедино — высшая свобода! — представлялась мифом… И не потому ли именно Толстой так притягивает Адамовича, что для него христианство — тоже мораль, а не ломка всех отношений «мира сего», всех земных представлений о Боге и о цели жизни? Мораль разумна, любовь — безумие (письмо от 14 августа 1939 г.). (семейный архив Рубисовых).

Данные эпистолярные «сочинения» Терапиано, обращенные к Рубисовой, основаны на «живой этике» и вплетенной в нее православной догматике (он утверждает, что исповедует единого Бога в Троице). При этом «для просветления» собеседницы он использует термины и методику, принятые в масонстве. Одни называют Терапиано «историком религий», другие (служители авраамических религий) причисляют его к еретикам. Нужно, на наш взгляд, рассматривать Терапиано как художника слова и писателя-эзотерика, им он и остается в письмах к Рубисовой. Вот он пишет, что болел всю Страстную неделю, а на Пасху вместе с Е.Г. Лопухиной-Камчатовой идет к заутрене — и тут же отвечает на вопрос Рубисовой о «медитации с арканами», а далее объясняет, «как можно уйти от всего личного», «отказаться от низшего “я”»:

> Человек связан со всем миром общностью жизни, но не сознает этого; первый шаг сознания — противопоставление: «это — я, а это — не я». Таким образом, он, сам себя отделяя, умаляет. Природа бессознательно вызывает в нас память о связи, через природу мы как бы получаем обратно способность не быть одиноким. А так как высшее Все — Бог, природа приближает нас и к Богу… Дети, звери и дикари — целостны, сознающий человек — раздроблен. Дервиш — снова целостен, но перед первой группой у него есть преимущество, что он целостен сознательно (письмо от 6 мая 1940 г.) (семейный архив Рубисовых).

Терапиано примеряет на себя разные философские учения и религии, останавливаясь на индийской формуле: «Для толпы — храм, а для прозревшего — йога, т.е. личный духовный опыт» [8, с. 270]. Он утверждает, что «соборно» чувствительным людям нельзя удержать на высоте подлинно религиозное чувство, т.к. отношение между отдельным человеком и Богом «неповторимо личное».

Отвечая на вопрос Рубисовой, «в чем заключается истинная религиозность», он пишет: осознать себя как дух, а человека — как

«сосуд» для этого духа. Поскольку эта мысль была основой этики древних цивилизаций, Терапиано считает необходимым вернуться к истокам религий, только тогда душа человека проснется:

> Как по нити Ариадны, дойти до первоисточника всех религий… Путь правильный, Азия это знает, но показать его европейским скептикам очень трудно. И все-таки — надо (письмо от 26 апреля 1947 г.) (семейный архив Рубисовых).

Напомним, что с раннего детства Терапиано был погружен в археологию как способ познания древней истории: детство и юность в Керчи, стоящей на развалинах Боспорского царства, полных сокровищ и артефактов, постепенно переходящих в процессе раскопок в Музей древностей или к местным коллекционерам; путешествие с дядей, дипломатом Л.А. Тихомировым, в Персию; книги, беседы и переписка с ламами и гуру формировали мировоззрение юноши, ориентируя его на Восток [подробнее см. 2; 4; 16].

После того как Франция вступила в войну (3 сентября 1939 г.), в письмах Терапиано преобладают проблемы «внешнего» мира, теории о всемирной гармонии отступают. В письме от 13 сентября 1939 г. он цитирует Валерия Брюсова, «вполне понимая» его:

> И если враг пятой надменной
> На грудь страны родимой стал, —
> Забудь о таинствах вселенной,
> Поспешно отточи кинжал[17] (семейный архив Рубисовых).

В 1939 г. в Париже проходит серия благотворительных вечеров в пользу русских эмигрантов, мобилизованных на французский фронт. Всего было мобилизовано около 6000 русских [10, с. 146]. Среди мобилизованных — друзья Терапиано по ремеслу: Довид Кнут, Юрий Софиев, Владимир Варшавский и другие, герои его стихов и очерков.

Заключение «пакта Молотова-Рибентропа» привело в замешательство русских эмигрантов:

---

[17] Цитируется стихотворение В.Я. Брюсова «Служителю муз» (1905).

> Сейчас из города привезли плохую сенсацию: Гитлер договорился со Сталиным и заключил с ним договор о ненападении. Значит, опять каждый день будет Х. будущее=? , над головой — призраки, вокруг — панические разговоры… Здесь так тихо, что даже такие известия кажутся не настоящими (письмо от 24 августа 1939 г.) (семейный архив Рубисовых).

Период Второй мировой войны, продолжавшийся восемь месяцев (с 3 сентября 1939 г. по 10 мая 1940 г.), получил название «Странная война». Боевых действий между враждующими сторонами почти не было. В письме от 24 сентября 1939 г. Терапиано сообщал о настроениях среди русских эмигрантов во Франции:

> «Русские здесь всецело на стороне Англии и Франции, особенно после того, как Гитлер стал союзником большевиков, поэтому идут <во французскую армию. — *И.Н.*> охотно, как и другие иностранцы… В материальном же смысле со мной случилась беда: “Биотерапия” сократила штат, и я остался без места. К тому же с чисто купеческой российской манерой Титов[18], увольняя меня, поприжал и заплатил не за месяц вперед, как следовало бы, а лишь за неделю. У Ирины Николаевны с весны была лишь случайная работа, а сейчас найти новое место невозможно. Счастье, что у меня было отложено несколько сот франков…» (семейный архив Рубисовых).

С началом войны переписка продолжалась еще год.

15 мая 1940 г. Терапиано посылает Рубисовой в письме свои новые стихи, планируя включить их впоследствии в раздел «военных стихов»: «Конница» («По реке не тронется летом ледоход…») [14, с. 97] и «После боя» (публикуется впервые).

После боя

Погибают солдаты в гордом бою
За прекрасную Францию свою.
Пробитая каска в траве,
Облака в синеве.

[18] *Титов Александр Андреевич* (1878–1961) — химик, микробиолог, профессор, политический деятель. Сооснователь «Биотерапии».

Иностранный мундир — чужая кровь,
Чужая печаль, чужая любовь.
Видел он — Волгу — в последний час,
Вспомнил ли дом свой — в последний раз,

Снег и московский звон,
Так плакали встарь по ушедшим в жар
Безводной степи в поход на татар,

Так смотрели вслед с городской стены,
С берегов реки, с земной крутизны.
— Ныне русское горе — темнее всего
— Ныне русские слезы — светлее всего.

Юрий Терапиано. Май 1940 г. (семейный архив Рубисовых).

14 июня 1940 г. Париж был оккупирован (объявлен «La ville ouverte»[19]). 22 июня 1940 г. между Германией и Францией в Компьене было подписано «мирное соглашение». А 18 июня 1940 г. генерал Шарль де Голль, эмигрировавший в Англию и выступающий против готовящихся Компьенских переговоров, сделал заявление по радио BBC: он призвал продолжать сопротивление врагу (на волны BBC в годы войны будут настроены приемники всех жителей Франции). После разоружения французской армии многие солдаты и офицеры составили армию Сопротивления.

Еще в 1938 г. Терапиано становится членом масонской группы «Лицом к России», сформированной из членов разных масонских лож [12, с. 17]. Члены группы принимали активное участие в Сопротивлении, проводя антигитлеровскую пропаганду под девизом «Сопротивление в духе». Терапиано объяснял русским эмигрантам, почему надо быть «за Россию», а не «против большевиков».

Терапиано собирал разведданные; участвовал в передаче фальшивых паспортов для евреев и русских, бежавших из лагерей (одним из них был его племянник Виктор Миляновский[20]); вступал в

[19] Открытый город (*фр.*).

[20] *Миляновский Виктор Анатольевич* (1925–2007) — племянник Ю.К. Терапиано. В начале войны в возрасте 15 лет работал мотористом на катере, переправлявшим отступающих из Керчи на Таманский берег бойцов Красной армии. Был ранен в ноги, попал в плен, отправлен к концлагерь в Дортмунте, бежал, был пойман, бежал из других лагерей. Наконец, в 1944 г. сбежал из Бухенвальда. Участвовал в Сопротивлении. Вернувшись на Родину, (как сказано в его биографии) «прошел фильтр НКВД». Закончил Московский геодезический институт, работал в Крыму.

контакт с советскими гражданами, примкнувшими к Сопротивления, работал связным. Координация действий различных групп, слаженность их работы была залогом успеха операций. Трудно было заподозрить партизана в солидном, тучном джентльмене с тростью, обладателе прекрасных речи и манер. Работе Терапиано в Сопротивлении посвящены две статьи [1; 5; см. также: 12, с. 568–569]. Адрес конспиративной квартиры сопротивленцев в Медоне (2, rue Léonnie Rouzade) — это адрес супругов Терапиано, где они жили много лет. Там же находилась штаб-квартира Союза Советских Патриотов (ССП).

Терапиано, не забывающий о тетради в тяжелые годы войны, после освобождения Франции пошлет Рубисовой свои стихи, написанные в те страшные дни и удивляющие своей лиричностью (публикуются впервые).

Во время оккупации

То тепло, то подмораживает,
Тянет ветром ледяным.
Часовой с ружьем расхаживает
Под окошком вырезным.

На штыке луна и солнце
Греют светлые лучи,
В ледяной узор оконце
Одевается в ночи.

И кому сказать, что ныне,
Растопив снега и льды,
Расцвели в моей пустыне
Аравийские сады,

Минареты и фонтаны,
Стены с вычурной резьбой,
Кипарисы и платаны
Над недвижною водой.

И горит моя свобода,
Словно яркая звезда;

Часовой ее восхода
Не заметит никогда.
Не поймет, что только сонный
Призрак — север и мороз,
Не поймет, что мрак бездонный
Сотворен из наших слез.

Шагом мерным, бодр и весел,
Он все ходит налегке
И блестит напрасно месяц
На крутом его штыке.

Ю. Терапиано. 20 декабря 1940 г. (семейный архив Рубисовых).

После оккупации Парижа переписка Рубисовой и Терапиано прекратилась. Последнее предвоенное письмо написано 2 июня 1940 г. Лишь однажды Юрию Терапиано удалось передать с оказией записку Елене Рубисовой, датированую 15 августа 1940 г. Она написана на французском языке (русский язык в переписке был запрещен).

Chère Hélène Fédorovna,

Je profite de cette première occasion pour vous écrire et vous remercier tout d'abord pour votre petit mot qui m'a été remis par votre ami Mr G.

Nos pensées étaient très souvent avec vous tous ces derniers mois, et j'avais la sensation que vous pensiez également à nous. Je voudrais tant vous dire et vous raconter, mais il est impossible de le faire dans cette lettre.

Nous avons vu hier votre frère, qui est venu à Paris en bicyclette. Chez vos parents, tout va bien ; la ferme n'a pas souffert, heureusement. Ils étaient partis avec leurs chiens (ayant fait un voyage de 150 km, moitié à pied, et moitié en voiture), mais après l'Armistice, ils sont rentrés chez eux. Votre mère a été très courageuse d'après les dires de votre frère Igor.

Ils sont très gênés pour le moment, au point de vue argent, car ils n'ont plus de pensionnaires chez eux. J'avais compris que vous leur aviez envoyé également un mot par la même occasion, mais ils n'ont rien reçu. J'ai recommandé donc à votre frère de passer voir la personne qui nous avait remis votre mot.

> Jenny G. est restée dans son atelier; sa jambe va toujours mal[21].
> *Юрий Терапиано. 15 августа 1940 г.* (семейный архив Рубисовых).

Все довоенные и послевоенные годы Рубисовы оказывали финансовую поддержку Терапиано и другим семьям; она приходила с оказией от четы Рубисовых, от русского Литературного фонда, основанного Марком Вильчуром. После войны одним из посредников в передаче денег был В.Ф. Марков [8]. Письма Терапиано к Рубисовой содержат подробный отчет о распределении средств.

В годы войны Е. Рубисова публиковала статьи по искусству в русских эмигрантских изданиях; позднее были изданы ее книги «Art of Russia» («Искусство России», 1946) и «Art of Asia» («Искуство Азии», 1947).

26 августа 1944 г. в результате Парижского восстания (19–25 августа) и поддержки войск союзников Париж был освобожден. Переписка Терапиано и Рубисовой возобновляется и продолжается до возвращения Рубисовых в Европу. Первое послевоенное письмо, сохранившееся в архиве Рубисовых, датируется 20 декабря 1944 г., последнее — 20 июня 1947 г.

Послевоенная переписка посвящена увековечению памяти жертв войны, собратьев по литературному цеху [5, с. 556–563], сообщениям о возобновлении деятельности русских организаций, анализу политической и гуманитарной ситуации в Европе.

Терапиано как член правления *Объединения русских писателей и поэтов* организует вечера памяти погибших поэтов. Среди них: Бо-

---

[21] «Дорогая Елена Федоровна,

Пользуюсь первой возможностью написать Вам и прежде всего поблагодарить за Вашу записку, которую мне передал Ваш друг г-н Г. В последние месяцы мы часто думали о Вас, и мне казалось, что и Вы тоже вспоминаете о нас. Мне так хотелось бы Вам все рассказать, но в письме это невозможно.

Вчера мы видели Вашего брата - он приехал в Париж на велосипеде. У Ваших родителей всё благополучно; ферма, к счастью, не пострадала. Они уезжали со своими собаками (проделав путь в 150 км - половину пешком, половину на машине), но после Перемирия вернулись домой. Ваша мать проявила большую храбрость, по словам Вашего брата Игоря.

Сейчас они в очень стеснённых обстоятельствах, так как у них больше нет постояльцев. Я так поняла, что Вы тоже отправили им весточку тем же путём, но они ничего не получили. Поэтому я посоветовала Вашему брату навестить человека, который передал нам Вашу записку.

Дженни Г. осталась в своей мастерской, её нога по-прежнему болит» (фр. — перевод мой, *И.Н.*).

рис Вильде, Илья Британ, Раиса Блох, мать Мария (Скобцова), Ирина Кнорринг, Михаил Горлин, Юрий Фельзен, Юрий Мандельштам, Игорь Воинов, Илья Фондаминский [11, т. 5, с. 63, 152–153]. Говоря о необходимости издания сборника стихов в память о трагедии прошедшей войны, Терапиано составляет и посылает Рубисовой список поэтов, писавших «военные стихи» [1, с. 261, 279, 280]. Первый сборник Объединения под названием «Встреча» вышел в июне 1945 г., в сборник были включены и стихи Терапиано [11, т. 5, с. 90].

При Объединении создана «Коллегия по проверке деятельности отдельных лиц в годы оккупации», создается «Содружество русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления» с целью сбора материала об участии русских в движении Сопротивления [11, т. 5, с. 64, 65]: Терапиано сотрудничает с ними. 20 марта 1945 г. создано «Объединение русской эмиграции для сближения с Советской Россией» [11, т. 5, с. 76–77]. Председателем его был избран директор «Биотерапии» А.С. Альперин[22], его помощником — Терапиано.

После окончания войны укрепились патриотические настроения среди русских эмигрантов. Многие из них — еще в дни оккупации Франции и работы в Сопротивлении — стали членами Союза русских (затем — советских) патриотов, получили советские паспорта. Происходит массовый отъезд в СССР тех, кто уже их имел.

Письма Терапиано содержат записи о состоянии послевоенной русской литературы в эмиграции.

> Все мы напоминаем лодки, пришедшие после большой бури в порт: там поломано, здесь — пробоина, то на эту, то на другую сторону — крен. Все переболели, потеряли силы, постарели. Постепенно приходим в себя, и мечта каждого — достигнуть своего собственного довоенного уровня, чтобы снова смочь говорить о том, о чем мы говорили до войны, интересоваться духовными вопросами, литературой и т.д. (письмо от 27 июля 1945 г.) (семейный архив Рубисовых).

Однако Терапиано продолжает работать. Он посылает Рубисовой рецензии (для газеты «Новое русское слово»), свои стихи и прозу.

---

[22] *Альперин Абрам Самойлович* (1881–1968), юрист, промышленник, финансист, меценат, еврейский общественный деятель, масон. В эмиграции с 1919 г. 22 июня 1941 г. арестован, заключен в концлагерь «Фронт-Сталаг 122» (Компьень, департамент Уаза), затем переведен в лагерь Дранси. В ноябре 1942 г. был освобожден. Один из организаторов движения Сопротивления.

> Рад, что дошел «Маздеизм»… Я работаю над *третьей*, последней книгой моего цикла: «Путешествие…»[23], «Маздеизм…»[24] и третья[25] (названия еще нет) — о современных проблемах в линии «О Боге, о мире и о человеке». Здесь Rossica идет очень хорошо — все — оригинальные статьи, проза, переводы и даже стихи (только советских) поэтов в переводе, которые очень хорошо делает и Constant Desquia (мой племянник Кот), переводчик «Маздеизма» и ряда других книг (письмо от 26 сентября 1945 г.) (семейный архив Рубисовых)

В письмах к Рубисовой мы видим куда более сурового Терапиано, чем в его критике. Он сокрушается о «духовной бездарности» своих современников, критикует маститых писателей за «полное незнание Индии» и даже собратьев-масонов (Г. Адамовича, Л. Зурова, Г. Газданова) за то, что их произведения нацелены на «познание утонченной человеческой натуры», а не на поиск путей связи с Богом.

> Скука современной русской литературы и здесь и там состоит в ее полном материализме. «Там» — вынуждено, «здесь» — по духовной бездарности… Пишут о маленькой жизни, о маленьких людях, о маленьких страстишках — и небо закрыто, выхода нет, все распадается и погибает, смерть страшна, жизнь непонятна… (письмо от 26 апреля 1947 г.) (семейный архив Рубисовых).

Терапиано удивляется, почему эмигрантские писатели так не любят большевиков, ведь их объединяет главное — атеистическое начало.

8 марта 1947 г. в Свято-Александро-Невском соборе в Париже состоялась панихида и церемония перезахоронения останков русских воинов, павших в рядах французской армии в боях против фашистов в 1940–1945 гг., доставленных из разных районов Франции [11, т. 5, с. 189].

Ситуация в Европе быстро менялась: приближалась холодная война. Терапиано, обладая острым чутьем поэта, философа, эзотерика, понимает, как меняется отношение к «стране-победителю»:

---

[23] *Терапиано Ю.К.* Путешествие в неизвестный край. Париж: [б.и.], 1946. 193 с.

[24] *Терапиано Ю.К.* Маздеизм. Современные последователи Зороастра. Париж: [б.и.], 1968. 153 с.

[25] Повесть «Самсара». В архиве Рубисовых обнаружены две копии повести — на русском и английском языках (перевод Констана Дескье).

> Атмосфера все время нервная, нет relaxation[26]… Европа корчится в различных лишениях и в пережитках неизжитой ненависти — и эта атмосфера давит и гнетет всех (письмо от 8 апреля 1947 г.) (семейный архив Рубисовых).

Терапиано остался верен своим друзьям по борьбе с фашизмом. Он вникает в процессы, происходящие в СССР; ведет широкую переписку с литераторами, вернувшимися в Россию, — Н. Кнорингом, А. Ладинским, Ю. Софиевым, В. Сосинским, а через них с другими деятелями культуры, живущими в СССР (например, с Надеждой Мандельштам27). Юрию Терапиано присылали советские книги и журналы, рецензии о которых он помещал в газетах «Русская мысль» (Париж) и «Новое Русское Слово» (Нью-Йорк), а также в советском журнале «Простор» (Алма-Ата).

Примером служат два письма Терапиано, посвященные восторженному впечатлению от поездки в Москву и трехмесячного пребывания в Троице-Сергиевой Лавре делегации бывших «зарубежников»:

> Сегодня будет у Е.Г. <Лопухиной-Камчатовой> о. Серафим, который ездил с митрополитом в Россию и несколько дней тому назад вернулся. Как жалко, что я не священник — у меня было бы живое, настоящее дело (письмо от 6 марта 1947 г.).
>
> В Храмах <Лавры. — *И.Н.*> масса молящихся. Стоят не шелохнувшись по четыре часа во время патриаршей службы…
>
> Лавре возвращены все святыни и мощи, отданы назад церковные облачения… О. Серафим привез иконы, освященные в Сергиевской лавре на мощах Св. Сергия Радонежского, и одну из них — Иверской Божьей Матери — подарил мне… Всего не перескажешь! (письмо от 10 марта 1947 г.) (семейный архив Рубисовых).

Поясним, что 26 мая 1947 г. в парижском зале Шопен состоялось собрание под председательством митрополита Серафима (А.И. Лукьянова), воссоединившегося в 1945 г. с Московской патриархией (вернулся на родину в 1954 г.). Выступили сопровождающие его в поездке — протоиерей о. Андрей (А.А. Сергеенко, вернулся в СССР

---

[26] Расслабление (*англ.*). Здесь: состояние покоя.

[27] В программе «Медонского вечера» 14 апреля 1973 г. указано: «Ю. Терапиано прочел ответ Надежды Мандельштам из Москвы, переданный ему В. Сосинским» [15, с. 18].

в 1948 г.), игумен Серафим (И.А. Дулгов) и иеромонах Сергий (К.Г. Шевич). Сбор с вечера пошел в пользу Комитета «Русская помощь» [11, т. 5, с. 203].

В 1947 г. произошел давно назревавший раскол Союза русских писателей и журналистов в Париже. Терапиано пишет Рубисовой о моральной обстановке в Союзе, предшествовавшей этому драматическому событию:

> Ободренные тем, что разрешили издавать антибольшевистскую газету «Русская мысль», — некоторые «круги» решили, что мы в 1925-м году. И по предложению Р. Гуля решили исключить из Союза Писателей и журналистов советско-подданных. К сожалению, председатель Союза Зайцев и секретарь Зеелер отнеслись к этому легкомысленно: «Так как по уставу С.П. и Ж. — эмигрантская организация, то подчеркнем этот пункт, и советские подданные сами собой отпадут». Тщетно я и Петрищев (члены правления) говорили, что времена не те, и что из этого советские могут сделать соответствующие выводы о Союзе… На общем собрании получился скандал…
>
> По поводу же «Р<усской> м<ысли>»… тон ее — распространение явно ложных сведений о России… Можно не соглашаться со многим во внутренней политике Союза, с режимом и т.д., но другое дело — вести кампанию против своей страны (письмо от 29 мая 1947 г.) (семейный архив Рубисовых).

22 ноября 1947 г. состоялось годовое собрание Союза под председательством А.В. Карташева. В устав Союза было внесено изменение, согласно которому лица, принявшие советское гражданство, должны быть исключены из Союза. Состоялись шумные прения. В результате о своем выходе из Союза заявили: Г. Адамович, В. Андреев, М. Артемьев, А. Бахрах, Б. Бродский, И. Бунин, В. Варшавский, А. Гефтер, А. Гингер, Т. Гревс, А. Даманская, Л. Зуров, М. Каллаш, Н. Кнорринг, В. Корвин-Пиотровский, А. Ладинский, С. Маковский, В. Малянтович, В. Мамченко, В. Могилевский, А. Морской, В. Муромцева, Д. Одинец, А. Петрищев, Е. Ратнер, А. Ремизов, А. Руманов, И. Савченко, Ю. Софиев, П. Ставров, А. Ступницкий, Ю. Терапиано, Е. Хохлов, Л. Червинская, Е. Щербаков [11, т. 5, с. 227].

Заметим, что в одной из рецензий (на рассказ Д. Кобякова в «Просторе») Терапиано сделал важную поправку:

> «В нашем советском лагере» во время войны Бунин не был. Но как русский патриот, подобно многим другим эмигрантам, не мог не охранять вечную Россию от гитлеровского завоевания. Это отнюдь не означает «быть в советском лагере» [13, с. 15].

После возвращения из Америки супруги Рубисовы живут, видимо, на своей ферме. В 1951–1956 гг. они совершают путешествие по Востоку: «от Багдада до островов Японии» — Турция, Иран, Ирак, Индия, Корея, Япония, Ливан, Сирия, Египт, Индонезия, и наконец, Россия. Во время путешествия супруги вели беседы с представителями восточных религиозных конфессий и одновременно помогали переводить Евангелия на восточные языки. Терапиано страшно горевал, что не смог поехал с Рубисовыми в Индию (причиной была болезнь его жены — туберкулез).

Сохранилось лишь одно письмо этого периода (от 8 июня 1954 г.):

> Получил Ваше письмо, опять из Багдада… Вас очень трудно поймать, поэтому мало пишем. Если доедете до Тегерана, то наверно там найдете наши письма. Получили вчера в конверте 5 фынов[28]… (семейный архив Рубисовых).

К январю 1956 г. Рубисовы возвращаются в Париж. Супруги Терапиано с 1955 г. живут в Русском старческом доме в Ганьи, туда же со временем переезжает Ирина Одоевцева и другие ровесники Терапиано, его друзья. Рубисовы — частые посетители Русского дома. В 1970 гг. они вместе с Терапиано участвуют в «Медонских вечерах», организованных Рене Герра, в вечерах Объединения и пр.

После смерти мужа Елена Рубисова переезжает в Америку к сыну. Георгий Рубисов младший свидетельствует, что в семейном архиве хранится большой массив неопубликованных текстов «антологиста» Юрия Терапиано, оставшегося до конца своих дней «лицом к России».

Память о своем друге, Елене Рубисовой, Юрий Терапиано увековечит в стихах «Был ангел послан эту душу взять…» [14, с. 26–27].

Был ангел послан эту душу взять
И в небо унести ее опять,
В страну, где нет печали и страданья.
И ангел тенью пал на мирозданье,
И умер я и перестал дышать.

[28] Фынь – китайская денежная единица.

Тогда водитель-дух, с заботой нежной,
Крылом закрыл любезный мне порог
Земли — всей красоты ее безбрежной,
Которую велел покинуть Бог,
Порог земли, прекрасной и мятежной.

Безмолвие, простор и тишина
Сменили шум встревоженной вселенной,
И медленно, с ресниц, земного сна,
Теснима слепотою вдохновенной,
За пеленой спадала пелена.

Сказал мне ангел: «Волей вечной Силы,
Здесь — область тени, той, что разделила
Земные и небесные дела…»
— «О, неужели смерть — такая мгла?»
— «Преддверие». Но темнота слепила.

И ринулись мы в темноту, и вдруг
Краса иных миров моим глазам предстала;
Я сделался весь зрение и слух,
А вестник смерти, вечный, вечный друг,
Последнее откинул покрывало…

Все — только сон и никого вокруг.

Ю. Терапиано. 1988 (семейный архив Рубисовых).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Невзорова И.М.* «Войной навек проведена черта»: Семья Кнорринг и Юрий Терапиано в Сопротивлении // Материалы XXI и XXII международных научных цветаевских конференций (Москва, 22–23 сентября 2018 г. и 26–27 сентября 2020 г. Королев-Москва). Сб. докладов. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2021. С. 261–288.
2. *Невзорова И.М.* «И взлетает мяч Навзикаи…»: о земном странствии Юрия Терапиано // «Простор». Алматы. 2009. №4. С. 92–123. URL:

Илл. 1. Елена Рубисова. Автопортрет (линогравюра). 1930-е. Источник, URL: https://artrz.ru/1804786218.html (дата обращение: 26.05.2025)

Илл. 2. Юрий Терапиано и Елена Рубисова. Франция. 1970-е. Фонд Ю.К. Терапиано в ЦНБСТД РФ[29]. Публикуется впервые

[29] ЦНБСТД РФ — Центральная научная библиотека Союза театральных деятелей Российской Федерации.

http://prostor.ucoz.ru/_ld/0/32_PAy.doc (дата обращения: 05.05.2025).

3. *Невзорова И.М.* Марина Цветаева в критике Юрия Терапиано // Марина Цветаева: преддверье. Статьи и эссе. М.: Возвращение, 2019. С. 235–246.
4. *Невзорова И.М.* Поэт из Керчи Юрий Терапиано: материалы к творческой биографии // «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия: Материалы Пятых Герцыковских чтений в Судаке. 11–15 июня 2007 г. М.; Симферополь; Судак: Дом-музей Марины Цветаевой; Крымский центр гуманитарных исследований, 2009. С. 165–183.
5. *Невзорова И.М.* Юрий Терапиано в годы Второй мировой войны // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция. Москва. 14–15 мая 2015 г. К 70-летию Великой Победы / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М: Русский путь; Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2015. С. 534–564.
6. *Невзорова И.М.* Юрий Терапиано: возвращение в Керчь // Материалы круглого стола, посвященного творчеству Юрия Терапиано. Керчь, 2015. URL: http://slavcentr.kz/index.php/blogs-menu/blogs/a/8168-Nashi-publikatsii.html (дата обращения: 05.05.2025).
7. *Невзорова И.М.*, *Тимиргазин А.Д.* Ю. Терапиано и Г. Петников: диалог через двойной занавес // «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия: Материалы Шестых Герцыковских чтений в Судаке. 6–14 июня 2009 г. М.; Симферополь: Дом-музей Марины Цветаевой, 2011. С. 241–259.

Источники

8. *«В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда»:* Письма Ю.К. Терапиано В.Ф. Маркову (1953–1972) // «Если чудо вообще возможно за границей…»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2008. С. 221–354.
9. *Евтушенко Е.А.* Антологист добрых дел // Новые известия. 2007. 20 апр. URL: https://newizv.ru/news/2007-04-20/antologist-dobryh-del-66989 (дата обращения: 05.05.2025)
10. Русская эмиграция в фотографиях: Франция, 1917–1947 / автор-сост. А. Корляков. Париж: ИМКА-ПРЕСС. 1999. 160 с.
11. Русское Зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1975: Франция: в 8 т./ под ред. Л.А. Мнухина в сотр. с Т.Л. Гладковой, Т.И. Дубровиной, В.К. Лосской, И.М. Невзоровой, А.И. Серковым, Н.А. Струве. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1994–2002.

12. *Серков А.И.* История русского масонства после Второй мировой войны. СПб: Изд-во Н.И. Новикова, 1999. 400 с.
13. *Терапиано Ю.К.* «Из дальних странствий возвратясь» [Рец. на: Простор. Алма-Ата: 1962. № 6] // Русская мысль. Париж. 1962. № 8. С. 15.
14. *Терапиано Ю.К.* Избранные стихи. Вашингтон: Victor Kamkin, Inc., 1963. 110 с.
15. *Терапиано Ю.К.* Литературная жизнь русского Парижа за полвека: 1924–1974. Эссе, воспоминания, статьи / сост., вступ. ст. Р. Герра. СПб.: Росток, 2014. 664 с.
16. *Терапиано Ю.К.* «Мой путь в Йерусалим»: Стихи. Очерки о поэтах / сост., вступ. ст. И. Невзоровой. М.; Симферополь: Дом-музей Марины Цветаевой, 2011. 208 с.
17. *Терапиано Ю.К.* Сопротивление смерти // Круг. Париж. 1936. № 1. С. 144–147.

REFERENCES

1. Nevzorova, I.M. "'Voinoi navek provedena cherta': Sem'ia Knorring i Iurii Terapiano v Soprotivlenii" ["'The Line is Forever Drawn by War': The Knorring Family and Yuri Terapiano in the Resistance"]. *Materialy XXI i XXII mezhdunarodnykh nauchnykh tsvetaevskikh konferentsii. Moskva, 22–23 sentiabria 2018 i 26–27 sentiabria 2020, Korolev, Moskva). Sbornik dokladov* [*Materials of the XXI and XXII International Scientific Tsvetaeva Conferences (Moscow, September 22–23, 2018, and September 26–27, 2020. Korolev-Moscow). Collection of Reports*]. Moscow, Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi Publ., 2021, pp. 261–288. (In Russian)
2. Nevzorova, I.M. "'I vzletaet miach Navzikai…': o zemnom stranstvii Iuriia Terapiano" ["'And Nausicaa's Ball Takes Flight…': On the Earthly Journey of Iurii Terapiano"]. *Prostor*, no. 4, 2009, pp. 92–123. URL: http://prostor.ucoz.ru/_ld/0/32_PAy.doc (accessed: 05.05.2025). (In Russian)
3. Nevzorova, I.M. "Marina Tsvetaeva v kritike Iuriia Terapiano" ["Marina Tsvetaeva in the Criticism of Iurii Terapiano"]. *Marina Tsvetaeva: preddver'e. Stat'i i esse* [*Marina Tsvetaeva: The Threshold. Articles and Essays*]. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 2019, pp. 235–246. (In Russian)
4. Nevzorova, I.M. "Poet iz Kerchi Iurii Terapiano: materialy k tvorcheskoi biografii" ["The Poet from Kerch, Iurii Terapiano: Materials for a Creative Biography"]. *"Serebrianyi vek" v Krymu: vzgliad iz XXI stoletiia: Materialy Piatykh Gertsykovskikh chtenii v Sudake. 11–15 iiunia 2007 g.* [*"The Silver Age" in Crimea: A View from the 21st Century. Proceedings of the Fifth Hertsyk Readings in Sudak. June 11–15, 2007*]. Moscow, Simferopol, Sudak, Dom-

muzei Mariny Tsvetaevoi Publ.; Krymskii tsentr gumanitarnykh issledovanii Publ., 2009, pp. 165–183. (In Russian)

5. Nevzorova, I.M. “Iurii Terapiano v gody Vtoroi mirovoi voiny” [“Iurii Terapiano During the Second World War”]. *Rossiiskaia emigratsiia v bor’be s fashizmom: Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia. Moskva. 14–15 maia 2015 g. K 70-letiiu Velikoi Pobedy* [*Russian Emigration in the Fight Against Fascism: International Scientific Conference. Moscow, May 14–15, 2015. Dedicated to the 70th Anniversary of the Great Victory*], ed. by K.K. Semenov and M.Iu. Sorokina. Moscow: Russkii put’ Publ., Dom russkogo zarubezh’ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna Publ., 2015, pp. 534–564. (In Russian)
6. Nevzorova, I.M. “Iurii Terapiano: vozvrashchenie v Kerch” [“Iurii Terapiano: Return to Kerch”]. Materialy kruglogo stola, posviashchennogo tvorchestvu Iuriia Terapiano [Proceedings of the Round Table Dedicated to the Work of Iurii Terapiano]. Kerch, 2015. Avaliable at: http://slavcentr.kz/index.php/blogs-menu/blogs/a/8168-Nashi-publikatsii.html (accessed: 05.05.2025). (In Russian)
7. Nevzorova, I.M. and A.D. Timirgazin. “Iu. Terapiano i G. Petnikov: dialog cherez dvoinoi zanaves” [“Iu. Terapiano and G. Petnikov: A Dialogue Through a Double Curtain”]. *“Serebrianyi vek” v Krymu: vzgliad iz XXI stoletiia: Materialy Shestykh Gertsykovskikh chtenii v Sudake. 6–14 iiunia 2009 g.* [*“The Silver Age” in Crimea: A View from the 21st Century. Proceedings of the Sixth Hertsyk Readings in Sudak. June 6–14, 2009*]. Moscow, Simferopol, Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi Publ., 2011, pp. 241–259. (In Russian)

Дата поступления статьи: 12 октября 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 25 января 2025 г.
Дата публикации: 29 декабря 2025 г.

Received: October 12, 2024
Approved after reviewing: January 25
Date of publication: December 29, 2025

Научная статья

УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-508-525
https://elibrary.ru/HAKMHF

ЖЕНЕВСКИЙ АРХИВ Е.Д. КУСКОВОЙ

© 2025 г. М. Шруба

Аннотация: В статье дается описание архивного фонда Е.Д. Кусковой и С.Н. Прокоповича, находящегося в архивной коллекции женевского высшего учебного заведения Graduate Institute of International and Development Studies. Данный фонд, приобретенный институтом в 1961 г. в составе собрания Бориса Суварина, до сих пор не привлекал внимания исследователей. Описывается общая структура фонда и содержание его отдельных частей с печатными, рукописными и иллюстративными материалами. Особое внимание уделено рукописным материалам фонда. Рассматривается, в частности, отложившаяся в архиве личная корреспонденция, в состав которой входят письма таких видных представителей русской эмиграции, как Георгий Адамович, Марк Алданов, Борис Бахметьев, Иван Бунин, Марк Вейнбаум, Анатолий Вельмин, Августа Даманская, Федор Дан, Дон-Аминадо, Александр Керенский, Василий Маклаков, Николай Рубакин, Андрей Седых, Федор Степун, Глеб Струве, Петр Струве, Тэффи. Публикуется письмо Антонины Бем (вдовы Альфреда Бема) к Е.Д. Кусковой 1946 г., где описаны условия жизни русских эмигрантов первой волны в послевоенной подсоветской Праге. Воспроизводятся также поздравительные письма Ивана Бунина и Дон-Аминадо (со стихами) 1949 г. к восьмидесятилетию Кусковой.

Ключевые слова: Екатерина Кускова, Сергей Прокопович, Борис Суварин, архивы русских эмигрантов, Альфред Бем, Василий Маклаков, Борис Пастернак.

Информация об авторе: Манфред Шруба — доктор филологических наук, ординарный профессор, Департамент языков, литератур, культур и медиа-

ции, Миланский государственный университет, площадь Св. Алессандро 1, 20123 г. Милан, Италия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9174-2998
E-mail: manfred.schruba@unimi.it

Для цитирования: *Шруба М.* Женевский архив Е.Д. Кусковой // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Вып. 3 / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 508–525. https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-508-525

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

E.D. KUSKOVA'S GENEVAN ARCHIVE

© 2025. Manfred Schruba

Abstract: The article provides a description of the archival collection of E.D. Kuskova and S.N. Prokopovich, housed in the archival collection of the Graduate Institute of International and Development Studies in Geneva. Acquired by the Institute in 1961 as a part of Boris Suvorin's collection, it has not received attention from researchers until now. The general structure of the collection and the contents of its individual parts, including printed, manuscript, and illustrative materials, are described. Special attention is given to the manuscript materials of the collection. In particular, the personal correspondence stored in the archive is examined, including letters from prominent representatives of the Russian emigration, such as Georgii Adamovich, Mark Aldanov, Boris Bakhmeteff, Ivan Bunin, Avgusta Damanskaia, Fedor Dan, Don-Aminado, Aleksandr Kerenskii, Vasilii Maklakov, Nikolai Rubakin, Andrei Sedykh, Fedor Stepun, Gleb Struve, Petr Struve, Teffi, Mark Veinbaum, and Anatolii Velmin. The article also presents a letter from Antonina Bem (the widow of Alfred Bem) to E.D. Kuskova in 1946, describing the living conditions of the Russian emigrés of the first wave in post-war Prague under Soviet rule. Additionally, congratulatory letters from Ivan Bunin and Don-Aminado (with a poem) on the occasion of Kuskova's eightieth birthday (1949) are reproduced.

Keywords: Ekaterina Kuskova, Sergei Prokopovich, Boris Suvarin, Russian emigré archives, Alfred Bem, Vasilii Maklakov, Boris Pasternak.

Information about the author: Manfred Schruba, DSc in Philology, Full Professor of Slavic Studies, Department of Languages, Literatures, Cultures and Mediations, University of Milan, S. Alessandro Sq., 1, 20123 Milan, Italy.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9174-2998
E-mail: manfred.schruba@unimi.it

For citation: Schruba, M. "E.D. Kuskova's Genevan Archive." *Emigrantica*. Issue 3, ed.-comp. E.R. Ponomarev, acad. ed. E.R. Ponomarev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 508–525. (In Russian)
DOI:https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-508-525

Чета видных общественно-политических деятелей — публицистка Екатерина Дмитриевна Кускова (1869–1958) и ее муж, ученый-экономист Сергей Николаевич Прокопович (1871–1955) — после выдворения из Советской России в июне 1922 г. поселились в Праге. После захвата Чехословакии Гитлером в 1939 г. они переехали в Швейцарию. В Праге осталось объемистое, накопившееся за 17 лет жизни в эмиграции собрание документов, материалов и рукописей, в том числе обширный архив Кусковой, сданный ею в пражский Русский заграничный исторический архив (РЗИА)[1]. Кускова и Прокопович взяли с собой в Швейцарию лишь немногочисленные материалы, в том числе опись писем, полученных Кусковой в 1920-е и 1930-е гг. и оставленных в Праге («5587 писем»[2]). После занятия

[1] В московском архиве сохранились документы о сдаче архива Кусковой в 1939 г. в РЗИА (ГАРФ. Ф. Р-7030 (РЗИА). Оп. 1. Д. 221). Сердечно благодарю Павла Трибунского, обнаружившего эти документы и любезно сообщившего нам их содержание. В архиве имеется, в частности, датированная 31 марта 1939 г. опись писем Е.Д. Кусковой, где насчитываются всего 5592 письма от 611 корреспондентов (Л. 52–73). А.Ф. Изюмов, заведующий отделом документов, сообщает в письме к директору РЗИА Я. Прокешу от 16 мая 1939 г. (Л. 41–46), что он 9 мая закончил проверку архива Кусковой, подчеркивая, что документы сданы в образцовом порядке и что это целиком архив эмигрантский (Л. 41). Письмо завершается суждением Изюмова о том, что «архив г-жи Е.Д. Кусковой-Прокопович в фондах Р.З.И.Архива займет очень заметное место» (Л. 46).

2 Количество оставшихся в Праге писем указано в заглавии описи, хранящейся в архивном фонде, описываемом в настоящей работе: «Архив Е.Д. Кусковой, увезен-

Праги Красной армией весной 1945 г. в ходе Второй мировой войны документы рукописного отдела РЗИА были вывезены в СССР; ныне довоенная часть архива Кусковой хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. Р-5865)[3].

В Швейцарии чета Прокоповичей поселилась в Женеве, где они остались до конца жизни. Прокопович скончался 4 апреля 1955 г.; три с лишним года спустя, 22 декабря 1958 г., умерла и его жена.

После кончины Кусковой часть послевоенного архива четы Прокоповичей оказалась в собрании историка, публициста и коллекционера Бориса Суварина (наст. фам. Борис Константинович Лифшиц; 1895–1984).

Проживающий в Париже Суварин продал в 1961 г. свою обширную коллекцию (книги, брошюры, периодические издания по истории социальных движений, фотографии исторических событий раннего периода Советской России[4], свой личный архив и архивные материалы других лиц) женевскому высшему учебному заведению Graduate Institute of International and Development Studies. Обстоятельства продажи и передачи архива Суварина в Graduate Institute освещены в статье сотрудницы библиотеки С. Якимович, вошедшей в упомянутую в сноске книгу [4]. В статье бегло упоминаются бумаги Прокоповичей в составе проданной институту коллекции:

> A significant part of the collection is represented by numerous folders of the family of Sergey Prokopovich, Russian economist, sociologist, liberal politician, Minister in the Provisional (Kerensky) Government (1917), and his wife, Yekaterina Kuskova, a politician, advocate of social reformism, economist and journalist writing on economics, history and political matters, founder of the “Public Committee for Famine Relief” in 1921 and, a year later expelled with her husband from Soviet Russia for their

ный из Праги в Россию. 5587 писем» (Geneva Graduate Institute. Archives & Special Collections. BS 19/1/3). Цифры после букв BS (Boris Souvarine) обозначают коробку, папку и единицу хранения. В дальнейшем указания на данный фонд даются в сокращенном виде в скобках в тексте статьи (BS 19/1/3 и т. п.). Единицы хранения не всегда выделены; в данных случаях указана лишь коробка и папка (BS 20/2 и т. п.).

[3] Фонд Кусковой состоит в основном из ее личной корреспонденции за 1922–1939 гг. (http://opisi.garf.su/default.asp?base=garf&menu=2&v=2&node=326&cf=1484675&fond=2551; дата обращения: 21.04.2025). Согласно интернет-карточке фонда (http://opisi.garf.su/default.asp?base=garf&menu=2&v=4&node=326&fond=2551&opis=&cf=1484675; дата обращения: 21.04.2025), он содержит 610 дел; количество дел соответствует количеству адресантов Кусковой.

[4] Подборку из этих фотографий опубликовало в 2016 г. издательство Graduate Institute Publications в виде как бумажной, так и электронной книги [3].

> anti-Bolshevik activity. The family lived in Geneva from 1939 up to their deaths, leaving their forty-eight folders of archive material, containing rare original correspondence, manuscripts and press clippings dated 1900–1954, to Boris Souvarine [4, c. 15].

Каким именно образом эти «48 папок с архивными материалами» попали к Суварину, неизвестно. Неизвестно также, что случилось с остальной, надо думать, основной, частью послевоенного архива Прокоповичей.

На интернет-сайте архивной коллекции Graduate Institute имеется достаточно подробная опись суворинского фонда, с содержанием не только отдельных коробок, но отчасти и отдельных папок. Отложившийся в институте архивный фонд Суварина состоит, судя по опубликованной в интернете описи[5], из трех частей. Первая из них представляет собой личный архив Суварина (Archives Boris Souvarine 1917–1985) объемом в девять коробок (BS 1–9). Вторая часть суваринского фонда, Archives Anatole de Monzie, 1904–1945), состоит из семи коробок (BS 12–18) с бумагами французского политика, члена социалистической партии и публициста Анатоль де Монзи (1876–1947). Третью часть архивного фонда Суворина в Graduate Institute образуют материалы Кусковой и Прокоповича, занимающие одиннадцать коробок (BS 19–29)[6].

Фонд Прокоповичей в коллекции Суварина содержит как печатные, так и рукописные материалы. Среди печатных материалов имеются оттиски статей разных лиц, многочисленные вырезки из газет, а также отдельные цельные номера до- и послевоенных русских и западноевропейских периодических изданий (дореволюционных, советских и эмигрантских).

Исследовательский интерес представляют, в первую очередь, рукописные материалы фонда. Они относятся, в основном, к сороковым и пятидесятым годам, хотя изредка попадаются и вещи довоенного периода. В женевском архиве хранятся, в частности, многочисленные рукописи и машинописи воспоминаний Кусковой (BS 19/4), отчасти опубликованные в 1950-е гг. в «Новом журнале», рукописи публицистических работ и статей на литературные темы (BS 20/2 и др.), записные книжки Кусковой за 1923–1924 и

---

[5] https://archives.graduateinstitute.ch/fonds-boris-souvarine (дата обращения: 21.04.2025).

[6] https://archives.graduateinstitute.ch/archives-kuskova (дата обращения: 21.04.2025).

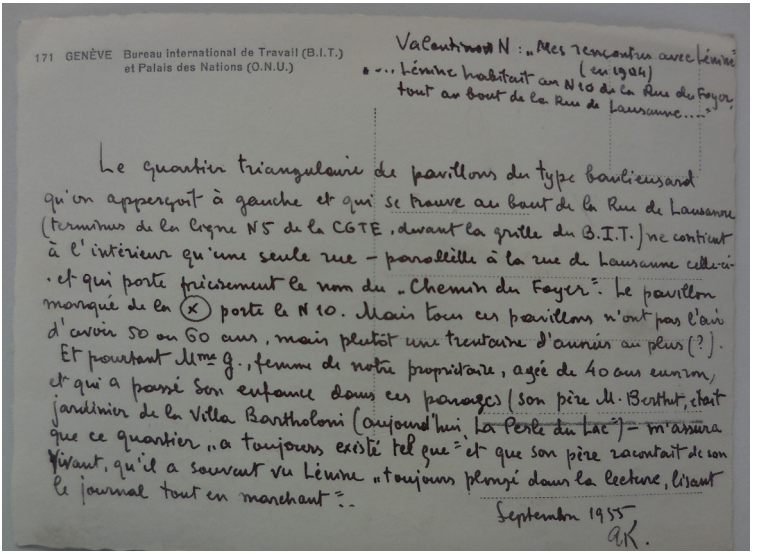
1942–1958 гг. (BS 22/1–7), рукописи и машинописи работ Прокоповича (BS 27/2–4). Имеются также рукописи других лиц; назовем, в частности, машинопись статьи С.П. Мельгунова «Призывы в Каноссу (Открытое письмо эмигрантам)» 1945 г. (BS 19/2/7), статью А.П. Вельмина «АРА в Киеве в 1922–1923» (BS 19/2/18) и воспоминания о Гражданской войне Л.Ф. Бичерахова (BS 26/4/1).

Примечательна также подборка иллюстративных материалов (BS 19/3), к сожалению, небольшого объема; она состоит, в основном, из десятка фотокарточек (со снимками Прокоповича, открытого гроба Прокоповича, Михаила Осоргина, Афанасия Петрищева, Кусковой [?], неизвестных). Там же хранится фотооткрытка с воздушным видом Женевы. Это курьезная «маленькая лениниана»: на стороне с фотографией крестиком у левого края помечено место, где проживал Ленин в 1904 г. (10, Chemin du Foyer), со ссылкой на книгу Н. Валентинова «Встречи с Лениным» (Нью-Йорк, 1953) (Илл. 1); сзади имеется объяснительная запись об этом на французском языке, датированная «Septembre 1955» и подписанная инициалами Кусковой (Илл. 2).

Среди рукописных материалов фонда особого внимания заслуживают хранящиеся в женевском архиве Прокоповичей личные письма. В папке с корреспонденцией Прокоповича (BS 28/1) имеется, в частности, переписка с различными представителями Издательства имени Чехова по поводу публикации книги Прокоповича «Народное хозяйство СССР» (Нью-Йорк, 1952), в том числе с главным редактором издательства, Верой Александровой (Шварц). К той же группе материалов принадлежит также письмо издателя «Нового русского слова» и книготорговца Виктора Шимкина к Кусковой от 27 февраля 1953 г., завершающееся словами: «Передайте Сергею Николаевичу, что его книга “Народное хозяйство” очень ходко продается в моем книжном магазине; значит, есть хорошие шансы для издания его других книг» (BS 28/1). Среди корреспондентов Прокоповича отметим также соредактора «Социалистического вестника» Соломона Шварца (Моносзона).

В числе послевоенных корреспондентов Кусковой, письма которых отложились в женевском архиве (BS 29/1–2), к наиболее известным принадлежат Борис Бахметьев, Василий Маклаков, Петр Струве, Николай Рубакин, Александр Керенский, Августа Даманская, Анатолий Вельмин, Глеб Струве, Федор Дан. Не все хранящиеся в Женеве письма к Кусковой относятся к послевоенному периоду; имеется и несколько довоенных писем, по каким-то причинам не сданных ей до отъезда в Швейцарию в пражский архив РЗИА.

Илл. 1. Фотооткрытка с видом Женевы с воздуха.



Илл. 2. Обратная сторона фотооткрытки с объяснительной записью.

Несомненный интерес представляет письмо Антонины Иосифовны Бем (1885–1951) к Кусковой (BS 29/1). Адресант — вдова известного историка литературы, руководителя пражского кружка писателей «Скит поэтов» («Скит») Альфреда Бема. Письмо написано (почти ровно) через год после ареста Бема в Праге советскими властями (после чего он пропал без вести). В письме впечатляюще передана атмосфера послевоенной «русской» Чехословакии. Письмо содержит интересные сведения об условиях жизни представителей довоенной эмиграции в подсоветской Праге. Ниже оно воспроизводится целиком:

2 апреля 1946.

Многоуважаемая Екатерина Дмитриевна,

простите, что я, человек Вам незнакомый, позволяю себе обратиться к Вам с письмом и просьбой о помощи, если ее можно оказать в каком-либо виде. К Вам, наверное, дошли слухи о разгроме, кот<орый> учинили советчики среди русских в Праге. Они пришли, кажется, 8-го, и дня через три начались аресты среди русской колонии. Увезли они с собой много народу, и мы, родные, не знаем: ни где увезенные, ни что с ними. О некоторых, как напр<имер> о моем муже, Альфреде Людвиговиче Бёме, я ничего не знаю 11 месяцев, о нем не дошло ни одной весточки. Да и таких большинство. Мы обращались сначала к советским военным властям, с нами и разговаривать не стали, обращались в советское посольство — дальше передней не пустили. Обратились, нап<ример>, в чешское Минист<ерство> иностр<анных> дел и подали заявления об увезенных, заявления приняли, запросили Москву, но оттуда ни ответа, ни привета. Им не отвечают — и все. Надо принять во внимание, что людей приглашали на короткую беседу или в качестве переводчиков, так что все ушли (дело было в мае) налегке, ничего с собой не взявши.

Некоторые вернулись после 2–3 месячного отсутствия больные, истощенные, завшивевшие. Муж моей младшей дочери, возвратившись через 2 месяца, пролежал 2 месяца в больнице с воспалением почек, едва он поправился, его взяли вторично, и вот с октября месяца о нем тоже ничего неизвестно, а дочь осталась с 3-х месячным ребенком на руках без всяких средств. Да и в таком положении не она одна. Назову Савицкую, Рафальскую, Белявскую. Вернулась только горсточка, подавляющее большинство не вернулось, увезено из Чехословакии, некоторые уже находятся в России, но о подавляющем большинстве нет никаких известий. Среди увезенных много глубоких стариков: кн. Долгоруков, Фридман, Маракуев; да и мужу моему

уже 60 лет, и он человек больной и слабый, у него хроническая язва желудка, жив он или нет, — я и этого не знаю.

Помимо того, что мы потеряли близких и дорогих нам людей, мы попали в тяжелое материальное положение: нам не выплачивают ни жалования, ни пенсий наших мужей. Особенно трудно приходится молодым матерям, у которых на руках маленькие дети. Положение усугубляется страшной дороговизной в Чехии. Цены на продукты увеличились в два-три раза. Я, конечно, не жду, что нам будет кто-то оказывать материальную помощь. Важно обратить внимание на тот произвол и разгром, кот<орый> учинила контрразведка Красной Армии среди русской интеллигенции. Все или почти все увезенные имеют доказательства о лояльном отношении к стране, им оказавшей убежище (так наз<ываемое> свид<етельство> о «народной сполегливости»). Все увезенные, если были судимы, то военно-полевыми судами, не имея ни малейшего отношения к каким бы то ни было делам военного порядка. На этом основании Минист<ерство> ин<остранных> дел и послало запрос в Москву, ибо эти лица ни в коем случае не могли быть судимы военными трибуналами.

Маленькая деталь: дети, отцы или матери которых арестованы, не приняты в открывшуюся тут советскую школу (бывшую русскую гимназию). Для них не оказалось места в школе, хотя они раньше посещали школу. Не приняты мальчики Савицкого, дети Рафальского, в общей сложности около 90 детей. Не приняли на службу в школу одну учительницу, много лет работавшую в русской гимназии, муж которой тоже арестован. Когда она пошла в посольство навести справки, почему ее отставили от дела, там больше интересовались не ее делом, а тем, подавала ли она заявление в М<инистерство> иностр<анных> дел.

Все мы в страшном отчаянии и в безвыходном положении, мы решительно не знаем, что нам предпринять, чтобы что-нибудь узнать о дорогих нам людях. Помогите нам, может быть, надо эти факты предать гласности, м<ожет> б<ыть>, надо обратиться в комиссию о беженцах, кот<орую> возглавляет г. Рузвельт. Я знаю, что к ней в частном порядке писали, но надо, чтобы там на эти писания обратили внимание. М<ожет> б<ыть> — это одни фантазии. Но Вы живете в стране свободной, здесь, отсюда ничего сделать нельзя, да и люди, кот<орые> могли бы на себя взять почин в этом деле, все арестованы. Количество арестованых я не знаю, гов<орят>, в Праге арестовано около 100 русских. Надо принять во внимание, что лица более осторожные или скомпрометировавшие себя работой с немцами уехали в амер<иканскую> зону, остались в Праге люди, кот<орые>

считали себя в полной безопасности в этом отношении. Альфр<еда> Людв<иговича>, очевидно, взяли за работу в Кр<естьянской> России, откуда он ушел с целой группой лиц лет 10–12 тому назад, о чем эта группа заявила письмом в редакцию «Посл<едних> новостей».

Больше всего сов<еты> интересовались мол<одыми> инженерами, этих брали просто потому, что они инженеры. Моего младшего зятя трибунал какой-то армии оправдал, высшая инстанция велела трибуналу в Миловицах какой-то другой армии пересмотреть это дело. Пересмотра не было, а был вынесен просто обвинительный приговор на 5 лет, ибо пересмотр понимался как осуждение. Дочери удалось повидать мужа перед отъездом его из Миловиц, она разговаривала с помощн<иком> прокурора и секр<етарем> трибунала, они ей прямо сказали, что засудили совершенно невинного человека, но раз надо было пересмотреть, значит надо было вынести обвинит<ельный> приговор. Ее муж инженер, работал принудительно в тотовской<?> организации, что им особенно импонировало: хороший инженер, хор<ошая> школа. Горя и беды здесь без конца и краю. Мальчики и жена Савицкого не выходят из болезней, девочка Рафальск<их> больна туберкулезом, средств никаких, а наша эмигр<антская> помощь — капля в море, мы все нищие. Все наши старухи, котор<ым> 70–80 лет, перестали получать т<ак> наз<ываемое> иждивение, некот<орым> помогает приход, а в общем картина безотрадная.

Многоуважаемая Екатерина Дмитриевна, подумайте над моим сумбурным письмом и что-нибудь придумайте. Еще раз простите за беспокойство.

Антонина Бем

Pr[aha] XIX, Bučková 29.

Примечательно, что к Кусковой обращались за помощью и поддержкой и лица, не состоящие в личном знакомстве с ней («я, человек Вам незнакомый»), что свидетельствует о высоком авторитете писательницы в эмигрантской среде. Подтверждение тому — выделенная в особую группу подборка из примерно 12 писем 1949–1950 гг., хранящаяся в фонде Кусковой (BS 29/1), связанная с конфликтами вокруг наследства Павла Милюкова, умершего в 1943 г. (см.: [1]): к Кусковой как моральной инстанции обратились по этому делу один из душеприказчиков Милюкова Борис Элькин, его вдова Нина (Антонина) Милюкова, а также Наталия Недошивина, секретарь парижского Земгора.

В отдельную группу собраны также письма-приветствия к восьмидесятилетию Кусковой в 1949 г. (BS 29/2). Примечателен круг адресантов; в большинстве своем это видные литераторы, представители первой волны русской эмиграции: Федор Степун, Дон-Аминадо, Тэффи, Марк Вейнбаум, Глеб Струве, Георгий Адамович, Яков Цвибак (Андрей Седых), Марк Алданов, Николай Лосский, Августа Даманская, Иван Манухин, Иван Бунин, Николай Вакар, Александр Раппопорт.

Некоторые из этих писем носят узко окказиональный характер. Таково, например, поздравительное письмо И.А. Бунина:

6.XII.49

Дорогая Екатерина Дмитриевна,

кланяюсь в ножки, поздравляю сердечно! Дай Бог здоровья, здоровья и еще раз здоровья! На себе познал и познаю с большой мукой, что это значит, когда его нету!

Поздравляю и дорогого Сергея Николаевича, желаю и ему всех благ.

Вера Николаевна <Бунина. — *М.Ш.*> от души присоединяется ко всему здесь сказанному.

Ваш Ив. Бунин

Большей частью поздравления с восьмидесятилетием публицистки — это лишь повод для более содержательного общения с Кусковой, для рассказа о новостях личной жизни, о политических и литературных событиях[7]. В подборке с поздравлениями имеется также стихотворение Дон-Аминадо «Екатерине Дмитриевне Кусковой на случай ее 80-летия 6-го дек. 1949 г.». Это неопубликованные окказиональные стихи известного поэта-юмориста, написанные в его обычной остроумно-шутливой манере. Стихотворение написано трехстопным анапестом с перекрестной дактилической и мужской рифмами; по-видимому, чтобы облегчить чтение, Дон-Аминадо проставил в автографе знаки ударения на некоторых словах (Илл. 3–4). Ниже воспроизводится текст стихотворения с сопровождающим письмом автора:

Понед<ельник>, 5-го дек<абря> 1949.

[7] Письма-поздравления к восьмидесятилетию Кусковой готовится нами в настоящее время к печати.

Дорогая Екатерина Дмитриевна!

Примите мои самые искренние, сердечные поздравления и пожелания здоровья, покоя, благополучия. Передайте, пожалуйста, мой лучший привет Сергею Николаевичу. Надежда Михайловна, усердная Ваша поклонница, просит горячо Вас поздравить. Посылаю Вам «юбилейные стихи», хотел сказать больше и лучше, но уж к<а>к получилось, так пусть и остаётся. Целую Ваши руки.

Преданный Вам

Д. Аминадо

Екатерине Дмитриевне Кусковой
по случаю ее 80-тилетия
6-го дек<абря> 1949 г.

То ль по щу́чьему вышло веле́нию,
По зако́ну ли чисел и да́т,
А и нашему, глянь, поколе́нию
Уже полной отставкой грозя́т.

Были мальчики, юноши, ра́тники…
А начнешь выкликать из рядо́в —
А мальчишки-то… ше́сти-деся́тники! —
И не в смысле идей, а годов…

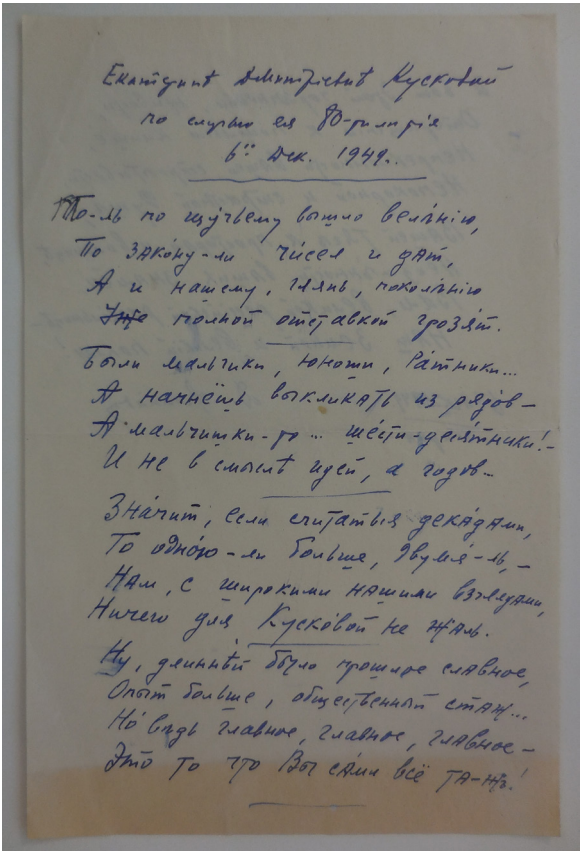
Зна́чит, если считаться дека́дами,
То одно́ю ли больше, двумя́ ль,
Нам, с широкими нашими взглядами,
Ничего для Куско́вой не жаль.

Ну, длинне́й было прошлое славное,
Опыт больше, общественный стаж…
Но́ ведь главное, главное, главное —
Это то, что Вы са́ми всё та ж!

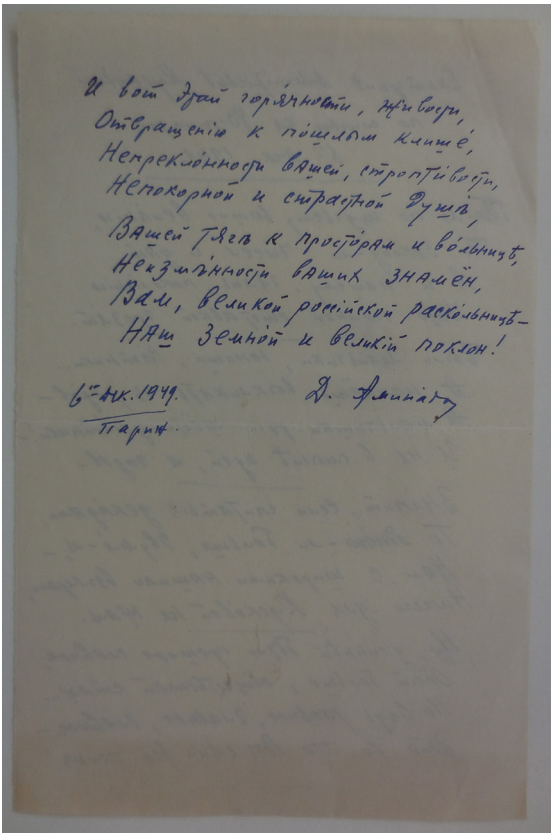
И вот этой горя́чности, живости,
Отвращению к по́шлым клише́,
Непрекло́нности Вашей, стропти́вости,
Непокорной и страстной душе́,

Вашей тяге к простóрам и вóльнице,
Неизмéнности Ваших знамён,
Вам, великой российской раскóльнице —
Наш земнóй и великий поклон!

Д. Аминадо
6го дек<абря> 1949.
Париж.



Илл. 3. Листок с «юбилейными стихами» Дон-Аминадо (автограф). Строфы 1–4.



Илл. 4. Листок с «юбилейными стихами» Дон-Аминадо; оборот. Строфы 5–6.

Те сравнительно немногочисленные письма к чете Прокоповичей, которые оказались в собрании Суварина, а затем попали в женевский архив (там в общей сложности примерно 70–80 единиц), это, безусловно, всего лишь маленькая часть их послевоенной корреспонденции. Один Марк Вишняк отправил Кусковой в Женеву не менее ста писем; в его архивном фонде в Гуверовском институте в Стэнфорде корреспонденция с Кусковой за 1938–1959 гг. занимает восемь толстых папок[8]. Между тем, в архиве женевского Graduate

[8] Hoover Institution Archives. Mark Vishniak papers. Box 6, folder 39–44; Box 7, folder 1–2.

Institute нет ни одного письма Вишняка к Кусковой. Где находится ныне (и сохранилась ли вообще) основная часть архива Кусковой женевского периода, неизвестно.

В завершение несколько наблюдений о некоторых особенностях архивного фонда Кусковой. Хранящиеся в нем материалы упорядочены лишь отчасти. Судя по всему, они были оставлены в том виде и составе, в каком они поступили в архивохранилище из коллекции Суварина. При архивной обработке они затем были разделены на коробки, содержание которых было помещено в папки (в среднем по 4–5 папок в каждой коробке), а затем документы в папках получили отчасти бумажные манжеты, знаменующие отдельные единицы хранения. При подобном подходе, в одной и той же коробке оказались зачастую разнородные и разнотипные материалы (печатные тексты и рукописи, статьи и письма, довоенные и послевоенные материалы, газетные вырезки и цельные периодические издания).

Примером может послужить первая папка первой коробки фонда Кусковой (BS 19/1). В ней всего 15 единиц хранения, где собраны воедино самые разнообразные материалы; это, в частности, адресная книжка для рассылки «Бюллетеня экономического кабинета» Прокоповича (BS 19/1/2), тетрадь с описью писем, полученных Кусковой в 1920-е и 1930-е гг. и оставленных в Праге (BS 19/1/3), до- и послевоенные газетные вырезки со статьями Кусковой и других лиц, равно как цельный номер берлинского «Нового слова» за 1939 г., сохраненный Кусковой, вероятно, из-за воспоминаний В. Кадашева о В.Ф. Ходасевиче [5] (BS 19/1/4), копии стихотворений М.В. Исаковского из сборника «Наказ сыну» (М., 1943) (BS 19/1/6), типографические оттиски статей разных лиц (BS 19/1/8, BS 19/1/12), машинопись статьи Кусковой «The Socialism of the Paupers», представляющей собой английский перевод ее статьи «Социализм нищих» [6] (BS 19/1/10), машинопись некрологической статьи Кусковой «Милюкова нет» (BS 19/1/14).

В той же папке BS 19/1 оказался также один из немногих довоенных документов, отложившихся в женевском фонде Прокоповичей. Это обстоятельное письмо Маклакова к Кусковой от 10 июля 1926 г. (шесть страниц машинописи с рукописными вставками), по-видимому, взятое Кусковой с собой из Праги в Женеву ввиду его исключительно интересного содержания (BS 19/1/13)[9]. В данном письме Маклаков пересказывает Кусковой то, что ему сообщил

[9] Согласно хранящейся в Женеве описи оставленных Кусковой в Праге писем, в РЗИА она сдала всего 68 писем Маклакова (BS 19/1/3, стр. 24 тетради с описью).

В.В. Шульгин о своих впечатлениях во время его нелегальной поездки в Советский Союз в конце 1925 – начале 1926 г. Судя по всему, это пересказ устного сообщения Шульгина при встрече с Маклаковым в Париже 21 июня 1926 г. (см. письмо Шульгина к Маклакову от 20 июня 1926 г.; [2, с. 257]). Письмо Маклакова послужит необходимым уточняющим дополнением к книге Шульгина «Три столицы: Путешествие в красную Россию» (Берлин, 1927), текст которой был в свое время отредактирован и «процензурирован» в Москве [см.: 2, с. 28].

Фонд Кусковой все-таки до некоторой степени упорядочен — судя по всему, рукой самой Кусковой. Две коробки из одиннадцати (BS 27, BS 28) полностью отведены для материалов Прокоповича: его статей, рукописей, корреспонденции, биографических текстов. Это, однако, не означает, чтобы все документы, связанные с его именем, были помещены именно там. В еще одной коробке, с материалами преимущественно Кусковой, помещена папка, посвященная кончине Прокоповича (BS 29/5); в этой папке имеются, в первую очередь, номера газет и журналов с некрологами: «Новое русское слово» (1955. 5 апреля. № 15683. С. 3; автор: Г. Аронсон), «Русская мысль» (1955. 20 апреля. № 755. С. 6; автор: Б. Уланов), «Социалистический вестник» (1955. Май. № 682. С. 90–91; автор: С. Шварц).

Подобных «тематических» папок имеется в фонде Кусковой еще несколько. Внимания заслуживают, в частности, блоки материалов, связанных с именами интересующих Кускову писателей. В папке, отведенной Максиму Горькому (BS 20/1), находится, наряду с газетными вырезками о писателе, рукопись статьи Кусковой «Трагедия Максима Горького», а также два номера газеты «Le Figaro littéraire» 1950 г. с забытыми ныне статьями Григория Алексинского о Горьком [8; 9]). В еще одной папке (BS 20/2) находятся литературные материалы, связанные с именем Ивана Бунина; это, в частности, три номера «Нового русского слова» от 26, 27 и 28 декабря 1948 г. с циклом «Автобиографических заметок» Бунина, который вошел затем в его книгу «Воспоминания» (Париж, 1950). Интерес представляют, в первую очередь, малоизвестные воспоминания Кусковой о Бунине, вышедшие в начале 1949 г. в «Новом русском слове» [7]; они сохранились в «бунинской» папке в виде недатированных вырезок.

Целых три папки отведены Борису Пастернаку (BS 20/3–5); в них собраны, среди прочего, материалы о присуждении ему Нобелевской премии по литературе и об отказе писателя от нее. Это, в основном, газетные вырезки из советской и западноевропейской прессы; имеются, однако, и любопытные уникальные документы:

два письма к Кусковой о Пастернаке от конца октября 1958 г. (BS 20/5); одно из них написано неустановленным лицом, женщиной с неразборчивой подписью; автором второго письма является известный журналист Анатолий Вельмин. Письма свидетельствуют о волнении, захватившем русское эмигрантское интеллигентское сообщество в связи с присуждением Пастернаку крупнейшей международной литературной премии за «крамольный» роман, не подлежащий публикации в Советском Союзе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Посмертная опись рукописей П.Н. Милюкова / предисл., подгот. текста и коммент. П.А. Трибунского // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2010. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. С. 225–230.
2. Спор о России: В.А. Маклаков — В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. / публ., вступ. ст. и примеч. О.В. Будницкого. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.
3. From Communism to Anti-Communism: Photographs from the Boris Souvarine Collection at the Graduate Institut, Geneva / ed. by Andre Liebich and Svetlana Yakimovich. Geneva: Graduate Institute Publications, 2016 (eLivres de l'Institut; Graduate Institute eBooks). 168 p.
4. *Yakimovich S*. The Boris Souvarine Archive and Library at the Graduate Institute // From Communism to Anti-Communism: Photographs from the Boris Souvarine Collection at the Graduate Institut, Geneva / ed. by Andre Liebich and Svetlana Yakimovich. Geneva: Graduate Institute Publications, 2016 (eLivres de l'Institut; Graduate Institute eBooks). pp. 13–16.

Источники

5. *Кадашев Владимир* [*Амфитеатров В.А.*]. Владислав Ходасевич // Новое слово. 1939. № 27 (251). 2 июля. С. 2–3.
6. *Кускова Ек.* Социализм нищих» // Новое русское слово. 1948. № 13274. 29 авг. С. 2.
7. *Кускова Ек.* До и после (Из воспоминаний) // Новое русское слово. 1949. № 13433. 4 февр. С. 2–3; № 13436. 7 февр. С. 2–3.
8. *Alexinsky G*. Une explication de l'attitude de Gorki dans la Révolution russe // Le Figaro littéraire. 1950. № 212. 13 mai. P. 1, 5–6.

9. *Alexinsky G*. La triste fin de Gorki // Le Figaro littéraire. 1950. № 213. 20 mai. P. 1, 5–6.

REFERENCES

1. "Posmertnaia opis' rukopisei P.N. Miliukova" ["A Posthumous Description of P.N. Miliukov's Manuscripts"], foreword, text preparation and comment. by Pavel Tribunskii. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna. 2010* [*Yearbook of the House of Russia Abroad "Aleksandr Solzhenitsyn". 2010*]. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ia imeni A. Solzhenitsyna Publ., 2010, pp. 225–230. (In Russian).
2. *Spor o Rossii: V.A. Maklakov — V.V. Shul'gin. Perepiska 1919–1939 gg*. [*Debate about Russia. V.A. Maklakov and V.V. Shul'gin. Correspondence 1919–1939*], ed. and introduced by Oleg Budnitskii. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. 440 p. (In Russian).
3. *From Communism to Anti-Communism: Photographs from the Boris Souvarine Collection at the Graduate Institut, Geneva*, ed. by Andre Liebich and Svetlana Yakimovich. Geneva, Graduate Institute Publ., 2016 (eLivres de l'Institut; Graduate Institute eBooks). 168 p. (In English).
4. Yakimovich, S. "The Boris Souvarine Archive and Library at the Graduate Institute". *From Communism to Anti-Communism: Photographs from the Boris Souvarine Collection at the Graduate Institut, Geneva*, ed. by Andre Liebich and Svetlana Yakimovich. Geneva, Graduate Institute Publ., 2016 (eLivres de l'Institut; Graduate Institute eBooks), pp. 13–16. (In English).

Дата поступления статьи: 30 июня 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 18 января 2025 г.
Дата публикации: 29 декабря 2025 г.

Received: June 30, 2024
Approved*:* January 18, 2025
Date of publication: December 29, 2025

ТРЕТЬЯ ЭМИГРАЦИЯ

Научная статья и публикация архивных документов

УДК 821.054.7.0
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-526-544
https://elibrary.ru/HDZAXE

МАТЕРИАЛЫ И.З. СЕРМАНА И Е.Г. ЭТКИНДА В АРХИВЕ М.Г. АЛЬТШУЛЛЕРА И Е.Н. ДРЫЖАКОВОЙ (ИНСКРИПТЫ И РЕЦЕНЗИЯ)

© 2025 г. М.Г. Альтшуллер, П.С. Глушаков

Аннотация: В статье впервые публикуются инскрипты Е.Г. Эткинда и И.З. Сермана из библиотеки М.Г. Альтшуллера и Е.Н. Дрыжаковой. Эти надписи имеют не только мемориальную, но и историческую ценность, отражая сложные взаимоотношения между интеллигенцией и властью в советский период. Во время таможенного досмотра в Москве инскрипты были конфискованы советскими специальными службами, а затем авторы надписей сделали новые посвящения уже в эмиграции, что придает этим документам особый символический смысл сопротивления цензуре. Публикуется также написанная в 1979 г. и неопубликованная тогда рецензия М. Альтшуллера на книгу Е. Эткинда «Материя стиха». Роман Гуль, главный редактор «Нового журнала», попросил М. Альтшуллера написать рецензию на книгу Ефима Эткинда. Но затем, разочаровавшись в общественно-политической позиции ученого, редактор сообщил, что в рецензии на книгу больше не нуждается. Эта рецензия, не утратившая своей ценности, печатается не только как запоздалый отзыв на монографию Эткинда, но и как знак научной и человеческой верности его памяти: рукопись более сорока лет бережно сохранялась в архиве Марка Альтшуллера в той самой книге, на которой Е. Эткинд сделал позже свою памятную надпись. Особый интерес представляет анализ методологического подхода Эткинда, который Альтшуллер характеризует как «структурализм с человеческим лицом», подчеркивая сочетание строгого научного анализа с глубоким пониманием гуманитарной природы поэтического текста.

Ключевые слова: инскрипты, рецензия, архивные материалы, М. Альтшуллер, Е. Дрыжакова, Е. Эткинд, И. Серман.

Информация об авторах: Марк Григорьевич Альтшуллер — кандидат филологических наук, почетный профессор, Питтсбургский университет, 5 авеню, 4200, Питтсбург, Пенсильвания 15260, США.
E-mail: altshul@pitt.edu
Павел Сергеевич Глушаков — доктор филологических наук, независимый исследователь, Рига, Латвия.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-5179-5458
E-mail: pavel.glushakov@gmail.com

Для цитирования: *Альтшуллер М.Г., Глушаков П.С.* Материалы И.З. Сермана и Е.Г. Эткинда в архиве М.Г. Альтшуллера и Е.Н. Дрыжаковой (инскрипты и рецензия) // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Вып. 3 / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 526–544.
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-526-544

Research Article and Publication of Archival Documents

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

MATERIALS BY I.Z. SERMAN AND E.G. ETKIND IN THE ARCHIVE OF M.G. ALTSHULLER AND E.N. DRYZHAKOVA (INSCRIPTS AND REVIEW)

© 2025, Mark G. Altshuller, Pavel S. Glushakov

Abstract: The article presents for the first time the inscriptions by E.G. Etkind and I.Z. Serman from the library of M.G. Altshuller and E.N. Dryzhakova. These dedications possess not only memorial but also historical significance, reflecting the complex relationship between intellectuals and authorities during the Soviet era. During a customs inspection in Moscow, the inscriptions were confiscated by Soviet special services, after which the authors created new dedications while in emigration, endowing these documents with special symbolic meaning as acts of resistance against censorship. The publication also includes M. Altshuller's 1979

review of E. Etkind's book "The Matter of Verse", which remained unpublished at the time. Roman Gul, editor-in-chief of "The New Review", had commissioned Altshuller to write this review. However, having become disillusioned with the scholar's socio-political stance, the editor later declared the review unnecessary. This text, which has retained its scholarly value, is published not only as a belated response to Etkind's monograph but also as a testament to academic and personal loyalty to his memory: the manuscript was carefully preserved in Mark Altshuller's archive for over forty years in the very book that Etkind later inscribed. Particularly noteworthy is the analysis of Etkind's methodological approach, which Altshuller characterizes as "structuralism with a human face", emphasizing its combination of rigorous scholarly analysis with profound understanding of the humanistic nature of poetic texts.

Keywords: inscriptions on books, review, archival materials, M. Altshuller, E. Dryzhakova, E. Etkind, I. Serman.

Information about the authors: Mark G. Altshuller, PhD in Philology, Professor Emeritus, University of Pittsburgh, 5th Ave., 4200, Pittsburgh, PA 15260, USA.
E-mail: altshul@pitt.edu
Pavel S. Glushakov, PhD in Philology, Independent Researcher, Riga, Latvia.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-5179-5458
E-mail: pavel.glushakov@gmail.com

For citation: Altshuller, M., and P.S. Glushakov. "Materials by I.Z. Serman and E.G. Etkind in the Archive of M.G. Altshuller and E.N. Dryzhakova (Inscripts and Review)." *Emigrantica*. Issue 3, ed.-comp. E.R. Ponomarev, acad. ed. E.R. Ponomarev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 526–544. (In Russian)
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-526-544

В библиотеке М.Г. Альтшуллера и Е.Н. Дрыжаковой сохранилась одна книга-памятник, книга-свидетель. Титульный лист тома «Поэты XVIII века» серии «Библиотека поэта» варварски вырезан и вырван таможенниками, «осматривавшими» библиотеку семьи Марка Григорьевича и Елены Николаевны, когда те покидали СССР. На конфискованном кусочке листа была дарственная надпись Ильи Захаровича Сермана (1913–2010). Но оказалось, что не горят не только рукописи, но не пропадают и «вырванные с корнем» страницы: спустя два года профессор Серман сделает на контртитуле той же книги новую надпись и закончит

свой инскрипт словами «…с тем же оптимизмом». Вот уж поистине: «Habent sua fata libelli»[1].

Другая книга, надписанная Ефимом Григорьевичем Эткиндом (1918–1999), не пострадала. Этот инскрипт может даже показаться едва ли не благостным: «Дорогому Марку Григорьевичу в трудные, но и хорошие дни». Дата под инскриптом раскрывает суть дней «трудных» (через год Е.Г. Эткинд будет выслан из страны), но ведь была и вторая часть посвятительной надписи — о днях *хороших*. Так «зарифмовались» надписи Сермана и Эткинда — свободных людей, протянувших дружескую руку своим друзьям и коллегам, М. Альтшуллеру и Е. Дрыжаковой[2].

В собрании М. Альтшуллера и Е. Дрыжаковой в Питтсбурге хранятся шесть инскриптов И.З. Сермана и пять Е.Г. Эткинда.

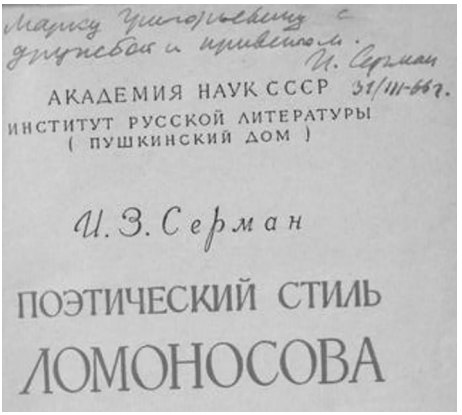
Илья Захарович Серман

1

Марку Григорьевичу с
дружбой и приветом.
И. Серман

31/III-66 г.

На титульном листе кн.: *Серман И.З.* Поэтический стиль Ломоносова. М.; Л.: Наука, 1966. 260 с.



Илл. 1. Инскрипт И. Сермана (1966)

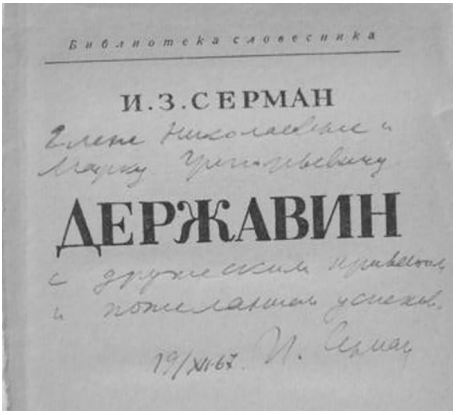
[1] Книги имеют свою судьбу (*лат.*)

[2] Об истории сотрудничества выдающихся филологов см. подр.: [1, с. 570–583].

2

Елене Николаевне и
Марку Григорьевичу
с дружеским приветом
и пожеланием успехов.
И. Серман
19/XII-67

На титульном листе кн.: *Серман И.З.* Державин. Л.: Просвещение, 1967. 120 с.

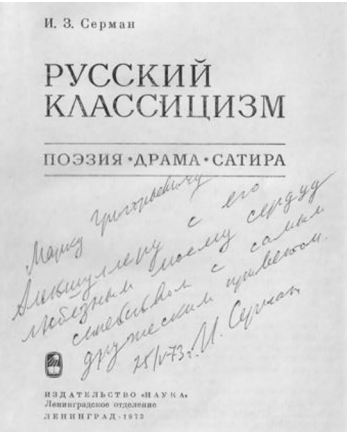


Илл. 2. Инскрипт И. Сермана (1967)

3

Марку Григорьевичу
Альтшуллеру с его
любезным моему сердцу
семейством с самым
дружеским приветом.
И. Серман
25/V-73г.

На титульном листе кн.: *Серман И.З.* Русский классицизм. Поэзия. Драма. Сатира. Л.: Наука, 1973. 285 с.


И. З. Серман

РУССКИЙ КЛАССИЦИЗМ

ПОЭЗИЯ • ДРАМА • САТИРА

Марку Григорьеву
Альтшуллеру с его
любимым городом
семейством с самым
дружеским приветом.
21/V 73. И. Серман

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД · 1972

Илл. 3. Инскрипт И. Сермана (1973)

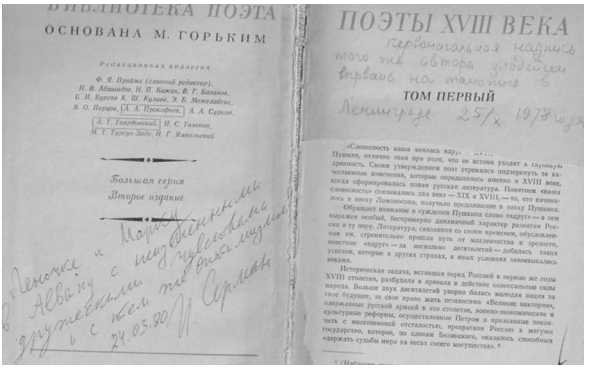
4

Леночке и Марку
в Albany с неизменными
дружескими чувствами
и с тем же оптимизмом.
И. Серман
24.03.80

На контртитуле кн.: Поэты XVIII века / биографические справки И.З. Сермана, сост. Г.П. Макогоненко и И.З. Сермана, подгот. текста и примеч. Н.Д. Кочетковой. Л.: Сов. писатель, 1972. Т. 1. 623 с. (Библиотека поэта. Большая серия).

Комментарий М.Г. Альтшуллера: «В 1978 г. мы эмигрировали. Библиотеку увезли с собой. Досмотр книг и рукописей на таможне был самый тщательный. Почему-то садисты-досмотрщики (очевидно, было специальное распоряжение) заставляли вырезать в книгах все дарственные надписи. Американские аспиранты (в том числе и русского происхождения, но молодые), пользовавшиеся моей библиотекой, никак не могли понять, почему на многих книгах варварски вырезаны титульные листы. Некоторые записи позднее были возобновлены. Так, рядом с вырезанной частью титульного листа книги «Поэты XVIII века» появилась новая надпись: “Первоначаль-

ная надпись того же автора злодейски вырвана на таможне в Ленинграде 25 /X 1978 года”».

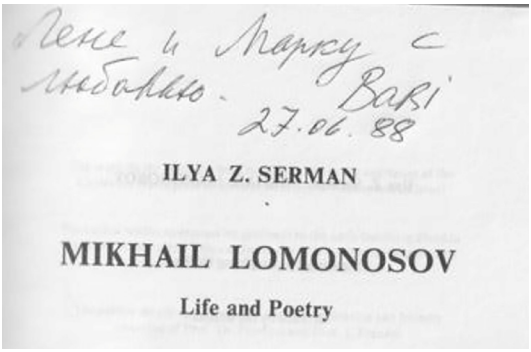


Илл. 4. Инскрипт И. Сермана (1980)

5

Лене и Марку
с любовью.
Bari.
27.06.88

На титульном листе кн.: *Ilya Z. Serman*. Mikhail Lomonosov. Life and Poetry. Jerusalem: The Centre of Slavic and Russian Studies. The Hibrew University of Jerusalem, <1988>.

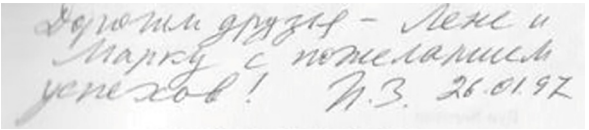


Илл. 5. Инскрипт И. Сермана (1988)

6

Дорогим друзья<м> — Лене и
Марку с пожеланием успехов!
И<лья> З<ахарович>.
26.01.97

На титульном листе кн.: *Серман И.* Михаил Лермонтов. Жизнь в литературе. 1836–1841. <Иерусалим>: Славистический центр гуманитарного факультета еврейского университета в Иерусалиме, 1997.



Илл. 6. Инскрипт И. Сермана (1997)

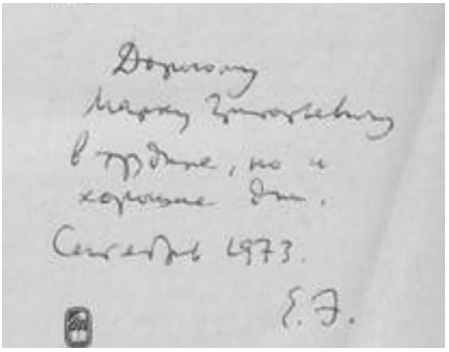
Ефим Григорьевич Эткинд

1

Дорогому
Марку Григорьевичу
в трудные, но и
хорошие дни.
Сентябрь 1973.
Е. Э.

На титульном листе кн.: *Эткинд Е.Г.* Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л.: Наука, 1973. 248 с.

Комментарий М.Г. Альтшуллера: «Это были дни, когда сжималась петля на шее Ефима Григорьевича. Вскоре он был уволен из Педагогического института им. Герцена (где преподавал), исключен из Союза писателей, лишен научных степеней и званий (см. книгу: *Эткинд Е.Г.* Записки незаговорщика. Барселонская проза. СПб.: Академический проект, 2001. Главы 7–8.) Мы встретились во дворе Герценовского института. Долго разговаривали. Там и подарил мне Е.Г. эту книгу».



Илл. 7. Инскрипт Е. Эткинда (1973)

2

Дорогим друзьям
Елене Дрыжаковой и Марку Альтшуллеру
почти через четверть века на другом континенте,
в другой (и все-таки в той же жизни).

Е.Эткинд

14 ноября 93.
Питтсбург

На титульном листе кн.: *Эткинд Е.Г.* Разговор о стихах. М.: Детская литература, 1970. 242 с.

Комментарий М.Г. Альтшуллера: «Эту и следующую книгу Е.Г. надписал, когда гостил у нас в Питтсбурге в 1993 г. (см. подр.: *Альтшуллер М., Дрыжакова Е.* Встречи и письма // *Эткинд Е.* Здесь и там. СПб.: Академический проект, 2004. С. 487–500)».

3

Дорогим Лене Дрыжаковой и Марку Альтшуллеру,
которые в данный момент
обсуждают вопрос о том,
кому и где они оставят свою библиотеку…
Желаючи им обоим долгих лет,
Автор

14 июля 93
Питтсбург

На титульном листе кн.: *Эткинд Е.* Материя стиха. Paris: Institutes d'etude Slaves, 1978.

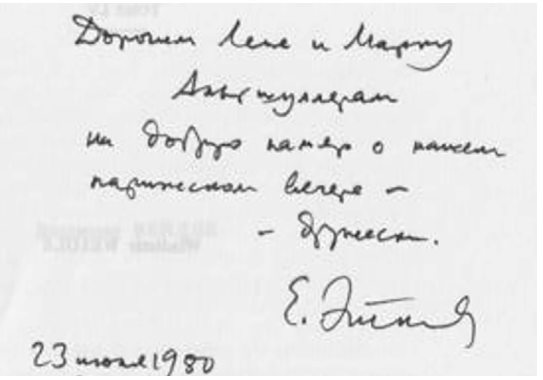
Комментарий М.Г. Альтшуллера: «Эту книгу Е.Г. написал еще в России (тогда СССР) в 1968 г. О том, как он боролся за ее издание со свойственным Е.Г талантом и с мрачным юмором он рассказал в книге "Записки незаговорщика" (*Эткинд Е.Г.* Записки незаговорщика. Барселонская проза. СПб.: Академический проект, 2001. С. 168–194)».

4

Дорогим Лене и Марку
Альтшуллерам
на долгую память о нашем
парижском вечере —
дружески.

Е. Эткинд
23 июля 1980

На авантитуле кн.: *Вейдле В.* Эмбриология поэзии. Введение в фоносемантику поэтической речи / предисловие Е. Эткинда. Paris: Institutes d'etude Slaves, 1980. 298 с.



Илл. 8. Инскрипт Е. Эткинда (1980)

5

Дорогим землякам
Лене Дрыжаковой и Марку Альтшуллеру
с дружеским приветом.

Е. Эткинд

Belmont,
7 ноября 1988

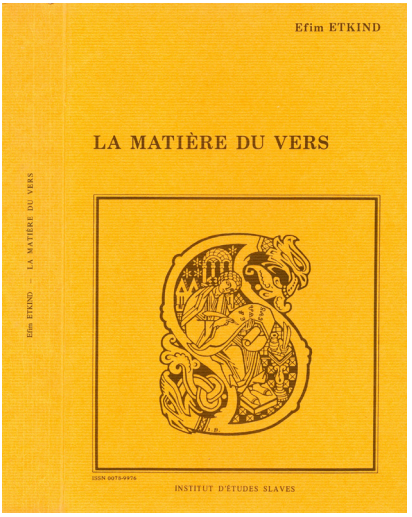
На титульном листе кн.: *Эткинд Е.* Симметрические композиции у Пушкина. Париж: Institutes d'etude Slaves, 1988. 84 с.

***

Есть в архиве семьи Альтшуллера и Дрыжаковой еще один памятник своего времени — написанная в 1979 г. и неопубликованная рецензия на книгу Е. Эткинда «Материя стиха».

Роман Гуль, главный редактор «Нового журнала», попросил М. Альтшуллера написать рецензию на книгу Ефима Григорьевича. Но затем, разочаровавшись в общественно-политической позиции ученого, редактор сообщил, что в рецензии на книгу больше не нуждается. Эта рецензия, не утратившая своей ценности, печатается не только как запоздалый отзыв на монографию Эткинда, но и как знак научной и человеческой верности его памяти: рукопись более сорока лет бережно сохранялась в архиве М.Г. Альтшуллера в той самой книге, на которой Эткинд сделал позже свою памятную надпись.

Илл. 9. Суперобложка и обложка книги Е. Эткинда «Материя стиха» (1978)



Илл. 10. Обложка и обложка книги Е. Эткинда «Материя стиха» (1978)

«СТРУКТУРАЛИЗМ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ» (Е. Эткинд. Материя стиха. Париж 1978. 506 стр.)

Марк Альтшуллер

«У этой книги судьба необычная и мучительная»[3], так странно для научного труда начинает автор предисловие к книге, о которой пойдет речь. Солидный увеличенного формата том очень популярного в России автора так и не смог появиться у него на родине. О своих мытарствах, прохождении рукописи через бюрократические рогатки и чиновничьи письменные столы, на которых она в

[3] «У этой книги судьба необычная и мучительная. Начатая десятилетие назад, в Ленинграде, она дописывалась вдали от тех читателей, которым предназначалась; автор кончал ее во Франции, куда был заброшен волею обстоятельств, не имеющих отношения ни к науке, ни к литературе. Впрочем, некоторые из этих читателей, по тем же или сходным причинам, теперь тоже перекочевали на Запад. Три с половиной года жизни за пределами СССР убедили автора в том, что интерес к нашему языку и нашей поэзии здесь никогда не умирал; что русская культура, где бы она ни творилась,— по ту или по эту сторону государственной границы,— едина; что эта целостность культуры бесконечно важнее временных расхождений или мимолетных враждебностей, которые, казалось бы, раскалывают ее пополам. Автор с недоумением и тоской вспоминает о том, как много усилий приложили властьимущие его соотечественники, чтобы воспрепятствовать выходу книги в свет» [3, с. 4].

конце концов и застряла, Ефим Григорьевич Эткинд рассказал со свойственным ему темпераментом, остроумием и талантом в книге «Записки незаговорщика» (London, 1977)[4].

И вот книга, которую с нетерпением ждали в России многочисленные любители поэзии, филологи и историки — эта книга вышла, наконец, в Париже. Издал ее всемирно известный Institutes d'etude Slaves. И немногие читатели в России, которым посчастливится заполучить эту книгу, будут читать ее взахлеб, вырывая друг у друга и в то же время опасливо оглядываясь: страшно читать книгу, подписанную запретным именем. Впрочем, увы! — как справедливо замечает автор, «некоторые из читателей теперь тоже перекочевали на Запад». Вот они-то уж, несомненно, спокойно и со вниманием прочтут долгожданный труд. И, разумеется, не только они. Мимо новой работы о стихах не пройдет ни один специалист, ни один любитель поэзии, ни один прилично владеющий русским языком.

Книга Эткинда состоит из пяти глав, каждая из которых рассматривает одну из принципиальных проблем поэтического текста. В целом эти главы, разумеется, не исчерпывают всех проблем поэзии как важнейшего вида искусства (задача непосильная не только для одного человека, но и для всего человечества), но они освещают существеннейшие аспекты *поэтической материи*.

Автор исходит из двух принципов. Первый давно известен в советской литературной науке, правда, скорее, не как научный метод изучения искусства, а как заклинание. Это принцип единства содержания и формы. Но сформулирован он точнее и лучше, чем это делалось до сих пор. Ведь заклинание *единством* подразумевает, что в действительности этого единства нет, а исследователь тщетно пытается запрячь в свою телегу щуку и лебедя, которые все равно тянут в разные стороны. «Нет содержания вне формы, — говорит автор, — потому что каждый элемент формы, как бы он ни был мал или внешен, строит содержание произведения; нет формы вне содержания, потому что каждый элемент формы, как бы он ни был опустошен, заряжен идеей» (с. 10).

Второй принцип — исторический. Но опять-таки не только и не просто исторический. В книге утверждается принципиальное противопоставление поэзии и прозы. Поэзия становится поэзией только потому, что она ощущается таковой на фоне прозы (может быть, не только и не столько художественной, но вообще в оппозиции: поэзия — не поэтическое слово). Однако автора интересует

[4] См.: [2, с. 270–314].

противопоставление прозы и поэзии на уровне искусства, и здесь он формулирует принцип историзма своего исследования: нужно «учитывать место, занимаемое стихотворением или поэзией в истории соотношения прозы и поэзии» (с. 10).

Эти принципы противоречат один другому. Если мы рассматриваем текст как единство формы и содержания (как некую замкнутую модель мира, то мы нарушаем эту замкнутость, привнося в нее историзм, т. е. вводя новые параметры, которые нарушают изучение текста на данном уровне как модели. Но книга Эткинда вся построена на таких противоречиях и конфликтах (недаром одна из важнейших глав названа «поэзия как система конфликтов»), решение которых сообщает ей целостность и единство. Так, противоречие историзма и целостности анализа в значительной степени снимается композиционным принципом книги: в центре ее разборы стихотворений, анализируемых под разными углами зрения. Ефим Григорьевич — блистательный мастер таких стихотворных разборов-интерпретаций, так же как и его учитель Г.А. Гуковский. Подобный анализ целого стихотворения позволяет рассмотреть его на разных уровнях: смысловом, звуковом, историческом и пр.

Итак, мы вступаем в мир поэзии, в «материю стиха». Первая глава называется «Предмет поэзии». Тема ее безгранична, необозрима и едва ли не шире, чем вся проблема «материи стиха». Автора это не смущает. Он отбирает для своей книги отдельные нужные ему аспекты исследования. Так же поступает он и с каждой главой. Первая разделена на подглавки: «Приращение смысла», «Непосредственная действительность чувств», «Красота симметрических абстракций», «Форма как содержание» и пр. И в подзаголовке к каждому такому разделу одно-два стихотворения: А. Блок «Равенна», А. Фет «Только в мире и есть, что тенистый …», А. Пушкин «К Чаадаеву», «Клеопатра» и пр.

Не будем рассказывать о разборах этих стихотворений. Они разные по объему (от 2–3-х до 15–16 страниц) и всегда мастерские. Особенно хорош, читается с захватывающим интересом анализ блоковской «Равенны». И каждый такой анализ целого стихотворения открывает нам одну из сторон поэтического мира в целом.

Вторая глава называется «Поэзия как система конфликтов и показывает те оппозиции, без которых не может существовать поэтическая речь. Таких конфликтов автор насчитывает пять: 1. Слово в речи — слово в стихе. Местоимение. Этот конфликт разбирается на примере трех стихотворений (двух Баратынского и одного Цветаевой). Местоимения, «бесцветные, нейтральные» в повседневной

речи, в поэтическом контексте приобретают глубокую содержательность. Так, целостный анализ стихотворения Баратынского («Мой дар убог…») показывает, что все стихотворение построено на двух местоимениях: Я и МОЙ. И авторское «Я» становится основой размышления о человеческом бытии, месте личности в мироздании

И таково действие талантливого рассказа о тайнах поэзии на читателя, что память тут же, соглашаясь автором, начинает услужливо подсказывать десятки строк, где нейтральные, невыразительные сами по себе местоимения несут на себе выразительнейшую идейную нагрузку: «Я ВАС любил …». Или монолог несчастного Годунова, весь построенный на противопоставлении «Я» и «ОНИ»:

Я выстроил ИМ новые жилища,
Я злата насыпал ИМ,
Я ИМ сыскал работы,
ОНИ МЕНЯ, беснуясь, проклинали.

Перечислим следующие «конфликты», не менее интересные и значительные. Второй — слово в предложении, слово в стихе. В основе прозаической речи, говорит автор, лежит предложение, которое подчиняет себе слово, стирает его фонетику, даже семантику. В стихе — слово обретает самостоятельность, и звуковую, и семантическую.

Третий конфликт — между синтаксисом и ритмом. Здесь рассматриваются в основном синтаксические нарушения ритмической системы на уровне стиха, строфоида (так автор называет двустишия) и строфы. Естественно, что здесь в центре внимания автора оказывается Цветаева, для которой enjambments являются характернейшей особенностью стиля. Очень большую роль они играют в «Поэме конца», которая подробно анализируется в книге.

Четвертый конфликт — конфликт метра и ритма, по справедливому замечанию автора, более других изучался в теоретической литературе. Е.Г. рассматривает «метр» как «решетку», систему, метроном, некий инвариант, на который накладываются, разрушая его, бесконечные варианты ритма. В центре этого раздела — впечатляющий анализ малоизвестного стихотворения П. Вяземского «Метель».

Особенно интересен последний раздел этой главы, где речь идет о конфликте между индивидуальной поэтической речью и условно-поэтической терминологией, поэтическими формулами, которые создает каждая поэтическая система. Здесь подробно проанализи-

рованы два стихотворения: раннее, 1814 г., Пушкина (послание «К Батюшкову») и знаменитое лермонтовское (1840) — «Как часто пестрою толпою окружен…».

Следующая, третья, глава книги называется «Слово и контекст». Центральную часть ее образует раздел «Тринадцать сражений». И это едва ли не лучшие страницы всей книги. Выбрав одну тему, автор рассматривает меняющиеся функции слова в системах классицизма, романтизма, реализма на примере тринадцати изображений войны в стихах русских поэтов, начиная с Хераскова и кончая Хлебниковым, Маяковским, Гумилевым, Сурковым, Твардовским.

Как всегда, анализ текстов мастерский, поэтические индивидуальности авторов выявляются с поразительной точностью. Нужно сказать, однако, что Е.Г., как кажется, несколько злоупотребляет строгой дефинитивностью литературных направлений: классицизм, романтизм, реализм. Он рассматривает их как устойчивые, сложившиеся системы, хотя на деле, особенно в русской литературе с ее убыстряющимся развитием, достаточно трудно строго разграничить литературные системы и направления, особенно пресловутый реализм. (С нашей точки зрения, в данной ситуации они нужны лишь как более или менее удобные рамки для изучения литературных процессов). То, что, например, у Жуковского автор относит к романтизму (вслед за Г.А. Гуковским), может быть рассмотрено в системе сентиментализма. Если Твардовский действительно, наверное, реалист, то что делать с акмеистом Гумилевым, футуристом Маяковским или Мариной Цветаевой?

В четвертой главе рассматривается важный для поэтического сознания вопрос об экспрессивности звука. Поэты (Рембо, Хлебников, Белый) были уверены, что звуки сами в себе несут семантическую информацию. Современные лингвистические исследования не подтверждают эту точку зрения. Изобразительность звучания достигается самой семантикой поэтического слова, а не фонетической информацией. Хотя большинство людей скажут, что в слове «бронза» отражается гудение колокола («где ты, бронзы звон или гранита грань»). Однако, остроумно замечает автор, «это самообман и возникает он прежде всего от семантики, отзывающейся в звучании. Слово “брынза” состоит из тех же звуков, что “бронза”, но никакое гудение колокола в нем не слышится» (с. 364).

Наиболее спорной является последняя глава «От словесной имитации к символизму. Принципы музыкальной композиции в поэзии». Перенесение принципов одного вида искусства в другой: живописи в поэзию, поэзии в музыку, музыки в поэзию — чрева-

то опасностью некоторой искусственности и манерности. Слишком давно, почти с античных времен, разошлись поэт, пишущий стихи, и певец или музыкант — исполнители. Еще большая несовместимость существует между поэзией и живописью. Не случайно еще Лессинг назвал свою классическую работу «Лаокоон или о границах живописи и поэзии». В истории искусства подобные явления единичны. Единичными и в русской поэзии остаются примеры, разбираемые Эткиндом. Кантаты Державина и Пушкина, изображение танца у Державина, Тихонова и Заболоцкого и пр.

Что же касается попыток воспроизведения большой музыкальной формы в стихе, то Эткинд сам показал ее неудачу в поэме-симфонии Брюсова «Воспоминание», а анализ некрасовской поэмы «Балет» с точки зрения ее симфонизма лишний раз показывает слабость и антихудожественность этого агитационного произведения. Искусственные формы у Брюсова и Некрасова призваны спасти убожество содержания: прославление новых хозяев и революции (у Брюсова), банальное противопоставление богачей в театре и бедных крестьян (у Некрасова).

Поэтому, когда мы имеем дело с настоящими поэтическими ценностями, как «Возмездие» или «Двенадцать» Блока, анализ их композиции показывает лишь весьма относительные соответствия этих произведений крупным музыкальным формам. Впрочем, лучше всего сказал об условности такого подхода к большому поэтическому тексту и о неудаче сознательных имитаций музыкальной формы в поэзии сам автор: «…эксперименты подтверждают, что навязывание одному искусству законов другого неплодотворно. Известно, как мельчает произведение литературы, превращаясь в либретто оперы или балета, как проигрывает роман, становясь кинофильмом или спектаклем. Нельзя безнаказанно нарушать специфичность того или иного искусства» (стр. 298).

В буклете своей книги Е.Г. Эткинд так определил «общий методический принцип автора: структурализм с человеческим лицом»[5]. Попытка построить «социализм с человеческим лицом» закончилась неудачей. У коммунизма (и социализма) нет и не может быть чело-

[5] Это перефразировка лозунга чешских коммунистов, которые в 1960-е пытались построить в Чехословакии «социализм с человеческим лицом». Попытка закончилась в 1968 г. вторжением в страну советских танков. Лозунг был очень популярен в кругах русский интеллигенции. Нами тогда действия «кремлевских старцев» были восприняты как сокрушительная катастрофа. Написать подобную фразу Е.Г. мог только в западном издании (примечание М.Г. Альтшуллера 2024 г.).

веческого лица. Там, где начинается тоталитарная идеология, тут же кончается всякое гуманитарное начало. Не получилось и у автора органичного слияния оригинальных и интересных структуральных построений с вдохновенным и талантливым анализом поэтических текстов. Сила разбираемой книги в глубоком и бесконечно разнообразном *индивидуальном* подходе к *каждому* разбираемому тексту.

Талантливый ученый показывает нам, как бесконечно разнообразен, прекрасен и глубок поэтический мир, который не дано изучить, до конца понять ни читателям, ни любителям поэзии, ни коллективными усилиями всех ученых от самого начала филологической науки и до наших и последующих дней. Среди других интересных и талантливых работ на неисчерпаемую тему книга Ефима Григорьевича Эткинда займет свое прочное место. К ней всегда будут обращаться как ученые-исследователи, так и читатели, любители и знатоки поэзии.

1979

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Глушаков П.С.* Неопубликованные письма И.З. Сермана и Е.Г. Эткинда к М.Г. Альтшуллеру // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 1: Памяти Олега Анатольевича Коростелева / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, М. Шруба, ред. М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 570–583. https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-570-583
2. *Эткинд Е.* «Роман одного романа» // Записки незаговорщика. London: Overseas Publications Interchange, 1977. С. 270–314.
3. *Эткинд Е.* Материя стиха. Париж: Institutes d'etude Slaves, 1978. 506 с.

REFERENCES

1. Glushakov, P.S. “Neopublikovannye pisma I. Sermana i E. Etkinda k M. Altshulleru” [“Unpublished Letters from I.Z. Serman and E.G. Etkind to M.G. Altshuller”]. Emigrantica. Issue 1: In memory of Oleg Korostelev, ed.-comp. E.R. Ponomarev, ed. E.R. Ponomarev, M. Schruba, manag. ed. M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 570–583. (In Russian) https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-570-583

2. Etkind, E. “Roman odnogo romana” [“A Novel of One Novel”]. *Zapisky nezagovorschika* [*Notes of a Non-conspirator*]. London, Overseas Publications Interchange, 1977, pp. 270–314. (In Russian).
3. Etkind, E. *Materiyastiha*. [*Matter of Verse*]. Paris, Institutes d’etude Slaves, 1978. 506 p. (In Russian).

Дата поступления статьи: 30 июня 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 18 января 2025 г.
Дата публикации: 29 декабря 2025 г.

Received: June 30, 2024
Approved*:* January 18, 2025
Date of publication: December 29, 2025

Научная статья и публикация архивных материалов

УДК 821.054.7.0
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-545-572
https://elibrary.ru/HEBWJR

К ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ: ПРОЕКТЫ РУССКОГО УНИВЕРСИТЕТА И ИНСТИТУТА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ (В.Е. МАКСИМОВ И Е.Г. ЭТКИНД)

© 2025 г. П.С. Глушаков, Д.В. Зайцев, Е.Р. Пономарев

Аннотация: В статье впервые публикуется сохранившаяся в архиве Е.Г. Эткинда переписка с редактором журнала «Континент» В.Е. Максимовым по поводу двух проектов институтов русского образования, науки и культуры: Русского зарубежного университета и Института русской культуры в Париже. Оба проекта могут быть рассмотрены как продолжение усилий первой волны эмиграции по формированию системы высшего образования Зарубежной России, а также институализации русской гуманитарной науки за рубежом. Идея Русского университета, сформулированная Максимовым, по мнению авторов, ближе типу народного университета, широко распространенного в среде первой эмиграции. Проект Института русской культуры, предложенный Эткиндом, сконцентрирован на изучении самой культуры эмиграции: он строится на основе архивного собрания документов и иконографии всех волн русской эмиграции. Проект Максимова был реализован в виде Русского свободного университета им. А.Д. Сахарова — не во Франции, а в Германии. Идеи Эткинда были отчасти использованы при формировании структур других европейских институтов по изучению СССР (например, Forschungsstelle Osteuropa в Бремене). В Русском культурном центре в Шато Монжерон под Парижем можно усмотреть как реализацию планов Максимова, так и некоторых идей Эткинда. Сама переписка чрезвычайно далеких друг от друга в идейно-политическом плане Максимова и Эткинда представляет исключительный интерес; публикуемые в качестве приложений к письмам проекты чрезвычайно важны для реконструкции институциональной истории русской эмиграции XX в.

Ключевые слова: письма, проекты, Институт русской культуры, Русский зарубежный университет, архивные материалы, В.Е. Максимов, Е.Г. Эткинд.

Информация об авторах: Павел Сергеевич Глушаков — доктор филологических наук, независимый исследователь, Рига, Латвия.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-5179-5458
E-mail: pavel.glushakov@gmail.com
Дмитрий Вадимович Зайцев — младший научный сотрудник, аспирант, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0009-2235-4591
E-mail: d_zaiczev@mail.ru
Евгений Рудольфович Пономарев — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия; профессор, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, Наб. р. Фонтанки, д. 15, 191011 г. Санкт-Петербург, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5508-6532
E-mail: eponomarev@mail.ru

Для цитирования: *Глушаков П.С., Зайцев Д.В., Пономарев Е.Р.* К институциональной истории русской эмиграции: проекты Русского университета и Института русской культуры (В.Е. Максимов и Е.Г. Эткинд) // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Вып. 3 / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 545–572. https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-545-572

Research Article and Publication of Archival Documents

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

ON THE INSTITUTIONAL HISTORY OF RUSSIAN EMIGRATION: THE PROJECT OF THE RUSSIAN UNIVERSITY ABROAD AND THE RUSSIAN CULTURAL INSTITUTE (VLADIMIR MAXIMOV AND EFIM ETKIND)

© 2025. Pavel S. Glushakov, Dmitrii V. Zaitsev, Evgeny R. Ponomarev

Abstract: This article introduces the previously unpublished correspondence, preserved in Efim G. Etkind's archive, with *Kontinent* editor Vladimir E. Maximov concerning two projects for institutions of Russian education, scholarship, and culture: the Russian University Abroad and the Russian Cultural Institute in Paris. Both projects may be viewed as a continuation of the efforts of the first wave of emigration to establish a system of higher education in Russia Abroad, as well as to institutionalize Russian humanities research outside the country. According to the authors, Maximov's concept of a Russian university, is closer to the model of the people's university, which was widespread among the first émigrés. The project for an Institute of Russian Culture, proposed by Etkind, was focused on the study of the emigration's own culture: it was to be built on an archival collection of documents and iconography from all waves of Russian emigration. Maximov's project was eventually realized in the form of the Andrei Sakharov Russian Free University — not in France, but in Germany. Etkind's ideas were partially used in the formation of other European institutions for the study of the USSR (for instance, the Forschungsstelle Osteuropa in Bremen). The Russian Cultural Center at Château de Montgeron near Paris can be seen as embodying both Maximov's plans and some of Etkind's ideas. The correspondence itself between Maximov and Etkind — the figures far apart in their ideological and political orientations — is of exceptional interest; the projects published as appendices to the letters are extremely important for reconstructing the institutional history of Russian emigration in the 20th century.

Keywords: letters, projects, Institute of Russian Culture, Russian University Abroad, archival materials, Vladimir Maximov, Efim Etkind.

Information about the authors: Pavel S. Glushakov, DSc in Philology, Independent Researcher, Riga, Latvia.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-5179-5458
E-mail: pavel.glushakov@gmail.com
Dmitrii V. Zaitsev, PhD Candidate, Junior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0009-0009-2235-4591
E-mail: d_zaiczev@mail.ru
Evgeny R. Ponomarev, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia; Professor, F.M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy, Fontanka River Emb., 15, 191011 St. Petersburg, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5508-6532
E-mail: eponomarev@mail.ru

For citation: Glushakov, P.S., Zaitsev D.V., and E.R. Ponomarev. "On the Institutional History of Russian Emigration: The Project of the Russian University Abroad and the Russian Cultural Institute (Vladimir Maximov and Efim Etkind)." *Emigrantica*. Issue 3, ed.-comp. E.R. Ponomarev, acad. ed. E.R. Ponomarev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 545–572. (In Russian)
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-545-572

В архивном фонде Ефима Григорьевича Эткинда (1918–1999), хранящемся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 1317. Оп. 3) находится очень небольшая, но имеющая исключительное значение переписка с редактором журнала «Континент» Владимиром Емельяновичем Максимовым (наст. имя Лев Алексеевич Самсонов, 1930–1995), в которой отложились два проекта по созданию институтов русского образования, науки и культуры. Первый проект касается планов по созданию русского зарубежного университета, второй — Института русской культуры.

Оба проекта принципиально важны с точки зрения задачи, которую в разные годы ставила перед собой эмиграция: институализации русской культуры и образования в Зарубежье. Образовательные институты, основанные в первые годы изгнания[1], были не

[1] В качестве отправной точки может быть упомянута основанная еще дореволюционными эмигрантами Русская высшая школа общественных наук, проработавшая в Париже с 1901 по 1905 гг.

столь многочисленны, как политические или общественные, однако их важность не вызывала сомнений в культурных слоях русской эмиграции. В 1920–1930-е гг. в городах, претендовавших на статус крупных эмигрантских центров, функционировал целый ряд образовательных, научных и исследовательских учреждений. Назовем лишь некоторые из них: в Берлине был открыт Русский научный институт, а также начинавшаяся как философский кружок Религиозно-философская академия, основанная Н.А. Бердяевым и переместившаяся в Париж вслед за своим создателем. В Париже в 1920-е гг. появились Русская консерватория, Франко-русский институт социальных и политических наук, Свято-Сергиевский православный богословский институт; Русская политехническая школа заочного обучения (позднее Русский высший технический институт) [подр.: 3] и пр., а также юридический, историко-филологический и физико-математический факультеты для русских студентов при Парижском университете. В Праге при поддержке президента Чехословацкой республики Т.Г. Масарика был основан Русский народный университет, а также Русский педагогический институт имени Яна Амоса Коменского и т. д. В Харбине на основе уже существовавших там учебных заведений были сформированы Русский политехнический институт (с 1928 г. Харбинский политехнический институт), Русский юридический факультет (который функционировал как самостоятельное высшее учебное заведение, несмотря на название «факультет») и т. д. К этому следует добавить Русские академические группы, появившиеся в целом ряде центров русского рассеяния.

Первоначальной целью русских учебных заведений называли подготовку кадров для освобожденной (в будущем) России. С исчезновением надежд на возвращение домой русские высшие учебные заведения стали ориентироваться на имеющие самостоятельное значение образование эмигрантской молодежи и поддержание научной деятельности. Следует оговориться, что многие из институтов и университетов просуществовали недолго, некоторые меняли профиль — из образовательных учреждений превращались в исследовательские. Помимо учреждений высшей школы и науки, появлялись многочисленные просветительские проекты, предлагавшие всем желающим прослушать циклы лекций крупных ученых-эмигрантов (таковой деятельностью занимались, например, Русский народный университет в Париже или Русский научный институт в Белграде). Таким образом, можно говорить о системе высшего образования (и научно-исследовательской, а также просветительской

деятельности), созданной в Русском зарубежье[2]. Система эта была во многом фрагментарна и неполна (в силу целого ряда причин, прежде всего финансовых), однако само наличие в Зарубежье разнонаправленных университетов и институтов (включая духовные), свободных от советского идеологического диктата, имело символическое значение.

Рамки вступительной статьи не позволяют остановиться на этой проблеме подробнее. Она еще требует пристального системного изучения[3]. Скажем лишь, что основным эмигрантским университетом (просуществовавшим наиболее длительное время: с 1923 г. до второй половины 1940-х гг.) был Русский народный университет (с 1934 г. Русский свободный университет) в Праге. Его первоначальное название отсылало к Московскому городскому народному университету имени А.Л. Шанявского (открытому в 1908 г.), по образцу которого был изначально построен учебный процесс. Университет разделялся на два основных факультета: юридический и гуманитарный (историко-филологический), в его состав также входили Технический институт и Сельскохозяйственная школа [5, с. 83]. М. Раев полагает, что активная деятельность университета прекратилась в середине 1930-х гг. [5, с. 84], однако формально он продолжил существовать еще более десятилетия. После закрытия университета властями социалистической Чехословакии (перестал функционировать в 1946 г., официально ликвидирован в 1949 г.) университета в русском зарубежном образовании больше не было[4].

---

[2] Серьезной базой для высшего образования Русского зарубежья служила сложная система среднего образования (многочисленные русские гимназии и иные образовательные институты для юношества существовали в самых разных городах рассеяния эпохи первой волны). В справочниках системы среднего и высшего образования нередко смешиваются [6, с. 398–401], что в целом справедливо: гимназическое образование привлекало внимание крупнейших деятелей эмиграции (см., напр., «Хрестоматию по русской литературе», 1932, и «Краткую историю русской литературы», 1934, созданные П.М. Бицилли). Случалось, что именно в стенах русских средних школ начинали работу курсы, предваряющие деятельность высших учебных заведений — так произошло со Свято-Сергиевским богословским институтом [7, с. 91].

[3] Тема высших учебных заведений Зарубежья, как и многие другие темы, связанные с изучением эмиграции, сегодня разбита на отдельные тематические рубрики. См. из последних работ: [1; 2; 4]. Для системного изучения эмигрантского образования требуется типологический подход. Об отдельных институтах высшей школы Зарубежья см.: [3].

[4] Из учебных заведений, открытых первой эмиграцией в 1920-е гг., наиболее жизнеспособными — вероятно, в силу специфики изучаемых дисциплин — оказались две парижские институции: Русская консерватория и Свято-Сергиевский институт (с

Вторая эмиграция, в рядах которой было значительно меньше крупных ученых, к идее Русского университета не обращалась[5]. Тем интереснее попытка крупнейших деятелей третьей эмиграции возродить идею свободного университета (без отсылки к опыту первой эмиграции, но, по сути, с той же основной идеей: формирование альтернативных советским образовательных институтов с учебным процессом на русском языке). Эта не очень известная попытка, поскольку оба проекта не были реализованы в первоначальном виде, образует весьма интересный сюжет, особенно важный при рассмотрении внутреннего единства деятельности русской эмиграции XX в.

Сюжет, представленный в публикуемых ниже письмах, относится к 1976 г. — по сути, первым годам третьей эмиграции, когда только что оказавшиеся на Западе представители русской (в прошлом советской) культуры формировали новые (несоветские, эмигрантские) институты. Один из крупнейших прозаиков третьей эмиграции Максимов приехал в Париж в 1974 г. В том же году он нашел финансирование для издания литературно-политического (с одной стороны, оживлявшего традиции первой эмиграции, восходящие к русскому дореволюционному толстому журналу; с другой стороны, совершенно новаторского и нацеленного на современную ситуацию в культурной политике) журнала «Континент», крупнейшего периодического издания третьей волны, объединившего представителей всех трех волн русской эмиграции с крупнейшими западными литературными деятелями, а также деятелями антикоммунистического движения, выходцами из социалистических стран (в состав редколлегии «Континента» входили представители первой волны: Странник — арх. Иоанн Шаховской, прот. Александр Шмеман, З.А. Шаховская; западные писатели Эжен Ионеско, Сол Беллоу, поляк Ежи Гедройц, черногорец Милован Джиллас и др.). В 1976 г., как следует из публикуемой ниже переписки, Максимов предложил проект, требующий значительно больших материальных средств, чем журнал, но, с его точки зрения, не менее важный. Это проект Русско-

1944 г. Свято-Сергиевская духовная академия; в официальных французских документах имеет статус вольной высшей школы и именуется Institut de théologie orthodoxe à Paris [7, с. 93]). Оба высших учебных заведения существуют по сей день.

[5] Если не считать участие второй (как и некоторых представителей первой) эмиграции в организации немногочисленных институтов по изучению СССР в начальные годы Холодной войны: см., напр., Институт по изучению истории и культуры СССР, открывшийся в Мюнхене в 1950 г. [см. подр. 12]. Закрыт в 1972 г. в связи с началом «разрядки».

го университета за рубежом. В первоначальном наброске, который публикуется ниже, речь идет о самых общих предпосылках: русских ученых-эмигрантах, преподающих в западных университетах; появлении на Западе потенциальных студентов — молодежи из рядов третьей эмиграции; востребованности русистики (советологии) в научном мире. Обращает внимание предложение объединить усилия всех трех (волн) эмиграций в деле создания университета. Это звучит весьма по-максимовски («Континент» позиционировал себя как орган, объединяющий всю неподцензурную русскую литературу, в том числе литературу эмиграции — независимо от волн и поколений [8, с. 225]), как и указание на культурные силы не только из России, но и Восточной Европы (тоже созвучно издательской политике «Континента»).

Сам проект обрывается фактически в самом начале: на высшей управленческой структуре будущего университета. В качестве сопрезидентов Максимов намечает двух самых известных деятелей диссидентского движения в СССР: А.Д. Сахарова и А.И. Солженицына. Несмотря на то, что Сахаров не был эмигрантом, обе эти фигуры были безусловными моральными авторитетами как для большинства русских эмигрантов, так и для потенциальных западных спонсоров. Т.В. Максимова полагает, что и Солженицын и Сахаров дали свое предварительное согласие на использование их имен (благодаря щедрому финансированию «Континента» у Максимова была телефонная связь как с Солженицыным, так и с живущим в СССР Сахаровым[6]).

Связи будущего университета с представителями всех трех волн прослеживаются в приведенном небольшом списке крупных русских ученых, которые уже работают в западных университетах и могли бы стать профессорами Русского университета: кн. С.Н. Татищев, Н.А. Струве, М.Л. Васильев — дети (и внуки) первой эмиграции, М.Я. Геллер — ученый из рядов второй эмиграции, И.А. Бродский, А.Д. Синявский, Е.Г. Эткинд — представители третьей волны. Кроме того, широкий круг общения Максимова как главного редактора «Континента» с очевидностью предполагал привлечение к проекту и других ученых, а также писателей, поэтов, переводчиков и публицистов (что и случилось в последующие годы при реализации проекта в новом виде). В тексте максимовского проекта остаются непрописанными профиль деятельности предполагаемого университета, его перспективные цели, факультетско-кафедральная

[6] Т.В. Максимова. Личное сообщение.

структура и пр. Можно предположить, что Максимов как человек неуниверситетский (и вообще, как известно, не получивший систематического образования), нарочно оставил далее пустое место — в надежде, что знакомые профессора смогут дополнить проект университетской конкретикой. По краткому письму Максимова, предваряющему проект, можно судить, что речь идет о чем-то уже обсуждавшемся в кругах парижской эмиграции (возможно, устно).

Этот проект Максимов разослал и другим ученым, включенным в его список. В архивном фонде Максимова, хранящемся в Архиве Института Восточной Европы при Бременском университете (Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen), отложились краткий ответ Н.А. Струве (от 25 июня 1976 г.), в котором тот выражает удивление невероятной энергии Максимова и обещает всяческую помощь и посильное участие, и более развернутый ответ М.Я. Геллера (от 26 сентября 1976 г.). Письмо М.Я. Геллера представляет большой интерес и как индивидуальный документ, и как иллюстрация серьезности обсуждения проекта Максимова. По этим причинам (с любезного разрешения Л.М. Геллера) письмо публикуется далее полностью (по копии из личного архива, предоставленной авторам Т.В. Максимовой)[7]:

26.9.76

Дорогой Владимир Емельянович,

идея создания Свободного Русского Университета кажется мне замечательной. Мне представляется, что такой Университет сможет стать центром, объединяющим эмиграцию. Кроме того, что может быть не менее важно, позволив развиваться свободной русской мысли, Университет создаст возможность введения «гамбургского счета» — в области изучения истории, литературы, социологии. Тем самым он сможет оказывать влияние на развитие культурной и общественной мысли — на Родине.

Почту для себя честью возможность принять участие в работе Университета.

С уважением,

М. Геллер /подпись/

© 2025 М.Я. Геллер, наследники

[7] Один лист, текст с одной стороны, машинопись, подпись от руки. Ниже подписи приписка от руки (фломастером?): «профессор Сорбонны». Сделана рукой В.Е. Максимова, вероятно, для пересылки кому-то еще (с целью официальной поддержки проекта).

Это письмо показывает, что проект Максимова был воспринят его друзьями из парижской эмиграции как проект академического университета, научного и образовательного учреждения, во-первых, объединяющего научные силы эмиграции, во-вторых, альтернативного советским вузам.

Ответ Эткинда (написанный по горячим следам, через несколько дней после получения письма от Максимова), как и прочие ответы, начинается словами поддержки самой идеи университета. Но далее Ефим Григорьевич радикально меняет тему обсуждения и прикладывает к письму свой проект, созданный за год до этого, значительно более проработанный, — но не университета, а Института русской культуры.

Толчком для этого проекта, как сказано в письме, послужила дискуссия о дальнейшей судьбе Шато Монжерон (Русского замка в Монжероне), которая проходила во Франции в 1975 г. Этот замок, находящийся в предместье Парижа Монжероне, был приобретен в 1951 г. представительницей первой эмиграции и яркой деятельницей РХД С.М. Зёрновой (1899–1972) для детского дома, которым она заведовала. С.М. Зёрнова скончалась в 1972 г., детский дом прекратил свое существование в 1975 г. [14, с. 186]. Попечительский совет искал для Шато Монжерон новую функцию. Максимов тоже был вовлечен в эту дискуссию и выступал одним из ревнителей перепрофилирования замка в Русский культурный центр. Т.В. Максимова вспоминает[8], что в начале 1975 г. вопрос о Монжероне обсуждался на приеме у князя К.Я. Андроникова (1916–1997), грузинского аристократа, православного богослова и мастера синхронного перевода (переводившего трем французским президентам: Ш. де Голлю, Ж. Помпиду, В. Жискар Д'Эстену). Максимов же и предложил на этом совещании создать Русский культурный центр, указывая на прибывающие новые культурные силы. Эткинд, как говорится в письме, в это же время предложил свое видение проблемы и передал проект князю С.Н. Татищеву, одному из членов попечительского совета. Впрочем, продолжает Т.В. Максимова, попечительский совет принимал лишь основные решения, реализацией этих решений (в духе традиций первой волны эмиграции) занимались дамы-благотворительницы: княгиня Наталья Александровна Андроникова, Людмила Львовна Д'Агьяр (урожд. Гарганова), Наталья Михайловна Ниссен и др.

Трудно сказать, о какой последующей публикации проекта в печати говорится в письме Эткинда. Проект мог быть опубликован в «Вестнике РХД» или в газете «Русская мысль», но публикаций такого

[8] Личное сообщение.

рода в этих изданиях пока не обнаружено. Не исключено, что речь идет о письменных предложениях иных лиц, обсуждавшихся советом попечителей в дальнейшем. Интересно также, что в проекте сказано: планируемый институт должен располагаться в Париже. Монжерон, разумеется, находится не слишком далеко от французской столицы, но удаленность от нее играет существенную роль во всех культурных начинаниях в Русском замке (тем более, что в те годы добираться из центра Парижа в Монжерон было дольше, чем сейчас). Не исключено, что Эткинд писал проект вообще, безотносительно обсуждения судьбы Монжерона. А возможно, поменял местоположение потенциального института, посылая текст Максимову.

Основой будущего института Эткинд видит архивное собрание — формирование такого собрания было чрезвычайно актуальной задачей русской эмиграции тех лет. Близки к идее создания большого эмигрантского архива предлагаемые далее кабинет мемуаров (фонотека), картотеки (отражающие библиографию эмигрантской литературы и состав архивных собраний, хранящихся в разных местах, в том числе у частных лиц). Помимо архива, по мысли Эткинда, в институте должна быть создана библиотека эмигрантской литературы (и литературы, необходимой для ее изучения). К этому добавлен иконографический центр, собирающий и изучающий визуальное наследие эмиграции (не совсем ясно, почему эта архивная функция выделена). А также важный для теоретика перевода и переводчика Эткинда «Центр по наблюдению за изданиями произведений русских авторов в иностранных переводах», совмещающий, судя по описанию, функции выставочного зала и литературного агента (в случае с последней функцией возникает много вопросов: этот потенциальный литературный агент должен стать одним на всю русскую эмиграцию, общим? Дело в том, что у каждого из писателей должен быть свой агент, у писателей первой волны такие агенты оставались неизменными уже несколько десятилетий, в том числе и после смерти, см. случай И.А. Бунина и М.А. Гофмана. Возможно, что профессор Эткинд на тот момент еще не разобрался до конца в правовой системе, организующей литературный процесс в западных странах). Далее следуют различные дополнительные функции (вроде экспериментального театра; концертов как живых артистов, так и состоящих из разного рода фонограмм, выступлений писателей и переводчиков; научных симпозиумов и т. п.).

Итак, перед нами два проекта основополагающих культурно-просветительских институтов, способных объединить эмиграцию. Они созданы в первые годы появления на Западе третьей эмиграции

(почти одновременно с основанием журнала «Континент», утверждением новой культурной функции Шато Монжерон, появления других литературных и культурных инициатив) — показательно, что в эту эпоху Максимов и Эткинд еще могут обмениваться личными письмами и обсуждать общие проекты. Через несколько лет такое общение станет невозможным: произойдет расслоение эмиграции на несколько лагерей, среди которых в первую очередь выделятся либеральная (ориентирующаяся на университетскую либеральную интеллигенцию) и почвенническая, национально-антикоммунистическая сторона (соединяющая традиции диссидентского движения в СССР и диссидентские движения других социалистических стран национально-освободительного типа). В то время Эткинд еще печатался в «Континенте». Спустя три года пути Эткинда и Максимова окончательно разойдутся; формальной причиной станут статьи Эткинда по поводу написанной Максимовым «Саги о носорогах»: [10]; [11, с. 42–60]. Но, по сути, разлад будет иметь глубокую идеологическую основу. В дальнейшем Эткинд станет постоянным автором журнала «Синтаксис» (редактор которого А.Д. Синявский начинал «Континент» вместе с Максимовым, входил в редакционный совет журнала, но через несколько лет столь же радикально разошелся с Максимовым и Солженицыным) и с его страниц будет полемизировать с политической позицией Максимова, который, в свою очередь, станет нападать на политическую позицию Эткинда в ряде публикаций «Континента» [см. подр.: 8, с. 241–263]. Важной вехой в истории отношений Максимова и Эткинда станет 1982 г., когда А. Синявский, редактор мюнхенского журнала «Страна и мир» К. Любарский и Е. Эткинд выступили с письмом против направления главной газеты парижской эмиграции «Русская мысль». В защиту «Русской мысли» (часть ее сотрудников была близка Максимову и одновременно сотрудничала в «Континенте») высказались многие деятели всех трех волн эмиграции (так, троих подписантов письма стыдил Андрей Седых (Я.М. Цвибак), представитель молодежи первой эмиграции, главный редактор нью-йоркской газеты «Новое русское слово»); полемика развивалась на страницах «Континента» (Максимов опубликовал письмо в 32 книге журнала) и «Русской мысли» [см. подр. 8, с. 268–270]. Но в 1976 г. раскол еще не случился и третья эмиграция пыталась действовать сообща.

Показательно, что в первые годы третья волна стремится к единению и концентрации общественно-политических усилий. Сами интенции одного из крупнейших прозаиков третьей эмиграции и одного из крупнейших филологов третьей эмиграции весьма значи-

мы. Обращает на себя внимание, что, предлагая создать новые академические институты, во всем удовлетворяющие академическим требованиям середины 1970-х гг., Максимов и Эткинд воспроизводят типологическую матрицу, разработанную еще эмигрантами первой волны: предлагается либо университет, либо научно-исследовательский институт с мощным собственным архивно-библиотечным бэкграундом (отметим также широкую просветительскую направленность обоих проектов, напоминающую о деятельности народных университетов эпохи первой эмиграции). Таким образом, в обоих проектах проступает единство эмигрантской мысли и эмигрантской культуры 1920–1991 гг.

В какой-то мере характерно, что друзья и коллеги авторов не спешат включаться в процесс разработки обеих идей. При этом трудно их в чем-то упрекнуть: во-первых, в таких делах невозможно идти впереди инициатора, во-вторых, каждый (включая авторов идей) видит все организационные и финансовые трудности столь крупных проектов, в-третьих, каждый из профессоров или общественных деятелей, включая Максимова и Эткинда, очень заняты своими текущими делами. Поэтому не случайно, что оба проекта не были реализованы в том виде, в каком были изначально задуманы и сформулированы.

Проект Максимова был реализован в виде Русского свободного университета им. А.Д. Сахарова, начавшего работу не во Франции, а в Германии в 1978 г. (отметим, что это название, без имени Сахарова, уже появилось в сентябре 1976 г. в письме М.Я. Геллера; имя Сахарова организаторы присвоили университету в 1980 г., когда академик был отправлен в ссылку в Горький, в качестве жеста поддержки). Этот университет не функционировал постоянно, а организовывался как бы заново каждое лето наподобие (языковой) летней школы, размещался он год от года в разных населенных пунктах ФРГ, а иногда и других европейских стран[9], и (что отличало его от многих прочих летних школ) был посвящен не только изучению русского языка, культуры и литературы, советской истории и политики; большой акцент в нем делался (по крайней мере, до крушения Берлинской стены, а затем и СССР) на правозащитной деятельности. При этом предложенная Максимовым структура отчасти сохранилась. Ректором университета стала поэт и общественный деятель Виолетта Исааковна Иверни (1937–2018).

Список преподавателей первого десятилетия объединяет известных диссидентов и правозащитников с крупными писателями, поэтами, журналистами, переводчиками, а также профессорами акаде-

[9] Например, в 1980-е гг. однажды был организован в Северной Италии (С.В. Дедюлин, личное сообщение).

мических университетов: это А.А. Амальрик, В.Е. Аллой, В.П. Бетаки (муж В.И. Иверни), В.К. Буковский, А.С. Вольпин-Есенин, упоминавшийся выше М.Я. Геллер, А.И. Гинзбург, Н.Е. Горбаневская, сама В.И. Иверни, И.А. Иловайская-Альберти (с 1979 г. главный редактор газеты «Русская мысль»), Э.С. Кузнецов, В.Е. Максимов, В.П. Некрасов, а также К.А. Любарский и Е.Г. Эткинд[10]. Архив университета (включающий и набор аудиокассет с записями лекций) хранится в Архиве Института Восточной Европы при Бременском университете.

По типу своей деятельности этот университет соединил формат летней школы с форматом народного университета. Показательна его не столько академическая, сколько общественно-политическая направленность. В этом плане он отчасти приближается к созданным второй эмиграцией (при участии первой, а затем и третьей) исследовательским институтам по изучению СССР.

В Монжероне с 1976 г. на несколько лет расположился Музей (точнее, выставка) нонконформистского искусства (упомянутая в публикующемся ниже письме Максимова, см. также комментарий к нему)[11], а в 1980 г. был открыт Русский культурный центр, который возглавил А.И. Гинзбург [14, с. 186]. Таким образом, проект Максимова был отчасти реализован. Т.В. Максимова вспоминает, что Владимир Емельянович ездил в Монжерон на какие-то встречи[12].

Что касается проекта Эткинда, то идея мощного исследовательского института изначально составляла конкуренцию как упомянутому в самом тексте проекта Институту славяноведения, так и (в области издательской деятельности) издательству «YMCA-Press», которым руководил Н.А. Струве. Однако он по-своему «выстрелил» тоже в Германии. В 1982 г. в Бремене был открыт Институт Восточной Европы при Бременском университете (Forscgungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen), работающий по сей день. Центром или базисом института стал Исторический архив (ныне Архив), который — в русской его части (точнее, в части стран бывшего СССР; в архиве изначально появились и иные восточно-европейские коллекции) — был задуман и долгие годы формировался архивистом Г.Г. Суперфином (состав русской части сложился бла-

[10] Университет работал в таком формате вплоть до 2000-х гг. С 1990-х гг. по понятным причинам основными лекторами стали специалисты из РФ.

[11] Дамы-благотворительницы из попечительского совета немало сделали для «ребрендинга» Монжерона. Так, по свидетельству Т.В. Максимовой, Д.Л. Д'Агьяр на собственные деньги приобретала приспособления для развешивания картин для музея А.Д. Глезера.

[12] Личное сообщение.

годаря его деятельности) как собрание личных фондов и фондов организаций русской эмиграции, а также самиздата и истории диссидентского движения в СССР. Это похоже на одну из идей проекта Эткинда (практика Г.Г. Суперфина оказалась шире). Богатая библиотека института сфокусирована (и подбиралась именно для этого) на возможностях широкого изучения советского диссидентства и эмиграции (это большей частью касается русского отдела, в ней также есть восточно-европейские отделы). Идея специализированной библиотеки тоже присутствует в проекте. Исследовательский центр как бы надстраивается над архивом и библиотекой (в прямом и переносном смысле: библиотечно-архивный этаж нижний, исследовательско-управленческий — верхний). Таким образом, целым рядом черт Институт Восточной Европы напоминает о проекте Эткинда. Отличий, впрочем, тоже предостаточно. Но влияние Эткинда на формирование института было весьма значительным: он участвовал в первоначальном планировании исследовательского центра, стал членом научно-консультативного совета, часто бывал в Бремене и был личным другом основателя и первого директора профессора В. Айхведе. Влияние Эткинда на формирование института сопоставимо лишь с влиянием Л.З. Копелева.

Таким образом, оба проекта нельзя назвать несостоявшимися. Их, можно сказать, перфекционизм и грандиозность предопределили невозможность их реализации в изначальном виде. Но, так или иначе, они повлияли на целый ряд эмигрантских институций, сформированных третьей волной. Кроме того, именно в них видна преемственность третьей эмиграции по отношению к первой и отчасти второй. Проекты Максимова и Эткинда стали важной частью институциональной истории русской эмиграции (подспудной, неявной и почти забытой ее частью). Тем интереснее реконструкция этой истории.

Письма Эткинда и Максимова, а также прилагаемые к ним проекты печатаются с любезного разрешения наследниц Эльке Либс-Эткинд и Т.В. Максимовой по оригиналам (рукописи и авторизированная машинопись), хранящимся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Благодарим А.П. Дмитриева (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН) за помощь в подготовке публикации писем и приложений к ним. Благодарим Т.В. Максимову (Париж) и Г.Г. Суперфина (Бремен) за важнейшие сведения, необходимые для написания данной работы и комментирования публикуемых документов.

Приложение
1

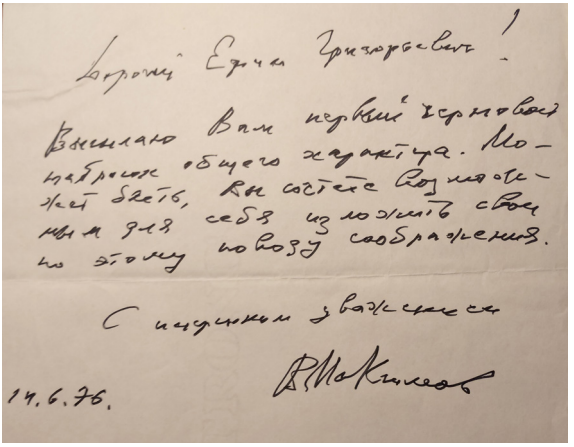
Дорогой Ефим Григорьевич!

Высылаю Вам первый черновой набросок общего характера. Может быть, Вы сочтете возможным для себя изложить свои по этому поводу соображения.

С искренним уважением

В. Максимов

14.6.76


Дорогой Ефим Григорьевич!
Высылаю Вам первый черновой набросок общего характера. Может быть, Вы сочтете возможным для себя изложить свои по этому поводу соображения.
С искренним уважением
В. Максимов
14.6.76.

Илл. 1. Письмо В.Е. Максимова (1976)

ПРОЕКТ
создания русского университета за рубежом

Феномен новой, массовой эмиграции из России сделался повседневной реальностью в сегодняшней жизни Русского Исхода. Ее размеры позволяют нам надеяться, что наше национальное существование за рубежом обретает новые перспективы. Возникновение в последнее время различных издательских и культурных начинаний (журнал «Континент»[3], Постоянный музей отечественных нонконформистов[4], Поэтическое объединение «Ритм»[5] и др.) явились первыми обещающими знаками этого процесса. В европейских и, в частности, французских университетах плодотворно трудится

целый ряд значительных представителей русской интеллигенции: И. Бродский, М. Геллер, М. Васильев, А. Синявский, С. Татищев, Н. Струве, Е. Эткинд[6] и другие. К тому же, приток новых культурных сил из России и Восточной Европы постоянно увеличивается.

Все эти факторы позволяют нам полагать, что настало время объединения средств и возможностей всех трех эмиграций вокруг одного действенного культурного и научного центра, в котором бы сосредоточилась и обрела возможность роста и творческого развития русская мысль за рубежом.

В то же время вновь прибывающая из России молодежь получила бы достаточные условия для продолжения образования и дальнейшего совершенствования в атмосфере своих национальных и духовных традиций.

Учитывая высокую профессиональную подготовку и качество информированности современных русских интеллектуалов за рубежом, такой университет несомненно стал бы центром притяжения для славистов, советологов и студентов-стажеров этих отраслей науки во всем мире, что позволило бы компенсировать часть расходов по его содержанию и обслуживанию.

Приток средств обеспечивался бы также разработкой целевых тем по заказам различных международных ведомств и учреждений.

Разумеется, основными источниками финансирования должны служить всякого рода фонды, благотворительные организации, а также многочисленные исследовательские центры иноязычных учебных заведений.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА

Почетные сопрезиденты
(Предположительно А. Сахаров и А. Солженицын)

Председатель Совета попечителей
Ректор
Проректор по научной работе
Проректор по организационной работе

Совет попечителей
Ученый Совет

© 2025 В.Е. Максимов, наследники

Печатается по рукописи (текст письма) и машинописи (текст приложения): ОР РНБ. Ф. 1317. Оп. 3. Ед. 396 (+ конверт). Всего 4 л.

[1] «Континент» — русский литературный, общественно-политический и религиозный журнал, издававшийся в Париже (1974–1992); после крушения СССР издавался в Москве (1992–2013). Основателем «Континента» был В.Е. Максимов, который оставался главным редактором издания на протяжении 17 лет. В разные годы на страницах журнала публиковались Ю. Алешковский, Д.В. Бобышев, И.А. Бродский, Г.Н. Владимов, В.Н. Войнович, Б.Ш. Кенжеев, Н.М. Коржавин, Э. Лимонов, Ж. Нива, А.Д. Сахаров, А.И. Солженицын, А. Терц (А.Д. Синявский) и мн. др. «Континент» позиционировался как печатный орган свободной русской мысли, российского и общеевропейского антикоммунистического освободительного движения и заслужил репутацию центрального диссидентского издания третьей волны эмиграции.

[2] На деле это был не музей, а обновляющаяся выставка русских художников, устроенная А.Д. Глезером. Александр Давидович Глезер (1934–2016) — писатель и коллекционер, один из организаторов «Бульдозерной выставки» в Москве (1974). В феврале 1975 г. эмигрировал во Францию. В 1976 г. на основе вывезенной коллекции картин основал в пригороде Парижа Монжероне Музей современного русского искусства в изгнании. Помимо собственно коллекции Глезера, там временно экспонировались работы русских художников. Впоследствии Глезер с собранием работ переехал в Нью-Джерси (США), где с 1980 г. работает Музей русского искусства.

[3] Парижское издательство, основанное в 1970-х гг. поэтом, переводчиком, критиком В.П. Бетаки (1930–2013). Среди авторов издательства — сам Бетаки, В.И. Иверни, Е.А. Игнатова, В.Б. Кривулин и др. В 1980 г. издательством был выпущен в свет сборник анекдотов «Россия смеется над СССР».

[4] Иосиф Александрович Бродский (1940–1996) — поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе (1987). Подвергался преследованиям в СССР (в 1964 г. был осужден за тунеядство). В эмиграции с июня 1972 г., с июля 1972 г. начал преподавательскую деятельность в Мичиганском университете (США). Лекции и публичные выступления Бродского вызывали большой интерес как среди русскоязычной диаспоры, так и среди англоязычной академической публики. Бродский продолжал активно писать на русском и английском языках, став уже к концу 1970 х гг. одним из самых влиятельных голосов русской эмиграции.

Михаил Яковлевич Геллер (1922–1997) — историк и публицист, диссидент, прошедший сталинские лагеря и выдворенный из СССР. Автор ряда книг, исследующих различные аспекты русской истории и литературы советского периода, издававшихся в Англии, Франции, Польше, Венгрии и др. странах. Профессор Университета Париж IV (Сорбонна).

Андрей Донатович Синявский (1925–1997) — писатель и литературовед,

выступавший под псевдонимом Абрам Терц. В 1965 г. был арестован вместе с Ю.М. Даниэлем (псевд. Н. Аржак) по обвинению в антисоветской пропаганде и агитации за публикацию собственных художественных произведений за рубежом. После освобождения в 1973 г. Синявский выехал по приглашению профессора К. Фриу (Университет Париж VIII) на работу во Францию. С 1973 г. был профессором русской литературы в Университете Париж IV (Сорбонна).

Граф Степан Николаевич Татищев (1935–1985) — внук последнего Ярославского губернатора Д.Н. Татищева. Родился в Париже, окончил Институт восточных языков при Сорбонне. В 1965 г. получил право преподавания русского языка и работал в Лицее Генриха IV (Lycée Henri-IV) в Париже, одном из самых известных средних учебных заведений во Франции. В 1970 г. защитил докторскую диссертацию «L'Univers concentrationnaire dans la littérature russe (1860–1960)» («Концентрационный мир в русской литературе (1860–1960»). В 1971–1974 гг. Татищев занимал должность атташе по культуре посольства Франции в Москве, и через него была организована нелегальная передача рукописей за рубеж. В частности, помогал А.И. Солженицыну, который после получения Нобелевской премии по литературе (1970) оказался в изоляции. Профессор Парижского университета. Преподавал вплоть до смерти в Национальном институте восточных языков и культур (Institut national des langues et civilisations orientales, INALCO).

Никита Алексеевич Струве (1931–2016) — литературовед и общественный деятель, исследователь проблем русской эмиграции и культуры России, издатель, переводчик. Родился в парижском предместье в русской эмигрантской семье (внук П.Б. Струве). Окончил Сорбонну и с 1950 г. преподавал русский язык. В 1963 г. на французском языке вышла книга Струве, посвященная истории церкви при советской власти («Les chrétiens en URSS»). Эта книга вызвала общественный резонанс во Франции и была переведена на несколько языков. В 1979 г. Струве защитил докторскую диссертацию об О.Э. Мандельштаме (издана на французском, впоследствии в авторском переводе на русском языке). В том же году стал профессором Университета Париж X (Нантер), позднее — заведующим кафедрой славистики. Большое влияние на научные интересы Струве оказало личное общение с представителями первой волны эмиграции: И.А. Буниным (семья Буниных была в большой дружбе с семьей его отца), А.М. Ремизовым, Б.К. Зайцевым и др.

Михаил Леонидович Васильев (р. 1939) родился в Париже в семье полковника Русской армии. Окончил Институт политических исследований в Париже (Institut d'études politiques de Paris). Майор Французской армии, участник Алжирской войны. В 1972–1975 гг. читал курс по истории СССР в Национальном институте восточных языков и культур (Institut national des langues et civilisations orientales, INALCO). В те же годы был ассистентом в

Университете Париж IV (Сорбонна). В дальнейшем ушел от академической карьеры, был французским дипломатом.

2

Глубокоуважаемый
Владимир Емельянович,

благодарю Вас за информацию о шагах, предпринимаемых Вами с целью создания Русского университета. Всячески готов поддержать Вас, тем более что инициатива этого рода проявлена мною более года назад, когда я передал С.Н. Татищеву, как одному из попечителей Монжерона[1], прилагаемый к настоящему письму «Проект». В свое время он рассматривался Советом Монжерона и был, кажется, одобрен — во всяком случае основные его положения появились в печати (впрочем, уже без ссылки на меня). Одобрил его в основном и А.И. Солженицын, с которым этот проект обсуждался и который внес кое-какие изменения, не всегда представлявшиеся мне целесообразными. Так или иначе, очень важно, чтобы идея, год назад по неясным для меня причинам не получившая развития, испытала новый толчок.

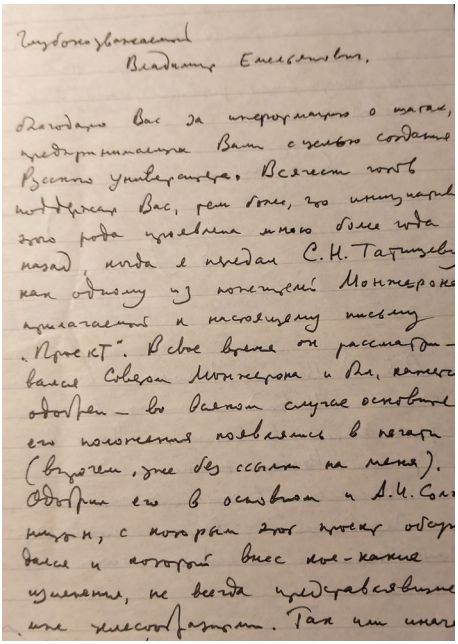
С уважением
Е. Эткинд

20 VI <76>

P.S. В Вашем Проекте допущена ошибка: И. Бродский назван в числе работающих в Европе, и даже во Франции[2]. Назван также неведомый мне М. Васильев[3] — в числе «значительных представителей…»; впрочем, может быть, мое незнание объясняется моим невежеством.

Институт русской культуры
Проект

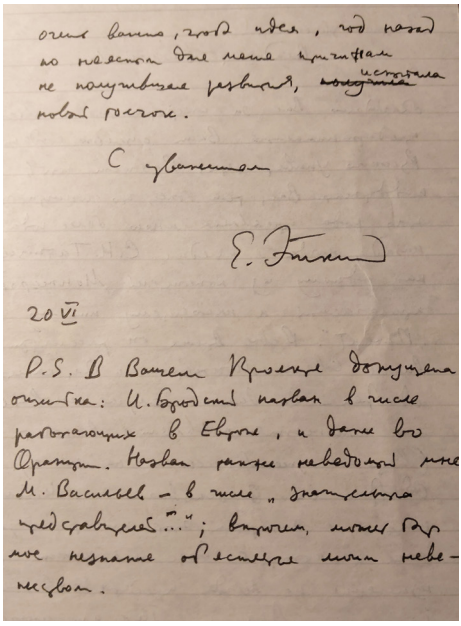
Институт русской культуры должен послужить инициативным, научно-исследовательским и пропагандным[4] центром, который сосредоточит усилия многочисленных ревнителей русской истории, литературы, журналистики, искусства, заинтересованных в сохранении и распространении лучших достижений нашей культуры, — развивавшейся как в Зарубежье, так и в пределах России.



Глубокоуважаемый
Владимир Емельянович,

Благодарю Вас за информацию о шагах, предпринимаемых Вами с целью создания Русского университета. Всячески хотел поддержать Вас, ибо, по инициативе этого рода проблема имею более года назад, когда я передал С.Н. Тарасову как одному из попечителей Монтеверде прилагаемый и настоящую письму „Проект". В свое время он рассматривался Советом Монтеверде и Вы, кажется, одобрен – во всяком случае основные его положения появились в печати (впрочем, уже без ссылки на меня). Одобрил его в основном и А.И. Солженицын, с которым этот проект обсуждался и которым внес кое-какие изменения, не всегда представляющиеся мне целесообразными. Так или иначе

Илл. 2. Письмо Е.Г. Эткинда В.Е. Максимову (1976)



очень важна, чтоб идея, год назад не казалась Вам мне принадлежащей, не получила развития, исходила новый толчок.

С уважением

Е. Эткинд

20 VII

P.S. В Вашем Проекте допущена описка: И. Бродский первая в числе работающих в Европе, и даже во Франции. Назван ранее неведомый мне М. Васильев – в числе „знаменитых представителей ...."; впрочем, может быть мне незнакомое обозначение моего невежества.

Илл. 3. Письмо Е.Г. Эткинда В.Е. Максимову (1976)

В настоящее время никакая систематическая работа в этой области не ведется. Бесчисленные архивы — документы, рукописи произведений литературы и науки, письма и т. п. — гибнут. Эмигранты первого поколения умирают, не поделившись своими воспоминаниями, которые нередко представляют незаурядный исторический и общекультурный интерес. Гибнут дома и пейзажи, связанные с жизнью и произведениями Гоголя, Чехова, Толстого, Достоевского, — никто их не защищает и даже не заботится о том, чтобы сохранить для потомков их облик.

Выполнение этих — но и ряда других — задач должен взять на себя Институт русской культуры.

В Институте русской культуры будут созданы:

1) Архивный центр;

2) Кабинет мемуаров, оборудованный магнитофонными аппаратами — стационарными и переносными;

3) Картотеки, отражающие материалы по русской истории и литературе, хранящиеся у частных лиц, в различных университетах и библиотеках;

4) Картотеки русской эмигрантской печати;

5) Библиотека — прежде всего русской эмигрантской литературы, но также и иной, художественной и научной. В читальном зале библиотеки студенты и исследователи должны будут иметь возможность изучать специальные вопросы, готовить дипломные сочинения и диссертации, получать — в определенные дни — консультации специалистов наивысшей квалификации (прежде всего по библиографии);

6) Центр по наблюдению за изданиями произведений русских авторов в иностранных переводах, а при этом центре

А) выставка соответствующих книг и журнальных публикаций,

Б) встречи авторов с переводчиками, критиками и исследователями переводной литературы, а также

В) семинары по обсуждению рукописей готовящихся новых переводов и уже опубликованных переводных работ;

7) Иконографический центр, который будет собирать материалы различного типа (портретные фотодокументы, фотографии литературных и исторических мест, связанных с русской культурой);

8) Экспериментальный театр, который будет организовывать спектакли, литературные чтения, эстрадные вечера, посвященные ознакомлению широких кругов зрителей (не только владеющих русским языком) как с опубликованными, так и с рукописными произведениями русских авторов;

9) Систематические выступления русских писателей и историков, а также

10) Выступления иностранных авторов, пишущих о России, ее литературе, живописи, театре, философии;

11) Выставки русских художников, проживающих за границей;

12) Вечера магнитофонных и граммофонных записей русских музыкантов и артистов;

13) Концерты русских артистов, находящихся на Западе;

14) Научные симпозиумы, посвященные творчеству отдельных деятелей литературы, искусства, науки — с последующей подготовкой к изданию сборников, объединенных вокруг того или иного имени или определенной проблемы;

15) Редакция непериодических изданий Института русской культуры, которые будут выпускаться под общим названием «Поверх барьеров»[5] (название условное, предварительное).

Институт русской культуры будет находиться в Париже — центре зарубежной русской культуры, сложившемся за много десятилетий. С ним будут тесно связаны академические центры в других странах. В настоящее время достигнута договоренность с соответствующим русским центром в Италии (Венеция), а также с обществами славистов в Швейцарии (Женева, Лозанна, Базель, Цюрих) и Западной Германии. Издания ИРК могут выходить при сотрудничестве и под эгидой названных организаций, а также парижского Института славяноведения[6] и французских или иностранных университетов.

Ниже приводится предварительный список публикаций, представляющихся нам первоочередными.

I. Монографические сборники
(По материалам конференций)[7]

1. Борис Пастернак
2. Михаил Булгаков
3. Анна Ахматова
4. Марина Цветаева
5. Иван Бунин
6. Осип Мандельштам
7. Василий Розанов
8. Александр Солженицын

II. Литературное наследство за рубежом

1. Вяч. Иванов
2. З. Гиппиус
3. А. Ремизов
4. Тэффи
5. М. Алданов
6. Е. Кузьмина-Караваева (Мать Мария)
7. Русско-иностранные взаимосвязи на Западе

III. Фотоальбомы

1. Русские писатели на Западе (русско-литературные места Западной Европы)
2. Русские художники на Западе
3. Русские «Культурные гнезда» (Париж, Прага, Рим, Женева)

IV. Исторические и мемуарные материалы — темы подлежат дальнейшему уточнению.

© 2025 Е.Г. Эткинд, наследники

Печатается по рукописи (текст письма) и машинописи (текст приложения): ОР РНБ. Ф. 1317. Оп. 3. Ед. 125. Всего 6 л.

[1] Монжерон (Русский замок, Шато Монжерон) — в эмигрантском просторечии так называлось поместье Мулэн де Санлис (Le Moulin de Senlis) в предместье Парижа Монжероне. Об истории поместья см. интервью Н.А. Струве: «…это поместье, по преданию связанное с аббатством в Сенлисе, основанным Анной Ярославной, приобрела после войны известная общественная православная деятельница Софья Михайловна Зёрнова, с целью перевести туда созданный ею в 1939 г. приют для русских бессемейных детей. Она выстроила там часовню, едва ли не самую красивую в эмиграции как по архитектуре, так и по росписи о. Григория Круга. С течением лет русских детей становилось все меньше, и незадолго до своей смерти Софья Михайловна отказалась от мысли тянуть дальше приют, и тогда же (в 1971 г.) пожелала, чтобы вместо него был создан русский культурный и общецерковный центр» [9, с. 100–103]. Несколько лет замок был нежилым, велись дискуссии о его дальнейшем использовании. В 1976–1980 гг. там помещался музей А.Д. Глезера (см. о нем комментарий к предыдущему письму) и издательство «Третья волна» (существовало с 1976 г. и до конца 1990-х гг.;

в 1992 г. переехало в Москву). Глезер выпускал в своем издательстве одноименный альманах. Наконец, в шато был создан Русский культурный центр, а также общежитие для культурных и политических деятелей из числа русских эмигрантов третьей волны (там проживал с семьей А.И. Гинзбург, руководивший культурным центром; жил фотограф-авангардист В.П. Самарин (Тиль), в 1982 г. там же в Монжероне прошла его персональная выставка; жил прозаик и поэт Н.К. Боков, издатель журнала «Ковчег», и мн. др.).

[2] В июле 1972 г. (примерно через месяц после выезда из СССР) И.А. Бродский переехал в США и принял пост «приглашенного поэта» (poet-in-residence) в Мичиганском университете в Анн-Арборе, где преподавал с перерывами до 1980 г. По мнению Т.В. Максимовой, В.Е. Максимов зачислил Бродского в состав эмигрантов, преподающих во Франции, поскольку сам Максимов неоднократно бывал на выступлениях Бродского в Сорбонне (см. стихотворение Бродского «Выступление в Сорбонне», 1989).

[3] Можно предположить, что Е.Г. Эткинд не был знаком и ничего не слышал о М.Л. Васильеве по той причине, что их пути в научных кругах не пересекались: Васильев в эти годы преподавал в Национальном институте восточных языков и культур, а также в Университете Париж IV (Сорбонна), а Эткинд преподавал в Университете Париж X (Париж-Нантер).

[4] Так в тексте.

[5] В качестве названия предполагаемой серии использовано заглавие второй книги стихотворений Б.Л. Пастернака (1914–1916).

[6] Институт славяноведения (Institut d'Études Slaves) учрежден в 1919 г. в Париже как научный и культурный центр, сосредоточенный на изучении славянских языков, литератур и культур. Основатель института — французский историк, специалист по Чехословакии Эрнест Дени (1849–1921). Институт тесно сотрудничал с университетом Париж IV (Сорбонна) и финансировал стажировки студентов-стипендиатов из славянских стран. Институт имеет собственное издательство, которое продолжает издательскую политику Французского института в Санкт-Петербурге, первый том которого вышел в 1912 г. Институт стал важнейшим очагом русской и славянской эмигрантской науки и книжности во Франции. В 1973–1980 гг. директором Института был специалист по русской литературе XIX в. Жан Бонамур (1935–2024). Бонамур изучал русский язык и литературу в Сорбонне под руководством А. Гранжара, неоднократно стажировался в Москве. Результатом этих стажировок стала защищенная в 1961 г. в Московском университете кандидатская диссертация «Грибоедов и французская литература». Четыре года спустя он защитил в Парижском университете диссертацию «А.С. Грибоедов и литературная жизнь его времени». Бонамур был профессором университета Париж IV (Сорбонна), заслужившим репутацию попу-

ляризатора русской литературы и культуры. Эткинд мог познакомиться с Бонамуром еще в СССР.

[7] Некоторые предполагаемые в этом проекте конференции были в разные годы проведены, а их материалы изданы: [13; 15].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Буланова М.Б.* Высшее образование в условиях российского зарубежья // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2011. № 3 (65). С. 176–188.
2. *Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940-е гг.). Саратов: Саратовский гос. технический ун-т, 2012. 405 с.
3. *Мнухин Л.А.* Русский Высший технический институт в Париже: страницы истории // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы / науч. ред. П.А. Трибунский. М.: ИРИ РАН, 2016. С. 128–136.
4. *Закомалдин М.М.* Русские высшие учебные заведения юридического профиля в Европе в 1920–1930 гг. // Проблемы востоковедения. 2024. № 3 (105). С. 44–47.
5. *Раев М.* Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции, 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. 296 с.
6. Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных в 1917–1991 гг.: в 4 т. / научн. рук., ред. и введ. А.Г. Тартаковского, Э. Эммонса, О.В. Будницкого. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 3. 639 с.
7. Свято-Сергиевское подворье в Париже: К 75-летию со дня основания / изд. подг. К.К. Давыдов, С.Н. Ершова, А.П. Козырев, А.А. Корольков, Н.М. Осоргин. Париж; СПб: Приход храма преп. Сергия; Алетейя, 1999. 255 с.
8. *Скарлыгина Е.Ю.* Русская литература XX в.: на родине и в эмиграции. М.; СПб: Нестор-история, 2012. 312 с.
9. *Струве Н.А.* О создании духовного и культурного центра в Монжероне // Вестник Русского христианского движения. 1979. № 1–2 (128). С. 100–103.

Источники

10. *Эткинд Е.* Кто с кем? Ответ В. Максимову // Русская мысль. 1979. 1 нояб.
11. *Эткинд Е.* Наука ненависти // Синтаксис. 1979. № 5. С. 42–60.
12. 5 лет Института по изучению истории и культуры СССР (1950–1955). Мюнхен: [Б.и.], 1955. 39 с.
13. Boris Pasternak, 1890–1960: Colloque de Cerisy-la-Salle (11–14 septembre 1975) / publ. par A. Sinyavsky. Paris: Institut d'études slaves, 1979. 557 p.
14. *Ponfilly, Raymond de*. Guide des Russes en France. Paris: Horay, 1990. 527 p.
15. Un chant de vie, Marina Tsvétaeva: Actes du colloque international de l'Université Paris IV, 19–25 octobre 1992 / sous la dir. d'Efim Etkind et de Véronique Lossky. Paris: YMCA-press, 1996. 435 p.

REFERENCES

1. Bulanova, M.B. "Vysshee obrazovanie v usloviiakh rossiiskogo zarubezh'ia" ["Higher Education in the Context of the Russian Diaspora"]. *Vestnik RGGU. Series: Philosophy, Sociology, Art Studies*, no. 3 (65), 2011, pp. 176–188. (In Russian)
2. Kovalev, M.V. *Russkie istoriki-emigranty v Prage (1920–1940-e gg.)* [*Russian Émigré Historians in Prague (1920s–1940s)*]. Saratov, Saratovskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet Publ., 2012. 405 p. (In Russian)
3. Mnukhin, L.A. "Russkii Vysshii tekhnicheskii institut v Parizhe: stranitsy istorii" ["The Russian Higher Technical Institute in Paris: Pages of History"]. *Rossiiskoe nauchnoe zarubezh'e: Liudi, trudy, institutsii, arkhivy* [*Russian Scientific Diaspora: People, Works, Institutions, Archives*], ed. by P.A. Tribunskii. Moscow, The Institute of Russian History of RAS Publ., 2016, pp. 128–136. (In Russian)
4. Zakomaldin, M.M. "Russkie vysshie uchebnye zavedeniia iuridicheskogo profilia v Evrope v 1920–1930 gg." ["Russian Higher Legal Education Institutions in Europe in the 1920s–1930s"]. *Problemy vostokovedeniia*, no. 3 (105), 2024, pp. 44–47. (In Russian)
5. Raev, M. *Rossiia za rubezhom: istoriia kul'tury russkoi emigratsii, 1919–1939* [*Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939*]. Moscow, Progress-Akademiia Publ., 1994. 296 p. (In Russian)
6. *Rossiia i rossiiskaia emigratsiia v vospominaniiakh i dnevnikakh: Annotirovannyi ukazatel' knig, zhurnal'nykh i gazetnykh publikatsii, izdannykh v 1917–1991 gg.: v 4 t.* [*Russia and Russian Emigration in Memoirs and Diaries: An Annotated Index of Books, Journal and Newspaper Publications,*

1917–1991: in 4 vols.], vol. 3, ed. by A.G. Tartakovskii, E. Emmons, O.V. Budnitskii. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 639 p. (In Russian)
7. *Sviato-Sergievskoe podvor'e v Parizhe: K 75-letiiu so dnia osnovaniia* [*The St. Sergius Metochion in Paris: On the 75th Anniversary of Its Foundation*], ed. by K.K. Davydov, S.N. Ershova, A.P. Kozyrev, A.A. Korol'kov, N.M. Osorgin. Paris, St. Petersburg, Parish of St. Sergius Church; Aleteiya Publ., 1999. 255 p. (In Russian)
8. Struve, N.A. "O sozdanii dukhovnogo i kul'turnogo tsentra v Monzherone" [On the Creation of a Spiritual and Cultural Center in Montgeron]. *Vestnik Russkogo khristianskogo dvizheniya*, no. 1–2 (128), 1979, pp. 100–103. (In Russian)

Дата поступления статьи: 12 ноября 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 10 июля 2024 г.
Дата публикации: 29 декабря 2025 г.

Received: November 12, 2023
Approved: July 10, 2024
Date of publication: December 29, 2025

IV. VARIA

Рецензия на книгу

УДК 821.054.7.0
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-576-585
https://elibrary.ru/HHQSTY

МОДА КАК КЛЮЧ К ПОНИМАЮ ТВОРЧЕСТВА Н. ТЭФФИ (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ И.А. НДЯЙ «МОДА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ НАДЕЖДЫ ТЭФФИ»[1])

© 2025 г. Ю.Е. Павельева

Аннотация: В статье представлен анализ монографии И.А. Ндяй, посвященной малоизученному аспекту жизни и творчества Н.А. Тэффи эмигрантского периода. Автор исследования анализирует художественные произведения Тэффи, которые были изданы в 1921–1952 гг., а также ее автобиографическую прозу и эпистолярий; широко представлен в монографии иллюстративный материал. Серьезное внимание уделяется сфере культурного быта русских эмигрантов «первой волны». И.А. Ндяй был составлен профессиональный «лексикон моды», включающий в себя понятия, которые можно увидеть на страницах произведений Тэффи. Тематический принцип отбора материала является для автора монографии основополагающим. Центральное место в исследовании отводится понятиям «мода и красота» и решению вопроса об их роли в авторской концепции мира Тэффи. Автор монографии сосредотачивается на проблеме изучения разнообразных функций «модных вещей» и воссоздании образа Тэффи на фоне мира моды. Проблема функционирования моды в творчестве Тэффи рассматривается в рамках концепции «вещного мира литературы» как коррелята, но не двойника мира реального. Монография И.А. Ндяй свидетельствует о значимости моды в личной сфере и художественном мире Тэффи.

---

[1] *Ндяй И.А.* Мода в жизни и творчестве Надежды Тэффи. Ольштын: Wydawnictwo UWM, 2024. 346 с. (авторское право принадлежит Wydawnictwo UWM Ольштын, 2024).

Ключевые слова: И.А. Ндяй, Тэффи, культура русского зарубежья, эмигрантская проза, мода, вещный мир.

Информация об авторе: Юлия Евгеньевна Павельева — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, ул. Нижняя Радищевская, д. 2, 109240 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5231-2706
E-mail: up1469@yandex.ru

Для цитирования: *Павельева Ю.Е.* Мода как ключ к пониманию творчества Н. Тэффи (рецензия на книгу И.А. Ндяй «Мода в жизни и творчестве Надежды Тэффи») // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2025. Вып. 3 / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 576–585.
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-576-585

Book Review

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

FASHION AS A KEY TO UNDERSTANDING N. TAFFY'S WORK (REVIEW OF I.A. NDIAYE'S BOOK 'FASHION IN THE LIFE AND WORK OF NADEZHDA TAFFY' BY I.A. NDIAYE)

© 2025. Yulia E. Pavelieva

Abstract: The article analyses the monograph by I.A. Ndiaye, which is devoted to a little-studied aspect of N.A. Teffi's life and work in the emigrant period. The author analyses Teffi's works of fiction published in 1921–1952, as well as her autobiographical prose and epistolary; illustrative material is widely presented in the monograph. Serious attention is paid to the cultural life of Russian emigrants of the 'first wave'. I.A. Ndiaye has compiled a professional 'fashion lexicon'. This vocabulary includes concepts that can be seen on the pages of Teffi's works.

The thematic principle of material selection is fundamental for the author of the monograph. The central place in the study is given to the concepts of 'fashion and beauty'. The main issue is their role in the author's concept of Teffi's world. The author focuses on the problem of studying the various functions of 'fashionable things', recreating Teffi's image against the background of the fashion world. The problem of the functioning of fashion in Teffi's work is considered within the framework of the concept of the 'thing world of literature', which correlates with the real world, but is not its twin. I.A. Ndiaye's monograph testifies to the significance of fashion in Teffi's personal sphere and artistic world.

Keywords: I.A. Ndiaye, Nadezhda Teffi, culture of the Russian abroad, émigré prose, fashion, world of things.

Information about the author: Yulia E. Pavelieva, PhD in Philology, Leading Researcher, Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Nizhnyaya Radishchevskaya St., 2, 109240, Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5231-2706
E-mail: up1469@yandex.ru.

For citation: Pavelieva, Yu.E. "Fashion as a Key to Understanding N. Teffi's Work (Review of I.A. Ndiaye's Book 'Fashion in the Life and Work of Nadezhda Teffi')." *Emigrantica*. Issue 3, ed.-comp. E.R. Ponomarev, acad. ed. E.R. Ponomarev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2025, pp. 576–585. (In Russian)
https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2025-3-576-585

В 2024 г. в университетском городе Ольштын увидела свет книга «Мода в жизни и творчестве Надежды Тэффи», написанная Ивоной Анной Ндяй (Iwona Anna Ndiaye) — польской исследовательницей литературы и культуры русского зарубежья, руководителем Центра культуры и русского языка «Институт Пушкина» Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie), председателем Президиума Комиссии эмигрантологии славян Международного комитета славистов, координатором международных образовательных проектов, автором многочисленных публикаций по эмигрантологии, среди которых выделяется монография, посвященная проблеме изучения поэтической идентичности Тэффи, — «Под маской Талии…: О поэтической идентичности Надежды Тэффи» [5, 423 с.]: в 2019 г. книга получила награду на XI Между-

народном литературно-художественном фестивале «Русские мифы» за «большой творческий вклад в современную культуру», а в 2021 г. была отмечена наградой Польской академии наук в области гуманитарных и общественных наук.

Новая монография «Мода в жизни и творчестве Надежды Тэффи» была подготовлена по итогам стажировки И.А. Ндяй в Лионском университете им. Жана Мулена (Université Jean Moulin — Lyon 3) в рамках проекта «Программа развития Варминско-Мазурского университета в Ольштыне». Благодаря сотрудничеству с основанной в Лионе Русской школой-студией «Авангард» (школой дополнительного образования для русскоязычных детей, проживающих в Лионе и его окрестностях), автор монографии стала вдохновителем и организатором выставки «“Единственная дама литературного Парижа…” (по страницам “Иллюстрированной России”)», демонстрирующей весьма удачный пример практического воплощения научных открытий [6].

Мода как феномен культуры является одним из актуальных направлений гуманитарных исследований с ярко выраженным междисциплинарным характером, отличающихся высокой степенью дискуссионности, что, по мнению редакции российского журнала «Теория моды: одежда, тело, культура» (издательство «Новое литературное обозрение»), формирует «новое информационное поле в гуманитарном знании» [3]. Авторитетное мнение «Теории моды» — журнала, ориентированного на «интердисциплинарное исследование моды в академическом ключе» [3], — отвечает задачам, которые решал автор рецензируемой книги. Как указывает И.А. Ндяй, в монографии «впервые предпринимается попытка собрать воедино хотя бы часть обширного эмигрантского наследия, в котором отражается тема моды» [2, с. 7].

Монографию открывают две вступительные заметки. В первой, «От автора-составителя», И.А. Ндяй поясняет концепцию проекта, структуру книги и комментирует отношение к поэтике повседневности Тэффи, отмечая, что вещественный мир писательницы — «… одежда, костюмы, предметы домашнего обихода, мебель и другие вещи интерьера, составляющие привычную сферу культурного быта, с одной стороны, создают в ее произведениях фон, с другой — обоснования действий и поступков персонажей. А в отдельных случаях сами даже становятся действующими героями» [2, с. 8].

Монография содержит множество иллюстраций, большинство из которых — это сканированные копии архивных экземпляров «Иллюстрированной России» (автор использовала материалы из быв-

шей Медонской библиотеки, которые в настоящее время хранятся в славянском фонде Библиотеки Дидро в Лионе [2, с. 12]). Также в книге И.А. Ндяй представлены материалы из Бахметевского архива русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета, которые, как отмечает автор монографии, «дают представление не только о модных новинках парижской жизни, но шире — об элегантности и красоте начала XX в. “И это не только вопрос моды…”, как писала Тэффи в рассказе *Знамение времени*» [2, с. 12]. Иллюстративный материал, щедро представленный на страницах монографии, потребовал отдельной заметки. Во вступительном слове «Об иллюстрациях» И.А. Ндяй характеризует выбор материала, основанный на тематическом принципе. Автору важно подчеркнуть, что целью ее книги «не является создание справочника об эмигрантской прозе Тэффи», первостепенное значение для нее имеет формирование представления «о темах, которые разрабатывались в художественных текстах» [2, с. 8].

Во «Введении» И.А. Ндяй представляет краткий обзор литературной судьбы Тэффи, истории ее успеха, отмечая, что «в эмиграции популярность Тэффи не стала меньше. До самой смерти она жила в Париже, окруженная такой же любовью и почитанием, как в России» [2, с. 14]. Наибольший интерес представляет исследование популярности Тэффи в Польше: «Переводы скетчей, рассказов и миниатюр Тэффи многократно печатались в польских периодических изданиях» [2, с. 15]. И.А. Ндяй пишет о том, что «Варшавская популярность Тэффи активно освещалась в эмигрантской газете “Сегодня”, издаваемой в Риге», и отмечает, что в фельетонах Тэффи — «… этих первых впечатлениях от поездки в Польшу промелькнула тема моды» [2, с. 16].

Исследовательнице важно отметить элегантность Тэффи, которая слыла «модницей», но при этом не была законодательницей мод. Тэффи, считает И.А. Ндяй, «может учить изяществу и в частной жизни. Она была признанной жрицей элегантности и вкуса еще в старой, дореволюционной России… она пример внутренней красоты, хорошего тона, чувства меры и благородности <…> Современников привлекала ее красота, как внешняя, так и внутренняя. Она была человеком с широкой душой и большим сердцем» [2, с. 17–18]. Занимаясь поиском соответствия внешнего и внутреннего мира Тэффи, исследовательница весьма внимательна к вещному миру, поскольку считает, что вещи, которыми себя окружала Тэффи, «рассказывали о ней как о человеке больше, чем она рассказывала сама о себе» [2, с. 18].

Центральная часть исследования И.А. Ндяй состоит из трех глав. Первая глава «Модная Тэффи» содержит три раздела: «“Единственная дама литературного Парижа” (по страницам “Иллюстрированной России”)» (материал, собранный в этом разделе, стал основой одноименной выставки в Лионе); «“Снова Тэффи, похожая на Тэффи” в воспоминаниях и портретах современников» и «Тэффи в фотообъективе».

В первом разделе представлена характеристика «Иллюстрированной России» и печатавшихся там произведений Тэффи, опубликованных на страницах еженедельника рецензий на них, а также ответы Тэффи на журнальные анкеты. Исследовательница отмечает, что «Страницы “Иллюстрированной России” являются информативным источником о жизни и творчестве Надежды Тэффи» [2, с. 32], а также указывает, что «на страницах “Иллюстрированной России” найдем свидетельства активного участия Тэффи в культурной и литературной жизни парижской диаспоры» [2, с. 41], в том числе и в составе жюри конкурса красоты «Мисс Россия» [2, с. 47–61]. Название раздела «Единственная дама литературного Парижа» исследовательница позаимствовала у З.А. Шаховской из мемуарной книги «Отражения», которая более подробно будет представлена во втором разделе первой главы.

Исходным тезисом раздела «Снова Тэффи, похожая на Тэффи…» является утверждение: «Модные вещи, которые выполняли столь важную функцию в художественном мире произведений Тэффи, коррелируют с реальной жизнью писательницы» [2, с. 70]. Основное внимание И.А. Ндяй сосредотачивает на воспоминаниях о Тэффи ее современников и на сопутствующем визуальном контенте. В разделе представлены обширные цитаты из мемуаров Т.Л. Щепкиной-Куперник, И.В. Одоевцевой, З.А. Шаховской, А. Седых, очерка Н. Суражского, также упомянуты рисунки и портреты Тэффи, созданные известными художниками. История создания А.Е. Яковлевым карандашного рисунка Тэффи предваряет третий раздел первой главы «Тэффи в фотообъективе», где представлена фотолетопись жизни и творчества писательницы. И.А. Ндяй отмечает важность приведенных материалов, которые «показывают, как формировался имидж Тэффи в разные годы ее жизни, а также намечают тенденции моды 1920–1930-х гг.». Фотогалерея помогает понять, какой Тэффи «была в повседневной жизни, какой были ее привычки, пристрастия…» [2, с. 92]. С сожалением приходится указать на отсутствие комментария к приведенным фотографиям: мнение И.А. Ндяй, глубоко погруженной в тему «модной Тэффи», вряд ли оставило бы равнодушным читателя ее книги.

Вторая глава «Модные страницы» открывается разделом «Чудесный чемодан. Вся летопись счастливых дней», подготовленным, по замечанию И.А. Ндяй, на основе опубликованной ранее статьи [4, с. 109–117], в которой рассматривался вещный мир художественных произведений Тэффи и то значение, которое приобрел в нем образ чемодана. Автор монографии высказывает мнение, что «для всех поколений русских писателей-эмигрантов чемодан, а точнее, его содержимое, стал символом исторической памяти. Личные вещи, предметы повседневного быта, семейные ценности превращались в культурные артефакты, имеющие как определенные физические характеристики, так и знаковое, символическое содержание» [2, с. 130]. С этой точки зрения И.А. Ндяй проводит анализ беллетристики и мемуаристики Тэффи и приходит к выводу: «Образ чемодана у Тэффи — воплощение прошлой жизни. Вопрос про его роль в художественной картине мира не столько про идентичность беженцев, а затем эмигрантов в новых условиях, сколько про историческую и культурную память о России» [2, с. 136].

Следующий раздел второй главы, «Красота в изгнании», автор монографии начинает с аналитического обзора книги А.А. Васильева [см.: 1], в которой «собраны документы, свидетельства, фотографии, помогающие передать дух и аромат времени, особую атмосферу русской эмигрантской среды» [2, с. 138]. И.А. Ндяй отмечает произведения Тэффи, соответствующие выдвинутой концепции и развивающие «тему моды». В этом же разделе выделяется часть, озаглавленная «Модный лексикон». Соединение литературоведческого и языковедческого направлений всегда отличали исследования И.А. Ндяй, и в своей новой монографии она рассматривает лексические единицы сквозь призму того значения, которое они получают в конкретном тексте (при этом каждый пример имеет обязательное указание на название произведения). По результатам проведенного анализа составлены следующие таблицы, призванные отразить совокупность лексем, входящих в авторскую картину мира: «Одежда», «Детали одежды», «Аксессуары», «Украшения», «Уход за красотой», «Внешний вид». Затем в монографии рассматривается вопрос о характерологической функции вещи. Исследовательница отмечает ряд принципиальных моментов: «Тэффи раскрывает психологию своих персонажей через связь с миром вещей» [2, с. 227]; «Описание внешнего вида является эффективным средством портретной характеристики» [2, с. 228]; «Одновременно, отдельные детали одежды, как атрибуты исторической эпохи, являются средством добавочных сведений» [2, с. 229]. И.А. Ндяй рассматривает

тексты Тэффи как «доказательство непосредственной связи между вещами и эмоционально-личностной памятью героев <…>. Одновременно вещи становятся источником впечатлений, переживаний, раздумий, соотносятся с лично пережитым. И непременно в случае героев-эмигрантов связаны с ностальгической темой памяти о покинутой Родине» [2, с. 230]. Завершается раздел «Красота в изгнании» анализом стилистических приемов Тэффи. Особое внимание И.А. Ндяй уделяет персонификации, повторам и сравнениям. Характеризуя лексику Тэффи, автор монографии отмечает обилие прилагательных; особые формы слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами; грубую, вульгарную лексику; повторы лексических единиц и языковую игру.

Третий раздел второй главы, озаглавленный «Последний крик умирающей моды», открывается утверждением: «Октябрьский переворот изменил судьбы миллионов людей, ход всемирной истории и… массовую моду XX столетия» [2, с. 240]. Здесь рассматриваются такие темы, как «Деревенская мода», «Большевистская мода», «Детская мода», «Мужская мода», «Женская мода», «Экцентричности моды», «Карнавальная мода» и «Модные сезоны». И.А. Ндяй сопоставляет фрагменты произведений Тэффи и публикации из «Иллюстрированной России», размещенные на первой полосе журнала и в рубрике «Парижские моды».

В третьей главе, «Модный словарь», отмечается, что произведения Тэффи — «настоящая летопись истории моды начала XX в. Тексты пестрят фамилиями полузабытых сегодня имен, относящихся к миру моды… названиями магазинов модной одежды… парфюмерных предприятий… и т. д.» [2, с. 306]. И.А. Ндяй указывает, что Тэффи воспроизводит «избранные детали предметного мира, которые помогают точно воссоздать исторический и социальный фон при описании сюжета. Тексты изобилуют предметами, характерными только для русской культуры или определенного исторического времени» [2, с. 306]. Автор монографии, полностью оправдывая название главы, приводит характеристику слов и терминов из профессионального лексикона моды, сопровождая каждый случай фрагментом из того или иного произведения Тэффи.

В названии финальной — очень краткой — части монографии (ее подзаголовок: «Вместо заключения») И.А. Ндяй использует слова Тэффи, которые зафиксировала И.В. Одоевцева в книге «На берегах Сены»: «Старухой я никогда не буду. Даже в день смерти». В подтверждение выбранного заголовка приводятся воспоминания о Тэффи, характеризующие ее автоиронию и своеобразное отношение к жизни.

В своем труде И.А. Ндяй, с одной стороны, держится на расстоянии почтительного внимания к объекту исследовании, не заслоняя Тэффи ни собственной фигурой, ни избранной концепцией; а с другой стороны, автор монографии проявляет уважение к читателю, позволяя именно ему сделать выводы на основе приведенных материалов.

Одним из важных преимуществ книги является то, что она рассчитана не только на специалистов-филологов. Читатель, искренне интересующийся русской литературой (как литературой метрополии, так и зарубежья), получит возможность окунуться в захватывающий мир «печальной королевы смеха» с еще одной, ранее не изученной стороны — со стороны моды, внимание к которой Тэффи проявляла на протяжении всей своей жизни. Интерес к «модной теме» нашел отражение в художественном наследии писательницы, некогда достигшей вершин творческой славы, затем оказавшейся почти забытой на родине, которую она покинула в рядах «белой эмиграции».

Но имя «несравненной Тэффи» не кануло в забвение, ее произведения продолжают волновать читателей, а развитию интереса к «награде строгого Аполлона», как охарактеризовал творчество Тэффи Саша Черный, будет способствовать монография И.А. Ндяй, которая создавалась при содействии специалистов из Польши, России и Франции. Эта книга, написанная по-русски (исключения составляют цитаты из произведений Тэффи, опубликованных в Польше на польском языке), заслуживает распространения в России; она, безусловно, станет подарком для всех, кому дорого литературное наследие нашего Отечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Васильев А.А.* Красота в изгнании: в 2 т. / науч. ред. Е. Беспалова. М.: Слово / Slovo, 2008. 350 с. + 360 с.
2. *Ндяй И.А.* Мода в жизни и творчестве Надежды Тэффи. Ольштын: Wydawnictwo UWM, 2024. 346 с.
3. Теория моды. Одежда, тело, культура. 2006. № 1. Новое литературное обозрение. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/teoriya_mody/01_tm_1_2006/ (дата обращения 21.01.2025)
4. *Ndiaye I.A.* Чемоданная жизнь русских эмигрантов в «Воспоминаниях» Надежды Тэффи // Twórczość rosyjskiej zagranicy — satyra i memuarystyka / red. T. Marczenko, I.A. Ndiaye, D. Nikołajew. Seria: Luminarze Rosyjskiej Emigracji. Olsztyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej, 2018. C. 109–117.

5. *Ndiaye I.A.* Pod maską Talii…: o tożsamości poetyckiej Nadieżdy Teffi. Olsztyn: Wydaw. Uniw. warmińsko-mazurskiego w Olsztynie, cop. 2019. 423 s.

Источники

6. «“Единственная дама литературного Парижа…” (по страницам “Иллюстрированной России”)»: [выставка]. URL: https://sites.google.com/view/avantgardelyon (дата обращения: 11.01.2025)

REFERENCES

1. Vasil’ev, A.A. *Krasota v izgnanii: v 2 t.* [*Beauty in Exile: In 2 vols.*], sci. ed. E. Bespalova. Moscow, Slovo / Slovo Publ., 2008. 350 p. + 360 p. (In Russian)
2. Ndiaye, I.A. *Moda v zhizni i tvorchestve Nadezhdy Teffi* [*Fashion in the Life and Work of Nadezhda Teffi*]. Olsztyn, Wydawnictwo UWM Publ., 2024. 346 p. (In Russian)
3. Teoriia mody. Odezhda, telo, kul’tura [Fashion Theory. Clothing, Body, Culture]. 2006. No. 1. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/teoriya_mody/01_tm_1_2006/ (accessed 21.01.2025) (In Russian)
4. Ndiaye, I.A. “Chemodannaia zhizn’ russkikh emigrantov v ‘Vospominaniiakh’ Nadezhdy Teffi” [“Suitcase Life of Russian Emigrants in Nadezhda Teffi’s ‘Memoirs’”]. *Twórczość rosyjskiej zagranicy — satyra i memuarystyka* [Works of Russian Abroad — Satire and Memoirs], eds. by T. Marczenko, I.A. Ndiaye, D. Nikołajew. Series: Luminarze Rosyjskiej Emigracji [Luminaries of Russian Emigration]. Olsztyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej Publ., 2018, pp. 109–117. (In Russian)
5. Ndiaye, I.A. *Pod maską Talii…: o tożsamości poetyckiej Nadieżdy Teffi* [Under Thalia’s Mask…: On the Poetic Identity of Nadezhda Teffi]. Olsztyn: Wydaw. Uniw. warmińsko-mazurskiego w Olsztynie Publ., cop. 2019. 423 p. (In Polish)

Дата поступления статьи: 28 января 2025 г.
Дата одобрения рецензентами: 15 марта 2025 г.
Дата публикации: 29 декабря 2025 г.

Received: January 28, 2025
Approved after reviewing: March 15, 2025
Date of publication: December 29, 2025

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Щавлинский М.С. **И.А. Бунин в Югославии в 1937 году**

Илл. 1. Бунин в беседе с журналистами газеты «Политика».

Илл. 2. Бунин во время интервью с сотрудником «Правды».

Илл. 3. Чествование И.А. Бунина. Белград, ресторан «Аквариум», 26 августа 1937 г. Из личного архива А.Б. Арсеньева. На фотографии (видимо, рукой М.Д. Иванникова) написано: Bunin u Beogradu <Бунин в Белграде>.

Илл. 4. Чествование И.А. Бунина. Белград, 26 августа 1937 г. (РАЛ). На обороте Бунин написал: «Београд (Сербия). Ресторан “Аквариум”. 26. VIII. 1937 г. Банкет Союза писателей в мою честь. Ив. Бунин».

Илл. 5. Александр Иванович Белич, Иван Алексеевич Бунин, Ксения Орестовна Штрандман, Петр Бернгардович Струве. Фотографировал Василий Николаевич Штрандман. Опленац (?), 27 августа 1937 г. Архив А.Б. Арсеньева.

Гарциано С.А. **Французская энциклопедическая статья Марка Алданова «Les littératures non-soviétiques de langue russe» («Несоветские литературы на русском языке», 1936)**

Илл. 1–2. Титульные страницы «Encyclopédie française. T. XVII. Arts et littératures dans la société contemporaine»

Илл. 3. Обложка книги «Lénine».

Илл. 4. Автограф М.А. Алданова на французском языке.

Илл. 5–7. Эссе «Les littératures non-soviétiques de langue russe».

Антанасиевич И.Н. **Книга концертного зала Русского дома как исторический документ**

Илл. 1. Обложка и форзац Книги концертного зала.

Илл. 2. Фотографии концертного зала из Книги.

Илл. 3–4. Первая запись в Книге концертного зала.

Илл. 5–6. Программа траурного собрания в Русском доме 17 ноября 1934 г. и запись в Книге.

Илл. 7. Почетный билет на имя премьер-министра Королевства Югославия (Архив Југославије, фонд министарства вере, фонд 69, ед. хр. 392).

Илл. 8. Подпись патриарха Варнавы в Книге.

Илл. 9. Документ из Архива Югославии, подписанный директором гимназии с приглашением принцев на премьеру спектакля (Архив Југославије, фонд министарства просвете, фонд 66, ед. хр. 203–345).

Илл. 10. Театральная программка Русского общедоступного театра.

Илл. 11. Запись об открытии театра.

Илл. 12. Схема заполненности зала Русского дома во время спектакля «Свадьба Кречинского», 9 февраля 1934 г. (Архив САНУ, фонд Александра Белића: АВ-III-2467-002-1).

Илл. 13. Карикатура в журнале «Бух!».

Илл. 14. Программа «Вечера смеха» — начало гастролей В. Греч и П. Павлова.

Илл. 15–16. Записи в Книге, сделанные Ф. Шаляпиным.

Илл. 17. Запись в Книге, сделанная Ю. Морфесси.

Илл. 18. Запись в Книге с автографом И.А. Ильина.

Илл. 19. Объявление о лекции (архив ДРЗ Н-3-278).

Илл. 20. Запись в Книге с автографом А. Деникина.
Илл. 20–21. Запись о докладе П.Б. Струве в Книге.
Илл. 22. Поэтическая рецензия из журнала «Бух!».
Илл. 23–24. Карикатуры в журнале «Бух!» на П.Б. Струве и на лекции в Русском доме.

Невзорова И.М. **«Антологист» Юрий Терапиано в письмах к Елене Рубисовой**

Илл. 1. Елена Рубисова. Автопортрет (линогравюра). 1930-е. Источник: сайт «Искусство и литература Русского Зарубежья».
Илл. 2. Юрий Терапиано и Елена Рубисова. Франция. 1970-е. Фонд Ю.К. Терапиано в ЦНБСТД РФ. Публикуется впервые.

Шруба М. **Женевский архив Е.Д. Кусковой**

Илл. 1. Фотооткрытка с видом Женевы с воздуха.
Илл. 2. Обратная сторона фотооткрытки с объяснительной записью.
Илл. 3. Листок с «юбилейными стихами» Дон-Аминадо (автограф). Строфы 1–4.
Илл. 4. Листок с «юбилейными стихами» Дон-Аминадо; оборот. Строфы 5–6.

Альтшуллер М.Г., Глушаков П.С. **Материалы И.З. Сермана и Е.Г. Эткинда в архиве М.Г. Альтшуллера и Е.Н. Дрыжаковой (инскрипты и рецензия)**

Илл. 1. Инскрипт И. Сермана (1966).
Илл. 2. Инскрипт И. Сермана (1967).
Илл. 3. Инскрипт И. Сермана (1973).
Илл. 4. Инскрипт И. Сермана (1980).
Илл. 5. Инскрипт И. Сермана (1988).
Илл. 6. Инскрипт И. Сермана (1997).
Илл. 7. Инскрипт Е. Эткинда (1973).
Илл. 8. Инскрипт Е. Эткинда (1980).
Илл. 9.Суперобложка и обложка книги Е. Эткинда «Материя стиха» (1978).
Илл. 10. Обложка и обложка книги Е. Эткинда «Материя стиха» (1978).

П.С. Глушаков, Д.В. Зайцев, Е.Р. Пономарев. **К институциональной истории русской эмиграции: проекты Русского университета и Института русской культуры (В.Е. Максимов и Е.Г. Эткинд)**

Илл. 1. Письмо В. Максимова (1976).
Илл. 2. Письмо Е. Эткинда В. Максимову (1976).
Илл. 3. Письмо Е. Эткинда В. Максимову (1976).

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

АРЗ — Архив Русского Зарубежья, см. Архив Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына (Москва)
Архив ДРЗ — Архив Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына (Москва)
БФРЗ — Библиотека-фонд «Русское зарубежье» (Москва) (с 2009 г. ДРЗ, см. ниже)
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ДРЗ — Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына (Москва)
ИМЛИ РАН — Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук (Москва)
ЛН — Литературное наследство, научная серия ИМЛИ РАН
МГУ — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)
ПСС — Полное собрание сочинений
РАЛ — Русский архив в Лидсе (Лидс, Великобритания) — Leeds Russian Archive (Leeds, Great Britain)
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
РО ИРЛИ РАН — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
ЦНБСТД РФ — Центральная научная библиотека Союза театральных деятелей Российской Федерации (Москва)
Архив Југославије — Архив Югославии (Белград, Сербия) — Архив Југославије (Београд, Србија)
Архив САНУ — Архив Сербской Академии Наук (Белград, Сербия) — Архив српска академија наука и уметности (Београд, Србија)
Книга — Книга концертного зала Русского дома (1933–1936), Архив Русского дома в Белграде (Белград, Сербия) — Руски центар за науку и културу «Руски дом» (Београд, Србија)
BAR — Архив русской и восточно-европейской истории и культуры (Бахметевский архив) (Нью-Йорк, США) — The Archive of Russian and East European History and Culture (Bakhmeteff) at Columbia University (New York, USA)
BHA — Архив дома Бялика (Тель-Авив, Израиль) — Bialik House Archive (Tel Aviv, Israel)
BDIC — Библиотека современной международной документации (Нантер, Франция) — Bibliothèque de documentation internationale contemporaine (Nanterre, France)

CZA — Центральный сионистский архив (Иерусалим, Израиль) — The Central Zionist Archives (Jerusalem, Israel)
Geneva Graduate Institute. Archives & Special Collections — Женевский институт послевузовского образования. Архивы и специальные коллекции (Женева, Швейцария) — Geneva Graduate Institute. Archives & Special Collections (Geneva, Switzerland)
HIA — Архив Гуверовского института. Стэнфордский университет (Калифорния, США) — Hoover Institution Archives. Stanford University (California, USA)
JIA — Архив Института Жаботинского (Тель-Авив, Израиль) — Jabotinsky Institute Archives (Tel Aviv, Israel)
T-RZIA — Русский Зарубежный Исторический Архив (Прага, Чечия) — Russkij zagraničnyj istoričeskij archiv v Prage (Prague, Czech Republic)

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

EMIGRANTICA

Выпуск 3

Составитель Е.Р. Пономарев
Научный редактор Е.Р. Пономарев
Редакторы А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев
Переводчик А.В. Протопопова
Выпускающий редактор Е.А. Андреева

Макет тома *А.Б. Башкова*
Компьютерная верстка *А.Б. Башкова*

Подписано в печать 27.12.2025
Формат 60x90 1/16 Усл.-печ. 37. Тираж 300

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
121069 г. Москва, ул. Поварская, д. 25 а
Тел. (495) 690-05-61

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт» 109316, г. Москва,
Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

ISBN 978-5-9208-0836-3